

15 лет советского строительства

15 лет

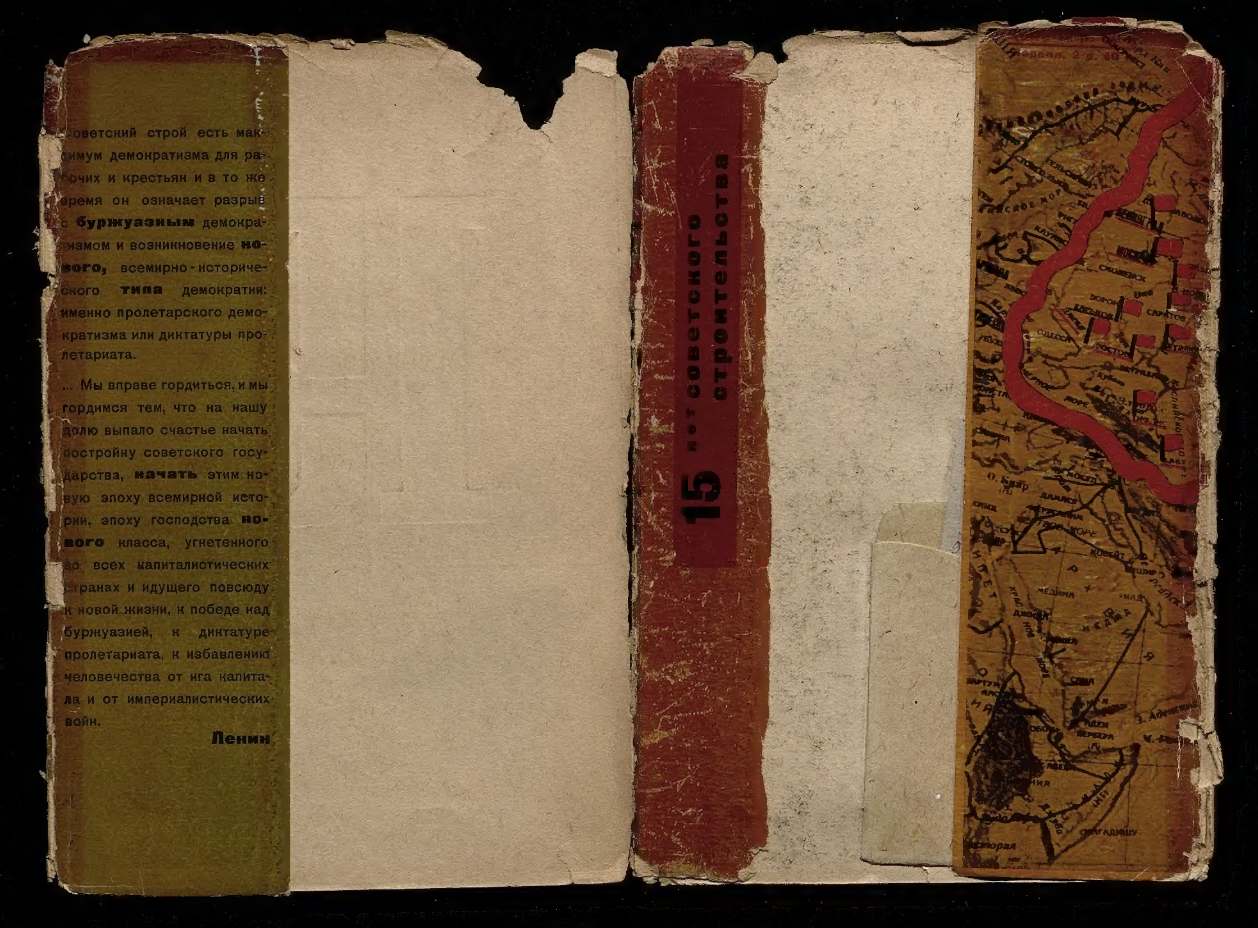
советского строительства

ОГИЗ — гос. издательство „Советское законодательство“ — 1932

Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с **буржуазным** демократизмом и возникновение **нового,** всемирно-исторического **типа** демократии, именно пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата.

... Мы вправе гордиться, и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства, **начать** этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства **нового** класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала и от империалистических войн.

Ленин

Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с **буржуазным** демократизмом и возникновение **нового,** всемирно-исторического **типа** демократии: именно пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата.

... Мы вправе гордиться, и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства, **начать** этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства **нового** класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала и от империалистических войн.

Ленин

15 лет советского строительства

1917-1932

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

Учред. Собрание постановляет:

I 1. Россия объявляется ~~социалистической~~ республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2. Советская российская республика учреждается как федерация советских республик ~~нацио~~ национальных, на основе свободного союза свободных наций.

~~2. Основные реформы~~

II Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение ~~совер~~ ~~шен~~ деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, ~~упрочение~~ с осуществлением социалистической организации общества и ~~достиже~~ победы социализма во всех странах, Учред. Собрание постановляет далее:

1. Частная собственность на землю отменяется. Вся земля, ~~со всеми постройками~~, инвентарем и прочими принадлежностями с.-х. производства, объявляется достоянием всего трудящегося народа.

II

2. Фабрики, заводы, рудники, жел. дороги и прочие средства производства и транспорта в собственность государства рабоче-крестьянского.

Как первый шаг к полному переходу к обеспечению власти трудящегося народа над эксплуататорами, подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Нар. Хозяйства.

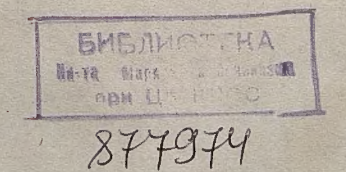
3. Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из под ига капитала.

4. В целях уничтожения паразитических слоев общества вводится всеобщая трудовая повинность; подробная разработка законов о ней предоставляется органам советской власти.

5. В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

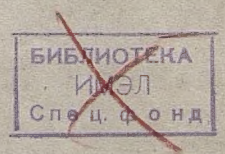
III. 1. Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, Учр. Собрание всец...

1917-1932

Коммунистическая академия

Институт советского строительства и права

Сборник статей под редакцией Е. Пашуканиса

государственное издательство
советское законодательство — 1932

15 лет советского строительства

К XV годовщине
Октябрьской революции

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

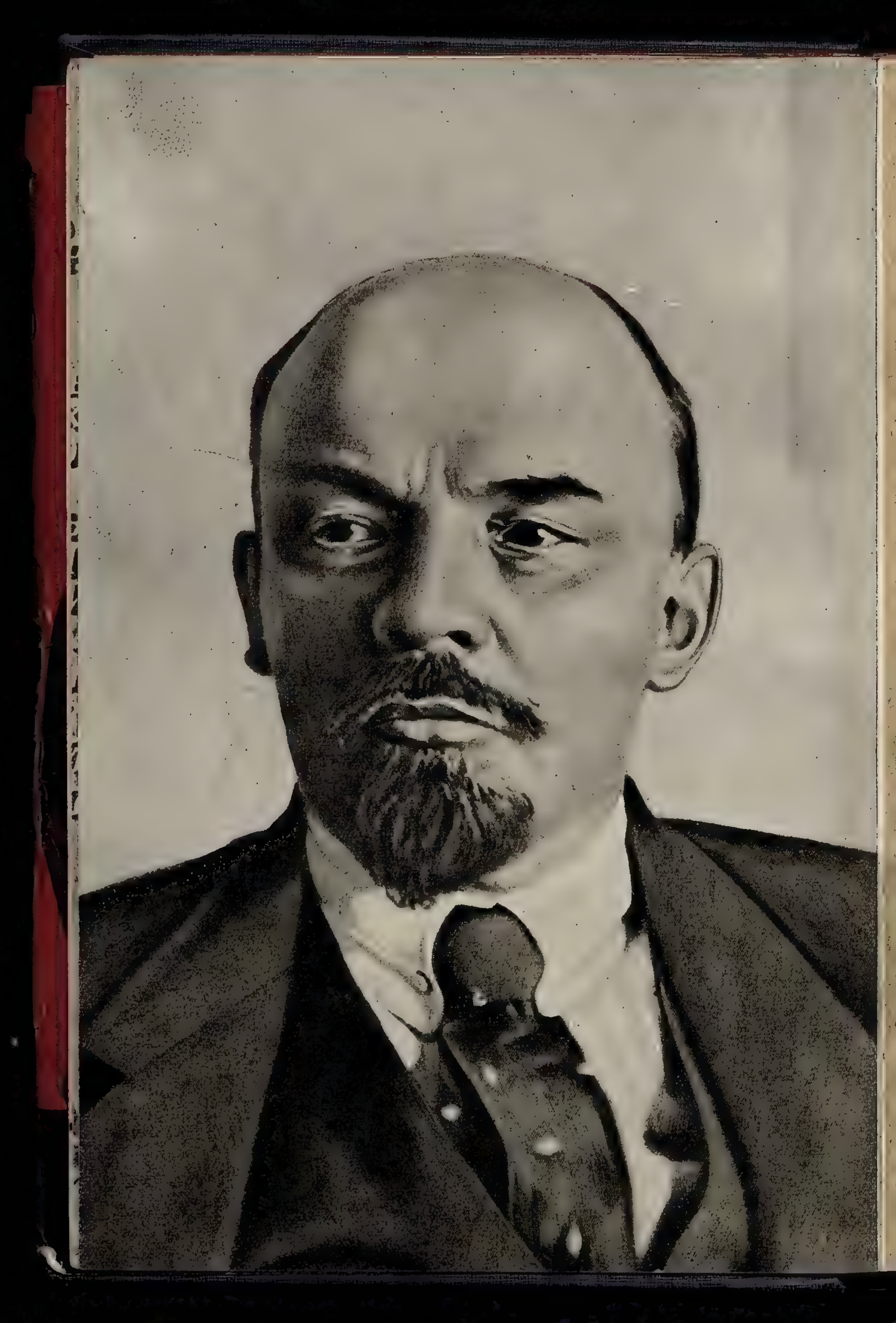
ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУ ССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКО РАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБ

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВНАЯ ЗАДАЧА РАССЧИТАННОЙ НА НА
ХОДНЫЙ МОМЕНТ КОНСТИТУЦИИ Р.
ЧАЕТСЯ В УСТАНОВЛЕНИИ ДИКТАТУ
И СЕЛЬСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА И БЕ
ЬЯНСТВА В ВИДЕ МОЩНОЙ ВСЕРО
ТИ, В ЦЕЛЯХ ПОЛНОГО ПОДАВЛЕНИЯ
ИЧТОЖЕНИЯ ЭКСПЛОАТАЦИИ ЧЕЛОВ
И ВОДВОРЕНИЯ— —СОЦИАЛИЗ
НЕ БУДЕТ НИ— —ДЕЛЕНИ
ОСУДАР— —СТВЕН
СКАЯ— —РЕ
О— —

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т. е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в **подчинении** одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди **привыкнут** к соблюдению элементарных условий общественности **без насилия** и **без подчинения.**

Ленин

Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. **Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти, вот марксистская формула.** Это „противоречиво“.? Да, „противоречиво“. Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику.

Сталин

Советская система, как форма пролетарской диктатуры, дает нам образец сочетания орудия диктатуры пролетариата (вооруженные силы, аппарат управления, централизованная государственная власть) с невиданной в мире самодеятельностью миллионов трудящихся, с широкой самостоятельностью и инициативой местных органов власти

Каганович

Вопреки „пророчествам“ врагов и несмотря на продолжающиеся с их стороны попытки бешеной борьбы с советской властью, вопреки сомнениям и мелкобуржуазному неверию оппортунистов, — в нашей стране вопрос о победе социализма решен, и победа социализма в Союзе ССР полностью обеспечена

VI с‘езд советов
Союза ССР

пятнадцать лет

Е. Пашуканис

Пятнадцать лет существует государство советов. Пятнадцать лет развевается красное знамя пролетарской революции над территорией, охватывающей одну шестую часть земного шара. Грандиозное, всемирно-историческое значение этого факта, лучше всего можно представить путем сравнения с высшей точкой, которую достигло революционное рабочее движение в XIX веке, с Парижской коммуной.

В 1871 г. впервые в мировой истории государственная власть попала в руки рабочего класса. Но Парижская коммуна просуществовала всего два с небольшим месяца. Она не имела времени, чтобы провести сколько-нибудь значительные изменения в социально-экономическом укладе. Все ее существование было наполнено отчаянной борьбой не на жизнь, а на смерть с буржуазией, с версальцами. Парижская коммуна оставалась правительством одного города, столицы Франции, отрезанной от всей остальной страны войсками версальцев и пруссаков. Парижская коммуна была раздавлена, утоплена в крови раньше, чем она смогла приступить к достижению той исторической цели, которую она себе поставила. Восстание парижских рабочих вошло в историю как первая геройская попытка осуществить диктатуру пролетариата.

Республика советов, которая родилась из Октябрьской революции 1917 г., сложилась в мощное государство, самое мощное, какое лишь знала история. Отразив наступление бесчисленных врагов, окончив победоносно гражданскую войну, пролетариат Советской страны справился с задачей восстановления разрушенного народного хозяйства, укрепил неразрывный союз рабочих с основными массами крестьянства при сохранении руководящей роли за пролетариатом, при сосредоточении всех командных высот народного хозяйства в руках пролетарского государства.

Закончив восстановительный период, Советская республика стала на путь социалистической реконструкции, проводя большевистскими темпами индустриализацию, создавая собственную техническую базу тяжелой промышленности и машиностроения как основу для социалистической переделки всего народного хозяйства. На путях коллективизации и строительства совхозов Советская республика разрешила труднейшую задачу обобществления сельскохозяйственного производства, подрубила корни капитализма в сельском хозяйстве, ликвидировала кулачество как класс на основе сплошной коллективизации, завершила фундамент социалистической экономики и сейчас стоит на пороге всемирно-исторической задачи окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще и построения бесклассового социалистического общества.

Парижская коммуна оставила глубокий след в сознании мирового пролетариата, но она за свое кратковременное существование не имела возможности активно влиять на международные отношения. Советская республика выступает как мощный фактор на международной арене, привлекая симпатии трудящихся всего мира, являясь оплотом революционного движения пролетариата капиталистических стран и колониальных и полуколониальных народов.

Осуществив революционный выход из империалистической войны, пролетариат Советской страны показал образец социалистической внешней политики опубликованием тайных договоров, отказом от захватов и насилий, проведением в жизнь принципа самоопределения наций. Образование Союза советских социалистических республик дает первый в истории пример мирного сожительства и братского сотрудничества трудящихся разных наций в деле строительства социализма, в создании своей советской государственности, в строительстве культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Факт существования и укрепления Советского союза является важнейшим элементом всеобщего кризиса капиталистической системы, показателем ее распада и умирания. Все мировое развитие совершается сейчас под знаком борьбы двух систем. «При теперешнем мировом положении, писал Ленин в 1920 г., после империалистической войны, взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистических наций с советским движением и советскими государствами, во главе которых стоит Советская Россия» [1].

Парижская коммуна, хотя она существовала недолгое время, успела внушить животный ужас буржуазному обществу. Буржуазная печать изливала потоки грязной клеветы на коммунаров, объявляя их дикими, бессмысленными мятежниками, бандой преступников. Представители буржуазной науки старались успокоить буржуазию, доказывая, что Коммуна — это только мимолетный исторический эпизод, вызванный неудачной для Франции войной, что эти события никогда больше не повторятся. Оппортунисты со своей стороны прилагали все усилия к тому, чтобы вытравить из сознания трудящихся память о Коммуне. Они намеренно искажали и предавали забвению уроки Коммуны, проповедуя мирную эволюцию, которая-де приведет постепенно к социализму без гражданской войны, без захвата власти рабочим классом.

Буржуазия и оппортунисты общим хором заклинали страшный для них призрак первого рабочего правительства и успокаивали друг друга, что этот призрак канул в вечность и не вернется никогда. Но геройская попытка коммунаров принесла свои плоды. Уроки Коммуны, внимательно и любовно изученные Марксом и Лениным, впитались в сознание лучших передовых революционных рабочих, учтены и соединены с их собственным опытом классовой

---

[1] Ленин. Доклад Комиссии по национальному и колониальному вопросам. Заседание 26 июля 1920 г. Доклады и речи на II конгрессе Коминтерна, т. XXI, изд. 3, с. 352.

борьбы, с их стремлениями к созданию такой организации, которая была бы способна заменить угнетательскую буржуазную государственную машину, сломать ее, подавить сопротивление эксплоататоров, обеспечить пролетариату руководство широчайшими массами трудящихся и в первую очередь крестьянства для построения социализма. Парижская коммуна была задушена, но ее преемниками явились советы, государственная власть, которая близка и понятна любому трудящемуся на всем земном шаре.

Ленин на всем протяжении своей революционной деятельности не переставал обращаться к опыту Парижской коммуны. Его статьи, посвященные памяти Коммуны, звучали как призыв к революционной борьбе, являлись руководством к действию. Вожди II Интернационала вспоминали о Коммуне и ее геройских защитниках в дни годовщины только затем, чтобы, отбыв эту повинность, вернуться к своей оппортунистической практике, к проповеди мирной парламентской борьбы и парламентского соглашательства. Возложив торжественно венок на могилы коммунаров, они шли обратно на парламентские заседания, в примирительные камеры, за кооперативные прилавки и каждым шагом своей повседневной работы отрицали и позорили дело борцов Парижской коммуны, наследниками которых они себя изображали.

Для Ленина исторические уроки Парижской коммуны прежде всего заключались в том, что «Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции»[1]. Коммуна показала лишний раз, что классовая борьба пролетариата при известных условиях неизбежно выливается в форму вооруженной борьбы и гражданской войны. «Бывают моменты, писал Ленин, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках»[2]. Во имя этого опыта Коммуны Ленин вел войну с оппортунистами, с меньшевиками, с Плехановым по вопросу о вооруженном восстании. Ленин учил рабочий класс, как надо готовить восстание, как надо руководить восстанием, подчеркивая, что решающим вопросом революции является вооружение рабочих, что первейшей задачей для буржуазии является отнятие оружия у пролетариата. В 1871 г. попытка Тьера разоружить парижских рабочих послужила началом столкновения буржуазного правительства и революционных рабочих. В 1917 г. эту же цель — разоружения пролетариата — ставило себе Временное правительство, заявив об этом открыто устами меньшевика Церетелли.

Ленин полностью применил все то, что дал марксизм, что дал опыт Коммуны для анализа декабрьского восстания 1905 г. и для организации победоносного восстания в Октябре 1917 г.

До мировой войны оппортунисты, меньшевики и даже так называемые германские «левые» во главе с Розой Люксембург выступали против большевиков по вопросу о вооруженном восстании, обвиняя последних в «путчизме», в заговорщической, блан-

---

[1] Ленин. Уроки коммуны т. XII, изд. 3, с. 163.
[2] Ленин. Уроки комуны, т. XII, изд. 3, с. 164.

кистской тактике. Они доказывали, что восстание нельзя подготовлять и организовывать, что оно возникает органически, стихийно. Откровенные оппортунисты, те просто утверждали, что при новой военной технике никакие восстания невозможны, что баррикады и прочие формы вооруженной уличной борьбы отошли в область истории. При этом они имели наглость ссылаться на искаженное ими же самими предисловие Энгельса к «Классовой борьбе во Франции», изображая Энгельса в качестве проповедника легальности во что бы то ни стало.

В XX веке окончилась относительно мирная полоса развития капитализма. Мир вступил в эпоху войн и революций. Мировая война 1914—1918 гг. превратила оппортунизм в социал-шовинизм. Проповедники «мирного врастания» в социализм выступили в роли палачей пролетарской революции. Достаточно вспомнить подавление спартаковского восстания в Германии, убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта, подавление советских республик в Венгрии и Баварии, подавление Рурского восстания в 1920 г. и восстания рабочих Гамбурга в 1923 г., кровавые расправы в колониях, белый террор в Польше и на Балканах. Реформизм превратился в социал-фашизм; развращение классового сознания пролетариата сочетается у них с прямым подавлением, с беспощадным террором, который должен сломить волю рабочего класса, запугать его, внушить убеждение в несокрушимости капиталистического строя.

Но неудачи и поражения закаляют ряды революционных рабочих, они вызывают шатания и растерянность только у мелкобуржуазных попутчиков пролетариата. Говоря о судьбе Парижской коммуны и об уроках декабрьского восстания 1905 г., Ленин написал знаменательные слова, которые можно полностью приложить к тем неудавшимся подавленным восстаниям, которые имели место в послевоенный период: «Пусть оба эти грандиозные восстания рабочего класса, писал Ленин, подавлены, — будет новое восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов пролетариата и из которого с полной победой выйдет социалистический пролетариат» [1].

Одной из слабых сторон Парижской коммуны было пренебрежение военными действиями. Вожди Коммуны не использовали того решающего перевеса сил, который они имели над версальцами в первые недели, когда правительство Тьера не имело в своем распоряжении достаточно войск. Вместо того, чтобы наступать на Версаль и захватить правительство, вожди Коммуны дали возможность Тьеру сговориться с пруссаками, вернуть пленных французских солдат, стянуть войска, которые были брошены против Парижской коммуны.

Коммуна не применяла мер решительного и беспощадного подавления к эксплоататорам и версальским заговорщикам. За это великодушие буржуазия отплатила коммунарам кровавой баней. Наше пролетарское государство создало ВЧК-ГПУ—карающий меч

---

[1] Ленин. Уроки Коммуны, т. XII, изд. 3, с. 164.

революции, обращенный против контрреволюционных заговорщиков, спекулянтов, бандитов, создало трибуналы и суды как органы, охраняющие диктатуру пролетариата, революционную законность и общественную собственность как основу нового общественного строя.

Вожди парижского пролетариата в 1871 г. погрешили против основных положений марксова учения о восстании, которое Ленин развил и разработал применительно к новым условиям борьбы пролетариата в эпоху империализма. Перед Октябрем Ленин снова и снова напоминает партии и рабочему классу слова Маркса, что «восстание, как и война, есть искусство» и что «из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1. Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо итти до конца.

2. Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3. Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4. Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5. Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало «моральный перевес»[1].

Ленин восстановил марксово учение о восстании. Он обогатил его опытом нашей революции 1905 г., показавшей как новую форму борьбы соединение всеобщей стачки с восстанием. Рабочий класс Советской страны, одержав победу в Октябре, продолжал строительство вооруженных сил, создав мощную Красную армию для защиты своих завоеваний, для защиты дела пролетариата во всем мире.

Красная армия — это непосредственное продолжение рабочих боевых дружин 1905 г. и красногвардейских отрядов. Это подлинная пролетарская классовая армия, вооруженная сила пролетарской диктатуры. В Красной армии нашел себе с самого начала выражение союз пролетариата с основными массами крестьянства при сохранении руководящей роли за рабочим классом.

Рабоче-батрацкая прослойка в Красной армии составляет около 40% (против 34% к началу 1931 г. и 23,8% в 1927 г.), среди крестьянской части красноармейцев свыше 60% колхозников, а в некоторых частях колхозники составляют 80—90%.

По своему составу Красная армия в точности отражает те сдвиги, которые произошли в нашей стране и в частности в деревне. Она состоит в большинстве из рабочей и крестьянской молодежи, охваченной энтузиазмом социалистической стройки. Десятки тысяч ударников, которые ежегодно приходят в армию с фабрик

---

[1] Ленин. Советы постороннего, т. XXI, изд. 3, с. 319—320.

и колхозов, приносят с собой большевистские темпы работы, изобретательство, соцсоревнование.

Демократизм Красной армии ярко проявляется в той исключительной, невиданной в мире спайке, которая существует между трудящимися и красноармейцами. Шефство рабочих над красноармейскими частями, помощь со стороны красноармейцев путем субботников, путем выполнения полевых работ на колхозных полях дают яркие примеры этой спайки. Ленин часто любил повторять слова, которые он услышал от старухи-крестьянки в Финляндии, что после Октябрьской революции она перестала бояться «человека с ружьем». В этом В. И. усматривал символ Октября. Вооруженная сила, которая веками служила как орудие насилия над трудящимися, как оплот гнета и эксплоатации, разбита, заменена вооруженными отрядами рабочих и крестьян, несущими освобождение от капиталистического рабства.

Подлинно демократический, революционно-пролетарский дух Красной армии особенно ярко проявляется в отношениях красноармейцев и комсостава. Полнейшее доверие, теснейшая спайка, товарищеские отношения между начсоставом и красноармейской массой — это первое, что поражает каждого наблюдателя, в особенности иностранцев.

Пролетарская прослойка среди начсостава растет из года в год. На 1/I 1931 г. среди комсостава насчитывалось 33,2% рабочих и батраков. Члены партии среди командного состава составляют 57%. Подавляющее большинство командного состава — это участники гражданской войны. Еще выше процент рабочих и партийцев среди курсантов. На 1/I 1931 г. мы имели 61% рабочих и батраков, 48% коммунистов, 37% комсомольцев.

Прием в военные школы в 1931 г. по сухопутным войскам дал 79,4% рабочих и батраков и 91% коммунистов и комсомольцев.

Руководящая роль пролетариата и его авангарда — коммунистической партии — растет с каждым годом. В общем составе РККА коммунисты и комсомольцы составляют 55%. За один только 1931 г. партийная организация рабоче-крестьянской Красной армии выросла на 45%, а комсомольская — на 34%. В 1931 г. было принято в Красную армию 3 000 высшего, старшего и среднего комсостава и 20 000 младших командиров. Рабочая прослойка в партийной организации Красной армии выросла с 50,5% на 1/I 1929 г. до 64,4% на 1/I 1932 г.

Успехи социалистической индустриализации, сплошная коллективизация и ликвидация на ее основе кулачества как класса, повышение материального благосостояния трудящихся, организационно-хозяйственное укрепление колхозов — все это увеличивает мощь нашей Красной армии. Вместе с этим растет и крепнет авторитет коммунистической партии. Коммунистическая партия является вождем, руководящей, направляющей силой в Красной армии, а партийная организация последней — одним из лучших отрядов ВКП(б).

Попытки, предпринимавшиеся в свое время троцкистами, противопоставить Красную армию партии и партийному руководству

были пресечены в корне. Партийная организация Красной армии вместе со всей партией давала и дает отпор всем разновидностям оппортунизма, в особенности правому оппортунизму как главной опасности на данном этапе, как кулацкой агентуре в рядах партии.

Связь Красной армии с коммунистической партией запечатлена кровью на полях гражданской войны. Десятки тысяч коммунистов, направляемых в армию, своим примером, стальной выдержкой, дисциплиной и самопожертвованием спаяли воедино красноармейские ряды. Свыше 50 000 большевиков погибло смертью храбрых на фронтах гражданской войны.

Красная армия была и остается любимым детищем партии и Центрального комитета. Известно, какую огромную роль сыграл в создании и строительстве Красной армии Ленин, как велика и значительна роль т. Сталина, одного из самых выдающихся организаторов наших побед в гражданской войне, как много испытаннейших большевиков и крупнейших политических работников посвятило себя целиком делу Красной армии, начиная с первого красного командира, луганского пролетария т. Ворошилова.

В рядах Красной армии молодой рабочий и крестьянин получает не только боевую подготовку. Он проходит хорошую политическую школу. Свыше 37 000 чел. учится в вечерних армейских партшколах, против 17 911 чел. в прошлом году. Вдвое выросло против прошлого года число красных командиров, учащихся в комвузах партактива. Почти 100% членов и кандидатов партии и комсомольцев охвачено низовой партийно-просветительной сетью. Таков размах работы по политическому просвещению. Благодаря громадной воспитательной и учебной работе наши красноармейские части представляют собой настоящие кузницы кадров, где готовятся работники советского аппарата, избачи, кооперативные и колхозные работники, трактористы, шоферы, мотористы и т. д. Отпускники-красноармейцы у себя на селе являются застрельщиками колхозного строительства, инициаторами социалистического соревнования, ударничества. Из года в год Красная армия дает стране сотни тысяч активных, политически грамотных строителей социалистического хозяйства. Значительный процент демобилизованных красноармейцев имеется среди председателей сельсоветов, членов исполкомов и других работников низового советского аппарата.

Наше советское государство изжило национальную рознь и вражду, организовавшись как союз свободных народов, предоставляя каждой нации развивать свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию, проводя политику устранения фактического неравенства между отсталыми и передовыми нациями. Наша Красная армия является школой сближения разных наций, школой интернационального воспитания и борьбы с великодержавным шовинизмом и национализмом.

Образование национальных частей Красной армии, где обучение красноармейцев ведется на их родном языке, является одним из сильнейших рычагов в коренизации кадров. В то время как все армии капиталистического мира стремятся развить в солдате дух

тупого шовинизма, сделать из него послушное орудие империалистической политики, вытравить его классовое самосознание, Красная армия готовит сознательного бойца за дело рабочего класса, за братство народов, за дело мировой пролетарской революции.

Советское правительство вело и ведет последовательную политику мира. Она находит себе выражение в тех договорах о ненападении, которые мы уже заключили и предлагаем заключить всем государствам. Она находит себе выражение в проекте всеобщего и полного разоружения, который мы внесли на Женевскую конференцию. Красная армия относительно территории и населения самая малочисленная армия из всех армий крупных государств мира. У нас на тысячу населения приходится 3,5 военнослужащих, во Франции (без колоний) насчитывается 17 военнослужащих, в Польше — 10,1, в Румынии — 11,9 и т. д.

Мирная политика Советского союза вытекает из самого его существа как государства, где власть принадлежит трудящимся. Советский союз не нуждается ни в новых территориях, ни в рынках, которые завоевываются силой. Мы являемся принципиальными противниками империалистической политики и доказали это на деле своим выходом из империалистической войны, опубликованием тайных договоров, своей политикой по отношению к восточным народам. «Мы не хотим быть ни молотом для слабых народов, ни наковальней для сильных. Мы ни того, ни другого не желаем, мы за мир» (Сталин).

Наша мирная политика вызывает к себе симпатии широчайших народных масс во всех странах света и затрудняет империалистам реализацию их планов интервенции. Нашей задачей является попрежнему мобилизовать массы на борьбу с угрозой войны, ежечасно заботясь о повышении обороноспособности СССР.

Мы переживаем бурный подъем нашего социалистического хозяйства. В странах капитализма господствуют кризис и развал; только одна отрасль промышленности дает сверхсметные прибыли — это военная промышленность. Деловые круги капиталистической Европы и Америки с невероятным цинизмом рассуждают о войне, как о прибыльном деле, которое создает спрос и обеспечит выход из кризиса.

Как бы ни сложились события в ближайшее время, одно можно сказать с полной уверенностью: СССР создал армию, которая, по словам Ленина, «первый раз в истории знает за что она борется и за что приносит жертвы». Эту истину не мешает помнить господам империалистам, сочинителям планов интервенции и меморандумов о покорении Советского союза. Пусть знают они, что Красная армия и с нею вся страна, как один человек, повторяют со всей силой убеждения, с гранитной твердостью слова, сказанные т. Сталиным на XVI партсъезде:

«Ни одной пяди чужой земли мы не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

Парижская коммуна и ее опыт занимают видное место в развитии Марксова учения о диктатуре пролетариата. В «Коммуни-

стическом манифесте», который вышел накануне 1848 г., Маркс подвел первые общие итоги исторического развития, обосновал всемирно-историческую роль пролетариата как борца за социализм и сделал вывод, что пролетариат не может выполнить этой своей исторической миссии иначе, как свергнув буржуазию, установив свое политическое господство, превратив государство в «пролетариат, организованный как господствующий класс».

Но в «Коммунистическом манифесте» еще не был поставлен конкретно вопрос о том, какова должна быть судьба буржуазного государственного аппарата.

В дальнейших своих работах, в частности в работе «Восемнадцатое Брюмера», посвященной перевороту Наполеона III и вышедшей в 1852 г., Маркс уже уточнил эту сторону дела. Он говорит там, что задача пролетариата по отношению к буржуазной государственной машине состоит не в том, чтобы передавать ее из рук в руки, а в том, чтобы сломать и разбить эту военную, бюрократическую машину.

Наконец, в документе, который вышел из-под пера Маркса через два дня после того, как пала Парижская коммуна, в адресе I Интернационала Маркс подчеркивает этот же тезис, доказанный опытом Коммуны, а именно, что рабочий класс не может просто овладеть государственной машиной буржуазного государства и пустить ее в ход для своих собственных целей.

В предисловии к «Коммунистическому манифесту» 1872 г. Маркс и Энгельс указали, что именно в этом единственном пункте относительно необходимости слома буржуазной государственной машины «Коммунистический манифест» нуждается в поправке и в уточнении.

Во II Интернационале эти важнейшие положения Маркса о задачах пролетарской революции по отношению к буржуазному государству были буквально погребены под горами оппортунистического мусора. Самая мысль о том, что переход власти в руки пролетариата означает создание государства нового типа, означает новую высшую ступень в развитии демократии, была полностью чужда виднейшим теоретикам II Интернационала. Их теоретический кругозор, даже когда они говорили о пролетарской революции, не шел дальше парламентарной демократии.

Они полностью игнорировали опыт Парижской коммуны; они прошли мимо уроков революции 1905 г. Между тем Парижская коммуна показала первый пример того, как надо ломать и разбивать буржуазную военно-бюрократическую государственную машину. Она уничтожила постоянную армию — вооруженную силу, находящуюся в руках буржуазии, подчиненную командованию, которая составляет часть привилегированных классов. Она заменила ее вооруженной силой, стоящей на стороне интересов трудящихся. Коммуна отвергла парламентаризм и буржуазный принцип разделения властей, организовавшись как деловая коллегия, как учреждение, которое занимается не только разглагольствованием и не только издает законы, но сама исполняет, проводит в жизнь эти законы и в то же время находится под непосредственным

контролем избирателей, могущих в любой момент отозвать тех представителей, которые их не удовлетворяют. Коммуна уничтожила привилегии чиновничества, лишила высших чиновников их крупных окладов, установила для всех должностных лиц, в том числе для членов коммуны, оклады, не превышающие средней заработной платы квалифицированного рабочего. Коммуна провела последовательное отделение церкви от государства и экспроприировала церковное имущество.

Советы развили и усовершенствовали все зачатки, все принципы Парижской коммуны, развернув их до полной силы, до полного значения, подняв их на высшую ступень. «Республика советов, писал Сталин, является таким образом той искомой и найденной наконец политической формой, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма. Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением» [1].

Парижская коммуна порвала с принципами буржуазного парламентарного строя. Она явилась прообразом для советов. Но советы не просто повторили Парижскую коммуну. Они дали нечто новое и более высокое; в советах пролетариат нашел свою собственную форму, им самим целиком созданную, выросшую непосредственно на почве классовой борьбы пролетариата.

Городская коммуна в прошлом, в средние века, — это организация, которая была создана купечеством, ремесленниками, отчасти мелким городским людом для борьбы с духовными и светскими феодалами. Это была организация, в рамках которой развертывались классовые битвы привилегированных слоев городского патрициата с цеховыми ремесленниками, мастеров с подмастерьями, городской буржуазии с неимущим людом, с «чернью».

В эпоху Великой французской революции городские коммуны и в первую очередь коммуна Парижа представляли собой наиболее демократическое, наиболее последовательно революционное крыло мелкой буржуазии и примыкавших к ней рабочих. Парижская коммуна являлась той силой, которая плебейскими методами осуществляла буржуазные задачи революции. В 1871 г. рабочие Парижа показали, как можно использовать эту организационную форму, наполнив ее новым содержанием, поставив перед ней новые цели. Парижская коммуна 1871 г. выступает перед нами как зародышевая форма диктатуры пролетариата.

Советы с самого первого дня своего существования носят резко выраженный классовый пролетарский характер. Они родились в борьбе именно пролетариата, их происхождение связано с таким специфическим пролетарским орудием борьбы, как стачка. Советы возникали в теснейшем взаимодействии с профессиональными союзами, которые имели представительство в советах. На буржуазно-демократическом этапе революции советы воплощали собой гегемонию пролетариата, выступая как зародышевые органы революционной власти, как органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 9, с. 36.

Ленинское учение о движущих силах революции 1905 г., о задачах пролетариата в смысле доведения до конца буржуазно-демократической революции и борьбы за ее перерастание в революцию социалистическую — открывало перед советами всемирно-исторические перспективы. Недаром Ленин в 1920 г., давая анализ прошлому, писал:

«Получился такой факт, что те основные вопросы (советская власть и диктатура пролетариата), которые занимают теперь внимание сознательных рабочих во всем мире, оказались поставленными практически в конце 1905 г.» [1].

Историческое значение советов было указано со всей точностью в проекте большевистской резолюции к объединительному съезду, написанной Лениным. В этой резолюции мы читаем: «Принимая во внимание: 1) что советы рабочих депутатов стихийно возникают на почве массовых политических стачек как беспартийные организации широких рабочих масс; 2) что эти советы неизбежно изменяются в ходе борьбы как по своему составу, включая в себя наиболее революционные элементы мелкой буржуазии, так и по содержанию своей деятельности, превращаясь из чисто стачечных организаций в органы общереволюционной борьбы; 3) что, поскольку эти советы являются зачатками революционной власти, их сила и значение зависят всецело от силы и успеха восстания...; 4) что при расширении деятельности и сферы влияния советов рабочих депутатов необходимо указывать на то, что такие учреждения, не опираясь на революционную армию и не свергая правительственных властей (т. е. не превращаясь во временные революционные правительства), неизбежно осуждены на падение; поэтому вооружение народа и укрепление военной организации пролетариата должно быть рассматриваемо как одна из главных задач таких учреждений во всякий революционный момент [2].

Если большевистская партия указывала советам единственно возможный путь развития, путь вооруженного восстания и превращения в органы революционной власти, то оппортунисты-меньшевики стремились принизить и извратить роль советов, сведя их к органам революционного самоуправления. На этой же точке зрения стоял Троцкий. Меньшевики пытались использовать советы для того, чтобы протаскивать свою идею «широкой» рабочей партии. Под флагом «самодеятельности» рабочего класса меньшевики проповедывали ликвидацию сплоченной, выдержанной, подлинно революционной подпольной партии, и замену ее расплывчатыми беспартийными организациями.

Борьбу за диктатуру пролетариата они хотели заменить буржуазно-либеральной рабочей политикой. «Меньшевики и либералы, писал Ленин в 1905 г., хотят заслонить в его (рабочего) сознании идею всенародной русской революции идеей (брентановской) классовой борьбы... Социал-демократия же хочет наобо-

---

[1] Ленин. К истории вопроса о диктатуре, т. XXV, изд. 3, с. 432.

[2] Ленин. Тактическая платформа к объединительному съезду РСДРП т. IX, изд. 3, с. 44—45.

рот развить классовую борьбу пролетариата в руководящее участие его во всенародной русской революции»[1].

После Октябрьской революции советы стали интернациональной формой революционной власти не только для передовых капиталистических стран, но и для отсталых колониальных стран; на востоке советский тип государства должен явиться той политической формой, которая легче всего и быстрее всего может обеспечить перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. С помощью Союза советских социалистических республик отсталые страны, где еще не развился капитализм, смогут перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Условиями организации советов является такое обострение революционной ситуации, такое соотношение классовых сил, при котором практически ставится вопрос о подготовке восстания, о захвате власти.

«Ставить вопрос об организации советов как центров революционного движения без предложения о подготовке восстания и захвата власти — это значит скатываться к меньшевистской постановке вопроса о роли советов как органов самоуправления, это значит возрождать старую троцкистскую теорию о превращении советов в органы городского самоуправления»[2].

Характерно, что троцкисты в свое время спекулировали мнимо революционными лозунгами о немедленной организации советов в Китае, не желая считаться с тем, что политическая обстановка не созрела для постановки этого лозунга. Зато на следующем этапе революции, когда советы в Китае стали реальностью в ряде районов и существуют, опираясь на Красную армию, Троцкий выступил как защитник учредительного собрания. В то же время Троцкий заявляет теперь, что советы вообще не являются обязательной формой революционной организации.

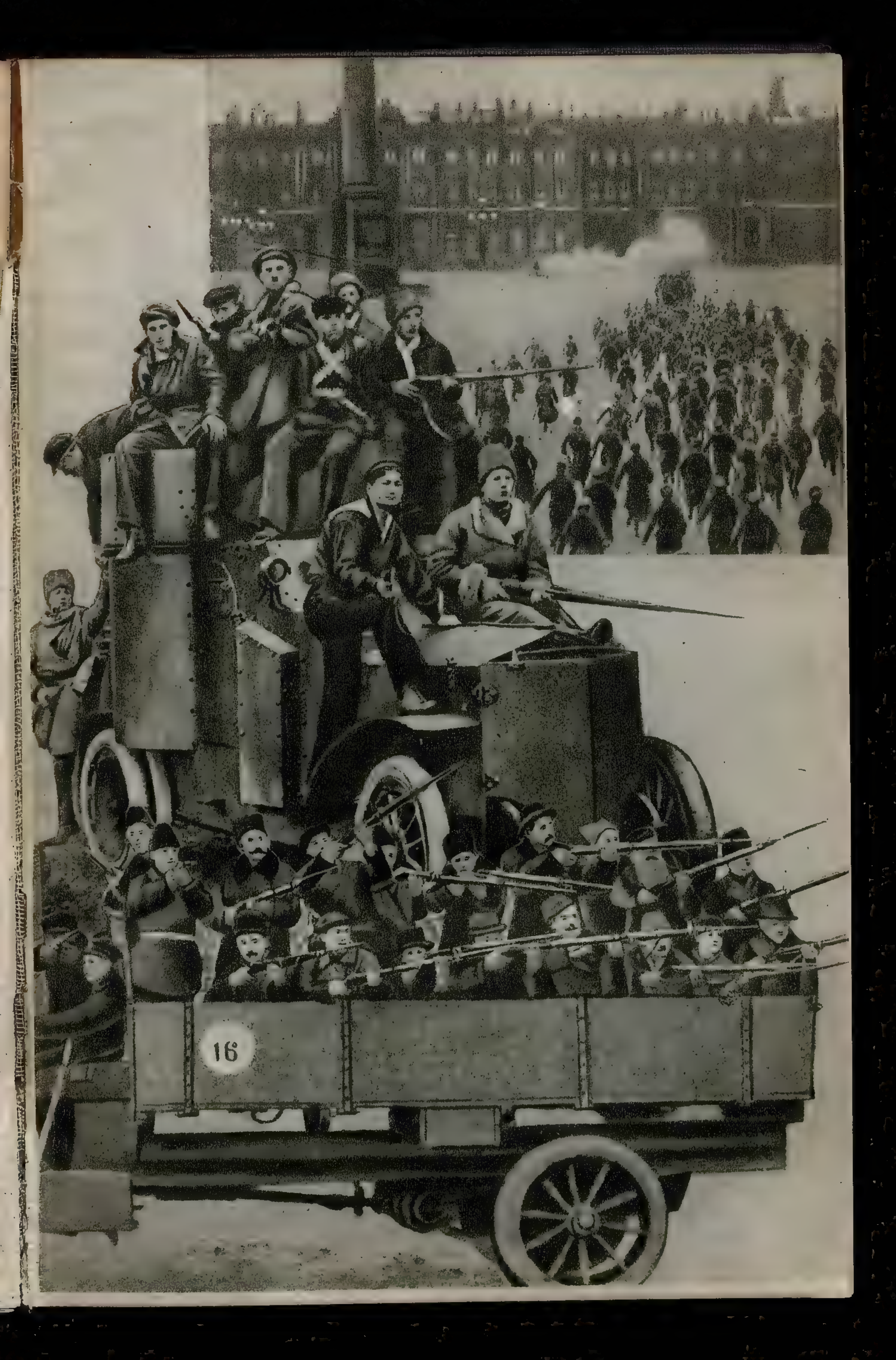
«По господствующему ныне официальному взгляду, пишет он, пролетарская революция может совершаться только с помощью советов, причем советы возникают непосредственно для целей вооруженного восстания. Этот шаблон абсолютно никуда не годится»[3].

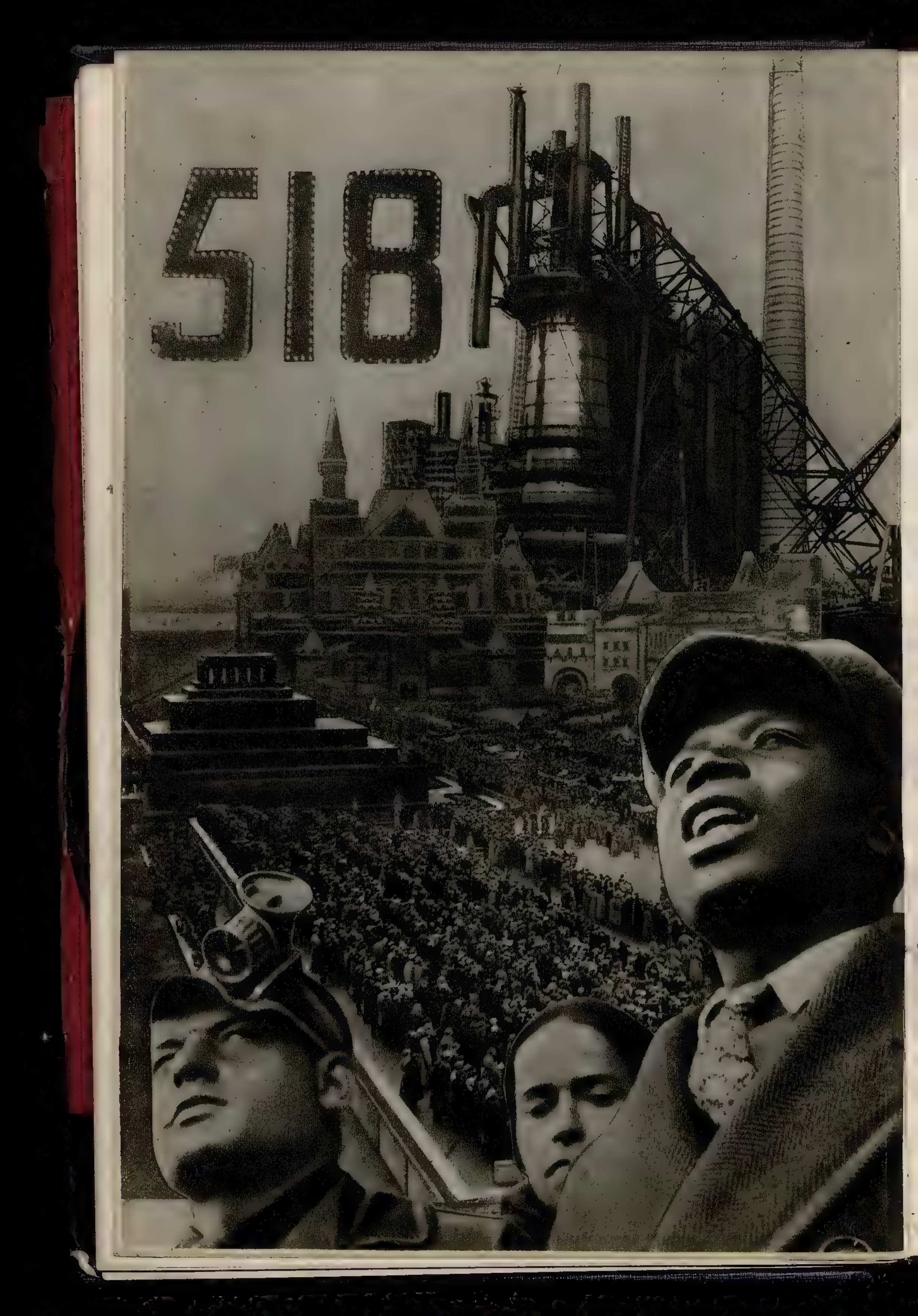
Это еще одна лишняя иллюстрация тому, как троцкизм выполняет свою роль передового отряда буржуазной контрреволюции.

Меньшевики в 1905 г. пытались использовать факт возникновения советов для борьбы против ленинского учения о партии и против ленинской партии. В 1917 г. они пытались выхолостить советы, сведя их к безвластным и бессильным говорильням, к ненужным придаткам в системе «общедемократических» учреждений. Эту же линию проводил международный меньшевизм, в первую очередь германская социал-демократия, выступавшая в 1918 г. как основная боевая сила буржуазной контрреволюции. 19 декабря 1918 г. на 7 заседании 1 съезда рабочих и солдатских депутатов

---

[1] Ленин. Две тактики. т. VIII, изд. 3, с. 113.
[2] Л. Каганович. Партия и советы, с. 35.
[3] Троцкий. О рабочем контроле над производством. Берлин, 1932 г.

16

518

Германии с.-д. Макс Коген, выступавший с докладом на тему «Национальное собрание и советы», заявил: «Что бы ни думали о советах рабочих и солдатских депутатов, а я о них держусь довольно благоприятного мнения, во всяком случае советы рабочих и солдатских депутатов выражают только частичную волю, но ни в коем случае не волю всего народа»[1].

Характерно, что в числе прочих аргументов в пользу национального собрания как выразителя «воли всего народа», Макс Коген приводит на первом месте соображения шовинистического и великодержавнического порядка.

Вместо того, чтобы указать, что германская революция будет проводить политику пролетарского интернационализма, что она порывает с угнетательским и великодержавническим наследием германской империи, этот, с позволения сказать, социалист громит поляков сепаратистов и выступает как стопроцентный буржуазный патриот.

«Товарищи, взывал он, мы имеем дело с сепаратистскими стремлениями, к которым нужно отнестись весьма серьезно. Я не имею в виду при этом Эльзаса-Лотарингии, а также чисто польские округа, и то и другое мы должны считать утерянным, ибо мы не в состоянии удержать эти части против их воли в составе Германской империи, хотя мы, это я тоже хочу сказать на этом месте, со всей силой, какая у нас есть, должны будем выступить против далеко идущих экспансионистских стремлений поляков по отношению к немецким областям». И, напомнив далее о сепаратизме южной Германии, докладчик делал следующий вывод: «по моему твердому убеждению, которое, как я знаю, разделяется очень многими, только германское национальное собрание будет иметь достаточный моральный авторитет для того, чтобы удержать вместе эти стремящиеся к разъединению части»[2].

Меньшевики и эсеры в 1917 г. и в 1918 г. выдвигали те же аргументы великодержавнического шовинизма в пользу «всевластного учредительного собрания».

Во имя этой «общенародной» воли были совершены убийства вождей рабочего класса—Розы Люксембург и Карла Либкнехта, во имя этой «общенародной» воли Носке организовал монархическую военщину, топил в крови рабочие восстания. Под лозунгом демократии и Веймарской конституции социал-фашисты организовывали наступление на рабочий класс, поддерживали правительство Брюнинга, призывали голосовать за Гинденбурга, расчищали путь к фашистской диктатуре фон-Папена и Гитлера.

На 15 году пролетарской революции Советы стоят твердо и несокрушимо, обеспечивая растущее благосостояние трудящихся масс, на основе победы социалистических форм хозяйства и полную ликвидацию классов, как перспективу второй пятилетки. 14 лет спустя после Германской революции, преданной и задушен-

---

[1] Протоколы первого съезда рабочих и солдатских депутатов Германии, нем. изд., с. 106.

[2] Там же.

ной социал-демократией, Германия стоит перед монархической реставрацией, перед угрозой разгрома рабочих организаций.

Основные начала советской государственности были теоретически выяснены еще до Октябрьской революции в работах Ленина.

Ленинское учение о советах и советском государстве не явилось на свет сразу в законченном виде. Оно имело свои этапы, которые четко обозначил т. Сталин в одном из своих выступлений. В 1915 г. Ленин, рисуя перспективу победы социализма в одной стране (статья «О лозунге Соединенных штатов Европы»), еще говорит о демократической республике, как политической форме господства пролетариата.

«Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию,—писал Ленин,—будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к социализму. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата. Невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой и упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами»[1]. Цепляясь за слова «демократическая республика», Зиновьев пробовал как известно намекать, что в данном случае Ленин имеет в виду не социалистическую, а буржуазную республику. Эту бессмыслицу опровергает самый текст Ленина, в котором говорится о борьбе социалистических республик. Указав на это, т. Сталин следующим образом разъясняет, почему Ленин говорит в данном случае о демократической республике, а не о советском государстве.

«Ленин не знал еще в 1915 г. советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата. Ленин знал еще в 1905 г., что отдельные советы являются зачатком революционной власти в период свержения царизма. Но объединенную в государственном масштабе советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата... Ленин открыл лишь в 1917 г. и подробно разработал вопрос об этой новой форме политической организации переходного общества летом 1917 г. главным образом в своей книге «Государство и революция»[2].

Таким образом одинаково ошибаются как те, которые считают, что теоретическая разработка проблем государства переходного периода начата Лениным только в годы империалистической войны, так и те, которые не желают считаться с историческим развитием взглядов Ленина.

История пятнадцатилетнего существования государства пролетарской диктатуры свидетельствует о небывалой прочности и устойчивости той государственной формы, которая создалась в процессе глубочайшей социальной революции и все эти годы служила и служит рычагом небывалых по своей грандиозности преобразований.

[1] Ленин. О лозунге Соединенных штатов Европы, т. XVIII, изд. 3, с. 233.
[2] Сталин. Об оппозиции. Статьи и речи. Изд. 1928 г., с. 520.

Начиная с «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа», принятой III Всероссийским съездом советов, и с основных начал Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом, и вплоть до 15-й годовщины Октябрьской революции, мы видим неуклонное развитие и укрепление одних и тех же принципиальных основ. Интересно в этом отношении сравнить конституционную историю великих буржуазных революций с историей Советской конституции на протяжении первого пятнадцатилетия. Во Франции, начиная с 1789 г., сменились цензовая конституция 1791 г., демократическая конституция 1793 г., термидорианская конституция III года, конституция VIII года и, наконец, империя. Смена принципов, форм правления, быстрый взлет и такой же упадок демократических учреждений, переход от конституционной монархии к республике, к диктатуре революционной мелкой буржуазии в лице якобинского клуба и Совета парижской коммуны, затем падение этой диктатуры, возвращение к власти крупной буржуазии и, наконец, военная диктатура Наполеона.

Такая же смена политических форм характеризует эпоху Великой английской революции XVII века. После казни Карла I и установления республики с 1649 по 1660 г. в Англии сменилось несколько конституций, созвано и разогнано Кромвелем несколько парламентов. Так же как и во Франции военная диктатура уступила место реставрированной королевской власти.

Полную противоположность этой неустойчивости, этой пестрой смене политических форм, быстрого движения вперед, сменяющегося столь же быстрым попятным движением, представляет собой история развития государства пролетарской диктатуры.

Невольно вспоминается при этом блестящее место из «18 Брюмера» К. Маркса, где он сравнивает буржуазную и пролетарскую революции.

«Буржуазные революции, писал Маркс, как например, революции XVIII века быстрее стремятся от успеха к успеху, их драматические эффекты импозантнее, люди и события как бы озарены бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня; но они быстротечны, скоро достигают своего высшего пункта и продолжительное настроение похмелья охватывает общество прежде, чем оно успевает трезво усвоить себе результаты периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, каковы революции XIX века, непрерывно критикуют самих себя, то и дело прерывают свой ход, возвращаются назад и заново начинают то, что, повидимому, уже совершено, с беспощадной суровостью осмеивают половинчатость, слабость, недостатки своих первых попыток, низвергают противника как будто только затем, чтобы он набрался новых сил и встал перед ними еще более могучим, все снова и снова отступают назад, пугаясь неопределенной колоссальности своих собственных задач, пока, наконец, не будут созданы условия, исключающие возможность всякого отступления, пока сама жизнь не заявит властно: Hic Rhodus, hic salta!» [1].

[1] Маркс. 18 Брюмера Луи Бонапарта, гл. I. Собрание сочинений Маркса и Энгельса, изд. 1921 г., т. III, с. 138.

В то время, как деятели буржуазных революций стремились всячески гарантировать абсолютную прочность и незыблемость провозглашаемых ими конституций, на деле эти конституции либо вовсе не применялись, либо имели весьма кратковременное существование.

Авторы советской конституции и большевистская партия, руководящая советским государством, никогда не претендовали на абсолютную незыблемость и неизменность наших законов, в том числе и конституции, и не предлагали для этого никаких искусственных гарантий.

Но на деле классовая структура советского государства, тот факт, что власть в нем принадлежит самому последовательному революционному классу современного общества, обеспечивает небывалую прочность, устойчивость и незыблемость основных положений его конституции. Эта устойчивость не заключает в себе ничего статического, окостенелого, наоборот, советское государство за истекшие 15 лет проделало такой путь развития, осуществило такие сдвиги, по сравнению с которыми самая быстрая эволюция буржуазно-капиталистических государств покажется мертвым застоем. Советское государство именно потому сохраняло небывалую устойчивость своих начал, что оно являлось инструментом глубочайшей и коренной социальной революции. Советская конституция именно потому оставалась незыблемой в своих основах, что она неизменно и постоянно на всех этапах имела своей задачей «гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и осуществления коммунизма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» [1].

При неизменности основных начал советского строя как государственной формы диктатуры пролетариата, наша политическая система допускает с чрезвычайной легкостью всякого рода перестройку, обеспечивающую как свободу развития каждой национальности, так и укрепление связи между ними в целях подавления эксплоататоров и построения социализма. Примером может служить, во-первых, само образование СССР, затем такие факты как размежевание Средней Азии и появление в результате этого двух новых союзных республик — Тукменской и Узбекской, выделение Таджикистана в самостоятельную (седьмую) союзную республику и т. д.

С другой стороны, целый ряд изменений, внесенных за последнее время как в союзную, так и в республиканские конституции, носят структурный характер и отражают необходимость приспособления нашей государственной организации к новым требованиям социалистического строительства. Приведем в качестве примера те изменения союзной конституции, которые были внесены постановлениями VI Всесоюзного съезда советов 17 марта 1931 г. К ним относятся: ликвидация округов, преобразование Госплана

[1] Конституция РСФСР, ст. I (в ред. пост. XIV Всероссийского съезда советов 18/V 1929 г.).

из комиссии при СТО в комиссию при СНК Союза на правах самостоятельного наркомата, переход к единому финансовому плану, как к высшей форме ведения планового хозяйства, образование союзного Наркомзема, разделение Наркомторга на Наркомвнешторг и Наркомснаб, выделение Наркомвода, ликвидация наркомвнуделов и организация двух главных управлений (милиции и коммунального хозяйства). Все эти изменения отражают рост социалистического сектора народного хозяйства в результате успешного осуществления индустриализации страны и совхозно-колхозного строительства и потребность в большей оперативности и конкретности руководства различными областями социалистического строительства. Эта конкретность и оперативность руководства достигается, с одной стороны, разукрупнением центральных органов, а, с другой стороны, расширением прав низовых звеньев советской системы и в первую очередь укреплением района как основного звена.

Советское государство за истекшие 15 лет явилось инструментом небывалых по своей грандиозности социально-экономических, социально-политических и культурных сдвигов. Исчез полностью класс помещиков, которым до революции принадлежало — 53 млн. десятин земли. С корнем вырвано это наследие крепостничества. Отменена частная собственность на землю вообще. Земля и важнейшие средства производства составляют собственность государства. Ликвидированы полностью получатели земельной ренты, эти паразиты в квадрате.

Для ликвидации класса помещиков и всех остатков сословно-крепостнического строя Октябрьской революции понадобилось буквально несколько недель. «Нельзя спорить против факта, что мелкобуржуазные демократы восемь месяцев «соглашались» с помещиками, хранящими «традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков и все их традиции смели с лица земли русской до конца» [1].

Эта работа была проведена столь основательно, что в дальнейшем потребовались лишь небольшие «зачистки» (декрет 1925 г. о выселении бывших помещиков, еще остававшихся в своих усадьбах).

Уничтожение частной собственности на землю, национализация банков, внешней торговли, транспорта, национализация всех главнейших средств производства—передал в руки пролетарского государства командные высоты народного хозяйства. Если в первый период нэпа мы имели относительное оживление частнокапиталистических элементов в промышленности и в торговле, то с началом развернутого социалистического наступления удельный вес частных предприятий быстро падает. Сплошная коллективизация и ликвидация на ее основе кулачества как класса подрезали корни капитализма в деревне. Если в 1928 г. было всего 1,7% коллективизированных хозяйств, то в 1931 г. уже 62% крестьянских

---

[1] Ленин. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции, т. XXIII, изд. 3, с. 25

хозяйств объединено в колхозах. В посевную кампанию весны 1932 г. 4/5 посевной площади падает на социалистический сектор (совхозы и колхозы). Выполнение пятилетнего плана в четыре года означает колоссальный рост производительных сил в социалистических формах.

Советский союз и царская Россия, это два мира, отделенные целой пропастью не только в социально-политическом, но и в экономическом и в техническом отношениях. Нищая соломенная Россия, Россия, зависящая целиком от ввоза иностранных машин, и Советская страна, страна Днепростроя, Магнитогорска, страна промышленных гигантов, страна тракторов и комбайнов собственного машиностроения. Если в 1913 г. Россия производила всего 1,9 млн. квт/час. электрической энергии, то в 1932 г. СССР вырабатывает 17 млн. квт/часов. Если в 1913 г. Россия производила 9,2 млн. тонн нефти, то в 1932 г. СССР производит 27,4 млн. тонн нефти. Производство угля в 1913 г. составляло 29,4 млн. тонн, в 1931 г. — 56 млн. тонн; производство чугуна соответственно 4,2 и 5 млн. пудов. В 1913 г. Россия не производила ни одного автомобиля, ни одного трактора. В 1932 г. производство автомобилей в СССР выразится цифрой 73 млн. руб. и производство тракторов цифрой 82 млн. руб.

В 1913 г. царская Россия производила на 56,4 млн. руб. сельхозмашин. В 1928 г. в СССР было произведено сельхозмашин на 165 млн. руб., а в 1932 г. объем этой продукции выражается цифрой 940 млн. руб. По сельскохозяйственному машиностроению Советский союз уже сейчас занимает первое место в мире.

Мощное развитие производительных сил в социалистических формах означает неуклонный рост численности и удельного веса пролетариата, в первую очередь промышленного пролетариата. На 1/1 1932 г. по всему СССР насчитывалось 19 717 тысяч пролетариев (без МТС и без батрачества). Изменение социального состава населения особенно ярко выступает в городах. Москва, имевшая в прошлом столь значительную буржуазную торговую и мещанскую прослойку, насчитывает сейчас из населения, находящегося в рабочем возрасте, 40% рабочих, 36% служащих, 6% самостоятельных (кустарн. ремесленников) и 18% прочих. Еще ярче картина в Сталинграде, где имеется 61% рабочих, 24% служащих и только 3% «прочих».

Не менее поразительны сдвиги в области культуры. Если в 1913 г. училось 8 млн. человек, то в 1932 г. охвачено учебой 20 млн. человек. Процент грамотности поднялся с 33% в 1913 г. до 67% в 1930 г. Особенно быстрый прогресс в национальных республиках. Так в Туркменистане в 1926 г. было всего 5,5% грамотных мужчин; в 1930 г. 35,4%.

Число учащихся в высшей школе 1913 и 1931 гг. возросло с 124 тыс. до 272 тыс., в средней школе с 267 тыс. до 2 млн. Из общего числа учащихся в высшей школе 66% составляют рабочие и крестьяне. По индустриальным втузам рабочее ядро составляет около 70%. Интересно сравнить социальный состав учащихся вузов в Германии и в СССР в 1930/31 г.

На 100 учащихся в вузах приходится:

	Рабочих	Крестьян	Служащих	Детей бурж.	Торгов. ремесл.	Прочих
СССР	46,9	18,9	29,9	—	—	—
Германия	2,5	4,1	38,4	21,5	22,8	10,7

Диктатура пролетариата немыслима без руководства коммунистической партии, представляющей собою высшую форму классовой организации пролетариата, которая объединяет и направляет деятельность всех других пролетарских организаций, втягивая в свои ряды наиболее сознательных, наиболее преданных, наиболее стойких борцов класса, его отборный авангард. Одной из самых слабых сторон Парижской коммуны было отсутствие единой сплоченной закаленной партии, которая могла бы руководить пролетариатом и всеми трудящимися и направлять их действия к одной цели. В Коммуне имелись прудонисты, которые стояли на позициях мелкобуржуазного анархизма, имелись последователи Бланки, недостатком которых являлось то, что они, придавая исключительное значение заговорщической организации, недооценивали роли массовых организаций. Но ни то, ни другое течение не имели отчетливого плана действий, не имели организации, которая, будучи связана с массами, могла бы руководить революционной борьбой.

Один из основных уроков Коммуны — это урок о значении партии. И большевики полностью использовали этот урок Коммуны, построив стальную партию, которая под руководством Ленина закалилась в боях с меньшевиками, с оппортунистами всех видов и оттенков.

Партия является руководящей, направляющей и решающей силой в системе диктатуры пролетариата; эта система действует с помощью различных рычагов и приводных ремней. Основной массовой организацией, через которую пролетариат осуществляет власть как господствующий класс, являются советы. Советы — это государственный аппарат нового, небывалого в истории типа. Работа советов протекает при поддержке и взаимодействии ряда других массовых организаций: профсоюзов, кооперации, комсомола, женских делегатских собраний и т. п. Крупнейшую роль играют профессиональные союзы как поголовная организация рабочего класса, как школа коммунизма. «Не имея такого фундамента как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнять государственные функции»[1]. Партия является силой, которая руководит деятельностью всех этих массовых организаций, объединяя их усилия и направляя к одной цели: уничтожению классов и построению коммунизма. Получается в высшей степени гибкий и в то же время мощный механизм, сила которого заключается в том, что между государственным аппаратом и трудящимися массами не существует никакого барьера.

[1] Ленин. О профессиональных союзах, т. XXVI, изд. 3, с. 64.

«Трудно определить юридический характер советов, жалуется один иностранный исследователь, ибо они представляют правительство и народ, государство и граждан. В совете концентрируется правительственная власть и воля народа, сила инициативы и сила исполнения. С одной стороны, он представляет народ перед центральной властью, с другой — центральную власть перед народом» [1].

Эта «трудность юридического определения» и характеризует собой наиболее сильную сторону советской системы. В этих именно свойствах заложена гарантия окончательной победы над бюрократизмом.

Как представляется система пролетарской диктатуры в целом? Всесоюзная коммунистическая партия, насчитывающая 3 млн. членов, имеющая свои ячейки на предприятиях, в колхозах и совхозах, свои фракции в советах, профсоюзах и других массовых организациях трудящихся, является руководящей и решающей силой.

Приводным ремнем от партии к массам являются профсоюзы, охватывающие 15½ млн. членов или 74% всех работающих по найму. Далее идет комсомол, насчитывающий 6 млн. членов, потребительская кооперация, охватывающая на 20/VII 1932 г. — 77 961 700 ч. рабочих, служащих и крестьян, и наконец многомиллионный советский актив, организованный вокруг секций советов, депутатских групп на предприятиях, вокруг рабкрина, сотни тысяч и миллионы рабочих, колхозников, принимающих участие в управлении государством.

Эта наша система внушает почтение людям, которых отнюдь нельзя причислить к сторонникам диктатуры пролетариата: вот, например, что заявили после своего путешествия по СССР С. и Б. Вебб — известная чета английских социал-реформистов фабианского толка:

«Что оказалось для нас совершенно новым, это — огромное разнообразие общественных организаций, в которые вовлекается население. Вместо единой государственной бюрократической армии, простирающей свое влияние на всех людей, несущей все функции и обслуживающей нужды населения данного района, мы увидели трудящихся, принимающих участие в многочисленных профсоюзных бригадах, заводских и фабричных комитетах, районных и всесоюзных конференциях, в их пленумах и президиумах. С другой стороны, трудящиеся могут быть членами самостоятельных артелей, образованных из групп кустарей и вырастающих в сильные объединения. Но трудящиеся в то же время являются и потребителями, и как потребители они также организованы в гигантские кооперативные общества, представляющие собой самые могущественные и величайшие кооперативы, какие мир когда-либо видел.

И опять-таки трудящийся потребитель является и гражданином — он заинтересован в своей деревне, в своем городском райо-

[1] Issakovitch. Le pouvvir central et le systéme é léctorale de la Russie sovietique, c. 23.

не, в своей автономной республике и наконец в великом СССР. В соответствии с этим строится система советов — районных и областных, и система конференций.

И, наконец, имеется коммунистическая партия, состоящая из членов и кандидатов; вместе с комсомольцами, пионерами и юными октябрятами — все, воспитанные в духе единой крепкой спайки, цементирующие весь комплекс социальной организации, из которой состоит нация, являющиеся совестью самой нации, стоящей на страже ее будущего не менее, чем ее настоящего.

Сильнее всего нас поразило то, что все эти различные организации не стоят, как в других странах, в оппозиции друг к другу, но, наоборот, друг другу помогают. Профсоюзы стараются поднять продукцию заводов, чтобы выполнить задания Госплана, кооперативы стараются помочь членам профсоюзов быть здоровыми и продуктивными в работе, а коммунистическая партия всегда содействует возможно большей продуктивности во всем»[1].

Именно потому, что коммунистическая партия является становым хребтом диктатуры пролетариата, именно поэтому враги советов, не решаясь открыто выступить в защиту буржуазного государства, выкидывают лозунг «Советы без коммунистов». Эта платформа объединяла белогвардейцев вроде Милюкова, зарубежных меньшевиков и эсеров, устряловцев, наконец, оппозиционеров троцкистско-сапроновского толка, кричавших о том, что партия отодвигает в сторону советы, не считается с советами.

Партия давала и дает отпор всяким попыткам оторвать советы от партии, отстранить партию от руководства, предоставив ей заниматься только пропагандой и агитацией. Такого рода предложения выдвигались Троцким перед XII съездом партии. В современных условиях при осуществлении грандиозных задач второй пятилетки, при построении бесклассового общества потребуется еще большее усиление роли партии, ее конкретного руководства во всех областях хозяйственного и культурного строительства.

Ленин учил диалектически понимать значение партии в системе диктатуры пролетариата, не противопоставляя, но вместе с тем не отождествляя диктатуру пролетариата и диктатуру партии. Это отождествление допустил Зиновьев и, поставив механически знак равенства между диктатурой пролетариата и диктатурой партии, выступил с полемикой против т. Сталина, который защищал и развивал ленинскую точку зрения.

Отождествив диктатуру пролетариата и диктатуру партии, Зиновьев должен был притти к выводу, что советы — это только «юридическая форма» диктатуры пролетариата.

«Совокупность взглядов относительно диктатуры пролетариата, писал он, можно выразить в следующих положениях: это есть диктатура класса, если мы рассматриваем дело с точки зрения социально-классовой. Это есть советское государство, советская диктатура, если мы рассматриваем дело с точки зрения юриди-

[1] „Сидней и Беатриса Вебб о своих впечатлениях в СССР". — „Известия" от 29/VI 1932 г.

ческой формы, т. е. специфически государственной точки зрения. Это есть диктатура партии, если мы рассматриваем тот же вопрос с точки зрения руководства, с точки зрения внутреннего механизма всей огромной машины переходного общества» [1].

В этом случае т. Зиновьев метод материалистической диалектики заменяет субъективным «рассмотрением с разных точек зрения». Кроме того у него совершенно выпадает существо советов как массовых организаций пролетариата, осуществляющих на деле государственную власть. Советы превращаются в голую юридическую форму. Точки зрения Зиновьева непосредственно смыкаются с утверждениями буржуазных юристов, что-де власть советов и сами советские союзные и автономные республики — это одни лишь юридические фикции, которые существуют только на бумаге, в советской конституции, а не в действительной жизни. Наконец т. Зиновьев спутал государственное принуждение, основанное в конечном счете на насилии, с сознательной дисциплиной, которую добровольно налагают на себя члены партии, исказил отношение между авангардом и классом, представлял его не в виде руководства, а в виде командования. Тов. Сталин выступал против искажения Зиновьевым ленинского учения о партии и о диктатуре, развил и обогатил это учение, поднял его на новую ступень [2].

Развитие советской пролетарской демократии можно проиллюстрировать данными избирательной статистики. Растущая политическая активность трудящихся отражается прежде всего в росте участия избирателей. Так для сельских советов мы имеем такие цифры, характеризующие процент участия в выборах по РСФСР к общему числу избирателей:

2 1922	1923	1924/25	1925/26	1927	1929	1931
2,3%	37,2%	41,1%	47,5%	47,6%	60,7%	69,1%

Бросается в глаза подъем активности избирателей и процента участвующих в выборах при вступлении в реконструктивный период. Для выборов в городские советы мы имеем такие цифры.

Участвовало в выборах в городские советы в % к общему числу избирателей:

1922	1923	1924/25	1925/26	1927	1929	1931
36,5%	38,5%	40,5%	52,0%	59,4%	70,4%	78,4%

И здесь мы видим точно такую же картину. Активность городского избирателя выше, чем деревенского, но эта разница сглаживается за последнее время на почве общего роста политической активности. Особенно надо отметить бурный рост политической активности женщин. Если в 1924/25 г. только 27,5% женщин-изби-

---

[1] См. статью „К вопросу о диктатуре пролетариата и диктатуре партии“, „Правда“ № 190 от 23/VIII 1924 г.

[2] Сталин. Вопросы ленинизма. Его же „Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии“, с. 96—100. См. также Л. Каганович. Партия и советы, гл. „Партия и государство“.

рательниц приняли участие в выборах, то в 1931 г. 75,8% женщин вовлечены в перевыборы городских советов. По сельским советам в 1924/25 г. в перевыборах участвовало 3 715 тыс. избирательниц, или 19,9% от общего числа, в 1931 г. активное участие в перевыборах сельских советов приняли 13 110 тыс. женщин, что составляет 61,7%. В составе сельсоветов на 1931 г. насчитывается 20,9% женщин. Имеются женщины-председатели сельсоветов и райисполкомов. Правда, процент их еще недостаточно велик. В 1931 г. по РСФСР было 5% женщин среди предсельсоветов и 2,6% среди председателей райисполкомов. В президиумах горсоветов женщины составляли в 1931 г. 19,9%, а среди председателей горсоветов 6,6%. В исполкомах областей процент выбранных женщин неуклонно повышается, начиная с 1920 г., когда он выражался цифрой 1,5 до 1931 г., когда он достиг цифры 18,9. В президиумах исполкомов краев и областей по РСФСР женщины составляют 8,7% [1].

Центральной фигурой на выборах в сельских местностях явился колхозник, активность которого выразилась в 79,4% участия. Для городов характерен высокий процент участия рабочих-ударников (до 100% в Ленинграде, 96,6% в Москве и т. д.). Среди избранных в городские советы промышленных центров прошел очень большой процент ударников (в Москве 97,8%, в Ленинграде около 100%, в Иваново-Вознесенске 98%).

Удельный вес рабочих с производства в составе городских советов РСФСР вырос с 38,8% в 1929 г. до 44,9% в 1931 г. В сельсоветах в 1931 г. колхозники составили 35,2% ,среди предсельсоветов — 57,2%, среди членов райисполкомов — 69,2%. Колхозник выступает как подлинная опора советской власти на селе.

Рост политической активности находит себе отражение не только в данных о перевыборах советов, но и в цифрах, характеризующих массовую работу советов, секций, депутатских групп, всевозможных добровольных обществ, работу сельских общественных и товарищеских судов, участие трудящихся в работе народного суда и рабоче-крестьянской инспекции. Учет всего актива, вовлеченного в той или иной форме в управление советским государством, дает уже не десятки, а сотни тысяч.

Советская демократия заключается в том, что трудящиеся массы вовлекаются в управление государством и в организацию производства. Так на 1/I 1932 г. по исчислениям экономстат-сектора ВЦСПС мы имели 3 236 тыс. ударников из 5 040 тыс. охваченных учетом промышленных рабочих, это означает новое громадное завоевание советской демократии. Ибо ударник, для которого «труд стал делом чести, делом доблести и геройства», выступает как сознательный строитель социалистического общества, как активный участник советской демократии. Точно так же нужно рассматривать и работу производственных совещаний. Они имеют значение не только как способ улучшить работу того или

---

[1] Данные взяты из статистического сборника „Итоги выборов в советы РСФСР в 1930-31 г“. М. 1931 г.

иного предприятия. Наряду с этим они свидетельствуют о новом отношении рабочей массы к предприятию. В 1929 г. на одно учтенное предприятие приходилось 15,6 производственных совещаний, в 1931 г.—74,8; в 1929 г. поступило от рабочих 51,5 предложений (в среднем на предприятие в год), в 1931 г. — 117,9 предложений. Экономия от проведенных в жизнь предложений составляла в 1929 г. 4 347 тыс. руб., а в 1931 г. — 33 224 тыс. руб.

Особое место в развертывании пролетарской демократии занимает печать. В то время, как в капиталистических странах так называемая «свобода печати» означает свободу для капиталистов покупать крупнейшие газеты, виднейших журналистов и превращать печать в орудие отравления сознания народных масс, печать в СССР служит важнейшим рычагом социалистического строительства; она помогает вскрывать наши недостатки, она дает возможность борьбы с ними путем развертывания самокритики, путем расширения сети рабочих и сельских корреспондентов. Гигантский рост рабселькоровского движения — это лучший показатель мощи нашей советской демократии. Вот несколько характерных цифр роста рабселькоров:

1924 г. (XIII съезд партии)	15 000
1927 г. (незадолго до XV съезда партии)	335 000
1928 г. (ноябрь)	500 000
1930 г.	2 000 000
1931 г.	3 000 000

Помимо центральных и местных газет имеется еще широко распространенная сеть стенных газет, которых в настоящее время насчитывается до полумиллиона.

Печатных заводских газет, которые начали расти после XV съезда партии, насчитывалось к ноябрю 1928 г. около 200, в 1931 г. их имеется уже свыше 2 000 с разовым тиражем не менее чем в 4 млн. экземпляров. Многотиражных (стеклографированных), колхозных и совхозных газет в ноябре 1929 г. было всего на всего три; в мае 1930 г. их было учтено более 300, в настоящий момент имеется не менее 1 000.

Наша советская печать выступает как сильнейшее оружие пролетариата в его классовой борьбе за построение социалистического общества. Печать — сильнейший рычаг воздействия на массы и организаций масс. Только у нас, в условиях пролетарской демократии, возможны такие формы связи печати с массами, как бригады, организуемые редакциями газет из рабочих на производстве для выявления и устранения неполадок, для развертывания борьбы за промфинплан. Идет ли речь о транспорте, о необходимости поднять его работу, — «Известия ЦИК» организуют эстафету между станциями Саратов — Днепропетровск по маршруту, который пересекает весь Донбасс. На всем протяжении пути создаются бригады, в которые втягиваются члены местных советов, железнодорожники и представители депутатских групп. Одно из заданий эстафеты — повернуть советы и советский актив лицом к нуждам транспорта. На каждой узловой станции проводятся митинги, совещания, мобилизуется пролетарская общественность, з

первую очередь депутатские группы. На протяжении всего маршрута издавалась специальная газета.

Реконструктивный период принес с собой подъем на новую ступень массовой работы советов. Борьба с бюрократизмом расширилась, обогатилась новыми методами и формами в виде шефства предприятий над наркоматами и учреждениями, в виде соцсовместительства. Вряд ли можно себе представить, чтобы какое-нибудь министерство в наидемократичнейшем буржуазном государстве явилось на завод, чтобы среди рабочих провести заседание, выслушать их замечания и их критику. У нас выезды коллегий наркоматов на предприятия представляют собой одну из укоренившихся форм втягивания масс в дело управления.

Семичасовой рабочий день, повышение культуры, рост пролетарских кадров быстро ведут нас к тому идеалу, когда каждый рабочий в порядке общественной нагрузки будет нести те или иные обязанности по управлению государством.

Поучительно сравнить картину последовательного, неуклонного развития пролетарской демократии в СССР с теми конвульсиями, которыми охвачена политическая жизнь капиталистических государств в эпоху всеобщего кризиса капитализма. Фашизация— таков общий всем капиталистическим государствам процесс, но он протекает неравномерно и неодинаково, принимает самые разнообразные формы, самые неожиданные черты. Мировой экономический кризис еще более обострил внутренние и внешние противоречия империализма и ускорил процесс фашизации. Буржуазной демократии довоенного образца теперь уже не найти ни в Европе, ни в Америке. Она была возможна, когда капиталистический мир чувствовал себя относительно устойчивым, когда угроза социальной революции казалась чем-то весьма отдаленным. Не в малой степени это спокойствие проистекало из факта существования царской России, в которой мировой капитал всегда видел свой последний резерв против пролетарской революции.

«Западно--европейская буржуазия, писал Ленин, чувствовала себя так спокойно в атмосфере долгого застоя под крылышком «могучей империи» [1].

Теперь этой «могучей империи» нет. Мировая война 1914 — 1918 гг. поглотила не только ее, но заодно и буржуазно-капиталистическую Россию. Вместо нее встал красный призрак Советского союза; революции 1918 г. смели империи Габсбургов и Гогенцоллернов, лозунг советов гремел по всей Европе, на востоке Октябрьская революция пробудила миллионы колониальных народов. Непосредственной политической задачей буржуазии стала организация гражданской войны для защиты своих привилегий, создание полувоенных организаций, которые могли бы вести прямое наступление на рабочий класс, громить его организации и в первую очередь коммунистическую партию, насилием и террором заставлять его склоняться под ярмо капитализма. Опираясь попеременно то на социал-демократические партии, которые превратились

---

[1] Ленин. Падение Порт-Артура, т. VII, изд. 3, с. 45.

в социал-фашистские, то на чистых фашистов, буржуазия пытается задержать колесо истории.

Нечего и говорить, что буржуазные правительства обращают очень мало внимания на предписания конституции и на «вековые традиции» парламентарной демократии. Начать с того, что редкое государство за послевоенный период не обзавелось чрезвычайным законодательством, направленным против революционного рабочего движения и против компартий. Всевозможные законы о «защите государства», о борьбе с опасными мыслями, судебные и внесудебные преследования революционных рабочих и крестьян, расстрелы демонстрантов и стачечников — такова повседневная картина политической жизни буржуазных государств. То, что в довоенный период представляло собой исключительное событие, сейчас стало самым обыденным делом. Полицейские избиения стачечников и рабочих демонстрантов и раньше нередко практиковались в «передовых» демократиях вроде Швейцарии, Франции или САСШ. Теперь вызов войск и залпы неукоснительно сопровождают каждую сколько-нибудь значительную стачку. Точной статистики этим фактам не ведется. Но вот можно взять хотя бы такую небольшую и «примерно демократическую» страну как Чехословакию: там за 7 лет существования республики (с 1918 по 1925 гг.) 26 раз имело место кровопролитие во время стачек. За последние годы применение вооруженной силы против стачечников и против безработных не сходит с порядка дня.

В той же Чехословакии, в 1931 г. в ноябре, разогнана залпами демонстрация безработных в Фрейвальде. Шесть убитых. В июне 1932 г. в Скалице (Западная Словакия) демонстрация безработных, требовавших организации общественных работ, обстреляна жандармерией. Двое демонстрантов тяжело ранены. Одновременно с этим побоищем жандармы пускают в ход оружие против рабочих, занятых на постройке железнодорожной линии у Червена Скала.

В Нидерландах, около местечка Боскуп, полицией с шашками наголо рассеивается шествие безработных. Один зарублен, несколько десятков тяжело ранено.

В Англии, в феврале 1932 г., конная полиция избивает безработных около здания парламента. В Бристоле на улицах происходит форменное побоище между полицией и безработными. В Новой Зеландии, которую социал-фашисты изображали рабочим раем, в апреле 1932 г. разыгрались настоящие бои между полицией и безработными. Буржуазия выставила в помощь полиции отряды добровольцев. Разгромлены магазины. По сообщению газеты «Манчестер Гардиан» одна из главных улиц Ауклэнда выглядела так, будто по ней стреляли шрапнелью. В результате сотни раненых пролетариев.

В «демократической» Швейцарии, в Цюрихе, в апреле 1932 г. полиция нападает на демонстрирующих стачечников, пуская в ход холодное и огнестрельное оружие. Дело доходит до баррикадных боев. Десятки рабочих тяжело ранены. В Польше, в Домброве, полиция обстреляла первомайскую демонстрацию. В декабре 1931 г. разогнан залпами митинг в Томашене (один рабочий убит напо-

вал). В Германии не проходит дня без кровавых нападений национал-фашистских банд и полиции на революционных рабочих. В Америке буржуазия пускает в ход против стачечников и безработных не только пулеметы, но и удушливые газы; во время стачки углекопов в Огайо штрейхбрехеров охраняли войска с зенитными орудиями, опасаясь, что у забастовщиков может оказаться в распоряжении аэроплан.

В соседней Канаде, в провинции Саскачеван, полиция разогнала рабочих залпами и газами, вызывающими слезоточение.

В конце июля этого года американская буржуазия расстреливает безработных ветеранов войны, которые расположились под Вашингтоном и демонстрировали, требуя выплаты пенсии. Группы солдат в газовых масках врывались в бараки ветеранов, выгоняя всех находившихся там, включая женщин и детей, и горящими головнями поджигали бараки. Газеты описывали сцены настоящих боев: «пускаются в ход слезоточивые газы, которые отравляют местность, слышатся крики, плач детей. Кашель, хрипенье, проклятье. Все это смешивается со звуками рожков, стуком танков, взрывами газовых бомб».

Так капитал ведет гражданскую войну с трудящимися, которым он не может обеспечить возможности продать свою рабочую силу.

Промышленный кризис переплетается с аграрным и влечет за собой разорение сотен тысяч крестьян и фермеров. Буржуазное государство держит наготове оружие против крестьянских масс, лишь только они начинают приходить в движение.

В апреле 1932 г. в Финляндии, в местечке Нивала, вспыхнуло крестьянское восстание, для подавления которого пришлось стянуть значительные вооруженные силы. В центральной Европе, в Польше, на Балканах учащаются случаи крестьянских движений, направленных против налогового гнета. Крестьяне изгоняют податных чиновников, оказывают сопротивление полиции, которая является описывать имущество. В Польше, в Югославии, в ряде других стран социальный гнет сочетается с национальным. В Западной Украине правительство Пилсудского применяло зверские насилия над населением целых деревень, называя это «пацификация». Даже буржуазная европейская печать вынуждена была писать о диких методах, о возвращении к средневековью. Это не помешало впрочем Лиге наций отвергнуть жалобу украинцев.

К этому надо добавить деятельность буржуазных государств в колониях: жестокое подавление восстания во французском Индо-Китае, расправы англичан в Индии, на о. Кипре, насилия над арабами в Сирии, над берберами в Морокко, кровавые подвиги голландских колонизаторов на о. Яве, зверства китайской буржуазии, которая в союзе с империалистами уничтожила десятки тысяч китайских передовых рабочих и крестьян. Еще в этом году в Сватоу нанкинцы казнили 88 рабочих за одно только участие в майской демонстрации.

Так ведет империалистическая буржуазия борьбу за свое господство, пуская в ход аппарат государства, подкрепляя его

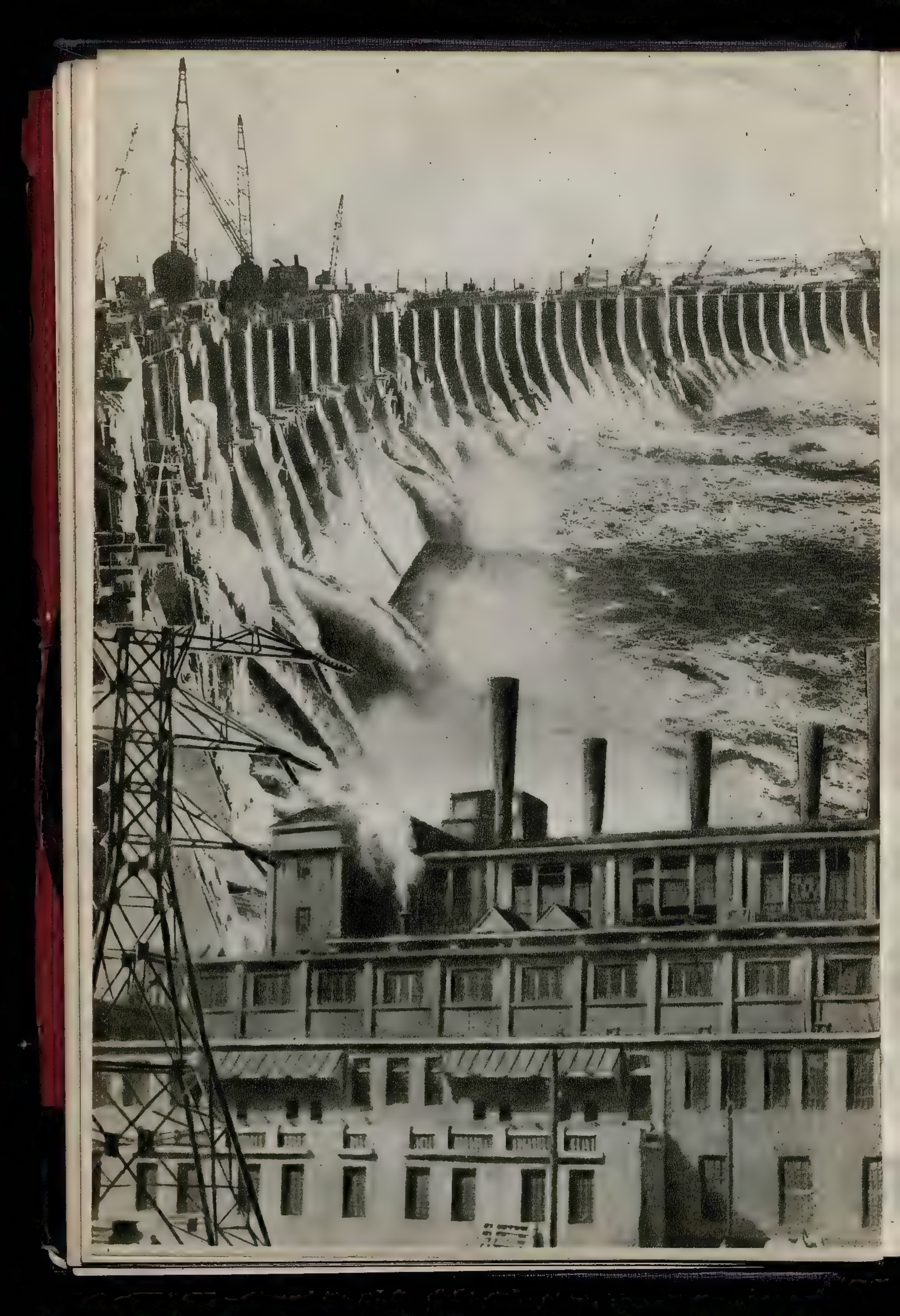
фашистскими бандами, обманывая путем ловкой демогогии разоряющуюся мелкую буржуазию, используя сотрудничество социал-фашистов.

Мировой экономический кризис, обострение классовой борьбы, проводимое капиталом наступление на рабочие организации и в первую очередь на компартию, заставляет буржуазию перестраивать свою государственную машину.

Облечение исполнительной власти чрезвычайными полномочиями практиковалось в послевоенные годы всюду, где экономические и финансовые затруднения оказывались не по плечу парламетской машине. На заре парламентаризма буржуазия боролась за право народного представительства устанавливать налоги. Теперь она ищет диктатора, который бы проводил беспощадную политику снижения заработной платы, сокращения культурных и социальных расходов, увеличения налогового бремени мелкого налогоплательщика, политику бесшабашного протекционизма и грабежа рабочих и крестьянских масс. Обычно путь решения финансовых и тарифных вопросов путем торга и соглашения различных фракций буржуазии, путем парламентских комбинаций оказывается ненадежным. На сцену выступает все то же чрезвычайное законодательство, все та же исполнительная власть, облеченная чрезвычайными полномочиями. О Германии давно уже говорили, что там из всей конституции остался в силе только § 48, по которому президент может издавать чрезвычайные декреты и приостанавливать действие конституции. В Австрии, которая по сути дела давно уже управляется международными ростовщиками, была проведена (при деятельном участии социал-демократов) конституционная реформа 1929 г. Надо сказать, что за все время существования Австрийской республики ее конституция менялась шесть раз, причем все ее изменения имеют один характер и одно направление — в сторону фашизации. Ухудшение избирательного права, усиление власти президента, расширение полицейских полномочий, усиление «авторитета» военных властей, представление правительству права издавать законы без парламента, наконец, знаменитая ст. 102, п. 7, уполномочивающий «власти предпринимать «особые» мероприятия для восстановления нарушенного общественного порядка и спокойствия». По заключению комментатора австрийской конституции, небезызвестного Кельзена, эта статья дает власти безграничную, далеко выходящую за пределы ст. 48 Веймарской конституции, возможность проводить меры, не указанные ни в каких законах и противоречащие конституции. Надо добавить, что австрийские социал-демократы голосовали за эту реформу, следуя теории «меньшего зла».

Прошлогодний осенний кризис в Англии, падение фунта, рост безработицы, восстание во флоте, бюджетные затруднения, натиск кредиторов привели к краху лейбористское министерство и к ломке всех парламентских традиций. 24 августа 1931 г. премьер-министр Макдональд разочаровался в своей собственной партии и предпочел возглавить так называемое национальное правительство, образованное им совместно с консервативной и частью либераль-

ной партиями. Это — «шаг к диктаторской власти», писал один либеральный журнал, если впредь премьер-министр в любой момент может заявить, что он желает управлять страной, выгнав из министерства своих коллег по партии и заменив их министрами из рядов других партий [1].

В самом деле от парламентской системы коллективной партийной ответственности остается очень мало. Либеральный публицист предается по этому поводу печальным размышлениям: «За исключением партийного правительства может быть две альтернативы. С одной стороны, это правительство групп со всей той коррупцией, которую она влечет за собой. Кабинет составляется из различных личностей, представляющих различные группы. Их временная поддержка покупается обещаниями должностей и участием в разделе добычи. Это парламентское правительство, каким его знает большинство стран Европы; оно представляет собой печальное зрелище. Оно ведет прямым путем к хаосу и к диктаторству как к другой альтернативе. «Сильный человек» собирает вокруг себя группу друзей. Они управляют в своих собственных интересах и клеймят всякую оппозицию как «не патриотическую». Автор заканчивает эти печальные размышления следующим выводом:

«Ясно, что новейшее развитие ведет нас прямиком к фашизму. Мы приближаемся к управлению кучки вождей, которые сами себя назначили и требуют свободы действий во имя патриотизма» [2].

Автор, как и полагается либералу, сводит фашизм к отказу от парламентских обрядностей. Он прикрывает таким образом самое существенное в фашизме — бешеное контрреволюционное наступление на рабочий класс, использование для этого особых массовых полувоенных организаций. Однако в описании внешних симптомов он не отклоняется от действительности. «Национальное правительство» преспокойно отодвинуло парламент на задний план. Повышение налогов, снижение пособий безработным, снижение заработной платы государственным служащим было проведено испытанным путем королевского указа. На это правительство уполномочивал так называемый закон об экономии. Обсуждение этого закона, а также исторического билля в таможенных тарифах, опрокинувшего традиционную политику свободной торговли, потребовало в парламенте всего пять заседаний. Так великолепно действовала парламентская гильотина. Зато теперь министерство финансов имеет право по собственному усмотрению повышать и понижать тарифы, расширять и сокращать список свободных товаров.

Так обстоит дело в Англии, в «классической стране парламентаризма». Означает ли эта тенденция к фашизму стабильность политического господства буржуазии? Нисколько. Она отражает обострение классовых противоречий, растущую неустойчивость

---

[1] См. статью Дженингса „Конституция под нажимом" в журнале „The political Quarterly" апрель—июнь 1932 г.

[2] См. указ. статью Дженингса, с. 204.

капиталистических государств, приближение того момента, когда обнаруживается со всей очевидностью, «что верхи не могут управлять по-старому».

Об устойчивости смешно говорить сейчас, когда экономический кризис размывает самую основу капитализма, когда не только отдельные предприятия, банки, концерны, но целые государства терпят крах, когда возмущение масс прорывается наружу, как подземное пламя.

Конкретная картина отличается невероятной пестротой. В Испании кризис помог свалить монархию и генеральскую диктатуру. Там буржуазия действует одновременно расстрелами и демократическим обманом, провозглашая Испанию по новой конституции «республикой трудящихся всех классов». В Венгрии парламентское «сверхстабильное» правительство Бетлена, утвердившееся на костях замученных Хорти рабочих, только что отпраздновало весной 1931 г. свой 10-летний юбилей, как в том же 1931 г. его снесло вихрем экономического кризиса, несмотря на чрезвычайные указы о «сохранении порядка хозяйственной жизни и кредита». В Югославии приближающееся государственное банкротство, восстания крестьян, бурные движения угнетенных меньшинств заставили короля Александра в сентябре 1931 г. ввести новую конституцию. По сему случаю просвещенной Европе и ее профессорам государственного права пришлось еще раз констатировать любопытный факт, а именно, что Югославия примерно в течение трех лет управлялась без всякого фигового листочка народоправия и даже без применения модных начал фашистского цезаризма, а добрыми старыми испытанными методами абсолютной монархии, какими правил Людовик XIV или Николай I.

Но приемы самодержавия так же мало гарантировали стабильность, как и лжеконституционализм, за который сейчас цепляется правительство Александра Сербского. Беспощадная эксплоатация новых приобретенных областей, их насильственная сербизация, подавление всякого стремления к автономии, свирепый террор по отношению к революционным рабочим организациям и в первую очередь к коммунистической партии, убийства, пытки—такова практика Югославской монархии, этого верного союзника французского империализма.

Можно взять для примера Румынию, где министерства смещаются и назначаются по указке парижской биржи, где все управление построено на взятках, где даже школьные учителя берут взятки за перевод детей в другой класс, а министерство народного просвещения торгует докторскими дипломами. Если у нас в Советском союзе прилагаются усилия к тому, чтобы устранить остатки фактического неравенства между национальностями путем индустриализации и поднятия культуры тех окраин, которые эксплоатировались царизмом, то румынское правительство по-своему проводит политику уравнения. В 1924 г. оно издало закон о том, чтобы в новоприсоединенных областях количество школ по отношению к населению не превышало соответствующей цифры старой Румынии. Для Семигородья и для Буковины, для

областей, которые в культурном отношении стояли выше чем Румыния, вводилось равенство неграмотности. Нечего и говорить, что области с немецким, венгерским, молдаванским, украинским населением подвергаются принудительной румынизации, что рабочее и крестьянское движение подавляется со зверской жестокостью, что знаменитая румынская сигуранца применяет пытки, в которых приемы средневековой инквизиции усовершенствованы современной техникой, в виде применения электрического тока.

Аналогичную картину представляет соседняя Польша, где диктатура пилсудчиков ведет кровавую войну против рабочего класса, против крестьянства и против угнетенных нацменьшинств. Варварская расправа с Западной Украиной, военно-полевая юстиция, применение вооруженной силы вплоть до газа против революционных рабочих — таковы характерные черты практики польской государственности.

Для полноты картины можно привести еще одно государство, на которое международный империализм возлагает особые надежды как на оплот против Китайской революции и против «советского влияния» на Дальнем Востоке, — это Япония. Когда-то молодой японский капитал нанес сокрушительный удар русскому самодержавию и этим, как писал Ленин, «ускорил всемирно-капиталистическое развитие», ускорил бег истории.

Теперь Япония выступает как оплот империалистической реакции, как «сторож порядка» на Востоке. Европейские публицисты с упоением сообщают, что японская монархия насчитывает 2 000 лет своего существования и что для самого просвещенного японца божественность микадо стоит вне сомнений. Для капиталистической реакции традиционная японская монархия такая же находка, какой раньше была царская Россия, где народ, по мнению буржуазных публицистов, «обожал царя-батюшку».

На самом же деле японская народная масса страдает от невыносимой капиталистической эксплоатации, которая развивается на полуфеодальной основе. Японское крестьянство находится в лапах земельных собственников и ростовщиков. Платежи мелкого арендатора достигают таких размеров, что семья его должна жить впроголодь. Японский рабочий подвергается невероятной эксплоатации. Нигде не распространен так широко дешевый труд женщин и малолетних как в Японии. Неудивительно поэтому, что из года в год растет число стачек и крестьянских волнений. За последние годы в Японии происходило свыше 400 стачек ежегодно. Выступления крестьян тоже учащаются из года в год и за последнее время превышают 2 000 выступлений ежегодно. Незыблемость традиционной монархии приходится подкреплять законами «о борьбе с радикально-социалистическим движением». Этот закон был принят в 1925 г. и угрожал каторжными работами или тюрьмой сроком на 10 лет всем, кто организует партию с целью изменить форму государства или уничтожить систему частной собственности.

В 1928 г., после массовых арестов коммунистов, правительство Танака видоизменило этот закон, проведя усиление репрессии.

Организаторы или вожди партии, поставившей целью изменить форму государства, караются смертью или пожизненным заключением. Характерны комментарии, которые давало японское правительство, объясняя, почему оно попытки изменения формы государства предлагает карать строже, чем даже покушение изменить форму собственности. «Форма государства — коку-таі — основана на вере народа и на всей истории, а не на конституции. Изменение формы государства означает изменение существа коку-таі, например, изменение монархической формы в республиканскую или в советскую систему. Изменение абсолютной власти императора как властелина есть изменение коку-таі» [1].

Исходя из этой средневековой доктрины, японское правительство заботливо отгораживается даже от самой безобидной демократической фразеологии, на которую так щедры капиталистические государства. При ратификации пакта Келлога правительство микадо оговорило, что слова «от имени соответствующих народов», имеющиеся в тексте договора, не относятся к Японии.

Последствия кризиса, разорение масс фермерства и мелкой буржуазии, рост революционного движения создают в Японии благоприятные условия для развития фашистской демагогии. Японская военщина стремится к завоеваниям, пытается отвлечь внимание народных масс от внутренних вопросов, задушить революционную пропаганду. В Японии капиталистический империализм, как некогда в царской России, восполняется военно-феодальным империализмом. Армия и флот занимают в Японии особое положение. Они стоят до известной степени вне системы общегражданских властей и подчинены непосредственно императору. Еще недавно один из высших чинов военного ведомства Японии развивал взгляд, что армия и флот могут не обращаться к кабинету министров для проведения тех мероприятий, которые они могут осуществить собственными силами. При заключении Лондонского договора японское адмиралтейство вступило в спор с министерством иностранных дел и с премьером, доказывая, что этот договор относится к компетенции военно-морского ведомства. Неудивительно поэтому, что более горячие головы из среды офицерства осуществляют смену кабинета при помощи револьверных выстрелов (убийство премьера Инукаи), если им кажется, что правительство проявляет слишком большую осторожность и нерешительность в своей внешней политике.

Кабинеты Пилсудского, составленные из полковников, рейхсверовское правительство фон-Папена в Германии, японское министерство Саито, образованное под диктовку военных лидеров, — все это явления одного и того же типа.

Капиталистические государства своей каждодневной практикой демонстрируют истину, которую уже давно доказал Ленин, а именно, что для капитализма закончился период сравнительно мирного эволюционного развития, что история вступила в эпоху империалистических войн и революций.

[1] См. Toyowo Ohgushi Развитие японского конституционализма после войны. Iahrbuch des offente Rechts т. XIX, 1931 г.

Советское государство своим пятнадцатилетним существованием демонстрирует всем трудящимся единственный верный путь освобождения от капиталистического рабства, от кризисов и безработицы, от ужасов империалистических войн. Этот путь беззаветной классовой борьбы пролетариата, путь его союза с основными массами крестьянства, при сохранении руководящей роли за пролетариатом, путь доведения классовой борьбы до диктатуры пролетариата и продвижения этой борьбы после завоевания власти до полного уничтожения классов.

Исторической важности решения, принятые XVII партийной конференцией, подводят итоги той грандиозной работы, которую проделали советы под руководством партии, и рисуют во весь рост новые задачи, связанные с построением бесклассового общества. Советское государство отразило натиск русской и мировой буржуазии в гражданской войне, сломило саботаж и бесчисленные заговоры, преодолело попытки обволакивания советов, попытки влияния изнутри, нанесло сокрушающий удар вредительству, сломило сопротивление кулачества, проведя его ликвидацию на основе сплошной коллективизации. В этой ожесточенной классовой борьбе была проведена реконструкция всего народного хозяйства, осуществлен пятилетний план индустриализации, создано крупнейшее в мире обобществленное сельское хозяйство.

Победы советской власти возможны были только благодаря тому, что партия неуклонно следовала учению Ленина, борясь со всеми проявлениями оппортунизма.

Партия разоблачила и разгромила буржуазную и контрреволюционную теорию троцкизма о невозможности построения социализма в одной стране. Партия нанесла решающий удар правым оппортунистам, проповедующим классовый мир и врастание кулака в социализм. Решения XVII партконференции дают теоретически обоснованный ответ о роли государства на ближайшем этапе. Вступление в период социализма требует усиления и укрепления пролетарской диктатуры. Ибо в колхозе только начинается переделка мелкого товаропроизводителя в сознательного строителя социалистического общества. Воспитание новой социалистической дисциплины труда в государственных предприятиях в свою очередь ставит перед диктатурой пролетариата и пролетарским государством ряд серьезнейших задач. Классовый враг окончательно еще не добит. Классовая борьба внутри страны будет продолжаться, обостряясь в отдельные периоды и на отдельных участках социалистической стройки. Окончательное решение вопроса «кто—кого» в пользу социализма в нашей стране ставит с особенной остротой эту же проблему в мировом масштабе.

Пролетарское государство с самого своего возникновения резко отличается по своей природе от всех доселе существовавших и ныне существующих государств. Это полугосударство, ибо функция подавления попала впервые в истории в руки громадного большинства и направлена против эксплоататоров. Именно поэтому усиление мощи этой невиданной в истории государственной власти означает накопление элементов отмирания всякого государства.

Через усиление пролетарской диктатуры мы подготовляем условия для отмирания государственности вообще.

Каждый шаг, который мы делаем по направлению к цели, т. е. к безгосударственному обществу—высшей фазе коммунизма, увеличивает мощь Советского государства, делает его еще более грозным для классовых врагов пролетариата, ибо включает в его аппарат все более широкие массы трудящихся.

Такова диалектика развития пролетарского государства, блестяще выраженная в известном положении Сталина: «Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти, — вот марсистская формула» [1].

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 3, 1931 г. ГИЗ, с. 702.

Советская федерация и национальный вопрос

И. Трайнин

Октябрь вдребезги разбил буржуазно-помещичий государственный аппарат власти, угнетавший многочисленные национальности бывшей империи и стоявший на страже их колониальной эксплоатации. Диктатура пролетариата в лице ее конкретных выразителей — советов не только привела к раскрепощению национальностей, но и перестраивает всю их экономику на социалистических началах. Только советское государство могло объединить творческие усилия многомиллионных трудящихся масс, различающихся между собою языком, бытом, экономикой и культурой, и стать мощным орудием их социалистического перевоспитания.

Сила советского государства заключается не только в применении мер принуждения, свойственных каждому государству, но главным образом в том, что оно является проводником широкой демократии, пролетарской демократии, связывающей все его рычаги с трудящимися массами и вовлекающей их в общественно-политическую работу. Только диктатура пролетариата смогла мобилизовать широчайшие массы населения СССР на такие грандиозные, невиданные в прошлом усилия, как завершение первой пятилетки в четыре года и подготовка второй пятилетки, знаменующей собой эру построения социализма и создания бесклассового общества.

Ленин в свое время подчеркивал, что «у нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом, удесятерить наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством»[1].

Чем шире советы охватывали массы, чем больше стиралась грань между трудящимися массами и госаппаратом, тем все более возрастала мощь диктатуры пролетариата. Это обстоятельство главным образом обусловливало победы на всех военных и хозяйственных фронтах и способствовало решению самых смелых и грандиозных задач социалистического переустройства страны. В борьбе с пережитками старого рутинного, чиновничье-бюрократического централизма диктатура пролетариата осуществила выдвигавшийся большевиками демократический централизм, вызывавший самодеятельность и творческую инициативу широчайших масс трудящихся всех национальностей и вовлекавший их в управление советским государством. Наиболее ярким выразителем

---

[1] Ленин. т. XXI, изд. 3, с. 264—265.

новой государственной формы в практическом решении национальной проблемы, в изживании национального антагонизма и установлении новых отношений между трудящимися бывшей господствующей нации и трудящимися бывших угнетенных национальностей является советская федерация.

Вопросам федерации большевики и в частности Ленин еще в бытность РСДРП уделяли не мало внимания. Богатый в этом отношении опыт давало международное рабочее движение, в котором роковую роль сыграл, и играет еще до сих пор, опыт анархистской федерации. Во имя ее и в противовес централистским взглядам сторонников Генерального совета I Интернационала анархисты в испанской, например, революции 1873 г. объединялись с буржуазией, предавая интересы рабочего класса [1].

Анархистская федерация, отражающая присущий мелкобуржуазным индивидуалистам протест против централизма, остается бичом и одним из факторов поражения рабочих движений и на сегодняшний день повсюду (Испания, Франция, страны Латинской Америки), где анархисты и родственные им анархо-синдикалисты ведут за собою рабочие организации.

В России партия вела борьбу с Бундом, защищавшим раздельное существование партийных организаций по национальному признаку и настаивавшим на их связи с РСДРП на федеративных началах. Исходя из этого, Бунд заявлял, что он — «неограниченная в своей деятельности какими-либо районными рамками организация еврейского пролетариата и входит в партию в качестве его единственного представителя». II съезд РСДРП отверг это требование «как безусловно недопустимую в принципе всякую возможность федеративных отношений между РСДРП и Бундом... Съезд устанавливает, что Бунд занимает в единой РСДРП положение автономной составной части» [2]. В свете австрийского опыта разделения рабочих организаций по национальности, с которым позиция Бунда была тесно связана, это раскалывало силы пролетариата, культивировало раздробленность и препятствовало созданию единой, крепко спаянной революционной партии.

Зарубежный опыт «федеративных» государств (САСШ, Швейцария и др.) в свою очередь подсказывал, что в эпоху господства монополистического капитала и империализма федерация является пережитком. Энгельс еще в 1891 г. писал, что федерация «давно уж сделалась помехой в маленькой Швейцарии, и если там можно еще терпеть федеративную республику, то только потому, что Швейцария довольствуется только ролью чисто пассивного члена европейской государственной системы».

В борьбе за раскрепощение национальностей коммунистическая партия с самого своего возникновения выдвинула лозунг «самоопределение наций», противопоставляя его черносотенно-

---

[1] Ф. Энгельс. Бакунисты за работой.
[2] Из протоколов II с'езда РСДРП.

великорусскому шовинизму, который «так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получится после свободного отделения»[1]. В этом заключалась ленинская диалектика «разъединения для объединения».

Исходя из этого, Ленин, с одной стороны, резко выступил против меньшевиков-ликвидаторов, которые на своей августовской конференции 1912 г. солидаризировались с бундовцами в вопросе «о культурно-национальной автономии», заявив, что она не идет вразрез с партийной программой, чем сознательно извращали последнюю. С другой стороны, Ленин с такой же резкостью выступал против Розы Люксембург и русских «люксембургианцев» (Бухарин, Пятаков и др.), отрицавших революционное значение лозунга «самоопределения наций» в эпоху империализма.

Принуждению наций в рамках единого государства партия противопоставляла принцип самоопределения. При этом партия высказывалась за централизованное государство с максимальной автономией для входящих в его состав национальностей.

Партия была против федерации. Еще до II съезда РСДРП Ленин писал:

«Мы должны всегда и безусловно стремиться к *самому тесному* соединению пролетариата всех национальностей, и лишь в отдельных, исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством и т. п.»[2].

Впоследствии, в ноябре 1913 г. Ленин в письме к Шаумяну подчеркивал: «Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь, или вернее, если гнет и трения «сожительства» таковы, что они портят и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь «право» на федерацию»[3].

Еще в апреле 1917 г. т. Сталин, в свою очередь, выступал в «Правде» против федерализма[4]. Апрельская конференция партии 1917 г. в резолюции по национальному вопросу, подтверждая лозунги партии о праве нации на самоопределение вплоть до отделения, ни словом не упоминает возможность федерации. Федерация в разрешении национального вопроса, выдвинутая впервые Лениным в августе—сентябре 1917 г. в «Государство и революция», так же как и основной лозунг «право наций на самоопределение вплоть до отделения», является таким образом исключением из общей посылки централизма.

Явилось ли это отступлением? Формально рассуждая, оно может так и показаться. На самом же деле партия в отличие от

[1] Ленинский сборник, т. III, изд. 3, с. 472.
[2] Ленин, т. V, изд. 3, с. 337.
[3] Ленинский сборник, т. III, с. 472.
[4] «Правда» 26 (13) апреля 1917 г.

обычного буржуазного федерализма, проповедывавшегося также анархистами, эсерами и др., выдвинула совершенно новые формы федерализма, которые «оказались далеко не столь противоречащими целям экономического сближения трудящихся масс национальностей, как это могло казаться раньше, или даже вовсе не противоречащими этим целям; как показала и дальнейшая практика»[1].

При этом партия исходила из конкретного положения вещей, создавшегося в послефевральскую эпоху и характерного все прогрессирующим подъемом национального движения, которое в противовес великодержавной политике Временного правительства толкало буржуазию отдельных народов на отделение от России. В этом отношении буржуазия каждой нации, организовавшая многочисленные «национальные советы», имела большое влияние на своих трудящихся.

Отношение политических партий, поддерживавших Временное правительство, лишь способствовало усилению сепаратистских тенденций среди национальностей.

Кадеты, например, верные задачам империалистской буржуазии, являлись ярыми противниками какой-либо национально-территориальной автономии и сдержанно говорили лишь о предоставлении «культурно-национальных прав». Их отношение к требованиям финляндцев и украинцев было самое непримиримое. Кадет Набоков, выступавший на августовском Московском государственном совещании 1917 г., приветствовал заявление Керенского по вопросу «о сепаратистских проявлениях» и заявил, что «всякие попытки к расчленению нашего отечества должны быть осуждены как сознательная или бессознательная помощь врагу».

Эсеры на словах заигрывали с национальностями, говорили о федерации. В центральном органе эсеров «Дело народа» была помещена статья, заявлявшая: «Пусть федеративное российское государство примет от отдельных областей (Малороссия, Грузия, Сибирь, Туркестан и т. д.) атрибуты суверенитета. Но да даст оно отдельным областям внутренний суверенитет. Да будет создан предстоящим Учредительным собранием Российский союз областей»[2].

Эсеры таким образом клали в основу федерации не только национальный принцип, но и интересы отдельных экономических районов (Сибири), идя в этом отношении навстречу областнической буржуазии, которая, исходя из своих классовых интересов, выявляла центробежные стремления.

Еще до революции виднейший идеолог сибирского «областничества» Потанин писал: «Для благоденствия областей необходимо, чтобы все они пользовались равенством шансов для приобретения богатства; между тем это условие до настоящего времени не было соблюдено в отношении Сибири: русское законодательство, покровительствуя мануфактурным провинциям внутренней

---

[1] И. Сталин. На путях к октябрю.
[2] «Дело народа», 1917 г. № 5.

России, подало повод последним наложить на Сибирь торговое иго». Другой видный сибирский областник Ядринцев вторил ему: «У нас нет мануфактуры, и заводы ничтожны, мы пьем, едим, одеваемся чужими произведениями, мы не самостоятельный экономический народ, а эксплоатируемые массы... Подумало ли наше общество, чтобы стать экономически самостоятельным?..».

Февральская революция в России создает широкие горизонты для областнической агитации и сопровождается требованиями создания «областной думы», «областного парламента» и т. д.

Попутно сибирские областники ищут поддержки рабочих масс. Потанин в статье «Прекрасный финал» писал:

«При настоящих порядках от экономического равноправия между метрополией и колонией сибирский рабочий ничего не теряет; потери несут только сибирские предприниматели. Но представьте себе, что все сибирские фабрики и заводы перешли в руки рабочих и рабочие сделались заводовладельцами; они заняли место сибирских предпринимателей. Они должны попасть в положение последних, т. е. нести потери в пользу московской мануфактуры...» [1]. Отсюда следует, что рабочий Сибири должен был драться за областнические идеи против рабочего Москвы и Ленинграда.

Возвращаясь к эсерам, нужно отметить, что III съезд ПСР, состоявшийся в июле 1917 г., хотя и высказался «за форму федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией», но, как известно, сущность этого постановления быстро сказалась на практике. Уже через несколько дней после ее принятия вождь эсеров Чернов, критикуя «Универсал», поучал украинцев: «Поистине, требовать это всего за каких-нибудь три месяца до Учредительного собрания... не значит обнаружить истинный политический смысл и революционно-социалистическое чутье... Это — ленинство в национальном вопросе» [2].

Наконец меньшевики на своем съезде в августе 1917 г., признавая в резолюции равноправие и широкую территориальную автономию, вместе с тем заявляли: «Внутренние тенденции развития России, как государства национальностей, ведут не к распаду ее по национальным линиям на ряд независимых или лишь федеративно связанных между собой самостоятельных областей, а напротив, к установлению все более тесных хозяйственных, политических и культурных связей между всеми частями страны, независимо от национального состава их населения». При этом нужно учесть, что меньшевики, входя во Временное правительство, в свою очередь, проводили его великодержавную и шовинистическую политику, выступали против украинских и финляндских требований, и их представитель Гегечкори руководил разгоном Финляндского сейма.

По мере нарастания революционной волны в центре, расширялись и местные сепаратистские стремления национальной бур-

---

[1] Цитируется по брошюре Г. Круссера. Сибирские областники. Новосибирск, 1931 г.

[2] «Дело народа» 15/VII 1917 г.

жуазии отгородить себя от назревавшей революционной развязки. Это проповедывалось не только под националистическими, но и «областническими» лозунгами.

Классовая сущность, например, сибирских областников толкнула их после Октября на путь борьбы против рабочего класса. Областники входили в контрреволюционные правительства Сибири, поддерживали Колчака, расправлялись с революционными рабочими и крестьянами. Сам идеолог областничества Потанин призывал: «К оружию, граждане. Банды большевистские у ворот... они уже сломали ворота... ворвались в родную Сибирь... Мы все должны... дружно откликнуться на призыв правительства итти в ряды защитников родины...».

Таков был логический конец сибирского буржуазного областничества, прикрывавшегося лозунгами «демократии» и заигрывавшего с рабочими. По мере советизации Сибири областничество это оказалось выметенным как контрреволюционный сор.

Таков был бесславный конец казачьего областничества. В 1918 г. во Владикавказе был подписан «договор об образовании нового федеративного государства — Юго-восточного союза», в состав которого должны были войти: население территории казачьих войск донского, кубанского и астраханского казачества, горцев Северного Кавказа и Черноморского побережья и отдельные «вольные города юго-востока России». На этом договоре в частности пыталось выгодать гетманское правительство Скоропадского при ведении мирных переговоров с РСФСР в Киеве в 1918 г.[1]. Смысл этой «федерации» заключался в том, чтобы при поддержке империалистов отделить юго-восток от Советской России и тем самым сохранить в нем все старые казачьи земельные привилегии.

К этому же после Октября стремились и так называемые «национальные правительства», руководителем которых была национальная буржуазия, выступавшая против советской власти как против «русской» и «централистической» власти (нацсоветы в Закавказье, в Казакстане, Рада на Украине и в Белоруссии, Сфатул-Церий в Бессарабии, Курултай в Крыму, Башкирии и т. д.). «Иные, — писал т. Сталин, — изображают борьбу окраинных «правительств» как борьбу за национальное освобождение против «бездушного централизма» советской власти. Но это неверно. Ни одна власть в мире не допускала такого широкого централизма, ни одно правительство не предоставляло народам такой полноты национальной свободы, как советская власть в России. Борьба «правительств» была и остается борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов, замыслов национальной буржуазии[2]. Таков был истинный смысл буржуазного областничества и «антицентралистских» устремлений «окраинных правительств».

---

[1] И. Сталин. О Донщине и Северном Кавказе.—«Правда» №108 от 1/VI 1918 г.
[2] И. Сталин.—«Правда» № 250 от 19/XI 1918 г.

При таких обстоятельствах лозунг большевиков «право наций на самоопределение вплоть до отделения», подкрепленный вскоре лозунгом федерации, явился орудием удержания трудящихся этих национальностей на стороне революции. На этом примере особенно ярко подтвердилось учение Ленина о союзе рабочего класса с крестьянством и задачах пролетариата в крестьянской стране, разбитой к тому же на многочисленные национальные перегородки. Нужно учесть, что основной массой, втянутой в национальное движение, было крестьянство, в силу национального угнетения являвшееся наиболее верным хранителем традиций каждой нации и поэтому легко поддававшееся демагогии своих буржуазных националистов. Но именно потому, что крестьянство многочисленных национальностей еще более тяжко, чем русское крестьянство, чувствовало гнет помещиков, баев, чиновников и т. д., пролетариат, правильно разрешая национальный вопрос, мог поднять также многомиллионные массы национального крестьянства на борьбу за мир, за землю, которая в условиях гегемонии пролетариата перерастала в борьбу с национальной буржуазией, помещиками, баями и т. д. и вводила национальное крестьянство в русло социалистической революции.

Лозунг «право наций на самоопределение вплоть до отделения», переключенный на рельсы классовой борьбы с эксплоататорскими элементами каждой нации, стимулировал объединение трудящихся большинства каждой национальности с трудящимися центра, сплачивая и организовывая их под большевистскими знаменами. Советская федерация, противопоставленная буржуазной федерации, стимулировала не разъединение, а единство, явившееся затем основой единого советского пролетарского государства.

При этом нужно подчеркнуть, что Ленин выдвигал в августе—сентябре 1917 г. федерацию не как принцип расчленения всего государства на отдельные штаты, кантоны, провинции и т. д., а лишь для разрешения национального вопроса.

«Федерация, — писал Ленин в марте 1918 г., — если она проведена в разумных с экономической точки зрения пределах, если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности, — даже федерация нисколько не противоречит демократическому централизму. Сплошь и рядом федерация при действительно демократическом строе, а тем более при советской организации государственного устройства, является лишь переходным шагом к действительно демократическому централизму. На примере Российской советской республики особенно наглядно показывается нам как раз, что теперь федерация, которую мы вводим и которую мы будем вводить, послужит именно вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное советское государство» [1].

---

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 415—416.

«Энгельс, — писал Ленин в «Государство и революция», — не только не обнаруживает равнодушия к вопросу о формах государства, а напротив, с чрезвычайной тщательностью старается анализировать именно переходные формы, чтобы учесть, в зависимости от конкретно-исторических особенностей каждого отдельного случая, переходом *от чего к чему* данная переходная форма является.

Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос.

У Энгельса, как и у Маркса, несмотря на беспощадную критику ими реакционности мелких государств и прикрытия этой реакционности национальным вопросом в определенных конкретных случаях, нигде нет и тени стремления отмахнуться от национального вопроса, стремления, которым часто грешат голландские и польские марксисты, исходящие из законнейшей борьбы против мещански узкого национализма «своих» маленьких государств.

Даже в Англии, где и географические условия, и общность языка, и история многих сотен лет, казалось бы, «покончила» с национальным вопросом отдельных мелких делений Англии, даже здесь Энгельс учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику «шагом вперед». Разумеется, тут нет ни тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от самой решительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику».

К этому нужно добавить, что Карл Маркс, яростно критиковавший децентрализацию, выступавший против антигосударственных тенденций прудонистов, рассуждавших «о необходимости всех» разбить на мелкие «группы» или «коммуны», которые могут организовать «союз», но не «государство» [1], вместе с тем считал, что не только в интересах Ирландии, но в своих собственных интересах «английский рабочий класс должен не только содействовать ирландцам, но и взять на себя инициативу в деле роспуска основанного в 1801 г. союза и замены его свободным союзом на федеративных началах» [2].

В соответствии с лозунгами, выдвинутыми большевиками по национальному вопросу тотчас же после Октябрьского переворота, началась грандиозная практическая работа по переустройству прежней России на новых советских началах. «Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа», принятая на III съезде советов, провозглашала:

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, изд. 1, 1923 г., с. 227.
[2] К. Маркс. Письма к Кугельману. Письмо от 29/XI 1869 г.

«Российская советская республика учреждается на основании свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик», и далее: «стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, III Всероссийский съезд советов ограничивается установлением коренных начал федерации советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях».

VIII съезд партии, подтверждая в новой программе основной лозунг партии о самоопределении, вместе с тем заявлял: «Как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу». Таким образом федерация указана в программе как «одна из переходных форм на пути к полному единству». «Подобно тому, — писал Ленин, — как человечество может притти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может притти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения» [1].

Полная свобода национального самоопределения и первые декреты о мире, о земле и т. д. создали крутой перелом среди трудящихся национальностей, наиболее передовые части которых связывали дальнейшую судьбу прежде угнетенных народов с советами. Первые же шаги советской власти сказались в создании специального Народного комиссариата по делам национальностей, в признании прав самостоятельной Финляндии и Украины. Постепенно прежние центробежные силы, освобожденные от великодержаной власти и вовлеченные в классовую борьбу против буржуазии и помещиков, теснее связывались с революционным пролетариатом, устанавливавшим с ними братские отношения на основе советской федерации и советской автономии.

Советская национальная автономия является орудием советской демократии, посредством которого советы поднимают, воспитывают, обучают и вовлекают в общественную работу многомиллионные массы трудящихся из национальностей, находившихся еще недавно на положении колониальных рабов.

«Автономия, — писал Ленин, — есть наш план устройства демократического государства» [2]. Национальная автономия есть выражение подлинного пролетарского демократического централизма, противопоставленного казенно-бюрократическому централизму капиталистических государств, прикрывающихся принципами буржуазной «демократии».

---

[1] Ленин, т. XIX, изд. 3, с. 40.
[2] Ленинский сборник, т. III. Письмо к Шаумяну, с. 472.

Меньшевики, обывательские интеллигенты, и не раскрытые еще в то время вредители иронически высмеивали «утопические» стремления построить социализм в отсталой, некультурной стране. «Построить уже не только советское, но «пролетарское», социалистическое общество в мужицкой, хозяйственно-распыленной необъятной стране — это значит брать на себя заведомо невыполнимое обязательство, заведомо утопические задания,—писал в свое время Суханов[1]. И если их политическая узость не допускала возможности вовлечения в социалистическое русло «мужицкого» населения центра, то это в еще большей степени относилось к миллионам масс национальностей Востока и Севера, из которых многие находились еще на положении кочевников с отсталым примитивно-патриархальным бытом.

Партия никогда не закрывала глаза на громадные культурные диспропорции, существовавшие и отчасти существующие еще и сейчас между населением центра и окраин. Ленин неоднократно вскрывал хищническую деятельность российского капитала на окраинах, сочетавшуюся с грабежами средневековой, крепостнической, казенно-бюрократической царской власти, — основной причины, обусловливавшей отставание национальностей окраин. Но никто иной, как Ленин, развил учение о гегемонии пролетариата в крестьянской стране, о его союзниках: широких массах крестьянства, угнетенных национальностях и т. д., о советской власти как наиболее верном оружии, посредством которого под руководством пролетариата должны быть завершены не только задачи буржуазно-демократической революции, но и обеспечено перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Никто иной, как Ленин, подчеркнул, что при условии активной поддержки диктатуры пролетариата передовых стран даже массы наиболее отсталого населения, находящиеся еще в докапиталистических условиях, могут стать на путь социалистического развития, минуя капитализм. Это в первую очередь относилось к многомиллионным массам народов Востока и Севера, из которых многие не успели еще даже консолидироваться в нации. Только диктатура пролетариата могла вывести их из примитивного состояния и обеспечить им путь дальнейшего некапиталистического развития на базе современных культурных и технических достижений.

«Если для создания социализма, — писал Ленин, — требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»[2].

Октябрьская революция непосредственно подвела рабочий класс к решению этой задачи. Диктатура пролетариата поставила

---

[1] Суханов. Записки о революции, т. VII, 1923 г, с. 178.
[2] Ленин. т XXVII, изд. 3, с. 400.

своей целью подтянуть к себе угнетенные национальности, объединить их с пролетариатом всей России, поднять и повести их на борьбу с общим классовым врагом за новое строительство, которое освободило бы и их от прежнего рабского и отсталого положения. Только Октябрьская революция могла совершить такое «чудо», в результате которого инонациональное население, ненавидевшее своих поработителей (под влиянием буржуазии и духовенства не делавшее различия между русскими угнетателями и русским пролетариатом), неоднократно восстававшее против правительства и желавшее ему поражения в войнах, после Октября соединило свою судьбу с русским пролетариатом, добровольно шло за ним на многочисленные фронты и совместно с ним своей грудью создавало стальной заслон, о который разбивались все козни международных империалистов, их белогвардейских, эсеро-меньшевистских приспешников.

Этого нельзя было достигнуть обещаниями, торжественными декларациями, на которые не скупилось и Временное правительство. Это достигалось после Октября политикой партии по отношению к крестьянству, созданием правильных отношений между пролетариатом центра и угнетенными национальностями и племенами, борьбой против великодержавного гнета, шовинизма и практической работой по проведению ф а к т и ч е с к о г о, не только политического, но и экономического равноправия, на базе совместной борьбы против помещиков, кулаков, баев и др. эксплоататорских групп. В этой борьбе, передававшей фабрики рабочим, землю трудящимся, практически осуществлялся и большевистский лозунг «право наций на самоопределение, вплоть до отделения». На западных окраинах, где буржуазия при помощи иностранных интервенций разбила своих трудящихся (в Финляндии, Латвии, Эстонии, Польше), она создавала «независимые» национальные государства, базирующиеся на эксплоатации трудящихся и фактически находящиеся в зависимости от международных империалистов. Подлинная же независимость достигалась только в борьбе с империализмом. На Востоке и Юго-Востоке рабочие и крестьяне, скотоводы и т. д., в ожесточенной гражданской войне освобождаясь от своих эксплоататоров, строили свое собственное национальное государство при поддержке пролетариата центра, под эгидой советской власти, которая явилась оружием не только социального, но и национального освобождения.

Советская национальная автономия явилась первой ступенью к созданию такого положения. Она вызывала среди национальностей творческую инициативу, самостоятельность, научала их, по выражению т. Сталина, «ходить на собственных ногах».

Советская национальная автономия вытекла из самой природы советской власти, которая всемерно втягивала широчайшие массы населения в самоуправление и под руководством пролетариата поднимала их на борьбу за всестороннее хозяйственное и культурное развитие по пути к социализму. Автономия осуществлялась через создание органов власти из местных людей, через создание местных просветительных учреждений при полной гаран-

тии свободного развития родного языка и равенства его во всех сферах общественно-политической жизни.

Конституция РСФСР (Основной закон), принятая Всероссийским съездом 10 июля 1918 г., опираясь на все предыдущие решения партии, подчеркивала, что «советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды советов и их исполнительные органы» [1]. Исходя из тех же предпосылок установления солидарного сотрудничества трудящихся всех наций, Конституция РСФСР предоставила все политические права и иностранцам, не эксплоатирующим чужой труд.

Формы автономии не могли быть одинаковы повсюду. Различие их диктовалось условиями классовой борьбы. «Переход от капитализма к коммунизму, — говорил Ленин, — конечно не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата» [2]. Автономия сама по себе — не самоцель. Наряду с другими факторами советской государственности переходного периода она подчинена высшим интересам революционной борьбы, сочетающей в себе классовые интересы не только внутренней, но и внешней политики.

В каждом отдельном случае и применительно к нуждам, интересам и задачам каждой нации в отдельности, вопрос решался трудящимися самих национальностей, исходя из условий классовой борьбы данного этапа. Отсутствие буржуазной догматичности и традиционного юридического формализма дает повод буржуазным правоведам искать анархичность в структуре советского государства, особенно в его национальных государственных образованиях. В противовес им некоторые советские правоведы, наоборот, из сил выбиваются, чтобы «по Еллинеку» доказать правомерность советской автономии путем аналогии с обычными понятиями об автономии, установившимися в конституционной и юридической практике буржуазных государств. Это сугубо ошибочный взгляд. Октябрьская революция построила новую, не имеющую прецедентов в истории советскую государственность, которая опрокинула старые понятия формального абстрактного права.

Отсюда и коренное отличие советской автономии от буржуазной. В зависимости от условий внутренней и внешней классовой борьбы, в зависимости от различных экономических условий, которые являются основой развития автономных единиц, формы советской автономии среди отдельных наций очень часто видоизменялись. Условия классовой борьбы и экономические факторы привели, например, к тому, что автономные области Немцев Поволжья и Чувашская превратились в автономные республики. Наоборот, Горская автономная республика в силу сложных взаи-

[1] Раздел второй, гл. 5.
[2] Ленин, т. XXI, „Государство и революция", изд. 3, с. 393.

моотношений ее пестрого национального состава распалась на отдельные автономные области. Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан в их границах до 1924 г. входили в Туркестанскую автономную республику, которая была частью РСФСР, а затем при национальном размежевании и создании отдельных союзных республик совершенно выделились из РСФСР. Это нарушение прежних границ РСФСР в сторону их значительного сокращения привело в изумление не одного буржазного правоведа. Но это вытекало из провозглашенного советской властью лозунга «право наций на самоопределение вплоть до отделения». Добровольность и отсутствие всякого насилия приводили от центробежных стремлений к тесному союзу трудящихся всех наций в единое союзное государство, подтверждая установку Ленина, что иногда лучше «разъединение для объединения». Характерный пример влияния фактора международной политики показала Украина, которая до марта 1918 г. входила в РСФСР, а затем ей, в связи с Брестским миром, пришлось выделиться в независимую республику».

В Конституции Украинской ССР, утвержденной в марте 1919 г., в § 4 говорилось: «Украинская социалистическая советская республика заявляет о своей твердой решимости войти в состав единой международной социалистической советской республики, как только создадутся условия для ее возникновения. Вместе с тем Украинская социалистическая советская республика заявляет о своей полной солидарности с ныне существующими уже советскими республиками, и о своем решении вступить с ними в теснейшее политическое объединение для совместной борьбы за торжество мировой коммунистической революции...».

Это вытекало из условий классовой борьбы украинских рабочих и крестьян, боровшихся со своей буржуазией и помещиками, «освобождавшими» Украину при помощи иностранных штыков. Так называемая первая «Народная украинская республика», вытолкнувшая на политическую арену гетмана Скоропадского, поддерживалась штыками австро-германцев. Вторая «Народная республика» сменила австро-германских «освободителей» на французских. В компенсацию за «освобождение» австро-германцы выкачивали хлеб, скот и другое продовольствие, а французы, в лице генерала д'Ансельма, подписали с Петлюрой соглашение, согласно которому железные дороги, финансовые и военные предприятия переходили под контроль французского капитала. Все это «Независимая народная республика» делала главным образом для борьбы с советами под лозунгом «против москальского владычества». В таких условиях было вполне естественно, что рабочие и крестьяне Украины в борьбе с буржуазными националистами и иностранными интервентами еще сильнее подчеркивали свою собственную волю к установлению независимости от империализма, путем создания независимой Украинской советской республики, выбивая тем самым почву из-под ног своих националистов.

Изменившиеся условия классовой борьбы после отпадения условий Брестского договора и по окончании победоносной борьбы против белогвардейцев и иностранных интервентов устранили

основания, вынуждавшие Украину находиться в обособленном положении, и привели ее вскоре, совместно со всеми договорными республиками, к объединению в единый Советский союз.

В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, программа РКП, принятая на VIII съезде партии, заявляет:

«РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.

Во всяком случае со стороны пролетариата тех наций, которые явились нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных»[1].

В советских автономных образованиях власть находится в руках трудящихся каждой нации, т. е. ее подавляющего большинства, которое на своих съездах решало вопрос о своем самоопределении и добровольно устанавливало форму своей автономии.

Некоторые тт. допускают ошибочные утверждения, заявляя, что степень культурности каждой нации обусловливает форму ее автономии. Чем культурнее нация, тем больше прав она имеет, чем отсталее нация, тем якобы ограниченнее ее права. Это в корне противоречит принципам партии и всей практике советского национального строительства, которое никогда и ни в какой мере не ставило более культурные нации в привилегированное положение, и наоборот, отсталые нации в менее привилегированное положение. Таджикская, например, республика является союзной, хотя в связи с пережитым гнетом она до последнего времени являлась более отсталой, чем отдельные автономные республики.

Гибкость формы советского федерализма дает каждому народу право на основе своего суверенитета и общности классовых интересов трудящихся всех народов СССР, в зависимости от создавшихся на каждом историческом этапе условий, легко переходить от одних форм автономии к другим.

«...Эластичность советской автономии, — подчеркнул т. Сталин, — составляет одно из первых ее достоинств, ибо она (эластичность) позволяет охватить все разнообразие окраин России, стоящих на самых различных ступенях культурного и экономического развития... Осуществляя советскую автономию в ее разнообразных формах, советская власть стоит на правильном пути, ибо только благодаря такой политике удалось ей проложить себе дорогу в самые захолустные дебри окраин России, поднять к политической жизни самые отсталые и разнообразные в национальном отношении массы, связать эти массы с центром самыми разнообразными нитями, — задача, которую не только не решало, но и не ставило себе (боялось поставить) ни одно правительство в ми-

[1] VIII съезд РКП(б). Стенографический отчет, с. 343—344.

ре»[1]. Каждая национальность использовала предоставленные ей Октябрьской революцией права в таких формах, которые соответствовали конкретным задачам классовой борьбы на данном этапе и задачам ее дальнейшего хозяйственного и культурного развития и роста.

Пятнадцатилетняя практика установила три основных типа национальных государственных образований: 1) автономная область, 2) автономная республика и 3) союзная республика.

Классовое сознание трудящихся автономных областей и республик подсказывало им, что тяготеющее над ними экономическое неравноправие, полученное в наследство от царизма, их географическое положение в многонациональном переплете, наконец задача укрепления завоеванного национального раскрепощения в условиях борьбы с международным империализмом делают абсурдным всякое отделение и что, наоборот, ликвидация остатков прежнего гнета может завершиться лишь в результате тесного сотрудничества трудящихся всех национальностей и помощи передовых районов отсталым. Самоограничение государственных прав шло по линии оставления за собою лишь таких автономных прав, которые были необходимы для усиления развития автономных единиц и вовлечения широких масс в новое хозяйственное и культурное строительство. Все другие права передавались вышестоящим органам, в свою очередь ответственным за правильное развитие автономных областей.

Отдельные советские правоведы старой школы, формально разбирая декреты центральной власти об организации автономных единиц, приходят к выводам, что право самоорганизации им не принадлежало и что они создавались только актами центральной власти. В качестве доказательства приводится пример того, что декреты ВЦИК об образовании автономных единиц начинались обычно словами: «образовать автономную советскую социалистическую республику» и т. д.[2]. Это искажение понятия суверенных прав советских наций! Старые правоведы не поняли коренной сущности советской автономии, отличающей ее от всех других подобного рода автономий. Так, брюннская программа австрийской социал-демократии выставляла требование «национально-территориальной автономии», но из «национально отграниченных округов». Национальные границы должны были таким образом охватить только данную национальность. Советская же автономия, учитывая важность национального состава населения, вместе с тем направлена была к тому, чтобы подвести экономическую базу под самоопределяющуюся нацию включением в автономную единицу промышленных районов и городов, в которых состав населения был всегда смешанный. Отсюда включение в автономные объединения большей части населения других наций.

[1] Сталин. Сборник статей по национальному вопросу. ГИЗ 1920 г.

[2] С. Котляревский. Правовое положение автономных республик. «Советское право» 1925 г., № 6, с. 38.

Так, в Татарской АССР: татар — 51,9%, русских — 39,7%, чувашей — 5,4%, мордвинов — 1,5%, удмуртов — 1%, мари — 0,5%, украинцев — 0,1%. В Крымской АССР: татар — 25,1%, украинцев — 10,8%, немцев — 6,1%, евреев — 6,4%, русских — 4,4%, прочих — 47,2%. В Карельской АССР: карел — 46%, русских — 48,6%, других — 5,4% и т. д.

Пестрый национальный состав, в сочетании с важнейшими задачами экономического возрождения, не позволял при решении вопроса о построении того или иного национального образования ограничиваться выделением территории только по признаку «национально отграниченных» районов.

Отсюда наряду с волеизъявлением самой нации следовали и постановления центральных органов о включении в ту или иную автономную единицу городов и промышленных центров со смешанным в национальном отношении населением, без чего часто не могла создаваться экономическая база для самой автономии. Это не умаление прав наций, не отрицание права ее самоорганизации, а *закрепление* этих прав, исходя из начал советского понятия «самоопределения наций».

Что касается союзных республик, то большое значение в оформлении их правовых взаимоотношений с другими советскими республиками имело их окраинное положение. Нужно учесть, что все они граничат с буржуазными государствами, часть населения которых принадлежит к той же национальности. Постоянные провокации на границах вытекают из общего империалистского интервенционистского плана, прикрывающегося всегда лозунгом «освобождения» от советов, который по ту сторону советских границ усердно поддерживается и национальной буржуазией, стремящейся влиять в этом направлении и на массы трудящихся. Союзные советские республики с самого начала своего возникновения подчеркивали свою независимость и добровольность своего союза с трудящимися РСФСР путем договоров, завершившихся затем общим законодательным актом, единой конституцией СССР, закрепившей объединение всех союзных республик не только с СССР, но и между собой.

Все нации Союза независимо от того, объединены ли они в автономных или союзных объединениях, равноправы. Если считать, что все республики и области используют свои автономные права, главным образом в целях своего хозяйственного и культурного подъема, то нужно признать, что маленькая Мордовская или Кабардино-Балкарская автономная область в пропорциональном отношении пользуется гораздо более широкой поддержкой средствами трудящихся всего Союза, чем скажем большая Украинская союзная республика. Это вытекает из самой политики советской власти, направленной к осуществлению *фактического равноправия* и подтягивания уровня наиболее *отсталых* национальностей.

Национальная область имеет право издавать постановления на основе общереспубликанского законодательства; как и любая область, она подчинена вышестоящим инстанциям в горизонталь-

ном и вертикальном отношении. Но она в то же время резко отличается от обычной области. Аппарат власти национальной области направлен на то, чтобы поднять данную нацию на высшую хозяйственно-культурную ступень, развивая в этих целях родной язык (школу и т. д.), коренизируя госаппарат и т. д. Вместе с тем автономные области участвуют через своих представителей в составе высшего союзного органа — Совета национальностей и пользуются правом приостановки проведения постановлений вышестоящих инстанций (краев) и обжалования их перед верховными органами, если они не соответствуют или противоречат нуждам и интересам национальной области. Они к тому же имеют свои бюджеты, вырабатываемые на основе особых положений о бюджетных правах областей, и своего постоянного представителя при Отделе национальностей ВЦИК, информирующего верховные органы о нуждах данной области.

Автономные республики, как и союзные, в отличие от административной автономной области имеют в составе своих руководящих органов отдельные наркоматы (помимо общесоюзных и объединенных), действующие самостоятельно и неподчиненные контролю центральных наркоматов федерации (юстиция, просвещение, внутренние дела, здравоохранение, социальное обеспечение). Самоограничение автономных республик в отношении федерации в сравнении с союзными в основном заключается в том, что, во-первых, автономные республики, в большинстве случаев исходя из учета условий их организации, их географического и хозяйственного переплета, не оговаривают свое право выхода из Союза, во-вторых, конституции, вырабатываемые автономными республиками, в силу тех же условий, требуют утверждения высших федеративных органов, тогда как конституции союзных республик не утверждаются высшими органами власти СССР.

Но разрешение национального вопроса не исчерпывалось выделением в автономные единицы территории компактных национальных групп. Миллионы населения нацменьшинств разбросаны среди национального большинства и в свою очередь в результате Октября получили возможность поставить развитие своей национальной культуры на службу социалистическому строительству.

Пестрый этнографический состав распыленных нацменьшинств, разнообразие в хозяйственном укладе, многоязычие, недостаток культурных сил и т. д. — все это заставляло преодолевать необычайные препятствия для вовлечения их в общее советское строительство. Советская власть разрешила этот сложнейший вопрос учетом особенностей работы среди национальных меньшинств, который привел к массовому выделению национальных округов, районов и сельсоветов там, где национальности сосредоточены сравнительно компактными группами среди национального большинства. Этому сопутствовала деятельная работа по подготовке кадров для каждой национальности. Работа строится таким образом, чтобы предоставить возможность национальным меньшинствам на своем родном языке включаться в общее советское строительство и тем самым повышать свою культуру и хозяйство.

Национальные рики и сельсоветы являются частью самоуправления, включенной в систему пролетарской государственной власти. Но в отличие от всякого иного рика и сельсовета они руководятся представителями самих национальностей. В области культурного строительства ведется подготовка кадров (преподавателей и т. д.), созданы алфавиты для наиболее отсталых национальностей (цыган, северных народностей и т. д.), ведется усиленная работа по оздоровлению тех отсталых национальных меньшинств, которые в связи с прошлым гнетом и невежеством, пораженные различными социальными болезнями (трахомой, сифилисом, туберкулезом) обрекались раньше на вымирание.

Особо показательными являются национальные рики и сельские советы тех национальных меньшинств, основная масса которых находится по ту сторону нашей границы, как, например, польские национальные советы на Украине, в Белоруссии, немецкие национальные советы на Украине, на Кавказе, эстонские, латышские в Ленинградской области, в Сибири и т. д. В них трудящиеся национальных меньшинств показывают трудящимся той же национальности по ту сторону советских границ пример братского сотрудничества, хозяйственного и культурного преуспевания.

Развитие советского федерализма до осуществления единого советского государства — СССР — характерно следующими этапами. Первый этап обнимает период от 1918 до 1921 г. Он характерен тем, что в пылу гражданской войны и интервенции шло объединение трудящихся всех наций в борьбе за их классовые интересы и попутное образование большинства автономных государственных единиц. Военно-политический союз советских республик сопровождался тесным хозяйственным союзом, вызывавшим помощь и содействие пролетариата центра национальностям отсталых окраин. За этот период еще не совсем четко уточнены были формы государственных отношений между входящими в РСФСР автономными образованиями. После освобождения от белогвардейцев громадных территорий Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии и т. д., за которым последовало создание автономных единиц [1], ВЦИК в начале 1920 г. образовал специальную комиссию для разработки вопросов федеративного устройства РСФСР, объема прав отдельных частей федерации, отношения центрального и местных органов советской власти, строения центральной федеративной власти и т. д.

Второй период охватывает 1921/1922 г. Это конец интервенций, период создания большинства автономных национальных образований, период когда в противовес «мирным» домогатель-

[1] За это время образованы были советские республики Латвии, Литвы и Эстонии, свергнутые затем буржуазией при содействии Антанты. Образованы были в пределах РСФСР область Немцев Поволжья, Башкирская АССР, Киргизская АССР, Чувашская, Марийская, Вотская и Калмыцкая автономные области, Горская и Дагестанская республики, Карельская трудовая коммуна Якутская автономная область, Туркестанская АССР. Крымская АССР, область Коми. За этот же период окончательно образовались советские республики Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении и Грузии.

ствам империалистов (Генуя, Гаага), независимые советские республики совместно с народными (Бухара, Хорезм) и ДВР подписали соглашение (22 февраля 1922 г.) о совместном выступлении на Генуэзской конференции, послужившее отправной точкой для углубления работ по созданию более тесного союза всех независимых советских республик, приведшего затем к созданию СССР.

X съезд РКП(б) отметил, что:

«Федерация советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела, является той общей формой государственного союза, которая дает возможность: а) обеспечить целость и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на различных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации; в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбой федерации».

Это был период, характеризующийся началом более усиленной борьбы за *фактическое* равноправие национальностей. X съезд партии давал в этом отношении твердые директивы.

«Теперь, — говорит резолюция X съезда РКП(б),—когда помещики и буржуазия свергнуты, а советская власть провозглашена народными массами и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения».

X съезд РКП (б) ставил задачу объединения усилий трудовых масс национальностей с усилиями местного русского населения для совместной борьбы против кулаков, колонизаторов и других эксплоататорских элементов. Особую ответственность съезд возлагал на коммунистов окраин, в то время представлявших часто очень пестрый и разнообразный элемент. С одной стороны, это были русские коммунисты, выросшие в условиях существования «державной» нации, не учитывавшие часто особенностей классового строения, быта, исторического прошлого данной нации и допускавшие иногда великодержавные уклоны. С другой стороны, новые кадры коммунистов из местного населения часто преуве-

личивали значение национальных особенностей, не ставили их в подчинение классовым интересам, что в свою очередь отклоняло их в сторону буржуазно-демократического национализма, который на Востоке окрашивался еще в различные панисламистские, пантюркистские и др. цвета.

Партия с первых же моментов строительства национальных автономий вела борьбу против этих уклонов. Что эта борьба была сложная и требовала перевоспитания большой массы основных кадров партии, характеризует тот факт, что даже 1-й съезд председателей губернских советов и заведующих губотделами управления в 1918 г. в своем постановлении об областных объединениях между прочим заявил:

«Образование областных объединений, не покоящихся на принципах хозяйственно-экономического и административного удобства управления, а исходящих из национальных или политических соображений, объективно приводит к борьбе не за интернациональное движение, а за движение национальное, буржуазно-сепаратическое, к борьбе против социализма» [1].

Этот узкий «экономизм», взятый напрокат у «люксембургианцев», искавший к тому же «административных удобств» вне зависимости от национального вопроса, в корне противоречил политике партии, направленной к созданию на местах таких экономических и культурных условий, которые способствовали бы подъему трудящихся каждой национальности и их солидарности с русским населением.

Наряду с этим сказывались многочисленные факты проявления местного национализма. Его контрреволюционность особенно характерно сказалась на примере «валидовщины». Сам Валидов в 1917 г. возглавлял Башкирский национальный совет, в 1918 г. вошел в соглашение с «Комитетом учредительного собрания», возглавляя в то же время башкирские воинские части. После краха самарской «учредилки» и переворота Колчака он руководил переходом башкирских военных частей на сторону Красной армии, вошел в состав Башревкома. Но он не сумел отрешиться от националистских предрассудков, которые привели его к взглядам об «особой восточной компартии». Он фактически оставался выразителем взглядов отживающих классов, обманывая доверие, оказанное ему советской властью. Отстраненный в 1920 г. от занимаемых постов, он стал на путь измены, бежал за границу, где он помогал организации басмаческого движения против советской власти.

Партия, энергично борясь против обоих уклонов, считала, что особую опасность и вред приносит великодержавный уклон, который, претворяясь в практической работе, толкает часто неокрепших еще коммунистов-националов в сторону национализма.

К этому нужно прибавить, что и первый период нэпа, выдвинувший на арену частно-предпринимательскую инициативу, обозначился искривлениями правильной линии на окраинах. Даже

---

[1] Протокол I съезда председателей губсоветов и зав. губотделами управления. М. 1918 г., изд. НКВД, с. 79—80.

советские органы, осуществляя свои хозяйственные планы, подчас исходили лишь из наиболее выгодного хозяйственного расчета, игнорируя иногда экономические нужды национального населения, затрудняя тем самым его экономическое развитие. Падение например культуры хлопка в Туркестане в первое время в числе других причин обусловливалось и тем обстоятельством, что не создан был достаточно верный эквивалент между ценами на хлопок; монопольным покупателем которого было государство, и хлебом, необходимым декханину, сеявшему хлопок. Не считаться с интересами местного крестьянства — значило вызывать среди него недовольство, использовывавшееся буржуазными националистами в своих целях, т. е. усиливало национализм и позицию кулацких элементов, которые в условиях первого периода нэпа получили более широкое поле деятельности.

Сущность национальной политики советов заключалась в том, чтобы на окраинах создать между трудящимися бывшей державной нации и трудящимися бывших угнетенных национальностей такую «смычку», при которой насущнейшие потребности трудящихся-националов были бы удовлетворены, чтобы они получали базу для своего дальнейшего более быстрого хозяйственного и культурного развития. Таким образом из-под ног националистской и контрреволюционной буржуазии выбивалась почва среди трудящихся.

Третий период, начиная с 1923 г., — это период создания СССР и совместной борьбы за восстановление всего народного хозяйства.

Создание СССР проходило в ожесточенной борьбе с пережитками великодержавного шовинизма и местного национализма. В этой борьбе партия цементировала союз национальностей, который мог возникнуть только в результате их добровольного объединения. Партия хорошо учитывала трудности, встречавшиеся на этом пути, памятуя указания Ленина, что: «Такой союз нельзя осуществить сразу: до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дела, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов» [1]. Понадобилось пять лет совместных неимоверных усилий на военных и хозяйственных фронтах, чтобы под руководством партии приступить к созданию единого государственного союза на базе советской федерации.

Советская федерация — не догма, ее формы не могли быть статическими и раз навсегда установленными. Формы эти должны были эволюционизировать, меняться по мере накопления нового опыта. СССР как новая форма государственного объединения вызывался условиями капиталистического окружения, в связи с чем советская федерация уже с самого начала своего возникновения развивалась в сторону усиления экономических связей. Новый период мирного строительства требовал еще большего скрепления связей и лучшего использования в интересах общих

---

[1] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 657.

целей всех ресурсов, исторически распределенных по отдельным советским республикам.

Докладчик по вопросу о создании СССР на X съезде советов (23—27 декабря 1922 г.) т. Сталин подчеркнул три момента, диктовавших создание тесного союза и единого государства.

Первый — это хозяйственный, выражающийся в необходимости использования всех экономических ресурсов в целях успешного общего дальнейшего развития. Второй — это моменты внешнего характера, вытекающие из военного положения и из тех взаимоотношений через Наркомвнешторг и Наркоминдел, которые устанавливались с капиталистическим миром по окончании гражданской войны. Совместное выступление 8 советских республик на Генуэзской конференции клало в основу связь, которую необходимо было еще больше закрепить. Третий — это характер самой советской власти, интернациональной по природе своей, стремящейся к сближению трудящихся всех наций для более успешного достижения взаимно намеченных целей.

Еще X съезд РКП (б) отметил, что «уничтожение фактического национального неравенства здесь есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства». Это преодолевалось уничтожением всех привилегий бывшей державной нации, борьбой за фактическое уравнение прежде угнетенных национальностей и помощью, которую русский пролетариат оказывал отсталым народам в деле их хозяйственного и культурного подъема. При этом конечно оставалось еще много пережитков как великодержавного, так и местного национализма, тормозивших дело объединения.

Отклики их сказывались и при обсуждении вопросов о создании Союза. Они очень ярко всплыли в Грузии, где часть коммунистов настаивала на непосредственном вхождении в Союз, а не через Закавказскую федерацию, которая в силу общности политических и экономических интересов народов Закавказья, в свою очередь являлась крупной победой на пути к более тесному единству трудящихся. Партия отвергла эти домогательства кучки грузинских коммунистов, квалифицировав их как националистскую вылазку. Тов. Сталин на XII съезде РКП (б) отметил, что принятие предложения группы грузинских национал-уклонистов создало бы положение, аналогичное тому, как в буржуазных государствах гнет над национальностями часто осуществляется не непосредственно, а через отдельные поставленные в привилегированное положение нации и племена. Так, габсбургская Австрия, например, угнетала другие народы, ставя в привилегированное положение венгров и поляков. Англия то же самое проделывает в Индии при поддержке отдельных племен, поставленных в преимущественное положение. Положение Грузии в Закавказье может считаться привилегированным в том отношении, что она обладает таким важнейшим железнодорожным узлом как Тифлис, соединяющий с Союзом республик Армению и ставящий в зависимость от себя ее снабжение, и таким портом как Батум, открывающий зарубежные пути выхода для бакинской нефти. Группа ответственных грузин-

ских коммунистов под предлогом якобы необходимости учитывать пережитки националистских тенденций, коренившихся еще в Грузии после ухода меньшевистской власти, фактически сама стала выразителем националистских настроений, препятствуя еще раньше созданию Закавказской федерации, а впоследствии выставляя требования непосредственного вхождения в Союз помимо Закавказского центра. 21 октября 1922 г. они провели через ЦК КПГ постановление, в котором говорилось:

«§ 4. В случае удовлетворения со стороны ЦК РКП ходатайства ЦК КПГ о непосредственном вхождении Грузии в Союз социалистических советских республик: а) существование Закавказского союзного совета считается излишним; б) вопрос о введении закавказских дензнаков может отпасть; в) по вопросу же об оставлении грузинских бон или введении взамен их совзнаков иметь особое суждение»[1].

Таким образом национал-уклонисты стремилиись выделить Грузию из Закавказской федерации, сохранить свою валюту и т. д., что получило затем осуждение широких масс коммунистов Грузии. Практическая работа за время их нахождения в качестве руководителей на различных ответственнейших постах характерна была различными националистскими гримасами. Так, например, они пытались начать «разгрузку» Тифлиса от «пришлых» элементов. При учете того обстоятельства, что в Тифлисе всего 35% грузин, это мероприятие было целиком направлено против инонационального населения, в первую очередь против армян. Выдвигалось также предложение о создании кордона, т. е. закрытия границ Грузии даже со стороны советских республик, причем самое установление границ в 1921 г. проходило с таким «дипломатическим ритуалом» между Грузией, Арменией и Азербайджаном, что вызвало специальное осуждение высших партийных инстанций. Из характерных штрихов нужно подчеркнуть также декрет о «подданстве», которым грузинка, вышедшая замуж за иностранца, лишалась права грузинского гражданства. В экономической области группа национал-уклонистов проявила себя тем, что денационализировала нефтяные резервуары в Батуме и сдала их в концессию американскому концерну «Стандарт-Ойль»— злейшему врагу советской нефтяной промышленности и самого советского строя. К этому нужно прибавить националистское партизанство в вопросах торговых связей с капиталистическим миром, выразившееся в ориентации на «дешевый константинопольский товар»[2].

Грузинские национал-уклонисты, разбитые партией по вопросу о Закавказской федерации, были затем разбиты и по вопросу о форме вхождения Грузии в СССР. Партийная точка зрения исходила при этом из того, что создавшиеся в процессе развития и укрепления советской власти в Закавказье общность и единство в политическом и экономическом отношении, способствовавшие

[1] Г. Н. Габисония. К истории образования Закавказской федерации. Заккнига 19 1 г, с. 5 .

[2] Доклад Мамия Орахелашвили.—«Заря Востока» 29/II 1932 г.

ликвидации столь многочисленных в прошлом национальных конфликтов, нельзя разбивать, исходя из националистических интересов. Это подтвердил и XII съезд РКП(б), который, подчеркнув необходимость самой энергичной борьбы с великодержавным шовинизмом, вместе с тем однако отметил, что: «Наличие пережитков радикально-националистических традиций, все еще не успевших выветриться, породило среди местных коммунистов определенный уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата, уклон к национализму... Уклон к национализму вреден в том отношении, что он, тормозя процесс высвобождения национального пролетариата из-под идейного влияния национальной буржуазии, затрудняет дело сплочения пролетариев разных национальностей в единую интернационалистскую организацию» [1]. Это в значительной степени относилось к грузинским национал-уклонистам, пытавшимся на самом XII съезде защищать свои позиции.

Другой важный вопрос, связанный с развитием федерации в сторону единого СССР, был поднят украинцами и касался его основы: должен ли СССР быть союзом советских государств, т. е. конфедерацией, или единым союзным государством. Украинцы, обсуждая проект конституции, принятый на I съезде советов республик, в своем собственном проекте повторяли вводную часть договора об образовании СССР, но слова «заключает настоящий договор об объединении в одно союзное государство» заменили словами: «заключает настоящий договор об образовании Союза советских социалистических республик». Таким образом слова об «объединении в одно союзное государство» оказались выкинутыми и тем самым выхолащивалась сущность СССР, как «единого государства», придавая ему характер «союза государств», т. е. приближающегося к конфедерации. Отсюда вытекало и то, что украинцы в своем контрпроекте предложили наиболее важнейшие органы, посредством которых СССР сносится с внешним миром, — НКИД и НКВТ — не сливать, а оставить их директивными. Этим в особенности характеризуется перевес украинского проекта в сторону конфедерации. Отсюда и разделение единства власти. Украинский проект выкинул слова о Президиуме ЦИК как о «носителе верховной власти в промежутках между сессиями», разделив власть между президиумами двух палат. Отсюда, наконец, и предложение Раковского о том, чтобы во вторую палату входили представители только от союзных республик, а не от автономных. Таким образом проводилось коренное различие в правах на участие в верховной власти между Татарией, например, и Украиной. К тому же проект этот в целом носил характер противопоставления отдельных союзных государств удельному весу РСФСР в будущем союзе, выражая таким образом тенденции недоверия, лившие воду на мельницу национализма.

Самоограничение верховных прав каждой союзной республики в пользу верховной власти Союза вытекало из необходимости

---

[1] Стенографический отчет XII съезда РКП(б), с. 649.

максимального планомерного использования всех внутренних ресурсов и из задач совместной обороны от империализма. Добровольность объединения была основой Союза. Добровольность эта базировалась еще на том, что за каждой союзной республикой признавалось право выхода из Союза, т. е. то, чего нет ни в одной конституции мира. Конституция, например, САСШ, предоставляющая широкое самоуправление отдельным штатам, в то же время подчеркивает «вечность союза» (статья 13), лишая тем самым отдельные штаты права выхода из союза. За каждой же отдельной союзной советской республикой это право сохранено главой II ст. 4 Конституции СССР, говорящей: «За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза». Это вытекало из основного лозунга компартии «право наций на самоопределение вплоть до отделения». Использование этого права за советский период времени протекало лишь в рамках Союза. Так, например, после размежевания Средней Азии Таджикская республика из автономной (в пределах Узбекской союзной республики) превратилась в союзную со всеми вытекающими отсюда правами. Совершенно не исключено и то обстоятельство, что новые советские республики, которые еще возникнут, будут в течение некоторого времени находиться вне Союза, или будут связаны с ними более слабыми конфедеративными узами. Но сама природа советской власти и диктатура пролетариата, исключающие какие-либо национальные конфликты, будут толкать их на объединение всех революционных сил, т. е. на объединение с СССР. Само их возникновение в современной международной обстановке будет вызывать необходимость этой тесной связи, подчиняющейся высшим задачам революционной борьбы с капитализмом.

Суверенность каждой союзной республики в рамках СССР кажется буржуазии чересчур широкой. Это дало даже повод Милюкову заявить, что юридическая правомочность Союза чрезвычайно спорна, недостаточно гарантирована, так как отдельным частям предоставлен свободный выход из него.

XII съезд РКП(б), состоявшийся в апреле 1923 г., вынес ряд важнейших решений, касающихся развития советской федерации. Сущность их сводится к признанию того, что прочный союз народов может быть основан лишь на началах добровольного сотрудничества, на признании равенства и суверенности народов в устроении свой судьбы и в решительном осуждении каких-либо форм принуждения и шовинизма. В частности, в отношении верховных органов Союза резолюция XII съезда говорит:

«Союз республик, созданный на началах равенства и добровольности рабочих и крестьян отдельных республик, является первым опытом пролетариата в деле урегулирования международых взаимоотношений независимых стран и первым шагом к созданию будущей всемирной Советской республики труда. Поскольку Союз республик является новой формой сожительства народов, новой формой их сотрудничества в едином союзном государстве, в рамках которого должны быть изжиты обрисованные выше пережитки в процессе совместной работы народов, — высшие органы

Союза должны быть построены таким образом, чтобы они полностью отражали не только общие нужды и потребности всех национальностей Союза, но и специальные нужды и потребности отдельных национальностей...

...Съезд рекомендует членам партии в качестве практических мер добиться того, чтобы:

а) при построении центральных органов Союза было обеспечено равенство прав и обязанностей отдельных республик как во взаимных между ними отношениях, так и в отношении центральной власти Союза;

б) в системе высших органов Союза был учрежден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства, с возможным учетом представительства всех национальностей, входящих в состав этих республик;

в) исполнительные органы Союза были сконструированы на началах, обеспечивающих реальное участие в них представителей республик и удовлетворение нужд и потребностей народов Союза;

г) были предоставлены республикам достаточно широкие финансовые и в частности бюджетные права, обеспечивающие возможность проявления их собственной государственно-административной, культурной и хозяйственной инициативы;

д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов;

е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства, — законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств;

ж) была усилена воспитательная работа в Красной армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза, и были предприняты практические мероприятия по организации национальных войсковых частей с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик».

Размежевание компетенции органов СССР и союзных республик имело в то же время в виду борьбу с бюрократическим централизмом. Союзные республики передавали центральной власти лишь те функции внешнего и внутреннего порядка, которые имеют всесоюзное значение [1], оставляя в ведении самих союзных республик функции, вытекающие из задач широкого национального самоуправления. Различие интересов отдельных районов, обычно вызывающее конфликты в буржуазных федерациях (как, например, война южных и северных штатов Америки в 1861—1864 г., швей-

[1] К ведению союзных органов относится лишь перечисленное в ст. 1 Конституции СССР. В соответствии с этим конституции союзных республик ограничивали свои собственные права.

царский «Зондербунд» в 40-х годах прошлого века) не может иметь места в СССР в силу самого характера Советского союза, основанного на принципе классовой солидарности трудящихся и мобилизующего ресурсы более мощных республик, чтобы придти на помощь отсталым.

Равноправие всех национальностей и их участие в создании высших органов власти характерны созданием Совета национальностей, образующегося из представителей союзных и автономных республик (по 5 представителей) и автономных областей (по одному представителю), и состав которого утверждается на Всесоюзном съезде. Все члены Союза равноправны. Большая РСФСР и маленькая Белоруссия пользуются одинаковыми правами. Строительство верховных советских органов в свою очередь дало повод многим правоведам-государственникам искать формальной аналогии с двухплатной системой капиталистических государств. Никаких подобных аналогий не может быть уже потому, что оба органа ЦИК — и Союзный совет и Совет национальностей — строятся по принципу классового представительства. Нет ни «верхней», ни «нижней» палаты. Оба органа — равноправны, оба пользуются правом законодательной инициативы, но решения получают силу закона лишь при полном согласии между ними. Разногласия переносятся в создаваемую в таких случаях согласительную комиссию и дальше на совместные заседания, где голосование все же происходит раздельно. Если и таким образом не достигнуто соглашения и тот или иной вопрос не получил большинства в обоих органах, он переносится на чрезвычайный или очередной съезд советов СССР. Нужно, однако, полагать, что при классовом подходе ко всем вопросам со стороны обоих верховных органов советской власти до резких разногласий никогда не дойдет. Десять лет существования СССР это подтверждают. Но этим лишний раз уточняются, закрепляются и гарантируются права всех национальностей по их участию в разрешении вопросов всего СССР. Это характерная черта именно советской федерации, выражением которой явилась Конституция СССР, принятая 6 июля 1923 г. на II сессии ЦИК СССР, чем был закончен первый этап создания единого союзного государства, противопоставленного всему капиталистическому миру, — «Союза советских социалистических республик».

Советская федерация в реконструктивный период

Автономные единицы и экономическое районирование

Национальное размежевание явилось первым этапом на пути раскрепощения от национального гнета народов бывшей империи. Раскрепостить — значило уравнить. Недостаточно было выделить территории, создать автономные единицы и заявить национальностям: «вы свободны — живите как знаете». Экономический фактор с самого начала размежевания играл крупнейшую роль, особенно если учесть, что в прошлом национальности насильно лишались своей экономической базы, грубой военно-колонизаторской силой

сгонялись с своих земель на худшие участки (Заволжье, Сев. Кавказ и т. д.), обрекались на пауперизацию и вымирание.

Сам процесс очерчения границ автономных национально-государственных единиц проходил под углом зрения укрепления их экономической базы. Национальный состав населения каждого района имел конечно важнейшее значение при намечении границ автономий, но он все же не являлся единственным решающим фактором. Территориальный принцип, выдвигавшийся большевиками, резко отличался от «национально-территориальной автономии», выдвигавшейся программой австрийской социал-демократии в виде «национально отграниченных» округов (§ 2 брюннской программы). Ленин подчеркивал, что:

«...Национальный состав населения — один из важнейших экономических факторов, но неединственный и не важнейший среди других. Города, например, играют важнейшую экономическую роль при капитализме, а города везде... отличаются наиболее пестрым национальным составом населения. Отрывать города от экономики тяготеющих к ним сел и округов из-за «национального» момента нелепо и невозможно. Поэтому целиком и исключительно становиться на почву «национально-территориалистического» принципа марксисты не должны» [1].

Ленин ссылался при этом на резолюцию по национальному вопросу, принятую на совещании ЦК с партийными работниками в 1913 г., которая заявляла, что необходима: «...широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.».

При национальном размежевании партия в центре и на местах отвергала всякие «исторические» права на границы, вытекавшие из прошлых захватов, борьбы князей и феодалов меж собою. В каждом отдельном случае партия исходила только из интересов трудящихся и стоящих перед ними задач. Партия учитывала необходимость создания для каждой автономии такого круга экономических опорных центров в виде городов, промышленных центров и т. д., которые могли бы помочь дальнейшему успешному развитию каждой нации.

Взять например Башкирскую ССР. 23 марта 1919 г. она была образована тотчас же по очищении ее территории от белогвардейцев в составе так наз. «Малой Башкирии» с центром в Стерлитамаке. Переход к восстановительному периоду показал, однако, что отсутствие железнодорожных и водных путей сообщения, значительных культурных и хозяйственных центров, наличие хозяйственной и административной чересполосицы и т. д. затруднят дальнейшее развитие Башкирии. Центр автономной республики — Стерлитамак — далеко отстоял от железной дороги, а по водному пути он мог связаться с ближайшим крупным городским центром — Уфой (не входившим в республику) — только на короткое время.

[1] Ленин, т. XVII, изд. 3, с. 158.

во время половодья. В связи с этим 14 июня 1922 г. так называемая «Малая Башкирия» была реорганизована в «Большую Башкирию» со включением в нее отдельных районов б. Уфимской и Челябинской губерний, причем центр был перенесен в Уфу, в которой большинство населения было русское. Это обстоятельство, как и то, что в пределах Башкирской АССР имеется значительное количество русского населения (33,4%), дало повод отдельным работникам, не отрешившимся еще от великодержавных тенденций, противодействовать коренизации верховных органов власти «Большой Башкирии». Партия преодолевала великодержавные уклоны и извращения, добившись правильного построения органов власти, исходя из начал советской национальной политики.

Такую же политику учета социально-экономического положения каждой нации партия вела при установлении границ каждого автономного образования. При размежевании Средней Азии и установлении границ вновь организованных союзных республик тезисы Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б) предлагали:

«При установлении связей между отдельными отраслями народного хозяйства вновь организуемых республик и областей должно быть соблюдено политическое равноправие сторон и учтены все особенности экономики, в которых развивалась и живет данная национальность. Экономическая связь должна быть осуществлена в духе пролетарского и действительно братского внимания к нуждам и потребностям всех отсталых национальностей... При проведении границ между отдельными республиками и при осуществлении экономического районирования Средней Азии должны быть тщательно учтены все условия, благоприятствующие той или другой национальности. Максимальнейшее внимание должно быть уделено именно наиболее слабым и отсталым национальностям».

Национальное размежевание должно было таким образом сопровождаться обеспечением дальнейшего экономического развития каждой республики и создавать базу для мирного сожительства и сотрудничества трудящихся всех наций.

С такими же «пограничными» вопросами партия встречалась и в процессе восстановления и реконструкции народного хозяйства.

Юго-Осетинская, например, автономная область, которая в прошлом не имела никаких промышленных предприятий и пролетариата, включившись в социалистическое строительство, с 1925 г. приступила к разработке нерудных ископаемых (мрамора, талька и т. д.). Но так как северные склоны гор, на которых велись разработки, уходили в Юго-Осетию, а южная часть в бывший Горийский округ (Грузия), то ВСНХ Грузии оспаривал право Юго-Осетии на эти разработки. В числе мотивов фигурировало и то, что «эта часть горы обязательно и безусловно наша родная, грузинская, так как по историческим данным здесь проходила в свое время граница князей Амиродшиби и Палавандова» [1].

---

[1] В. Имедадзе. Против „ползучих“ уклонов. — „Заря Востока“ 16/IX 1930 г.

Граница, установленная князьями-крепостниками как граница социалистической Грузии, с ее составной частью — автономной областью Юго-Осетии! Большего извращения нельзя было и придумать. Естественно, что ЦК компартии Грузии ударил по таким националистским гримасам, решив вопрос в интересах Юго-Осетии, трудящиеся которой, будучи в прошлом обездолены, только после революции получили возможность формировать свой пролетариат и на своем участке продвигать общее дело социалистического строительства.

В борьбе с пережитками колониальной эксплоатации советская власть стремилась положить конец такому положению, при котором хлопок из Средней Азии целиком отправлялся в центр, а оттуда снова возвращался на место в виде готовой мануфактуры. Если первые шаги советской власти обозначались переброской нескольких текстильных фабрик из центра поближе к источникам сырья (в Среднюю Азию, на Кавказ), то в дальнейшем, по мере развития общего плана социалистической организации хозяйства и поставленной задачи «догнать и перегнать», на месте строились новые текстильные фабрики, индустрия все более продвигается на Восток, создавая фундамент для подъема общего народного хозяйства и хозяйства каждой национальной республики в отдельности.

В связи с этим следующим после национального размежевания этапом по пути коренного переустройства прежней империи явилось разграничение районов по их экономическому признаку. Это мероприятие, напрашивавшееся тотчас же после Октябрьского переворота, задержалось только в связи с гражданской войной и вытекало из несоответствия старых полуфеодальных административных делений новым политическим и экономическим задачам советской власти. Это еще до революции явилось преградой к промышленному развитию, и в 1913 г. Ленин в «Критические заметки по национальному вопросу», указывая на эти пережитки, писал:

«Смешно толковать об условиях и требованиях современного капитализма и брать не «современные» и не «капиталистические», а средневековые, крепостнические, казенно-бюрократические административные деления России, причем в самой грубой их форме (губерния, а не уезды). Ясно, как день, что не может быть и речи ни о какой сколько-нибудь серьезной местной реформе в России без уничтожения этих делений и замены их действительно «современными», действительно отвечающими требованиям не казны, не бюрократии, не рутины, не помещиков, не попов, а капитализма, делениями, причем среди современных требований капитализма будет несомненно требование возможно большего единства национального состава населения, ибо национальность, тождество языка есть важный фактор для полного завоевания внутреннего рынка и для полной свободы экономического оборота» [1].

[1] Ленин, т. XVII, изд. 3, с. 156—157.

После гражданской войны восстановительный, а затем в особенности реконструктивный период диктовали необходимость планомерной концентрации всех сил и материальных средств для реконструкции всего народного хозяйства и хозяйства каждого района в отдельности на основе единого народнохозяйственного социалистического плана. Задача пролетарской диктатуры состояла в том, чтобы найти наиболее соответствующие гибкие административные формы, которые на базе советов способствовали бы правильному регулированию народного хозяйства, вводя в то же время разнообразнейшие районы и необычайно пестрый состав их населения в русло единого творческого устремления и дисциплины.

«Социализм, — писал Ленин, — немыслим... без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов...»[1].

Роль пролетарского государства заключалась в том, чтобы максимально упростить и приблизить аппарат власти к населению, применительно к условиям местного быта и на основе втягивания самого населения в советские органы управления государством и производством. Естественно, что национальные особенности населения автономии должны были играть крупную роль в вопросах проведения нового районирования. Для многих национальностей, в особенности восточных, вопрос об экономическом районировании связывался с вопросом скорейшей ликвидации экономического неравенства, и создания таких условий, при которых они могли бы итти к социализму, минуя путь капиталистического развития, что возможно только при активной помощи им со стороны пролетариата более передовых районов.

Подъем и реконструкция хозяйства — не самоцель диктатуры пролетариата, борющейся не просто за индустриализацию, а за социалистическую индустриализацию. В переходный период от капитализма к социализму все эти вопросы подчиняются интересам революционной борьбы, направленной в конечном счете к уничтожению классов, уничтожению противоположностей между городом и деревней, противоречий между умственным и физическим трудом, что подготовит почву и для более тесного союза наций и в конечном счете для их добровольного слияния. Этим конечным целям подчинялись и все мероприятия советской власти с первых ее шагов.

«Начиная социалистические преобразования, — писал Ленин, — мы должны ясно поставить перед собою цель, к которой эти преобразования в конце-концов поставлены, — именно цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего

[1] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 325.

дальше, к осуществлению принципа «от каждого — по способностям, каждому — по его потребностям».

Подступами к этому являются наша первая и вторая пятилетки, наша строящаяся крупная социалистическая индустрия, перестройка и техническое перевооружение сельского хозяйства на совхозно-колхозной базе, движение индустриальных центров на Восток, превращение прежде пустынных мест в новые городские индустриальные селения, видоизменяющие физиономию прежней России.

В отношении промышленного охвата национальных районов XV съезд партии указал, что «пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры».

Практические результаты этой работы к концу 3 года пятилетки характерны новыми, социалистическими индустриальными гигантами и тем, что СССР стал страной самого крупного в мире земледелия, что колхозник стал центральной фигурой последнего, что около двух тысяч МТС знаменуют кореной поворот в технической реконструкции сельского хозяйства.

Первые 3 года пятилетки опередили все плановые предположения. По автономным республикам и областям РСФСР в капитальное строительство вложено 300 млн. рублей против 100,75 млн., запроектированных пятилетним планом. Особо характерны достижения районов, почти не имевших или имевших слабую промышленность.

Так, валовая продукция в цензовой промышленности УзбССР уже в 1929-30 г. превысила довоенную продукцию в два с половиной раза; валовая продукция промышленности Закавказья в 1931 г. превысила наметки пятилетнего плана на 8 процентов и возросла почти на 70 процентов по сравнению с 1930 г. Валовая продукция промышленности Таджикистана в 1930 г. составляла 10 800 тыс. рублей, в 1931 г. — 32 млн. Общая сумма капитальных вложений в промышленность Таджикистана с 1928 г. по 1930 г. увеличилась в 40 раз.

В отсталых странах Востока ряд отраслей промышленности создан впервые, а в Таджикистане вся промышленность создана при советской власти.

Особенно показательно то, что ведущие отрасли промышленности продвигаются на Восток. Так, металлургическая промышленность расширяет свою базу в Башкирии, Казакстане, Крыму, топливная — в ЗСФСР, Казакстане, Чечне, химическая — в БССР, ЗСФСР, Марийской области, Коми области и т. д.

Новая экономика определяет и новые отношения. Индустриализация промышленности, с одной стороны, коллективизация и техническое перевооружение сельского хозяйства, с другой стороны — вот стержневые моменты, преобразующие лицо национальных автономий. К этому нужно прибавить, что меняется по-

степенно и внешняя физиономия населенных пунктов, способствуя коренным изменениям в быте. Пятилетний план выделяет свыше 8 млрд. рублей на реконструкцию старых и постройку новых 200 индустриальных и 1 000 агрогородов, из которых многие приходятся на национально-государственные объединения. Там, где раньше было пустое место, вырастают сейчас города — вокруг Магнитостроя, Днепростроя и т. д.

Частью стратегического плана в борьбе по новому переустройству прежней России явилось запоздавшее в связи с гражданской войной экономическое районирование.

Экономические связи всех советских республик в эпоху гражданской войны выражались в правильном использовании всех возможностей и исторически сложившегося распределения труда всех районов в интересах общих задач борьбы на многочисленных внешних и внутренних фронтах. Новый этап ставил задачи не только повышения производственных возможностей, но и планомерной расстановки *новых* производительных сил применительно к ресурсам и специальности каждого района, потенциальные возможности которого должны были увеличиваться и вооружаться новой техникой.

Отсюда и политика построения индустриальных центров «с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабриката, вплоть до получения готового продукта»[1].

Но один лишь экономический принцип не мог решить вопроса о планомерном подъеме хозяйства и культуры многочисленных национальностей СССР. Ленин предупреждал, что «без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а *следовательно*, не сможет решить и *своей производственной задачи*»[2].

В условиях частной собственности, анархии рынка производство подчинено только принципу прибыли и капиталистической эксплоатации. На этой базе проводится и размещение производительных сил. Это приводит к усилению гнета колоний, еще более обостряет классовые противоречия и углубляет противоположность между городом и деревней. Рост техники еще более усиливает все эти противоречия, вызывая уже панику среди самих капиталистов. Это ярко обозначилось за последние годы в связи с мировым экономическим кризисом, когда такие крупные представители капитализма, как бывший министр финансов империалистской Франции Кайо и др., выступают сейчас за ограничение рационализации, машинизации и изобретательства. Этим лишний раз подчеркивается, что капитализм перестал уж быть двигателем прогресса.

Специализация районов в условиях диктатуры пролетариата на базе социалистической индустриализации дает широкий простор развитию научной мысли, техники и изобретательству, теснее

---

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 434.
[2] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 126.

сплачивает крестьянство вокруг рабочего класса, ведет к ликвидации неравенства угнетаемых раньше национальностей и ускоряет стирание граней между городом и деревней.

Энгельс в «Анти-Дюринге» отметил, что

«только общество, способное гармонически приводить в движение свои производительные силы согласно единому, общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно расселить крупную промышленность по всей стране в полном соответствии с ее собственным развитием и сохранением и развитием прочих элементов производства. Таким образом, устранение противоречий между городом и деревней не только возможно, но оно стало просто необходимым в интересах индустриального и земледельческого производства, а также в целях общественной гигиены».

Таким обществом в переходную эпоху является общество диктатуры пролетариата, выдвигающего социалистическую плановость в противовес капиталистической анархии.

Социалистическая специализация — это правильное разделение труда между отдельными экономическими районами на базе общего народнохозяйственного плана и максимального развития техники. Специализация противопоставляется таким образом кустарному универсализму мелкого крестьянского хозяйства, опираясь на крупную социалистическую индустрию, на крупное совхозно-колхозное хозяйство и т. д. Вопросы советского хозрасчета заставляют конечно учитывать естественно-технические условия каждого района, но это тесно переплетается и с политическими задачами, вытекающими, с одной стороны, из того, что пролетариат строит свою производственную базу в условиях капиталистического окружения, с другой — из необходимости ликвидировать остатки прежнего неравенства национальностей.

Местная творческая инициатива каждого района, характерного не только своими ресурсами, но и особым бытом, национальным составом и т. д., играет важнейшую роль в борьбе двух систем: социалистической и капиталистической. «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности... Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий есть создание самих народных масс» [1].

Специализация районов не предполагает также упора на одну какую-либо изолированную отрасль, а является комплексом хозяйственных мероприятий, наиболее целесообразно увязывающим планомерное использование всех производственных возможностей каждого района, исходя не только из его сырьевых ресурсов, но и из развития промышленности по их переработке на месте. Специализация таким образов вытесняет старые отжившие формы работы и в соответствии со всей политикой партии и советской власти способствует развитию новых, социалистических производственных взаимоотношений.

---

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 45.

Социалистический принцип и план в вопросах управления, базирующиеся на демократическом централизме, в корне противопоставляются буржуазному бездушно-бюрократическому централизму. «Систематическая переделка аппарата,—заявила XVI партконференция,—должна итти по линии децентрализации планирования и руководства в основных вопросах, по линии создания условий, обеспечивающих как разработку твердых и своевременных планов, так и их полное выполнение».

Задача заключалась в том, чтобы привести систему управления в соответствие с системой эволюционировавшего социалистического хозяйства. Новая система экономических районов, выступающая в лице краевых (областных) органов, должна, с одной стороны, выявлять и разрабатывать все хозяйственные возможности в тесной увязке с задачами общего народнохозяйственного плана, с другой — укреплять диктатуру пролетариата, на основе советской демократии расширять и углублять ее социальную базу, диференцированным подходом вовлекать массы в управление государством и производством применительно к местному быту, опыту, национальному составу и тем самым способствовать выполнению общего плана социалистического строительства. Тов. Сталин на XVI съезде подчеркнул, что: «Как бы мы ни развивали народное хозяйство, нельзя обойтись без вопроса о том, как правильно разместить промышленность как ведущую отрасль народного хозяйства»[1].

Естественно, что уже с первых шагов экономического районирования и создания краевых органов встал вопрос о взаимоотношениях между ними и автономными национальными единицами. Хотя границы каждой автономной единицы создавались под углом зрения необходимости максимального обеспечения ее в экономическом отношении, но в условиях развития крупной промышленности и капиталистического окружения, реконструкция хозяйства каждой автономии своими собственными силами невозможна.

Союзные и автономные республики должны были занять свое место в новом районировании. Союзные республики, исходя из учета их территории и экономической мощности, составили самостоятельные районы, проводя затем внутриреспубликанское районирование. Что касается автономных республик, то большинство составило самостоятельные районы. Часть же на основе добровольности вошла в краевые объединения (Республика Немцев Поволжья, Чувашская, Дагестанская, Бурят-Монгольская) без нарушения их прав, признанных за ними Конституцией. Практика показала, что там, где промышленно-отсталые автономные республики и области составляют естественную часть одного общего экономического района, их вхождение в край не только не оказалось в противоречии с задачами национального размежевания, но, наоборот, подвело под них более прочную базу, содействуя их материальному и духовному развитию. Суверенность национальных государственных объединений, в особенности в отношении их национальных задач, оговорена спе-

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, 1930 г., с. 669.

циальными законодательными актами центральной власти. Декреты ВЦИК от 28 июня и 29 октября 1928 г., касающиеся вхождения автономных республик и областей в края, гарантируют незыблемость их автономных прав. Согласно этим декретам любое постановление краевых органов, в случае несогласия с ним верховного органа автономной единицы, может быть приостановлено с одновременным обжалованием в СНК и ВЦИК. При этом за автономными республиками сохранено право выхода из краевого объединения. Большое значение имеет также предоставление национальным образованиям особых бюджетных прав, что в особенности обеспечивает их самостоятельное положение в краевых объединениях.

Конкретные результаты в области экономики и культуры национальных автономных объединений, вошедших в края, ярче всего иллюстрируются опытом Северо-Кавказского края, население которого больше чем наполовину состоит из 102 малых национальностей. До ноября 1931 г. в него входили 7 автономных областей: Чеченская, Северо-Осетинская, Кабардино-Балкарская, Ингушская, Карачаевская, Черкесская, Адыгейская. Эпоха реконструкции побудила примкнуть к краю и Дагестанскую республику. Мотивы изложены в постановлении IX съезда советов Дагестана 1931 г., заявившем, что:

«Учитывая однородность естественно-исторических и хозяйственных условий территории Северо-Кавказского края и ДАССР, а также необходимость проведения на всей указанной территории согласованных, соответствующих задачам социалистического строительства мероприятий по планированию и регулированию народного хозяйства, в целях облегчения трудящимся ДАССР достигнуть необходимейших в новых условиях и в новой обстановке более высоких темпов социалистической перестройки народного хозяйства и обеспечить более успешное разрешение основных хозяйственных и политических вопросов Дагестана (новое крупнейшее электрогидростроительство, разработка огромнейших природных богатств недр и горных ископаемых, задачи по коллективизации и социалистической перестройке сельского хозяйства и животноводства, перестройка морского порта, реконструкция рыбной промышленности, ликвидация культурной отсталости и др.), пользуясь при этом огромным положительным опытом и практической помощью передового в СССР Северо-Кавказского края, завершающего в основном сплошную коллективизацию сельского хозяйства и на ее основе ликвидацию кулачества как класса и обеспечивающего развертывание крупнейшего промышленного и других видов строительства в крае и особенно на территории входящих в его состав национальных областей, для обеспечения также под руководством и с помощью края более широких и быстрых темпов развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры многочисленных дагестанских народностей на основе совместных усилий и тесного братского сотрудничества трудящихся Северо-Кавказского края и трудящихся советского Дагестана, постановляет:

просить Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Северо-Кавказский крайисполком советов разрешить ДАССР войти, а Северо-Кавказскому крайисполкому согласиться с вхождением на основе общих принципов, утвержденных ВЦИК 28/VI 1928 г. об условиях вхождения ДАССР в состав районированных краевых (областных) объединений в ее ныне существующих границах, с полным сохранением ее прав как автономной социалистической советской республики в состав Северо-Кавказского края».

Вхождением Дагестана в Северо-Кавказский край фактически замкнулся громадный круг общих вопросов, подлежащих разрешению силами трудящихся национальностей всего Северо-Кавказского края.

Поскольку Дагестанская АССР вошла в Северо-Кавказский край лишь с ноября 1931 г., ее достижения не характерны для выявления взаимоотношений между краями и автономиями. Что же касается национальных областей, то в прошлом, если не считать Грознефти и Севкавцинка, на их территории почти не было фабрично-заводской промышленности. И тем характернее в этом отношении сделанный ими за последние годы скачок вперед. Это иллюстрируется следующими данными.

По первой пятилетке капитальные вложения в отношении основного капитала в %% выражались: по всему Северо-Кавказскому краю — 189,8%, по национальным областям, входящим в край, — 439,3%.

Рост бюджетов национальных автономных областей в сравнении с русскими районами того же Северо-Кавказского края составлял (в тыс. рублей):

	1928—29 г.		1929—30 г.		1931 г.		% роста к 1928—29 г.
	Объем бюдж.	Уд. вес	Объем бюдж.	Уд. вес	Объем бюдж.	Уд. вес	
Бюджеты нацобластей	23600	14,8%	31480	15,1%	38601	16,1%	63,5%
Бюджеты русских районов и самостоят. городов . . .	115922	72,8%	141067	67,6%	157141	66,7%	35,5%

Из этих цифр видно, что при общем росте бюджетов всего края на 35,5% в национальных автономных областях, входящих в край, рост бюджетов был почти в два раза больше русских районов.

Еще более показательным является сравнение роста доходов и расходов на душу населения:

	1928—29 г.	1929—30 г.	1931 г.	% роста к 1928—29 г,
Доходы				
По автономным нацобластям	15 р. 79 к.	21 р. 09 к.	22 р. 53 к.	42,2
По русским районам и самостоят. городам	15 р. 50 к,	18 р. 25 к.	24 р. 28 к.	56,7
Расходы				
По автономным нацобластям	20 р. 39 к.	24 р. 45 к.	29 р. 50 к.	44,8
По русским районам и самостоят. городам	14 р. 82 к.	17 р. 46 к.	20 р. 03 к.[1]	28,4

Из таблицы видно, что доходность на душу населения в национальных районах пока еще меньшая, чем в русских районах. Расходы же в пропорциональном отношении на много увеличились. Рост расходов русских районов в 1931 г. в сравнении с 1928/29 г. составил лишь 64% роста расходов национальных районов.

Такие темпы увеличения расходов в автономных национальных областях вызваны политикой подтягивания их к уровню передовых районов. Это достигнуто тем, что край, мобилизуя все свои ресурсы, предоставлял автономным областям дотации, которые в первый год пятилетки равнялись 5 300 тыс. рублей, а в 1931 г. — 10 750 тыс. рублей, т. е. увеличились вдвое [2].

Только такой политикой можно было продвинуть индустриализацию автономных областей, сказывающуюся в постройке на их территории многочисленных фабрично-заводских предприятий, из которых отдельные уже закончены к началу 1932 г., остальные находятся еще в стройке.

Так, в Адыгейской автономной области построены: поташный завод в ауле Улян, томатно-варочный комбинат в. селении Хату-Кай.

В Ингушской автономной области построены: кирпичный завод в с. Назрань, деревообделочный и лесопильный заводы в селе Мужичи, консервный завод в с. Базоркино, кровельно-сланцевый рудник в с. Ларс.

В Кабардино-Балкарской автономной области выстроены клепочный завод, фанерная фабрика, сушильно-варочный завод, яично-птичная фабрика, строятся крахмальный комбинат, винокуренный завод.

[1] В 1931 г. расход на душу по русским районам без городов составляет 14 руб. 70 коп.

[2] Кримберг. Финансовое хозяйство... социалистического переустройства нац. областей. „Революция и горец" 1932 г. № 1.

В Северо-Осетинской автономной области строится 5 заводов в Алагире (свинцовый, цинковый, сернокислый, лесопильный и лесохимический), 2 лесопильных завода в с. Урсдон и Магометановское, 2 крахмало-паточных завода.

В Чеченской автономной области строится химический комбинат и винокуренный завод.

Такая политика помощи краев отставшим районам повлекла за собой огромные достижения во всех областях их общественной жизни.

Валовая продукция цензовой промышленности национальных областей Северного Кавказа (в неизменных ценах 1926/27 г.) выражалась в 1924/25 г. в сумме 111 809 700 рублей, что составляло 29,3% ее удельного веса в валовой продукции цензовой промышленности всего края. В 1930 г. валовая продукция национальных областей оценивалась уже в 491 977 000 рублей и ее удельный вес в крае достиг 34,7%.

Валовая продукция всей промышленности в 1931 г. по всему СССР выросла на 20 — 21%, по Северо-Кавказскому краю — на 21%, а по национальным областям Северо-Кавказского края только за 10 месяцев 1931 г. прирост обозначился на 450%, по металлообрабатывающей — на 739%.

На этой базе увеличивались пролетарские кадры. В 1926 г. в национальных областях насчитывалось 11 066 рабочих, в 1930 г.— 16 802, в 1932 г. — 19 681 чел. Рост пролетариата в сравнении с 1926 г. обозначился на 85%.

Промышленная кооперация национальных областей в 1928/29 г. имела: капитальных вложений — 26 тысяч, валовой продукции на сумму 1 461 500 рублей, занятых рабочих — 4 280 чел. В 1931 г. было: капитальных вложений — 1 450 тысяч, валовой продукции на сумму 21 644 700 рублей, занятых рабочих — 11 280 чел.

Расло и развивалось по социалистическому пути сельское хозяйство. Посевная площадь национальных областей в 1925 г. охватывала 638 тыс. га, в 1931 г. — 1 110 тыс. га. Из них колхозный сектор охватывал 57% всех посевных площадей, совхозный — 13,5%, единоличный — 29,5%, Адыгейская и Северо-Осетинская автономные области завершили сплошную коллективизацию, другие подтягиваются, идут к ее завершению.

Значительно увеличились посевы технических культур. Хлопок, например, в 1930 г. занимал 2,7 тыс. га, в 1931 г. — 12,5 тыс. га.

Хозяйственный рост сопровождался ростом культуры. Национальные автономные области Северо-Кавказского края в прошлом были районами почти сплошной неграмотности. Достаточно отметить, что еще в 1920 г. грамотных насчитывалось: чеченцев — 0,8%, кабардинцев — 2,1%, балкарцев — 0,9%, черкесов — 4,5%, ингушей — 3%, осетин — 14,7% и т. д. В 1931 г. в автономных областях: Адыгейской, Черкесской, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской неграмотность ликвидирована. Всеобуч охватил 100% детей. По остальным областям всеобуч завершится в 1932 г. В 1930 г. всеобучем было охвачено во всех национальных областях — 78 657 детей, в 1931 г. — 149 500 детей.

Ведется большая работа по созданию квалифицированных кадров средней и высшей квалификации.

В 1930 г. контингент учащихся националов в техникумах Северо-Кавказского края составлял: в 1930 г. — 2 751 чел., в 1932 г. — 7 860, т. е. увеличение в 3 раза. В рабфаках края в 1930 г. насчитывалось 652 национала, в 1932 г. — 3 031; в вузах в 1930 г. было 494 национала, в 1931 г. — 1 535, в 1932 г. — 2 433.

Идет все большее увеличение женских квалифицированных кадров. В 1929/30 г. горянок в вузах было 19% по отношению к общему количеству мужчин-горцев, в техникумах — 16%. Осенний прием 1931/32 г. дал: в рабфаках — 53,6% горянок по отношению к горцам, в вузах и техникумах — 31%, в специальных техникумах — 41,5%. В цензовой промышленности на 1 января 1931 г. насчитывалось только 7,4% горянок по отношению к мужчинам горцам; в октябре 1931 г. контингент горянок поднялся уже до 20,8%.

Растет и партийный актив. В октябре 1930 г. число коммунистов в национальных областях достигало 11 263 чел., в октябре 1931 г. — 17 050 чел.

Положение автономных единиц в краевых объединениях характерно и процессом коренизации их органов власти.

Коренное, например, население автономной республики Немцев Поволжья, вошедшей в Нижне-Волжский край, составляет 66,4% всего населения Республики. После последних выборов в советы 1931 г. в составе сельсоветов имеется 69,9% немцев и 10,8% других национальностей, кроме русских, в районных исполкомах 72,9% немцев и 10,2% других национальностей, кроме русских, в центральных органах — 58,0% немцев и 17,7% других национальностей, кроме русских.

В Чеченской автономной области, входящей в Северо-Кавказский край, коренное население составляет 57,1% по отношению ко всему населению области. В сельсоветах чеченцев — 89,9%, других национальностей (кроме русских) — 1,3%, в районных исполкомах: чеченцев — 85,0%, других национальностей (кроме русских)—1,0%, в центральных органах: чеченцев—48,0%, других национальностей (кроме русских) — 8,0%.

Аналогичное положение почти во всех других автономных объединениях, вошедших в край. Сами краевые органы, выполняя директивы партии, прилагают все усилия к коренизации местных органов, так как только таким образом возможно вовлечение широчайших масс в управление государством и производством и тем самым выполнение общих планов.

Все эти данные необычайно ярко подчеркивают выгоды, получаемые промышленно-отсталыми автономными национальными объединениями от их опоры на мощные краевые объединения, с которыми они объединены общими экономическими интересами. При этом автономные объединения участвуют в строительстве краевой власти, тем самым влияя на развитие всего края. Характерно также, что при крайисполкоме Северо-Кавказского края существует свой совет национальностей, который в пределах границ

края выполняет те же функции, что приблизительно и Совет национальностей ЦИК в союзном масштабе.

Задачи конкретного руководства вызывают диференцированный подход к каждой отдельной экономической области внутри союзных и автономных республик, составляющих самостоятельные, не входящие в края районы. Основным звеном является район. Области группируют ряд районов, связанных между собою экономическим единством и специальностью. Это особенно важно в таких республиках, как Украина и Казакстан, где имеется разнообразие экономических районов и где, как, например, в Казакстане, имеется еще недостаточно развитая железнодорожная, телеграфная и др. связь, что затрудняет непосредственное сношение краевых органов с районами.

Наряду с этим необходимо отметить и положение национальных меньшинств в системе общего районирования по всем республикам.

10 февраля 1931 г. ВЦИК и СНК РСФСР постановили предложить всем народным комиссариатам, ЦИК и СНК автономных республик и краевым исполкомам: «а) в кратчайший срок организовать систематический учет хода и результатов работ по обслуживанию национальных меньшинств; б) во всех годовых и перспективных планах хозяйственного и культурного строительства, начиная с плана 1931 г., специально выделять мероприятия, предназначенные для хозяйственного и культурного обслуживания национальных меньшинств».

Этим самым национальные меньшинства, вкрапленные в то или иное национальное большинство, поворачивались к задачам индустриализации, коллективизации и всего социалистического строительства. Рычагами в этом отношении являются национальные округа, районы и сельсоветы. Окружные исполкомы, ликвидированные в 1930 г., остались только в тех местах, главным образом на севере, где национальности редкими группами разбросаны по крупным районам.

Национальные округа составляют среднее звено между автономной областью и районом и часто обнимают не одну национальность, а несколько. Так, в Ямальском национальном округе (центр Обдорск) всего населения — 12,5 тыс. чел. Из них ненцы (самоеды) составляют 58,5% населения, остяки — 12,5%, коми-зыряне — 21,3%, остальные — русские. В Таймырском национальном округе (центр Дудинка) всего 7,5 тыс. населения. Из них — ненцы (самоеды) — 33,2%, долгане — 17,7%, русские — 24,1%, якуты — 13,9%, эвенки — 11,1%.

Характерную особенность представляют так называемые «тузсоветы» (туземные советы), разбросанные часто по тундрам Восточной Сибири, ДВК, Северного края, охватывающие население, которое еще недавно подвергалось хищнической эксплоатации торгового капитала, попов, шаманов и т. д. и постепенно вымирало. Советская власть внесла среди них не только самоуправление, но и школы, новую письменность на родном языке, медицину и вете-

ринарию, культбазы. В 1931 г. на территории РСФСР насчитывалось 1 туземный окружной исполком, 47 туземных районов, 18 смешанных риков, 388 тузсоветов, 14 смешанных советов.

Основным моментом в приближении советского аппарата к населению национальных меньшинств и вовлечении их самих в аппарат управления является коренизация и перевод всего делопроизводства на местные языки.

Самой распространенной формой объединения национальных меньшинств являются национальные сельсоветы и рики. Число таких национально-административных единиц, разбросанных по всему СССР, огромно. В 1931 г. насчитывалось 242 национальных района и 5 266 национальных советов. Огромно также влияние и помощь краевых (областных) органов, проводящих выделение национально-административных единиц и заинтересованных в том, чтобы их мероприятия были доведены до самых широких масс населения применительно к их национальным и бытовым особенностям.

Примером может служить Средне-Волжский край, составившийся из бывших Самарской, Ульяновской, Оренбургской, Пензенской и части Саратовской губерний. Национальный состав населения достигает 28% всего населения края. Из них основные: мордвины — 15%, татары и башкиры — 5,7%, украинцы — 2,9%, чуваши — 2,6%, немцы — 0,3%, казаки — 0,3%, прочие — 1,2%.

Основная масса мордвинов сосредоточена в Мордовской автономной области. Вместе с тем имеется еще 3 национальных района, обнимающих мордвинов, находящихся вне границ автономной области. Кроме того имеется 2 чувашских, 2 татарских и 1 казакский районы.

Помощь края выражается в следующем.

Краевой бюджет в 1931 г. в сравнении с 1930 г. дал прирост в 57%, тогда как по национальным районам он вырос от 71,7% до 118%.

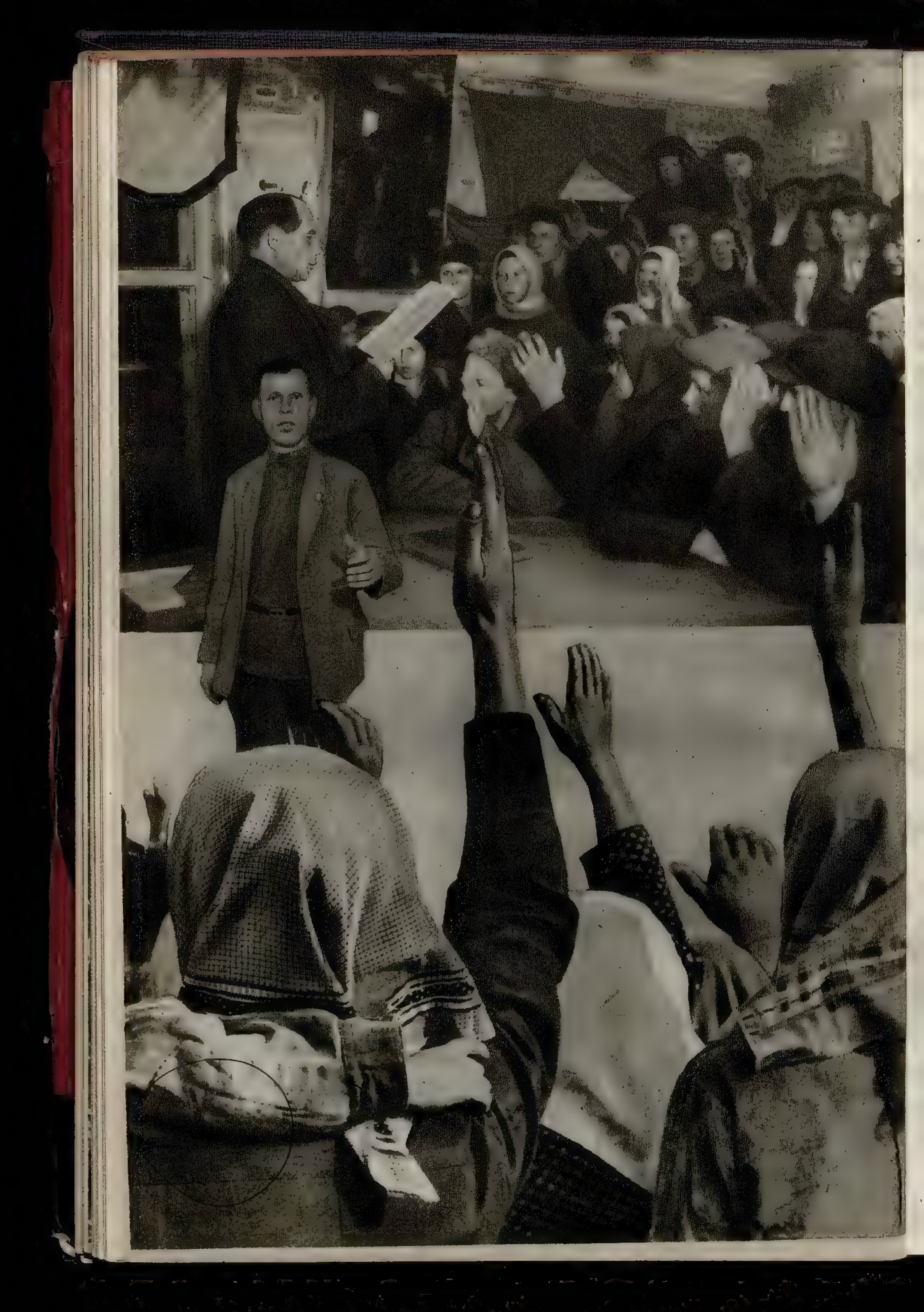
Средний рост сети начальных школ по краю в 1931 г. был — 3%, а в мордовских районах — 12,5%, татарских — 17,2%. Число учащихся повышенных школ по краю в 1931 г. увеличилось на 17,6%. В мордовских же районах — на 72,2%, чувашских — 57,1%, татарских — 46,3%.

По здравоохранению по краю имелось расширение на 27,5%, в национальных районах на 54,7%.

Такое же положение национальных меньшинств во всех союзных республиках. На Украине, например, живет около 6 млн. национальных меньшинств. По переписи 1926 г. насчитывалось: русских — 2 677 166 (9,2%), евреев — 1 574 391 (5,4%), поляков — 476 435 (1,6%), немцев — 393 924 (1,4%), молдаван — 257 794 (0,9%), греков — 104 666 (0,3%), болгар — 92 078 (0,3%), белоруссов — 75 842 (0,3%), других — 148 591 (0,5%).

В 1931 г. на Украине насчитывалось 1 150 национальных советов: русских — 450, немецких — 254, польских — 151, еврейских — 146, молдаванских (не считая АМССР) — 16, чешских — 12, болгарских — 45 и т. д. Национальных районов было — 25. Из них

НИ
ОДНОГО
ТРУДЯЩЕГОСЯ
ВНЕ
ПЕРЕВЫБОРОВ
СОВЕТ

русских — 8, немецких — 7, еврейских — 3, болгарских — 3, греческих — 3, польских — 1.

Проводя украинизацию, советская власть Украины обеспечивала вместе с тем развитие национальной культуры национальных меньшинств, вовлекая их тем самым в русло общего социалистического строительства. Новизна работы и отсталость многих национальных районов побуждают советскую власть Украины уделять для этой работы относительно большие ассигнования, чем основным украинским районам. Так, бюджеты национальных районов Украины в 1931 г. выросли на 109% в сравнении с 1930 г. при общем росте местного бюджета на 24,5%. Рост расходов по просвещению в национальных районах достиг 75% при среднем проценте роста по всей республике в 32%, по здравоохранению рост в национальных районах — 73% при среднем по всей Украине — 12%, по дорожному строительству рост 132%, при среднем во всей Украине — 20%.

Все автономные республики и области за последние годы показывают укрепление основных рычагов пролетарской диктатуры. Это ярко иллюстрируется сравнительными данными состава ЦИКов республик и исполкомов автономных областей РСФСР за 1929 и 1931 гг. (в %):

	Годы	Женщины	Рабочие	Крестьяне	Из них			
					Колхозники	Служащие	Чл. ВКП(б)	Чл. ВЛКСМ
Состав исполкомов автономных областей	1929	14,5	21,8	33,2	—	42,4	70,8	1,9
	1931	19,6	24,3	39,7	62,6	33,0	73,4	3,7
Состав ЦИКов автономных республик	1929	14,0	29,1	19,5	—	46,1	72,3	3,0
	1931	18,1	28,6	25,2	70,6	42,3	76,4	3,9

Таблица эта ярко подчеркивает увеличившееся вовлечение националок в верховные органы управления автономных единиц, рост прослойки рабочих, крестьян и в особенности колхозников, рост состава коммунистов и комсомольцев и наоборот падение состава так называемых служащих. Аналогичные показатели дают состав верховных органов автономных единиц других союзных республик и их ЦИКов[1].

Укрепление органов пролетарской диктатуры, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства и подъем национальной культуры на базе правильно проводимой национальной политики свели на-нет межнациональные и внутриселенные распри, которыми так обильна была история прошлого.

Примером может послужить Казакстан. Еще в 1928 г. в Джетысу, на почве запутанных межнациональных отношений, поддер-

[1] Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1931 г. Изд. Центризбиркома ЦИК СССР.

живающихся местными националистами, с одной стороны, и великодержавными — с другой, обозначился конфликт, для улаживания которого правительство Казахстана выделило специальную комиссию. Последняя, ссылаясь на всякие бюджетные, статистические и т. п. данные, предложила в интересах сохранения мирной жизни выселить «излишек» в 16 000 хозяйств. Это предложение было отвергнуто. В Джетысу начата была работа по развитию трудоемких ценных технических культур, как табак, масличные культуры, лекарственные, рис и т. д. Прошло 2—3 года и не только «излишек» включился в работу, но при дальнейшем правильном использовании водных ресурсов понадобится еще столько же рабочих рук, сколько в Джетысу имеется сейчас населения [1].

Так живая действительность подтверждает правильность ленинской национальной политики, основанной на тесном сотрудничестве трудящихся всех наций в борьбе за строительство социализма.

К вопросу об изживании экономической и культурной отсталости национальностей

От первой ко второй пятилетке

Первая пятилетка, заканчиваемая нами на год раньше срока, знаменует собою завершение фундамента социалистической экономики. Ленинский вопрос «кто кого» окончательно решен в пользу социализма. Мы добились того, что уже в первой пятилетке в руках социалистического сектора сосредоточены все хозяйственные рычаги, способствующие развитию новых производственных отношений как в городе, так и в деревне, на социалистической основе. Быстрый рост крупной социалистической индустрии, вооруженной новейшей техникой, как и рост коллективизации и механизации сельского хозяйства, уничтожающих примитивные мелкокустарные крестьянские хозяйства, привел к тому, что «уже в первом пятилетии ликвидируются основы и источник эксплоатации человека человеком, растет недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход, уничтожена безработица и нищета (пауперизм), уничтожаются «ножницы цен» и противоположность между городом и деревней, растет из года в год благосостояние и культурный уровень рабочих и трудящихся крестьян, падает смертность и быстро возрастает народонаселение СССР» [2].

Победы эти приобретают еще большую значимость в свете того безвыходного положения, в котором барахтается весь капиталистический мир. Они достигались в непрестанной классовой борьбе с остатками отживающих классов, с контрреволюционным троцкизмом, заявлявшим о невозможности втягивания крестьянства в строительство социализма, утверждавшего, что «зависимость

[1] У. Исаев. Казахстан в полосе социалистического наступления, с. 50—51, Алма-Ата, 1931 г.

[2] Из резолюции XVII партконференции.

советской индустрии от иностранной техники, зависимость производительных сил передовых стран Европы от азиатского сырья и проч. и проч. делают построение самостоятельного социалистического общества невозможным ни в одной из стран мира»[1].

Победы эти достигались также повседневной борьбой против маловерных нытиков справа, игравших наруку классовому врагу и пытавшихся затормозить победоносное движение вперед, борьбой против «левацких» перепрыгиваний через этапы последовательного развития, которые своим «забегательством» и механическим упрощенством затрудняли и затрудняют успешное решение стоявших на очереди проблем.

Вторая пятилетка — это план строительства самого здания социализма на его твердо заложенном в первой пятилетке фундаменте. Вехи второй пятилетки предначертаны XVII партконференцией, которая в своем постановлении подчеркнула, что основной задачей является «окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовое различие и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

В непосредственной связи с этим стоит и реализация основного положения ленинской национальной политики о ликвидации всех пережитков прежнего национального гнета. XVII партконференция заявила, что «быстрый рост социалистического хозяйства в период второй пятилетки в национальных республиках и областях обусловливает изживание экономической и культурной отсталости национальностей, унаследованной от царского колониально-капиталистического режима».

Перед национальными республиками и областями поставлена таким образом колоссальнейшая задача, сложность которой вытекает из того, что во многих национальных районах дальнейший процесс развития, предначертанный XVII партконференцией, часто осуществляется непосредственным переходом от докапиталистических форм производства к социалистическим.

Ленин на II конгрессе Коминтерна, развивая взгляды основоположников марксизма, подчеркнул необязательность капиталистического пути развития отсталых народов при условии активной поддержки их пролетариатом передовых стран. Диктатура пролетариата СССР своей практикой подтвердила это положение ленинизма, вошедшее в программу Коминтерна и встречавшее ироническое отношение со стороны русских меньшевиков и других партий II Интернационала. Верные агенты разбойничьего империализма в колониях, они в 1928 г., на Брюссельском конгрессе, в своей резолюции заявили, что

«для колониальных народов, не достигших еще этой (культурной) ступени развития, он (социализм) требует действительной охраны от угнетения и эксплоатации, планомерного воспитания их

---

[1] Троцкий. Перманентная революция.

и их самостоятельности и, параллельно с этим, прогрессирующего расширения их самоуправления с конечной целью полного самоуправления».

В переводе на обыкновенный язык это значит, что капитализм должен взять на себя миссию охранять отсталые колониальные народы от своей же эксплоатации и воспитывать их для того, чтобы довести их до «полного самоуправления», т. е. освобождения от своего же гнета. И нет ничего удивительного в том, что II Интернационал, возлагавший такую «культурную» миссию на капитализм, способствовал травле СССР и во всех восстаниях колониальных народов помогал империализму не только в их подавлении, но и в поисках «руки Москвы».

Только диктатура пролетариата, руководимая компартией, смогла не только раскрепостить бывшие царские колонии, но и повести их по пути полного уравнения с наиболее передовыми районами, создавая для этого прочную экономическую и культурную базу. Анализ этой базы позволяет проследить грандиозный процесс перевоспитания миллионных масс отсталых народностей, которые под эгидой советской власти участвуют сейчас в строительстве социализма.

Раньше всего необходимо подчеркнуть, что само продвижение социалистической индустрии на Восток создает резкий перелом во всем хозяйстве прежде угнетенных национальностей. Строительство первой пятилетки и намечающееся строительство второй пятилетки — это крупнейшие комбинаты, обнимающие предприятия, перерабатывающие не только ископаемое, но и сельскохозяйственное сырье, — комбинаты, в которые рядом войдут металлургические, мясные, хлебные заводы и другие предприятия. В свете поставленных задач подтягивания отсталых районов, в первую очередь национальных, трудовые и естественные ресурсы почти каждой национальной автономии представляют в этом отношении колоссальнейшие возможности, что ярко сказывается при более близком к ним подходе.

Казакская, например, республика из архиотсталой в промышленном отношении страны во вторую пятилетку превращается в крупнейший индустриально-аграрный центр. По данным на январь 1932 г. суммарные запасы меди в Казакстане составляют 50% всех запасов Союза, запасы свинца—58% всех запасов, вольфрама—40% и т. д.

На основе крупнейшей угольной базы—Караганды и развивающейся электроэнергетической сети вырастают мощные предприятия цветной металлургии (Коунрад, Джезказгон, Алтайский завод, Риддер, Казполиметалл и др.), развивается и химическая промышленность, расширяется железнодорожное строительство (намечены новые линии: Караганда—Балхаш, Балхаш—Чу, Караганда—Семипалатинск и др.), увеличивается продукция технических культур (хлопка, каучука), расширяются посевы зерновых культур, совершенствуется животноводство и т. д. Одновременно на базе сельскохозяйственного сырья вырастают хлопковые, сахарные, консервные, кожевенные заводы, шерстяные предприятия и т. д.

Такое же развитие во второй пятилетке должны получить и республики Средней Азии, к которым в экономическом разрезе примыкают Киргизия и Кара-Калпакия. Выдвигаясь на первое место в качестве производителя хлопка, Средняя Азия превращается и в крупный индустриальный центр, обеспечивающий не только свое население, но и снабжающей СССР многими продуктами промышленности. На основе увеличивающейся добычи нефти и сети гидростанций в Средней Азии должна также развиться цветная металлургия, химическая промышленность, переработка сельскохозяйственного сырья и т. д.

Развитие Башкирии пойдет под большим воздействием Урало-Кузнецкого комбината.

Закавказье, расширяя свои нефтяные, угольные и электроэнергетические ресурсы, разовьет металлургию, химию, свои сельскохозяйственные культуры (хлопок, чай, рами и др.).

Общие контуры почти всех национальных республик и автономных областей меняют свой прежний облик. Крупная индустрия, все увеличивающееся развитие путей сообщения (Турксиб и т. д.) и обобществленный сектор сельского хозяйства освобождают от ограничений мелкокрестьянского хозяйства и кустарных промыслов, вызывая строительство новых крупных населенных индустриальных и агроиндустриальных центров.

Техника начинает играть решающую роль. Ее значение во второй пятилетке еще более рельефно скажется в сельском хозяйстве. Усиленным образом будет проводиться также интенсификация культур, освобождающая СССР от иностранного ввоза. Уже в 1932 г. удельный вес технических культур по всему СССР поднялся с 7,6% до 11% всей посевной площади. Во второй пятилетке общая посевная площадь намечена к расширению на 18%, удельный же вес технических культур возрастет на 40%. Рост этот в значительной степени пойдет за счет национальных районов, в которых сосредоточена крупная доля продукции сельскохозяйственного технического сырья.

В тесной связи со всем этим и при прямом содействии пролетариата центра во всех национальных республиках идет грандиозное внутреннее строительство с целью ликвидации остатков прежнего колониального наследства. Это ярче всего характеризуется бюджетами этих республик, которые составляли:

	РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Узб. ССР	Тадж. ССР	Турк. ССР
Бюджет 1927—1928 г. (в млн. р.)	1054	274	62	105	35	12	22
„ 1932 г. (в млн. р.) . .	1788	725	209	302	267	108	119
Рост в % к 1927—1928 г. . . .	176	268	337	287	481	968	533
Расход бюджета на душу населения в 1928 г.	13,3	9,1	12,3	17,6	12,8	11,9	20,5
Расход бюджета на душу населения в 1932 г.	16,3	23,3	34,1	43,5	50,3	75,0	80,5

Характерное в этих цифрах то, что все союзные республики дают гигантский рост бюджетов. При этом чем больше отсталость республики, тем значительнее рост ее бюджета. Так, бюджет РСФСР в 1932 г. по сравнению с 1927/28 г. поднялся до 176%, в ТуркССР за тот же период до 533%, а в ТаджССР—до 958%. Рост бюджета на душу населения в 1932 г. в сравнении с 1928 г. состоял: по РСФСР—16,3%, УзбССР—50,3%, По ТаджССР—75%, по ТуркССР—80,5%.

Это наиболее яркий пример солидарной борьбы трудящихся всех национальностей под гегемонией диктатуры пролетариата за выкорчевывание остатков прежнего колониального наследства.

Вторая пятилетка еще ближе подводит к решению крупнейших хозяйственных проблем, вызывающих революцию быта многих отсталых национальностей и полную его реконструкцию. Решением одной из таких важнейших проблем является ликвидация кочевничества.

Кочевническое хозяйство существует в национальных республиках Средней Азии, в Казакстане, Бурят-Монголии, Калмыкии, Закавказье, среди северных народностей и т. д. Нет возможности осветить борьбу за оседание, за внедрение новейших научно-технических достижений среди каждого народа в отдельности. В качестве примера остановимся главным образом на Казакстане, где мелкородовой аул, кочевой быт, сохранение кочующих кибиток и т. д. пришли в полное противоречие с задачами социалистического строительства и препятствуют классовой борьбе трудящихся казаков против баев и других эксплоататорских групп, стоящих на страже родовых пережитков и кочевничества.

Если пережитки феодализма с трудом выкорчевывались в оседлых казакских хозяйствах, более подчиненных в прошлом капиталистическим отношениям рынка, то они еще глубже и крепче сохранялись в кочевых хозяйствах, где они консервировали различные докапиталистические формы эксплоатации бедноты, невежество, социальные болезни, оставляли в рабском положении женщину (калым, умыкание), культивировали борьбу между родами за пастбища, родовую месть и т. д.

Руководители родов препятствовали оседанию, поскольку таким образом из-под их влияния ускользала эксплоатируемая ими беднота.

Кочевничество в условиях реконструкции, борьбы за травосеяние, за концентрированные кормы, за силос, за подъем животноводства на высоту научных технических достижений, является к тому же хищнической, нецелесообразной растратой сил и производственных ресурсов.

При таких обстоятельствах борьба за оседание превращалась в ожесточенную классовую борьбу с эксплоататорскими слоями родов за раскрепощение бедноты и за социалистическое строительство на основе современных достижений в области земледелия и скотоводства. Борьба за оседание, начатая уж в первые годы советской власти, усилилась в эпоху реконструкции, когда она приняла плановый характер не только с целью перестройки

отсталого хозяйства, но и с целью окончательной ликвидации кулацко-байских эксплоататорских элементов.

Борьба против кочевничества не могла конечно проводиться лишь административным воздействием. В борьбе за оседание советская власть опирается на комплекс целого ряда мероприятий, связанных с втягиванием кочевников в индустрию, в совхозы и колхозы, связанных с жилищным строительством, различными агротехническими и зоотехническими мероприятиями и т. п.

Националистические элементы Казакстана (аллашординцы) защищали кочевничество и родовые формы казакского хозяйства и с первых же шагов советской власти настаивали на том, что землепользование должно быть построено по родовому принципу.

Им на помощь шли великодержавные вредители, которые с «ученой» эрудицией доказывали, что «уничтожение кочевого быта в Казакстане знаменовало бы собою не только гибель степного скотоводства и казакского хозяйства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни»[1].

Им вторили «ученые» плановики вроде инженера Г. Ф. Прокоповича, который в статье «Принципы планового хозяйства в условиях Казакстана» в 1928 г., на пороге первой пятилетки, поучал: «Идея электрификации, весьма плодотворная быть может в условиях сравнительно развитой экономической жизни РСФСР, для ближайших перспектив КАССР неприемлема в роли руководящей идеи в силу огромных расстояний Казакстана и господства почти чистых натуральных форм хозяйства на значительной части территории страны».

Эта «теория», консервировавшая старые традиции, обволакивала и отдельных ответственных работников Казакстана. В унисон ей т. Султанбеков (Наркомзем) заявлял:

«Казакстан есть и будет страной преимущественно скотоводческой и соответственно с этим и должна быть принята основная целевая установка для плана организации сельского хозяйства»[2].

Отсюда следовало, что «в силу огромных расстояний Казакстана» нужно было отложить электрификацию, задержать развитие зернового хозяйства, сохранять хищнические формы кочевого животноводства и т. д.

Партия крепко ударила по всем этим тенденциям, на которых сходились баи и националисты, цеплявшиеся за старый быт, и великодержавные вредители, препятствовавшие индустриализации Казакстана. Оседание в частности было поставлено как ударная задача, от успешного разрешения которой зависело не только расширение сельского хозяйства и подъем животноводства на высшую ступень, но и успешное развитие индустриализации, требующей нескольких сот тысяч человек новой рабочей силы. В одном только 1932 г. намечено вовлечь во все области промышленности Казакстана около 180 тыс. чел., в том числе в крупную индустрию 65 тыс. чел.

---

[1] Проф. Швецов. Сб. „Казакское хозяйст о в естественно-исторических и бытовых условиях". Изд. Каз. НКЗ за 1926 г., с. 105.

[2] Кондратьевщина в Казакстане, 1931 г., с. 94.

Борьба за оседание велась в обстановке необычайно острых классовых схваток. Эксплоататорские слои, используя свое влияние и родовые связи, вели яростную агитацию против оседания, против колхозов.

Влияние бая в казакском ауле было гораздо сильнее чем влияние кулака в русской деревне. Сила последнего заключалась в отношениях экономического порядка, опутывавших бедняка. Сила же бая заключалась не только в экономической эксплоатации бедняка, выражавшейся часто в докапиталистических формах (испольщина, отработки, натуральный обмен, ростовщичество и т. д.), но и во всем укладе родовых отношений, обусловливающих его влияние на основе традиций, складывавшихся веками. При этом различные категории баев по своему имущественному положению скорее соответствовали не столько кулакам, сколько дореволюционным помещикам.

Советская власть повела с баями борьбу за массы. Баи внушали невежественной массе кочевников, что их насильно хотят загнать в колхоз для того, чтобы отобрать у них скот и раздать русским. Доверчивая беднота истребляла скот, угоняла его через границу, еще больше разорялась. Большие усилия были потрачены на то, чтобы рассеять все эти контрреволюционные козни и повести к подъему пауперизованное трудовое кочевое население путем его оседания. Борьба эта, характерная не механической пересадкой людей на землю, а сложной и кропотливой работой по социалистическому перевоспитанию человека, за последние годы обозначилась следующими результатами.

В 1930 г. вовлечено было в оседание 80 тыс. хозяйств. В 1931 г.—84 тыс. хозяйств. Всего за два года 164 тыс. хозяйств. Кочевых и полукочевых трудовых хозяйств имеется еще около 400 тыс. Советская власть ставит себе задачей всю эту массу повернуть на путь оседания в течение полутора—двух лет.

Оседание кочевых хозяйств проводилось на основе коллективизации, которой сопутствовала большая землеустроительная и мелиоративная работа, и ряд других агротехнических мероприятий. За 2 года (1930—1931 гг.) плановой работы по оседанию в колхозы вовлечено 137 500 семейств. Остальные ушли в промышленность. Борьба эта не имела бы успеха, если бы попутно не велась большая строительная работа. Достаточно отметить, что за 2 года выстроено 18 119 жилых домов, 573 зернохранилищ, 735 коровников, 390 инвентарных сараев, 310 кузниц, 212 конюшен и т. д. Одновременно велась и большая культурная работа. В 1931 г. была ликвидирована неграмотность среди 194 137 бывших кочевников, подготовлено из среды самих кочевников 15 405 чел. квалифицированных руководителей, как, например, хлопководов, полеводов, организаторов труда, квалифицированной рабочей силы, как трактористов и т. п. Школами в 1931 г. было охвачено 84% детей кочевников. Построено также 144 школы, открыто 509 изб-читален и т. д.

Несмотря на целый ряд недочетов, прорывов и трудностей, с которыми сопряжено дело оседания, результаты проделанной ра-

боты уже на втором году обозначались успехами: так посев на одно осевшее хозяйство в 1931 г. составил 5,4 га вместо 0,9 га в бытность его кочевым. Весенняя посевная кампания 1931 г. колхозами бывших кочевников была выполнена на 102%, сеноуборочная на 121%.

Борьба с кочевничеством велась и путем расширения твердой кормовой базы животноводства. Наряду с внедрением в казакские аулы силоса, который в 1931 г. составлял 46 730 тонн, расширялось сенокосное хозяйство. В 1931 г. скошено было 8 235,3 тыс. га против 5 560 тыс. га в 1930 г.

Упорная борьба с эксплоататорскими слоями за коренную реорганизацию старого сельскохозяйственного уклада за первые три года пятилетки отмечена значительными достижениями в области коллективизации. Так на 1 апреля 1932 г. по всему Казакстану насчитывалось 4 990 колхозов с 648 794 хозяйствами, т. е. охвачено было 73,9% всех бедняцко-середняцких хозяйств Казакстана. Если взять в отдельности казакское население, то количество коллективизированных бедняцко-середняцких хозяйств составит 71,2% по отношению ко всем казакским хозяйствам.

Техническая вооруженность сельского хозяйства весною 1932 г. составляла[1]:

	Тракторов только в МТС	МТС	Плугов	Сеялок	Сенокосилок
По всему Казакстану	2 264	171	179 520	20 912	45 312
В том числе в казакских аулах	1 141	129	105 021	10 122	24 295
В процентах	50,6	75	58,5	48,4	53,5

Задачи по перестройке сельского хозяйства еще более возрастают в своем значении во второй пятилетке. План социалистического разрешения сельскохозяйственной базы — это оседлые поселки с современными жилищами, с постройками для обобществленного скота и инвентаря. Животноводческое хозяйство должно строиться по типу товарных ферм и комбинироваться с земледелием. Вместо дальних кочевок—еще большее развитие травосеяния, концентрированных кормов, силоса и т. п.

Наметки второй пятилетки в области сельского хозяйства наряду с резким подъемом животноводства, поголовье которого в 1937 г. должно быть удвоено в сравнении с 1932 г., наряду со значительным развитием кормо-зерновых культур (травосеяния, корнеплодов и т. д.) предполагают увеличение посевной площади

[1] Из доклада т. Голощекина на краевом активе.—„Прииртышская правда“ 25/V 1923 г.

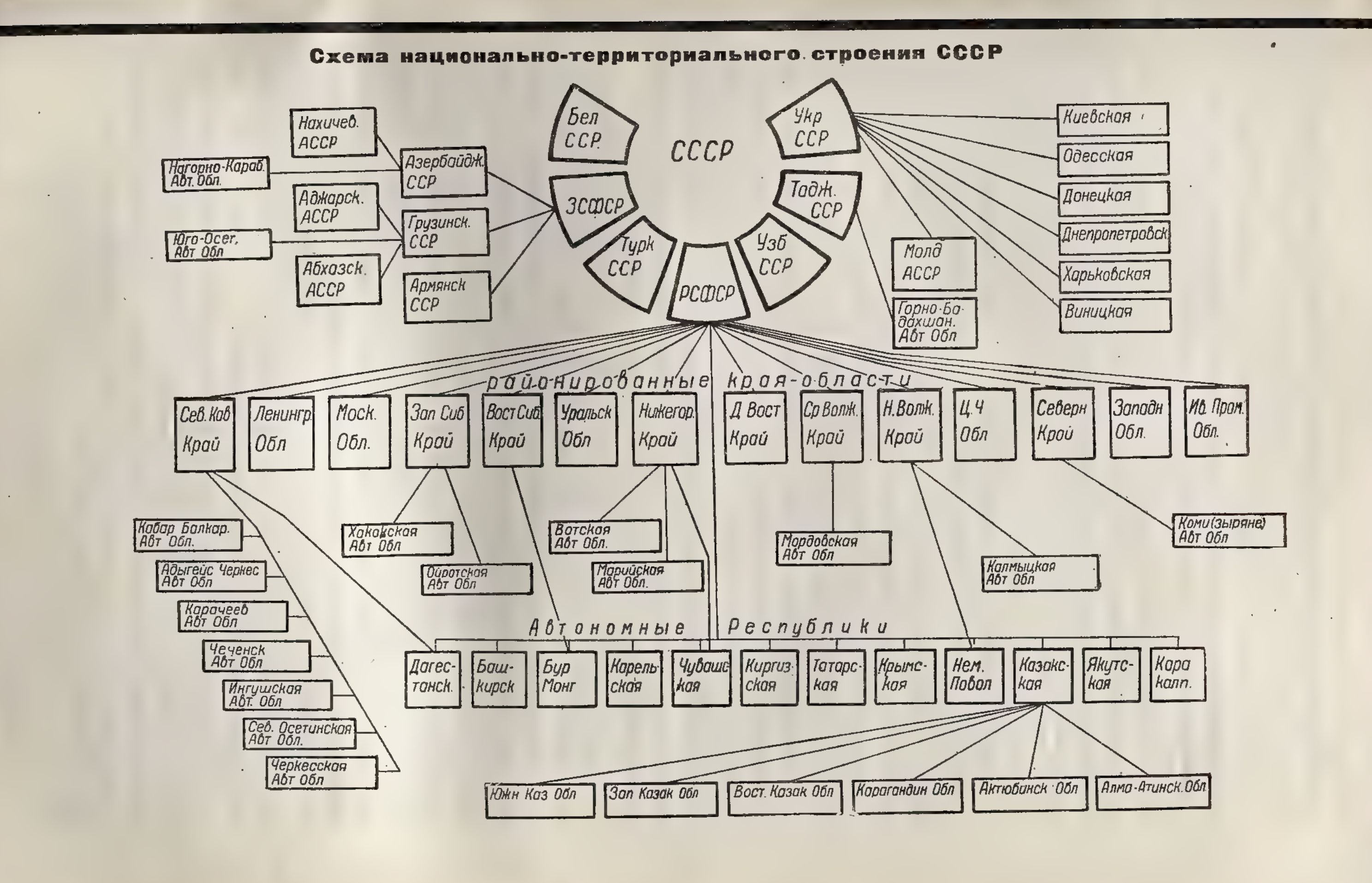
в 2½ раза и охват до 6,5 млн. га площади. Зерновых культур с продукцией в 300—350 млн. пудов, 500 тыс. га под хлопок, 150 тыс. га под сахарную свеклу, 200 тыс. га под каучуконосы, 100 тыс. га под табак и лекарственные растения и т. д. Таким образом, технические культуры будут играть значительную роль в сельском хозяйстве Казакстана.

Естественно, что это потребует еще большего технического вооружения. Уже в течение 1932 г. будут организованы 70 новых МТС. МСС будут перерастать в кормовые станции, охватывающие все виды кормодобывания и организующие животноводство и полеводство. К концу второй пятилетки запроектировано довести число МТС и МСС до 446, удельный вес механизации—до 90%. Общий тракторный парк будет составлять до 1 млн. л. сил.

В промышленном отношении Казакстан, согласно наметкам второй пятилетки, разовьет свою основную угольную базу—Караганду, сеть электростанций, мощность которой к концу 1937 г. будет доведена до 2 255 тыс. квт., увеличит выплавку меди до 378 тыс. тонн, цинка—275 тыс. тонн, свинца—250 тыс. тонн, аллюминия—50 тыс. тонн, чугуна—1,9 млн. тонн. Наряду с этим химическая и коксохимическая промышленность должны к 1937 г. дать фосфоротуковых удобрений—650 тыс. тонн, селитры—1 192 тонн, сульфату—2,7 млн. тонн и т. д. Намечается постройка 23 машиностроительных и металлообрабатывающих завода, 6 тыс. километров новых железных дорог и т. д. и т. д.

На этой базе будет разрешаться и национальная проблема Казакстана, которая в соответствии с резолюцией XVII партконференции должна обеспечить «изживание экономической и культурной отсталости». Разрешение ее будет сопровождаться еще более резкой борьбой с классовым врагом, который упорно отстаивает свои позиции. По наметкам партийной организации Казакстана, кочевничество в его массовой форме должно быть окончательно ликвидировано в начале второй пятилетки. При учете, что уже в 1932 г. почти три четверти хозяйств Казакстана охвачено колхозами, что к концу первой пятилетки завершится коллективизация всего оседлого населения, попутное завершение перевода на оседлость будет знаменовать собою окончательную ликвидацию экономического влияния байских элементов и высвобождение из их кабалы трудящихся масс. Но на этом классовая борьба не «затухает». Кулацко-байское влияние будет несомненно сказываться и после сплошной коллективизации и сплошного оседания. Дело ведь не только в ликвидации физических классовых противников, но и в высвобождении из тех идейных пут, которые в течение веков давали эксплоататорским слоям власть и влияние над трудящимися. В Казакстане, как и на всем остальном Востоке, такими идейными путами наряду с религией являются родовые связи, которые часто переносятся и в колхозы, сохраняя там свое разлагающее влияние, подрывая и компрометируя все мероприятия советской власти. Здесь еще в большей степени, чем в центре СССР, ошибочно было бы идеализировать колхозы в их начальной стадии и думать, что «ежели даны

Схема национально-территориального строения СССР

колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов» (Сталин).

Классовая борьба будет продолжаться и во второй пятилетке. Классовый враг показывает свое лицо с первых же шагов организации колхоза, внедрения новой дисциплины, социалистических методов труда и т. д. На организации труда в колхозах эксплоататорские элементы сосредоточивают все свое противодействие, вредя и разваливая часто колхозы, особенно те, которые составились из вчерашних кочевников. Это им удается, в особенности там, где слабо поставлено руководство колхозами, где они сохранили еще свое влияние на отсталые массы населения. Родовые связи помогают срывать сдельщину, учет труда и качество его, соцсоревнование и ударничество и т. д. При этом борьба против классовых враждебных влияний здесь труднее и сложнее, чем в русских районах, поскольку здесь она питается веками освященными родовыми связями, поддерживаемыми и в колхозе, и окружающей их руководителей своеобразной круговой порукой. Именно поэтому случается, что колхоз здесь иногда является фикцией, маскирующей р о д о в у ю з а м к н у т о с т ь и прикрывающей самую беззастенчивую байскую эксплоатацию. С такими случаями приходится встречаться во многих районах Востока, сохранивших еще отсталый быт. В Средней Азии, например, партией и советской властью проведена большая борьба против баев, бывших эмирских чиновников, «руководивших» колхозами в качестве членов правлений и ставивших на все посты своих людей. Отдельные враждебные элементы ухищрялись пролезть и в партию, но быстро разоблачались.

И сейчас еще наблюдаются попытки противопоставить идее и дисциплине социалистического коллектива всякого рода националистические, религиозные, панисламистские и т. п. идеи, как и родовые пережитки, являющиеся опорой классового врага. Нечего поэтому обольщаться тем, что борьба со всеми этими пережитками будет проделана быстро и легко. Ленин в свое время говорил, что «Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот, что в корне и с огромной быстротой переделало бы мелкого земледельца» [1].

Это в еще большей степени относится к бывшему колониальному Востоку, где отсталость еще очень резка, где власть родовых пережитков, религии и т. п. сильнее.

Но и здесь крупная социалистическая индустрия и коллективизация сельского хозяйства на базе новейшей техники (тракторы, электрификация и т. д.), новое жилищное строительство, широко развиваемая культурная работа, подготовка квалифицированных

[1] Л е н и н, т. XXVI, изд. 3, с. 239.

кадров и т. д. являются мощными двигателями революции, изменяя быт и создавая новые общественные отношения. Задача диктатуры пролетариата — стимулировать эту революцию путем беспощадной борьбы с б. эксплоататорскими слоями, стремящимися еще отстоять свое влияние.

Все факторы классовой борьбы, с которыми приходится считаться в сельском хозяйстве и в колхозе, живучи и в промышленности.

Индустриализация национальных районов требует громадного количества новой рабочей силы, концентрирующейся часто в местах со слабой прослойкой старых пролетарских кадров Новые слои рабочих вносят в производство свои старые привычки мелкособственнического хозяйства, которые ими не могут быть так быстро изжиты. Классово-чуждые влияния срывают и здесь часто дисциплину и социалистические методы работы. Во вторую пятилетку, как и в первую, все рычаги советской власти будут направлены на то, чтобы окончательно перетянуть отсталую трудовую массу (в частности вчерашних кочевников) на сторону сознательного пролетариата, перевоспитать ее, перестроить весь ее быт, чтобы повести ее к фактическому уравнению в экономическом и культурном отношении с населением центра и тем самым обеспечить твердо взятый путь социалистического развития отсталых масс, минуя капитализм. Это будет достигаться путем еще большего укрепления диктатуры пролетариата и всех ее рычагов, которая в борьбе против классовых врагов и их влияний должна будет одновременно на основе советской демократии вызвать широкую инициативу и самодеятельность масс путем их еще большего втягивания в управление государством и производством.

Узким местом является еще пока недостаточная коренизация госаппарата и недостаточная подготовленность кадров. В Казакстане, например, коренизация госаппарата на 1 марта 1932 г. показывала 29,9% вместо 23,10% в 1931 г. Темпы за один год, правда, высокие, но в общей перестройке цифры эти показывают еще отставание. В Средней Азии по выборочным данным на 1 апреля 1931 г. руководящий состав республиканских аппаратов коренизован: в Узбекистане—на 38,6%, в Туркмении—на 37,8%, Киргизии—30,1%. Коренизация остается таким образом важнейшей задачей и во второй пятилетке и должна разрешиться за счет втягивания в госаппарат широких слоев масс национальностей.

Большую опору в этом отношении представляет все возрастающая роль национального пролетариата в индустрии, перевоспитание которого идет гораздо легче и быстрее, чем перевоспитание трудящихся масс в сельском хозяйстве. В Казакстане, например, в 1929 г. индустриальный пролетариат насчитывал всего 28,3 тыс., в 1931 г.—65 тыс., в 1932 г. цифра 1931 г. должна увеличиться вдвое. Общее число рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства Казакстана в 1931 г. достигало 474 тыс. чел., в 1932 г. цифра эта повысится до 657 тыс. При этом рост казакских кадров характерен тем, что на 1 января 1930 г. рабочие-казаки составляли 27,5%, а на 1 января 1932 г.—55%. Этим

уже положен крепкий фундамент укреплению всех основ диктатуры пролетариата, в том числе и за счет роста национального пролетариата.

Вторая пятилетка на много увеличит кадры пролетариата в Казакстане. Организованный подход к набору и подготовке рабочей силы не может, конечно, происходить без еще большего вовлечения широких казакских масс. По 18 обследованным в Казакстане вузам казаков — 47,5%, по ФЗУ союзной промышленности казаков—57,4%. Этим характеризуется будущий рост казакской квалифицированной силы.

В этом отношении характерен и рост самой партийной организации Казакстана. В 1924 г. было всего 14 700 членов и кандидатов партии. В начале 1932 г.—83 320. Казаков в партии было: в 1930 г.—43,3%, в начале 1931 г.—45,1%, а в октябре 1931 г.—50 процентов.

Аналогичное приблизительно положение и в других восточных национальных республиках. В сравнительно передовой Татарии формирование пролетариата как результат малоземелья начался еще во 2 половине прошлого века, причем значительные кадры татарского пролетариата оседали за пределами нынешней Татреспублики, на Урале, в Донбассе, Баку и т. д. В самой Татреспублике удельный вес всего татарского населения составляет 44,9% всего населения. Удельный вес *рабочих-татар* в промышленности в течение ряда лет колебался между 22—24%. В 1930 г. он поднялся до 29,5%, а в 1931 г.—до 39,5%. При этом в группе высококвалифицированных рабочих татары вместо 20,7% составляют в 1932 г.—28,8%, а в группе рабочих средней квалификации удельный вес поднялся с 23% до 35%. В составе специалистов промышленности татар 27,4%, вместо 10% в 1928 г.

Путь советского Казакстана характерен и для соседних республик Средней Азии. Прежняя колония, бывший сырьевой придаток для центральной промышленности, под руководством пролетариата твердо встала на путь подъема своего хозяйства, нагоняя районы центра.

Об этом красноречиво говорят следующие цифры. В нынешних республиках Средней Азии было:

	1914	1928	1932
Площадь хлопка (в тыс. га)	643,6	725	1 529
Вложения в промышленность (млн. р.)	—	101	6 110,8
Продукция промышл. (в тыс. р.)	219,6	259	950
Число рабочих в пром. (в тыс. чел.)	—	24	70
Мощность электрост. (в тыс. квт)	3,6	18	45

Уже в первой пятилетке проделана была колоссальная работа по индустриализации Средней Азии, по созданию целого ряда новых отраслей, как, например, цементная промышленность, сельскохозяйственное машиностроение (Ташсельмаш), химическая промышленность, хлопчатобумажное производство (первые фабрики в Фергане и Ашхабаде), новые шелкомотальные фабрики, крупный сахарный завод в Киргизии. В 1932 г. строится ряд новых предприятий по тяжелой промышленности, растет топливная база, электроэнергия, связь, транспорт и т. д.

На этой базе растут кадры пролетариата и среди них и кадры национального пролетариата.

В 1927 г. в республиках Средней Азии промышленный пролетариат насчитывал всего 24 тыс. чел., в 1931 г.—45 тыс., в 1932 г.—70 тыс.

Национальный пролетариат в 1928 г. составлял 47%, в 1932 г.—55%.

На железнодорожном транспорте в 1927 г. было 975 чел. рабочих-националов, а в 1931 г.—8 225 чел., т. е. рост с 6,5% до 23,5% общего состава железнодорожников.

По отдельным отраслям промышленности рост национального пролетариата характерен следующими данными (в %):

Отрасли промышленности	1928	1931
Угольная	29,6	31,4
Металлическая	16,6	49,6
Нефтедобывающая	—	37,4
Маслобойная	42,7	54,6
Шелкомотальная	78,4	81

Наиболее замечательное в этих цифрах—это рост национального пролетариата в металлургии (с 16,6 до 49,6), что отражает и рост квалификации коренного пролетариата, который в прошлом использовывался лишь на черной работе. Попутно следует особенно подчеркнуть роль женской части пролетариата. В 1932 г. в шелкомотальной отрасли она составляла 72,7%, из них женщин коренных национальностей—48%. В сельскохозяйственном машиностроении в 1928 г. женщин было всего 1,7%, в 1931 г.—11%.

Наряду с ростом промышленности шло расширение и улучшение сельского хозяйства на базе коллективизации, которая к началу 1932 г. достигала: в ТССР—38,5% всех бедняцко-середняцких хозяйств, ТаджССР—64,5%, в УзбССР—72,6% в КАССР—56,3%. В среднем по всей Средней Азии—65,6%. Вложения в ирригацию, играющую в Средней Азии исключительно важную роль, достигали: в 1927/28 г.—29 млн. руб., в 1929/30 г.—89,5 млн. руб.

Грандиозный план второй пятилетки, который окончательно укрепляет Среднюю Азию как крупный индустриальный центр Союза, резко изменит быт прежней отсталой колонии, создаст крепкую базу для полного уравнения местного населения с населением центра. Достаточно отметить, что общее количество лиц наемного труда во всей Средней Азии было: 1927 г.—256,7 тыс., в 1932 г.—846,5 тыс., а по наметкам второй пятилетки к концу 1937 г. общее количество лиц наемного труда достигнет 5 620,3 тыс. Из них представителей коренных национальностей—70%. Это подведение твердой экономической базы будет стимулировать полный отход в прошлое неравенства между бывшими колониями и центром.

Еще один из характерных примеров борьбы за ликвидацию прежнего неравенства во вторую пятилетку дает Башкирская АССР, трудовое население которой, согнанное в прошлом с земли и загнанное в горы колонизаторской политикой царизма, обрекалось на постепенное вырождение.

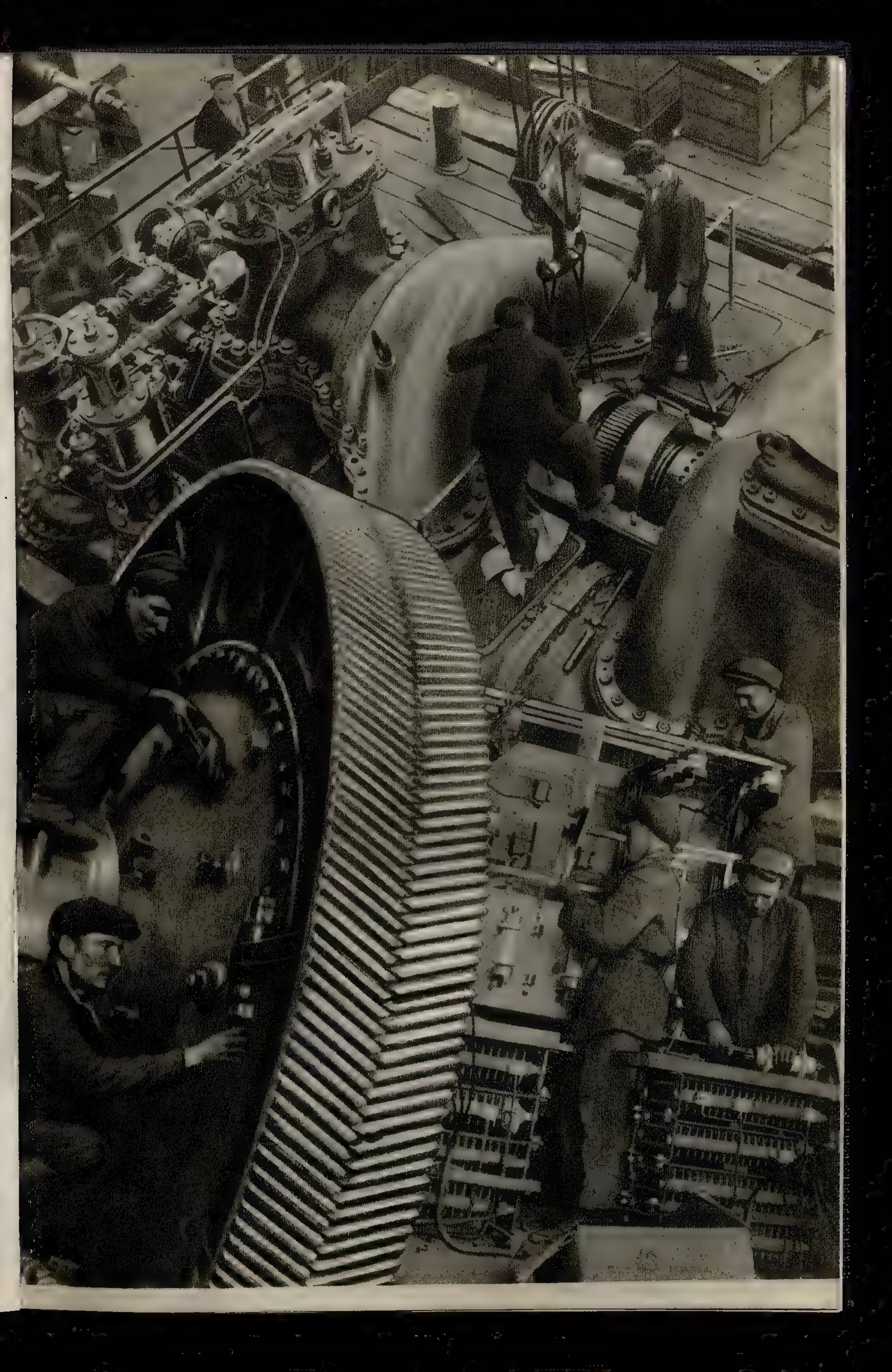
Достижения Башкирской АССР за три года первой пятилетки характерны следующими результатами.

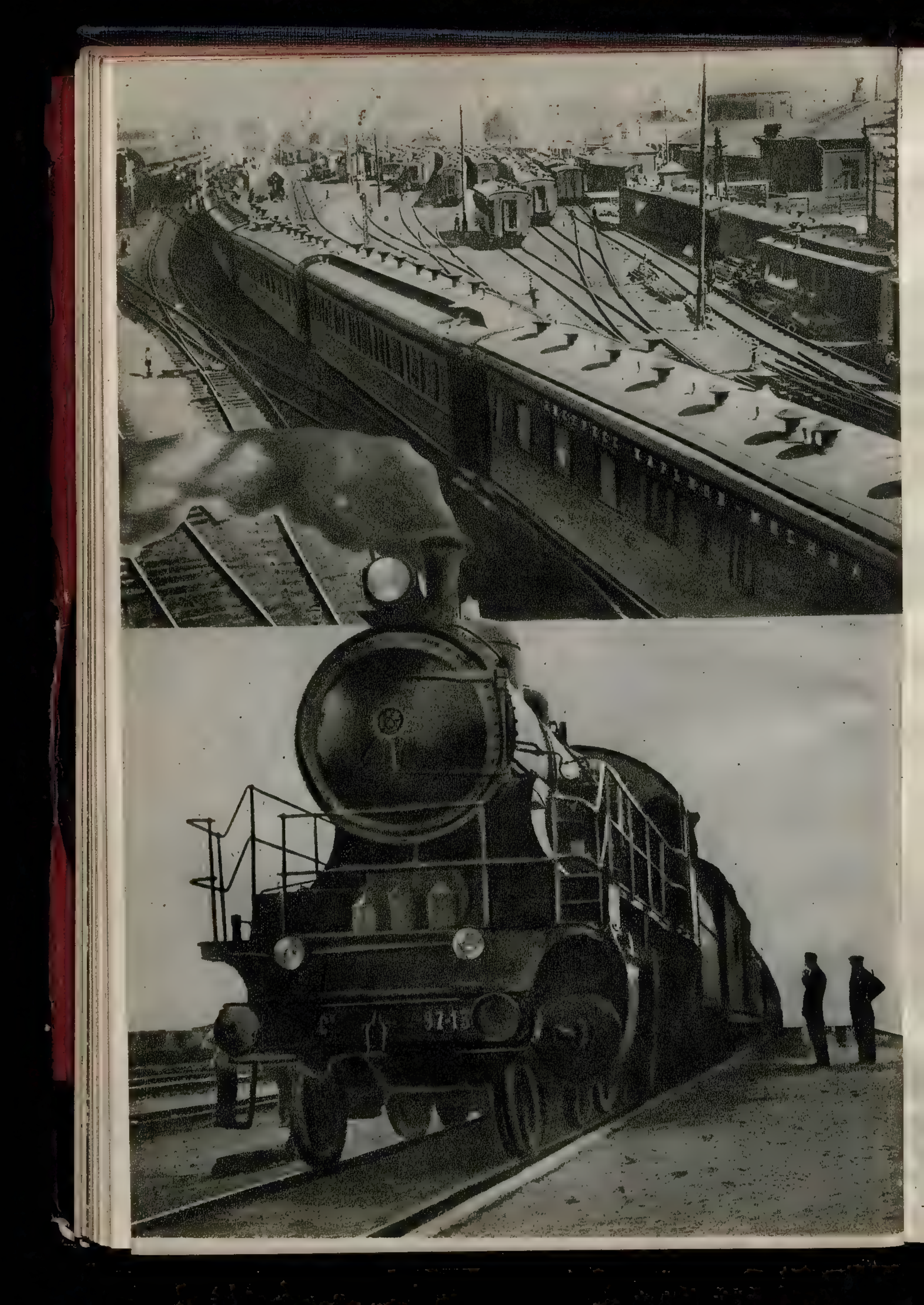
План капитальных вложений за первые три года пятилетки уже выполнен на 73%, продукция цензовых промышленных предприятий достигла 84,2% пятилетнего плана и увеличилась на 120% по отношению к 1928 г. Коллективизировано 69% бедняцко-середняцких хозяйств. Пятилетний план по общей площади посевов перевыполнен в 1931 г. на 4,4%. Конец третьего года пятилетки характеризуется рядом крупнейших успехов на всех участках социалистического строительства: начата реконструкция групп Белорецких металлургических заводов, завершается реконструкция ряда крупных заводов и фабрик областной промышленности (Красноусольский стекольный завод, швейная фабрика и др.), начато строительство моторного и котло-турбинного гигантов и т. д.

План 1932 г. еще более расширяет эти успехи. Общий план капиталовложений на 223% больше 1931 г., валовая продукция цензовой промышленности вырастает на 54,4% против 1931 г., число рабочих на 33,3%, посевные площади на 11,9%, в том числе по совхозам на 49,7%, по колхозам—на 61,3%. Коллективизация будет доведена до 85%, число МТС увеличится до 35 вместо 17 в 1931 г. Большое значение для дальнейшего развития Башкирии имеет включение ее огромных трудовых и естественно-производительных ресурсов в систему Урало-Кузнецкого комбината. В результате этого Башкирия становится крупнейшим районом по черной и цветной металлургии, машиностроению, химии, переработке сельскохозяйственных продуктов и т. д.

XV Башкирская областная партийная конференция утвердила наметки второй пятилетки на основе:

а) дальнейшего максимального развертывания производительных сил путем форсированного промышленного строительства и перевода сельскохозяйственных и других отраслей производства на высокую техническую базу;

б) полной коллективизации сельского хозяйства, вооружения его передовой техникой, развития транспортной связи, усиления товарооборота между промышленностью и сельским хозяйством, что создаст условия для полного устранения противоположностей между городом и деревней;

в) последовательного и решительного проведения национальной политики, направленного на полное уничтожение экономического и культурного неравенства.

Конкретный план второй пятилетки намечает разработку угля, нефти, торфа, высококачественной стали для машиностроения, создание базы для развития химико-металлургической, лесо-химической и др. промышленности. В тесной связи с этим предстоит расширение старых предприятий и постройка ряда новых заводов и фабрик. Общая сумма новых вложений в течение второй пятилетки должна составить 9 303,3 млн. руб., которые по отдельным отраслям распределяются следующим образом (в млн. рублей) [1].

Отрасли	За 5 лет	В % к итогу
Электрификация	642,1	6,89
Промышленность	3 047,4	32,76
Лесное хозяйство	124,3	1,34
Транспорт	803,1	8,63
Связь	100,8	1,08
Сельское хозяйство	1 532,7	16,47
Потребление и распределение	402,1	4,32
Народное просвещение	689,2	6,87
Здравоохранение	500,3	5,88
Социальное обеспечение	118,0	1,27
Научно-исследовательские учреждения	141,9	1,53
	9 303,3	100,0

Как видно из этих цифр, наибольшие вложения (32,76) намечаются в промышленность. На втором месте (16,47%) стоят расходы по коммунальному хозяйству, что вызовет рост городов, городского транспорта и других мероприятий, направленных к коренному изменению быта по пути уравнения с передовыми центрами. На третьем месте стоят расходы по сельскому хозяйству. Посевная площадь с 3 797,8 тыс. га в 1932 г. должна в 1937 г. увеличиться до 5 535 тыс. га. Рост технических культур повысится с 4% до 6,7%, корне-клубнеплоды с 3,8% до 10% и т. д. Будут

[1] Материалы пятилетнего плана Башкирской части УКК на 1933—37 г. Уфа, 1932, с. 102.

осуществлены мероприятия по районированию и специализации сельскохозяйственного производства в направлении наибольшего удовлетворения промышленных районов в связи с разрешением проблемы УКК, что в свою очередь будет способствовать стиранию граней между промышленными и сельскохозяйственными центрами.

Валовая продукция на душу населения возрастет с 265 рублей в 1933 г. до 1 430 рублей в 1937 г. и достигнет суммы 14,1 млрд. рублей.

Характерно при этом отметить, что в дореволюционное время валовая продукция на душу населения в бывшей Уфимской губ. исчислялась в 9 рублей. Удельный вес валовой продукции промышленности возрастет с 42% в 1933 г. до 75% в 1937 г.

Все это еще более ярко отражается на планах по окончательному уравнению башкирского населения и укреплению основы диктатуры пролетариата путем увеличения пролетарских кадров.

Организованный набор рабочей силы, подготовка ее из среды коренного населения будет иметь в этом отношении решающее значение. В основных отраслях промышленности, строительства, транспорта и т. д. в 1932 г. насчитывалось 9,2% всего трудоспособного населения. В 1937 г. процент этот вырастет до 34,1. К 1937 г. будет полностью вовлечена трудоспособная женская часть населения. В абсолютных цифрах кадры пролетариата возрастут с 272 тыс. в 1932 г. до 924 тыс. в 1937 г., причем процент башкирского индустриального пролетариата за это же время возрастет с 15 до 40.

Размещение пролетариата по отдельным отраслям характеризуется следующими наметками:

Отрасли хозяйства	1932 г. тыс. чел.	% к итогу	1937 г. тыс. чел.	% к 1932 г.	% к итогу
Промышленность	36,8	13,5	306,0	831,5	33,1
Строительство	50,0	18,4	160,3	320,6	17,4
Транспорт	16,7	6,1	74,2	444,3	8,0
Лесное хозяйство	42,6	16,7	50,0	117,4	5,4
Совхозы	46,0	16,9	73,0	158,7	7,9
Соц.-культ. и проч. гр.	79,9	29,4	260,5	326,0	28,2
	272,0	100,0	924,0	339,9	100,0

Из этих наметок видно, что самое большое увеличение пролетарских кадров намечается по линии крупной промышленности. Этому будет способствовать и деятельная подготовка кадров путем функционирования 18 вузов и втузов, 58 техникумов, которые должны охватить 57 тыс. учащихся.

Индустриализация Востока и помощь пролетариата центра вызвали во всех отсталых национальных районах громадную активность. Отсталый аграрный Восток с его прежним примитивным полукочевым бытом наряду с перестройкой сельского хозяйства превращается в ведущие районы цветной металлургии, топливные и энергетические базы и центры машиностроения. Этим самым создается крепкая экономическая база для осуществления ленинской национальной политики, направленной к изживанию прежнего национального неравенства и приведшей к тому, что население бывших колоний, нагоняя передовые районы центра СССР, твердо стало на путь фактического с ними уравнения во всех областях экономической и культурной жизни.

На базе роста социалистического хозяйства ширится и углубляется культурная революция как в СССР в целом, так и во всех союзных и автономных объединениях и среди громадного количества нацменьшинств, разбросанных по всему Союзу.

Вся прошлая борьба партии против лозунга так называемой «культурно-национальной автономии» (лозунга, защищавшегося бундовцами, меньшевиками-ликвидаторами и т. д.) получила свое блестящее оправдание в итогах культурной работы среди многочисленных национальностей за 15 лет существования советской власти.

Лозунг «культурно-национальной автономии» отходил от конкретных условий классовой борьбы. Он добивался разделения дела просвещения по отдельным национальностям, создания отдельных корпораций, объединяющих нацию в целом, т. е. фактически утверждал гегемонию буржуазной культуры, ибо другой она не могла быть при капиталистическом строе. Неудивительно поэтому, что этот лозунг принимался и кадетами. О реакционности этого лозунга говорит опыт и «демократической» Литвы, где во главе «национально-культурных учреждений» благодаря давлению реакционной власти стоят клерикалы и т. п. В буржуазном обществе, где капитал борется за объединение внутреннего рынка (процесс, который обыкновенно сопровождается расширением «культурной базы» класса капиталистов господствующей нации), принцип «культурно-национальной автономии» не может изжить национальные конфликты. Это видно на примере той же Литвы или Украины времен Рады, тоже проводившей принцип «культурно-национальной автономии». Принцип этот к тому же являлся тормозом крепкой интернациональной связи пролетариата, что мы видели на примере дореволюционной Австрии, где он организационно разделял пролетариат по национальному признаку, мешал делу общей классовой борьбы.

В противовес этому большевики вопросы национальной культуры подчиняли революционной борьбе по преобразованию государства, по созданию условий для гегемонии пролетариата и тем самым развитию пролетарской культуры, которая использовывала демократические и социалистические элементы, накапливавшиеся в каждой национальной культуре.

«Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков.

Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти»[1].

Советская национальная культура не противопоставляется интернациональной культуре. Каждая национальная культура стремится приобщить широкие трудящиеся массы к культуре вообще и тем самым вызвать наружу все скрытые творческие силы, чтобы направить их в интересах социалистического строительства. Одновременно национальная культура содействует интернациональной спайке трудящихся в деле их совместной классовой борьбы и строительства. В этом отношении интернациональная культура не безнациональна, но всем своим существом она противопоставляется «культурно-национальной автономии», которая искусственно стремилась отгородить нации друг от друга, являясь, по выражению Плеханова, «приспособлением социализма к национализму».

Крупнейший идеолог «культурно-национальной автономии» Отто Бауэр, положивший в основу своей теории ряд ложных психологических соображений, возводящих нацию в нечто вечное, все более усиливающееся в своем развитии, писал: «Тот факт, что социализм делает нацию автономной, ее судьбы—делом ее сознательной воли, приводит к растущей диференциации национальностей в социалистическом обществе, к более резкому разграничению их характеров, к более отчетливой выработке их коллективных индивидуальностей»[2].

Этот национализм, прикрывавшийся «социализмом», который проповедывал «все растущую диференциацию национальностей в социалистическом обществе», был выметен советской метлой вместе с его бундовско-эсеро-меньшевистскими апологетами. Трудящиеся каждой нации, переоценивая после Октября старое наследство, брали из старой национальной культуры «исключительно ее последовательно демократические и социалистические элементы» (Ленин).

Многие отсталые племена и народности с докапиталистическими производственными отношениями лишь при советской власти сумели создать свою письменность, развить язык и культуру. Вовлеченные в социалистическое строительство, они на базе советской экономики консолидировались в нации, минуя этап буржуазного национального развития. Огромное количество выросших за время революции национальных школ, вузов, втузов, клубов, театров, издательств и т. д. подтвердило, что

«период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию, национальных по форме»[3].

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма.

[2] Отто Бауэр. Национальный вопрос и соц.-дем. Изд. „Книга“ 1918 г., с. 43.

[3] И. Сталин. Стенографический отчет XVI съезда.

Среди характерных сдвигов, главным образом на Востоке, необходимо отметить революцию, внесенную вытеснением арабского алфавита латинским, что нанесло большой удар по клерикальному панисламистскому влиянию.

Бешеное сопротивление арабистов, исламистов, пантюркистов, ламаистов и других представителей идеологии отживающих классов, преодолевалось невиданным в истории подъемом широчайших масс, приобщавшихся к достижениям прогресса и культуры.

Насколько велико было сопротивление видно из того, что оно втягивало и часть ответственных работников отдельных восточных республик. Один, например, из ответственных работников Татарской республики Алимджан Ибрагимов в своей книге «Итоги тюркологического съезда» по отношению к латинскому алфавиту писал: «Вопросы о новом алфавите являются старым вопросом, вопросом борьбы между русским монархизмом и исламизмом». Этим самым он плелся в хвосте мулл, лавочников и националистической интеллигенции.

В Бурят-Монголии представители отживающих классов (кулачество, ноенатство и ламство) и их идеологи — реакционная национально-демократическая интеллигенция открыли на латинизацию прямую атаку. Наиболее реакционные доходили до раболепства перед руссификаторами и предлагали прямо воспринять русский алфавит. Другие пугали тем, что латинизация является лишь поводом к уничтожению национального языка. Нашлись и «советские» национал-уклонисты в Бурят-Монгольском институте культуры и Бургизе, которые, увлекшись бурятизацией, начали реставрировать наречия отмирающей касты ханов, ванов и теократов и тем самым лили воду на мельницу панмонголизма.

Партия перешагнула через эти препятствия. Латинский алфавит—«великая революция на Востоке», как его назвал Ленин,— основанный на разговорном языке широких масс, стал могучим проводником культурной революции. К концу 1931 г. 56 национальностей перешли на новый алфавит. 30% народов, его принявших, раньше не имели никакой письменности (лопари, остяки, вогулы, самоеды, тунгусы, гольды, удеге и др.). Ликвидация неграмотности в районах, где введен латинский алфавит, шла уже минуя тюркский, монгольский и др. алфавиты, чем была выбита почва из-под ног мулл, лам и т. п., игравших раньше доминирующую роль в просвещении. Свыше ста газет и журналов выходят на новом латинском алфавите. На латинском алфавите до середины 1931 г. издано свыше 200 млн. печатных листов-оттисков.

Борьба за культуру стала делом миллионов. Ликвидация неграмотности почти по всем национальным республикам и областям закончится еще в первую пятилетку. В этот же срок завершится полное введение всеобуча.

Еще недавно шла отчаянная борьба за коренизацию школы. Это в особенности касалось национальных меньшинств, подвергавшихся насильственной ассимиляции. В Киргизии, например, дунган и калмыков заставляли учиться на киргизском языке, белуджей в

Туркмении—на таджикском языке, таджиков в Узбекистане—на узбекском языке и т. д.

Тов. Таджиев в своей брошюре «Некоторые вопросы культурного строительства» (стр. 51) развивал следующую установку:

«Поскольку узбекский язык в условиях Узбекистана является языком государственным... поскольку этот язык является языком большинства населения, постольку, совершенно понятно, этот язык должен быть обязательным во всех школах нацменьшинств».

Это в корне противоречило Ленинской установке, проводившейся партией. Ленин писал: «Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства» [1].

Полную коренизацию школы, которая в 1932 г. колеблется между 75—80%, намечено закончить к началу второй пятилетки.

Характерным моментом в росте национальной культуры является то, что социально-классовый состав и содержание национальной школы резко изменились, начиная со школ первой ступени до вузов. Ведущую роль в ней играет новая пролетарская интеллигенция, пришедшая на смену старой, над которой довлел еще дух мелкобуржуазного национализма. Советская национальная школа подтягивает женщину, стимулирует ее равноправие с мужчиной. В борьбе за всестороннее развитие человека она тесно связывает теорию с практикой, подковывая ими будущие кадры строителей социализма. Национальная школа, как и весь комплекс культурных учреждений каждой нации (литература, театр, кино и др. виды искусства), стала также очагом интернационалистского воспитания и мысли. Обмен культурными достижениями всех советских наций обогащает общесоциалистическую культуру и каждую национальную культуру в отдельности.

Одним из узких мест являлась проблема создания национальных педкадров. Решительный поворот в этом отношении взят был уже в первой пятилетке. Этот вопрос получит еще более полное разрешение во вторую пятилетку. Поворот характерен тем, что по одной лишь системе Наркомпроса РСФСР (не считая национальных республик) в 1929 г. насчитывалось всего 47 национальных педагогических техникумов и национальных отделений при общих техникумах. В 1930/31 г. уже было 75 с контингентом учащихся в 12 694, в 1931—1932 гг.—101 с контингентом учащихся—24 090. При этом большое внимание уделялось подготовке кадров из среды культурно отсталых национальностей. Эта группа национальностей занимает 65% в общей системе педагогических техникумов.

Еще более узким местом является пока материальная база, которая не поспевает за общим ростом и сказывается отсутствием

[1] Ленин, т. XVII изд. 3, с. 181.

Национальный состав

	V съезда советов СССР	ЦИК СССР 5-го созыва
Русские	974	402
Украинцы	244	95
Евреи	61 *	55 *
Латыши	41 *	26 *
Белоруссы	37	19
Узбеки	36	20
Казаки	34	14
Татары	31	15
Грузины	25	34
Армяне	19	25
Поляки	19 *	13 *
Тюрки	15	21
Мордва	12	3
Чуваши	11	10
Киргизы	10	7
Таджики	9	7
Немцы	8	12
Башкиры	6	5
Литовцы	6 *	4 *
Туркмены	6	10
Вотяки	5	4
Дагестанцы	5	2
Марийцы	5	3
Молдаване	5	3
Якуты	5	4
Эстонцы	4 *	2 *
Зыряне	3	3
Калмыки	3	2
Кара-калпаки	3	1
Чечены	3	2
Абхазы	2	5
Буряты	2	4
Карелы	2	6
Осетины	2	5
Финны	2 *	3 *
Черкесы	2	—
Авары	1 *	2 *
Аджарцы	1	2
Адыгейцы	1	2
Балкары	1	1
Берберы	1 *	—
Болгары	1 *	—
Тунгусы	—	1 *
Венгры	1 *	1 *
Гольды	1 *	—
Лезгины	—	2 *
Греки	1 *	—
Ингуши	1	3
Кабардинцы	1	3
Карачаевцы	1	2
Корейцы	1 *	—
Лаки	1 *	1 *
Ойроты	1	1
Таранчи	1 *	1 *
Хакасы	1	1
Чуванцы	1 *	—

* Звездочкой обозначены народности неорганизованные в национально-территориальном отношении (в респ. и авт. области), но почти все эти народности имеют в составе союзных республик национальные районы или сельские советы в которых проводятся коренизация органов власти и аппарата и национально-культурное обслуживание нацменьшинств.

достаточного количества специальных школьных зданий, оборудования и т. д. Вопрос о разрешении этого недочета, серьезно отражающегося на качестве культурной работы, является одним из видных моментов во всех наметках по строительству второй пятилетки.

Почти все национальные республики показывают грандиозный цифровой рост культурных учреждений. Что касается таких передовых республик, как Украина, Грузия и т. д., то они осуществляют культурное возрождение, небывалое в их истории. Это еще более характерно выступает на фоне культурного развала «цивилизованных» капиталистических стран, особенно сейчас, в эпоху глубочайшего экономического кризиса, когда сокращения государственных и муниципальных бюджетов раньше всего ударяют по культурным учреждениям и приводят к закрытию школ, музеев, театров и т. д.

Взять, например, Пруссию. В 1923 г. в Пруссии было 414 тыс. учеников шестилетки, в 1932 г.—упало до 409 тыс. Число школ второй ступени сократилось за последний год на 21, число классов в них уменьшилось за два года кризиса на 1 144. В 1930 г. в первых классах шестилетки было 76 тыс. учеников, а через год — только 60 тыс., т. е. на 20 процентов меньше. За два года кризиса количество первых классов в шестилетках сократилось с 2 053 до 1 632.

Это характерно сказывается и на книжной продукции Германии. В 1913 г. книжная продукция Германии достигла 35 тыс. названий, не считая периодических изданий, наглядных пособий и топографических карт. В 1927 г. она составляла 31 тыс. названий, в 1931 г.—27 тыс. названий, а в 1932 г.—всего лишь 24 тыс. За последний год книжная продукция Германии сократилась на 10,7 процента.

Особенно показательно сравнение советской Украины с Западной Украиной, подавляемой «аванпостом европейской цивилизации» — Польшей, где под видом «замирения» идут беспрестанные погромы украинского населения, его культурных учреждений и т. п.

Яркую картину всего этого рисует петиция, поданная в Лигу наций 61 членом английского парламента, которых никак нельзя обвинить в преувеличениях. В своей петиции они пишут:

«Были отправлены карательные экспедиции в 700 деревень, сотни мирных жителей и детей подверглись избиениям, тысячи людей были заключены в тюрьмы, большое количество библиотек, союзов и кооперативных лавок было разграблено и уничтожено. В ходе последних выборов украинцы были настолько терроризированы, что не использовали своих избирательных прав..., за период с 1920 по 1925 г. украинцы потеряли 2 607 школ. Из 1 000 украинских учеников только 79 могут посещать украинские школы, а 921 вынуждены посещать польские и двухъязычные школы... 84% всех школ на Украине были в 1925 г. польскими... Доказано, что 200 000 га обработанной земли в Восточной Галиции и Волыни были отданы польским колонистам. Польские сельскохозяйствен-

ные союзы в течение этого года получили 79 миллионов злотых, а украинские, которых насчитывается до 3 000, ничего не получили...». В сравнении с этим лаконические цифры советской Украины говорят о громадном культурном творчестве, которое стало возможным лишь в результате диктатуры пролетариата.

В 1914 г. в низшей, средней и высшей школе на Украине училось 1 648 тыс. чел., в 1931 г.—4 071 тыс. чел. В высшей школе в 1913 г. на Украине училось 22 533 чел.—дети капиталистов, помещиков, кулаков, в 1931 г.—92 493 — дети рабочих и колхозников. До революции издание книг на украинском языке было запрещено. В 1932 г. выходят 12 литературно-художественных журналов, 336 газет с тиражем в 7,2 млн. экземпляров. В 1932 г. будет издано 35 млн. экземпляров украинских учебников и учебной литературы, 19 млн. экз. индустриально-технической литературы и т. д. Такое же грандиозное культурное строительство идет среди национальных меньшинств Украины. Достижения характерны тем, что в 1931 г. функционировали 347 польских школ, 579 немецких, 495 еврейских и т. д. Наряду с украинскими научными институтами имеются научные институты национальных меньшинств, (институты польской и еврейской культуры в Киеве), вузы, втузы, техникумы, театры и т. д. В области издательства рост характерен 49 газетами на языках национальных меньшинств с разовым тиражем в 514 тыс. экз. В 1932 г. будет издано 15 млн. экз. книг против 4,2 млн. экз. в 1931 г.

Такой же рост культуры и во входящей в УССР Молдавии. В 1924 г. там было 11 комплектов школ, в 1932 г.—500, в 1925 г. одна газета, теперь 8 и т. д.[1].

Такой же грандиозный рост культуры отмечается в бывших отсталых восточных колониях. До войны в бывшем Туркестанском крае было всего 125 так называемых «русско-туземных» школ с количеством учащихся 6 200 чел. В 1930/31 г. в одном только Узбекистане насчитывается 3 960 школ первой и второй ступени с количеством учащихся в 332 000 чел., из которых около 80% коренного населения. Во всей Средней Азии к концу первой пятилетки будет охвачено 957 тыс. детей (в 20 раз больше, чем до революции), из них около 35% девочек.

Рост грамотности характеризуется следующими данными:

Национальности	Дореволюционный период	1930 г.	1931 г.
Туркмены	0,7	34,5	48,3
Узбеки	1,6	27,3	51,0
Таджики	—	13,4	22,7
Киргизы	0,6	36,8	52,3
Кара-Калпаки	0,3	11,3	20,0

[1] А. Хвылевый. Советская Украина на победоносной стройке социализма. „Известия" 6/VII 1932 г.

Сейчас советский Узбекистан осуществил всеобщее обязательное обучение. Больше половины населения охвачено развернутой сетью ликбеза, а к концу первой пятилетки предполагается завершить ликвидацию неграмотности. В 1931 г. в школах ликбеза обучалось 600 тыс. человек. До революции издавалась одна газета на так называемом «сартском языке». Сейчас на одном узбекском языке издаются 36 районных газет и 9 республиканских. В техникумах Средней Азии в 1925—1926 гг. было 4 371 чел. учащихся, в 1930 г.—27 838, т. е. 636,9% по отношению к 1925/26 г. В вузах в 1930 г. было 8 903 чел., из них 52,7% коренного населения.

В еще большей мере подъем национальной культуры при советской власти характерен среди таких народов, как ойроты, которые до революции не выходили из патриархального уклада с его натуральным хозяйством. В Ойротии—стране, где грамотность до революции еле достигла 1—2%, при советской власти, с ростом сельского хозяйства и промышленности, коллективизации и при переходе к оседлости, сейчас имеется 175 начальных школ и ряд средних (педагогический, кооперативный, зооветеринарный техникумы, колхозный институт и др.). В 1933 г. Ойротская автономная область окончательно ликвидирует неграмотность. Дошкольным воспитанием охвачено 7 600 детей. Создано 30 детдомов, 77 изб-читален, красных юрт и т. д. В Ойротской области 7 газет, зарождается своя литература и искусство.

Этот подъем характерен не только для народов, оформившихся в нации, но и для многочисленных племен, которые в прошлом находились в необычайно отсталом положении, во власти хищнической эксплоатации торгового капитала, ведшего свои операции при помощи водки. К таким народностям относятся многочисленные народы севера (гольды, самогиры, ольши, манегры, солоны и др.), над которым довлела сплошная неграмотность, власть шаманов и «спасавших» их миссионеров и попов. До революции северные народы совсем не имели школ. В 1930—1931 гг. в одном только Дальне-Восточном крае имелось 128 школ с 2 446 учащимися. Специальный Институт народов севера в Ленинграде подготовляет кадры руководящих работников. Ряд средних учебных заведений по подготовке работников имеется также в северных районах. Созданы культбазы и просветительная сеть, приспособленная к условиям быта северных народностей. При культбазах сосредоточены: лечебные пункты, техническая консультация, школы-интернаты, зоотехнические пункты, краеведческая научно-исследовательская база, радиостанция, кинопередвижки и т. п. В 1932 г. будут отпечатаны буквари по вновь разработанным письменностям. Полная ликвидация неграмотности предполагается в 1933 г. для оседлого населения и в 1934—1935 гг. для кочевнического. Туземная женщина, самая отсталая и забитая, в свою очередь, постепенно втягивается в общественную работу. В январе 1930 г. при ЦК ВКП(б) состоялось специальное совещание работниц среди туземных женщин, наметившее ряд мер по хозяйственно-культурному подъему быта северных народов и по созданию

специальных женских кадров. Конечно, все это не может сразу покончить с вековой забитостью, заставлявшей раньше туземца сторониться русских. Но все же сделан громадный скачек вперед по пути постепенного изживания неравенства и этих самых отсталых народов.

Строительство национальных культур шло в ожесточенной борьбе против великодержавного уклона, выразители которого или просто с пренебрежением относились к национальным культурам, как к «низшим» культурам, или, прикрываясь «лжеинтернационализмом», расценивали их как «националистские увлечения».

«Уклонисты этого типа, — говорил т. Сталин на XVI съезде, — исходят из того, что так как при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык, то пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия и отказаться от поддержки развития культуры ранее угнетенных народов».

Это механическое упрощенство сказывалось рядом искривлений в практической работе, с которыми партия вела ожесточенную борьбу. Но, борясь против великодержавного шовинизма как главной опасности, партия вела борьбу и против местных националистских уклонов.

В Бурят-Монголии, например, это была борьба против «восточной культуры», бравшей в основу буржуазно-феодальную клерикально-ламскую культуру, некритически ее воспринимая в ущерб развитию пролетарской культуры.

На Украине это была борьба против призыва ориентироваться не на Москву, а на «Европу», как на представительницу высшего типа культуры. Это противопоставление украинской культуры культуре «русской» (т. е. советской) носило на себе явное националистское клеймо (Хвилевый).

Среди отдельных польских групп СССР зрели тенденции к тому, что «строить польскую пролетарскую культуру вне связи с трудящимися массами сегодняшней Польши было бы абсурдным делом» (Домбаль, Ясенский и др.). Это противопоставление пролетарской культуры, создаваемой в современном отечестве трудящихся всего мира и в их же классовых интересах, «своей», «отечественной» культуре, создаваемой в фашистской Польше, являлось в свою очередь националистской тенденцией.

Национальная культура («национальная по форме»), очищаясь от этих националистских шлаков, становилась мощным фактором культурной мобилизации широких масс и, будучи социалистической по содержанию, делалась в то же время выражением единства воли трудящихся всех наций.

Накопленный культурный опыт получит еще более широкое развитие во второй пятилетке. Все национальные республики и области в соответствии с задачами, поставленными XVII партконференцией, в отношении второй пятилетки, на основе достижений первой пятилетки, в своих плановых наметках закрепляют борьбу за полное изживание прежнего к у л ь т у р н о г о неравенства строительством громадного количества культурных учреждений.

Но и вторая пятилетка по культуре будет осуществляться в обстановке классовой борьбы, в которой часто прорываются разновидные вылазки националистического характера. Все рычаги пролетарской диктатуры естественно будут направлены на то, чтобы изжить их, но нужно иметь в виду, что национализм еще долго будет держаться в психике людей, будучи корнями своими связан с различными мелкобуржуазными, родовыми и всякими иными пережитками. Классовая борьба будет также обусловливаться остающейся противоположностью между умственным и физическим трудом и другими видами неизбежного еще в переходное время общественного неравенства, как в вопросах оплаты труда и т. д. Ленин подчеркивал живучесть национальных различий, которые «будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе». Отсюда и неизбежность «ползучих уклонов», рецидивов всяких националистских выступлений, которые будут угрожать интернациональной солидарности трудящихся и являться тормозом строительству социализма.

Отсюда важность дальнейшего укрепления диктатуры пролетариата при еще более широком вовлечении трудящихся масс населения, в первую очередь коренного, в управление государством и производством, в борьбе за окончательное изживание пережитков кулацко-капиталистической идеологии и за коренную переработку человека в строителя нового социалистического общества. Только такая неустанная работа окончательно похоронит следы прежнего национального неравноправия и продвинет момент осуществления принципа «каждый по способностям, каждому по потребностям»[1].

На этом пути борьбы роль советских национальных культур еще более увеличивается в своем значении во второй пятилетке.

Еще в апреле 1921 г. в своей брошюре «О продналоге», Ленин писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону, и от Саратова к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость...»[2].

С тех пор прошло более 11 лет. Под руководством партии советская страна изменила свою физиономию. Среди пустынных мест выросли Турксибы, Магнитогорски, Днепрострои и т. д. Вторая пятилетка еще резче изменит облик советской страны. На общем фоне переустройства всей страны изменяют свою физиономию и национальные республики и области.

Это уж сейчас сказывается в следующем:

1. Все национальные республики и области сильно выросли и укрепились в экономическом и культурном отношении. Прежняя отсталость сильно идет на убыль. Размах социалистического строи-

---

[1] Ленин. Т. XXI, изд. 3, с. 439.

[2] Ленин. Т. XXVI, изд. 3, с. 338.

тельства к концу второй пятилетки должен свести эту отсталость на-нет и обозначить этап полного уравнения с центром. С этим, под эгидой советской власти, связаны также вопросы консолидации в нации самых отсталых народностей. Индустриализация, борьба за овладение техникой, за превращение труда в сельском хозяйстве в разновидность индустриального труда—стали могучими двигателями уравнения самых порабощенных в прошлом народов.

2. Почти повсюду укрепилась диктатура пролетариата. Это выражается более широким вовлечением трудящихся в управление государством и производством, ростом кадров национального пролетариата, увеличением среди него коммунистических кадров, коренизацией, втягиванием трудящихся женщин в общественную работу и т. д.

3. Изжиты национальные трения, на убыль пошел пережиток капитализма—национализм, прикрашивавшийся «демократическими» и «социалистическими» фразами, растет интернациональная солидарность и сотрудничество, разбиты великодержавные и местные националистские вылазки.

4. На базе развивающейся крупной индустрии, роста техники и коллективизации сельского хозяйства заканчивается ликвидация элементов капитализма, и все прежние самые отсталые национальности при помощи диктатуры пролетариата, минуя путь капиталистического развития, на основе заложенного в первой пятилетке социалистического фундамента, включаются непосредственно в строительство социализма.

Международное значение всего этого накопленного опыта огромно.

Он уже сейчас является руководящим во всех секциях Коминтерна, получает отклик во всех национально-освободительных движениях, направленных против империализма.

Путь второй пятилетки — это путь еще более яркого революционного творчества интернациональной солидарности и совместной борьбы трудящихся народов СССР за окончательное выкорчевывание корней капитализма и за раскрепощение из его оков всего человечества. Путь этот предначертан Всесоюзной коммунистической партией большевиков, которая устами своего вождя т. Сталина говорит:

«Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество, — они делают свое дело, наше дело, хорошо — поддержим их против капиталистов и раздуем дело мировой революции».

Демократический централизм — основной организационный принцип построения советской власти

Е. Сорин

Определенному типу производственных отношений в классовом обществе соответствует определенный тип государства и определенная система организации государственного управления. Так, несмотря на различия форм буржуазного государства, мы можем все же говорить об основных, общих всем буржуазным государствам, началах организации буржуазной государственной власти; можно, например, говорить, что буржуазное государственное управление строится на началах управления, главным образом, людьми, отрыва управления от рабочих и трудящихся масс и их организаций, на началах бюрократического централизма и т. д.

Эти особенности буржуазного госуправления присущи всем формам буржуазных государств. Фашизм доводит эти особенности до последней черты. Вырастая из буржуазной демократии, фашизм как оголенная форма буржуазной диктатуры лишь «...заостряет все методы подавления и закабаления трудящихся, присущие капиталистическому строю и неотделимые от всей системы диктатуры буржуазии. Буржуазия воздвигает и оформляет фашистский режим, переплетающийся с остатками буржуазной демократии, на пути разгрома классовых организаций пролетариата, запрещения компартий, создания особых военно-террористических организаций, независимо от упразднения или сохранения парламентских форм» [1]. И подобно тому, как империализм вырос, как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма, как заострение противоречий капитализма, — поворот от «демократии» к политической реакции (в том числе к фашизму), есть продолжение, заострение основных свойств капиталистической государственной надстройки в соответствии с интересами империалистического капитализма.

В основе организации пролетарского государства лежат принципы, обусловленные его классовой структурой. Эти принципы присущи всем пролетарским государствам. Нельзя, например, утверждать, что основные организационные принципы построения Парижской коммуны не те, что принципы, положенные в основу организационного построения нашей советской власти. И Парижская коммуна, и Советы в своей основе имеют одни и те же организационные начала, с той лишь оговоркой, что Парижская коммуна представляла собой, как говорит т. Сталин, «диктатуру

---

[1] Из резолюций, принятых на XI пленуме ИККИ по докладу т. Мануильского.

(пролетариата) неполную и непрочную»[1], что она представляла собой зародышевую форму диктатуры пролетариата в то время, как Советы развили основные черты и организационные принципы построения Парижской коммуны.

И было бы неправильно утверждать, что эти принципы организации советской власти имеют место лишь в отдельные периоды ее существования. Некоторые, например, думают, что между организационными принципами построения советской власти в период военного коммунизма и принципами построения власти в последующие периоды лежит «китайская стена». Конечно, такая точка зрения не выдерживает марксистской критики. Как показано ниже, организация советского госуправления покоится на общих началах, принципах, присущих всем периодам пролетарской диктатуры, несмотря на известное различие в организации управления, которое существует на разных этапах пролетарской диктатуры.

Сущность демократического централизма

В противоположность буржуазному государственному управлению, которое строится на началах бюрократического централизма, основным организационным началом советской системы госуправления является демократический централизм. Последний проходит красной нитью через все наше организационное советское строительство.

Что означает демократический централизм?

В. И. Ленин считал, что для уяснения сущности демократического централизма необходимо понять, как далеко отличается демократический централизм от централизма бюрократического, с одной стороны, и от анархизма — с другой[2].

Для нашей партии всегда была ясна необходимость не только разрушить старый государственный аппарат, но и построить новый, пролетарский централизованный аппарат государства. И когда незадолго перед Октябрьской революцией В. Базаров, полагая, что утверждение большевиков о необходимости разрушить буржуазно-помещичий аппарат равносильно отрицанию всякого централизованного госаппарата и всякого плана, доказывал («Новая жизнь» от 27/IX 1917 г.), что «дело идет не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его»—Ленин со всей силой большевистской страсти выступил против такого рода путаницы.

«Доказывать большевикам,—писал Ленин,—централистам по убеждению и по программе, и по тактике всей своей партии, необходимость централизма—значит поистине ломиться в открытую дверь...». Государство есть орган насилия одного класса над другим. «Пока оно есть машина для насилия буржуазии над пролетариатом, до тех пор пролетарский лозунг может быть лишь один:

---

[1] „Вопросы ленинизма", изд. 1930 г., с. 360.
[2] Ленин. т. XXII, изд. 3-е, с. 495.

разрушение этого государства. А когда государство будет пролетарским, когда оно будет машиной насилия пролетариата над буржуазией, тогда мы вполне и безусловно за твердую власть и за централизм...». «Мы смеемся, смеялись и будем смеяться не над «централизмом» и не над «планами», а над реформизмом»[1].

В этом нет ничего удивительного. Перед пролетарским государством стоят колоссальнейшей важности и трудности задачи построения социалистического общества. Осуществление этих задач происходит в условиях исключительно обостренной классовой борьбы и неустойчивости международных отношений. Необходимо также иметь в виду интернациональный характер пролетарского государства. Все эти обстоятельства повелительно диктуют образование единого централизованного государства, способного противостоять внешним опасностям, обеспечить успешное социалистическое строительство и свободу национального развития народов.

Но централизм нашего государства — демократический централизм. Он есть особый, специфический, централизм, присущий только пролетарскому государству. В отличие от буржуазно-бюрократического централизма, который душит революционную активность и самодеятельность рабоче-крестьянских масс и организаций этих последних, демократический централизм есть максимально возможное для каждого отрезка времени сочетание централизации с развертыванием активности и самодеятельности мест, организаций и каждого отдельного трудящегося.

Знаменательно в этом отношении, что уже с первых шагов организации управления страной наша партия делает особое ударение на необходимости покончить со всякого рода приемами управления, свойственными бюрократически централизованному государству. В своем выступлении на заседании ВЦИК 17 ноября 1917 г. Ленин указывал, что «основным фактором новой общественности» является «живое творчество масс», что «социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий есть создание самих народных масс»[2].

Неоднократно возвращался В. И. к этой проблеме специально в связи с задачами хозяйственного строительства. Уже в статье «Как организовать соревнование», написанной в начале января 1918 г., Ленин указывал, что «надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху... С демократическим и социалистическим централизмом — писал он—ни шаблонизирование, ни установление единообразия сверху не имеют ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обсепечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезвреживания паразитов... Парижская ком-

---

[1] Ленин т. XXI, изд. 3-е, с 268, 269.
[2] Ленин т. XXII, изд. 3-е, с. 45.

муна показала великий образчик сочетания почина, самостоятельности, свободы движения, энергии, размаха снизу—и добровольного, чуждого шаблонов, централизма. Наши советы идут по тому же пути».

И дальше: «Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает—ибо только практика может выработать — наилучшие приемы и средства борьбы»[1].

Советский централизм исключает всякое навязывание сверху властей.

Самоорганизация местных советов, конструирование ими центрального правительства для руководства и объединения действий всех советских органов — такова особенность демократического централизма. У нас нет поэтому и не может быть противопоставления местных органов власти центральным и наоборот — центральных органов местным; нет и самой проблемы местного самоуправления, как противовеса государственному управлению. Все органы власти, начиная с сельского совета и кончая ЦИК и съездом советов Союза, являются органами рабочих и трудящихся масс, органами широчайшего самоуправления этих масс. Советские органы созданы самими трудящимися в порыве их великого революционного творчества и осуществляют их интересы. Они призваны к жизни не для обмана масс, не в целях создания иллюзий народовластия, а для действительного привлечения трудящихся к повседневному управлению страной.

Избранные снизу центральные органы власти руководят местными органами, координируют их деятельность, помогают им в их повседневной работе. Местные органы власти, выполняя руководящие указания избранных ими вышестоящих органов, осуществляют тем самым общие интересы пролетарской диктатуры. При этом местные органы власти не только выполняют указания вышестоящих органов, указания центра, но и сами участвуют в формировании этих указаний. При этом вся система советского государственного управления не оторвана от организаций рабочего класса и трудящихся масс. В противоположность буржуазным государствам постоянной и единственной основой советского государственного аппарата, местного и центрального, снизу и доверху являются массовые организации трудящихся, т. е. громадного большинства населения. Это означает, что наше государство осуществило «...в несравненно более широком виде, чем где бы то ни было, местное и областное самоуправление без каких бы то ни было сверху назначаемых властей»[2].

Важно также понимать, что демократический централизм ни в коей мере не противоречит национальной политике, проводимой советским государством. Оппортунисты представляют дело таким образом, будто Маркс и марксисты стоят на точке зрения уничто-

---

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 166, 167.
[2] Программа и устав ВКП(б), ГИЗ, „Московский рабочий", 1930 г. с. 96—97.

жения государственной власти и создания федералистических образований в соответствии с теорией Прудона. Так напр. изображает марксистское учение о государстве и диктатуре пролетариата известный ренегат Бернштейн в своей работе «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»[1]. Оппортунисты полагают, что уничтожение буржуазного государства, слом старой государственной машины есть анархизм. Между тем, на деле сходство марксизма с прудонизмом в рассматриваемом вопросе состоит лишь в утверждении о необходимости разбить буржуазную государственную машину. Маркс коренным образом расходится с Прудоном и со всеми анархистами по вопросу о федерализме. Из воззрений мелкобуржуазного анархизма федерализм, как указывал В. И. Ленин, вытекает принципиально. Маркс же — централист. «Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной машины за уничтожение централизма»[2].

Пролетарский (советский) централизм основан на свободном сотрудничестве организаций пролетариата и трудящихся масс. Он возникает в ходе пролетарских революций, когда пролетариат и беднейшее крестьянство, взяв в свои руки государственную власть, организуются свободно «по коммунам», объединяют действия всех коммун, всех трудящихся в целях революционного преобразования капиталистического общества в общество коммунистическое. Централизм нашего государства есть соединение всех трудящихся, в том числе и трудящихся различных национальных образований, неразрывными узами живых интересов и классового сознания. В частности, федеративный принцип организации советской власти является в наших условиях с р е д с т в о м д л я п е р е х о д а к д о б р о в о л ь н о м у с л и я н и ю, к с о з н а т е л ь н о м у, б о л е е т е с н о м у, е д и н с т в у т р у д я щ и х с я, все более изживающих остатки всякой национальной розни. Неудивительно поэтому, что наше государство несравненно более централизовано и вместе с тем несравненно более демократично, чем любое буржуазное государство, создающее централизм на базе лжи, подавления трудящихся, в том числе трудящихся различных национальностей.

Демократический централизм означает, следовательно, сочетание строжайшей централизации управления и максимально возможного развертывания инициативы и самодеятельности рабочих и трудящихся масс.

Возможно большая централизация в смысле установления единства в основном, сочетаемая с возможно большей децентрализацией в смысле учета многообразия местных, в том числе национальных, особенностей; централизация, сочетаемая с максимальным развязыванием инициативы в изыскании различных путей, способов, приемов проведения мероприятий партии и советской власти,—таково существо демократического централизма.

---

[1] Подробнее об этом см. в „Государство и революция". Л е н и н, т. XXI, изд. 3, с. 404—406.

[2] Л е н и н, т. XXI, изд. 3, с. 406.

В этом смысле сущность советского централизма можно выразить формулой: «централизация руководства децентрализованной самодеятельностью»[1], или: «максимально централизованное планирование и максимально децентрализованное исполнение»[2], или, точнее: «централизация планирования и руководства в основных вопросах и децентрализация оперативных функций»[3].

Конкретное выражение принцип демократического централизма находит в так называемом двойном подчинении, двойной зависимости, что дает возможность, с одной стороны, проводить единое централизованное руководство («вертикальная» линия подчинения), с другой стороны—учитывать местные особенности, находящие отражение в постановлениях местных советов и исполкомов («горизонтальная» линия подчинения).

Изложенное выше понимание пролетарского централизма коренным образом расходится со взглядом по этому вопросу, высказанным Троцким еще в период, когда он был революционером. Троцкий считал, например, что правильная организация социалистического хозяйства означает такой порядок, когда все хозяйство строится по системе главков, существовавших в период военного коммунизма. То, что для партии было правильным в специфических условиях военного коммунизма, Троцкий переносил на все время. Он видел лишь одну сторону вопроса—централизацию, забывая или игнорируя вторую сторону—сочетание централизма с максимальной самодеятельностью местных органов и объединяемых ими рабоче-крестьянских масс. Взять, например, его речь на IX съезде РКП(б) (1920 г.) по вопросу о хозяйственном строительстве. Нарисовав в этой своей речи картину существовавшей в то время организации управления промышленностью по системе главков, и указав при этом, что главки объединяются лишь наверху (ВСНХ), внизу же «нет никаких клапанов, которые соединяли бы эти тресты друг с другом», Троцкий утверждал: «Такой принцип организации нашего хозяйства по замыслу, если брать его как грубый черновой набросок, есть правильное социалистическое хозяйство, есть плановое хозяйство, оно организуется по основным производствам, оно объединяет сверху донизу, но это предполагает, что центральный аппарат управления промышленности является идеальным аппаратом учета и распределения в соответствии с соединением хозяйственных планов. Это предполагает, что в распоряжении т. Рыкова и его коллегии имеется идеальная клавиатура, так что, ударив по известному клавишу, можно соответствующее количество угля, дров, рабочей силы перебросить туда, где оно требуется по замыслу»[4].

---

[1] См. И. Черняк. „Местное советское управление и буржуазное самоуправление", в сборнике „Строительство советского государства", М. 1929 г с. 193.

[2] См. М. Моргенштерн. „К вопросу о системе аппарата управления" в том же сборнике, с. 255.

[3] См. раздел III резолюции XVI партконференции об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом.

[4] Стенографический отчет IX съезда РКП(б), ГИЗ 1920 г., с. 89—90.

Для Троцкого, таким образом, весь вопрос состоял в организации идеальной «клавиатуры», по клавишам которой мог бы ударять тот или иной товарищ, сидящий в центре. «Клавиатура же, по которой одновременно ударяли бы миллионы «местных» людей из рабочего класса и трудящихся крестьян, Троцкого не интересовала, несмотря на то, что, как показано будет подробно ниже, ко времени IX партсъезда сложились уже предпосылки и необходимость широкого развертывания демократического централизма в изложенном нами смысле.

Отмеченная точка зрения Троцкого не случайна. Она неразрывно связана с его недооценкой основных масс крестьянства, недооценкой способности рабочего класса повести за собой трудящиеся массы крестьянства; она связана также с его попытками, относящимися примерно к тому же времени, толкнуть партию на путь бюрократически-централистического «перетряхивания» профессиональных союзов и т. д.

Отметим также, что марксо-ленинское понимание пролетарского, демократического централизма ни в коей мере не совместимо с фетишизированием этого принципа. У нас даже в партии находились товарищи, которые нашу демократию возводили в какой-то фетиш, говорили, например, о «священном лозунге рабочей демократии». Ленин решительно выступал против таких взглядов, против непонимания, что «формальный демократизм должен быть подчинен революционной целесообразности» [1]; решительно выступала против этого и вся партия.

Демократический централизм потому (и постольку) является основным организационным принципом построения советского госаппарата, что (и поскольку) он служит интересам пролетарской диктатуры. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в различные периоды—ниже это будет показано подробно — демократический централизм получал различную степень применения, а в период обостреннейшей гражданской войны принял исключительно своеобразную форму централизации, соответствовавшую этому военному периоду. Нет ничего удивительного и в том, что принцип «двойного» подчинения не применяется нами в отношении органов, отправляющих функции революционной законности. «Двойное» подчинение необходимо там, где нужно учитывать неизбежность различия, многообразия. Поскольку эти последние существуют в области земледелия, промышленного строительства и управления, здесь «двойное» подчинение необходимо и здесь оно осуществляется. Не учитывать различий, не строить здесь управления на началах «двойного» подчинения, значило бы—впадать в бюрократический централизм. Но поскольку законность должна быть одной во всех республиках, во всем СССР и не должно быть, как указывал В. И. Ленин, отдельно калужской законности и т. д., необходимости в «двойном» подчинении нет и оно в этой области не применяется [2].

---

[1] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 99 и 128.

[2] Подробнее об этом см. письмо Ленина к Сталину — „О „двойном“ подчинении и законности“, Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 298 и след.

Мы видим, таким образом, что вопрос этот решается, исходя из интересов революционной целесообразности, а не абстрактных, фетишизированных положений о пролетарском демократизме.

Демократический централизм в первые периоды пролетарской диктатуры

Октябрьская революция разрушила старый аппарат власти вместе со старыми буржуазно-бюрократическими приемами управления. Наряду с разрушением эксплоататорского аппарата власти началось строительство новой, пролетарской государственности. Но началось оно в условиях исключительных трудностей и своеобразий. Только что успела советская власть преодолеть разбросанность и разрозненность местных советов, изжить местнические тенденции многих советских органов, неправильное понимание ими лозунга «Вся власть советам» и оформить взаимоотношения органов власти на началах демократического централизма, как нагрянула продолжительная, неслыханно тяжелая гражданская война. Последняя потребовала специфических приемов управления, которые не могут быть рассматриваемы как «нормальные» для всего периода пролетарской диктатуры.

Обстановка военного коммунизма требовала приспособления советского государственного аппарата к выполнению военных задач. «Для этого необходимо было провести железную военную централизацию сверху донизу. Недостаток материальных ресурсов в стране заставил централизовать до ниточки, до гвоздя, до пуговицы все распределение и производство» [1]. Достаточно ярким примером централизации этого времени может служить аппарат военного командования и снабжения армии, а также аппарат продовольственных органов. Столь же централизованным был и аппарат ВСНХ. Организационное строительство пошло по линии главков и центров. Дополнением к этому и явилось значительное сужение деятельности местных советов и исполкомов.

Окончание войны и переход к относительно мирному существованию советской власти означал также поворот в сторону более нормальных форм организации госуправления, в частности, более нормальных взаимоотношений центральных и местных органов советской власти. Уже VII всероссийский съезд советов, заседавший в декабре 1919 г., когда после победы над Деникиным казалось, что мы переходим к мирному строительству, вынес ряд серьезнейших постановлений, в которых предусматривалась нормализация государственного управления, установление взаимоотношений центра и мест на началах двойного подчинения. Установлено было, что постановления исполкомов не могут быть отменяемы народными комиссариатами и что, с другой стороны, постановления народных комиссариатов не могут быть отменяемы исполкомами. Как постановление исполкома (губернского),

[1] Л. Каганович. Местное советское самоуправление, М. 1923 г., с. 55.

так и постановление народного комиссариата может быть отменено лишь высшими органами власти—СНК и ВЦИК. Исполкомы получили право контролировать представительства центральных учреждений. Установлено было также, что все заведующие отделами и члены коллегий выбираются местными исполкомами.

VIII всероссийский съезд советов углубил эти положения. Согласно решениям этого съезда, советы и исполкомы подчиняются только ВЦИК и Совнаркому. Наркоматы не могут отменять их постановлений; исполкомам же и советам предоставлено было право в строго определенных случаях приостанавливать распоряжения народных комиссариатов.

Широкое развертывание начал демократического централизма претворялось, однако, в жизнь лишь весьма постепенно. Для их реализации с достаточной полнотой и в широком масштабе помимо окончания войны требовались еще и другие предпосылки. К ним прежде всего относятся образование Союза советских республик, охват плановым руководством процессов социалистического строительства, проведение экономического районирования, создание условий для развертывания работы низовых советов (кадры, местный бюджет, предоставление больших прав низовым советам и т. д.), поднятие политической и общекультурной зрелости миллионных масс рабочего класса и трудящегося крестьянства. Мы не говорим здесь о первейшем условии, без которого невозможно осуществление демократического централизма—наличии единой и единственной партии большевиков, являющейся «направляющей силой» в системе пролетарской диктатуры. Это само собой предполагаемое и всем достаточно известное условие было и есть, и на рассмотрении этого условия можно здесь подробно не останавливаться.

По мере завершения победы советской власти на военных фронтах и продвижения по пути социалистического строительства, все более усиливаясь, нарастали тенденции, заложенные в нашем строе и в той или иной мере уже претворенные в жизнь в первые годы Октябрьской революции. Это сказалось и в смысле все большей реализации демократического централизма.

Укажем прежде всего на процесс быстрого развертывания основ советской федерации, заложенных уже в первые дни и недели существования советского государства. Тормозившаяся в условиях конкретной действительности военного времени работа по все большему, говоря словами Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа, действительно свободному и добровольному, а следовательно, тем более полному и прочному соединению трудящихся классов всех наций России, по окончании войны получила сильный размах. Стала быстро воплощаться в жизнь мысль о создании федерации всех советских республик, которая нашла в свое время выражение в декрете ВЦИК от 1/VII 1919[1] г. Сказалось это, во-первых, в целом цикле автономно-государственных новообразований, возникших внутри РСФСР. В ре-

---

[1] Собр. узак. от 6 июня 1919 г., ст. 264.

зультате происшедшей автономно-государственной внутри-федеративной диференциации, в составе РСФСР оказался целый ряд автономных республик и автономных областей различных национальностей. В свою очередь, это в значительной степени изменило условия работы, усложнило систему госуправления и потребовало приспособления к новой обстановке национально-государственного строительства.

В системе наркоматов РСФСР, наряду с комиссариатами, охватывающими своим воздействием по линии соответствующей отрасли управления всю территорию республики, были образованы наркоматы, пределы деятельности которых в определенной сфере управления ограничиваются лишь территорией основного великорусского ядра с присоединением к нему лишь территории автономных областей. В последнем случае автономные республики имеют свои собственные одноименные комиссариаты, являющиеся самостоятельными и независимыми от соответствующих (одноименных) наркоматов РСФСР и подчиняющиеся лишь своему ЦИК и СНК, а также ВЦИК. Другие комиссариаты РСФСР, так называемые объединенные, напротив, простирают свою компетенцию не только на территорию губерний и областей РСФСР, а также входящих в нее автономных областей, но и на территорию автономных республик. Одноименные наркоматы, имеющиеся в этих республиках, подчиняются одновременно, с одной стороны, своему ЦИК и СНК, с другой — соответствующим наркоматам РСФСР, СНК РСФСР и ВЦИК.

Параллельно этому процессу федеративного строительства внутри РСФСР происходил аналогичный процесс и по линии все далее идущего, добровольного объединения всех советских республик, возникавших в ходе пролетарской революции и победоносного окончания гражданской войны. Вступают в договорные отношения с РСФСР Советская Украина (1920 г.), Советская Белоруссия (1921 г.), Азербайджанская ССР (1920 г.), а также по мере распространения советской власти в Закавказье подписывается соглашение между РСФСР и ССР Армении (1920 г.) и затем — договор РСФСР с Советской Грузией (1921 г.).

Устанавливалось довольно тесное объединение в областях: военной, финансовой, почты и телеграфа, пути сообщения. Намечается также объединение и по другим линиям—ВСНХ, НКВТ и отчасти Наркомпрода и Наркомтруда.

Так шаг за шагом произошло объединение всех республик, создание, с одной стороны, «тесной федерации» в лице РСФСР, и, с другой—«широкой федерации» в лице всех советских республик. Основное различие в строении этих двух федераций состояло в том, что в то время как в отношении союзных республик, образовавших вместе с РСФСР «широкую федерацию», компетенция РСФСР была ограничена лишь теми отраслями управления, которые считались объединенными в силу союзных договоров (в остальном союзные республики сохраняли полную самостоятельность), федеративные отношения внутри «тесной федерации» (РСФСР) строились на базе точно оговоренных пределов автоном-

ной компетенции республик (за этими рамками начиналась компетенция РСФСР).

Значительным продвижением в рассматриваемом направлении явилось также образование в 1922 г. федерации всех трех закавказских республик (Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР) и создание полновластного аппарата правительства федерации всех республик Закавказья (ЗСФСР).

Следует, однако, заметить, что федеративная организация государственного управления на этой ступени развития не являла еще собой необходимого единства. Имели даже место наркоминделы, наркомвнешторги союзных республик и наряду с миссиями РСФСР были полномочные представительства заграницей, торгпредства и агентства отдельных союзных республик. Такой параллелизм вел к излишним затратам, создавал ненужные государственные учреждения и мешал единству советской политики. Между тем, политические и экономические интересы пролетариата и трудящихся масс советских республик диктовали необходимость создания еще более тесного государственного объединения. Связанные общими классовыми интересами, советские государства не замедлили образовать единый Союз советских социалистических республик. В декабре 1922 г. последний был создан, а 6 июля 1923 г. ЦИК СССР была принята Конституция Союза, окончательно утвержденная затем II съездом советов СССР в январе 1924 г.

Позднее к Союзу ССР, вначале составившегося из РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР, присоединились (в 1925 г.) Узбекская и Туркменская ССР, образовавшиеся в результате национального размежевания в Средней Азии, и еще позднее (1929 г.) — Таджикская ССР.

Образование Союза ССР привело к упрощению и созданию единого государственного аппарата, упразднению ненужных параллельно существовавших учреждений, созданию в рамках всего Союза на началах демократического централизма однородной структуры государственных органов.

Демократический централизм нашел в Союзе ССР замечательно яркое воплощение. Как уже отмечалось выше, демократический централизм несовместим с навязыванием сверху властей; он покоится на добровольном объединении «коммун» трудящихся советской страны. СССР и представляет собой такого рода объединение. За каждой союзной республикой в СССР сохраняется полная независимость и самостоятельность вплоть до права выхода из Союза. Вне пределов, которыми по Конституции Союза ограничивается компетенция союзных республик, последние осуществляют свою власть самостоятельно и Союз ССР охраняет ее суверенные права. Как и в любой советской республике, области или в любом районе, выборы высших органов СССР проводятся снизу; трудящиеся массы сами участвуют не только в выполнении постановлений вышестоящих органов, но и в формировании как самих этих органов, так и их постановлений.

В Союзе ССР нашло также прекрасное осуществление то сочетание единства и многообразия, о котором говорилось выше, и что

составляет характерную особенность демократического централизма,—единство классовых интересов всех советских республик сочетается здесь с многообразием национальных особенностей этих последних. Достаточно, например, указать на роль и значение Совета национальностей в системе высших органов власти СССР. На XII съезде РКП(б) т. Сталин в своем докладе по национальному вопросу говорил: «Если бы мы могли в составе Союзного ЦИК учредить две палаты, из которых первая выбиралась бы на Союзном съезде советов, независимо от национальностей, а вторая палата выбиралась бы республиками и областями (республики поровну и национальные области тоже поровну) и утверждалась бы тем же съездом советов Союза республик, я думаю, что мы тогда имели бы в составе наших верховных учреждений отражение **не только классовых интересов всех без исключения пролетарских групп, но и запросов чисто национальных** (подчеркнуто нами. *Е. С.*). Мы имели бы орган, который отражал бы особые интересы национальностей, народов и племен, обитающих на территории Союза республик»[1].

Известно, что так именно, как это мыслил т. Сталин, был построен (строится и теперь) ЦИК СССР. Существующий в качестве одной из двух равных по своим правам «палат» ЦИК СССР, Совет национальностей является как раз органом, который отражает и выражает не только классовые интересы всех пролетарских групп республик, входящих в Союз, но и интересы чисто национальные.

В этом отношении заслуживает также быть отмеченной система наркоматовского построения в Союзе ССР. В силу конституции Союза ряд областей госуправления (иностранные дела, военные и морские дела, внешняя торговля, пути сообщения, почта и телеграф) были переданы в непосредственное ведение органов Союза, в соответствии с чем созданы общесоюзные народные комиссариаты. По другим отраслям госуправления (промышленность, продовольствие, труд, финансы, рабоче-крестьянская инспекция) за Союзом было сохранено общее директивное руководство и регулирование. В соответствии с этим были созданы объединенные директивные наркоматы. Все остальные области госуправления (народное просвещение, земледелие, здравоохранение, социальное обеспечение, юстиция) остались целиком в ведении союзных республик. Народные комиссариаты последней группы отраслей управления подчиняются только правительствам своих республик. За Союзом в этих областях деятельности сохраняется лишь право установления общих мер и основ деятельности в порядке общесоюзного законодательства[2].

Таким образом сочетается единство в руководстве основными отраслями государственного управления со специфическими местными условиями культуры и быта.

---

[1] Стенографический отчет XII съезда РКП(б), изд. 1931 г., с. 451.

[2] Мы не касаемся здесь последующих изменений в организации наркоматских органов. О важнейших изменениях в этой области, важных с точки зрения рассматриваемой проблемы, говорится ниже.

Обратимся теперь к вопросам демократического централизма в свете усиления планового руководства процессами социалистического строительства, охвата единым планом всего народного хозяйства страны.

В Советской России ввиду господствующей роли государства, как собственника «командных экономических высот», и необходимости построить социалистическую экономику, плановое начало уже на первых порах существования советской власти приобретает исключительное значение. Вне осуществления этого начала совершенно невозможно и осуществление советского централизма. Неудивительно поэтому, что уже 14/XI 1917 г. ВЦИК оформляет идею планового руководства народного хозяйства изданием «Положения о рабочем контроле», а 1/XII этого же года декретирует положение о ВСНХ.

Но работа ВСНХ, как центра планового руководства и регулирования народного хозяйства в период военного коммунизма, была в высокой мере ограничена. Война, требовавшая «ударных» приемов работы, являла собой более благодарную почву для существования организаций и наркоматов, не связанных друг с другом и наделенных оперативными функциями, а не функциями регулирования. Национализировав капиталистические тресты, пополнив их отдельными предприятиями той же отрасли промышленности и объединив по типу этих трестов предприятия не трестированных при капитализме отраслей промышленности, советское государство превратило промышленность в ряд могущественных, хозяйственно друг от друга изолированных, вертикальных объединений, связанных между собой только наверху (ВСНХ).

Переход с окончанием войны к мирному хозяйственному строительству требовал поворота от такого рода централизма к более нормальному советскому централизму. Задача в этом отношении состояла в том, чтобы, как отмечал еще IX съезд РКП(б) весной 1920 г., «сохраняя и развивая вертикальный централизм по линии главков, сочетать его с горизонтальным соподчинением предприятий по линии хозяйственных районов, где предприятия разных отраслей промышленности и разного хозяйственного значения вынуждены питаться одними и теми же источниками местного сырья, транспортных средств, рабочей силы и проч.». Вместе с тем, наряду с предоставлением местным хозяйственным организациям большей самостоятельности, задача состояла в том, чтобы «...увеличивать непосредственную хозяйственнную заинтересованность местного населения в результатах промышленной деятельности» [1].

Развеостка заменяется натуральным налогом, разрешается свободный оборот с.-х. продуктов и кустарных изделий, предоставляется большая свобода кооперации в развитии хозяйственного почина, принимаются меры поощрения мелкой промышленности наряду с незыблемым сохранением основных социалистических форм народного хозяйства, поощряется всякий хозяйственный почин,

[1] См. резолюцию IX съезда РКП(б) об очередных задачах хозяйственного строительства, раздел VI.

могущий способствовать подъему промышленности и сельского хозяйства.

Постановлением VIII съезда советов (декабрь 1920 г.) реорганизуется Совет труда и обороны, который, согласно решениям этого съезда действует на правах комиссии СНК, и задачей которого является установление единого хозяйственного плана республики и представление плана на утверждение ВЦИК. Организуются местные органы экономического управления. В целях объединения и укрепления хозяйственной деятельности всех местных экономических органов, согласования их деятельности и привлечения их к выполнению местных и общегосударственных задач при губисполкомах на правах их комиссий организуются губэкономсовещания (ГЭС).

Особым декретом СНК от 22/II 1921 г. создается Государственная общеплановая комиссия и декретом от 17/III 1921 г. — ряд центральных и ведомственных плановых комиссий. Постановлением ВЦИК от 30/VI 1921 г. утверждаются Положение об областных и губернских экономсовещаниях, даются директивы по организации уездных, районных, фабрично-заводских, волостных и сельских экономсовещаний, а также устанавливается порядок отчетности всех этих органов перед СНК и СТО. Согласно этому постановлению ОблЭКОСО организуются по постановлению СТО и являются областными органами последнего, действующими по его заданиям и директивам. В Положении об ОблЭКОСО говорится, что последние утверждаются «в целях уменьшения бюрократизма, более быстрого проведения на местах мер, которые могут и должны быть осуществлены местными решениями, а также в целях согласования и усиления деятельности всех хозяйственных органов, находящихся на территории данной области, и местных экономических совещаний» [1]. ОблЭКОСО подчиняются междуведомственные комиссии, имеющиеся при наркоматах; свои распоряжения местным органам хозяйственные наркоматы дают через своих представителей в ОблЭКОСО. СТО также дает свои распоряжения по области через ОблЭКОСО; командируемые СТО уполномоченные подотчетны в своих действиях ОблЭКОСО. Губэкономсовещаниям предоставляется при этом право сноситься с СТО непосредственно с одновременным уведомлением об этом ОблЭКОСО.

Постановление ВЦИК предусматривает далее, что организация экономсовещаний советских республик, находящихся в договорных отношениях с РСФСР, и их отношения с СТО определяются особыми положениями по соглашению ЦИК этих республик. В отдельных республиках были созданы в разное время ЭКОСО.

Выше уже указывалось на создание Госплана. Последний из общеплановой комиссии РСФСР с образованием Союза ССР был превращен в общесоюзный плановый орган. Почти одновременно с учреждением Госплана декретом СНК от 17/III 1921 г. учреждается ряд плановых комиссий при наркоматах и СТО в целях устранения параллелизма и несогласованности, увеличения стройности и упро-

[1] Собр. узак. от 1/VII 1921 г. № 44, ст. 223.

щения экономического аппарата, а также в целях создания правильной соподчиненности его частей. С момента учреждения при наркоматах плановых комиссий упраздняются все междуведомственные комиссии и постоянные совещания. В целях согласования работы различных отраслей народного хозяйства и между отдельными областями советской федерации декретом СНК от 8/VI 1922 г. издается Положение об областных плановых комиссиях.

Всеми этими мероприятиями вместе с фактически организовавшимся в разное время госпланами союзных республик была создана система плановых органов страны. Созданием конъюнктурных бюро наряду с созданным в марте 1923 г. постоянным бюро съездов по изучению производительных сил СССР в общем завершается организационный период построения плановых органов.

Здесь необходимо однако заметить, что планирование и организационные формы плановой работы находятся в неразрывной связи со всей работой и организацией аппарата пролетарской диктатуры. Опыт хозяйственной работы показал, что план социалистического хозяйства не может быть установлен теоретическим или бюрократическим путем. Настоящий социалистический хозяйственный план, охватывающий промышленность, с одной стороны, промышленность во взаимоотношении с сельским хозяйством, с другой стороны, возможен только в результате длительной подготовительной работы, длительного опыта на базе национализации. Для такого плана требуется целый ряд непрерывных усилий в деле практического согласования работы различных отраслей хозяйства и систематического, правильного учета результатов этой работы. Неудивительно поэтому, что даже XII партийный съезд, собравшийся в апреле 1923 г., т. е. спустя 2 года после окончания (в основном) войны, указал, что «на ближайший период задача (в области планового воздействия на экономику страны. Е. С.) имеет... обще-директивный и в значительной мере подготовительный характер. Она не может быть определена одной какой-либо формулой, а предполагает постоянное и бдительное приспособление руководящего хозяйственного аппарата, его основных заданий, его методов, его практики к рыночным явлениям и отношениям. Только в своем окончательном развитии плановые методы могут и должны подчинить себе рынок и тем самым упразднить его» [1].

Действительно широкое развертывание планирования стало возможным лишь после того, как партия и советская власть достигли значительных успехов в создании основных предпосылок планового руководства. Этими предпосылками, помимо окончания войны и перехода от продразверстки к продналогу, являются прежде всего — создание твердой валюты, организация кредита, накопление материальных фондов, допускающих маневрирование ими, осуществление и укрепление определенных форм организации хозяйства, наличие ряда отдельных, на основе опыта построенных планов, в первую очередь, бюджетных планов и т. п. Только

[1] См. § 3 резолюции XII съезда РКП(б) по докладу о промышленности.

после того, как эти предпосылки были достигнуты, стало возможным значительное усиление плановой деятельности и быстрое продвижение в области планового руководства социалистическим строительством[1].

Как известно, первым планом народного хозяйства является план электрификации Советской России, план ГОЭЛРО, составленный к VIII съезду советов[2]. Созданный и утвержденный в свое время план электрификации России, имевший всемирно-историческое значение для всей хозяйственной работы в нашей стране, являлся, однако, лишь «...черновым наброском, началом, завязкой дела всеобщей технической реконструкции народного хозяйства нашей страны»[3]. Далее, огромная работа была проделана по составлению первых годовых планов — «контрольных цифр народного хозяйства». Впервые «контрольные цифры» были утверждены на 1925/26 год. С тех пор они составляются ежегодно и приобрели огромнейшее значение для планового руководства социалистическим строительством. С указанного времени стали также утверждаться твердые годовые бюджеты Союза ССР. Вместо системы месячных, трехмесячных и шестимесячных бюджетов, в соответствии с которыми проходило хозяйственное строительство в 1923, 1924 и 1925 гг., в 1925/26 г. была сделана попытка дать твердый финансовый план, точно рассчитанный по основным отраслям народного хозяйства на целый год.

Наряду с выработкой первых годовых планов начала проводиться большая работа по составлению более широких планов социалистического строительства. Проводилась огромная работа по составлению «генерального плана» перестройки народного хозяйства в перспективе 10 — 15 лет. Работа по составлению такого генерального плана не была закончена. Однако в лице теперь завершаемой первой пятилетки и составляемой второй пятилетки мы, по сути дела, реализуем идеи охвата «генеральным» планированием процессов социалистического строительства.

Огромнейшую роль в развитии демократического централизма, наряду с изложенными выше моментами, сыграло также проведение экономического районирования.

Как известно, дореволюционные административно-территориальные деления России являлись насквозь средневековыми, казенно-бюрократическими делениями. Административные центры сплошь и рядом не совпадали с центрами экономического тяготе-

---

[1] Этим, надо думать, объясняется в частности то положение, что общеплановые комиссии союзных республик были оформлены лишь несколько лет спустя после окончания гражданской войны: Госплан РСФСР — постановлением ЭКОСО РСФСР от 28/II 1925 г., Госплан УССР — на основании постановления СНК УССР от 10/IV 1925 г., Госплан БССР — на основании постановления СНК БССР от 18/XI 1925 г., Госплан ЗСФСР—на основании постановления СНК ЗСФСР от 10/XII 1926 г. и т. д.

[2] Комиссия по электрификации России была учреждена постановлением президиума ВСНХ и Наркомзема 21/II 1920 г. на основании постановления ВЦИК 7-го созыва. Начала свою работу эта комиссия в марте 1920 г. и закончила ее к VIII съезду советов, т. е. к концу декабря 1920 г.

[3] В. Молотов. Доклад на XVII партконференции о второй пятилетке.

ния. Точно также не было соответствия административно-территориального деления особенностям состава населения, культурным достижениям прошлого времени и т. д. Эти деления являлись тормозом даже на пути к капиталистическому развитию дореволюционной России. Тем более они оказались несовместимыми с задачами пролетарской диктатуры. Серьезная, творческая экономическая и политическая работа советской власти не могла быть проведена без соответствующей ломки дореволюционных административных делений. В частности, осуществление планового руководства хозяйственным строительством, проведение национальной автономии, все большей децентрализации оперативных функций и т. п. — словом, проведение демократического централизма неразрывно и прямым образом связано с решением проблемы районирования.

В чем суть районирования, проводимого советской властью? Районирование означает прежде всего, что в виде района выделяется своеобразная, по возможности экономически законченная, территория страны, которая в силу комбинации природных особенностей, национальных особенностей, культурных достижений прошлого времени и населения представляет собой одно из звеньев единого народнохозяйственного целого. В силу рационально подобранного комплекса местных ресурсов и капитальных ценностей создаются наилучшие условия для наиболее эффективного воздействия государственной надстройки на экономику страны, для использования всех возможностей быстрого социалистического строительства. Создаются условия для большей и наиболее целесообразной специализации районов, установления правильного обмена между ними (ограничение обмена необходимым количеством целесообразно направленных продуктов производства), а также разделения труда между областями и организации области в крупную комбинированную производственную единицу. Очевидно, что реализацией теснейшей связи между природными ресурсами, навыками населения, предыдущей культурой, новой техникой достигаются лучшие хозяйственно-политические результаты.

Вследствие несовместимости дореволюционных административно-территориальных делений с задачами пролетарской диктатуры, тотчас же после Октябрьской революции началась огромнейшая, — правда, на первых порах недостаточно плановая, — территориальная перекройка, охватившая все административные образования сверху донизу. В дальнейшем эта первая, можно сказать, в известной мере стихийная, ревизия старых административных границ исправлялась в соответствии с задачами социалистического строительства на базе марксо-ленинской теории районирования.

VII всероссийский съезд советов, явившийся, как уже отмечалось выше, важнейшей вехой на пути организационного советского строительства, не мог не уделить также соответствующего внимания вопросам районирования. Поручив ВЦИК практически разработать вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР, VII съезд советов запретил впредь до решения этого вопроса ВЦИК образование новых административно-хозяйственных единиц. Запрещено было также введение нового районного деле-

ния всей или части территории по каким-либо отдельным отраслям хозяйства и управления без разрешения в каждом отдельном случае СНК. На базе этих решений VII съезда советов Президиум ВЦИК образовал (февраль 1920 г.) административную комиссию, возложив на нее общую разработку принципов районирования советской республики и руководство работой по созданию новых административно-хозяйственных единиц. К VIII съезду советов работа в рассматриваемом направлении значительно продвинулась. Достаточно сказать, что план ГОЭЛРО, обсуждавшийся на VIII съезде советов, уже был составлен с учетом районного деления.

Однако работа эта была еще совершенно недостаточной. Переход к восстановлению народного хозяйства требовал ускорения разработки плана районирования. Именно такое решение и было зафиксировано в резолюции VIII съезда. Большую роль в проведении районирования сыграли СТО и Госплан. Заслушав в ноябре 1921 г. доклад Госплана, СТО обратился в Президиум ВЦИК с просьбой о создании специальной комиссии по районированию, в которой принимали бы участие различные ведомства и места. Были разработаны основные принципы районирования. Приняты были также меры к сокращению несоразмерно выросшего числа волостей, явившихся следствием первоначального, стихийного процесса дробления последних [1].

В ноябре 1922 г. административная комиссия ВЦИК предложила губернским административным комиссиям сократить число уездов и волостей. Комиссия при этом указывала, что желательным является составление промышленной и сельскохозяйственной схемы районов, а также районов экономического тяготения. Предлагалось также, имея в виду переход от уездного и волостного деления к порайонному, составить губернскую карту районного деления.

Исключительно трудные условия того периода тормозили процесс территориального переформирования и проведения районирования. Не было опыта и предварительной проверки уже проделанной работы; к тому же сами экономические признаки в период исключительной разрухи всего народного хозяйства не могли быть достаточно выявлены. XII партсъезд (1923 г.) указал поэтому, что «введение новой системы административно-хозяйственного деления требуют осторожного подхода и большого срока для своего окончательного проведения». План нового административно-хозяйственного деления партсъезд принял лишь как «предварительную рабочую гипотезу» и счел необходимым допустить проведение

[1] В результате бесплановой перекройки старых волостных границ были созданы исключительно мелкие и мельчайшие волости. Достаточно, например, сказать, что к 1922 г. число волостей увеличилось в границах РСФСР с 10606 (бывших до революции в этих границах) до 12363, т. е. более, чем на 16%. Насколько далеко зашел процесс дробления волостей, можно судить еще и потому, что даже в губерниях, отличавшихся наибольшей плотностью населения, количество жителей, приходящихся в среднем на одну волость (после ее дробления), не превышало 8—10 тыс. чел., а территория 200—300 кв. км. См. „Территориальное и административное деление СССР“, изд. НКВД, М., 1928 г., с. 16.

экономического районирования, помимо Украины, только в двух областях: в одной промышленной области—Урал и одной сельско-хозяйственной — Северный Кавказ.

Шаг за шагом работа по проведению районирования расширялась и углублялась. Быстрое восстановление народного хозяйства, рост политической активности рабочего класса и трудящихся, накопившийся опыт организационного советского строительства, в частности, в области практического проведения районирования и в связи с этим увеличивавшаяся потребность скорее изжить остатки старой, дореволюционной системы управления требовали решительных мер по улучшению госаппарата. В особенности остро эта задача стала, когда восстановление народного хозяйства дошло до грани его (хозяйства) социалистической реконструкции. Уездно-губернская система явно устаревала и становилась серьезным препятствием на пути дальнейшего социалистического строительства. Неудивительно, что XV партсъезд, собравшийся в конце 1927 г., уделил этому вопросу большое внимание и постановил перевести на районную систему всю нерайонированную территорию Союза в течение пяти лет. Важно заметить, что решение этой задачи рассматривалось партсъездом, как условие организации планового руководства народным хозяйством. В резолюции съезда говорится: «...С целью наиболее полного охвата плановым руководством народнохозяйственной жизни страны съезд считает необходимым в течение предстоящего пятилетия закончить районирование всей страны». Уже по истечении года со дня этого постановления партсъезда на территории РСФСР возникли три новых области: Центрально-черноземная, Средне-волжская и Нижне-волжский край. Быстро пошел процесс роста округов и районов и соответственно с этим—падение числа губерний, уездов и волостей.

Районирование в свете изучаемой проблемы демократического централизма имело важнейшее значение не только в смысле создания условий для планового и более эффективного руководства процессами народнохозяйственной жизни. Не меньшее значение оно имело и в деле децентрализации функций госуправления. В условиях пролетарской диктатуры образование новых хозяйственно-административных единиц (областей, округов, районов) на базе устранения разрыва между административными и хозяйственными границами, сочетания природных ресурсов, особенностей населения, культуры и т. д. повышает во всех отношениях роль и значение местных органов власти, создает несравненно лучшие условия для их работы, для проявления их инициативы и самодеятельности. При этом нельзя забывать, что районирование не есть просто замена ранее сложившейся губернско-уездно-волостной системы госуправления новыми административно-территориальными образованиями. Районирование в условиях советского государства есть также приближение аппарата к трудящимся массам, децентрализация оперативных функций; вне децентрализации оперативных функций районирование выродилось бы в простое укрупнение существовавших административно-территориальных единиц в ущерб

задаче приближения госаппарата к трудящемуся населению. Результатом районирования является не только создание опорных пунктов в целях планирования народного хозяйства, но и создание таких органов, которые в рамках единого, централизованного руководства могли бы выполнять ряд функций, доселе выполнявшихся вышестоящими органами.

В значительной степени именно в результате районирования были расширены права и обязанности низовых органов власти, улучшены их материальные условия работы (местное хозяйство, бюджет) и т. п. Так, например, компетенция областных (краевых) органов была расширена, с одной стороны, за счет передачи в порядке децентрализации оперативных функций целого ряда прав от наркоматов, с другой стороны — в силу задержавшейся в областных органах прав губерний. Путем децентрализации функций облисполкому были, например, переданы: утверждение уставов областных (краевых) трестов, рассмотрение экспортно-импортных планов и контингентов, участие в рассмотрении концессионных вопросов, в разработке планов по транспорту и связи, дача заключений по отчетам уполномоченных соответствующих общесоюзных наркоматов, участие в рассмотрении центральными органами смет госбюджетных учреждений области и т. д.

Аналогичное мы имеем и в отношении других низовых звеньев госаппарата. За округом была закреплена почти в полном объеме компетенция губерний, несмотря на то, что объем окружного хозяйства по сравнению с губернским уменьшился. Правда, необходимо иметь в виду, что в сравнении с губернией округ в известном отношении имел меньшую самостоятельность. Так, плановые предположения окрисполкома должны были согласовываться с областными органами. Свою связь с центром окрисполком, находясь в системе внутриобластных органов, как правило, должен был проводить через облисполком. Окрисполком, например, должен был согласовывать свои планы с областными органами; свой бюджет строить по контрольным цифрам, утвержденным областью. Однако в отношении низового аппарата, своего собственного аппарата, а также окружного хозяйства значение окрисполкома не уменьшилось по сравнению с губисполкомом.

Будучи наделен правами бывшего губисполкома, объединяя при этом меньшую по сравнению с губернией территорию и имея значительно сократившийся круг хозяйственных объектов, окрисполком смог, несомненно, лучше охватить свое хозяйство, лучше поставить и развернуть свою работу. Округа являлись не только промежуточной инстанцией между областью и районом. Перед округом, как перед крупной и сравнительно мощной административно-территориальной единицей, стояли огромные задачи в области развития местного хозяйства, местной промышленности, в области планового регулирования всей местной хозяйственно-культурной и политической жизни. И можно кстати сказать, что округа сыграли, несомненно, огромнейшую роль в выявлении и развитии местных производительных сил, в руководстве низовыми советами, в вовлечении советов в активную хозяйственно-куль-

турную деятельность, в организации планового регулирования в различных областях хозяйственного управления, в выращивании кадров из местного актива советов и т. д.

Огромнейшие изменения последовали также и в отношении районов. Последние в результате районирования заняли важнейшее место в системе государственных органов. Функции района образовались из компетенции прежнего уезда, в меньшей мере — из функций прежней волости, а также из целого ряда функций, переданных району после ликвидации округов [1].

С созданием района стало возможным приблизить к населению и, главным образом, к крестьянству обслуживающие их учреждения. Такие учреждения, как участки милиции, нарсуд, агрономические, ветеринарные пункты, больницы, фининспектура, почтово-телеграфная контора и т. д., которые до районирования были в значительной степени оторваны от прежней волости, не совпадая с ней по границам своих участков, с созданием районов были увязаны в своей ведомственной участковой сети с административно-территориальными границами района. Обслуживание важнейших нужд населения оказалось в учреждениях, находящихся в непосредственной зависимости от райисполкомов. Райаппарат в несравненно большей мере, чем бывший волостной аппарат, стал центром активного вовлечения населения в свою работу, центром мобилизации его активности и самодеятельности.

Картина эволюции демократического централизма страдала бы существенным изъяном, если бы мы не показали, как и каким образом указанная выше эволюция скреплялась и дополнялась материальными предпосылками.

За недостатком места мы ограничимся здесь лишь рассмотрением развития государственного бюджета в свете проблемы демократического централизма, поскольку бюджет является достаточно верным зеркалом, в котором отражаются тенденции, достижения и недостатки народнохозяйственного строительства. Ранее уже указывалось на создание единых твердых общесоюзных бюджетов. Рассмотрим теперь процесс децентрализации финансовой системы.

В период военного коммунизма характерной для госбюджетов была прежде всего натурализация значительной части источников дохода (продразверстка).Неизбежная в условиях военного времени централизация государственного управления, о чем уже говорилось выше, вызвала слияние государственных и местных бюджетов. Местный бюджет потерял свои очертания и свое значение. Все это наряду с отмеченными выше обстоятельствами сужало рамки деятельности низовых органов в области хозяйственно-культурного строительства.

Переход от разрешения задач военного времени к сравнительно мирному хозяйственно-культурному строительству, поставив-

---

[1] Функции прежней волости по мере углубления районирования все более переходили к сельсовету, и лишь вследствие маломощности сельсовета временно задерживались в районном звене. О ликвидации округов и укреплении районов мы говорим ниже

ший с особой остротой вопросы децентрализации функций госуправления в рамках единого централизованного руководства, выдвинул также в ряды актуальных проблем вопросы децентрализации в области бюджетно-финансового строительства. Последняя и стала проводиться с переходом к восстановительному периоду. Началось сравнительно быстрое восстановление системы местных финансов.

Рядом разновременно изданных во второй половине 1921 года декретов выделяется местный бюджет, устанавливаются определенные доходные источники и перечень местных расходов. Равнение при этом было взято на то, чтобы местные расходы покрывались местными же средствами.

Но местный бюджет по причинам тяжелого в то время хозяйственного положения советской страны был еще очень незначительным. На местные бюджеты возлагались расходы по содержанию сельских советов и волостных исполкомов (за вычетом зарплаты), расходы на кацелярские и хозяйственные нужды учреждений народного образования, на содержание части обслуживающего персонала школ, на хозяйственно-материальное обслуживание лечебных учреждений и транспорт больных. Даже оплата труда учительства и медицинского персонала производилась из средств государственного бюджета.

В середине и во второй половине 1922 года последовало расширение объема местного бюджета. Были также регламентированы взаимоотношения государственных и местных бюджетов; установлен был определенный порядок передачи расходов на местный бюджет, что означало более планомерное размежевание функций государственных и местных бюджетов.

Особенно большое значение в организации местных бюджетов и децентрализации финансово-бюджетной работы имеет утвержденное III сессией ЦИК СССР первого созыва 12/XI 1923 г. временное положение о местных финансах. Положение предусматривало дальнейшее увеличение бюджетных прав местных советов, повсеместное введение волостных бюджетов, расширние расходов местных советов. На средства последних были отнесены, например, расходы по созыву съездов местных советов, по содержанию местных исполкомов, губотделов народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, местного хозяйства и административных, по содержанию милиции, полному обслуживанию массовой сети в области просвещения, по соцобеспечению и т. д. Консолидируется доходная часть бюджетов. Постановлением ЦИК СССР от 29/X 1924 г. «Об утверждении поправок к временному положению о местных финансах» изменяется финансирование местных бюджетов из общегосударственных средств; дотация была заменена субвенцией. Предоставление местам ссуд, отпускаемых на заранее определенные правительством нужды (субвенция), позволяло лучше, чем при системе дотаций, воздействовать на направление финансово-бюджетной деятельности местных советов.

Успехи, достигнутые в оздоровлении хозяйственной жизни страны, в частности, введение твердой валюты, позволили еще

дальше продвинуться по пути создания материальных основ деятельности низовых советов и укрепления всей системы пролетарской диктатуры. Принятым 25/IV 1926 г. общесоюзным «Положением о местных финансах» была оформлена дальнейшая децентрализация финансовой деятельности и, можно сказать, завершен процесс размежевания доходов и расходов местных и государственных бюджетов.

Благодаря политике децентрализации хозяйства и администрирования в условиях невиданно быстрого восстановления народного хозяйства динамика местных бюджетов обнаружила весьма интенсивный рост, опередивший в первые годы даже рост госбюджетов. Об этом говорит следующая таблица цифр [1]:

	1923-24 г.	1924-25 г.	% роста	1925-26 г.	% роста	1926-27 г.	% роста
Местный бюджет брутто [2]	650	1 008	55,1	1 409	39,7	1 871	32,7
Местный бюджет нетто [2]	553	838	51,5	1 156	37,9	1 563	35,2
Гос. бюджет брутто	2 401	3 114	29,7	4 215	35,3	5 626	33,5
Гос. бюджет нетто	1 445	1 774	22,8	2 357	32,9	3 125	32,6
Сводный бюджет брутто [3]	2 809	3 696	31,6	4 996	35,2	6 581	31,7
Сводный бюджет нетто	1 998	2 612	30,7	3 513	34,5	4 689	33,4

В результате местный бюджет занял в финансовой системе Союза ССР весьма значительное место. Так, в сводном бюджете (нетто) роль местного бюджета выражается в следующих процентах: 1923/24 г. — 28, 1924/25 г. — 33, 1925/26 г. — 33,5, 1926/27 г. — 33,9. Заслуживает при этом особого внимания тот факт, что уже к концу первого пятилетия существования местных бюджетов хозяйственные (не налоговые) доходы составили свыше 40% общей суммы местных доходов. В расходной же части местных бюджетов первое место занимает культурно-социальная группа расходов (расходы по народному образованию, здравоохранению и соц. обеспечению), затем хозяйственно-производственные расходы (расходы на коммунальное хозяйство, местную промышленность, помощь сельскому хозяйству и дорожное дело); административно-судебные расходы занимают последнее место. Таким

[1] Цифры и ряд фактов о местном бюджете позаимствованы нами из раздела о развитии местных бюджетов СССР сборника „Основы финансовой системы СССР" под редакцией Г. Сокольникова, ГИЗ, М., 1930 г.

[2] Брутто-бюджет берется без дублированных статей по фондам регулирования и спецфондам. Нетто бюджет есть брутто-бюджет, очищенный от оборотных сумм по коммунальным предприятиям и превышения доходов над расходами.

[3] Поскольку средства, передаваемые из госбюджета в местный, дублируются при простом сложении по методу брутто, они отбрасываются здесь при суммировании (в госбюджете), и, следовательно, сумма сводного бюджета не является арифметическим итогом местного и государственного бюджетов.

образом, рост местных бюджетов означает все большее обслуживание трудящегося населения школами, больницами и т. п. социально-культурными учреждениями, все большее восстановление и развитие местного хозяйства.

Следует также отметить диференциацию местных бюджетов, которой дополнялась и углублялась децентрализация финансовой системы советского государства и которая неразрывно связана с развертыванием централизации руководства и децентрализацией оперативных функций.

Ранее уже отмечалось, что законом от 12 ноября 1923 г. был введен волостной бюджет. В дальнейшем эта диференциация местных бюджетов продолжалась и особенное выражение нашла в законодательных актах союзных республик, принятых на основе указанного выше общесоюзного Положения 1926 г. Проведение низового районирования, укрупнение волости и превращение ее в район содействовало усилению низовых бюджетов. Параллельное укрепление бюджетов городских советов привело к значительному снижению удельного веса регулирующих бюджетов — областных, губернских, окружных и уездных. Последние, сыграв в свое время крупную роль, постепенно стали уступать место основным бюджетам. К тому же необходимо учесть, что регулирующие бюджеты значительную часть своих средств передают в основные бюджеты и, следовательно, соответствующие суммы изымаются из состава регулирующих бюджетов. Всем этим было обусловлено то обстоятельство, что центр тяжести переместился в сторону основных бюджетов.

В заключение всей этой части работы укажем, что вместе со всеми указанными явлениями и в неразрывной взаимосвязи с ними (и как причина и как следствие) находится консолидация рабочего класса, количественный и качественный его рост, повышение его политической сознательности и активности, а также сознательности и активности трудящихся масс города и деревни.

Благодаря росту и консолидации основных производительных и политических сил нашей страны — пролетариата и крестьянства, была значительно укреплена диктатура пролетариата и создана возможность широкого развертывания советской демократии.

Важнейшей вехой на пути такого развертывания советской демократии явилось провозглашение (в 1924/25 г.) и настойчивое проведение лозунга партии об оживлении советов. Оживление советов, будучи направлено на устранение получившегося было разрыва между активностью рабочего класса и трудящихся масс, выросшей на основе экономического подъема страны, и формами и методами управления, соответствовавшими предшествующим этапам революции, способствовало еще большему вовлечению масс в работу советов, росту инициативы и самостоятельности советов, приближению их к трудящемуся населению, успешной борьбе с бюрократизмом и другими недостатками советского госаппарата. Этим достигнуто было укрепление советской власти в целом и каждого совета в отдельности. В свою очередь, это означало все

большее внедрение принципа демократического централизма в практику советского строительства.

Мы видим, таким образом, что завершение восстановительного периода пролетарской диктатуры знаменовало в общем полную нормализацию управления на базе демократического централизма, достаточно широкое внедрение начал этого последнего.

Демократический централизм в период социалистической реконструкции народного хозяйства.

Несравненно более широкая реализация всех преимуществ советской системы госуправления, в том числе и демократического централизма, стала возможной и нашла себе место в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Для этого предшествующими периодами были подготовлены все необходимые предпосылки.

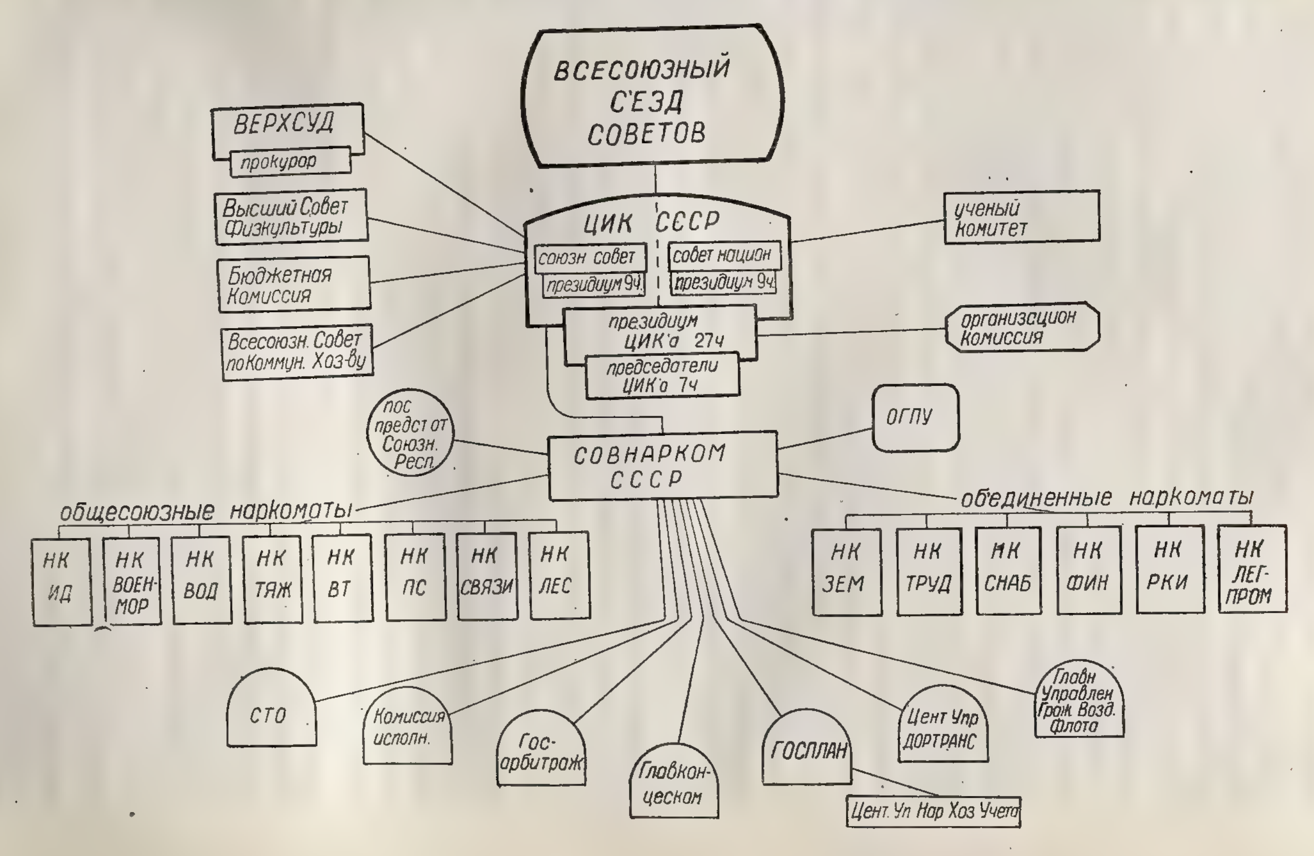
Как отметила в октябре 1926 г. XV партконференция, главнейшими итогами восстановительного периода являются обеспечение руководящей роли командных экономических высот, находящихся в руках пролетариата, при достижении в основном довоенных размеров промышленного и сельскохозяйственного производства, железнодорожного транспорта, достижение преобладающей роли кооперации и госторговли в области товарооборота, установление твердой валюты и построение на новой основе кредитной системы [1]. Если в начале нэпа государственная промышленность почти бездействовала, рабочий класс был деклассирован, в области товарооборота государственные и кооперативные органы сами прибегали к посредничеству капиталистических элементов и частный капитал играл относительно крупную роль, то совершенно иное положение создалось уже к началу реконструктивного периода. Социалистическая промышленность и другие командные высоты начали играть решающую и ведущую роль во всем народном хозяйстве, государственная и кооперативная торговля охватила подавляющую часть общего товарооборота страны, обобществленный сектор народного хозяйства стал определять общее направление развития, вытесняя частный капитал и постепенно переделывая на социалистический лад хозяйство простых товаропроизводителей—крестьян. Несмотря на некоторый (абсолютный) рост частного капитала, гораздо более быстрый рост социалистического сектора народного хозяйства приближал нашу страну к успешному разрешению проблемы «кто—кого», создавал предпосылки для полной победы социализма в нашей стране.

В этих условиях несомненно значительно более широкие возможности открылись для усиления планового руководства социалистическим строительством, ибо «... реальный план складывается в меру действительного роста организованности народного

---

[1] См. резолюцию XV партконференции о хозяйственном положении страны и задачах партии.

Схема строения всесоюзных органов власти

хозяйства и в меру увеличивающихся возможностей точного учета и предвидения на основе растущего обобществления экономики страны» [1]. Не случайно, что директивы к составлению первого пятилетнего плана были даны XV съездом ВКП(б), собравшимся в декабре 1927 г., т. е. в начале реконструктивного периода. Огромнейшие возможности открылись и для далеко идущих шагов в сторону дальнейшей децентрализации оперативных функций управления. Отмечая безусловный рост за последние годы проверенных на практической работе кадров, заканчивающееся районирование страны, накопившийся опыт в области управления народным хозяйством XVI конференция ВКП(б) (апрель 1929 г.) констатировала, что все эти обстоятельства «делают возможным дальнейшие шаги в области децентрализации функций управления, разгрузки союзных и центральных республиканских органов не только от массы мелочных дел, но и от известной части оперативных функций, действительного улучшения плановой работы, обеспечивающего разработку реальных и своевременных планов и необходимое сочетание общественной и личной массовой инициативы и самодеятельности с твердой дисциплиной в области выполнения плана и директив центральных органов» [2].

Необходимость организационной перестройки госаппарата в соответствии с задачами реконструктивного периода требовала превращения указанных возможностей в действительность. Партконференция указала поэтому, что «систематическая переделка аппарата должна итти по линии децентрализации оперативных функций при одновременной централизации планирования и руководства в основных вопросах, по линии создания условий, обеспечивающих как разработку твердых и своевременных планов, так и их полное выполнение». Конференция постановила, в частности: «Поскольку узловым пунктом, где осуществляются директивы партии и советской власти, является район, сюда необходимо перенести центр тяжести работы по улучшению и исправлению государственного аппарата» [3].

В соответствии с этими указаниями началась перестройка госаппарата, при этом особенно большие сдвиги в указанном направлении стали возможны и необходимы несколько позднее, с наступлением «великого перелома», явившегося следствием поворота крестьянства в сторону социализма.

Поворот этот начался не сразу. Он наступил в результате длительной его подготовки исподволь всем ходом нашего развития. Поворот этот был подготовлен развитием нашей индустрии, решительной борьбой с кулачеством, сопротивлявшимся политике партии и советской власти и, в частности, партийно-советской политике в области хлебозаготовок. Подготовлялся указанный поворот развитием с.-х. кооперации, расширением сети колхозов и сов-

---

[1] Из резолюции XV съезда ВКП(б) о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства.

[2] Резолюция XVI партконференции об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом, разд. III.

[3] Там же.

хозов. Важнейшим моментом в этой области является также решительная борьба с уклонами от генеральной линии партии в крестьянском вопросе, в частности борьба, проведенная в свое время с попытками зиновьевско-троцкистской оппозиции толкнуть партию в 1926/27 году на путь немедленного наступления на кулачество, попытками, которые в условиях обстановки того времени являлись опаснейшим авантюризмом, игрой в наступление. Столь же важной была борьба, проведенная партией с правооппортунистической теорией «самотека», теорией врастания кулака в социализм, а также правооппортунистическим искажением ленинского кооперативного плана. На базе и в результате всей этой подготовки, начавшееся во второй половине 1929 года массовое колхозное движение «открыло собой период великого перелома во всей жизни нашей страны»[1]. С этого времени партия и советская власть смогли перейти (и перешли) в решительное наступление по всему фронту. На XVI всесоюзном съезде партии т. Сталин мог уже отметить, что мы вышли из переходного периода в старом его смысле, что «мы стоим на пороге ликвидации капиталистического класса, класса кулаков», что СССР вступил уже в период социализма, «ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства...»[2].

Бурно, невиданными темпами протекавший процесс перестройки мелкокрестьянского производства, замена его крупными и крупнейшими коллективными хозяйствами создали в деревне новую производственную базу. Вместе с тем иной, несравненно более широкой стала опора советской власти в деревне; главной опорой в деревне стало колхозное крестьянство. Все это создало исключительно благоприятные условия для огромнейших сдвигов в работе всего нашего госаппарата. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. констатировал, что «будучи детищем крупных пролетарских центров, советы только теперь, только на базе быстро растущего крупного производства не только в городе, но и в деревне смогут полностью выявить все имеющиеся у пролетарской диктатуры возможности, внутренние и международные, в деле борьбы за победу социализма. Это означает также, что теперь в огромной степени возросли предпосылки для ускорения перехода более отсталых районов, например, некоторых национальных областей советского Востока, на путь социалистического развития»[3].

На базе быстро растущего крупного производства не только в городе, но и в деревне, стало, в частности, возможным полностью выявить все преимущества демократического централизма. Окончательное выкорчевывание корней капитализма, уничтожение разобщенности и раздробленности мелкотоварного производства

---

[1] См. доклад т. Сталина на XVI партсъезде. Вопросы ленинизма изд. 1930 г., с. 635—636.

[2] Сталин. Доклад на XVI партсъезде. Вопросы ленинизма, изд. 1930 г. с. 709.

[3] Резолюция пленума по докладам т.т. Калинина и Молотова „О перевыборах советов“ § 4.

и тем самым уничтожение важнейших экономических и политических основ бюрократизма и других «болячек» советского госаппарата, социалистическая переделка крестьянского хозяйства трудящихся всех национальностей Союза ССР, что означает следовательно быстрое изживание ими остатков национальной замкнутости и обособленности, — все это явилось базой огромнейших сдвигов в сторону реализации всех преимуществ советской организации хозяйства и управления.

Не останавливаясь здесь на всей системе мероприятий, проведенных в этом направлении в различных областях строительства, остановимся лишь на тех из них, которые прежде всего были направлены на усиление, с одной стороны планирования и руководства, на развязывание, с другой стороны, инициативы и самодеятельности мест на базе все большей децентрализации оперативных функций госуправления.

Наиболее ярким выражением усиления планового начала во всех областях нашего строительства является принятие и успешное осуществление «пятилетки». Принятый XVI партконференцией и затем утвержденный Всесоюзным съездом советов пятилетний план развития народного хозяйства стал фактором колоссального политического и экономического значения. Контрольные цифры народного хозяйства на 1929/30 год вырабатывались уже на основе пятилетки, следовательно, в условиях, когда общие перспективы были даны на ряд лет. Оказалось возможным лучше проработать план и ориентироваться в сроках выполнения намечаемой работы в различных областях деятельности. Являясь продуктом творчества под руководством коммунистической партии, многомиллионных масс рабочего класса и трудящегося крестьянства, пятилетка стала, в свою очередь, величайшим организующим началом, которое окрасило собой всю работу, все поведение трудящихся масс и их организаций. Лучшим доказательством этому является выполнение пятилетки в четыре года.

Единым плановым документом стали контрольные цифры народного хозяйства. С 1930/31 года в контрольные цифры включаются производственно-финансовые планы крупнейших отраслевых хозяйственных объединений. Контрольные цифры в основных своих элементах развертываются и в территориальном и в квартальном разрезах. Прорабатываемые Госпланом совместно с общесоюзными ведомствами, организациями и госпланами союзных республик и утверждаемые СТО директивы развертываются затем вплоть до низовых хозяйственных единиц. Самое составление контрольных цифр происходит с широчайшим участием рабоче-крестьянских масс. Важным моментом является при этом установка на доведение промфинплана до рабочего места, станка, отдельного рабочего. План приобретает все большее и большее оперативное значение. Выполнение плановых заданий и в количественном и в качественном отношениях совершенно обязательно для каждого звена советской системы хозяйства. Контрольные цифры народного хозяйства согласно решению III сессии ЦИК Союза V созыва были переименованы в народнохозяйственный план.

С этого времени правительство Союза утверждает ежегодно народнохозяйственный план, в который составной частью входит и единый финансовый план.

Особенно большого внимания наряду с изложенными моментами заслуживает широкое развертывание в этот период рабочей инициативы и самодеятельности в области планирования «снизу» — встречное планирование. Опыт Ленинградского завода им. Карла Маркса нашел в Союзе быстрое и можно сказать повсеместное распространение. Встречный промфинплан стал важнейшим элементом плановой работы. Рост инициативы и самодеятельности рабочих и трудящихся масс нашел также широкое развитие в форме социалистического соревнования, ударничества, борьбы за снижение себестоимости, в форме переклички, роста изобретательства и, что в настоящее время особенно важно подчеркнуть,— роста и укрепления значения хозрасчета в практике социалистического строительства. Все эти факты — исключительно большого значения—являются выражением новых, притом высших форм пролетарского демократизма.

Усиление планирования и руководства социалистическим строительством в условиях «новой обстановки, новых задач хозяйственного строительства» потребовало новых приемов руководства на базе всем известных шести указаний т. Сталина. «По-новому работать — по-новому руководить» в современных условиях социалистического строительства означает в частности конкретное руководство на базе овладения техникой дела, приближение руководящих учреждений к руководимым объектам, максимальное развязывание местной инициативы и самодеятельности, в частности, внедрение и укрепление высшей формы такой самодеятельности — хозрасчета.

Последние годы прошли под знаком огромнейшей организационной перестройки всего государственного аппарата. Остановимся здесь на важнейших моментах организационной перестройки аппарата управления промышленностью и сельским хозяйством, в свете интересующей нас проблемы.

Коренной организационной перестройке подвергся прежде всего аппарат ВСНХ СССР. В целях приближения руководящего, управляющего аппарата к производству в системе ВСНХ были созданы в 1931 году органы, непосредственного руководства и управления соответствующими отраслями промышленности. В системе ВСНХ было организовано Главное управление лесной промышленности и лесного хозяйства с организацией внутри его ряда секторов. Вслед за Главлеспромом в течение 1931 г. организуются главные управления: черной металлургии, цветной металлургии, машиностроения, топливной промышленности, индустрии и промышленности стройматериалов, авиационной промышленности. Процесс этот затем нашел свое завершение в реорганизации ВСНХ в общесоюзный Наркомат тяжелой промышленности с выделением из его состава двух самостоятельных наркоматов—легкой промышленности (объединенный) и лесной промышленности (общесоюзный). Вместе с разделением Наркомторга на Нарком-

внешторг и Наркомснаб, передачей пищевкусовой промышленности из ВСНХ в Наркомснаб, выделением из НКПС Наркомвода, Судотранса, созданием ОГВФ и Наркомхоза,—указанная выше организация новых наркоматов промышленности является решающим звеном в цепи борьбы за конкретное руководство.

Линия на максимальную конкретизацию руководства в области промышленного строительства нашла также организационное выражение в разукрупнении объединений и непосредственно подведомственных ВСНХ СССР трестов. Она нашла также выражение в усилении роли и значения предприятий. Последнее представляет собой «основное звено» в системе управления промышленности.

Отметим, наконец, что с конца 1931 г. устанавливается точный порядок изъятия предприятий из республиканской и местной промышленности. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 3/X 1931 г., изъятие отдельных предприятий из республиканской и местной промышленности допускается лишь с начала нового операционного года и не иначе, как по постановлению СНК СССР с предварительным заключением правительств союзных республик.

Централизация руководства, усиление планового начала в народнохозяйственном строительстве ни в коей мере не означает умаления роли и значения местной промышленности. В сравнительно недавно изданном постановлении ЦИК и СНК СССР об организации управления республиканской и местной промышленности (Собр. зак. № 22 от 31/III 1932 г.) прямо указывается: «Выделение из Высшего совета народного хозяйства Союза ССР народных комиссариатов легкой и лесной промышленности и преобразование его в общесоюзный Народный комиссариат тяжелой промышленности не должно повлечь за собой упразднение республиканских и местных объединений и трестов и механического изъятия в ведение общесоюзных органов предприятий республиканской и местной промышленности». В названном постановлении даются указания насчет того, каким органам подлежит ведать той или иной промышленностью и каковы взаимоотношения между собой этих органов [1].

Коренные изменения произошли и в организации управления сельским хозяйством. Колоссально быстрое производственное кооперирование трудящихся масс крестьянства создало возможность и необходимость организации целого ряда органов, ведающих той или иной отраслью сельского хозяйства в рамках всего Союза. Организуется ряд общесоюзных организаций — Зернотрест, Скотовод, Овцевод, Сельхозснабжение, Академия с.-х. наук им. Ленина и др.

В конце 1929 г. в связи с достигнутым к этому времени ростом совхозов и колхозов и все большим охватом сельскохозяйственной кооперацией единоличных бедняцких и середняцких хозяйств, в

---

[1] Подробнее о реорганизации системы управления промышленностью см. статью Л. Гинцбурга „О промышленности“ в „Ежегоднике сов. строительства и права“ за 1931 г., а также его же статью об управлении хозяйством в журн. “Сов. государство“ № 2 за 1932 г. Из этих статей нами позаимствованы некоторые данные,

связи с возросшими требованиями, которые промышленность стала предъявлять к сырьевой и продовольственной базе и растущей роли промышленности в реконструкции сельского хозяйства, стало возможным и необходимым внесение единства в планировании и руководстве сельскохозяйственным производством в масштабе всего Союза ССР, и сосредоточение в едином центре непосредственного управления крупными сельскохозяйственными предприятиями. В соответствии с этим постановление ЦИК СССР (7/XII 1929 г.) был образован Народный комиссариат земледелия Союза ССР. В этом постановлении предусматривается одновременно создание такого единого руководства, которое должно «в максимальной степени обеспечить развитие инициативы и самодеятельности союзных республик в деле развертывания производительных сил и социалистической реконструкции деревни» [1].

Наряду с указанными мероприятиями была также проведена большая работа по децентрализации оперативных функций госуправления. Чтобы нащупать конкретные практические мероприятия в этом направлении, ЦК и ЦКК постановили (26/VI 1929 г.) образовать опытно-показательные округа. Такие же решения были затем приняты ЦИК СССР и ВЦИК [2]. В этих решениях высших партийных и советских органов предлагалось произвести в виде опыта реорганизацию окружно-районной системы путем перенесения значительной части оперативных функций, выполняемых округами, в районы и из районов—в сельсоветы, соответственно перестроив аппарат округов и укрепив районный и сельский аппарат.

Окружно-районная система в опытно-показательных округах (Армавирский, Винницкий, Витебский, Зиновьевский, Курский и Челябинский) подверглась серьезной реформе. Большая работа была проделана по децентрализации оперативной работы. Децентрализация эта направлялась по линии передвижения оперативных функций от округа к району и горсовету и от района — к сельсовету, причем затронула она все области советского строительства. За окрисполкомом были закреплены только главнейшие функции — планирование, инструктаж, контроль. При этом передача оперативных функций сопровождалась соответствующей передвижкой материальных ресурсов и коренной перестройкой всего окружно-районного аппарата. Все отделы окрисполкома, за исключением ОГПУ, военкомата и РКИ, как оперативные органы были ликвидированы. Их заменили в одних местах инспекции по важнейшим отраслям работы, в других — инспектора, непосредственно подчиненные президиуму окрисполкома.

Практика показала, что в опытно-показательных округах районы оказались в лучших условиях, лучше обеспеченными средствами и кадрами [3]; качество их работы заметно повысилось. Этим

---

[1] „Известия" № 156 от 11/VII 1929 г. и № 167 от 24/VII 1929 г.

[2] Подробней см. Собр. зак. № 75 от 21/XII 1929 г., с. 718.

[3] Насколько значительно указанная реформа меняла лицо окружно-районной системы, можно судить хотя бы по тому, что благодаря децентрализации функций, средств и аппарата удалось освободить от работы в окружном аппарате в среднем (на один округ) по 200 человек квалифицированных

была выявлена полная возможность и целесообразность дальнейшей децентрализации оперативных функций, материальных ресурсов и кадров. Выявлено было также, что, благодаря таким мероприятиям, низовой аппарат значительно приближается к трудящимся и что создаются лучшие условия для вовлечения последних в госуправление. Вместе с тем — это особенно важный момент — установленная в опытно-показательных округах непосредственная связь между областью и районами по важнейшим вопросам показала, что такая связь возможна и дает положительные результаты.

Однако отмеченные ранее коренные социально-экономические сдвиги в нашей стране потребовали еще более решительной перестройки низовых органов, чем это имело место в опытно-показательных округах. Выросла потребность в еще более эффективном и своевременном руководстве со стороны центральных учреждений — республик, краев, областей, необычайно выросла потребность в квалифицированных кадрах для района и села. Округ, занимая промежуточное положение между районом и областью, на определенной ступени развития нашего госаппарата (1930 год) становился излишним, затруднял руководство, увеличивал путь прохождения директив, создавал нередко излишнюю опеку над райисполкомами и, следовательно, превращался в средостение. Для партии стало ясно, что округа, сыграв в истории нашего госаппарата большую роль, на данной ступени развития стали излишними.

«...Все ли сделано для того, чтобы действительно приблизить и по-настоящему приблизить аппарат к районам и селам?» — спрашивал на XVI партсъезде т. Сталин, и ответил: «Не все сделано». Отмечая значение района, как узлового пункта, куда стекаются нити колхозного строительства и всякой другой хозяйственной работы в деревне, а также необеспеченность района работниками, т. Сталин указал, что для исправления этого недочета необходимо: «1) Упразднить округа, которые превращаются в ненужное средостение между областью и районами и за счет освободившихся окружных работников усилить районные организации; 2) связать районные организации непосредственно с областью (крайком, нац. ЦК). Это и будет доведением до конца дела районирования, доведением до конца дела приближения аппарата к районам и селам».

Основные партийные директивы о ликвидации округов и укреплении районов даны в решениях XVI партсъезда и в постановлении ЦК ВКП(б) от 15/VII 1930 г. («Правда» от 16/VII 1932 г.). В советском порядке эти директивы нашли соответствующее выражение в постановлении ЦИК и СНК СССР от 13/VII 1930 г. («Известия» от 24/VII 1932 г.), дополненном затем рядом других законодательных актов правительственных органов.

Проведенная работа по ликвидации округов и укреплению районов с несомненностью доказала правильность и своевремен-

---

организаторов и специалистов, передвинув их на работу в низовые советы — исполкомы. По всему СССР такая реформа в отношении кадров означала освобождение свыше 50 тыс. окружных работников для укрепления исполкомов и сельсоветов.

ность предпринятой партией и советской властью реформы. Повсеместно отмечаются значительные положительные сдвиги в организации и деятельности низовых звеньев власти и, в частности, райисполкома. Улучшилась связь областных органов с районами, укрепился бюджет райисполкомов, введены сельские бюджеты в подавляющем числе селений Союза, низовой аппарат пополнился новыми квалифицированными работниками; передача райисполкомам и горсоветам прав бывших окрисполкомов и введение самостоятельных сельских бюджетов с передачей сельсоветам целого ряда новых прав и соответственным возложением на них больших обязанностей значительно приблизили низовые органы власти к трудящемуся населению. В общем, с ликвидацией округов резко изменилась в лучшую сторону обстановка работы в районах, в последних были созданы значительно более благоприятные предпосылки для коренного улучшения работы райаппарата. Районы были значительно укреплены.

Поставленная декабрьским пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) задача перестройки работы советов на основе поднятия их роли как проводников генеральной линии партии, непримиримо враждебной как в отношении правого, так и в отношении «левого» оппортунизма, нашла и находит все большее воплощение в практике советского строительства.

Борьба с искажениями демократического централизма в практике советского строительства

Как уже видно из изложенного ранее, развертывание демократического централизма неразрывно связано со всем ходом социалистического строительства в нашей стране; продвижение в области организационного советского строительства происходило в меру достижений во всех других областях хозяйственно-политического строительства, а эти достижения в свою очередь обусловливались организационными «факторами», среди которых важнейшее место занимает демократический централизм. И поскольку мероприятия партии и советской власти в истекшие годы существования нашей страны проводились в условиях обостреннейшей классовой борьбы особую важность представляет понимание того основного положения, что описанные выше успехи в области внедрения и развития демократического централизма были достигнуты в беспощадной борьбе с капиталистическими элементами города и деревни, а также в борьбе с уклонами от генеральной линии партии, являющимися отражением сопротивления отживающих классов. Успехи эти были достигнуты благодаря мобилизации классовой бдительности и революционной активности рабочих и трудящихся масс на борьбу против капиталистических элементов, мобилизации активности и самодеятельности рабочих и трудящихся масс против бюрократических, оппортунистических и других враждебных рабочему классу элементов наших учреждений и организаций.

Едва ли здесь нужно подробно доказывать, что без преодоления троцкизма, ставшего теперь передовым буржуазно-контрреволюционным отрядом, правого оппортунизма—главной опасности на современном этапе, а также «левой» опасности («левое» фразерство, «левые» загибы, «левацкие» шатания), без борьбы на два фронта совершенно немыслимо социалистическое строительство, немыслимо и организационное советское строительство на базе демократического централизма.

В истекшие годы пришлось, в частности, выдержать большую борьбу против, с одной стороны, местной обособленности и замкнутости низовых «ячеек» советской власти в отношении центра, с другой стороны—против перегибов централизации. В национальном разрезе эта борьба проходила, с одной стороны, против опасности национального недоверия и национальной замкнутости республик и областей в отношении центра (уклон к местному национализму), с другой—против опасности великодержавного высокомерия и чиновнического произвола центральных учреждений Союза ССР в отношении национальных образований (уклон *к* великорусскому шовинизму, являющемуся главной опасностью).

Необходимость борьбы с искажениями демократического централизма обнаружилась уже с первых шагов существования советской власти. Так, в начальный период существования советской власти совершенно необходимой была борьба против «местнических» тенденций целого ряда советов, в частности, против неправильного толкования лозунга «Вся власть советам», как якобы исключающего вмешательство со стороны «центра» в работу низовых советов. Партии и правительству пришлось затратить чрезвычайно много усилий для того, чтобы путем разъяснений, посылок специальных инструкторов и т. д. объединить все советы, подчинить их единой воле, единому руководству [1]. Затем, в период военного коммунизма довольно ощутительными были попытки «перецентрализовать» управление. «Палка была перегнута теперь в обратную сторону» [2].

Нельзя сказать, что уже в настоящее время целиком изжиты подобного рода ненормальности. Последние находят еще себе место в целом ряде случаев в различных областях социалистического строительства. Взять, например, факты, имеющиеся в области сельскохозяйственного строительства. На VI всесоюзном съезде советов т. Яковлев отмечал, что «в ряде случаев в практике имеется то, что можно назвать «перегибом централизации», когда мы сталкиваемся с такого рода случаями, что совхоз не допускает местные органы к контролю его работы, между тем это право обревизовать, проконтролировать совхоз, хотя он и входит в централизованную систему соответствующего треста, у местных

---

[1] М. Владимирский. Организация советской власти на местах. ГИЗ, 1921 г., раздел XI.

[2] Л. Каганович. Местное советское самоуправление. М. 1923 г., с. 56.

органов имеется»[1]. Или взять, например, факты, отмеченные в ноябрьском (1931 г.) постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР о работе зерновых совхозов. Не чем иным, как грубым искажением демократического централизма, идущим по линии попыток рассматривать все только с точки зрения «местной колокольни», нельзя назвать такие, отмеченные в указанном постановлении, явления, как преуменьшение действительных размеров урожая, как толкование обязательств по сдаче зерна государству, как второстепенную задачу и т. д.

Необходимо вместе с тем отметить, что в такой стране, как наша, где до недавнего прошлого громадное преобладание имела мелкобуржуазная стихия, и в особенности в период, когда страна, в результате войны, дошла до кульминационной точки обнищания, разорения, обострения нужды и народных бедствий (1919—21 гг.) особенно сильно давали себя чувствовать уклоны характера мелкобуржуазной распущенности.

В рассматриваемой области это сказалось в том, что ко времени IX съезда партии (март—апрель 1920 г.) сложилась целая антипартийная фракция, которая под флагом борьбы за демократический централизм на деле вела борьбу против единственно правильного общепартийного понимания и правильного проведения демократического централизма. Мы имеем в виду группу демократического централизма («децисты»).

Названная группа совершенно не поняла сущности демократического централизма, возвела это организационное начало в степень какого-то абсолюта, фетиша. Она совершенно не учитывала своеобразия обстановки, не учитывала того, что условия военного времени по необходимости толкнули партию и советскую власть на путь свертывания демократического централизма. Демократический централизм, по мнению существовавшей тогда оппозиции,—«это принцип, руководящее правило, безусловно действительное для мало-мальски развитой легальной пролетарской организации, правило, никакие ограничения которого недопустимы»[2].

Имевшуюся тогда организационную структуру советского управления группа демократического централизма расценивала как сплошной бюрократический централизм. Система вертикального централизма рисовалась лидером этой группы Сапроновым так, будто «сидящий вверху нажимает кнопочку и все должно затанцовать сверху донизу». Центр изображался в виде какого то чудовища, которое подавляет местные начинания и инициативу трудящихся. Самому Ленину приписывалась мысль, будто он видит спасение революции в машинном послушании, демократический централизм считает «допотопным и устарелым», а тех, кто говорит о демократическом централизме, «объявляет идиотами». При этом виновником всего оппозиция счи-

[1] Бюллетень VI съезда № 11, с. 23.

[2] „Правда“ № 292 от 26/XII 1920 г. Цитирую по книге М. Гайсинского „Борьба с уклонами от генеральной линии партии“. ОГИЗ Московский рабочий“, 1931 г., с. 53—54. Разрядка наша.

тала Центральный комитет партии. «В чем повинен ЦК — так это в бюрократическом централизме,— говорил на IX съезде РКП(б) Максимовский.— В этом заключается суть дела; этот централизм здесь процветает со всеми его прелестями. Говорят, что рыба начинает вонять с головы. Партия сверху начинает поддаваться влиянию этого бюрократического централизма». И дальше Максимовский утверждал, что ЦК не имеет определенной точки зрения на необходимые меры в области советского и партийного строительства. «Благодаря этому естественно, что советский и партийный бюрократизм процветает» [1].

И, что особенно важно подчеркнуть — группа демократического централизма высказывалась, по существу, против руководящей роли ЦК партии в управлении страной, высказывалась против руководства со стороны центра нижестоящими органами. В частности, работники, посылаемые из центра на места, расценивались оппозицией так, будто они ничего кроме вреда не приносят. Характерным в этом отношении является тот факт, что на декабрьской конференции партии в 1919 году сапроновцы выступали против института организаторов работы в деревне, доказывая при этом, что уничтожением института организаторов будут устранены сумасбродные действия со стороны приезжающих из центра в деревню. Выступали они и против вмешательства партии в работу советов, понимая под «вмешательством» руководство со стороны партии и ее ЦК.

Не останавливаясь здесь на высказываниях группы демократического централизма по вопросу о партийных «верхах» и «низах», поскольку этот вопрос относится к области партстроительства, отметим лишь еще ту борьбу, которую пришлось партии выдержать с группой демократического централизма по вопросу о коллегиальности и единоначалии. Коллегиальность признавалась группой демократического централизма — основой пролетарского демократизма. Принцип коллегиального управления также возводился в фетиш. В тезисах о коллегиальности и единоначалии лидеры группы демократического централизма — Сапронов, Максимовский, Осинский — писали: «Коллегия — высшая ступень школы государственного управления... Коллегиальность, в той или иной форме, в том или ином масштабе, составляет необходимую основу демократического централизма и сильнейшее орудие против возрождения ведомственности и бюрократического омертвения советского аппарата...» [2]. Сапроновцы при этом не останавливались на излюбленном утверждении, будто коллегиальность является лучшим средством обучения рабочих управлению. Еще на VII всероссийском съезде советов в своем выступлении по организационным вопросам Сапронов утверждал, что коллегиальный способ управления необходимо отстаивать не только в целях обучения трудящихся управлению, но и вообще, всегда и во всех случаях. «Даже если бы у нас было достаточное количество специалистов своих

---

[1] Стенографический отчет IX съезда РКП(б), с. 41—42.
[2] Ленин. Т. XXV. Приложения, изд. 3, с. 547.

коммунистов, которые могли бы встать во главе каждого отдела, и тогда нельзя было бы переходить к единоличному управлению»[1].

Словом, коллегиальное управление представлялось децистам своего рода всеспасающим средством. Точка же зрения партии по вопросу о единоначалии и коллегиальности расценивалась группой демократического централизма, как приводящая к диктатуре «партийного чиновничества». Больше того, лидеры группы демократического централизма доходили до нелепых, антипартийных утверждений будто единоначалие приведет к тому, что воля отдельных лиц, вождей станет выше решений партийных и советских съездов.

Децисты совершенно не понимали, что социализм, будучи порожден крупной машинной индустрией, требует приспособления своих учреждений к тому, чтобы они работали так же, как должна работать крупная машинная индустрия. Партия многократно указывала на необходимость сочетания максимума демократизма, в частности, коллективного обсуждения, и строжайшей дисциплины во время исполнения принятых решений. Сочетание диктатуры отдельных лиц при осуществлении исполнительских функций с активностью и самодеятельностью масс, с разнообразными формами и способами контроля снизу, с тем, чтобы «парализовать всякую тень возможности извращения советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма» (Ленин),—такова точка зрения партии.

Уже в первом наброске статьи «Очередные задачи советской власти», дата написания которой относится к начальному периоду существования советского государства, Ленин писал: «...мы должны, нисколько не останавливая подготовки масс к участию их в государственном и экономическом управлении всеми делами общества, нисколько не мешая подробнейшему обсуждению ими новых задач (напротив, всячески помогая им производить это обсуждение, чтобы самостоятельно додуматься до правильных решений), в то же самое время мы должны начать строго отделять две категории демократических функций: с одной стороны—дискуссии, митингования, с другой стороны—установление строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое, дисциплинированное, добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы». Указывая на то, что при обсуждении вопроса о реорганизации и правильной постановке железнодорожного транспорта возник вопрос о том, насколько единоличная, распорядительная власть совместима с демократическими организациями вообще, с коллегиальным началом в управлении—в особенности, и с советским социалистическим принципом организации—в частности, Ленин отмечал: «Несомненно, что очень распространенным является мне-

---

[1] Речь Сапронова на первом заседании организационной секции VII всеросийсского съезда советов. Стенограммы съезда, ГИЗ, 1920 г., с. 200—201.

ние, будто о таком совмещении не может быть и речи, — мнение, будто единоличная диктаторская власть несовместима ни с демократизмом, ни с советским типом государства, ни с коллегиальностью управления. Нет ничего ошибочнее этого мнения» [1].

Единолично у нас не решают. В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом [2] Сталин указал, что «единоличные решения всегда или почти всегда—однобокие решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, могущие высказать и неправильные мнения». Однако коллегиальное обсуждение сочетается с единоличным управлением, с единоличной ответственностью при осуществлении исполнительских функций. И чем больше усложняются задачи социалистического строительства, тем большее значение приобретает единоначалие, сочетаемое с максимально-возможным демократизмом.

Группа демократического централизма этих положений не понимала. В своем непонимании этих последних она дошла даже до того, что стала доказывать, будто единоначалие несовместимо с существованием Центрального комитета нашей партии. Максимовский, например, утверждал на IX съезде РКП(б): «Если вы и здесь будете говорить об единоначалии, то говорите прямо, что не надо ЦК» [3].

Лицо сапроновской оппозиции нашло достаточно яркое освещение не только в свете отмеченных здесь и других высказываний по вопросам демократического централизма, но и в свете той практики, которую сапроновцы проводили, оказавшись на Украине в руководящих советских учреждениях [4]. Оппозиция оказала резкое сопротивление организации комитетов незаможных селян, выступала вообще против особых организаций деревенской бедноты. Она не вела систематической борьбы с городской буржуазией и спекуляцией. Линия сапроновской группы на Украине означала капитуляцию перед городской и сельской буржуазией и фактически играла наруку классовому врагу. Потребовалось удаление сапроновцев и выправление классовой линии в работе [5].

После решительной борьбы, проведенной партией с группой демократического централизма, эта группа после X съезда партии вынуждена была распустить себя, хотя ее сторонники надолго еще сохранили свои колебания и шатания.

Следует также отметить синдикалистский и анархистский уклон, обнаружившийся в рядах партии за несколько месяцев до X съезда РКП(б). Показательным для идеологии этого уклона является следующий тезис «рабочей оппозиции»: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому

---

[1] Ленин. Т. XXII, изд. 3, с. 419.

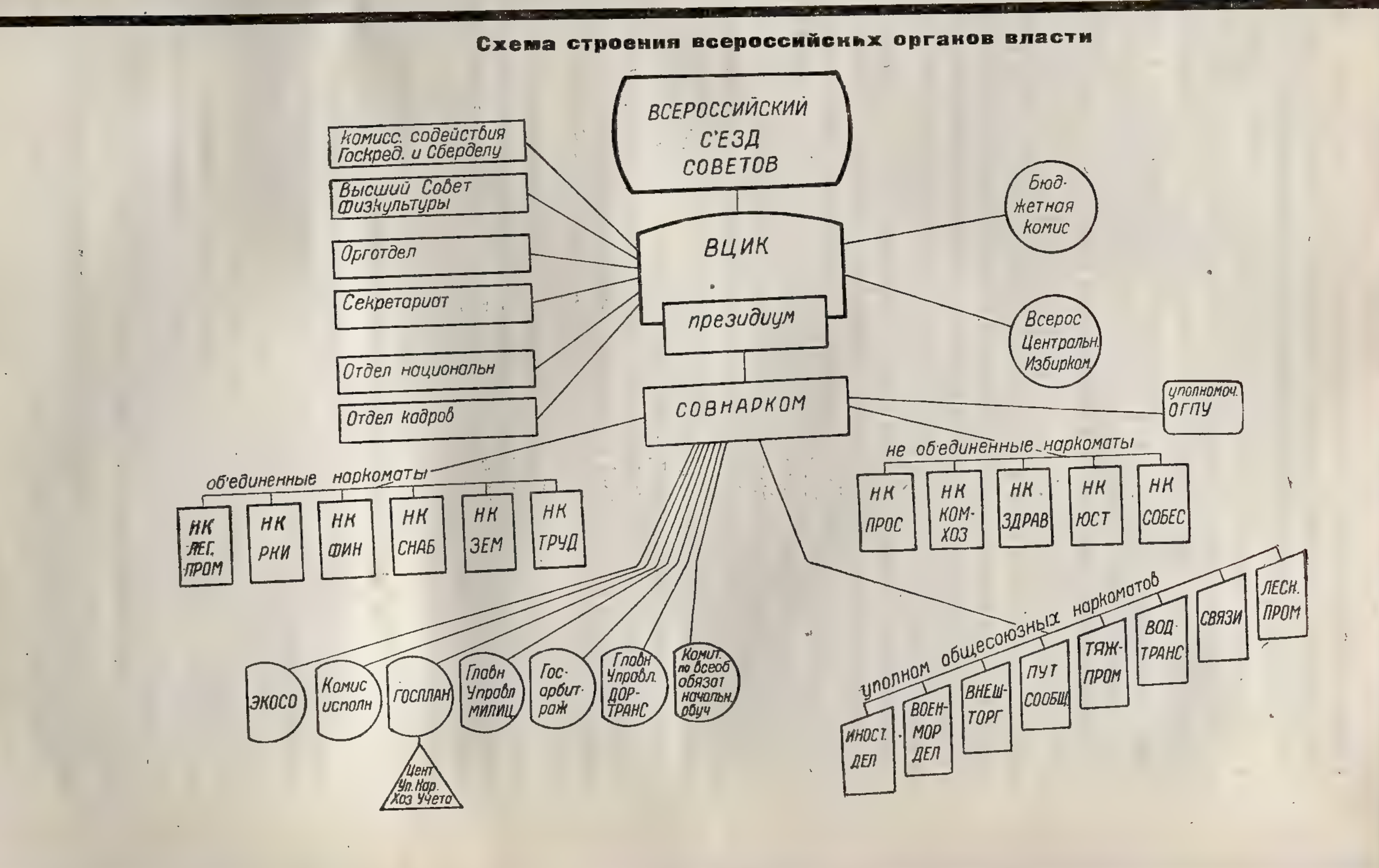
[2] „Большевик", № 8 за 19 2 год.

[3] Стенографический отчет IX съезда, с. 42.

[4] Оппозиция образовалась здесь частью из работников, переброшенных на Украину из центра (Сапронов, Сосновский, Максимовский), частью из украинских работников (Рафаил, Богуславский, А. Иванов и др.).

[5] М. Гайсинский. Борьба с уклонами от генеральной линии партии, ОГИЗ, „Моск. рабочий", 1931 г. с. 61.

Схема строения всероссийских органов власти

съезду производителей, объединяемых в профессиональные производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики».

Платформа «рабочей оппозиции» сводилась, таким образом, к требованию передачи всего управления народным хозяйством в руки профсоюзов. Это требование явилось логическим следствием утверждения «рабочей оппозиции» о том, что партия и советы «перерождаются» и что единственной опорой могут служить профсоюзы пролетариата. Отсюда синдикалистская установка «рабочей оппозиции», представляющая собой, по сути дела, попытку лишить партию ее руководящей роли в системе пролетарской диктатуры.

«Рабочая оппозиция» игнорировала практический опыт участия рабочего класса в управлении хозяйством, в управлении страной. Вместо дальнейшего развития этого опыта, в соответствии с достигнутыми успехами и исправленными ошибками представители синдикалистско-анархистского уклона выдвинули лозунг передачи всего управления народным хозяйством в руки «съездов или съезда производителей». Организующая, руководящая воспитательная роль нашей партии в отношении рабочего класса и его организации совершенно обходилась. Вместо продолжения и исправления начатой уже советской властью практической работы строительства новых форм хозяйства предлагалось мелкобуржуазное анархическое разрушение этой работы [1].

Мы не говорим здесь о борьбе оппозиции, как, впрочем, и всех оппозиций, существовавших в истории нашей партии против режима партии. Оппозиция требовала самой широкой демократии, такой демократии, которая, как Ленин выражался, является «демократией до бесчувствия». «Рабочая оппозиция» понимала демократию в духе свободы дискуссий, свободы критики, в духе отмены каких бы то ни было репрессий в отношении оппозиционеров и т. п.

Все эти взгляды «рабочей оппозиции», олицетворявшие мелко-буржуазные и анархические шатания внутри рабочего класса и партии, в конечном счете, играли наруку буржуазной контрреволюции. Партия, отвергнув эти взгляды, провела с ними самую решительную борьбу.

На рубеже двух пятилеток

Демократический централизм называют иначе пролетарским и даже социалистическим централизмом. Этим подчеркивается вопервых соответствие демократического централизма пролетарско-классовой природе нашего государства, и, во-вторых, назначение демократического централизма как средства борьбы за построение социалистического общества. Но это вовсе не означает, что уже с самого начала существования советской власти демократи-

[1] Подробнее см. Доклад об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне и проекты резолюций по этому вопросу. Ленин. Т. XXV, изд. 3, с. 259-275.

ческий централизм является социалистическим в смысле его полного тождества централизму социалистически-организованного общества.

Как и все общественные явления демократический централизм необходимо рассматривать в динамике. Он изменяется вместе с достижениями в области социалистического строительства и в меру этих достижений.

Демократический централизм в условиях преобладавшей до недавнего времени в нашей стране мелкобуржуазной стихии, исключительной разрухи и отсталости, в известном смысле не тот, что демократический централизм в условиях, когда преобладающим стал социалистический сектор в народном хозяйстве, когда страна уже вышла на широкую дорогу технического прогресса, став в ряды передовых (во всех отношениях) стран мира. Распыленность и раздробленность мелкотоварного производства питали, в частности, бюрократизм, волокиту и другие болячки госаппарата. В свою очередь, это не могло не оказывать своего влияния на степень охвата плановым руководством процессов народнохозяйственной жизни, на развязывание инициативы и самодеятельности местных ячеек власти, рабочих и трудящихся масс. Взять, например, бюрократизм, экономической основой которого является распыленность и раздробленность мелкотоварного производства. Тов. Сталин на XVI съезде партии указывал, что бюрократизм «... держит под спудом колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя и не дающего их использовать»[1].

Перефразируя известные слова Ленина о нашем государстве (слова о том, что «рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население; и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением»), можно сказать, что пролетарский, а тем более социалистический централизм есть абстракция. На деле мы имели пролетарский, социалистический централизм с теми особенностями, которые вытекают, во-первых, из того, что в стране преобладало раздробленное распыленное мелкотоварное крестьянское производство и, во-вторых,—из наличия бюрократических извращений в работе наших учреждений и организаций.

Коренные изменения в рассматриваемом отношении произошли вместе со вступлением СССР в период социализма. В условиях, когда старая промышленность была восстановлена, страна достигла колоссальнейших успехов в области реконструкции всего народного хозяйства, став из аграрно-индустриальной страны индустриально-аграрной, когда на основе сплошной коллективизации ликвидируется последний капиталистический класс — кулачество, и социалистический сектор держит в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, — в этих условиях совершенно иные очертания принял демократический централизм. Единое плановое руководство пронизывает собой с

[1] „Вопросы ленинизма", изд. 1930 г., с. 658—659.

этого времени все поры деятельности во всех областях социалистического строительства. Вместе с тем небывалых размеров и в известном смысле нового качества достигает инициатива и самодеятельность местных организаций и всех трудящихся. На XVI партийном съезде т. Сталин отмечал, что «одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом, нашего строительства является в данный момент социалистическое соревнование фабрик и заводов, перекличка сотен тысяч рабочих о достигнутых результатах по соревнованию, широчайшее развитие ударничества». Этим был достигнут «громадный перелом, в корне изменивший облик наших заводов и фабрик». Сталин указывал вместе с тем, что самым замечательным в соревновании, ставшим теперь «делом завоеванным и закрепленным» является производимый им «коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело ч е с т и, в дело с л а в ы, д о б л е с т и и г е р о й с т в а». Не менее замечательным, указывал далее т. Сталин, следует считать тот факт, что соревнование «начинает распространяться и в деревне, захватив уже наши совхозы и колхозы» [1].

Все это означает, что произошел коренной сдвиг в сторону превращения социалистического централизма с указанными выше оговорками в социалистический централизм без всяких оговорок.

Мы находимся в настоящее время на рубеже двух пятилеток. Со времени XVI партийного съезда страна наша под руководством коммунистической партии и ее вождя — т. Сталина сделала дальнейшие колоссальные успехи во всех областях социалистического строительства. Колхозное крестьянство — основная опора советской власти—стало центральной, преобладающей силой в деревне и окончательно укрепилось на социалистическом пути. Вопрос «кто—кого» решен окончательно в пользу социализма и в городе и в деревне. Близится к концу завершение сплошной коллективизации и ликвидация на этой основе кулачества как класса. Процесс коллективизации и ликвидации кулачества как класса будет в основном завершен во всем СССР уже в 1932/33 г. Социалистические производственные отношения в области промышленности стали уже не только ведущими, но и абсолютно преобладающими. По данным контрольных цифр на 1932 г. уже в этом году обобществленный сектор цензовой промышленности равен 99,8%, мелкой промышленности — 89,5%. Социалистическими предприятиями являются и проводники продуктов социалистического сектора до потребителя. Обобществленный сектор торговли в 1932 году равен 98,2%.

Колоссально выросла и укрепилась партия — руководящая сила всей системы пролетарской диктатуры. Укреплены и все другие органы диктатуры пролетариата. Огромнейшие успехи достигнуты, в частности, в борьбе с бюрократизмом и в борьбе за повышение роли советов как проводников генеральной линии партии, непримиримо враждебных ко всем и всяким уклонам.

---

[1] „Вопросы ленинизма", изд. 1930 г., с. 661.

В директивах к составлению второго пятилетнего плана XVII всесоюзная партконференция постановила завершить социалистическую реконструкцию народного хозяйства, окончательно уничтожить классы, превратить всех трудящихся в сознательных и активных участников нового, социалистического общества.

С точки зрения рассматриваемой проблемы демократического централизма выполнение директив партконференции означает торжество планового начала при максимальном развертывании самодеятельности социалистических хозяйственных единиц — промпредприятий, совхозов, колхозов, при максимальной маневренной свободе местных советских органов (от областных до сельских включительно) в деле выполнения общегосударственного плана великой социалистической стройки.

Развитие территориальной организации советского государственного аппарата

Г. Михайлов

I.

Территориальная организация государственного аппарата, будучи одним из основных элементов организации госаппарата в целом, тем самым является одним из орудий классового господства, служа в эксплоататорских (феодальном, буржуазном) государствах целям закабаления трудящихся и усиления экономической и политической роли господствующих классов. В государстве пролетарской диктатуры территориальная организация его госаппарата служит делу освобождения трудящихся из-под ига эксплоатации, делу строительства социализма.

Будучи глубоко связана со всем хозяйственно-политическим укладом, отражающимся в данном типе государства, территориальная организация аппарата, как и весь госаппарат в целом, подвергается более или менее крупным изменениям в связи с революционным преобразованием одного типа эксплоататорского государства в другой тип. Коренной ломке территориальная организация госаппарата подвергается лишь в ходе пролетарской революции, выкорчевывающей вместе с остатками капитализма и остатки территориальных форм эксплоататорского господства, до самых «незыблемых» территориальных форм в виде города и деревни, ибо «противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности» [1].

Классическим примером революционной перестройки административно-территориального деления в рамках эксплоататорского государства является Великая французская революция 1789—1793 гг. В дореволюционной феодальной Франции территориальная организация носила вотчинный характер, отражая интересы дворянства и клерикалов. Во Франции «в 1789 году существовали деления на 35 провинций, на 33 генеральства или административные королевские округа, на 175 больших бальяжей (так назывались старинные феодальные административные и судебные округа), на 13 парламентов, на 38 военных губерний и на 142 епархии» [2]. Вместо этих 436 делений французское Учредительное собрание создало 83 департамента, количество и границы которых сравнительно мало изменились за истекшие почти полтораста лет. Департаменты были построены прямоугольниками (по географи-

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, статья о Л. Фейербахе, с. 234.

[2] Жорес. История Великой французской революции, т. I, с. 313.

ческим параллелям и меридианам) и с таким расстоянием границ департамента, чтобы в любую его часть из главного города департамента можно было бы доехать в один день. Комиссия Учредительного собрания подчеркивала это как большое удобство в деле созыва департаментских соораний и организации выборов в общегосударственное представительное учреждение, но вместе с тем эти расстояния обеспечивали интересы административного управления—возможность быстрой (по тогдашнему времени) связи и переброски полицейской или воинской силы в случае надобности. Вместе с тем департаментским делением стирались старые вотчинные границы с их системой пошлин, мешавшие свободе рыночного оборота и являвшиеся опорой политического влияния феодального дворянства, пытавшегося в ходе революции вести вандейскую борьбу за возврат своей власти.

В следующих буржуазных революциях перестройка территориальной организации госаппарата, как и всего госаппарата в целом, носила все более компромиссный характер. Это происходило под влиянием опасений за будущее пред лицом растущей третьей силы—рабочего класса, игравшего все большую роль в буржуазных революциях. Пред лицом этой третьей силы эксплоататорские классы всячески стремились к мирному согласованию своих интересов, а в тех случаях, когда вся обстановка приводила к революционному кризису, победившие эксплоататоры прежде всего думали о компромиссе с побежденными, избегая всячески потрясения основ госаппарата и в частности основ территориальных.

Отмеченные здесь моменты особенно характерны для развития территориальной организации госаппарата в дореволюционной России в ее двух буржуазных революциях—1905 г. и в февральской 1917 г. В своем докладе «О пересмотре границ административно-хозяйственного деления РСФСР» на майской сессии ВЦИК 8 созыва председатель комиссии по данному вопросу т. Владимирский говорил: «Губернское деление России было произведено после пугачевщины и более приспособлено к тому, чтобы власти легче и удобнее было бороться с крестьянскими восстаниями. Тогдашнее деление было приспособлено к путям сообщения и к численности населения. Каждый управитель должен был иметь нужное число людей и команду, передвигаемых по путям сообщения, и управлять таким числом жителей, с которым он мог справиться, из одного центра». На этой губернской сетке столетней давности объединились интересы и дворянства и буржуазии. И даже когда февральская революция свалила дворянскую монархию, пришедшая к власти буржуазия, став перед вопросом о пересмотре территориальной организации госаппарата, решила остаться при старом территориальном устройстве.

Это было принято на происходившем в конце марта 1917 года «Особом совещании по реформе местного управления» при министерстве внутренних дел, возглавлявшемся председателем Временного правительства кн. Львовым, при участии земских и городских деятелей—кадетов по преимуществу, но с примесью и меньшевиков и эсеров. Торжество интересов буржуазии оказалось

лишь в выделении всех промышленных городов из состава губернских земств в самостоятельные единицы, за что боролась промышленная буржуазия против земцев-аграриев, высоко облагавших городские предприятия в своих интересах. Но в новых условиях эта реформа направлялась уже не против помещиков, а против крестьян.

Происходившее одновременно с особым совещанием при министерстве внутренних дел, Первое всероссийское совещание советов коснулось также вопросов территориальной организации и постановило создать 13 областей (Московскую, Приволжскую, Уральскую, Донецкую, Северную, Прибалтийскую, Западную, 2 Южных (с центрами в Киеве и Одессе), Кавказскую, Туркестанскую, Восточно- и Западно-Сибирские) с областными съездами и исполнительными комитетами во главе. Для связи областных центров с местными советами предлагалось создавать районные организации, минуя уезды и губернии. Характерно, что постановление об организации областей было принято Всероссийским совещанием советов единогласно, т. е. и голосами большевиков. Конечно, мотивы этого голосования у разных партий были различны. Большевики голосовали за него потому, что существовавшее административное деление противоречило потребностям экономического развития. Кроме того программа партии, принятая II съездом, предусматривала создание областных организаций, что укрепляло позиции большевиков, поскольку организации эти опирались на крупные промышленные центры, где было сильно большевистское влияние, и ряд существовавших еще в подполье областных соц.-дем. организаций (Московская, Уральская и др.) находился в руках большевиков.

Что касается находившихся тогда в большинстве эсеров, то созданием областей они приступали к реализации своей политической федералистской программы, по которой Российская республика должна была строиться по типу соединенных штатов. Правда, в деле реализации этой программы за все время властвования эсеров с марта по октябрь решительно ничего существенного ими не было сделано, ибо эсеры в этом отношении шли, с одной стороны, на поводу у своих неофициальных союзников — кадетов, стоявших «за единую и неделимую», с другой стороны, этих же позиций фактически придерживались их официальные союзники—меньшевики, которые в ряде устных и печатных выступлений высказывались против федерализма за унитарное централизованное государство, достигая здесь большого единодушия с кадетами.

Касаясь в порядке вводных замечаний, прежде, чем перейти к вопросам территориальной организации советского государства, вопросов территориальной организации буржуазных государств, необходимо коснуться этого вопроса в его последующем развитии, поскольку в окружении буржуазных государств находится страна Советов. Профессор Колесников в своей брошюре «Районирование и улучшение государственного аппарата» (М. 1927 г.) говорит: «Большинство современных буржуазных го-

сударств живет при делениях своей территории, имеющих более чем столетнюю давность, и никто отсюда никаких неудобств не чувствует. Следовательно, поэтому вопрос об административном делении территории для современного буржуазного государства не имеет никакого практического а, следовательно, и научного значения». Это глубоко ошибочная и широко распространенная установка. В другой своей гораздо более ранней работе «Административное деление территории государства» проф. Колесников отмечает, что «на эту тему в литературе по государственному и административному праву мы найдем очень немного как в русской, так и в иностранной литературе». Это совершенно верно лишь в отношении довоенной и при этом юридической литературы, отражавшей идеологию промышленного капитализма периода его созревания, периода свободы конкуренции (laissez faire, laissez passer), когда буржуазное государство могло удовлетворяться устранением феодальных границ, мешавших свободе рыночного оборота.

По мере перерастания промышленного капитализма в монополистический капитализм стали все более сказываться противоречия между развитием производительных сил, которое требовало объединения в одно административно-хозяйственное целое обширных однородных по экономико-географическому содержанию территорий, и производственными отношениями, отражающимися в вековой давности административно- и государственно-территориальных границах, с которыми тесно сплелись интересы множества собственников. Еще до войны эти вопросы поднимались в работах экономистов Зомбарта, Вебера и др. В период послевоенного «процветания» капитализма вопросы эти обострились. Между прочим при выработке при ближайшем участии соц.-дем. веймарской конституции республиканской Германии поднимались вопросы о преодолении дробности и устарелости ее многогосударственных и административных границ. С тех пор создалась обширная юридическая литература по этому вопросу в Англии, в Германии (рационализация), Франции (режионализм) и т. д., печатается много статей в муниципальных и др. журналах и на разных конгрессах обсуждаются эти неразрешимые по существу в рамках буржуазного государства вопросы [1].

Одной из серьезнейших проблем нарастающего в капиталистическом окружении СССР революционного кризиса является

[1] Впрочем, кой-кто из сотрудников органа Госплана «Плановое хозяйство» и очевидно прежняя редакция журнала думали по этому вопросу иначе. В статье В. Ивановского «Теоретики районирования в Германии» («План. Хоз.», 1929 г., № 7) автор статьи, констатирует неудовлетворительность теорий районирования в Германии (словно может быть удовлетворительная теория социалистического, по существу своему, планового районирования в капиталистическом государстве) скорбит о том, что «Германия не знакома с нашими методическими достижениями. Ряд статей в «Erdeund Wirtschaft», а может быть и сводный сборник по методологии в переводе на немецкий язык могли бы сильно помочь работам германских ученых». Вот простое средство для воплощения в жизнь социал-фашистских идей организованного капитализма.

проблема территориальной организации госаппарата социалистического советского государства, которое революция поставит на смену буржуазному государству, и этот момент должен быть учтен при неотложном широком развертывании изучения территориальной организации госаппарата.

Проблема территориальной организации госаппарата чрезвычайно слабо разработана была до последнего времени не только буржуазной, но и марксистской государствоведческой литературой. Не установилась даже самая терминология рассматриваемой здесь проблемы, и сплошь и рядом в марксистской литературе употребляются как тождественные понятия административно-территориальное деление, административно-хозяйственное деление и районирование.

Но устарелость и непригодность термина буржуазного государствоведения — «административно-территориальное деление» в применении к советскому госаппарату почувствовались уже давно; в этой терминологии ярко отражается энгельсовская характеристика эксплоататорского государства с его «делением подданных по областям». Поскольку с первых же лет советского строительства все ярче выступал момент хозяйственного деления государственной территории, с эпохи военного коммунизма у нас появляется и все чаще применяется термин «административно-хозяйственное деление». Но и он, нося отмеченные следы прошлого, если и подходил для периода военного коммунизма, все меньше подходил для дальнейшего социалистического строительства. С началом нэпа и разработкой вопроса о научном районировании на основе работ Гоэлро и Госплана по комплексному производственно-территориальному признаку, все чаще встречается термин «районирование». Однако, сохраняя свое значение для определенного момента организации территории, термин этот вовсе неприложим к буржуазному государству, с одной стороны, а с другой—к первым годам территориальной организации советского госаппарата, когда еще научного районирования не было, а происходило укрупнение и раздробление территориальных единиц в административно-хозяйственных целях. Неприменим этот термин и к вопросам специальной (отраслевой, ведомственной), организации территории и к ее первичной организации, внутри сельсоветов, в городах с райсоветами. Таким образом, наиболее целесообразным и всеохватывающим является употребляемый здесь термин «территориальная организация государственного аппарата», как приложимый ко всем вопросам изучения данной проблемы и подчеркивающий активно воздействующую роль пролетарского госаппарата в области экономики и по линии территориальной его организации.

II

Переходя непосредственно к вопросам изучения развития территориальной организации советского госаппарата, необходимо отметить ряд трудностей при рассмотрении данной проблемы,

благодаря уже указанной ее неразработанности в марксистской литературе. До последнего времени довольно широко распространено мнение, нашедшее себе ряд отражений и в печати, что Маркс и Энгельс ничего не дали нам по этому вопросу, а Ленин им занялся лишь после Октября, и что проблема современной советской территориальной организации возникла чуть ли не самотеком в ходе работ комиссии Гоэлро и Госплана.

Надо решительно отвергнуть эти глубоко ошибочные представления. Правда, широкому кругу работников советского строительства все значение марксо-ленинских высказываний по вопросам территориальной организации госаппарата начало становиться все более ясным в свете ряда партийных директив по вопросам социалистического строительства, связанным с великими достижениями в этой области, в свете задач второй пятилетки, в свете углубленного изучения марксо-ленинского наследства, усилившегося после исторического письма т. Сталина. На основе этих предпосылок теперь легче увидать марксо-ленинские теоретические предпосылки развития территориальной организации госаппарата, с которыми авангард рабочего класса пришел к Октябрьской революции и которые он претворял и претворяет в жизнь в ходе Октябрьской революции.

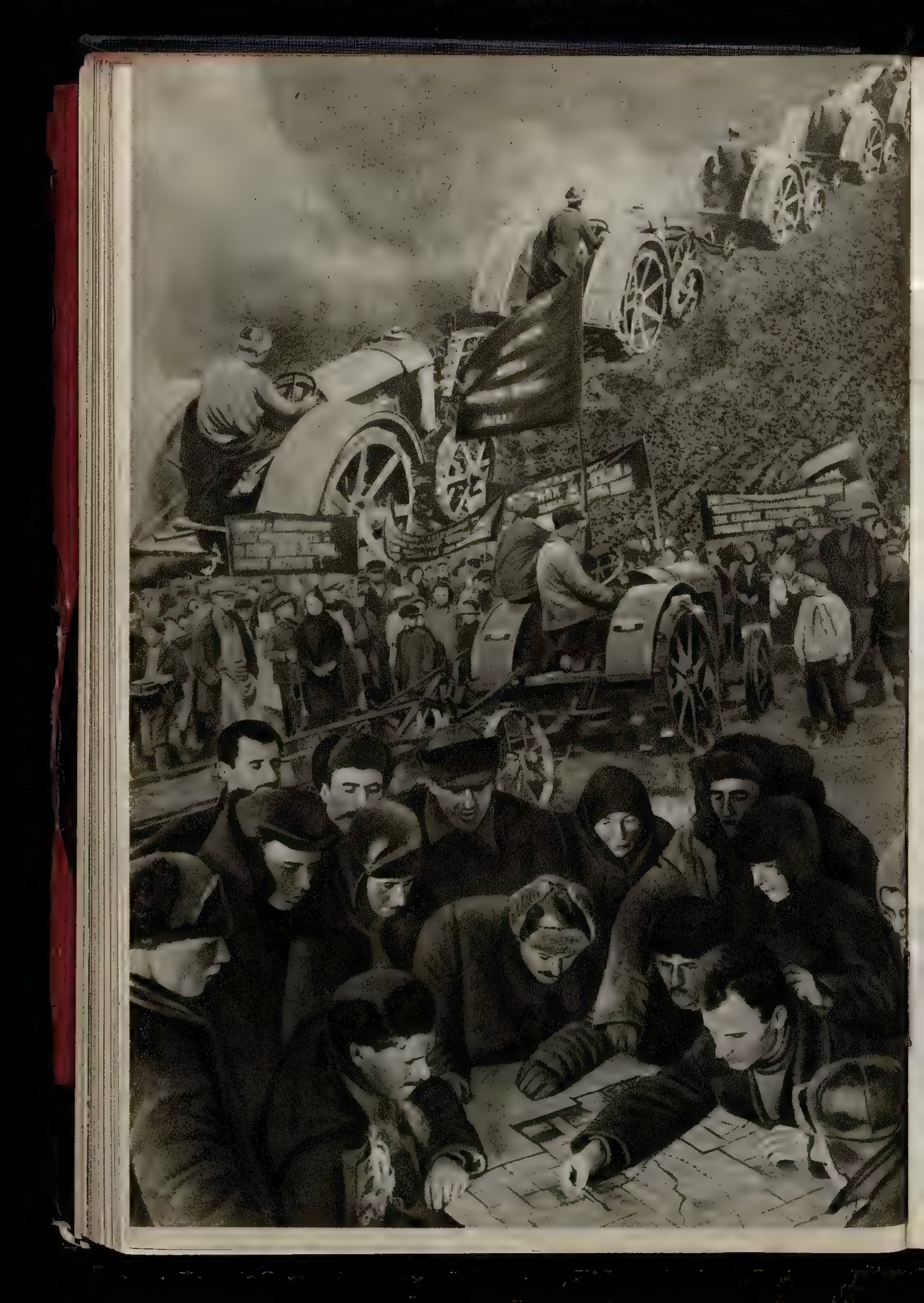
В основном все развитие территориальной организации государственного аппарата проходило и будет проходить по линии взаимоотношений между городом и деревней. А, как говорится в упоминавшейся рукописи Энгельса с дополнениями Маркса о Л. Фейрбахе, помещенной в кн. I «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса»: «Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного быта к государственной жизни, от местности к нации и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени. Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д., коротко говоря, общинной жизни (Gemeinschaft), а значит и политики вообще. Здесь впервые сказалось разделение населения на два больших класса, основывающихся на разделении труда и на орудиях производства». Здесь же невольно вспоминаются слова Энгельса, относящиеся к этому же периоду общественного развития: «Государство отличается от родового быта, во-первых, делением подданных по областям» («Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Цитируемый здесь отрывок из работы Маркса-Энгельса о Фейербахе, начало которого здесь приведено, заканчивается словами: «Уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективизма, условием, которое в свою очередь зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит сразу же, не может быть осуществлено одной только волей (эти условия должны еще быть развиты)».

Статья о Л. Фейербахе была написана в начале 40 годов. Марксу привелось дожить до времени, когда объективно уже созрели условия для новых взаимоотношений между городом и деревней, новой территориальной организации, нового, впервые по-

явившегося на свет пролетарского государства. В 1871 году в работе «Гражданская война во Франции», посвященной Парижской коммуне, Маркс пишет: «Коммунальное устройство подчинило бы сельских производителей духовному руководству городов каждой области и обеспечило бы им там, в городских рабочих, естественных представителей их интересов». Обычно приведенная цитата рассматривается с ударением на последних ее словах, в аспекте взаимоотношений пролетариата и крестьянства и ведущей роли рабочего класса. Редактор цитируемого перевода—т. Молох—в своей сноске (191) к этому месту перевода приводит соответствующую цитату о роли городского пролетариата как «естественного союзника и вождя крестьянства» из марксовского «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта». Такая трактовка рассматриваемого текста, конечно, возможна, но возможна и необходима и другая его трактовка—с ударением на начало цитаты «коммунальное устройство», на новую территориальную организацию госаппарата, которая «подчинила бы сельских производителей духовному руководству главных городов каждой области». Именно этот смысл цитаты новой организации госаппарата и его территориальной организации в частности ясен из непосредственного продолжения цитаты, где говорится: «Уже из факта существования Коммуны естественно вытекало местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти» и т. д. Вообще и предыдущие и последующие абзацы являются наиболее ярким местом в работе Маркса о Парижской коммуне по вопросу о разбитии буржуазного и построении пролетарского госаппарата.

Высказывания, относящиеся к вопросам территориальной организации госаппарата, имеются и в других работах Маркса-Энгельса, но здесь можно ограничиться уже приведенными и перейти к соответственным положениям у Ленина, у которого они имеются еще в работах его, появившихся в 90 годах — в «Аграрном вопросе» и «Развитии капитализма в России». Но особенно четко рассматриваемая здесь проблема поставлена в статье Ленина «Карл Маркс», где он говорит: «Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах)». Наконец, в «Критических заметках по национальному вопросу» (1913 г.) Лениным был совершенно конкретно поставлен вопрос о необходимости ликвидации «очень худых русских губерний и уездов», против ломки которых возражал лидер Бунда Медем. Ленин в ответ ему говорил: «На деле «ломкой» и уродованием условий современного капитализма является сохранение средневековых, крепостнических, казенных, административных делений... Почему не может быть автономных национальных округов с населением не только в ½ миллиона, но даже в 50 000 жи-

телей, почему подобные округа не могут соединяться самым разнообразным образом с соседними округами разных размеров в единый автономный «край», если это удобно, если это нужно для экономического оборота». В этой же статье Ленин ссылается на составленную им и принятую летним 1913 г. расширенным совещанием ЦК РСДРП большевиков резолюции, в которой буквально говорится: «...Необходима широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление при определении границ самоуправляющихся и автономных областей (не границами теперешних губерний, уездов и т. п.), а на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.»[1].

С этими ленинскими установками по вопросам революционной перестройки территориальной организации госаппарата, с многолетним опытом подпольных областных (построенных по экономическим признакам) организаций, с опытом работы советских областных организаций первого периода 1917 года, на сентябрьских съездах, на которых большевики уже были в большинстве и, требуя там перехода всей власти к советам, активно подготовляли этот переход,—с этими установками в области рассматриваемого здесь вопроса шла ленинская партия к Октябрю.

В первых же важнейших декретах после Октября о земле и о рабочем контроле Совнарком, возглавляемый Лениным, говорит о новом территориальном делении. В п. 8 декрета о земле говорится о «центральных областных учреждениях». В пп. 3, 11 и 12 «Положения о рабочем контроле» говорится о советах рабочего контроля промышленных районов, стоящих над губернскими советами рабочего контроля и непосредственно связанных с центром. Уже этими установками наносился удар старой административно-территориальной системе и намечались новые принципы территориальной организации государственного аппарата. Более подробно эти моменты были развернуты в обращении Народного комиссариата внутренних дел «Ко всем советам», напечатанном 24 декабря 1917 г. в «Газете Рабоче-крестьянского правительства». В обращении этом говорилось: «В связи с вопросом об укреплении советской власти на местах заслуживает внимания вопрос об изменении административных границ. Старое административное деление на губернии, уезды и волости уже устарело и многие территории, принадлежащие к различным административным округам, давно экономически тяготеют друг к другу. Обращая ваше внимание на эту сторону дела, мы предлагаем вам заняться практической разработкой вопроса, ибо правильное распределение на административные округа, соответствующее экономическому значению отдельных пунктов, несомненно подводит более прочный фундамент под здание советской власти».

Но «практическая разработка вопроса» о территориальной организации советского госаппарата затянулась на довольно продолжительный период времени, поскольку советскому государст-

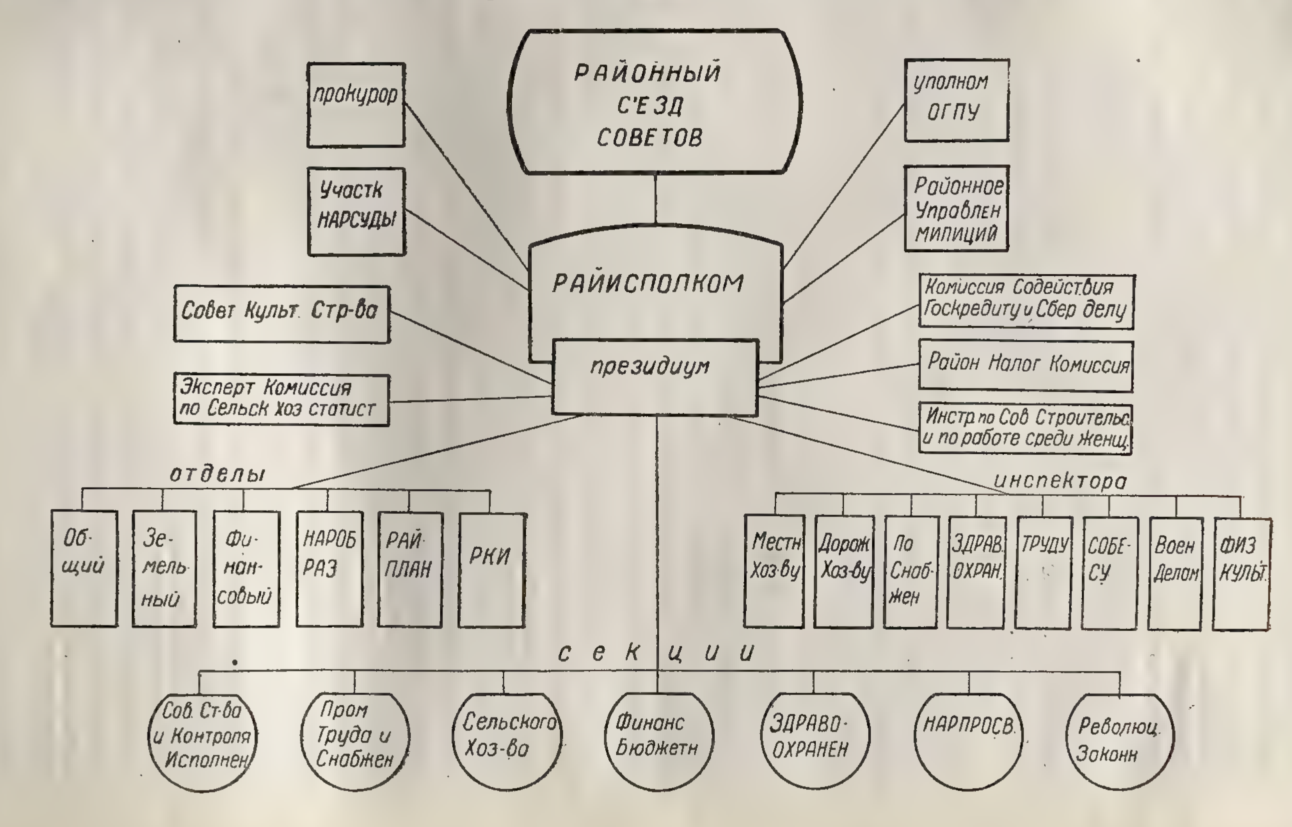
[1] Ленин, т. XVII, изд. 3, с. 157—158.

ву пришлось вести упорную, ожесточенную борьбу с дворянско-кулацко-буржуазной контрреволюцией совместно с интервентами империализма, пытавшимися подчинить себе опять всю территорию советского государства, захватывая ее по частям со всех сторон. В этой обстановке напряженной борьбы приходилось производить лишь частичные, самые неотложные перестройки в низовом госаппарате и новые установки вносить в тех его территориальных формах, которые в данной обстановке имели большое политическое значение. В этом отношении большое значение имело принятое по докладу И. В. Сталина постановление «О федеральных учреждениях Российской республики», в котором говорилось: «Способ участия советских республик, отдельных областей в федеральном правительстве областей, отличающийся особым бытом и национальным составом, равно как и разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Российской республики, определяется немедленно по образовании областных советских республик Всероссийским центральным исполнительным комитетом и центральными комитетами этих республик».

Поскольку вопросы советского национально-федерального строительства рассматриваются в другой статье настоящего сборника, переходя к вопросам общей территориальной организации советского аппарата, следует отметить, что сложившиеся в ходе первых месяцев строительства советской власти начала организации областных объединений были отражены в принятой 9 июля 1918 г. пятым Всероссийским съездом советов Конституции РСФСР. Ряд пунктов раздела Конституции—«Организация советской власти на местах»—определяет организацию и права областных организаций, как возглавляющих всю систему местных органов власти данной области до губисполкомов включительно.

Происходивший в конце июля при Наркомвнуделе I Всероссийский съезд председателей губисполкомов и заведующих губотделами управления, на котором были представлены только три области (Московская, Уральская и Западная), очень много внимания уделил вопросу об областных организациях, хотя вопрос этот не стоял в порядке для съезда и возник при обсуждении общего доклада Наркомвнудела. После двукратных докладов избранной съездом по этому вопросу комиссии, после многократных голосований, до поименного включительно, съездом была принята резолюция, в которой ставился целый ряд ограничительных условий для организации областей, причем совершенно не допускалась организация областей, «не покоящихся на принципах хозяйственно-экономического и административного управления, а исходящих из национальных или политических соображений». Эта линия махрового великодержавного шовинизма, проявившаяся на съезде, дополнялась другой, определенно правой, линией, боровшейся вообще против областных объединений советов, считая губернию пределом местных советских объединений. Эти правооппортунистические сверхцентралистские перегибы, являясь отражением народившегося уже бюрократизма (о чем говорилось на съезде) и породивших его социально-экономических причин, являлись в

Схема строения районных органов власти

то же время реакцией на децентралистские левацкие перегибы, проявлявшиеся в некоторых областных организациях в первом полугодии 1918 г., и, конечно, большую роль в съездовском централистском перегибе играла та тяжелая обстановка, в которой лихорадочно работал съезд (в общем всего 2½ дня) в связи с разгоравшимся белогвардейско-интервенционистским наступлением.

Один из уральских делегатов съезда, выступая против федералистских загибов областников, подчеркивал, что здесь сказывается левоэсеровское стремление к «организации нашей советской власти по образцу Северо-американских штатов».

Все вообще эсеры, проявлявшие большую сдержанность по части федерализма во времена керенщины, стали проявлять чрезвычайную федералистскую активность после победы советов в Октябре и в «советских» и в антисоветских формах (борьба за всесибирское учредительное собрание, создание ряда областных и губернских советских республик). Ярко проявились федералистские тенденции не только со стороны левых эсеров, но и левых коммунистов.

Федералистские тенденции особенно сильно сказались в Московской области. 8-го марта 1918 г. президиум Московского облисполкома выносит постановление: «В связи с переездом в Москву Центрального исполнительного комитета внести на областной съезд... вопрос о сздании областного совета народных комиссаров», и 12 марта областной съезд советов принимает это решение. В дальнейшем между Совнаркомом Московской области и Совнаркомом РСФСР создается ряд конфликтов главным образом на почве требований Совнаркома Московской области, чтобы передача распоряжений и выезд работников центра в советы Московской области происходил бы только через ее Облсовнарком. Для характеристики создавшегося положения следует отметить, что в отношении НКВД в МособлСНК от 19/IV 1918 г. говорится, что «руководителями Совнаркома Московской области являются представители партии левых эсеров[1], той партии, которая, желая якобы избежать ответственности за могущие быть последствия заключения Брестского мира, вышла из состава СНК центральной власти и почему-то нашла возможным работать в СНК Московской области». В результате 21 апреля СНК РСФСР обращается к МособлСНК с предложением создать комиссию, «в целях разбора всех конфликтов между обоими советами народных комиссаров и более точного определения их функций и прав». В связи с работами этой комиссии создались новые трения. Московский Совнарком посылал делегацию к Ленину, и 10 июня ВЦИК постановил: «Ввиду необходимости экономии сил, координации деятельности центральных и областных органов управления и необходимости привлечения активных работников для обеспечения центрального управления личным составом ВЦИК находит параллельное

[1] Это не точно—большинство в МособлСНК принадлежало «левым» коммунистам. Г. М.

существование в Москве центральной и областной власти нецелесообразным, а потому постановляет: а) Совет народных комиссаров Московской области упразднить; б) отдельные областные комиссариаты, поскольку они являются необходимыми для обслуживания местных нужд, непосредственно подчинить соответствующим центральным комиссариатам» (СУ 1918 г. № 44). Собравшийся в конце июня IV областной съезд согласился с этими решениями. Окончательно вопрос о Московской области был решен постановлением ВЦИК от 23 декабря 1918 г. «Об областных объединениях», в примечании к п. 1 которого говорилось: «Областные органы Центральной промышленной области (Московской области) упраздняются немедленно» (СУ 1918 г. № 99).

Это постановление ВЦИК «Об областных объединениях» вообще является одной из крупных вех в развитии территориальной организации государственного аппарата. В п. 1 постановления говорится: «Впредь до коренного пересмотра административного деления Советской республики, сохраняются уездные, губернские и областные центры». Здесь определенно подчеркивается временное сохранение уездов и губерний «впредь до коренного пересмотра административного деления». Пунктом 2 постановления «ЦИК утверждает областное объединение на Урале, на западе и на севере» (Союз коммун Северной области с центром в Петербурге), и затем в 4 пункте постановления дается характерное для начала периода военного коммунизма определение задач областных объединений: «Основная задача областных объединений заключается в быстром, неуклонном проведении в жизнь всех предначертаний центральной советской власти. Областные объединения являются подсобными к центру органами на местах».

При рассмотрении вопросов развития территориальной организации госаппарата в 1917—18 гг., главное внимание было уделено областным организациям. Но крупные сдвиги произошли и по линии отдельных низовых звеньев. Как отмечалось вначале, уже первое Всероссийское совещание советов в марте—апреле 1917 года, приняв постановление об организации областей, поставило вопрос о подразделении областей на более дробные единицы, минуя губернию, уезд, волость. Наиболее быстро развившаяся с сильным большевистским руководством Уральская областная организация в своем «Уставе советов Р и СД на Урале», принятом первым областным съездом советов в мае 1917 г.[1], в особых разделах наряду с областным говорит об окружных и районных советах. Так в разделе о районных советах говорится: «Местные советы объединяются в районные советы около тех пунктов, которые являются естественными центрами» для этих советов. В разделе об окружных советах говорится: «Центрами окружного объединения советов должны явиться советы, находящиеся в крупных естественных экономических пунктах: Перми, Екатеринбурге, Уфе и Вятке. Относительно принадлежности того или иного совета к какому-

[1] Организация и строительство советов раб. деп. в 1917 г., под редакцией Горина, изд. Комакадемии, с. 348—349.

нибудь центру местным советам должно быть предоставлено право самоопределения. Желательно лишь, чтобы линии тяготения советов к окружным советам не перекрещивались и советы примыкали бы к своим естественным центрам». Дальше указывались «Функции окружных советов: 1) руководство политической и экономической борьбой демократии; 2) осуществление контроля над производством; 3) разбор конфликтов; 4) организация и политическое воспитание масс; 5) содействие местным и районным советам в выполнении их задач». Таким образом функции эти носят главным образом организационно-политический характер. Но в отдельных случаях они в дальнейшем переходили и в административно-хозяйственные, в связи с чем очевидно и некоторые округа превращались в губернии.

В отчете инструктора ЦИК Бабушкина о работе советов рабочих депутатов Урала от 28 июля [1] говорится: «Пермская губерния разделена по Уральскому хребту на 2 округа; каждый из них имел свои окружные съезды, на которых и были выбраны окружные исполнительные комитеты с резиденцией в Перми и Екатеринбурге». В дальнейшем, еще в 1917 г., здесь оформились губернии Пермская и Екатеринбургская.

Окружные и районные единицы 1917 г. пока в литературе не учтены и в жизни они не закрепились, поскольку, овладевая государственной властью, советы, как правило, на первых порах естественно должны были опираться на перестраиваемый ими по-своему административно-хозяйственный аппарат старых территориальных делений. Но в процессе ломки особенно неудобных частей старой территориальной организации они сыграли, конечно, не малую роль, и эта ломка продолжалась и дальше в порядке стремления мест к «естественным границам» и их самоопределения. Декретом Совнаркома от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и проч.» изменение границ областей, губерний, уездов и волостей предоставлялось всецело местным советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» «с последующим сообщением народному комиссару по внутренним делам». Среди вновь возникших губерний, кроме «самоопределившихся» Иваново-Вознесенской и Екатеринбургской, имеются Северо-Двинская, Брянская, Олонецкая, Череповецкая, Рыбинская и др.

Особенно крупные изменения произошли в низовом деревенском аппарате—волостных и сельских обществах, где происходил бурный процесс дробления. В самом начале процесс этот был связан главным образом с проведением в жизнь закона о земле. Поскольку объектом земельного переустройства являлись земли государственные, удельные, монастырские и помещичьи, до кулацких включительно, то ближе к ним расположенные части волостей и селения стремились объединиться и отделиться от других, чтобы повысить свои нормы землепользования. Имеется целый ряд ука-

[1] Организация и строительство раб. деп. в 1917 г., под ред. Горина, изд. Комакадемии, с. 211.

заний на роль в этом процессе кулацких элементов деревни, стремившихся оградить свои интересы. Так в «Известиях Бердянского совета рабочих и солд. деп.» от 14 февраля 1918 г. в любопытном «письме в редакцию» Шевченко говорит, что села Нельговка, Радоловка и Боневка выделились из Елисеевской волости потому, что это выгодно «богачам-кулакам указанных сел, чтобы удержать за собою те участки земли, которыми они владеют. А так как в этих селах большинство кулаков, то они и подбили бедное население выделиться из состава Елисеевской волости». В борьбе с кулацкими поползновениями в этой области развилось и окрепло комбедовское движение, которое в дальнейшем в организации перестройки низового территориального аппарата играло решающую роль, в особенности, когда в делах этой перестройки все большую роль стали играть продовольственные затруднения и соответственные территориальные перестройки. Яркую иллюстрацию этого процесса дает заметка в газете «Звезда Вытегры» от 11 апреля 1919 г. Приведя ряд официальных мотивов ходатайства Тихманьской волости о переходе из Вытегорского в Каргопольский уезд (дальность расстояния, трудность перевозки грузов и т. д.), газета добавляет от себя: «Уходят от голодных к сытым, а пожалуй и удерживать не стоит».

Наркомвнудел пытался бороться против ломки территориальных границ по продовольственным мотивам и в циркуляре «О новых административных единицах в связи с продовольствием» (Вест. НКВД № 14 за 1918 г.) указывает на преходящий характер продовольственных затруднений, предлагает воздержаться от перестройки территориальных границ по этим мотивам и указывает другие способы разрешения продовольственных трудностей (включение в продовольственные наряды тех единиц, доставка откуда лучше обеспечена, и т. п.). Вообще в развитие декрета 27/I 1918 г. «О порядке изменения границ» Наркомвнуделом был издан ряд обширных циркуляров.

По мере роста централизации госаппарата в связи с развитием гражданской войны и все большим неудобством стихийного перекраивания низовых границ НКВД стремится через губисполкомы и уезды урегулировать этот процесс. В сентябрьском (1918 г.) циркуляре дает особенно определенные указания, по которым следует производить территориальные перестройки, подчеркивая необходимость экономической однородности новых единиц, посильность налогов и разверсток, естественные условия местности, национальный состав и количество населения данной территориальной единицы и т. д.

Радикальнейшую ломку территориальной организации старого госаппарата провела Октябрьская революция по линии его специальных территориальных организаций — учебных, судебных, военных, почтово-телеграфных и др. округов, окружных инспектур и проч. Все эти специальные территориальные организации были ликвидированы, а вместо них были созданы соответственные губернские организации. Здесь наметился и ряд перегибов в смысле попыток подчинения губисполкомам железнодорожного и

водного транспорта в пределах их губерний. Однако в целом эта ломка имела большое положительное значение в смысле ломки старого министерского и построения нового советского госаппарата.

Но через полгода новый госаппарат вынужден был начать организацию своих специальных территориальных делений, не совпадающих с общим территориальным делением. Здесь, конечно, имелись и бюрократическо-централизаторские перегибы, однако было бы неправильно к ним сводить все развитие специальных территориальных делений госаппарата. Прежде всего борьба за хлеб, за продовольствие, за сырье требовала быстрой оперативной работы в пределах определенных территорий, находившихся в ведении различных исполкомов и советов. Здесь сказывалось влияние старой административно-территориальной сети, не связанной вообще с экономико-географическими особенностями территории. В связи с этим Наркомпрод в первую очередь стал создавать свои низовые райпродкомы, захватывающие различные волости, части волостей и уездов. В дальнейшем хозяйственные наркоматы стали создавать свои территориальные аппараты, захватывающие не только части различных уездов, но и губерний и ряд губерний в целом (военные округа, округа путей сообщения, облпродкомы и т. п.). На почве создания крупных областных специальных территориальных организаций происходила здоровая увязка с развитием и укреплением системы общей областной организации, сторонники которой и на упоминавшемся I Всероссийском съезде предысполкомов мотивировали необходимость сохранения облисполкомов необходимостью существования ряда ведомственных областных организаций, послуживших и в дальнейшем (через облэкосо и облпланы) базой построения областных организаций нового, современного типа.

III

Переходя к дальнейшим этапам развития территориальной организации советского госаппарта — к периодам военного коммунизма, новой экономической политики и социалистической реконструкции, следует отметить, что эти периоды довольно широко отражены в имеющейся литературе, особенно сравнительно с первыми периодами. Размеры статьи позволяют останавливаться лишь на основных, спорных и малоосвещенных вопросах развития территориальной организации соваппарата и в еще более схематическом, чем в предыдущих главах, их изложении.

В период военного коммунизма вопросы территориальной организации госаппарата рассматривались на VIII и IX партийных съездах и на VII и VIII Всероссийских съездах советов. Ряд принятых ими решений имел громадное значение не только и не столько для периода военного коммунизма, но и для всего последующего развития территориальной организации советского госаппарата.

В принятой VIII съездом РКП(б) (март 1919 г.) программе партии в п. I раздела «общеполитическом» подчеркивается, что област-

ную систему «советское государство осуществило между прочим в несравненно более широком виде, чем где бы то ни было», и дальше в п. I раздела экономического даются по существу основные предпосылки хозяйственной организации областей современного типа, а в п. 4 этого раздела в отношении рабочей силы требуется «ее правильное распределение и перераспределение как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства». Громадное значение в деле изучения и разрешения проблемы территориальной организации и в дальнейшем будущем (со стиранием граней между городом и деревней) имеет авзац в п. 4 общеполитического раздела программы, где говорится: «Советское государство сближает государственный аппарат с массами также тем, что избирательной единицей и о с н о в н о й я ч е й к о й г о с у д а р с т в а (разрядка наша—*Г. М.)* становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)». Эта директива имеет большое значение не только в деле изучения советской избирательной системы, но и в деле изучения и развития территориальной организации советского госаппарата, в деле изучения того, как «советское государство сближает государственный аппарат с массами».

В конце 1919 года состоялась Всероссийская партийная конференция, на которой большое внимание было уделено вопросам улучшения государственного аппарата и в частности вопросам его территориальной организации. Принятые конференцией установки легли в основу соответственных решений состоявшегося вслед за тем VII Всероссийского съезда советов. Решением съезда была создана стройная организация взаимоотношений всех центральных и местных органов на основах демократического централизма. Поскольку, как уже упоминалось, рациональная организация госаппарата упиралась в необходимость перестройки старого территориального деления, съездом было принято следующее решение: «VII Всероссийский съезд поручает ВЦИК разработать практический вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР. Впредь до решения этого вопроса ВЦИК образование новых административно-хозяйственных единиц, а также введение нового районного деления всей или части территории РСФСР по каким-либо отдельным отраслям хозяйства или управления разрешается Совнаркомом после предварительного обсуждения всеми заинтересованными ведомствами».

В марте 1920 г. IX партийный съезд в связи с обсуждением вопросов хозяйственного строительства вплотную подошел к вопросам об областных хозяйственных организациях, санкционировал создание областных хозяйственных центров из представителей ведомств, назначаемых центром, и вместе с тем постановил, что «там, где будут созданы областные хозбюро, ЦК может образовать областное партийное бюро ЦК для усиления партийной работы в данном хозяйственном районе». Вокруг этих вопросов развернулись горячие прения, причем часть делегатов съезда (тт. Осинский, Преображенский и др.) настаивали на необходимости, не взирая на продолжающуюся гражданскую войну, развер-

нуть областные партийные и советские организации в их полном прежнем объеме и на началах выборности снизу доверху. Этот левацкий загиб встретил дружный отпор со стороны съезда, но вместе с тем по вопросу об областных организациях выявилась и другая крайность, о которой говорилось в связи с первым Всероссийским съездом губисполкомов, и литературным выражением ее может служить статья члена коллегии НКВД Эльцина в № 6—7 журнала «Власть советов» за 1919 год «Об областных объединениях», в которой говорится: «За год жизни окрепли областные центры. Но окреп и Всероссийский центр. Русь была собрана. В областных объединениях пролетариат уже не нуждался. Областные центры сыграли свою роль собирателей, дальнейшее их существование являлось тормозящим единство всей России». Это меньшевистскообразное «единство всей России», как и дополняющий их самодовлеющий «демократизм» леваков заслонили для представителей этих оппортунистических установок тот диалектический процесс развития территориальной организации советского госаппарата, который в определенной исторической обстановке принимал и соответственные интересам напряженной классовой борьбы пролетариата организационные формы, санкционированные в начале 1920 г. IX съездом партии.

Обстановка гражданской войны, связанные с этим периодом партийные и советские директивы и вся хозяйственная и политическая обстановка нашли свое отражение и в развитии территориальной организации госаппарата этого периода, особенно ярко отразившись на его областных и волостных звеньях.

В 1919 году, в напряженнейший год гражданской войны, прекратили существование последние областные организации — Союзы коммун Северной (Ленинград) и Западной (Смоленск) областей, существовавшие на основах Конституции 1918 г. Как и в ряде других (Уральской, Сибирской), решающим моментом явилось развитие на их территории военных действий и связанная с этим необходимость максимальной централизации управления. Но с разгромом белогвардейцев и интервентов создаются областные организации на месте прежних нового, полувоенного типа. Декретом 15 января 1920 г. (СУ 1920 г. № 3) на Урале организуется «Первая революционная армия труда», Реввоенсовет которой, включавший представителей Наркомпрода, Наркомзема, ВСНХ и Наркомтруда, играл роль областного центра с преобладанием функций военного характера. Декретом 15 апреля 1920 г. (СУ 1920 г. № 30) «О революционном совете первой армии труда» значительно расширяются его хозяйственные функции и ему поручается «общее руководство работой по восстановлению и укреплению нормальной хозяйственной и военной жизни на Урале». 17 сентября 1920 г. аналогичное постановление было издано Совнаркомом (СУ 1920 г. № 74) «О революционном совете трудовой армии юго-востока России» (нынешний Северо-Кавказский край). Бывшая Сибирская область возглавлялась в это время Сибирским революционным комитетом (Сибревком), выполнявшим функции областного центра. Ближе к общегосударственному центру в бывших областных центрах (Ле-

нинграде, Смоленске, Архангельске) были созданы областные экономические бюро. Так в период военного коммунизма в условиях тяжелого хозяйственного кризиса сохранялись и укреплялись начала новой территориальной организации госаппарата на основе областных хозяйственных объединений, позволявшим возможно тесно увязывать работу исполкомов и широко развернувшихся областных хозорганизаций.

Губернско-уездная сеть сохранилась в основном прежняя, но в ней, главным образом в порядке приспособления к хозяйственным условиям, шел непрестанный процесс перекройки границ, особенно уездных, и частично возникновение новых губерний и уездов. Особенно остро на работе уездно-губернского аппарата отражались не совпадавшие с его границами специальные ведомственные, территориальные деления хозяйственного типа, что как указывалось вызвало, с одной стороны, постановление VII Всероссийского съезда о подчинении всех местных хозяйственных организаций соответственным губернским и уездным органам, а с другой—постановление о разработке нового административно-хозяйственного деления. Яркую картину внутригубернской административно-территориальной чересполосицы 1919 года дает отрывок из доклада Самарского губисполкома обследовавшей ее комиссии ВЦИК во главе с т. Смидовичем.

«Губсовнархоз, руководствуясь экономическим тяготением, разбил всю Самарскую губ. на районы во главе с районными совнархозами. При разбивке районов перешагнули границы уездов, и некоторые районы захватывают волости, принадлежащие разным уездам. Губпродком, считаясь лишь с постановлением своего Всероссийского совещания, также разбил Самарскую губернию на ряд мелких продовольственных районов, упразднив даже некоторые уездные продкомы. Районы продовольственные не совпадали с районами совнархоза.

Губвоенком, руководствуясь лишь военными интересами, разбил губернию на свои райвоенкомы, не совпадающие с райсовнархозами и райпродкомами. Административное деление имело свой особый порядок. Понятно, что на этой почве началась организационная разруха. Крестьянин метался между районами, как рыба в сети. Он привык, приезжая в город или волость, сразу исправлять все свои дела, что имеет особенное значение в рабочую пору, особенно в настоящее время при изношенности инвентаря и загнанности лошадей.

А теперь вопрос продовольственный решался в одном месте, хозяйственный — в другом, военный — в третьем и т. д. Крестьяне одной и той же волости «тяготели» в разном отношении к различным районам. Один из примеров: Ставрополь как заштатный город административно распространяет свое влияние лишь на городскую территорию. Ставропольский райсовнархоз подчиняет шестнадцать волостей, райпродком — одиннадцать волостей и райвоенком — пятнадцать волостей и т. д.».

Что касается низового деревенского аппарата — волости, сельсовета, то хотя в период военного коммунизма еще продолжается

стихийный процесс их дробления, но в то же время начался и идущий сверху процесс их укрупнения. Главными моментами в укрупнении низового аппарата являлись административно-политические и финансовые мотивы. Последние играли крупную роль в связи с ликвидацией местных бюджетов и переходом всех местных органов от сельсоветов до губисполкома на единый централизованный госбюджет. Вместе с тем централизованное управление периода военного коммунизма требовало создания крепкого в административно-политическом отношении волостного аппарата при остром недостатке соответственных кадров. Все это вызвало издание 15 июля 1919 г. постановления Совнаркома, по которому устанавливалась для организации новых волостей минимальная норма населения в волости в 10 000 человек при утверждении Наркомвнуделом по ходатайству губисполкома. На практике в то время были волости по 1 000 и даже в несколько сот человек. Процесс укрупнения волостей проходил вначале очень туго; ряд волостей пытался изыскивать местные средства для сохранения своего дробного существования. Но и губернские и уездные исполкомы стремились к их укрупнению, и постановление Совнаркома о 10 000 норме для образования новых волостей стремились применить к укрупнению всех существующих волостей.

По вопросу об укрупнении волостей в период военного коммунизма следует остановиться на двух губерниях — Иваново-Вознесенской (промышленной) и Саратовской (сельскохозяйственной), представляющих большой интерес по формам укрупнения. В Иваново-Вознесенской губ. укрупнение волостей производилось путем объединения их в районы «согласно § 53 Конституции РСФСР 1918 г.», где перечислялись типы местных органов власти и нормы представительств на их съезды, причем при губернских в скобках ставились окружные органы, а при уездных — районные. Здесь, в Конституции РСФСР, отразились следы местных конституций, начиная с упоминавшейся Уральской 1917 г., и практики существования районов (а быть может и округов) на местах — в Иваново-Вознесенской губернии существовало несколько районов в том числе Писцовский, сохранившийся с 1917 г. до настоящего времени.

В Иваново-Вознесенской губ. высказывались в пользу организации районов по соображениям: 1) экономии средств; 2) удобства управления и контролирования деятельности мелких советских организаций; 3) концентрации сил; «4) устранения проникновения в советские организации лиц, предусмотренных Осн. зак. Конституцией РСФСР». «При определении центра района должны приниматься следующие соображения: 1) экономическое, торгово-промышленное и административное тяготение волостей, сел и деревень, входящих в состав района; 2) географическое положение центра района, как-то: пути сообщения, расстояние и т. п.». Эти последние критерии в организации районов в период военного коммунизма невольно напоминают критерии последующего периода развернутого районирования с ликвидацией губерний, уездов, волостей. Но здесь уезды сохранились, районы подчинились им

(хотя потом Писцовский район непосредственно подчинялся губисполкому) и ликвидировались только волости, причем предлагалось «всякие ходатайства каких бы то ни было волостей о предоставлении им права существования волостных совдепов на прежних основаниях считать недопустимым и подлежащим отклонению без всякого разбирания по существу их». Вместо волисполкома «райисполкомом открываются в центре бывшей волости филиальные отделения. Отделения назначаются и утверждаются райисполкомами в составе, необходимом для удовлетворения местных нужд населения, как-то: выдачи различного рода разрешений, справок, удостоверений и т. д.»[1]. К сожалению нет данных— была ли проведена эта территориальная организация в Иваново-Вознесенской губ. в целом или в части. Об организации районов вместо волостей говорит «Приказ № 53 президиума исполнительного комитета Петровского уездного совета» Саратовской губ.[2].

Необходимо остановиться еще на вопросах территориальной организации города и села в период военного коммунизма. По тем же административно-хозяйственным причинам, по которым проводилось укрупнение волостей, Наркомвнудел и местные исполкомы стремились проводить и укрупнение сельсоветов, создавая групповые, участковые и т. п. укрупненные сельсоветы — подобия мелких волостей с деревенскими советами внутри их.

В городах, перешедших на централизованное снабжение, стали развиваться мелкие городские административно-хозяйственные единицы в виде квартальных, уличных и домовых комитетов и советов. Постановлением Костромского губисполкома квартальным и уличным комитетам предоставлялись права волисполкомов, а домкомам — сельсоветов.

В той же Иваново-Вознесенской губернии находим в Тейковском уезде «Положение об уличных советах гор. Тейкова», в п. 1 которого говорится: «В целях закрепления власти рабочих и городской бедноты, улучшения условия жизни и скорейшего проведения в жизнь мероприятий центральной власти и Тейковского уездного исполнительного органа съездов советов, направленных к развитию и укреплению нового коммунального городского хозяйства, охраны всех граждан, приближения к центру самих масс и их запросов, Тейковский уездный исполнительный комитет считает необходимым провести организацию уличных советов трудящихся»[3].

Мелкие городские советские единицы такого рода заменяли сливавшиеся в то время с уездными и губернскими исполкомами городские советы. Так, в анкете о горсоветах, проведенной Наркомвнуделом в 1920 году, Хвалынская (Саратовской губ.) анкета сообщает: «С упразднением горсовета город разделен на два района, которые находятся в ведении своих волисполкомов». В анкете не ставился вовсе вопрос о мелкой городской единице и тем не менее из 84 городов, сообщивших об упразднении горсоветов, 71

---

[1] Советы в эпоху военного коммунизма, т. I, с. 236—242.
[2] Там же, с. 243.
[3] Цитированный сборник, с. 370.

город сообщил об организации у них различного типа мелких городских единиц.

IV

VIII Всероссийский съезд советов, состоявшийся 22—29 декабря 1920 г., хронологически должен бы быть отнесен к периоду военного коммунизма. Но, поскольку практические решения его по вопросам территориальной организации госаппарата претворялись с началом периода новой экономической политики, а принципиальные установки его имеют большое значение и в настоящий период, естественно новый этап развития территориальной организации советского госаппарата начать с относящихся к нему установок VIII Всероссийского съезда советов.

Исходные установки по этому вопросу имеются в докладе ВЦИК и Совнаркома, который был сделан Лениным, в разделе его доклада об организационно-хозяйственных задачах «О создании единого хозяйственного плана переорганизации самых основ экономики России, самых основ мелкого крестьянского хозяйства» [1]. Вообще установки Ленина были конкретизированы в работах и решениях съезда, в частности в докладе Гоэлро указывалось, что при выработке рационального планового хозяйства предстоит разделение ее на хозяйственно-самостоятельные единицы — районы. Вместе с тем на съезде был поставлен вопрос и об областных органах, возглавляющих хозяйственную работу этих районов. Съезд постановил: «Поручить Совету труда и обороны к ближайшей сессии ВЦИК: 1) разработать положение об областных хозяйственных органах и об их отношениях с Советом труда и обороны, с одной стороны, и губернским экономическим совещанием — с другой. Вместе с тем VIII Всероссийский съезд советов возлагает на Президиум ВЦИК: а) ускорить работу по проведению нового административно-хозяйственного деления РСФСР преимущественно на основе экономического тяготения». Последним постановлением подтверждалось и уточнялось соответственное решение VII Всероссийского съезда, осуществлению которого мешало наличие ряда военных фронтов, ликвидированных к VIII съезду советов. Выработанные административно-территориальной комиссией на основании этих директив «Основные положения» доложены были председателем комиссии т. Владимирским в марте 1921 г. II сессии ВЦИК, где и были утверждены. В «Основных положениях» указывалось, что «установление нового административно-хозяйственного районирования является неотложным ввиду несоответствия существующего административного деления новым политическим и экономическим потребностям. Новое районирование должно быть приспособлено к условиям переходного периода в связи с наметившимися, но еще не получившим полного оформления хозяйственными районами. Признаками, на основе которых определялись эти районы, установлены были: сосредоточение промышленности, технических

[1] Ленин, т. XVII, изд. 3, с. 418.

культур, направление и характер путей сообщения, численность и национальный состав населения, а для мелкорайонного деления — тяготение населения к промышленно-распределительным пунктам. Единицами деления намечались уменьшенные губернии (не свыше 2 млн. жителей), уезды (не более 200 тыс.) и волость, которую в дальнейшем предполагалось упразднить с укрупнением мелких селений в один сельсовет. Относительно областей указывалось, что в данное время «образование областных административно-хозяйственных объединений допустимо лишь по отношению к тем районам, где уже имеется более или менее определенное тяготение к одному главному пролетарскому центру и при условии его отдаленности от центра республики».

Хотя эти установки об уменьшении губерний и уездов и были приняты сессией ВЦИК, но они не проводились в жизнь, так как при общих правильных предпосылках конкретные положения носили незаконченный, половинчатый характер, «в соответствии с наметившимися, но еще не получившими полного оформления, хозяйственными районами», говоря словами цитировавшегося доклада. Дело в том, что основным руслом научной разработки проблем районирования явилась сначала работа Гоэлро, а с организацией по ленинским указаниям в 1921 г. Госплана—его «Комиссия по районированию России». Там с самого начала подработана была вчерне вся схема районирования с ее основными звеньями: областью—округом—районом, и в дальнейшем она уточнялась, изучалась по местным материалам. Работа была сложная и длительная. Административно-территориальная комиссия ВЦИК взяла за основу наметки Гоэлро — Госплана, и в форме уменьшенной губернии предлагала переходный тип организации к округу, в форме уменьшенного уезда намечался путь к району, и потому то в докладе говорилось о необходимости в дальнейшем ликвидировать волость.

В начале ноября 1921 года Совет труда и обороны заслушал доклад Госплана о районировании и обратился в Президиум ВЦИК с предложением образовать комиссию для разработки вопросов районирования с участием ведомств и мест. Такая комиссия была образована под председательством т. Калинина при участии тт. Кагановича, Яковлева и др. Комиссия приняла в основном положения Госплана по районированию, и в своих обширных тезисах указала, что «в основу районирования должен быть положен экономический принцип». Комиссией было намечено, как увязать вопросы районирования с сохранением национально-территориальных единиц. Было принято, что по линии административной «первым членением республики должна явиться область в границах и с центром экономического района. Следующей административной единицей должна быть измененная, в связи с требованиями экономического районирования, губерния, которой более целесообразно было бы присвоить совершенно новое наименование округа; уезд должен быть совершенно уничтожен, а за округом должна следовать волость, увеличенная в территориальном размере. При такой структуре: 1) область, 2) округ,

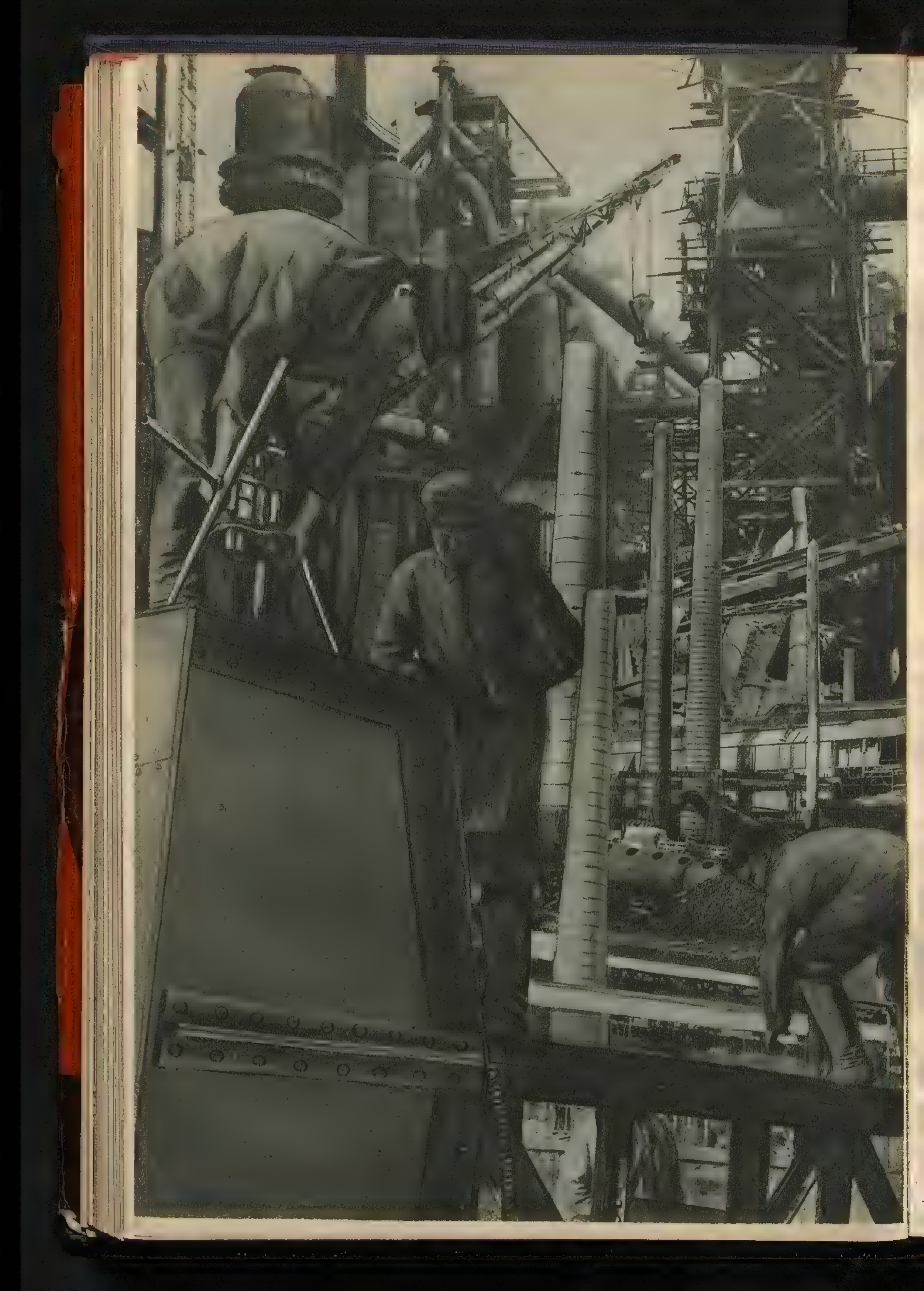
3) волость — общее количество административных единиц значительно понизится сравнительно с существующим». Была намечена организация 21 области, и как переходная форма в областном строительстве—организация областных экономических объединений (облЭКОСО). В тезисах особенно подчеркивалось, что ряд вопросов районирования советского государства требует еще дальнейшего уточнения и изучения и в центре и на местах, вследствие чего очевидно тезисы комиссии и не были внесены на состоявшийся в конце декабря IX Всероссийский съезд советов.

В марте 1922 года состоялся XI съезд партии. В политическом отчете ЦК, в своем последнем докладе на партсъезде, Ленин говорил: «Необходимо расширить и развить автономию и деятельность областных ЭКОСО. У нас теперь деление России на областные районы произведено по научным основаниям, при учете хозяйственных условий, климатических, бытовых условий, получения топлива, местной промышленности и т. д. На основании этого деления созданы районные, областные ЭКОСО. Конечно, частные исправления будут, но надо повысить авторитет этих ЭКОСО»[1].

Эти слова Ленина делают ясной для всех генеральную линию партии в области территориальной организации советского госаппарата как в ее предшествующем, так и в последующем развитии. В то же время становятся более ясными и уклоны от этой линии. На партконференции 1919 г. и на секции советского строительства VII Всероссийского съезда Сапронов доказывал, что области не нужны, если укрупнить губернии. На IX Всероссийском съезде советов группе членов съезда удалось провести без обсуждения между другими пунктами постановления по советскому строительству (об отделах исполкомов, о сроках созывов съездов и т. д.) следующий пункт: «Признать необходимым сократить количество губисполкомов путем объединения соседних губерний, связанных между собой удобными путями сообщения и родственных в хозяйственном отношении. Поручить ВЦИК не позже первой очередной сессии утвердить конкретные постановления о таких объединениях». К майской сессии ВЦИК был внесен соответственный проект группой членов ВЦИК во главе с Лариным (при участии ряда областных оппозиционеров IX партсъезда), по которому упразднялось около 30 губерний и оставлялось около 20 (фактически областей), а также существующие уже области, причем сохранялось уездно-волостное деление. Здесь ярко проявлялся механический, аппаратно-бюрократический подход, свойственный всем группировкам троцкистской оппозиции, легко шедший на всякое «перетряхивание» сверху, и игнорировавший в своих организационно-политических установках вопросы руководства пролетариатом крестьянства. Научное районирование в связи с единым хозяйственным планом, отражавшее генеральную линию партии, обеспечивало наилучшим образом укрепление рабоче-крестьянской смычки под пролетарским руководством, тогда как механическое укрупнение губерний (а тем самым уездов и волостей)

[1] Стенографический отчет XI съезда РКП(б). ГИЗ, Киев, 1922 г., с. 27.

создавало политическую размычку между рабочими и крестьянством. Эта левацко-троцкистская позиция дополнялась другой, право-деляческой позицией, представляемой, главным образом, местными работниками, которые не выступали с проектами или платформами, а просто старались проваливать всякие новшества в деле территориальной организации госаппарата. Поскольку вопрос о расширении прав областных ЭКОСО, внесенный после XI партсъезда на майскую сессию ВЦИК, являлся по существу вопросом об оформлении организации областей, вопрос этот без прений был передан в комиссию, которая после больших прений предложила передать его для обсуждения на места, что было принято сессией, а на последней сессии ВЦИК 1922 г. вопрос этот опять был передан в комиссию и на места. К майской сессии 1922 г. президиум ВЦИК утвердил доклад комиссии т. Калинина о районировании. На сессии о районировании должен был делать доклад председатель Госплана и содоклад — группа Ларина-Сапронова. Но доклады эти были перенесены на совещание членов ВЦИК по окончании сессии. Однако совещание это не состоялось, так как на него явилось всего около 20 человек, главным образом центровых работников.

Литературный комментарий ко всем этим голосованиям можно найти в статье т. Меницкого «Нужно ли районирование», помещенной в порядке обсуждения в № 3 журнала «Власть советов» за 1932 г. Автор говорит: «Инициатор этого вопроса — Госплан — пытался не раз поставить и окончательно решить, но наши законодательные учреждения каждый раз решение этого вопроса откладывали, находя его недостаточно разработанным, недостаточно выясненным». «Чем, если не плодом досужей фантазии, можно назвать намечаемую Госпланом всеобщую ломку административных аппаратов (центральных, губернских, уездных и волостных) и создание «новых» областных, окружных и районных административных единиц и аппарата». «Из разговора с отдельными представителями мест мы узнаем, что многим реформа не очень нравится, хотели бы против нее бороться, да сильно смущает их безнадежность борьбы. Отовсюду только и слышишь, что вопрос в принципе давно решен и что сейчас лишь разрабатываются детали. Кроме того реформа так научно-теоретически обоснована, что не нам их поколебать. Таково настроение у значительного числа лучших местных советских работников. Другая часть, падкая ко всяким реорганизациям, всегда склонна видеть в каждом новом проекте едва ли не панацею от всех бед и рьяно, «стихийно» взялась за проведение реформы на местах».

Надо отметить, что т. Меницкий был не случайным защитником уездно-губернской системы. Еще на упоминавшемся Всероссийском совещании предгубисполкомов 1918 г. он выступал против областного строительства и выпустил тогда брошюру «Социалистическое строительство и областничество».

Вопрос территориальной организации советского госаппарата на началах районирования решен был XII съездом партии, состоявшемся в апреле 1923 года. В резолюции съезда по докладу

т. Рыкова «О районировании» XII съезд РКП: «1. Признает прежнее административно-хозяйственное деление республики не соответствующим новым политическим и экономическим потребностям страны, но вместе с тем находит, что введение новой системы административно-хозяйственного деления требует осторожного подхода и большого срока для своего окончательного проведения.

2. Поручает ЦК партии принять меры к внесению большей планомерности в работу по изменению административно-хозяйственного деления республики, считая разработанный Госпланом и Административной комиссией Президиума ВЦИК план нового хозяйственно-административного деления лишь предварительной рабочей гипотезой, нуждающейся в дополнении, проверке и разработке на основании опыта.

3. Поручает ЦК партии новый план административно-хозяйственного деления республики провести для начала, кроме производящихся в этом направлении работ на Украине, в двух районах (промышленном и сельскохозяйственном), с организацией в них областных исполкомов.

4. По отношению к остальным областям, национальным республикам и губерниям поручает ЦК партии ограничиться продолжением разработки плана районирования, не допуская его фактического проведения в жизнь до учета опыта в указанных двух областях и за отдельными исключениями, с разрешения ЦК РКП(б).

В остальных областях (кроме двух указанных выше) существующие областные органы как советские, так и партийные должны быть реорганизованы в направлении постепенной замены назначения их членов выборностью их на областных конференциях и съездах.

Объем функций и прав как имеющих быть организованными, так и существующих областных органов должен быть расширен за счет передачи им некоторых прав и функций центральных правительственных учреждений, в частности в области бюджета и налогов».

Проведение в жизнь постановлений XII съезда партии о районировании нашло хорошо подготовленную почву в лице областных хозобъединений, значение которых подчеркивал Ленин. Первым актом о них в период новой экономической политики было изданное Совнаркомом 25/III 1921 г. «Временное положение об областных хозяйственных органах», в примечании к ст. I которого говорилось: «Советы трудовых армий реорганизуются в областные экономические советы согласно настоящему положению». Майской 1921 г. сессией ВЦИК было принято положение о местных экономических совещаниях, в том числе об областных экономических совещаниях (СУ 1921 г. № 44), которые создавались «в целях уменьшения бюрократизма, более быстрого проведения на местах мер, которые могут и должны быть осуществлены местными решениями, а также в целях согласования и усиления деятельности всех хозяйственных органов, находящихся на территории данной области».

На основании годичного опыта работы облЭКОСО ВЦИК и СНК издали «Положение об областных плановых комиссиях», усиливавших роль областных экономических совещаний и позволявших им больше заниматься текущей хозработой (СУ 1922 г. № 56).

Как указывалось раньше, практика применения положений об облЭКОСО и облпланах настолько подготовила почву для организации областей до «внутриобластного районирования их» включительно, что, когда в 1923 г. на основании п. 3 постановления XII съезда партии «О районировании» решено было организовать Уральскую область как промышленный район и Северо-Кавказскую как сельскохозяйственный, то фактическая организация областей обгоняла их законодательное оформление. Первые области создавались как опытные области. Поэтому каждая имела особое «положение», с учетом по возможности главнейших местных особенностей и опыта ранее организовавшихся областей. На Урале в августе 1923 года по соглашению губисполкомов Урала с облЭКОСО они передали ему часть своих административных функций, в октябре—ноябре происходили уже окружные съезды советов, а 3 ноября того же года III сессией ВЦИК было утверждено «Положение об Уральской области». На юго-востоке, менее оформившемся в прошлом как область сравнительно с Уралом, в июле 1924 года, где на краевой партконференции решено было «О преобразовании краевого экономического совета во временный краевой исполнительный комитет с добавлением представителей от всех округов и от автономных областей», а в октябрьской сессии ВЦИК было принято в основном и 26/I 1925 г. окончательно утверждено «Положение о Северо-Кавказском крае».

Построение рационального внутриобластного деления на экономически целесообразные округа и районы на Урале началось с окружных единиц (всего 15), с населением от 400 до 600 тыс. чел. в округе и уже в пределах округов волости стали укрупняться в районы с населением, в среднем, по 30 000 чел.; но эта система районирования потребовала потом перекройки округов и вообще оказалась неудобной и, учтя этот опыт, Северо-Кавказский край и Сибирь районировались снизу. создавая сначала районы, объединяемые затем в округа.

Позже всех, в октябре 1925 года, было утверждено «Положение о Сибирском крае», но там административно-хозяйственная областная организация на основе Положения о Сибревкоме существовала уже и до того ряд лет, правда, с губернско-уездно-волостным делением, которое в 1925 г. было заменено районно-окружным делением.

Вслед за Сибирским краем организовался Дальне-Восточный край — в январе 1926 года, а 27 августа 1927 г. ВЦИК была утверждена Северо-Западная (теперь Ленинградская) область. В остальных намеченных к оформлению по проекту районирования Госплана краях и областях существовали областные ЭКОСО с облпланами и областные оргбюро, занимавшиеся подготовкой к организации областей.

Состоявшийся в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) отмечает, что «Советская власть при успешном проведении районирования начала подводить материально-хозяйственный базис под области, автономные и союзные республики». В середине 1926 г. НК РКИ РСФСР организует комиссию для учета опыта организации и работы двух первых, организованных по постановлению XII съезда партии, областей—Уральской и Северо-Кавказского края. После нескольких месяцев работы комиссия представила обширный доклад в Совнарком [1]. 2 апреля 1927 г. СНК заслушал этот доклад и в принятом постановлении отметил следующие моменты, имеющие существенное значение в деле развития территориальной организации советского госаппарата.

В постановлении констатируется, «что создание мощных в хозяйственном и бюджетно-финансовом отношениях областей способствовало: а) концентрации распыленных ранее между отдельными губерниями финансовых и материальных средств и более продуктивному их использованию; б) перенесению из центра на места целого ряда административно-хозяйственных функций; в) лучшей постановке плановой работы во всех ее элементах, что создает лучшие предпосылки для превращения областных производственных комбинатов в действительные ячейки планового социалистического строительства. Одновременно с этим, Совет народных комиссаров отмечает, что проведенное районирование способствовало также развитию и росту хозяйства в национальных областях. Особенно серьезной заслугой районирования Совет народных комиссаров РСФСР считает создание района.

Ввиду выяснившихся положительных последствий районирования, необходима дальнейшая разработка вопроса о постепенном переходе к нему и в других частях территории РСФСР».

С созданием за первые пять лет районирования пяти обширнейших краев и областей районированием было охвачено около 45% всей территории РСФСР. В нерайонированной части территории РСФСР центр тяжести развития территориальной организации госаппарата передвинулся главным образом в низовой, сельско-волостной аппарат с ударением на последнем и под влиянием его перестроек все более сильно перестраивался уездный аппарат и очень незначительно — губернский.

Сильное укрупнение волостей начало проводиться губисполкомами с 1922 г. в связи с введением местного бюджета и крайней недостаточностью местных ресурсов для содержания большого количества волостей; так, например, в одной РСФСР в 1922 г. имелось 12 363 волости; в 1923 г. количество их было сокращено на 1 931 волость, и процесс этот продолжался ускоренным темпом.

В первый период в 1922—23 гг. укрупнение волостей носило чисто механический характер — объединялись по две, иногда и три мелких волости в одну крупную, без учета их границ по экономическим или национальным признакам. Конечно, никакого положительного хозяйственного значения такая перестройка не имела

[1] И. В. Муругов. Проблемы районирования. М. 1927 г.

кроме узкобюджетной экономии. После решения в 1923 г. XII партсъезда о районировании, с указанием, что «укрупнение волостей необходимо производить с величайшей осторожностью и полным учетом интересов широких масс крестьянского населения» и после организации в новых областях районов по типу целостных хозяйственных единиц, по этому типу стали создаваться и внутри губернской системы новые волости — районы. В 1924/25 гг. произошла такая перестройка волостей почти по всем губерниям. Волости — районы строились по признаку хозяйственной однородности и достаточной экономической мощности данной территориальной единицы, объединенной вокруг своего естественного хозяйственного, торгово-распределительного центра с радиусом в 25—30 верст и с населением в 20—30 тыс. чел. Построение экономически целостных волостей заставляло перестраивать уезды, сокращать их количество, причем, сокращение уездов в отдельных губерниях колебалось от 30 до 50%. Количество волостей в 1924/25 году по 20 губерниям сократилось на 66%.

Укрупнение волостей имело большое значение не только чисто экономическое, но организационно-политическое. С укрупнением волостей в районы разрешался вопрос о чрезвычайно вредной дробности низовой специальной (ведомственной) территориальной организации, которую при укрупненных волостях — районах являлась возможность увязывать общими районными границами.

До начала укрупнения волостей в низовом волостном аппарате имело место разноцентрие, сходное с тем, которое отмечалось уже по уездам и губерниям в период военного коммунизма. Так в Смоленской губернии на 234 волости имеется 70 судебных участков, 47 следственных, 58 землеустроительных, 53 района милиции, 80 агропунктов, 55 больниц и 54 ветеринарных участка. В Тамбовской губернии на 264 волости имеется — 74 судебных участка, 24 следственных, 69 районов милиции, 40 агропунктов, 23 прокатных, 65 случных, 58 больниц и 47 ветеринарных участков [1].

Перестройка волостей по типу района в ряде губерний привела к перестройке аппарата на основе полной ликвидации волостей и уездов и созданию вместо них районов. По этому пути пошли губернии — Тульская, Северо-Двинская, Оренбургская, Астраханская, причем, сначала пытались обойтись укрупнением и сокращением количества уездов, но при построении нескольких десятков районов с передачей им в значительной мере уездных прав и функций, оставшиеся несколько уездов становились совершенно излишними и ликвидировались. Но надо сказать, что создание районов внутри губерний тоже не решало вопроса, так как из губернского центра было трудно руководить 50—60 райисполкомами при большой экономической разнородности самых губерний. Попытки укрупнения районов угрожали превращением их опять в уезды; возникал вопрос о ликвидации губерний и создании округа, и вопрос о сплошном районировании становился в полном объеме.

---

[1] Лужин. От волости—к району, с. 64.

Укрупнение волостей повлекло и укрупнение сельсоветов отчасти в целях бюджетной экономии, частью «в целях удобства администрирования». Так в Тульской губернии в 1923 г. насчитывалось 3 796 сельсоветов, к концу 1924 г. эта цифра снизилась до 775; в Тверской губернии укрупненный сельсовет охватывал 16 населенных пунктов с 2 485 жителями, в Вятской губернии—22 пункта с 2 483 жителями и т. д.[1].

Отрицательной стороной такого укрупнения было то, что сельсовет превращался в старую дробную волость радиусом в десяток верст, отрывался от непосредственного руководства деревенской жизнью, где начинали играть все большую роль сельсходы с их заправилами кулацкого типа. Состоявшееся в начале 1925 г. при Президиуме ЦИК Союза ССР совещание по оживлению советов высказалось решительно против таких укрупнений и установило, что «как правило, при организации сельсоветов расстояние от центра сельсоветов до крайнего села не должно превышать трех верст», и приняло ряд других решений, регулирующих как укрупнение сельсоветов, так и укрупнение волостей.

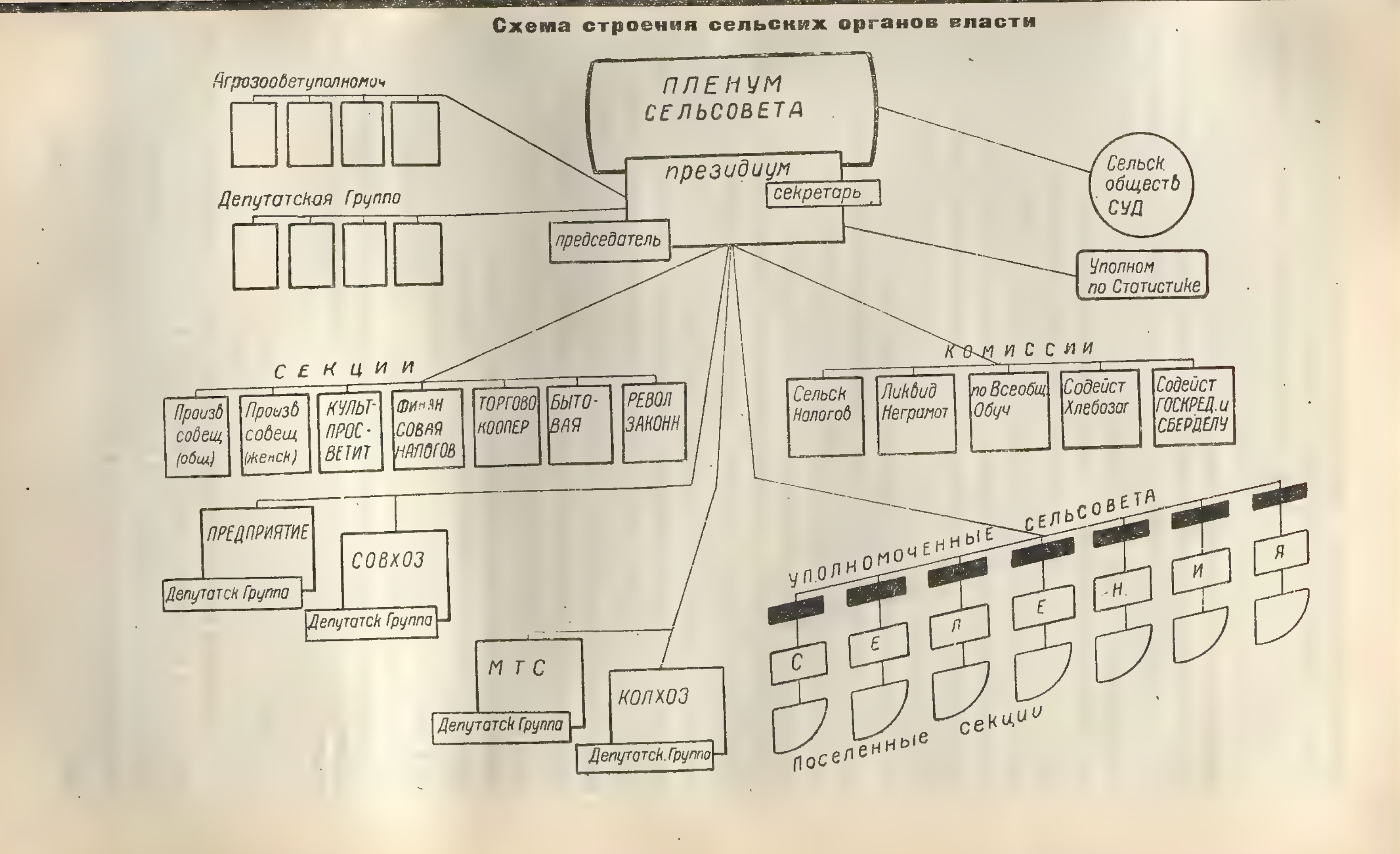
Рассматриваемый здесь восстановительный период все более усиливал роль поселений городского типа. Законодательно-хозяйственная деятельность по линии этих центров требовала их уточнения и диференциации. Поскольку в дореволюционные и керенские времена городами считались все административные и бывшие административные (заштатные) поселения, начиная с уездного центра, то в числе городов у нас были поселения в несколько сот жителей, в большинстве своем занимавшихся сельским хозяйством.

В сентябре 1924 г. ВЦИК утвердил «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках», согласно которому к «категории городских поселений относятся населенные пункты с количеством взрослого населения не менее 1 тыс. чел. при условии, если сельское хозяйство является основным занятием не более, чем для 25% населения». Кроме этих признаков, при составлении списков городских поселений «Положение» предлагает принимать во внимание динамику хозяйственного развития данного пункта, близость его к жел. дор., наличие пролетарского населения и т. д. (СУ 1924 г. № 73). На основании применения этого положения, количество городов несколько сократилось, но социальное качество их улучшилось. В дополнение к этому положению, в сентябре 1926 г. был издан ВЦИК и Совнаркомом «Декрет о рабочих поселках», по которому рабочими поселками могут быть признаны населенные пункты, «если количество взрослого населения таковых не менее 400 чел., причем для большинства населения (в числе не менее 65%) основным источником существования является заработная плата» (СУ 1926 г. № 65). В рабочих поселках, как и в городах, укреплялась работа городских советов и ликвидировались различные суррогатные формы низовых территориальных сов. организаций в виде мелких городских единиц эпохи военного коммунизма. Но внутри территориальной организации крепли и

---

[1] Лужин. От волости—к району, с. 64.

Схема строения сельских органов власти

развивались районные советы, допускавшиеся к организации в городах с населением от 50 000 жителей.

Аналогичные мероприятия в отношении городов и поселков проводились в этот же период и по другим союзным республикам СССР. Районирование СССР по другим союзным республикам проходило в общем одновременно с районированием РСФСР, отражая своеобразные условия каждой из союзных республик. Раньше всех районировалась Украинская ССР. Постановление о районировании УССР было принято на сессии ВУЦИК 16 октября 1922 г. и к концу марта 1923 г. районирование было в основном закончено, причем снята была сначала только уездно-волостная сетка, губернский же аппарат был временно оставлен, впредь до укрепления окружного аппарата. Окончательно губернский аппарат всех прежних 12 губерний УССР был ликвидирован лишь в 1925 г. Первоначально было создано 53 округа, количество которых потом было сокращено до 40. Поскольку районирование шло сверху вниз, районная система вначале была построена на основе механического объединения волостей, в связи с чем, в ближайшее же время 75% районов было подвергнуто перестройке.

Районирование БССР было проведено в 1924 г. по постановлению VI съезда БССР, который состоялся вслед за укрупнением территории БССР, благодаря которому БССР по признанию съезда превратилась в единый самостоятельный район в экономическом, культурно-бытовом и национальном отношении. На территории Белоруссии взамен прежних 15 уездов, 227 волостей и 3 405 сельсоветов было организовано 10 округов, 100 районов и 1 202 сельсовета. Районирование Средней Азии началось после проведенного осенью 1924 г. национального размежевания, причем в Туркменистане районирование было произведено раньше, чем в других республиках Средней Азии, вслед за национальным размежеванием в 1924 г. В Узбекистане благодаря большей сложности работ по районированию оно было проведено в 1925 г., а в Таджикистане в 1928/29 гг. Районирование ЗСФСР представляло особенно большие трудности, благодаря физико-географическим и экономико-географическим условиям Закавказья, а также большой раздробленности национального населения. Только в 1929 г. республики ЗСФСР перешли на систему округов, причем в Грузии было создано 5 округов, в Армении столько же, и в Азербайджане 8. Низовое районирование ЗСФСР было закончено в 1930 г.

Районирование автономных социалистических советских республик началось одновременно с районированием большинства краев и областей и закончилось в 1930 г.

V

С началом периода социалистической реконструкции, получившего свои установки на состоявшемся в декабре 1927 г. XV съезде ВКП(б), была завершена в основном территориальная организация советского госаппарата на началах научного районирования, о которой говорил Ленин на XI съезде партии. В постановлении

XV съезда «о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» было сказано: «С целью наиболее полного охвата плановым руководством народнохозяйственной жизни страны съезд считает необходимым в течение предстоящего пятилетия окончить районирование всей страны».

На основании этого постановления Госплан СССР составил погодичный план завершения районирования по оставшимся для районирования 7 областям, причем последние области намечались к районированию в конце 1931 года. План этот поступил на заключение и в Институт советского строительства, предложивший (разработанный в секции местного управления) свой встречный план, по которому завершение районирования можно и необходимо было закончить в начале 1929 года. Институт указывал, что к 1 января 1928 г. районировано 65% территории РСФСР с 55% населения, имелось 6 районированных губерний (из них 2 не полностью) и 19 губерний со старой системой территориальной организации. Все это вносило большой разнобой в работу государственного аппарата, мешало в корне его рационализации и особенно создавало большие трудности в низовом, деревенском аппарате, состояние которого определенно мешало успешному проведению партийных и советских директив. В подтверждение возможности ускорения районирования Институт указывал, что оставшаяся нерайонированной территория РСФСР, расположенная компактно вокруг ее центра, по количеству населения немногим больше УССР, где в 1922/23 г. районирование было проведено в течение около полугода. Такое предложение находило свое подтверждение и в объяснительной записке Госплана к его проекту постановления, где указывалось, что на местах проделана большая подготовительная работа по низовому районированию до окружной сетки включительно и лишь наибольшие трудности встретятся в деле межобластного районирования. Подчеркивая политическое и экономическое значение низового районирования, задержка которого задерживала бы культурно-хозяйственное развитие деревни, создавая там все большие осложнения в работе советов, Институт советского строительства предлагал в случае, если нельзя в течение года закончить межобластное деление, на трудность которого указывал Госплан, то во всяком случае ликвидировать полностью в течение года губернско-уездно-волостную систему и перейти на систему районов-округов.

Последовавшими затем постановлениями Президиума ВЦИК три области были организованы в июне 1928 года (Средне-Волжская, Нижне-Волжский край и Центрально-Черноземная) и остальные пять — в январе 1929 г. (Московская, Ивановская, Нижегородская, Западная и Северный край). Процесс окончательного их оформления затянулся до конца лета 1929 года и таким образом план районирования РСФСР был досрочно выполнен почти на 3 года раньше первоначальных установок.

Состоявшаяся в конце апреля 1929 года XVI конференция ВКП(б) в резолюции «об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом» постановила по докладу тов. Яковлева «под-

вергнуть специальному изучению итоги районирования с точки зрения прежде всего приближения аппарата государственного управления к массам рабочих и трудящихся крестьян. Поскольку узловым пунктом, где осуществляются директивы партии и советской власти, является район, сюда необходимо перенести и центр тяжести работы по улучшению и исправлению государственного аппарата. В соответствии с этим должна быть пересмотрена структура окружного советского аппарата под углом зрения обеспечения районных центров возможно большим количеством проверенных коммунистов, организаторов и специалистов».

На основании этого постановления партконференции ЦКК—НК РКИ было разработано и 26/VI 1929 г. утверждено положение об опытно-показательных округах[1]. По этому положению в 5 округах (по одному в УССР, БССР, на Урале, в ЦЧО и на Северном Кавказе) в виде опыта проводилась реорганизация окружно-районной системы управления, путем перенесения значительной части оперативных функций, выполняемых округами, в районы и из районов в сельсоветы. В ходе выполнения этого постановления, в некоторых округах оперативные функции от округов были переданы не только рикам, но и соответственным горсоветам. Опыт дал положительные результаты в смысле укрепления материальной, хозяйственной базы низовых советов и исполкомов и улучшения их организации и работы при усиливании вместе с тем участия масс в этой работе. На основе его началась разработка вопроса о распространении новой системы управления по всему Советскому союзу, но вместе с тем раздавались голоса о ликвидации округа, сыгравшего свою положительную роль и ставшего излишним с усиливавшейся передвижкой оперативных функций к низовым организациям. В июне 1930 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) о ликвидации округов.

В политическом отчете ЦК на состоявшемся в июне 1930 г. XVI съезде партии т. Сталин в последней части своего доклада («Очередные задачи») так охарактеризовал вопрос о районировании на данном этапе: «Не может быть сомнения, что мы не смогли бы поднять громадную работу по перестройке сельского хозяйства и развитию колхозного движения, если бы не провели районирования. Укрупнение волостей и преобразование их в районы, уничтожение губерний и преобразование их в менее крупные единицы (округа), наконец, создание областей как прямых опорных пунктов ЦК, — таков общий вид районирования. Цель районирования — приблизить партийно-советский и хозяйственно-кооперативный аппарат к району и селу для того, чтобы получить возможность своевременно разрешать наболевшие вопросы сельского хозяйства, его подъема, его реконструкции. В этом смысле, повторяю, районирование дало громадный плюс всему нашему строительству.

Но все ли сделано для того, чтобы действительно приблизить и понастоящему приблизить аппарат к районам и селам? Нет, не

[1] Б. Гроссман. Опытно-показательные округа, изд. Комакадемии 1930 г.

все сделано. Сейчас центр тяжести колхозного строительства перемещен в районные организации. Сюда стекаются нити колхозного строительства и всякой другой хозяйственной работы в деревне: и по линии кооперации, и по линии советов, и по линии заготовок. Достаточно ли снабжены нужными и необходимыми работниками районные организации для того, чтобы поднять всю эту разнообразную работу? Не может быть сомнения, что они снабжены работниками крайне недостаточно. Где же выход? Что нужно сделать для того, чтобы поправить этот недочет и обеспечить районные организации по всем отраслям нашей работы достаточным количеством нужных работников? 1) Упразднить округа, которые превращаются в ненужное средостение между областью и районами, и за счет освободившихся окружных работников усилить районные организации; 2) связать районные организации непосредственно с областью (крайкомом, нацЦК). Это и будет доведением до конца дела районирования, доведением до конца дела приближения аппарата к районам и селам»[1].

Этот обширный отрывок из доклада т. Сталина дает развернутую ленинскую установку по вопросу о разрешении поставленной Лениным задачи районирования советского государства. XVI съезд партии одобрил решение ЦК об упразднении округов и поручил ЦК и ЦКК—РКИ проведение всех необходимых практических мер и наблюдение за их исполнением, в частности «передачу оперативных функций, прав и материальных ресурсов округа району и горсовету». Постановлением ЦК от 15/VII 1930 г. ликвидация округов должна была закончиться к 1 октября 1930 г., причем не менее 90% работников должно быть направлено в районы. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 25/VII 1930 г. по вопросу о ликвидации округов намечался целый ряд мероприятий по осуществлению партийных директив, причем особенное внимание было обращено на вопросы укрепления областного руководства районами. По этой линии и в дальнейшем закреплялась давшая положительные результаты реорганизация, причем особенно значительную роль играли установки на диференцированное, конкретное руководство. Для улучшения руководства районами Сибирский край был разделен на два края — Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский. В этих же целях в начале 1932 г. было создано 6 областей в Украинской ССР: Харьковская, Киевская, Одесская, Винницкая, Днепропетровская и Донецкая и 6 в Казакской АССР: Западно-Казакская, Актюбинская, Карагандинская, Восточно-Казакская, Алма-Атинская и Южно-Казакская.

В связи с быстрой индустриализацией СССР в данную пятилетку на основе социалистической реконструкции хозяйства быстро растет количество городов и рабочих поселков. Так по РСФСР городов было в 1929 г. 506, а к 1/VII 1932 г. — 529, рабочих поселков к началу пятилетки в 1927 г. было 99, а к 1/VII 1932 г.—381.

Новым моментом в территориальной организации советского госаппарата является развившееся за последние годы непосредственное подчинение сельсоветов крупным горсоветам. Так, за год

---

[1] Из отчета ЦК ВКП(б) XVI съезду ВКП(б), с. 64—65.

с июля 1931 г. по июль 1932 г. в Ивановской области при ликвидации 4 районов 48% сельсоветов подчинено горсоветам, в Нижне-Волжском крае при ликвидации 2 районов 45% сельсоветов подчинены горсоветам и т. д. В среднем по 18 ликвидированным за последний год пригородным районам 47% сельсоветов подчинены горсоветам.

Что касается районов и сельсоветов, то здесь имеются цифры, которые должны бы привлечь самое серьезное внимание. По статистическим данным ВЦИК с первого октября 1930 г. (окончание ликвидации округов) в областях и республиках по 1 июля 1931 г. (за 9 месяцев) ликвидировано было 275 районов (из общего количества 1895 районов в 1930 г.) и вновь создано 95; за год с 1 июля 1931 г. по 1 июля 1932 г. ликвидировано еще 183 района и вновь создано 31; итого ликвидировано 458 и вновь создано 126 районов; эти цифры говорят о серьезнейшем процессе перестройки районов в сторону их укрупнения.

В связи с этим такой же процесс мы имеем по сельсоветам. В 1930 г.—в год завершения районирования в РСФСР—было 52 844 сельсовета, на 1 января 1932 г. их стало 50 686, т. е. за 2 года количество сельсоветов сократилось на 2 158. С 1 января 1932 г. по 1 июля 1932 г. произошло сокращение сельсоветов до 48 343, т. е. за ½ года ликвидировано 2 343 сельсовета, т. е. больше чем за последние 2 года. Этот тревожный процесс, ведущий к срыву решения XVI съезда партии о «решительном приближении партийно-советского аппарата к селу, к колхозам, к массам» подробно был рассмотрен в прошлом году в № 8 журнала «Советское государство» [1]. За истекший год дело в общем не улучшилось, а отчасти и ухудшилось. Здесь чувствуется старый праводеляческий уклон, особенно недопустимый накануне перехода ко второй пятилетке. А Госплан, намечая перспективы территориальной организации во второй пятилетке, все внимание сосредоточивает на областных комплексах (тезисы тт. Борилина и Капитонова), оставляя в стороне вопрос о районе и тем более о селе, считая, что они остаются на существующей сетке, которая, как видно из приведенных цифр, находится в весьма мобильном состоянии. Эта резкая мобильность районов и сельсоветов объясняется, с одной стороны, упрощенными методами областной и районной экономии, путем сокращения территориальных единиц.

Но есть и более глубокие причины этой мобильности — их нужно искать в попытках увязки границ районов и сельсоветов с границами МТС, совхозов и колхозов. Социалистическое переустройство деревни с его достижениями в первую пятилетку, как и успехи первой пятилетки в целом, завершаемой в четыре года, ставит по-новому вопрос о развитии территориальной организации советского госаппарата во второй пятилетке и в ее ближайшие годы. Тот этап в развитии территориальной организации госаппарата, который известен под именем районирования, закончен с периодом XVI съезда партии. Новый период соцстроительства, поста-

---

[1] Г. Михайлов. Урбанизация деревни и района.

вленный в порядке дня XVII партконференцией поставил и новые проблемы территориальной организации госаппарата. Их нельзя решать деляческим прожектерством, но, борясь с деляческим правым и «левым» оппортунизмом, необходимо перейти к серьезному и неотложному изучению неизученных проблем территориальной организации госаппарата в связи с проблемами соцстроительства во второй пятилетке.

Советский аппарат и задачи его улучшения

Н. Челяпов

Для всякого марксиста азбучным является то положение, что развитие производительных сил и соответствующих им производственных отношений определяет собою изменения, происходящие в политической и всякой иной надстройках над этим экономическим базисом.

Но точно такой же азбучной истиной для всякого, знающего учение Маркса—Ленина о государстве, является и другое положение, а именно, что отношение между экономическим базисом и политической надстройкой (равно как и другими надстройками) представляет собою не механическое воздействие базиса на надстройки, а диалектическое их взаимодействие. «К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, — писал Ф. Энгельс в письме к Шмидту, — если политическая власть экономически бессильна? Сила (т. е. государственная власть) есть точно так же экономическое могущество».

Как указывает в том же письме Энгельс, обратное воздействие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода — «она может действовать в том же направлении, тогда дело идет быстрее, она может действовать напротив, тогда... она терпит в течение более или менее продолжительного периода крушение, или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать в других направлениях. Этот случай сводится в конце-концов к одному из предыдущих».

Таким образом, полным искажением марксизма являются утверждения русских меньшевиков и троцкистов, вождей II Интернационала и всех социал-фашистов, что строительство социализма у нас невозможно, так как уровень производительных сил в б. царской России не достиг надлежащего для этого развития. С этими контрреволюционными социал-фашистскими утверждениями по сути дела смыкаются и позиции правых оппортунистов, извращающих учение Маркса—Энгельса—Ленина о воздействии государственной власти на экономику. Между тем, вся практика соцстроительства в СССР является блестящим подтверждением учения основоположников марксизма и полным опровержением клеветы социал-фашистов, контрреволюционных троцкистов и правых оппортунистов.

Государственная власть в руках пролетариата, проведенное ею уничтожение частной собственности на средства производства, внедрение социалистических форм хозяйствования в сельское хозяйство, выкорчевывание корней капитализма в городе и деревне, полная переделка производственных и других обществен-

ных отношений вызвали такой бурный рост производительных сил, какого не знает история развития буржуазных стран.

Наша отсталая до Октябрьской революции техника растет такими темпами, которые неизвестны всей предшествующей истории, строятся гиганты-комбинаты—Днепровский, Урало-Кузнецкий, Березниковский и др.; гиганты-заводы — Сталинградский, Магнитогорский, Кузнецкий, Автозавод и др.; исследуются и вводятся в производство новые металлические, угольные, нефтяные и пр. залежи, создаются такие отрасли производства, которых не было до революции (дизелестроение, авто- и тракторостроение, производство цветных металлов, добыча минеральных удобрений, производство новых химических веществ, искусственного каучука и пр. и пр.). Ставшее единственным хозяином этих средств производства рабочее государство имеет полную возможность планировать и организовывать производство в индустрии и сельском хозяйстве так, как это диктуется интересами и потребностями социалистического хозяйства.

Проводником всех этих мероприятий и орудием их осуществления является государственный аппарат. Через государственный аппарат в первую очередь проводятся все мероприятия и вся политика господствующего класса. Таким образом, в активно воздействующей роли государства на экономический базис государственному аппарату принадлежит основная роль.

Активная воздействующая роль государства диктатуры пролетариата неизмеримо выше, чем государства буржуазного, так как государство диктатуры пролетариата является первым в истории государством, строящем все хозяйство страны на социалистических началах. Отсюда ясна огромная роль советского государственного аппарата и значение правильной с политической и технической стороны организации его работы.

Понять природу, задачи, функции и методы работы советского государственного аппарата можно только исходя из того, что этот аппарат является орудием в руках государства диктатуры пролетариата.

В эксплоататорских государствах—рабовладельческом, феодальном и буржуазном, где государственная власть есть власть ничтожного меньшинства над угнетенным большинством, государственный аппарат представляет собою систему органов, единственной задачей которого является политика принуждения по отношению к другим классам.

Этот элемент насилия, классового принуждения, не может не быть присущим и советскому госаппарату, так как диктатура пролетариата есть также государство, а всякое государство представляет собою машину в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников[1]. Но одним насилием по отношению к классовому врагу далеко не исчерпываются задачи диктатуры пролетариата в противоположность

---

[1] Сталин. Об основах ленинизма. «Вопросы ленинизма», ГИЗ, 1929 г., с. 108.

тому, что мы видим в других указанных выше государствах. «Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплоататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть» [1].

Исходя из задач диктатуры пролетариата как переходного от капитализма к коммунизму периода, т. Сталин следующим образом характеризует основные ее стороны:

«1) Использование власти пролетариата для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства» [2].

Только в свете этих трех основных сторон диктатуры пролетариата можно понять задачи советского аппарата, только исходя из них можно также определить методы его работы и оценивать ее результаты.

Одним из крупнейших принципиальных отличий буржуазного государства от государства диктатуры пролетариата, а следовательно и организации и работы аппаратов этих государств, является следующее.

Так как задача подавления угнетенных классов представляет собою главнейшую и основную функцию буржуазного государства, то и единственной задачей его аппарата является «управление людьми». Иное положение мы видим в государстве переходного периода.

Поскольку диктатура пролетариата есть государство, т. е. организованная сила господствующего класса, постольку функция управления людьми, подавления сопротивления классовых врагов, борьба с эксцессами отдельных антиобщественных элементов не может не занимать значительного места в деятельности и советского государства.

Но диктатура пролетариата есть первое в истории государство, которое ставит своей задачей воздействовать на свой экономический базис не косвенно, обходным путем, как это только и доступно государству буржуазии, а непосредственно. Советское государство становится прямым, непосредственным, а по мере своего роста и укрепления — и единственным организатором тех-

---

[1] Ленин, т. XVI, изд. 3, с. 247—248.
[2] Сталин. Вопросы ленинизма, ГИЗ 1930 г., с. 247.

нической и экономической базы общества, строя плановое социалистическое хозяйство. Но государство переходного периода, т. е. советское государство есть, как указывал Ленин, уже «полугосударство». Оно само накапливает и создает условия и элементы своего отмирания. XVII партконференция поставила задачей 2-й пятилетки ликвидацию классов, начало уничтожения противоположности между городом и деревней и подход к уничтожению того последнего вида неравенства, о котором писал Ленин,—различию между физическим и умственным трудом. Во вторую пятилетку задача уничтожения различия между физическим и умственным трудом конечно еще не будет разрешена. Но элементы изживания этой противоположности уже накапливаются и сейчас. «Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по *способностям*»[1]. Путь к этому отмиранию лежит через развитие и укрепление диктатуры пролетариата, государства переходного периода. Поэтому наряду с этой функцией в советском государстве с самого его возникновения начинает играть значительную роль другая функция, не свойственная, или почти не свойственная буржуазному государству, — функция *управления вещами и процессами производства*. По мере укрепления диктатуры пролетариата, роста социалистических начал в народном хозяйстве, по мере побед пролетариата над своими классовыми врагами на всех фронтах борьбы и строительства, по мере успехов пролетариата в деле выкорчевывания корней капитализма в городе и деревне, ликвидации причин, порождающих классы, и самих классов, функция «управления вещами и процессами производства» растет в объеме и качестве, делаясь все более основной задачей советского государства.

Функция управления людьми отомрет только вместе с отмиранием государства. С отмиранием этого последнего, в безгосударственном коммунистическом обществе будущего, в области управления останется только единственно управление вещами и процессами производства. Но «экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает следовательно один из важнейших источников современного *общественного* неравенства, и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить нельзя»[2].

В силу всего сказанного, в число функций советского аппарата включаются такие, которые совершенно неизвестны и не свойственны госаппарату буржуазных государств, как, например,

---

[1] *Ленин*. Государство и революция, т. XXI, изд. 3, с. 436.
[2] Там же.

планирование и управление промышленностью, социалистическая перестройка и техническая реконструкция сельского хозяйства, организация и регулирование торговли и снабжения, борьба за новый культурный быт и т. д. и т. п. Буржуазные теоретики и их прихвостни — «теоретики» социал-фашисты, как, например, известный социал-прохвост, давно уже порвавший с марксизмом, Каутский, утверждают, что и буржуазному госаппарату свойственны не только функции насилия, но что якобы и буржуазное государство, а следовательно и его аппарат, осуществляют ряд общеполезных функций, как, например, народное просвещение, организация больниц, проведение санитарных мероприятий, постройка железных дорог, которыми пользуются конечно не одна буржуазия, но и рабочие и крестьяне. Но даже самый поверхностный анализ этих утверждений показывает, что если у первых эти утверждения являются иногда результатом непонимания истинной классовой природы всех этих мероприятий буржуазного государства, в силу классовой ограниченности теоретиков буржуазии, то у вторых (социал-фашистов) — всегда прямым обманом трудящихся, стремлением помешать им видеть истинное положение вещей.

Каутский, в своей книге «Материалистическое понимание истории», подводя в некотором роде «итоги» своему ренегатству от марксизма, делая ряд злобных клеветнических выпадов по адресу СССР, доходит здесь до следующих чудовищных утверждений: «Современное демократическое (т. е. буржуазное — *Н. Ч.*) государство тем отличается от ранее существовавших типов государств, что такое использование государственного аппарата для целей эксплоатирующего класса не составляет уже существа государства и не находится с ним в неразрывной связи» (разрядка моя.—*Н. Ч.*).

Это возмутительное извращение действительного положения вещей, так хорошо знакомого трудящимся массам буржуазных государств, вытекает из того, что Каутский, как и другие вожди II Интернационала, превратившиеся в социал-фашистский отряд международной контрреволюции, изо всех сил стараются доказать, что буржуазное государство вовсе не является государством господствующей буржуазии, а представляет собою надклассовую и внеклассовую организацию, которую он не называет иначе, как «современное демократическое государство», подчеркивая тем самым его якобы внеклассовую природу.

Развивая далее свои ренегатские извращения учения Маркса — Энгельса о классовой природе всякого государства, Каутский продолжает бормотать: «Наоборот, демократическое государство по своим тенденциям направлено к тому, чтобы быть не органом меньшинства, а органом большинства трудящихся, т. е. трудящихся классов». Таким образом, Франция—Пуанкаре, Клемансо и Бриана; Германия—Брюнинга, Цергибеля, Гржезинского, Носке, Папена и Гитлера; Америка—Гувера; Англия — Болдуина, Чемберлена, Керзона и Макдональда — все это по Каутскому «государства трудящегося большинства населения»! Трудно пред-

ставить себе более наглую ложь и более беззастенчивое извращение истины. Эта истина, а именно, что «современное демократическое государство» есть политическая организация того класса, который душит все действительно демократические стремления трудящихся масс и готовит этим массам новую кровавую бойню, еще более ужасную, чем война 1914—1918 гг.; эта истина очень хорошо известна рабочему классу империалистических стран, населению их колоний и вообще трудящимся. Слишком трудно уверить пролетариат и трудящееся крестьянство буржуазных стран, что государства, в которых они живут, представляют собой организацию самих этих трудящихся масс и выполняют их волю. Не может не чувствовать этого и Каутский, и поэтому он переходит «от обороны к нападению» по отношению к трудящимся классам и заявляет, что «если оно (т. е. государство буржуазии) превращается в орган эксплоатирующего меньшинства, то это лежит не в природе данного государства (!), а зависит от единства самих трудящихся классов (!!!) от отсутствия между ними единства, от их несознательности, несамостоятельности»[1] и прочее.

Другими словами — буржуазное государство по своей сути не есть эксплоататорское государство, а потому менять, ломать и разрушать его аппарат не нужно; а если иногда оно «превращается» в эксплоататорское (любопытно — кто же, по мысли Каутского, его «превращает» в такое?), то виноваты в этом сами трудящиеся массы, их несознательность и отсутствие между ними единства», т. е. идите все в единую социал-фашистскую партию Каутских и Гильфердингов, проникнитесь их «сознанием», что «современное демократическое государство» есть полная свобода для всех трудящихся империалистических стран и их колоний, — и тогда у вас не будет оснований жаловаться на «современное демократическое государство».

Казалось бы здесь Каутским достигнут уже предел развязной наглости и безудержного вранья, но оказывается—можно пойти еще дальше и заявлять, например, следующие вещи: «По мере того как... демократическое государство перестает быть орудием эксплоатирующих классов, государственный аппарат начинает при соответствующих условиях оборачиваться теперь против эксплоатирующих классов, т. е. начинает действовать прямо в противоположном направлении (?!) по сравнению с той ролью, которую он играл до сих пор. Из орудия подавления эксплоатируемых он начинает превращаться в орудие их освобождения»[2]. (!!!). Подчеркнутые нами слова, несомненно, представляют собою венец цинического вранья.

Итак, по Каутскому оказывается, что полиция «современных демократических государств» все эти скотленд-ярды, сигуранцы, дефензивы, полицей-президиумы, сажающие рабочих и их во-

---

[1] К. Каутский. Материалистическое понимание истории, с. 597—598.
[2] Там же, с. 598.

ждей в тюрьмы и расстреливающие рабочие демонстрации; буржуазные суды, приговаривающие рабочих Сакко и Ванцетти к смертной казни без всякого намека на действительную виновность в каком-либо преступлении; карательные экспедиции, расстреливающие и истязающие бессарабских крестьян в Румынии, украинских и белорусских крестьян в Польше, сжигающие целые деревни и насилующие женщин; буржуазный госаппарат, зверски эксплоатирующий население колоний и душащий всякое проявление освободительного движения в них — все это, по словам ренегата, зашедшего в своей защите врагов рабочего класса за всякие мыслимые пределы, — «орудия освобождения трудящихся», действующие «против эксплоатирующих классов!».

Правда, Каутский оговаривает, что это превращение госаппарата из орудия угнетения в орудие освобождения эксплоатируемых совершается «при известных условиях». Как известно, Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что они считают этими «известными условиями». Обязательным «условием» они считали пролетарскую социалистическую революцию, установление диктатуры пролетариата, р а з р у ш е н и е буржуазной государственной машины и создание пролетариатом собственного государственного аппарата; только последний и может быть орудием освобождения трудящихся. Так, например, Маркс в письме Кугельману от 12/IV 1871 г.[1] указывал, что предварительным условием всякой действительно народной революции является не передача бюрократически-военной машины из одних рук в другие, а с л о м ее и создание пролетарского госаппарата. Совсем не о том говорит Каутский. Как истый защитник буржуазии и ее государства, он поучает: «Позаботимся о том, чтобы в каждой стране была только одна социалистическая партия (т. е. чтобы деятельности Каутских и К° не мешали истинно и единственно революционные коммунистические партии.—*Н. Ч.*) и эта партия имела за собой большинство населения. Тогда д е м о к р а т и я и п а р л а м е н т тотчас обнаружат большую активность и окажутся плодотворными»[2].

Следовательно, Каутский проповедует не слом буржуазной парламентской машины, которая в Германии под руководством социал-демократических соратников Каутского показала себя очень «активной» и очень «плодотворной» по части защиты господства буржуазии и изобретения новых мер закабаления рабочих, а именно — сохранение ее. Излишне добавлять, как это не имеет ничего общего с революционной точкой зрения Маркса и Энгельса. Заменять же государственный строй «современной демократии», т. е. буржуазное государство диктатурой пролетариата Каутский ни за что не хочет, ибо вообще, по его уверениям, Маркс только случайно обронил этот «термин» — диктатура пролетариата.

Развивая подобные антимарксистские точки зрения, Каутский и его единомышленники всячески конечно стараются приукра-

[1] См. письма Маркса и Энгельса, изд. «Московский рабочий».
[2] К. К а у т с к и й. Материалистическое понимание истории, с. 599.

сить истинный классовый смысл всех мероприятий буржуазного государства, хотя этот смысл ясен всякому сознательному рабочему, всякому революционно настроенному и мыслящему представителю трудящихся.

Действительно, если, например, железными дорогами, построенными капиталистами, пользуются и рабочие и крестьяне, то постройка этих дорог была вызвана вовсе не желанием удовлетворить потребности эксплоатируемых классов, а предпринимается либо в интересах развития капиталистической промышленности и торговли, либо в стратегических интересах, т. е. в интересах военной защиты той же буржуазии и ее государства.

Всякого рода мероприятия в области школьного дела, повышение общекультурного и технического уровня трудящихся, диктуются опять теми же интересами капиталистов, которым в силу развития и усложнения техники производства нужны более грамотные, более культурные и более технически подготовленные рабочие. То же самое мы видим в области здравоохранения, борьбы с эпидемическими заболеваниями и проведения санитарных мероприятий. Эпидемические болезни вспыхивают и распространяются в первую очередь в кварталах, населенных трудящейся беднотой, и часто угрожают жизни и здоровью населению буржуазных кварталов. Кроме того, высокая смертность среди рабочих или высокий процент инвалидности среди них ложатся накладным расходом на каждого капиталиста, заставляя его чаще, чем это было бы ему выгодно, обучать производству новых неподготовленных рабочих и т. д. и т. п.

Совершенно иную картину конечно мы имеем в государстве диктатуры пролетариата, в СССР. Здесь и индустриализация страны, и реконструкция сельского хозяйства, и культурная революция, проводимая нашим госаппаратом и всей трудящейся массой под руководством партии и ее ленинского ЦК, совершается не в интересах какого-либо одного класса, а в целях построения социализма, организации бесклассового общества, поднятия культурного и материального уровня трудящихся на такую высоту, которая совершенно недостигаема ни для какого буржуазного государства.

Основой и становым хребтом всего советского госаппарата являются советы; они представляют собою «прямое выражение диктатуры пролетариата. Через советы проходят все и всяческие мероприятия по укреплению диктатуры и строительству социализма. Через советы осуществляется государственное руководство крестьянством со стороны пролетариата» [1].

«Советы суть новый государственный аппарат» — писал В. И. Ленин [2]. Это тот именно государственный аппарат, который пролетариат создал, начиная с революции 1905 г., и поставил после своей победы в Октябре 1917 г. на место разбитой вдребезги государственной машины царского и буржуазного временного правительства.

---

[1] Сталин. Вопросы ленинизма. ГИЗ 1930 г., с. 250.
[2] Ленин, т. XXI, изд. 3, с. 258.

Маркс и Ленин на основе опыта Парижской коммуны учили, что пролетариат в ходе своей революции, завоевав власть, не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, он должен разбить эту машину и заменить ее новой. В этом заключается огромная разница между пролетарской революцией и революциями буржуазными. Последние обычно осваивали государственный аппарат свергнутого абсолютизма, улучшали его, перестраивали на свой, буржуазный лад, но все это было лишь усовершенствованием прежде существовавшей угнетательской машины, а не ее разрушением и не созданием вместо нее принципиально отличного по своим задачам и функциям аппарата, не созданием нового типа государства, каким являются советы, созданные пролетариатом под руководством коммунистической партии и ее вождя—Ленина. Ленин неоднократно и с большой силой подчеркивал, что «советы тем и ценны особенно, что они представляют из себя новый, неизмеримо более высокий, несравненно более демократический тип государственного аппарата по сравнению с аппаратом самых передовых буржуазных республик».

Но если советы—прямое выражение диктатуры пролетариата представляют собой основу и становой хребет всего нашего госаппарата, то в целом ряде даже вновь созданных звеньев нашего соваппарата—отделах исполкомов, наркоматах, управлениях и т. п. еще много остатков старого, перешедшего из дореволюционного аппарата, начиная с методов, навыков и темпов работы, отношения к делу и кончая личным составом. Именно этой части нашего госаппарата В. И. Ленин давал нередко самую мрачную характеристику, часто возвращаясь мыслью и словом к его недостаткам и неустанно твердя о необходимости искоренения их. Эти недостатки привлекали и привлекают к себе так много внимания со стороны партии, советской власти, а также и всей советской общественности. Наш госаппарат нередко болеет теми язвами, которые «заслоняют от трудящихся подлинную природу пролетарского государства», как говорит резолюция XVI партконференции «о борьбе с бюрократизмом», — вызывают недовольство и раздражение масс и мешают делу социалистического строительства. В 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна В. И. Ленин говорил: «Государственный аппарат очень часто работает против нас. Дело было так, что в 1917 г, после того, как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: «Пожалуйста, вернитесь к нам назад». И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем» [1].

В своей статье «Лучше меньше, да лучше», написанной в 1923 г., В. И. выражается по адресу госаппарата еще резче. «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать, отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную—каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое, хотя перевернуто,

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 353.

но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры [1]. Главнейшими язвами госаппарата являются бюрократизм и волокита, на которые часто обрушивался с большой силой В. И. Ленин, но которые до сих пор продолжают стоять в центре внимания партии при рассмотрении вопросов о госаппарате. Нередко эти два понятия—бюрократизм и волокита—отождествляются. Это не совсем правильно. Волокита, рабские «обломовские» темпы работы, затяжка всякого дела на долгие сроки—все это составляет несомненно один из существеннейших элементов бюрократизма, часто наиболее резко бросающийся в глаза и вызывающий наибольшее раздражение трудящихся. Но одной волокитой понятие бюрократизма не исчерпывается. Характерными его чертами являются — бездушное, формальное, «казенное» отношение к делу вообще, когда работники аппарата за бумагой, за формой не видят живого дела, живого человека и его интересов. Бюрократизмом является такое отношение к делу, когда человек, написавший «бумагу», отношение, или записавши в протокол постановление, полагает, что в сущности дело уже закончено, не интересуясь далее, делается ли действительно что-либо по этим бумагам и протоколам и как делается. С подобным отношением к делу тесно связано невнимание к тем живым нуждам, с которыми население принуждено обращаться к госаппарату, когда трудящемуся в ответ на его обращение в госаппарат дается нечто такое, что является «формально правильным, а по сути—издевательством» (Ленин).

В. И. Ленин совершенно правильно указывал, что бюрократизм в нашем госаппарате есть наследие прошлого. Он зарождается и растет вместе с ростом буржуазии и усилением ее влияния на государство еще в эпоху разложения феодального строя—в абсолютном государстве. Абсолютное государство создает более или менее крепкий централизованный государственный аппарат вместо раздробленности власти, характерной для предыдущей стадии феодализма. После буржуазной революции, когда буржуазия создает свое государство и свой государственный аппарат, создаваемое ею чиновничество — бюрократия представляет собою привилегированный слой, стоящий над обществом и рассматривающий себя не как слугу этого общества, а как «начальство», поставленное управлять населением и стоящее над ним. Экономические и политические основы буржуазного общества и государства находят свое отражение и во всем облике и в методах действия этого аппарата. Буржуазному формальному равенству всех перед законом, формальной свободе и т. п. соответствует и формальный, канцелярский, с точки зрения «буквы закона», подход к делу в кадрах судебного, полицейского, финансового и прочего госаппарата буржуазии, т. е. то, что составляет основу бюрократического бездушно-формального разрешения и направления дел.

Таким образом бюрократизм, волокита и прочие болячки нашего госаппарата представляют собою явления, глубоко чуждые

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3. с. 406.

и враждебные природе пролетарского советского государства. Они, как указывал Ленин, в значительной степени являются результатом влияния старого чиновничества и других классово-чуждых элементов и коренятся в нашем безкультурье, бездорожье, раздробленности мелкого крестьянского хозяйства[1], и культурных неустройствах, полученных в наследство от предыдущего строя, и других еще не вполне преодоленных, но преодолимых, и в настоящее время успешно преодолеваемых, экономических условиях.

Но при всех своих недостатках и извращениях, наш госаппарат все же советский, пролетарский в своей основе, аппарат, созданный пролетариатом СССР под руководством партии после Октябрьской революции 1917 г., взамен разбитого вдребезги, разрушенного аппарата царской России и периода Временного правительства.

Поэтому разговоры оппортунистов всех мастей и клевета беспринципного «право-левацкого» блока Сырцова-Ломинадзе о якобы «феодально-барском» пренебрежении со стороны нашего госаппарата по отношению к трудящимся, а также высказывания вроде того, что весь наш аппарат надо сломать, разбить — есть не что иное, как наскоки классово-враждебных элементов на это орудие пролетарской диктатуры.

Рассматривая проблему госаппарата, проблему его улучшения, перестройки и приближения его к задачам социалистического строительства, следует помнить, что понятие госаппарата не может быть сведено к какому-либо одному его элементу, например, только к личному составу или только к системе его построения. Понятие госаппарата включает в себя единство системы учреждений, методов работы и людского состава. Система, методы работы и состав—это те основные стороны и составляющие госаппарат элементы, которые в своем взаимодействии определяют природу госаппарата того или иного классового типа. Только при таком охвате всех сторон проблемы госаппарата можно понять его природу, установить, что именно в нашем советском госаппарате нового, принципиально отличного от старого, дореволюционного госаппарата, и что является наследием этого старого, и таким образом подойти к разрешению вопроса об улучшении и переделке нашего госаппарата.

В нашей литературе по вопросам государства были попытки подсунуть иное понимание проблемы госаппарата, сводя ее только к вопросу о людском составе. К таким попыткам относится, например, сочинение Д. Магеровского: «Государственная власть и государственный аппарат». Сводя все понятия госаппарата только к его личному составу, Магеровский в другом месте утверждает, что из ленинского понимания природы госаппарата «вытекает лозунг: разбить старую государственную машину, т. е. заменить прежний людской состав государственной машины новым». (Разрядка моя.—*Н. Ч.*).

[1] «Чем раздробленнее крестьянство, тем неизбежнее бюрократизм в центре». Заключительное слово по отчету ЦК на X съезде РКП, т. XXVI, с. 232.

Из всего сказанного выше ясно, что подобным толкованием задачи разбития государственной машины буржуазии и замены ее новым пролетарским госаппаратом извращается марксо-ленинское учение о сломе буржуазно-государственной машины. В уже цитированном письме Маркса Кугельману мы читали, что задачей пролетарской и всякой народной, как писал Маркс, революции будет не передача государственной машины из одних рук в другие, а ее разрушение.

Революционное учение Маркса—Ленина о сломе, разбитии старой угнетательской государственной машины, Магеровский подменяет именно передачей этой машины из одних рук в другие. Если бы мы оставили всю старую систему госаппарата и методы его работы и только посадили бы других чиновников на место прежних (как это сделало, между прочим, буржуазное Временное правительство), то спрашивается, было ли бы это революционной ломкой старой угнетательской машины, созданием нового по своему типу и принудительной классовой основе аппарата? Точка зрения Магеровского в сущности ничем или почти ничем не отличается от точки зрения вождей II Интернационала, Каутского и др., когда они стараются уверить пролетариат в возможности перехода власти в руки рабочего класса путем завоевания парламентов и муниципалитетов методами парламентской избирательной борьбы, путем получения большинства в этих парламентах и муниципалитетах.

Поэтому, когда пролетариат строит новый государственный аппарат на месте сломанной старой государственной машины, то он, конечно, не ограничивается только заменой людей, а создает иной, принципиально отличный и по системе построения и по методам работы аппарат советского государства. Правильная постановка вопроса о госаппарате даст возможность правильно подойти к таким, например, задачам, как борьба с бюрократическими извращениями в нем. Бесспорно, что бюрократизму, в лице конкретных носителей этого зла, заслоняющего, как говорит XVI партконференция (резолюция «об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом»), от широких масс трудящихся действительную природу пролетарского государства, должна быть объявлена решительная и беспощадная война. Всякий случай бюрократизма и волокиты должен быть немедленно вскрываем, виновные в них должны быть разоблачены и сурово наказаны. Но полагать, что бюрократические извращения могут быть изжиты только репрессивными мерами или только заменой лиц—было бы неверно. Система взаимоотношения частей внутри одного и того же звена аппарата, различных звеньев и учреждений друг с другом, способы прохождения и разрешения дел, плохая постановка контроля и проверки исполнения, отсутствие ответственности работников аппарата за темпы и качество выполнения работы, самая структура учреждений, квалификация кадров их работников и пр. и пр.—все это создает такую систему зубьев, колес, шестерен, которые, цепляясь друг за друга, могут сделать ход всей машины неповоротливым, недопустимо медленным и

даже вредным для всего дела социалистической перестройки хозяйства и общества.

Поэтому совершенно правильно говорит цитированная выше резолюция XVI партконференции, что «важнейшие задачи, выдвинутые пятилетним планом народного хозяйства... не могут быть решены без действительного улучшения государственного аппарата, без его упрощения и удешевления, без четкого решения каждым звеном государственного аппарата стоящих перед ним задач, без решительного преодоления его косности, волокиты, бюрократического зажима, кампанейской круговой поруки и невнимания к нуждам трудящихся, без самого решительного изгнания из аппарата чиновников, сращивающихся с капиталистическими и кулацкими элементами или неспособных давать отпор попыткам кулацко-нэпманского наступления на пролетариат и извращающих классовую линию, без устранения форм управления, отживших и не удовлетворяющих потребностям советской страны».

За время, истекшее после XVI партконференции (3 года), проделана под руководством партии огромная работа по чистке, улучшению, удешевлению госаппарата, по приближению его к задачам социалистического строительства и достигнуты большие успехи, констатированные еще XVI съездом ВКП(б). Имеющиеся несомненные и большие достижения в деле упрощения, улучшения и удешевления госаппарата, изгнания классово-враждебных, чуждых, разложившихся, обюрократившихся, недобросовестно выполняющих порученную им работу элементов, в деле борьбы с извращениями и искривлениями классовой линии в работе госаппарата, все же не должны заставлять нас «почить на лаврах», успокоиться и полагать, что уже все необходимое для полного приспособления госаппарата к нуждам и задачам социалистического строительства сделано и что наши аппараты уже превращены в гибкие, четко работающие механизмы, застрахованные от всяких прорывов и извращений.

Каждый новый этап переходного периода выдвигает перед всей советской страной, и конечно перед госаппаратом, новые политические задачи, требующие и новых методов их разрешения.

И наш госаппарат должен уметь чутко и быстро реагировать на эти новые задачи и требования, чутко приспособляться к их выполнению, перестраивая свою структуру и отыскивая новые методы работы.

Госаппарат, как показывает опыт нашего строительства и борьбы, часто отстает от этих меняющихся задач и требований, не умеет правильно и своевременно перестроить свою работу и часто идет не впереди событий, а плетется в их хвосте; мы имеем даже ряд случаев прямого извращения генеральной линии партии в отдельных частях госаппарата и попытки заменить ее на том или другом участке линией, отвечающей интересам классово-враждебных нам элементов (Астраханский, Смоленский гнойники, Валдайское дело и пр.).

Причины этого заключаются в том, что период диктатуры пролетариата, как учил Ленин, представляет собою не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в новых формах, доходя на отдельных этапах до своего крайнего обострения.

Эта борьба, развертываясь на всех участках фронта социалистического строительства, не может не получить своего отражения и в госаппарате. Выкорчевывая корни капиталистической экономики, уничтожая причины, порождающие и способствующие появлению и росту классового деления общества, ликвидируя кулачество на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства, пролетариат народов СССР, руководимый партией, встречает бешеное сопротивление своих классовых врагов, которые борются тем отчаяннее, чем более очевидна гибель их как класса. В целях этой борьбы против победоносного наступления социализма на всех фронтах, классовый враг старается пробраться и в госаппарат, используя его для извращения генеральной линии партии и проведения классово-враждебных социализму мероприятий. Учение Ленина о классовой борьбе в переходной период и его чрезвычайно глубокая точка зрения на использование знаний и опыта буржуазных элементов, как на одну из форм классовой борьбы в этот период, были извращены правыми оппортунистами. Они полагали, что после революционной победы пролетариата в Октябре 1917 г., у нас наступает классовый мир и сотрудничество классов. По мнению правых оппортунистов с т. Бухариным во главе, после пролетарской революции классовая борьба затухает, и кулацкие и нэпманские гнезда начинают «врастать в социализм». Бухарин, например, утверждал, что «сила советской власти и прочность ее настолько очевидны, что для буржуазных слоев нашего общества вполне очевидна полная безнадежность всяких попыток повести борьбу против нового строя, активную и острую политическую борьбу» [1].

Бухарин не может не видеть такого факта, что классовая борьба в переходной период не превращается в «гражданский мир» между классами. Но, видя этот факт, он придает ему такое истолкование, которое лишний раз свидетельствует о том, что он не понял ленинского учения о переходном периоде и извратил его. «Правда, пишет Бухарин, то тут, то там классовая борьба в деревне выглядывает в прежних своих проявлениях, причем это обострение вызывается обычно кулацкими элементами... Однако такие случаи бывают обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым» [2]. Признавая наличие классовой борьбы в период строительства социализма, Бухарин почему-то ограничивает ее поле только деревней. Между тем деятельность вредителей в государственных плановых, финансовых, земельных и других органах развертывалась не в деревне, а в самой столице СССР—красной Москве. Бюрократизмом, этим проявлением влияния враждебных пролетариату классовых элементов, болеет не

---

[1] Бухарин. Путь к социализму, с. 49.
[2] Там же, с. 51.

только местный, низовой, деревенский аппарат, а часто и самые центральные органы Союза и союзных республик. И еще большой вопрос—где проявления этого зла сказываются более—в центре или на местах.

Затем, совершенным искажением ленинской установки и извращением фактов является утверждение т. Бухарина, что классовая борьба проявляется там, где наш советский аппарат слаб. Наоборот — где этот аппарат оказывается слабым, не могущим или не умеющим противостоять влиянию и напору кулацко-нэпманских элементов, там эти последние живут в большой дружбе с таким аппаратом и его работниками, проводя через них свою кулацко-нэпманскую линию и сбивая их на путь извращений генеральной линии партии. Достаточно вспомнить процесс астраханских работников, Валдайский случай, тот факт из опыта коллективизации, что ряд сельсоветов, оказавшихся под влиянием кулаков, проводил враждебные социалистической перестройке сельского хозяйства кулацкие тенденции и т. п., чтобы убедиться в справедливости этого положения. Там же, где советский аппарат крепок, где он твердо и четко проводит генеральную линию партии, капиталистические элементы ведут с ним упорную и жестокую борьбу, доходя до террористических актов по отношению к твердо проводящим партийную линию работникам и представителям советской рабоче-крестьянской общественности (рабкорам, селькорам и пр.).

Всякого рода «левацкие» извращения генеральной линии партии также находят свое отражение в нашем госаппарате. Левацкие перегибы, проявлявшиеся, например, в нарушении принципа добровольности при проведении коллективизации сельского хозяйства, и «переадминистрировании» некоторых местных органов, заключавшемся в принудительной организации колхозов, в нажиме на середняка (которого кое-где «раскулачивали»), и даже на бедняка, перескакивании через этапы, проявившемся в попытках административным путем насадить высшую форму коллективного хозяйства — коммуну, минуя артель как основную на данном этапе форму коллективизации, провозглашение отмены денежного обращения уже на данном этапе, попытки перехода к непосредственному продуктообмену и т. д. и т. д. — все это извращения политики партии и учения Ленина — Сталина о путях строительства социализма, имевшие место в госаппарате, и враждебные всем партийным установкам.

Могучим средством борьбы за правильность классовой линии, борьбы с бюрократизмом, волокитой, расхлябанностью и за выполнение шести исторических условий т. Сталина в работе не только хозяйственных органов, но и всего нашего госаппарата, очистки его от всех классово-чуждых элементов является вовлечение широчайших масс трудящихся в контроль над деятельностью госаппарата и в непосредственное участие в его повседневной работе.

Анализируя учение Маркса о построении пролетариатом собственного госаппарата, обогащая и развивая его анализом опыта

революций 1905 г. и февраля 1917 г., Ленин писал: «Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, сами мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней) — вот наша пролетарская задача, вот с чего можно и должно начать при совершении пролетарской революции. Такое начало на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, — порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство, такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надсмотра и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут как особые функции особого слоя людей» [1].

Но можно ли сразу после пролетарской революции упразднить «особый слой людей», занимающихся отправлением государственных функций и сразу же переложить эти функции целиком на плечи трудящихся? Нет, — нельзя. «Об уничтожении чиновничества,—говорит Ленин,—сразу, повсюду, до конца не может быть и речи. Это — утопия. Но разбить сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на-нет всякое чиновничество, — это не утопия, это — опыт коммуны, это — прямая очередная задача революционного пролетариата» [2].

Таким образом В. И. Ленин еще до Октябрьской революции поставил задачу вовлечения рабочего класса и всех трудящихся в управление и превращения госаппарата в аппарат управления «через самих трудящихся», а не только «для трудящихся». Советское государство и представляет собою такую форму массовой организации авангарда трудящихся, которая дает возможность этому авангарду, т. е. рабочему классу, с коммунистической партией во главе, руководить широчайшими массами трудящихся, «втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически» и впервые в истории сделать «приступ к тому, чтобы действительно поголовно население училось управлять и начинало управлять» [3].

Грандиозные и небывалые в истории задачи построения социализма, социалистической перестройки всего народного хозяйства и общества сверху донизу, конечно, могут быть выполнены только силами самих масс под руководством пролетариата и его партии. Выполнить эти задачи и притом выполнить в надлежащий срок, не только не допуская никаких отступлений от генераль-

---

[1] Ленин. Государство и революция, т. XXI, изд. 3, с. 403.
[2] Там же, с. 402.
[3] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 465. (Разрядка Ленина).

ной линии партии, но беспощадно борясь со всеми и всяческими ее искривлениями, одними «аппаратными» методами невозможно. Но как учил В. И. Ленин, «у нас есть» чудесное средство «сразу, одним ударом удесятерить наш государственный аппарат,— средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное средство — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством», и дальше: «К управлению государством в таком духе мы можем сразу привлечь государственный аппарат миллионов в десять, если не в двадцать человек—аппарат, невиданный ни в одном капиталистическом государстве» [1].

Совершенно правильно говорил тов. Сталин: «...буржуазный государственный аппарат стоит над массами, ввиду чего он отделен от населения непроходимым барьером и по самому своему духу чужд народным массам. Между тем как советский государственный аппарат сливается с массами, ибо он не должен и не может стоять над массами, если он хочет сохранить себя именно как советский государственный аппарат, ибо он не может быть чуждым этим массам, если он действительно хочет охватить миллионные массы трудящихся [2]. И дальше: «Советский государственный аппарат в глубоком смысле этого слова состоит из советов плюс миллионные организации всех и всяких партийных и беспартийных объединений, соединяющих советы с глубочайшими «низами», сливающих государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающих шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением» [3].

Осуществление Ленинского завета о поголовном вовлечении всех трудящихся в управление и в обучение этому управлению включает в себя две стороны: а) организацию самих масс, их трудового энтузиазма и опыта в многообразных гибких формах и б) приспособление госаппарата к вовлечению масс в его работу путем рациональной перестройки его структуры, четкого оформления основных составляющих его работу функций, и упрощение последних с тем, чтобы они могли быть выполняемы трудящимися (в первую очередь — рабочими и колхозниками) без отрыва от производства, кроме, конечно, функций, требующих специальной технической (инженерной, агрономической, медицинской, педагогической и т. п.) подготовки. Только проведение обеих сторон этой единой задачи даст действительное разрешение поставленной Лениным и историей задачи полной замены «чиновничества» деятельностью самих трудящихся, поголовного отправления ими функций государственного управления после трудового дня на производстве. Из опыта мы видим, что пока успешно разрешается только первая сторона этой проблемы — организация и привлечение масс к работе нашего госаппарата.

---

[1] Ленин, т. XXI, изд. 3, с. 264—266. (Разрядка Ленина).
[2] Сталин. Вопросы и ответы. Вопросы ленинизма, изд. 1929 г. с. 281.
[3] Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 1929 г., с. 285.

Что же касается второй части задачи, т. е. приспособления самого госаппарата и его функций ко все более и более широкому вовлечению трудящихся, то в этом направлении делается пока еще крайне мало и крайне неудовлетворительно. Нередки даже примеры таких «перестроек» с «рационализацией» отдельных аппаратов, которые затрудняют вовлечение трудящихся в госаппарат без отрыва от производства, например, усложнение функций исполнителей, фактическое уничтожение возможности руководить работой соцсовместителей, обучать их делу и т. п.

«Самое главное теперь, — учил В. И. Ленин,—распроститься с тем буржуазным интеллигентским предрассудком, будто управлять государством могут только особые чиновники»[1]. Эти слова, написанные еще в 1917 г., не только не потеряли своего глубокого значения до сих пор, но приобрели еще большую актуальность в свете задач второй пятилетки. Наш госаппарат как орган диктатуры пролетариата должен обеспечить выполнение этих задач.

В связи с задачей ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, поставленных во второй пятилетке резолюцией XVII партконференции, правооппортунистические элементы выдвигают положение о том, что раз классы ликвидируются, то следовательно государство должно отмереть, а значит нам вообще не к чему так заботиться об улучшении и усилении госаппарата. Подобного рода рассуждения целиком вытекают из правооппортунистической установки на затухание классовой борьбы после победы пролетариата и выявляют полное непонимание правыми оппортунистами диалектики развития диктатуры пролетариата.

На XVI съезде нашей партии т. Сталин, останавливаясь на вопросе об отмирании государства, дал образец революционно-диалектического, марксистско-ленинского подхода к этому вопросу. Он показал, что отмирание государства может пойти только через этап усиления мощи государства диктатуры пролетариата и его аппарата.

Ленин в своей работе «Государство и революция», говоря о пролетарской демократии, писал: «Демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной в пролетарскую, из государства (особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уж не есть собственно государство... раз большинство народа само подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления *уже не нужно*! В этом смысле государство *начинает отмирать*[2].

Таким образом советское государство, как разъяснял неоднократно Ленин, есть уже полугосударство, как организация огромного большинства трудящихся под руководством пролетариата, а не машина в руках эксплоатирующего меньшинства.

«Мы за отмирание государства — говорил т. Сталин на XVI съезде партии — и мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры

---

[1] Ленин. Удержат ли большевики государственную власть, т. XXI, изд. 3, с. 267.

[2] Ленин, т. XXI, изд. 3, с. 398.

пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей.

Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненно и оно целиком отражает марксову диалектику».

Прежде всего не следует забывать, что хотя классы и будут ликвидированы во второй пятилетке, психология, свойственная периоду классового общества, еще не будет окончательно изжита. Элементы классовой борьбы останутся еще и во второй пятилетке и очевидно за ее пределами, временами на отдельных участках даже обостряясь. Кроме того остается еще капиталистическое окружение, сколачивающее блок для уничтожения первого в мире государства диктатуры пролетариата. Таким образом перед нами стоит задача еще большего укрепления мощи пролетарского государства и усиления роли государственного аппарата как рычага строительства социализма, и борьбы с эксплоататорами извне и подавления классовой эксплоататорской идеологии внутри страны у остатков бывших эксплоататорских групп и классов.

В силу этого мы не можем и не должны ослаблять нашей работы по улучшению и укреплению нашего аппарата, безмерно увеличивая его маневренную способность, гибкость, твердость в проведении генеральной линии партии, давая беспощадный отпор всяким попыткам справа и «слева» ослабить и расшатать аппарат пролетарского государства.

Реконструкция госаппарата

А. Алымов и С. Студеникин

I. Проблемы реконструкции госаппарата на пороге второй пятилетки

Всемирно-историческое значение XVII партконференции заключается в том, что она конкретизировала, перевела на практический язык марксо-ленинское учение о доведении классовой борьбы до ликвидации капиталистических элементов, полного уничтожения классов вообще, построения бесклассового общества.

Базой для постановки этой реальной задачи стали поистине гигантские успехи, достигнутые рабочим классом за истекшие 15 лет советской власти под руководством своего испытанного вождя — ВКП(б).

В результате героической борьбы за выполнение и перевыполнение планов первой пятилетки страна советов создала все необходимые условия для того, чтобы во вторую пятилетку завершить реализацию ленинского лозунга, провозглашенного в «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа», лозунга «уничтожения всякой эксплоатации человека человеком».

«Важнейшим итогом социалистического строительства, — как говорит резолюция XVII партконференции, — является окончательный подрыв корней капитализма в деревне, предрешающий полную ликвидацию капиталистических элементов и полное уничтожение классов. Завершение построения фундамента социализма в СССР означает, что ленинский вопрос «кто — кого» решен против капитализма в пользу социализма полностью и бесповоротно и в городе и в деревне».

О том, какими темпами проходило решение ленинской проблемы «кто — кого» в области промышленности — этой основы социализма — лучше всего свидетельствуют темпы выполнения первой пятилетки по линии капитального строительства. Не может быть никакого сравнения наших темпов капитального строительства с ростом капиталовложений в дореволюционное время. В 1913 г. основной капитал всей промышленности царской России достигал всего 4 460 млн. руб. По неполным же данным только за три года первой пятилетки сумма капиталовложений в нашей промышленности превысила 16 млрд. руб. В 1931 г. по одному ВСНХ капиталовложений было 7 млрд. руб., что превосходит вложения 2½ предыдущих лет, взятых вместе, и что почти в два раза превосходит основные капиталы довоенной России.

Истекший 1931 г. явился годом «завершения фундамента социалистической экономики», годом окончательного подрыва капиталистических корней не только в городе,

но и в деревне, годом окончательного решения вопроса «кто — кого» внутри страны.

Героическая борьба рабочего класса и трудящихся масс Советского союза за строительство социализма уже в четвертом году первой пятилетки создала техническую базу для завершения реконструкции всего народного хозяйства. Подготовлено все необходимое к успешному разрешению величайших исторической важности задач, поставленных XVII партконференцией на вторую пятилетку.

Выполнение плана последнего года первой пятилетки должно дать: 1) дальнейшее развитие темпов социалистической индустриализации страны, обеспечивающее в 1932 г. выполнение первой пятилетки в четыре года; 2) завершение в 1932/33 г. сплошной коллективизации и ликвидация на ее основе кулачества как класса; 3) еще более решительное освобождение нашей страны от иностранной зависимости в технико-экономическом отношении.

Вместе с тем мы должны еще больше сделать ударение на решительном улучшении материально-бытового положения трудящихся масс. Партия и правительство в этом направлении сделали и делают не мало. Достаточно указать на то, что в 1932 г. ассигновано по линии городского жилищного строительства — по обобществленному сектору народного хозяйства — свыше 1 940 млн. руб. и на коммунальное хозяйство и благоустройство — 950 млн. р., т. е. больше, чем в два раза против вложений 1931 г.

Только успешное выполнение планов социалистического строительства в четвертом году первой пятилетки создает необходимые условия для осуществления грандиознейших задач, поставленных в решениях XVII партконференции на вторую пятилетку.

Но для выполнения задач, поставленных конференцией, для окончательного уничтожения остатков эксплоататорских классов, для завершения реконструкции всего народного хозяйства необходимо величайшее укрепление всей системы диктатуры пролетариата, всех ее рычагов, укрепление партийного руководства, повышение роли партии как основной направляющей силы в системе диктатуры пролетариата.

Некоторые товарищи считали (и продолжают считать), что дальнейшее наше развитие пойдет не в ожесточенной классовой борьбе, а «плавно», т. е. самотеком, без борьбы. XVII партконференция со всей большевистской четкостью подчеркнула, «что и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки, что вместе с тем подчеркивает неизбежность сохранения, а в некоторых случаях и усиления буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся, неизбежность еще в течение длительного времени проникновения чуждых пролетариату классовых влияний в среду рабочих и даже в партию. Ввиду этого перед партией стоит задача укрепления пролетарской диктатуры и дальнейшего развертывания борьбы с оппортунизмом и особенно с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе».

Следовательно, перед рабочим классом и трудящимися массами Советского союза стоит основная задача дальнейшего укрепления диктатуры пролетариата, дальнейшего повышения боеспособности всех организаций, входящих в ее систему.

Но что значит укрепить диктатуру пролетариата?

Укрепить диктатуру пролетариата, ее государственную форму — советскую власть — это значит:

1. Еще выше поднять роль всех звеньев советского государства как проводников генеральной линии партии, как активных борцов за линию партии против оппортунистов разных мастей и особенно правого уклона как главной опасности на данном этапе.

2. Еще шире вовлечь рабочий класс и широчайшие массы трудящихся в управление государством и организацию производства; усилить связь во всей работе госаппарата с массовыми организациями диктатуры пролетариата, привлекая их к управлению государством и организации производства.

3. Еще более решительно развернуть работу по приведению всей системы госаппарата в соответствие с системой народного хозяйства на новом этапе, подчиняя госаппарат политике, сформулированной в решениях XVII партконференции.

Во время перехода диктатуры пролетариата к новой экономической политике, Ленин со всей ясностью поставил задачу: «аппарат должен быть подчинен политике. Ни к чорту нам великолепнейший компродовский аппарат, если мы не сумеем наладить отношения с крестьянами. Тогда этот великолепнейший аппарат будет служить не нашему классу, а Деникину и Колчаку. Раз политика требует решительной перемены, гибкости, умелого перехода, — руководители должны это понять. Твердый аппарат должен быть годен для всяких маневров. Если же твердость аппарата превращается в закостенелость, мешает поворотам, тогда борьба неизбежна. Поэтому нужно все силы употребить на то, чтобы безусловно добиться своего, добиться полного подчинения аппарата политике» [1].

Переход к нэпу показал, что подчинение аппарата политике в то время проходило по линии коренной и решительной переделки госаппарата. Ленин тогда еще говорил, что «переделок предстоит много и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости)» [2]. Таким образом, Ленин предупреждал против всяких «смущающихся», «непонимающих», против сопротивляющихся и срывающих перестройку госаппарата, подчинения его политике.

Сейчас, в эпоху реконструкции всего народного хозяйства, когда вся политика проходит под знаком развернутого социалистического наступления, на нынешнем этапе со всей силой и остротой вновь встала проблема переделки, реконструкции госаппарата. И опять надо со всей решительностью ударить по всем тем, кто в той или иной форме «смущается», ме-

[1] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 248.
[2] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 81.

шает, или же пренебрежительно относится в величайшей важности задаче улучшения, реконструкции госаппарата.

Тов. Молотов был совершенно прав, когда на 2 сессии ЦИК СССР заявил: «Пора, в самом деле, покончить с самотеком и беспечностью в отношении организации дела в учреждениях. Пора положить конец барски-пренебрежительному отношению к работе по улучшению аппарата управления. Как барски-пренебрежительное отношение, так и мелкобуржуазная недооценка в отношении роли госаппарата не имеют ничего общего с интересами рабочего класса, с выполнением обязанностей коммунистов—руководителей советских и хозяйственных учреждений» [1].

Пренебрежение и недооценка всей значимости вопросов организации госаппарата и его работы, организации подбора людей для госаппарата—все это сильнейшим образом и неизбежно вредит делу укрепления диктатуры пролетариата. Надо не забывать, что организационные вопросы не являются только и исключительно техническими вопросами. Они являются вопросами глубоко политического значения. «Любой политический вопрос может быть организационным, и наоборот...» — говорил Ленин на XI съезде партии. «Нельзя механически отделять политическое от организационного. Политика ведется через людей, а если будут писать бумажки другие люди, то ничего не выйдет... Отделять организационные вопросы от политики нельзя. Политика — это концентрированная экономика» [2].

Таким образом, между организацией, политикой и экономикой ни в какой мере нельзя ставить китайской стены. Это, конечно, не тождество, а органически связанное единство: одно переходит в другое.

Вопросы организации в пролетарской революции всегда занимали одно из первых мест. Больше того, Ленин на VIII съезде партии прямо заявил, что «главная задача пролетарской революции—это именно организационная задача».

Правда, надо всегда различать действительную организацию от «организации». Ко всякой организационной проблеме надо подходить с величайшей продуманностью, не допуская никакого прожектерства, равно как и беспечности к этим главнейшим вопросам. «Надо взять за правило: «лучше числом поменьше, да качеством повыше» (Ленин). В соответствии с этой ленинской установкой в резолюции XII партсъезда говорится: «Задача радикальной переделки и систематического улучшения всего госаппарата впервые теперь после полного окончания гражданской войны может быть поставлена партией на очередь как первостепенная задача, которая будет выполнена лишь в течение ряда лет и лишь при величайшей осторожности и продуманности предпринимаемых мер реорганизации». Ленин всегда указывал на эту продуманность;

---

[1] В. Молотов. О выполнении первой пятилетки, Партиздат, 1931 г., с. 39

[2] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 261.

точно также он решительно выступал против беспечно относящихся к организационным вопросам.

В борьбе за реконструкцию госаппарата надо всегда иметь в виду две опасности: во-первых, «комчванство», всезнайство («все нипочем»), прожектерство, и, во-вторых, правооппортунистический самотек, результатом чего может явиться стихийное «самодвижение», «саморазвитие» элементов организации госаппарата [1].

Каковы источники этих извращений в деле реконструкции госаппарата?

Несомненно, что факты извращения политики партии являются определенным отражением классовой борьбы в стране. «Левацкие» и правооппортунистические «теорийки» являются прямым отображением напора классово-враждебных сил на диктатуру пролетариата.

Мы должны быть во всеоружии для того, чтобы дать отпор, разгромить те или иные попытки извращения политики партии, в частности попытки ослабления, внесения организационных неполадок в аппарат государства диктатуры пролетариата. Быть же во всеоружии — это значит, прежде всего, глубоко, политически правильно, понимать принципы организационных основ, на которых построен госаппарат диктатуры пролетариата. Надо твердо усвоить, что всякий госаппарат «устроен по образу и подобию господствующего класса» (Ленин). Перестроить, переделать, вести борьбу за реконструкцию госаппарата на том или ином этапе развития диктатуры пролетариата можно с успехом только при условии полного и точного усвоения организационных принципов этого госаппарата.

О том, что всякий госаппарат устроен по образу и подобию господствующего класса, можно убедиться и на примере организации буржуазного госаппарата и его современной «перестройки».

Что такое буржуазный государственный аппарат?

Это — фискально-полицейская бюрократически-централизованная машина, которая наилучшим способом обеспечивает господство кучки эксплоататоров над огромными массами эксплоатирумого большинства, эта машина, будучи оторвана от трудящихся масс, стоящая над ними, замкнутая в свои «формальные» задачи, как раз и является наиболее оптимальной системой

---

[1] Образцом стихийной правооппортунистической организации аппарата является «рационализация» НКПС, аппарат которого т. Андреевым был охарактеризован следующим образом: «Аппараты создавались самотеком. Отсутствует организационная четкость построения аппаратов и точное разграничение функций и обязанностей между учреждениями и между ответственными исполнителями... Полностью отсутствовал учет работы аппарата в целом и отдельных ответственных исполнителей. Также отсутствовал контроль и проверка исполнения в оперативных центральных управлениях НКПС. Бесконтрольный рост аппарата привел к тому, что в НКПС не было ни точного учета, ни числа центральных учреждений НКПС, ни штатных контингентов, ни наличных работников. Точные данные были установлены только в ходе работы по сокращению штатов НКПС». Такая характеристика аппарата НКПС является ярчайшим выражением самотека, беспечности, наплевательского отношения к такому огромному вопросу, как правильная организация госаппарата.

управления буржуазного государства. «Для бюрократа, — как говорят Маркс и Энгельс, — мир есть лишь объект его деятельности». Объектом деятельности буржуазного госаппарата является подавление эксплоатируемых классов, является укрепление господства финансовой олигархии [1].

Опыт Парижской коммуны, опыт Октябрьской революции не только показали, но и доказали то основное положение марксизма, что пролетариат не может просто овладеть буржуазной государственной машиной. Пролетариат ее разрушает и создает новый государственный аппарат, построенный по «образу и подобию» нового господствующего класса — пролетариата.

«Советы, — говорил Ленин, — представляют собою новый тип государственного аппарата». Советский государственный аппарат глубоко отличен от госаппарата диктатуры буржуазии и он построен на новых организационных принципах, свойственных именно только госаппарату диктатуры пролетариата [2].

Пролетарское государство, в отличие от всех предшествующих государств, является последним типом государства, отмирающим полугосударством. Только пролетарское государство способно осуществить тот «акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества, — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним са-

---

[1] Нельзя сказать, что буржуазно-бюрократическая государственная машина является чем-то неподвижным, застывшим. Нет, там тоже происходят сдвиги, там тоже происходит «реконструкция» реформы.

Американский административист Уайт Лонард в своей книге «Введение в изучение государственного управления» дает богатейший материал, рисующий основную линию, основное направление «реформации» буржуазного госаппарата. Какова эта линия, каковы главнейшие проблемы «улучшения» буржуазного госаппарата «на современном этапе»?

Уайт прямо и отчетливо определяет эту линию как дальнейшую, еще более завинченную централизацию буржуазного госаппарата, что, по его мнению, как раз и является решающим в деле укрепления диктатуры буржуазии. Довольно интересна та аргументация в пользу централизации, которой оперирует Уайт. Он говорит, что централизация создает больше возможностей для специализации, расширяя кругозор; при централизации местные управления обслуживают более компетентные работники; во-вторых, если у местных работников, в результате централизации, инициатива понижается, то зато «стимулируются (?!) мысль и действие»; в-третьих, достигается «единообразие работы» всего госаппарата (так необходимое для осуществления фашистской диктатуры); в-четвертых, централизация помогает целесообразному изменению административно-территориальных границ; в-пятых, централизация обеспечивает целесообразные формы контроля. И отсюда Уайт приходит к тому простому выводу, что централизация это есть «наилучшее достижение общественных целей и идеалов». О целях и идеалах какого класса Уайт, конечно, не говорит, но для нас совершенно понятно, чьи цели и идеалы защищает буржуазный государствовед наиболее мощной капиталистической страны—США—Уайт Лонард.

[2] В статье «О двоевластии» Ленин охарактеризовал сущность организационных принципов государства диктатуры пролетариата, пролетарского типа госаппарата. Он установил три признака такого госаппарата, созданного впервые Парижской коммуной: 1) «источник власти—не закон», а «прямой почин масс снизу»; 2) охрана государственного порядка самим «вооруженным народом»; 3) выборность и сменяемость «чиновников» (см. т. XX, изд. 3, с. 94—95).

мостоятельным действием в качестве государства... Вместо управления лицами организуется управление вещами и процессами производства»[1].

В квази-марксистской литературе, а особенно в писаниях ревизионистов, оппортунистов, искажавших марксизм, мы не мало находим «недоумений» по вопросу о переходе от «управления людьми к управлению вещами». Марксизм-ленинизм учит, что этот переход не есть «скачек в неизвестность», «прыжок», не есть единовременный акт, а он является таким же длительным процессом, как и вся пролетарская революция, выполняющая основную историческую миссию—окончательной ликвидации капиталистических, частнособственнических отношений и построение социалистического общества.

Пролетарское государство в отличие от всех предшествовавших государств является аппаратом управления и людьми и вещами. И это положение следует особо подчеркнуть. В самом деле, разве обладает какое-нибудь государство кроме пролетарского такими (и в таком объеме) «командными высотами», как-то: промышленность, земля, транспорт, банки, мощная товаропроводящая сеть и т. д.? Госаппарат диктатуры пролетариата не только регулирует, не только вырабатывает «общие нормы» экономической жизни государства, но и непосредственно управляет «вещами».

В отличие от первого государства диктатуры пролетариата — Парижской коммуны, — которая не сумела (не успела) захватить и организовать свои собственные командные высоты, советская власть и захватила, и организовала, и неизмеримо выше подняла экономическое, материальное, вещественное наследие, полученное от предшествовавшего строя. В этом заключается один из существеннейших признаков государства, его аппарата эпохи диктатуры пролетариата. И этот же признак естественно не может не лечь в основу организационных принципов построения самого советского государственного аппарата.

Стихийно складывавшаяся и развивавшаяся практическая программа деятельности Парижской коммуны говорит о том, что коммунары 1871 г. стали на путь овладения «командными высотами». И только версальские палачи, подавившие героическую гвардию коммунаров, прервали осуществление этой экономической программы. Советская власть, являясь формой государства диктатуры пролетариата, развила, завершила, подняла на неизмеримо более высокую ступень те основные организационные, политические, экономические принципы, которые были заложены в эпоху первой диктатуры пролетариата—Парижской коммуны.

Осуществление, дальнейшее развитие и завершение принципов Парижской коммуны составляет первую особенность советской власти как формы диктатуры пролетариата. «Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением»[2].

---

[1] Энгельс. «Анти-Дюринг», изд. 5, с. 266.

[2] Сталин. Вопросы ленинизма, с. 44.

Как известно, «одной из основных, важнейших причин поражения Парижской коммуны было отсутствие крепкой, сплоченной, классовой партии, с ясно намеченными революционно-социалистическими задачами... Во Франции того периода были отдельные группы бланкистов, отдельные представители старого якобинизма и сторонники I Интернационала, но единой партии, сплоченной, спаянной внутренней принципиальной и организационной дисциплиной, не было» [1].

Наши советы, в отличие от Парижской коммуны, имеют крепкое, проверенное и испытанное в боях руководство со стороны большевистской партии. Наличие такого партийного руководства и составляет вторую особенность советов как формы диктатуры пролетариата. Ибо «руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата, если иметь в виду сколько-нибудь прочную и полную диктатуру, а не такую, какой была, например, Парижская коммуна, представлявшая диктатуру неполную и непрочную» [2].

Что же положено в основу организации нового, пролетарского типа госаппарата?

Маркс, анализируя опыт Парижской коммуны, писал: «В кратком очерке национальной организации, который Коммуна не успела подробно разработать, прямо говорится, что коммуна должна стать политической формой самых маленьких деревушек и что постоянное войско должно быть заменено в сельских округах народной милицией, с самым кратким сроком службы. Собрание уполномоченных, заседающих в главном городе округа, должно было заведывать общими делами всех сельских общин каждого округа, а эти окружные собрания, в свою очередь, должны были посылать уполномоченных в национальное собрание, заседающее в Париже; уполномоченные должны были строго придерживаться инструкции своих избирателей и могли быть сменены во всякое время. Немногие, но важные функции, оставшиеся еще у центрального правительства, должны были быть не уничтожены, как ложно говорили враги Коммуны, а лишь переданы коммунальным чиновникам, т. е. таким, которые были бы строго ответственны. Коммунальное устройство не разрушало, а, напротив, организовывало единство наций; это единство должно было превратиться в нечто действительное с уничтожением государственной власти, считавшей себя воплощением этого единства, желавшей быть выше нации и независимой от нее, хотя на деле она была только паразитом на организме нации» [3].

Основоположник современного ревизионизма Бернштейн, извращая марксову схему организации «единства нации» в своих «Предпосылках социализма», превратил Маркса в заурядного анархиста-прудониста, приписав ему отрицание централизации.

---

[1] Каганович. Партия и советы, с. 10.
[2] Сталин. Вопросы ленинизма, с. 260.
[3] Маркс. Гражданская война во Франции. М., изд. 1931 г., с. 50.

Ленин, восстанавливая марксово учение, формулирует основной принцип организации пролетарского госаппарата как принцип «демократического централизма»[1].

Демократический централизм противопоставляется Лениным «буржуазному, военному, чиновничьему» бюрократическому централизму. Но демократический централизм советского госаппарата не является местничеством, характерным для мелкобуржуазного анархизма и из сущности которого собственно местничество и «вытекает принципиально» (Ленин).

Разоблачая новожизненца (в 1930 г. известного вредителя) Базарова, Ленин говорил: «доказывать большевикам, централистам по убеждению и по программе и на тактике всей своей партии, необходимость централизма, значит, поистине, ломиться в открытую дверь»[2].

Какой же централизм осуществляется «убежденными централистами» — большевиками?

Устав большевистской партии в разделе (III) «об организационном строении партии» говорит:

«Руководящим принципом организационного строения партии является демократический централизм (п. 12). Партия строится на основах демократического централизма, по территориальному признаку: организация, обслуживающая какой-либо район, считается высшей по отношению ко всем организациям, обслуживающим части данного района (п. 13). Все партийные организации автономны в решении местных вопросов (п. 14).

Устав Коминтерна — следующим образом характеризует сущность демократического централизма, являющегося основой построения большевистских организаций:

«Коммунистический Интернационал и его секции строятся на началах демократического централизма, основными принципами которого являются: а) выборность всех руководящих органов партии как низших, так и высших (общими собраниями членов партии, конференциями, съездами и конгрессами); б) периодическая отчетность партийных органов перед своими избирателями; в) обязательность решений высших партийных органов для низших, строгая партийная дисциплина и безотлагательное исполнение постановлений Коммунистического Интернационала, его органов и руководящих партийных центров».

Этот принцип, являющийся одним из основных организационных принципов большевизма, тем характерен, что он наилучшим образом сочетает инициативу и текущую оперативную самостоятельность мест, с сохранением твердого руководства за центром.

В резолюции, внесенной большевистской фракцией на четвертом Стокгольмском (объединительном) съезде партии, говорится, что «принцип демократического централизма в партии является в настоящее время общепризнанным». Общее признание этот прин-

---

[1] Ленин, т. XXI, изд. 3, с. 404—406.
[2] Ленин, т. XXI, изд. 3, с. 268.

цип получил и по всей системе «приводов», «рычагов» от партии к массам, в том числе и в советах.

Ленин указывал, что партия, являющаяся основной направляющей силой диктатуры пролетариата, строит и свою организацию и свои приводы «по единому большевистскому принципу». Демократический централизм — основной руководящий принцип организационного строения партии точно так же является руководящим принципом и для советов.

Однако этот принцип не механически переносится в госаппарат, а диалектически в нем претворяется.

В осуществлении этого принципа мы находим яркое подтверждение тех двух особенностей советов, о которых говорилось выше: развитие «признаков» Парижской коммуны и роль «привода» от партии к массам, «рычага», построенного «по единому большевистскому принципу» (Ленин).

В многонациональном пролетарском государстве осуществление марксо-ленинской национальной политики находит свое выражение — в государственном устройстве — в форме советской федерации. Советский федерализм, положенный в основу организации аппарата нашего государства, разумеется ни в какой мере не противоречит осуществлению принципа демократического централизма.

Советский союз — есть союз народов, строящих социализм. Только полное построение социализма во всем мире приведет к отмиранию и слиянию всех наций в одну общую социалистическую культуру. Период же диктатуры пролетариата есть период полного расцвета национальных по форме и социалистических по содержанию культур, есть период подготовки отмирания, слияния воедино всей наций. Этот путь отмирания наций, слияния их в общую коммунистическую семью в области государственного устройства находит свое организационное выражение в советской федерации. Ленин говорил, что «переходной формой к полному единству трудящихся разных наций является федерация». Советская федерация есть путь к полному слиянию наций, есть путь отмирания национально-обособленного существования отдельных народностей. «Наконец, само строение советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью» — так определяет причины образования СССР декларация об образовании Союза советских социалистических республик.

Подчеркивая основное отличие организационных принципов построения буржуазного госаппарата (бюрократический централизм) и пролетарского типа госаппарата (демократический централизм), нельзя останавливаться только на голом их противопоставлении. Конкретная жизнь гораздо богаче всех и всяких абстрактных истин. Говоря о таком конкретном пролетарском государстве, Ленин указывал, что наше государство есть рабочее, но с бюрократическими извращениями.

Почему Ленин имеющийся и еще неизжитый бюрократизм в нашем советском государственном аппарате называл именно «извращениями»?

Контрреволюционный троцкизм, отрицавший пролетарскую сущность советского госаппарата, считал, например, что бюрократизм внутренне ему присущ. Троцкий выводил бюрократизм советского госаппарата из необходимости создания и поддержания государственного аппарата, который «принудительно сочетал бы интересы пролетариата и крестьянства».

XV партийный съезд по этому поводу в своей резолюции сказал:

«Коренной ошибкой оппозиции является непонимание того, что наш государственный аппарат, несмотря на все его недостатки и бюрократические извращения, несмотря на его нынешнюю чрезмерную дороговизну, является высшим типом управления по сравнению с буржуазной демократией, как аппарат управления нового господствующего класса — рабочего класса, осуществляющего свою власть в союзе с крестьянством... Бюрократизм в буржуазном обществе как выражение классового господства — капиталистов, может быть ликвидирован только путем уничтожения государственного аппарата буржуазии, а в нашем государстве бюрократизм, частично возродившийся и существующий вопреки классовой природе советского государства, как результат экономической и культурной отсталости, может быть ликвидирован путем укрепления нашего государства и подъема его на высшую ступень культуры» [1].

Бюрократическая, как говорил Ленин, «болячка» на теле государственного советского аппарата является не чем иным, как «родимым пятном», оставшимся от предшествующего общества. Это такое же «родимое пятно», о котором говорил Маркс, давая характеристику социалистического общества («первой фазе коммунизма»), как «о коммунистическом обществе, которое не развивалось на собственных своих основаниях, а только что вышло, наоборот, из капиталистического общества,—об обществе, носящем поэтому во всех отношениях—экономическом, моральном и умственном—резкий отпечаток отличительных свойств старого общества, из недр которого оно появилось на свет» [2].

Нужно быть или совершенно слепым или ничего не видеть из-за оппортунистических шор, чтобы отождествить пролетарский советский государственный аппарат с теми бюрократическими «родимыми пятнами», которые он еще несет на себе. Правда, в рядах нашей партии и в специальной советской литературе мы встречались неоднократно с негодными попытками рассматривать советский госаппарат как сплошное «родимое пятно», отрицая тем самым пролетарскую его сущность.

Характерно отметить, что в такой оценке советского государственного аппарата сходились как «левые», так и правые оппорту-

---

[1] XV партсъезд. Стенографический отчет, с. 1288.
[2] К. Маркс. Критика Готской программы, изд. 1919 г., с. 15.

нисты, которые в частности так причудливо переплелись в право-«левацком» блоке, разоблаченном и разгромленном партией в 1930 г.

Демократический централизм советского госаппарата оппортунистами подменялся бюрократическим, буржуазным централизмом и в этом свете рассматривались те основные организационные принципы, на которых построен советский государственный аппарат.

Оппортунистические извращения демократического централизма отличаются еще и тем, что самый демократический централизм, как правило, рассматривается ими с точки зрения узкой технико-организационной проблемы. Извращения идут по линии якобы чисто организационных вопросов в техническом смысле этого слова. На самом же деле *нельзя отрывать организационную форму от того содержания, которое она опосредствует*. Нельзя отрывать принцип демократического централизма, как один из организационных принципов большевизма, как «руководящий принцип построения» органов системы диктатуры пролетариата, от самой сущности этой системы.

Партия решительно разгромила как «лево», так и правооппортунистические уклоны. Партия не позволила и никому не позволит ревизовать основы диктатуры пролетариата. В решениях съездов партии, конференций, ЦК и ЦКК партия дала основные установки по вопросам организации государства диктатуры пролетариата — по вопросам конкретного осуществления принципа демократического централизма.

Было бы большой ошибкой рассматривать принцип демократического централизма абстрактно («вообще») без конкретизации его осуществления, *на том или ином этапе развития* пролетарской революции. Принцип демократического централизма тем и характерен, что формы его проявления соответствовали и должны соответствовать данному конкретному этапу.

Первый период пролетарской диктатуры, названный Лениным как «триумфальное шествие советской власти», характеризовался тем, что местные советы захватывали власть, разрушали буржуазную государственную машину. Но эта борьба, проходившая на раннем этапе под лозунгом «вся власть на местах», не была и не могла быть анархо-эсеровским местничеством. Местные советы захватывали власть и в то же время делали все возможное для того, чтобы *связаться с большевистским центром*, для того, чтобы внести единообразие во весь процесс пролетарской революции. Тем самым нельзя по-сапроновски рассматривать этот этап как осуществление только власти на местах, как отрицание всякого централизма, всякой централизации. Стихийный демократизм первого периода советской власти и был потому *советским* демократизмом, что он был демократическим централизмом.

Точно так же нельзя по-децистски рассматривать эпоху военного коммунизма как эпоху исключительного главкизма, как эпоху сплошного зажима, как эпоху «управления столбиками» (Осинский). Для всякого ясно, что мы не разбили бы ни белогвардейцев,

ни им помогавшие армии 14 союзных государств, если бы советская власть не опиралась на самые широкие массы трудящихся страны. Ленин в «Детской болезни левизны», написанной в 1920 году, особенно подчеркивал советский демократизм именно эпохи военного коммунизма: массовые и многочисленные съезды, конференции, собрания, совещания и т. д. и т. п. Мы несомненно были бы разбиты, если бы держались на голом принуждении, на голом главкизме, на голой централизации. Мы были бы несомненно разбиты, если бы самые широкие массы рабочих и крестьян не проявляли бы высокой политической активности и инициативы, если бы массовые организации в центре и особенно на местах не организовали защиты революции, если бы в эпоху военного коммунизма нами не осуществлялся бы принцип демократического централизма.

Но особенностью военного коммунизма является то, что мы тогда перешли к «действиям по-военному и в области экономической» (Ленин). Еще декретом ВЦИК от 3 ноября 1918 года Советская Россия была объявлена «военным лагерем». Мобилизация всех сил, средств и ресурсов, строжайшая, жесточайшая дисциплина в их распределении и использовании — было основным условием борьбы с интервенцией. Эта централизация сказалась (и не могла не сказаться) на жизни массовых организаций. Массовая работа была «сужена», советы зачастую «подменялись» исполкомами и президиумами последних. Массовая работа именно была сужена, но не свернута. Массовые организации вели работу и ее плодом явилась победа над «тремя походами Антанты» (Сталин).

Поэтому эпоху военного коммунизма нельзя считать эпохой «отмены» демократического централизма, эпохой только централизма. Такая однобокая трактовка осуществления демократического централизма в период военного коммунизма чревата той же политической ошибкой, как и трактовка союза рабочих и крестьян на том же этапе, исключительно в виде «военно-политического союза», совершенно забывая, что этот союз «не мог бы держаться и несколько недель без известного экономического союза названных классов» (Ленин).

Как осуществлялся принцип демократического централизма на следующем этапе революции — в первом периоде нэпа?

Правые оппортунисты рассматривают нэп как «свободное, беспрепятственное развертывание потенциальных экономических сил». Только оппортунисты признавали нэп как сплошное отступление, а не как форму переделки «России нэповской в Россию социалистическую». Точно также правооппортунистической была бы трактовка осуществления демократического централизма в эпоху нэпа как исключительной децентрализации, совершенно игнорируя процессы «социалистической централизации» (IX съезд партии).

Восстановительный период нэпа тем характерен в осуществлении принципа демократического централизма, что наряду с децентрализацией оперативной деятельности складывался, рос и развивался процесс централизации п л а н о в о г о руководства.

Децентрализация оперативной деятельности и централизация планового руководства получили выражение в следующую эпоху нэпа — в реконструктивный период. XVI партконференция (утвердившая первую пятилетку) поставила как основную задачу в области организации всего госаппарата в реконструктивном периоде «децентрализацию оперативных функций при одновременной централизации планирования и руководства в основных вопросах, по линии создания условий, обеспечивающих как разработку твердых и своевременных планов, так и их полное выполнение» [1].

Реконструктивный период поставил со всей остротой вопросы переделки, реконструкции госаппарата, «приведения системы управления в соответствие с системой нашего хозяйства и требованиями социалистического строительства» (XVI партийная конференция). Основная установка реконструкции государственного аппарата — децентрализация оперативных функций и централизация планового руководства — получила свое дальнейшее подтверждение и развитие в неоднократных решениях партии.

XVI партийный съезд с особой силой подчеркнул, что советский государственный аппарат на современном этапе еще «недостаточно использует преимущество социалистической системы для хозяйственного и культурного строительства» [2]. Съезд в своих решениях указал на необходимость продолжения решительной переделки и упрощения госаппарата. Все, что мешает максимальнейшему использованию преимуществ социалистической системы, все, что мешает и сковывает инициативу широких масс и их организаций, должно быть как ненужное отсечено, отброшено, ликвидировано. В решениях XVI съезда сказано: «Съезд поручает ЦКК—НК РКИ провести решительную ликвидацию учреждений и форм управления, как не критически заимствованных у капитализма, так хотя и имевших значение в первые годы советской власти, но потерявших смысл в условиях преобладания социалистических элементов в экономике страны (множественность налогов и тарифов, акционерные общества и т. д.) Необходима столь же беспощадная борьба с нагромождением множества дублирующих и излишних учреждений и отсечения параллельных и ставших на новом этапе излишними звеньев аппарата» [3].

В решениях XVI партийной конференции и XVI партийного съезда указано основное направление переделки госаппарата в реконструктивном периоде. Принцип демократического централизма, получивший свое ярчайшее выражение в децентрализации оперативных функций и централизации планового руководства, поднят на еще более высокую ступень. Для его осуществления на новом этапе мы не должны останавливаться ни перед решительной переделкой, ни перед решительной ликвидацией как позаимствованных, так и отживших форм.

---

[1] XVI партконференция. Стенографический отчет, с. 310.
[2] XVI партсъезд. Стенографический отчет, с. 719.
[3] XVI партсъезд. Стенографический отчет, с. 719.

Наконец, со всей яркостью и четкостью принцип демократического централизма конкретизирован в двух речах т. Сталина перед хозяйственниками. Тов. Сталин в этих речах дал развернутую программу того, каким образом, в каком направлении, какими методами и на основе каких установок нужно переделывать, перестраивать, реконструировать наш советский госаппарат на современном этапе — «в новой обстановке».

Говоря об использовании преимуществ советской системы хозяйства т. Сталин в первой речи — 4 февраля 1931 г. — со всей остротой поставил вопрос о соотношении объекта и субъекта в нашем управлении.

Тов. Сталин говорил:

«Были ли у нас в прошлом году «объективные» возможности для полного выполнения плана? Да, были. Неоспоримые факты свидетельствуют об этом. Эти факты состоят в том, что в марте и апреле прошлого года промышленность дала прирост продукции на 31% в сравнении с предыдущим годом. Почему же, спрашивается, мы не выполнили плана за весь год? Что помешало, чего нехватало? Нехватило умения использовать имеющиеся возможности. Нехватило умения правильно руководить заводами, фабриками, шахтами»[1].

Тов. Сталин в этой речи поставил задачу овладения техникой, что является условием использования всех возможностей, заложенных в социалистической системе. Мало хотеть, надо еще и уметь для того, чтобы возможность превратить в действительность, чтобы научиться в реконструктивном периоде действительно работать по-новому, действительно руководить по-новому. А, следовательно, в соответствии с этим по-новому строить, организовывать наш советский госаппарат, по-новому осуществлять принципы демократического централизма.

Об этих условиях работы по-новому, руководства по-новому, т. Сталин особенно подробно останавливался в своей исторической речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.

Шесть исторических условий т. Сталина «работы по-новому» и условий «руководства по-новому» имеют величайшее значение для всей перестройки государственного аппарата на современном этапе. Правда, находились «умники», которые пытались было утверждать, что шесть условий применимы только в промышленности, но не в госаппарате, или же если и применимы, то не все, а частично. Хотя условия работы промышленности (управление преимущественно вещами и процессами производства) и отличаются от условий работы аппарата управления (управление преимущественно людьми), но между ними никакой китайской стены не лежит. Хозяйственный аппарат — часть госаппарата. Аппарат же управления включает в себя и функцию планирования и организации производства. Отсюда становится ясным оппортунизм «теории» о «неприменимости» шести условий в госаппарате.

[1] И. Сталин. О задачах хозяйственников, с. 4.

В самом деле, рассмотрим каждое из условий в применении к госаппарату.

ПЕРВОЕ: разве в условиях ликвидированной безработицы перед госаппаратом не стоит задача решительного отказа от самотека в наборе рабочей силы? Перед госаппаратом встала во весь рост задача организованного привлечения работников аппарата: расширение вовлечения масс в управление, в частности, соцсовместительство, подготовка и выдвижение новых кадров и т. п. Наконец, за последнее время в работу госаппарата более широко стала внедряться механизация «трудоемких» функций (в частности, счетных) и дальнейшее ее расширение является очередной задачей.

ВТОРОЕ: текучесть состава, уравниловка в заработной плате, плохая организация последней, недостаточное удовлетворение культурно-бытовых нужд — бич не только в промышленности, но и в госаппарате. В особенности следует отметить вопросы заработной платы. Советский работник не чиновник, не «человек 20 числа»; но установившаяся уравниловка, недиференцированность заработной платы, плохая нормированность труда крепко бьют по госаппарату. Повременно-окладная оплата, с разницей только по поясам, явно себя изжила. Надо много поработать, чтобы внести во все это коренные изменения. При этом твердо помнить, что лозунг оплата за количество и качество труда применим и в госаппарате.

ТРЕТЬЕ: организация труда в госаппарате не составляла нашего особенно сильного места. Обезличка, «отсутствие всякой ответственности за порученную работу» во многих местах свили себе прочное гнездо. Спрятаться за комиссию, бюро, совещание и т. д. и т. п., уклонения от ответственности — черта еще многих советских работников. «Правильно расставить силы», «улучшить организацию труда», «ликвидировать обезличку» — вот конкретные задачи, поставленные перед госаппаратом. В частности, система ответственных исполнителей, о которых специально говорится в резолюции XVI партконференции, уже давно должна быть завершена.

ЧЕТВЕРТОЕ: проблема создания своей собственной интеллигенции, «способной понять политику рабочего класса нашей страны, способной усвоить эту политику, готовой осуществить ее на совесть» — эта проблема стоит остро не только в отношении инженерно-технических командных сил. Область управления — сугубо политическая. Здесь «аполитичность» (под какой маркой пытался не так давно скрыться не один саботажник), беспечность к вылазкам классового врага и его оппортунистической агентуры особо вредны. В отношении аппарата собственно управления мы не можем ограничиться только той сетью учебных заведений по советскому строительству (1 ИКП и 6 вузов), какую мы имеем на сегодня. Надо расширить контингент стационарных учебных заведений (увеличить и число последних) и особенно двинуть заочное обучение, рассчитанное не на сотни и тысячи, а на миллионы.

ПЯТОЕ: создание новой интеллигенции из рабочего класса не снимает вопроса об использовании старой интеллигенции, унаследованной нами от предыдущего строя. Эту интеллигенцию мы должны использовать до конца, всемерно поощрять решительно повернувшуюся к нам, активно участвующую в строительстве социализма; и беспощадно пресекать всякие попытки сеять, внедрять чиновничью, бюрократическую систему управления, чуждую классовой природе пролетарского государства, — таковы наши задачи. Весь гвоздь вопроса использования старой интеллигенции заключается в такой ее расстановке, которая дала бы максимальную эффективность от тех фактических знаний техники управления, которыми обладает эта старая интеллигенция. Особо следует подчеркнуть при этом ту мысль Сталина, что «спецеедство» всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением.

ШЕСТОЕ: наконец, вопрос о хозрасчете. Было бы неверным шестое условие относить только к производству и к хозаппарату. О чем идет речь в шестом условии т. Сталина? «Речь идет об источниках накопления для промышленности, для народного хозяйства, об усилении темпов этого накопления» (Сталин). А разве режим экономии в госаппарате, его удешевление путем снижения управленческих расходов, путем экономии посредством рационализации и т. п. мер и способов — разве все это не является колоссальнейшим источником внутренних ресурсов, подлежащих немедленной и решительной мобилизации и переброске в систему народного хозяйства? Ленин неоднократно говорил о необходимости добиться «строжайшей экономии» в аппарате управления. XV партсъезд принял специальное решение о снижении (на 20%) управленческих расходов. Центральные партийные и советские органы неоднократно прибегали к хирургическому сокращению непомерно разбухших штатов. Наконец, за последнее время особо большую роль стала играть экономия от рационализации в госаппарате.

Так обстоит дело с возможностью реализации шести исторических условий «работы по-новому» в госаппарате. Дело теперь за самими работниками госаппарата превратить эту возможность в реальную действительность.

Но кроме шести условий «работы по-новому» т. Сталин в той же речи выдвинул и вытекающие из этих шести условий «условия руководства по-новому». В этой части никто не может уже высказывать каких бы то ни было «сомнений» о «переносимости» условий промышленности в аппарат управления.

Ленинское правило полного подчинения аппарата политике не может быть осуществлено без уяснения самой политики, данного ее этапа. И только на этой основе возможна реконструкция, переделка аппарата, перестройка его работы. Отсюда становится понятным первое условие руководства по-новому: «чтобы наши руководители поняли новую обстановку, изучили конкретно новые условия развития и перестроили свою работу сообразно с требованиями новой обстановки» (Сталин).

Второе условие руководства по-новому—это «чтобы наши руководители руководили не «вообще», не «с воздуха», а конкретно, предметно, чтобы они подходили к каждому вопросу не с точки зрения болтовни, а строго деловым образом, чтобы они не ограничивались бумажной отпиской или общими фразами и лозунгами, а входили в технику дела, вникали в «мелочи», ибо из «мелочей» строятся теперь великие дела» (Сталин). В этих словах целая программа перестройки самой системы руководства. Конкретно руководить — основной лозунг дня. При этом следует четко помнить, что «конкретное руководство и проверка исполнения — две стороны одного и того же дела» (Молотов). В самом деле, только дав конкретное, предметное, ясное, обусловленное сроками и исполнителями задание, можно его проверить не только после срока исполнения, но и в процессе исполнения, а проверив (на месте), можно дать коррективы и новые задания.

Переход к конкретному руководству и конкретной проверке исполнения невозможен при громоздкости, чрезмерной укрупненности объектов руководства. Отсюда третье условие руководства по-новому — разукрупнение. Нельзя конкретно руководить, проверять исполнение, если не в состоянии проследить и точно себе представить каждый объект руководства и проверки исполнения. XVII партийная конференция в качестве одного из главных недостатков в работе промышленности подчеркнула «громоздкость и оторванность руководящих хозяйственных организаций, недостаточное конкретное руководство предприятиями со стороны объединений». Вместе с тем, правда, за последнее время мы как раз замечали целую волну именно укрупнений — сельсоветов, районов, объединений и т. п. С этой безудержной «гигантоманией» (как видим, не только в одном колхозном строительстве) надо решительно покончить, и, наоборот, стать на решительный путь разукрупнения, по примеру Наркомторга, НКПС, ВСНХ.

Конкретное руководство немыслимо при старой практике бумажного протокольного руководства. Меньше заседательской сутолоки, больше конкретного дела.

Отсюда, четвертое условие — переход от коллегиального управления к единоличному. Это ни в какой степени не означает, что надо свернуть работу массовых органов: советов, секций, депутатских групп, производственных и других совещаний. Такие формы вовлечения масс не только не должны сузиться, но, наоборот, они выиграют, если перед массами будет отчитываться и от них получать директивы не безличный представитель бюро, президиума и т. п., а конкретный ответственный исполнитель — руководитель данного конкретного участка работы.

Наконец, пятое условие руководства по-новому — руководить не «из канцелярии», а на месте, общаясь почаще и подольше с местными работниками, помогая им, уча их на конкретном живом деле. Таковы те условия руководства по-новому, непосредственно вытекающие и сливающиеся с шестью историческими условиями работы по-новому.

В этих сталинских условиях руководства и работы по-новому сконцентрированы все выводы из новой обстановки, из всей политики на данном этапе, чему должен быть подчинен наш госаппарат. Только осуществление этих условий работы и руководства по-новому позволят превратить наше планирование, наши производственные планы из «перечня цифр и заданий» в «живую и практическую деятельность миллионов людей». Ибо «реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план» (Сталин).

Какие же можно поставить организационные проблемы в области советского строительства на современном этапе, на этапе перехода к окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще?

ВО-ПЕРВЫХ, перед нами стоит проблема дальнейшего осуществления директив партии о децентрализации оперативных функций и централизации планового руководства.

ВО-ВТОРЫХ, исходя из того, что во второй пятилетке получит особо широкое развитие комплексирование, комбинирование предприятий и отраслей промышленности, поэтому с особой остротой встает вопрос об усилении и правильном сочетании отраслевого и синтетического планирования; отсюда и в области организации системы управления стоит вопрос о дальнейшем внедрении отраслевого построения аппарата, которое позволило бы наилучшим образом осуществлять синтетическое, плановое регулирование и руководство.

В-ТРЕТЬИХ, проблема дальнейшей реконструкции, которая сейчас ведется в области территориальной организации нашего аппарата, в области дальнейшего приближения аппарата управления к населению, т. е. проблема районирования на новом этапе.

В-ЧЕТВЕРТЫХ, гвоздем нынешней организации управления является осуществление конкретного руководства и проверка исполнения. Наша задача заключается в том, чтобы так построить и организацию аппарата и его работу, чтобы конкретное руководство и проверка исполнения были бы подняты на новую, еще более высокую ступень.

В-ПЯТЫХ, Ленин в письме к Цюрупе говорил: «...Проверять работу, докапываться до сути, школить, учить, пороть всерьез. Изучать людей, искать умелых работников. В этом суть теперь; все приказы и постановления — грязные бумажки без этого»[1]. Проблема подготовки, подбора и правильной расстановки людей в свете общих задач реконструкции госаппарата играет решающую роль на пороге второй пятилетки.

В-ШЕСТЫХ, подбор и расстановка людей должны повысить индивидуальную ответственность и единоличные распоряжения, но что ни в какой мере не исключает, не сужает коллективного

---

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 161.

обсуждения. Надо суметь найти правильные формы взаимодействия, индивидуальной ответственности и коллективного обсуждения.

В-СЕДЬМЫХ — дальнейшая борьба за «поголовное вовлечение трудящихся масс в управление государством и организацию производства» (Ленин). Несомненно, что осуществление поставленных XVII партконференцией во вторую пятилетку исторических задач о превращении каждого трудящегося в активного и сознательного строителя социализма, неизмеримо расширяет возможности вовлечения масс в управление государством и организацию производства. Но для того, чтобы превратить и эти возможности в действительность, перед государственным аппаратом со всей остротой стоит задача о таком приспособлении его системы, о таком приспособлении его работы, подборе и расстановке людей, которые позволили бы реализовать эти величайшие возможности.

В-ВОСЬМЫХ, в решении XVII партконференции сказано: «Быстрый рост социалистического хозяйства в период второй пятилетки в национальных республиках и областях обусловливает изживание экономической и культурной отсталости национальностей, унаследованной от царского колониально-капиталистического режима». Это изживание отсталости открывает новые еще более широкие возможности вовлечения ранее угнетенных национальностей в аппарат управления государством диктатуры пролетариата. Открываются более широкие возможности для национального советского строительства, дальнейшего государственного оформления национальных образований, дальнейшей коренизации госаппарата в национально-государственных образованиях. Следовательно, из решений XVII партконференции вытекает коренная задача — дальнейший подъем национального советского строительства.

В-ДЕВЯТЫХ, проблема дальнейшего удешевления государственного аппарата. В этом отношении решающую роль должны сыграть: осуществление новых методов управления, заключающихся в системе хозрасчета, более развернутая работа по рационализации госаппарата и, наконец, и что особенно важно, более широкое вовлечение масс в управление государством и организацию производства, расширение практики привлечения трудящихся к бесплатному отправлению функций государственного управления.

В-ДЕСЯТЫХ, эти задачи могут быть выполнены только при условии самого решительного осуществления партийных директив о максимальном использовании преимуществ социалистической системы, о решительной перестройке и реконструкции госаппарата, не останавливаясь перед необходимостью ликвидации отживших, хотя и нужных на предыдущих этапах форм и отдельных звеньев госаппарата.

НАКОНЕЦ, вся работа по решительной реконструкции госаппарата, по укреплению всех звеньев, всех органов и организаций диктатуры пролетариата на данном этапе может быть успешной

только при условии еще большего повышения, поднятия роли государственного аппарата как проводника, как непримиримого борца за генеральную линию партии. Линия партии есть линия советского государственного аппарата. Современный этап выдвинул новую, более совершенную форму партийного руководства, названную т. Молотовым на шестом съезде советов как «соединение усилий партийного и советского аппарата». Оно нашло свое конкретное выражение как в издании ряда постановлений за совместными подписями генерального секретаря ЦК ВКП(б) т. Сталина и председателя Совнаркома СССР т. Молотова, так и в специальных постановлениях ЦК партии, предлагающих местным организациям обеспечить проведение в жизнь и осуществление важнейших решений советского правительства. В этом «соединении усилий» нашел свое выражение ленинский завет о «слиянии партийного с советским». Ленин в своих планах о реорганизации ЦКК—РКИ прямо указывал, что такое слияние вытекает из самой природы пролетарского государства, которое не только продолжает, но еще выше подняло опыт парижских коммунаров и это поднятие заключается, прежде всего, в том, что советский государственный аппарат, в отличие от Коммуны 71 года, руководится единой и единственной в стране большевистской партией.

II. Система организации госаппарата и его реконструкция

Реконструктивный период поднял на новую более высокую ступень осуществление принципа демократического централизма. Это новое выражено в решениях XVI партконференции как «децентрализация оперативных функций при одновременной централизации планирования и руководства в основных вопросах».

В этой формуле, состоящей из двух моментов — децентрализации и централизации — дается сущность той переделки госаппарата, которая проводится в соответствии с новыми сдвигами в социалистическом строительстве. Но эту двуединую формулу нельзя трактовать однобоко. Нельзя решение XVI партконференции понимать только как лозунг децентрализации. Точно так же и нельзя это решение истолковывать как только централизацию. Кажущееся противоречие этих двух понятий — децентрализация и централизация — есть диалектическое противоречие, полностью отображающее реальную живую действительность.

Всякое извращение решений XVI партконференции, однобокая их трактовка неизбежно приведет к извращениям основного руководящего принципа построения советского государственного аппарата.

IX съезд партии сформулировал «социалистический централизм» в следующем положении:

«Организационная задача состоит в том, чтобы сохраняя и развивая вертикальный централизм по линии главков, сочетать его с горизонтальным соподчинением предприятий по линии хозяйственных районов.

Наряду с предоставлением местным хозяйственным организациям большей самостоятельности, необходимо увеличивать непосредственную хозяйственную заинтересованность местного населения в результатах промышленной деятельности». Так, еще в 1920 г. партия определяла основную линию осуществления демократического централизма, в связи с задачами восстановления народного хозяйства.

Осуществление на данном этапе децентрализации оперативных функций и централизации планового руководства является *двуединым процессом*. Происходит и должна происходить одновременно и децентрализация оперативных функций и централизация планового руководства.

Как известно, принцип демократического централизма свое организационное выражение получил в советской системе в форме *двойного подчинения*: по вертикали и по горизонтали. Правильное осуществление этого двойного подчинения будет являться и правильным осуществлением принципа демократического централизма.

Двойное подчинение предстает перед нами в более развернутой форме, в свете осуществления решений XVI партконференции. Ярким примером осуществления решений XVI партконференции является постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 27 марта 1932 г. «Об организации управления республиканской и местной промышленностью в связи с реорганизацией Высшего совета народного хозяйства». В первом же пункте этого постановления говорится:

«Выделение из Высшего совета народного хозяйства Союза ССР народных комиссариатов легкой и лесной промышленности и преобразование его в общесоюзный народный комиссариат тяжелой промышленности не должно повлечь за собой упразднения республиканских и местных объединений и трестов и механического изъятия в ведение общесоюзных органов предприятий республиканской и местной промышленности». И далее — «уполномоченные народных комиссариатов тяжелой и лесной промышленности в части руководства республиканской и местной промышленностью, относящейся к отраслям тяжелой и лесной промышленности, подчинены Наркомтяжпрому и Наркомлеспрому и советам народных комиссаров союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам»[1].

В соответствии с этим постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 10 марта 1932 г. приняли постановление, в котором точно так же определяют положение уполномоченных Наркомтяжпрома и Наркомлеспрома. В постановлении говорится: «Уполномоченные наркоматов тяжелой и лесной промышленности при СНК РСФСР, СНК АССР и краевых (областных) исполкомах в части руководства союзными объединениями и союзными предприятиями подчиняются непосредственно своим наркоматам; в части же руководства республиканской и местной промышленностью, относящейся к наркоматам тяжелой и лесной промышленности, подчиняются не-

[1] С. З. 1932 г. № 22, ст. 134, п. 4.

посредственно СНК РСФСР, а на местах — СНК АССР и краевым (областным) исполкомам»[1].

Было бы абсолютно неверным понимать эти постановления правительств — союзного и республиканского как изъятие из ведения местных органов и передачу в исключительное распоряжение общесоюзных наркоматов (их уполномоченным) местной промышленности Наркомтяжпрома или Наркомлеспрома. Постановление ЦИК и СНК СССР такого изъятия не допускает. И более того, назначение республиканского, краевого и областного уполномоченного, ведающего не только промышленностью местной, но и общесоюзной и входящего в систему совнаркома АССР, краевого (областного) исполкома, свидетельствует о том, что местные органы власти приближаются к руководству общесоюзной промышленностью, к планированию ее работы. Следовательно, местные органы власти еще шире вовлекаются в организацию управления предприятиями общесоюзной промышленности.

Но находятся такие «ученые», как Игнатьев[2], который сводит роль советов и исполкомов исключительно к вопросам организации масс, оставляя функцию непосредственного управления так называемому оперативному аппарату. Игнатьеву, конечно, чуждо то положение, которое было высказано Лениным еще в 1918 году. В статье «Очередные задачи советской власти» Ленин писал: «если бы наш пролетариат, овладев властью, быстро решил задачу учета, контроля, организации, во всенародном масштабе (это было неосуществимо вследствие войны и отсталости России), тогда, сломив саботаж, мы всеобщим учетом и контролем подчинили бы себе полностью буржуазных специалистов»[3].

Буржуазному «специалисту» Игнатьеву, видимо, не нравится, что пролетариат и его органы власти сверху донизу должны заниматься и организацией, и учетом, и контролем, а не только, как это хотелось бы Игнатьеву, «оргмассовой работой». Советское управление есть единство и организации, и учета, и контроля. Но это управление только потому является советским, что оно «сознательное и массовое движение» (Ленин). Советское управление немыслимо при таком разрыве функций, как это «рекомендуется» буржуазными юристами, между центром и местами. Советское управление есть единство центра и мест.

Только это единство является необходимым условием для того, чтобы наш великий план социалистического строительства претворился бы из возможности, из перечня цифр и заданий в реальную конкретную действительность. Только бюрократы представляют себе планирование как сверстку цифр, балансов и т. д. Планирование есть такая функция управления, которая предполагает соединение усилий центра и мест, которая предполагает активную борьбу сверху донизу за реализацию составленного плана.

Сталин на XVI партийном съезде говорил:

---

[1] С. У. 1932 г. № 27, ст. 127, п. 9.
[2] См. его статью в «Сов. строит.» № 5—6 за 1931 г.
[3] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 446.

«Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлением плана. Составление плана есть лишь начало планирования. Настоящее плановое руководство развертывается лишь после составления плана, после проверки на местах в ходе осуществления, исправления и уточнения плана»[1]. Как децентрализация оперативных функций предполагает известную их централизацию, так и централизация планового руководства обязательно сочетается с децентрализацией самого планирования. Приведенная выше мысль т. Сталина со всей ясностью характеризует сущность нашего планирования как соединение усилий центра и мест. Организационные формы советского планирования, в том числе и централизация планового руководства, есть конкретизация принципа демократического централизма, ничего общего не имеющего с бюрократическим централизмом.

Вредительские организации, раскрытые за последнее время, дали богатейший материал контрреволюционной тактики по линии извращения нашего демократического централизма, по линии превращения его в бюрократический централизм. Для иллюстрации приведем выдержку из показаний одного из наиболее видных представителей шахтинцев — Бояршинова. Этот бывший технический директор Донугля показывал: «Построение аппарата в значительной доле проходило, по моим предположениям, на основании того представления, которое я имел в виду, в целях возможно более широкого охвата центральным аппаратом местных функций. Такая задача создавала тенденцию аппарату быть громоздким, стремящимся постоянно доходить до мелочей в рудоуправлениях и, не давая фактически требуемого результата, задерживать много людей»[2]. Известно, что вредители видели (и правильно видели) главную опасность своей «работы» — это самодеятельность рабочих масс. Лучшим же способом подавить последнюю, уйти от контроля масс является курс на бюрократический централизм. Чрезмерная централизация, структурная громоздкость, неповортливость аппарата, оторванность его от рабочих — все это составляло необходимую питательную среду для вредительских организаций.

Нужно прямо сказать, что тенденция к бюрократическому централизму, к «перегибу централизма», является довольно реальной опасностью, нависшей над отдельными звеньями нашего госаппарата. Тов. Яковлев на VI съезде советов в докладе о совхозах специально остановился на том «что в ряде случаев в практике имеется то, что можно назвать «перегибом централизации», когда мы сталкиваемся с такого рода случаями, что совхоз не допускает местные органы к контролю его работы, между тем это право обревизовать, проконтролировать совхоз, хотя он и входит в централизованную систему соответствующего треста, у местных органов имеется. Никто не может у них этого права отнять»[3].

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, с. 685.
[2] Сборник «Экономическая контрреволюция в Донбассе». М. 1928 г., с. 92.
[3] VI съезд советов СССР. Бюллетень № 11, с. 23.

Такие же факты «перегиба централизма» были вскрыты и во время чистки советского аппарата. В Наркомпросе, например, было сосредоточено руководство целым рядом учреждений (музеи, исследовательские учреждения, театры, школы и т. д.), которые с успехом могли бы быть переданы местным органам власти. В результате такой централизации в Главнауке Наркомпроса некоторые специалисты ведали до 50 разнородными учреждениями. А отсюда нельзя было и ожидать ни конкретного руководства, ни какого бы то ни было знания объектов управления.

Перегиб централизма является, несомненно, отрыжкой буржуазных веяний в госаппарате. Но нельзя забывать и другую опасность в области правильного осуществления принципа демократического централизма — это перегиб централизации, своеобразный «эмансипаторский» уклон.

К чему приводит этот «эмансипаторский» уклон, мы могли видеть на примере буржуазных извращений, имевших место в совхозной системе, и особенно в системе Союзсахара. Характерно отметить, что совхозная система была слишком перецентрализована. Результатом этого явился отрыв центральных органов управления непосредственно от первичных единиц. Отсюда, ряд совхозов, будучи предоставлены самим себе, стали на путь—эмансипаторства, развития местнических, рваческих устремлений [1].

Для преодоления и решительного искоренения этих буржуазных тенденций в системе совхозов, правительство и партия пошли на такую меру, как введение специального института независимых от директора совхоза и треста и подчиненных непосредственно Наркомзему Союза ССР контролеров Наркомзема — в зерновых и животноводческих совхозах. Эмансипаторский уклон, осужденный еще XIII партконференцией, является не чем иным, как проявлением анархо-синдикализма, мелкобуржуазной стихии. Мелкобуржуазная стихия не терпит централизованного руководства, не терпит централизации. Она борется или же пытается уклониться от централизованного руководства.

Этот уклон следует особо подчеркнуть в свете происходящих и все нарастающих процессов расширения прав низовых органов власти. Такое расширение прав непосредственно вытекает из задач конкретного осуществления принципа демократического централизма на данном этапе. Из принципа демократического централизма вытекают происходящие сейчас процессы приближения органов власти к населению, что само по себе является условием вовлечения масс в управление. Известное постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 23 июля 1930 года «О ликвидации округов» указывает, что в современных условиях «необходимо максимальное приближение органов власти к населению и их всемерное укрепление, расширение их прав и обязанностей и установление непосредственной связи их с руководящими центральными органами власти—центральными исполнительными комитетами и советами народных комиссаров союзных и автоном-

[1] Пост. ЦК ВКП(б) от 25/X 1931 г. «О Союзсахаре».

ных республик и краевыми (областными) исполнительными комитетами.

Приближение органов власти к населению будет содействовать упрощению аппаратов, решительной борьбе с бюрократизмом и еще большему вовлечению широких рабочих и крестьянских масс в практическую работу советов» [1].

Из этого постановления следует и еще тот вывод, что приближение аппаратов управления к населению не является простым его *территориальным* приложением. Приближение аппарата управления к населению есть прежде всего *наделение местных органов власти такими правами и функциями, которые удовлетворяли бы все основные запросы населения.*

Но и в самой территориальной организации госаппарата эпоха реконструкции народного хозяйства вызвала радикальнейшие изменения. Административное деление царской России, унаследованное советской властью, решительным образом перекроено, изменено проведенным и в основном к 1929 г. завершенным *районированием.*

Районирование есть такая территориальная организация госаппарата, которая зиждется на *двух* основных моментах: *экономический признак и национальный состав населения.*

Экономический признак как основа районирования сам по себе не является чем-то застывшим. Социалистическая экономика под мощным воздействием всех рычагов диктатуры пролетариата, а в том числе и прежде всего со стороны государственного аппарата, динамична. Дальнейшие успехи науки и техники на советской почве изменяют самую почву, изменяют размещение производительных сил. Последнее же не может не вызывать соответствующих изменений и в построении аппарата государственной власти.

И отсюда мы должны сделать тот вывод, что хотя районирование завершено в 1929 г., но это *не значит, что территориальная организация государственного аппарата у нас уже закончена* и к ней «не стоит возвращаться». Несомненно, что новое размещение производительных сил должно повлечь за собой и изменения в территориальной организации государственного аппарата, т. е. в нашем советском экономическом районировании.

По какому направлению проходит и должно дальше проходить все эти изменения в территориальной организации госаппарата?

На примере реорганизации районов мы можем с достаточной убедительностью увидеть это направление. Как известно, первоначальные районы это были по большей части укрупненные волости [2]. Районные центры, как правило, размещались в торговых се-

---

[1] С. З. 1930 г. № 37, ст. 400.

[2] Характерно отметить, что и правительственные акты первой эпохи районирования райисполкомы приравнивали к волисполкомам.

лах и это соответствовало первому этапу нэпа с его (в первую очередь) торговой смычкой между городом и деревней. Но дальнейшие успехи социалистического строительства, вопреки правооппортунистическим утверждениям, подняли смычку на новую более высокую ступень, превратив ее в производственную связь рабочего класса с крестьянством. Отсюда старые центры районов стали перемещаться в производственные центры—заводские поселки, центры МТС и совхозы. Произошло новое слияние административных и экономических центров, хотя нельзя сказать, чтобы этот процесс был полностью уже завершен. Современный район есть административно-экономический комплекс, основанный на твердой производственной базе, и поэтому он является «узловым пунктом, где осуществляются директивы партии и правительства».

Этот совершенно закономерный процесс развития районов является типичным, показательным и для других звеньев территориальной организации госаппарата, конечно, с учетом всех особенностей и конкретных условий последних (национальный состав и др.).

Наиболее сложно обстоит ныне дело с таким звеном советского госаппарата, как край-область. Край-область несомненно, оправдала свое название—«опорные пункты ЦК и правительства». Лучшим подтверждением этому являются образования областей на Украине, в Казакстане в 1932 г. Новообразованные области показывают и некоторые новые тенденции развития и организации областей.

Каковы эти тенденции?

Прежде всего, они идут по линии уменьшения числа районов, приходящихся на каждую область, что является вернейшим условием осуществления конкретного руководства. Край-область должна быть не только легко управляемой единицей (преследовать цели только управления людьми), но она должна быть и рационально организованной экономической единицей (обязательность социалистического принципа «управления вещами»). Вот это-то сочетание административно-экономических функций и должно лежать в основе образования края-области.

И в этом направлении решения XVII партконференции открывают новую перспективу развития производительных сил, что должно быть обязательно учтено при дальнейшей реконструкции территориальной организации госаппарата.

В докладе тов. Куйбышева с особенной силой подчеркивалась новая система организации промышленности, характерная для второй пятилетки, для эпохи построения бесклассового общества—это комплексная организация промышленности.

«Уже в первой пятилетке мы вступили на путь строительства не только отдельных предприятий, существование которых по существу могло бы иметь место в любом районе, но и на путь строительства комбинатов, которые обязательно должны

опереться на широкую энергетическую и сырьевую базу и, будучи комбинатами, т. е. соединением целого ряда производств, они должны предвидеть иной раз несколько видов сырья, оказывая глубочайшее влияние на всю экономику района.

Второе пятилетие будет по преимуществу строительством этих комбинатов, которые в свою очередь вызывают необходимость в соответствующих областях подтягивания одного производства к другому... Эта тенденция строительства больших комбинатов, больших предприятий, составляющих комплекс производств, будет, конечно, еще более усиленно во втором пятилетии. Поэтому оторвать проектировку второго пятилетнего плана от районного разреза, от областного разреза было бы не только неправильно, но и чревато большими опасностями, потому что мы получили бы целый ряд местных диспропорций в отдельных районах, которые потом мы должны были бы наспех исправлять»[1].

Следовательно, комплексный принцип организации промышленности должен быть теснейшим образом увязан со всем своим районом-областью. Но и, с другой стороны, организация области должна соответствовать организуемым производственным комплексам на данной территории.

Трудно, конечно, сейчас предугадать всю конкретную реализацию этого административно-экономического сочетания. Для нас важно наметить основные пути дальнейшего развития, связанного с выполнением решений XVII партконференции о завершении реконструкции всего народного хозяйства, а тем самым и об углублении реконструкции территориальной организации госаппарата.

Для всего государственного аппарата основной задачей является правильное сочетание усилий центра и мест, соединение этих усилий для образования мощного орудия воздействия и руководства социалистическим строительством.

Это правило относится не только к государственному аппарату. Оно в равной степени относится и ко всем остальным рычагам и элементам диктатуры пролетариата.

Тов. Каганович на IX съезде профсоюзов дал следующие указания: «Вопрос о производственных союзах в их взаимоотношениях с межсоюзными организациями (городскими и областными) не новый. На протяжении ряда лет в советском профессиональном движении с ленинскими установками в оргвопросах боролись две оппортунистические тенденции: бюрократической централизации всей профработы в межсоюзных организациях (так называемый «единый союз») и цеховые, кастовые тенденции отдельных союзов... И то и другое противоречит ленинской линии нашей партии. И то и другое отражает собой чуждые пролетариату веяния...

Мы должны бороться как против универсализма и пустозвонства в межсоюзных организациях, мешающих проявле-

---

[1] Молотов и Куйбышев. О второй пятилетке. Партиздат 1932 г., с. 61—62.

нию инициативы рабочих в производственных союзах, так и против цеховой замкнутости и узкого делячества в отдельных производственных союзах»[1].

В борьбе с этими двумя уклонами (бюрократический централизм и эмансипаторская децентрализация) мы ведем и должны будем в дальнейшем вести реконструкцию управления.

Начало широкой реконструкции аппарата управления положено постановлением ЦК ВКП(б) «О реорганизации управления промышленности».

В этом постановлении подчеркнута самая сущность децентрализации, т. е. поднятие роли и значения первичных оперативных органов, оставляя за вышестоящими директивными руководящими органами функцию планового, технического руководства.

Наряду с этим в постановлении ЦК подчеркивается основной элемент демократического централизма — вовлечение масс в управление и организацию производства.

Следующая крупная реорганизация, проведенная по постановлениям ЦК, ЦКК и ЦИК СССР — «это ликвидация округов. В этом крупнейшем мероприятии точно так же подчеркивается и поднимается роль низовых звеньев советской системы управления, и, с другой стороны, подчеркивается приближение аппарата управления к массам и привлечение последних к управлению государством и организации производства.

В нашей прессе уже подводились итоги ликвидации округов. Из этих итогов видно, что реформа дала колоссальнейшие результаты в деле конкретного осуществления на данном этапе принципов демократического централизма в области территориальной организации государственного аппарата. Аппарат стал гораздо ближе к населению. Функции и права низовых органов власти значительно расширены. Руководящая роль краевых и центральных органов приобрела более ярко выраженный плановый характер. Сейчас разворачивается борьба за большую конкретизацию этого руководства, за большую его предметность, за действительную реализацию второй части формулы XVI партконференции о централизации планового руководства.

В этом же направлении после специального постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР (15 января 1931 г.) была проведена коренная реорганизация стихийно сложившегося и самотечно работавшего аппарата НКПС сверху донизу. В организационной своей части сущность этого постановления сводится к дальнейшему упрощению, разграничению функций, повышению ответственности и усилению контроля исполнения во всем аппарате управления ж. д.[2].

---

[1] Каганович. О задачах профсоюзов СССР, с. 4—6.

[2] Характерно привести следующий пункт о реорганизации первичного руководящего звена управления транспортом—района:

«В связи с изменениями структуры и функций станций, дистанций и депо и в целях наилучшей организации аппарата изменить структуру района, создав вместо многочисленных групп (19, 22), существующих ныне в районном управлении, не более шести-семи отделов, функции которых должны в основном совпадать с функциями хозяйственных единиц внизу. Создать в районе

Таким образом вместо ИТУвского прожектерства (с его многочисленными функциональными группами) дана совершенно четкая система организации аппарата управления в строгом соответствии с отраслями ж.-д. хозяйства. Эта система единообразна во всем аппарате управления ж. д. снизу доверху.

По той же линии осуществления директив XVI партийного съезда о децентрализации оперативных функций и централизации планового руководства проведены ряд реорганизаций в различных звеньях и областях народного хозяйства. В январском обращении ЦК, Совнаркома и Центросоюза «О кооперации» прямо указано:

«В целях лучшего обслуживания потребителя, упрощения руководства делом снабжения потребителей... в республиках, краях и областях создать республиканские, краевые и областные объединения розничной торговли» [1].

Такое же территориальное разукрупнение, являющееся второй стороной децентрализации оперативных функций, было проведено двумя постановлениями Совнаркома СССР от 26 сентября 1931 г. и 3 ноября того же года о реорганизации—разукрупнении союзных объединений — Скотовода, Маслотреста, Свиновода и Овцевода. Постановлением Совнаркома от 26 сентября «Скотовод», «Маслотрест» и Республиканский молочный трест РСФСР реорганизованы на основе создания в областях и краях союзных мясных и молочно-масляных трестов и республиканских молочных трестов. Система «Свиновода» и «Овцевода» реорганизована точно таким же образом—с созданием союзных трестов в областях, краях и республиках.

Специальным постановлением Коллегии Наркомзема СССР от 23 августа 1931 г. проведена такая же реорганизация—территориальное разукрупнение с децентрализацией оперативных функций по линии Зернотреста. Вместо общесоюзного треста зерновых совхозов, число которых достигало 207, организовано 9 территориальных Союззернотрестов. Вместо бывшего Зернотреста создано в качестве органа Наркомзема специальное Зерносовхозобъединение, в функции которого входит управление, планирование, финансирование, снабжение и сбыт продукции союззернотрестов.

Какие выводы следуют из приведенных выше решений?

примерно следующие отделы: эксплоатации, тяги, пути, связи и сигнализации, планово-финансовый, труда и кадров.

Структуру дирекции дороги привести в соответствие с измененной структурой района, сохранив в ней отдел рационализации.

Упразднить главную дирекцию Народного комиссариата путей сообщения, создав самостоятельные управления в составе НКПС, в соответствии с управлениями дирекций дорог и отделами района (эксплоатации, тяги, пути, связи и сигнализации и т. д.). Во главе каждого управления поставить члена коллегии.

Вся реорганизация должна быть проведена не позднее 15 февраля 1931 г. с тем, чтобы проведена она была не механически, а тщательно подготовлена и разъяснена низовым работникам в порядке дачи соответствующих инструкций и выезда руководящих работников НКПС на места» (С. З. 1931 г. № 7, ст. 81, разд. V, §§ 5—8).

[1] С. З. 1931 г. № 29, ст. 224.

Во-первых, во всех этих постановлениях и решениях проводится основная линия на децентрализацию оперативных функций с максимальным развертыванием хозяйственной самодеятельности и самостоятельности, но в пределах общего плана.

Во-вторых, осуществление децентрализации оперативных функций и централизации планового руководства создаст большую возможность для действительно конкретного руководства с точным знанием каждого объекта управления.

В-третьих,—децентрализация оперативных функций неизбежно повлекла за собой разгрузку наркоматов от чисто оперативной работы, с передачей ее подведомственным наркоматом специальным объединениям [1].

Организация таких объединений несомненно приводит к разгрузке наркоматов от оперативной работы, к сосредоточению в наркоматах действительно планового, конкретного руководства своими оперативными организациями и объединениями.

В тех же целях усиления конкретного руководства, поднятия его на новую, более высокую ступень, проведено за последний год ряд разукрупнений наркоматов. Это разукрупнение характерно не только для чисто государственного аппарата управления. Оно прошло и проходит по линии других рычагов диктатуры пролетариата.

Так, например, после смены правооппортунистического руководства профдвижения, проведена решительная реорганизация профсоюзной системы по линии разукрупнения существовавших ранее 22 союзов в 44 производственных союза.

Такое же разукрупнение проведено и по линии кооперации. В системе потребительской кооперации выделены самостоятельные секции с отдельным паевым капиталом и балансом: всенарпит, рыболовецкая автономная секция, секция лесоразработок и лесоплава и секция торфоразработок [2].

Каковы цели и задачи проводимого разукрупнения тех или иных организаций?

Прежде всего решительное осуществление поворота каждого звена аппарата управления лицом к объекту управления, лицом к производству; тем самым решительным образом покончить с управлением «вообще» и приблизить аппарат управления к объекту управления, упростить самый аппарат управления, что будет спо-

---

[1] В этом отношении особенно показательным является постановление СНК СССР от 13 февраля 1932 года о реорганизации заготовительного аппарата. Согласно этому постановлению в системе Наркомснаба заготовительную работу ведут специально организованные объединения: Союзпродукт, Союзмолоко, Союзплодоовощь, Табаксырье, Союзсахар, Союзмаслопром, Союзконсерв, Союзспирт и т. д. При Наркомлегпроме—Союззаготшерсть, Союззаготкожа и друг. Кроме того при Комитете по заготовкам при СТО существуют специально заготовительные организации, как-то: Заготзерно, Заготлен, Заготхлопок.

[2] Обращение СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Центросоюза от 11 мая 1931 г.— С. З. и Р. 1931 г. № 29.

собствовать дальнейшему расширению вовлечения масс в управление и организацию производства.

Начало разукрупнению наркоматов было положено постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 ноября 1930 года «о разделении Народного комиссариата внешней и внутренней торговли Союза ССР на два самостоятельных Народных комиссариата: Народный комиссариат снабжения и Народный комиссариат торговли Союза ССР.

Следующий наркомат, который подвергся разукрупнению, был НКПС. Постановлением ЦИК и СНК от 30 января 1931 года из НКПС был выделен Наркомвод «для управления речным и морским транспортом и всем портовым хозяйством Советского союза». В том же году из НКПС был выделен весь дорожный транспорт и шоссейные дороги и при Совнаркоме СССР было организовано специальное управление—Цудортранс, а при совнаркомах союзных республик—главдортрансы.

Работа по разукрупнению была особенно развернута после исторической речи тов. Сталина об «условиях работы и руководство по-новому». Тов. Сталин в своей речи от 23 июня 1931 года прямо поставил задачу разукрупнения как *одно из условий* «*по-новому руководить*». Он говорил: «Требуется... чтобы наши нынешние громоздкие объединения, имеющие иногда в своем составе 100—200 предприятий, *разукрупнить немедля* и разбить на несколько объединений».

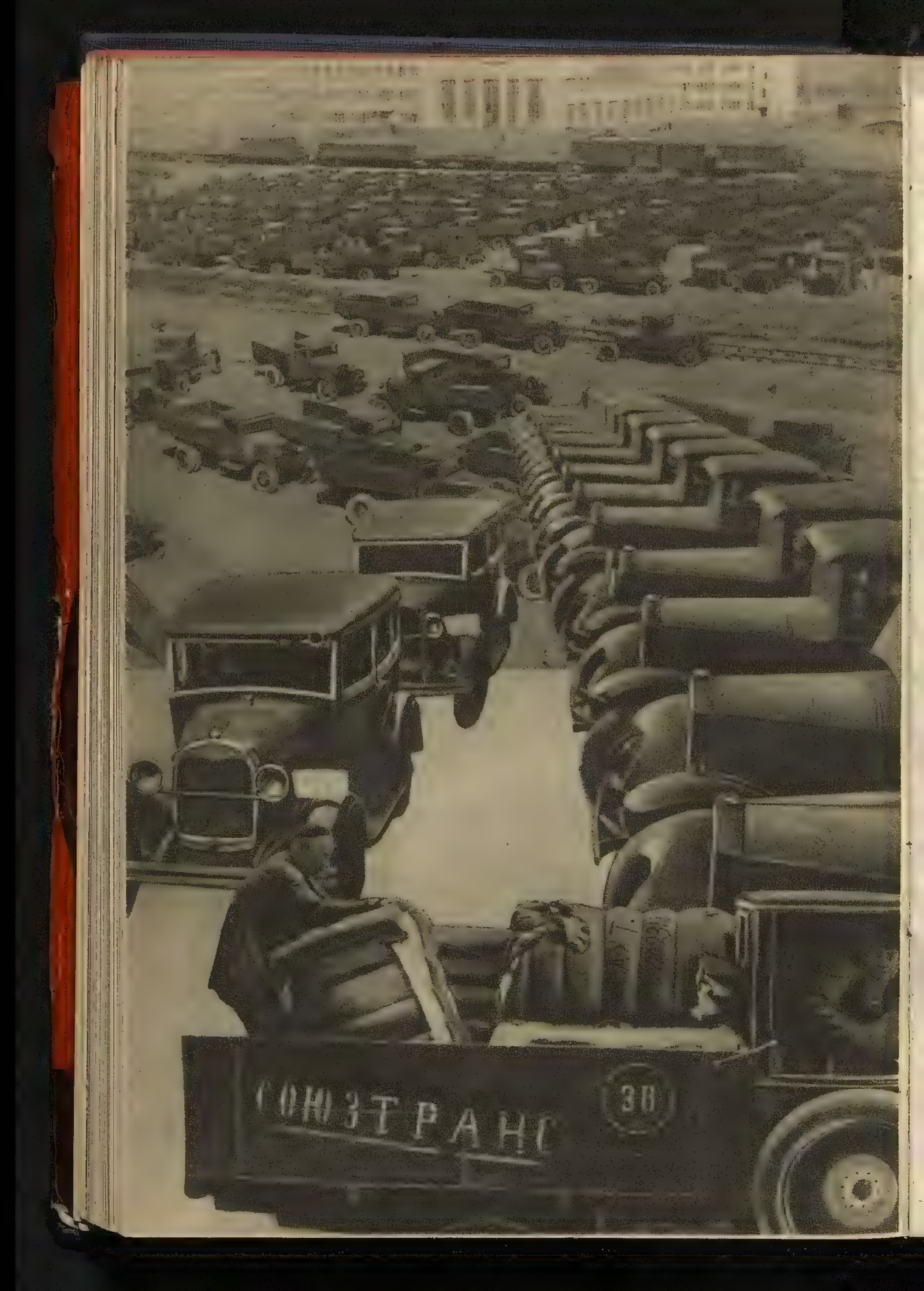
16 июля 1931 года Совнарком СССР, в соответствии с этим указанием вождя партии, принял специальное постановление «о разукрупнении объединений Высшего совета народного хозяйства Союза ССР». Этим постановлением вновь создано 12 объединений и четыре треста «в целях дальнейшей специализации заводов, усиления технического руководства ими и приближения аппаратов объединений и трестов к заводам».

Особенно крупной реорганизации по линии разукрупнения следует считать преобразование ВСНХ в три наркомата: Наркомтяжпром, Наркомлегпром и Наркомлеспром (постановление ЦИК и СНК СССР от 5 января 1932 г.).

Проводимое нами разукрупнение аппарата управления является лучшим выражением осуществления линии партии по улучшению аппарата, по приближению его к объектам управления, по обеспечению условий для конкретного руководства. Разукрупнение облегчает *специализацию*, создает необходимые условия для овладения техникой. Разукрупнение аппаратов вместе с тем является одной из предпосылок осуществления решений XVI партсъезда о максимальном *использовании* госаппаратом *преимуществ в социалистической системе* народного хозяйства.

В том же решении XVI партсъезда сказано, что мы не должны останавливаться в своей работе по реконструкции госаппарата и перед *ликвидацией отживших форм управления*. На этой линии мы отметим два крупнейших мероприятия, осуществленных партией и правительством после XVI партийного съезда:

СОЮЗТРАНС
30

Ликвидацию округов, которые действительно стали отжившей формой, хотя и сыграли в свое время весьма большую положительную роль, ликвидацию НКВД в декабре 1930 г.[1].

Было бы неверным считать ликвидацию НКВД разукрупнением его. Надо не забывать, что НКВД в начале своего существования после Октябрьской революции заменил собой Министерство внутренних дел. Но основная функция этого министерства—политическая деятельность—была передана в ВЧК, впоследствии ГПУ. Функция же, присущая всем министерствам внутренних дел и имевшаяся в первоначальном НКВД — регулирование вопросов местного самоуправления—была передана в ЦИК союзных республик. Таким образом НКВД только по названию соответствовал НКВД октябрьских дней, продолжая искусственно соединять в себе такие разнородные функции, как коммунальное хозяйство, милицию и управление местами заключения. Поэтому ликвидацию НКВД следует рассматривать именно как «ликвидацию явно отживших форм», а не как разукрупнение на управление милиции и коммунального хозяйства.

Какой же принцип положен в основу разукрупнения?

В отличие от буржуазного госаппарата, ведающего преимущественно «управлением людьми», оторванного от широких масс и почти совершенно не связанного с «вещами и процессами производства» наш госаппарат потому и является советским, что он связан с широчайшими массами трудящихся и управляет не только людьми, но и вещами. Эта последняя функция, чем выше мы поднимаемся в деле построения социалистического общества, тем все более и более «заполняет всю главнейшую деятельность организованного общества» (Ленин).

Ленин еще до Октябрьской революции в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» писал, что «капитализм создал аппараты учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительских обществ» и друг. «Этот «государственный аппарат» ...является не вполне государственным при капитализме, но... будет вполне государственным у нас при социализме...»[2].

---

[1] Вопрос о НКВД как о самостоятельном Наркомате стал задолго до постановления союзного правительства о его ликвидации. Так, еще 16 мая 1927 года ЦИК и СНК УзбССР решили упразднить НКВД, хотя и не совсем удачно (вместо его создали свое «центральное административное управление», распределив остальные функции НКВД между Госпланом, Наркомфином, Наркомпросом, подготовительной комиссией при СНК и другими ведомствами). Прокурор Верховного суда СССР правда опротестовал это постановление, но исключительно по формальным соображениям (ввиду нарушения ст.ст. 67 и 18 Конституции СССР). На более правильные позиции встал ЦИК ТуркССР, который 18 августа 1927 г. постановил ликвидировать НКВД, образовав при СНК Главкомхоз и Центральное административное управление. Президиум ЦИК СССР не счел возможным в условиях 1927 года проводить ликвидацию НКВД, но к 1930 г. необходимая подготовительная работа была закончена и произведена ликвидация НКВД во всех союзных республиках.

Вместо ликвидированного НКВД при совнаркомах союзных республик созданы были два управления: Главное управление коммунальным хозяйством (ГУКХ) и Главное управление милиции. Впоследствии, после июньского пленума ЦК ВКП(б) 1931 г., ГУКХи были преобразованы в наркомхозы.

[2] Ленин, т. XXI, изд. 3, с. 260.

Наш государственный аппарат характерен тем, что он «огосударствляет», «негосударственный аппарат» эпохи капитализма (о котором говорил Ленин). Советский госаппарат постоянно расширяется вследствие того, что он управляет командными высотами; последние, чем шире идет социалистическое строительство, тем все более и более расширяются как объекты управления. Расширение же объема государственного аппарата, увеличение объектов управления несомненно ведет к усложнению самого руководства, самого управления.

Поэтому тов. Сталин со всей остротой в своей речи 23 июня 1931 г. поставил вопрос о ликвидации управления «вообще», о переходе к конкретному руководству, углублению его путем разукрупнения, приближения аппаратов управления к объектам управления, специализация аппарата. Осуществление специализации аппарата ведет к необходимости специализированного отраслевого построения аппарата управления.

На примерах разукрупнения, которые мы приводили выше, было с достаточной ясностью показано, что самое разукрупнение ведется нами по линии специализации аппарата управления, по линии внедрения в него отраслевого принципа построения.

Принцип демократического централизма предполагает, как известно, строение не только по вертикали, но и по горизонтали.

Это значит, что вместе и наряду с внедрением в госаппарат отраслевого (вертикального) принципа построения, мы должны всемерно усиливать горизонтальные связи, что находит свое конкретное выражение в укреплении синтетического планирования — руководства.

Мы уже приводили указание тов. Куйбышева на XVII партконференции о том, что вторая пятилетка требует усиления планирования в районном, областном разрезе. Но этот разрез как раз и является объединением по линии горизонтали отраслевого планирования. Таким образом, самое отраслевое планирование немыслимо без сочетания его с планированием синтетическим.

Синтетический принцип является объединением отраслевой работы не только в территориальном отношении, но такое объединение обязательно и внутри каждого отраслевого аппарата ведомства. Выражением укрепления синтетического начала внутри ведомств является хотя бы решение правительства о создании в каждом наркомате плановой (синтетической) ячейки.

Укрепление синтетического принципа организации госаппарата таким образом потребовало усиления роли плановых органов как территориальных (край-район), так и ведомственных.

Следовательно, осуществление демократического централизма на новом этапе выдвинуло такое построение госаппарата, при котором отраслевой принцип обязательно сочетается с укреплением синтетического планирования руководства.

Такое сочетание можно определить как синтетически-отраслевой принцип построения госаппарата.

По линии укрепления этого принципа и должна итти дальнейшая перестройка госаппарата.

Внедрение отраслевого принципа построения встретило и своих «принципиальных» врагов. Оппортунистические «теорийки» внесли не мало путаницы в правильное понимание принципов внутренней организации аппарата и его реконструкции. Выше мы говорили об оппортунистических установках ИТУ, вытекавших из буржуазной теории функционального построения аппарата. В отчете ИТУ о реорганизации НКПС, Наркомпочтеля совершенно четко и ясно сказано, в каком направлении проходила эта реорганизация:

«Центральным направлением, по которому пошла реформа структуры, было выбрано Институтом техники управления следующее: 1) стянуть все однородные функции в определенные, резко обозначенные группы и придать им вид определенной цельной части, закрепив за ней функции целиком и так, чтобы нигде, ни в каких других участках структуры они не повторялись и 2) для обеспечения большей обоснованности и реальной выполнимости планов объединить функции планирования и учета в единых плановых органах.

Выверка структуры этих двух наркоматов на той основе, как мы сейчас указали, опиралась на определенные теоретические принципы, которые предварительно Институт техники управления давал и четко формулировал в процессе как своей практической работы, так и изучения практики заграничного опыта.

Здесь не место обосновывать эти теоретические принципы. Мы упоминаем кратко лишь, что целесообразная структура всякого учреждения мыслилась в свете этих теоретических принципов, как четкая связь трех разделов функций: во-первых, функции управления, включающие в себя планирование, учет и организацию; во-вторых, функции оперативные и, в-третьих, функции обслуживания» [1].

В этих немногих словах Институт техники управления сформулировал всю оппортунистичность, всю буржуазность тех «теоретических принципов», на которых строилась вся работа ИТУ. «Заграничный опыт» (т. е. буржуазный) дал основу ИТУ извращать ленинские принципы построения советского госаппарата.

Теоретическими принципами ИТУ мало отличается от писаний известного буржуазного административиста проф. Елистратова, воспевавшего этот «заграничный опыт» [2]. Но больше того, на этих «теоретических принципах» была построена реорганизация аппаратов, как мы видели, и НКПС и НКПиТ. Надо добавить, что по этому же «принципу» был перестроен и аппарат ВСНХ (в 1930 г.), в котором, например, было, выделено одно управление (ПТЭУ), объединявшее бо́льшую часть всего ВСНХ. Получился таким образом наркомат в наркомате. Все планирование по линии

[1] Рационализация техники госаппарата, под ред. Е. Ф. Розмирович. Май 1930 г., с. 11.

[2] Проф. Елистратов. Административное право. М. 1929 г., с. 288 и сл.

промышленности было сосредоточено в этом ПТЭУ, а остальные части наркомата оказались лишенными такой существеннейшей функции советского управления, как планирование.

В конце 1929 г. и в начале 1930 г. в нашей прессе широко обсуждались тезисы работника Госплана тов. Паскуцкого[1] об организации «сверхнаркомата»—нового Госплана. По т. Паскуцкому один Госплан из всех органов диктатуры пролетариата имел право на существование, право на осуществление всех функций управления, так как планирование есть главнейшая функция управления. Один из последователей тов. Паскуцкого В. Павловский дошел до того, что взял даже под сомнение существование отраслевых наркоматов. Вот его «схема»: «все планирование народного хозяйства сосредоточивается в Госплане. Госплан разбит на отраслевые секторы. Вся оперативная работа совершается объединениями предприятий и организаций, созданными по функциональному признаку, а не по ведомственному». «В экономических районах создаются филиалы Госплана; эти филиалы вместе с филиалами функциональных объединений осуществляют на данной территории всю хозяйственную работу»[2].

Из всех «централизаторов-функционалов» особенно выделился некий тов. М. Артамонов, который в своем рвении «рассечь функции» дошел до нелепейшего предложения об организации ПКК-ПКИ (ПКК плюс РКИ, плюс Госплан, плюс ЦСУ, т. е. Наркомата планирования, учета и контроля исполнения)[3].

Основой всех этих абсурднейших предложений являлось антиленинское рассечение функций управления, отрывая от последнего планирование, являющееся неотъемлемой частью управления.

Несомненно, что создание такого аппарата по предложению этих «мудрецов» явилось бы не чем иным, как перенесением на советскую почву буржуазно-бюрократической системы управления.

«Чисто-функциональный» (сугубо-объединительный) принцип построения государственного аппарата непригоден так же, как и принцип чисто-отраслевой, замкнутый по вертикали и не связанный с другими частями аппарата по горизонтали.

В этом отношении характерен пример Украины с введением «функциональной системы в районных исполкомах». Украинцы под функциональной системой (в отличие от Розмирович) понимали «растягивание», распыление однородных функций: отделы риков на Украине были упразднены и вся оперативная работа оказалась распыленной между функционерами, ответственными исполнителями. Ответственных исполнителей в каждом рике вводилось естественно значительно большее количество, нежели отделов. Каждый ответственный исполнитель связан по горизонтали с президиумом рика, а по вертикали с наркоматом. Такое «отраслевое» построение аппаратов (почему-то названное на Украине «функциональным») не могло не привести к ухудшению системы управления и работы аппарата управления. Украинцы вскоре вы-

[1] Опубликованные 6 октября 1929 года в «Экономической жизни» № 231.
[2] «Экономическая жизнь» № 242 от 19 октября 1929 г.
[3] «Торгово-промышленная газета» от 11 октября 1929 г.

нуждены были отказаться от этой системы и перейти к нормальному общепринятому в Советском союзе существованию отделов райисполкома, т. е. отраслевого принципа построения, но с систематическим объединением как в каждом отделе, так и в президиуме рика.

По линии такой же «функциональной» замкнутости шло и одно из предложений некоего тов. Степанова, в связи с перестройкой финансовых органов. Тов. Степанов предлагал совершенно отрешиться от отраслевого планирования и заменить его своеобразными «гармоническими комбинатами». По такой системе он предлагал перестроить аппарат Наркомфина, т. е. в нем создать столько комбинатов, сколько имеется риков; каждый же комбинат должен заниматься финансированием всего народного хозяйства в «своем собственном» районе.

Несомненно, что задачи управления территориальными звеньями должны получить свое отображение в структуре центрального аппарата. Но это отображение не может пойти по линии степановских «гармоний». Лучшей формой управления территориальными единицами является организация так называемых «зональных секторов», по примеру орготделов облисполкомов. В аппаратах орготделов край- и облисполкомов созданы секторы не по количеству объединяемых районов, а по числу экономических зон края, объединяющих по нескольку районов (животноводческая зона, огородно-молочная, зерновая, текстильная и т. п.).

Но этот территориальный принцип не является чем-то противопоставленным синтетическому и отраслевому принципу. Это не третий принцип, а конкретизация отраслевого строения руководящего аппарата управления.

Сочетание руководства по вертикали и горизонтали является обязательным для всей системы советского государственного аппарата и для отдельных его звеньев. Отсюда и внутреннее строение государственного аппарата—отдельных его звеньев—должно быть не однобоким, а обязательно с наличием этих двух сторон, т. е. синтетической и отраслевой.

В особенности это требование относится к периоду второй пятилетки, когда в народном хозяйстве, в частности во всей нашей промышленности, должно развиваться так называемое комплексное комбинирование. А отсюда и первичный аппарат, казалось бы, наиболее простой, должен быть обязательно синтетически-отраслевым. Тем более это относится к высшим звеньям аппарата, ведающим целой отраслью народного хозяйства, культуры и т. п.

Известно, какое оказывали сопротивление правые оппортунисты передаче подготовки кадров из ведения наркомпросов в хозорганы. Буржуазное представление об единстве функций, их замкнутости и оторванности друг от друга в данном случае выявило себя полностью. Партия и правительство передали дело подготовки кадров в хозорганы и соответствующие наркоматы, благодаря чему подготовка кадров значительно улучшилась. За последние годы как раз выросла сеть и контингенты высших и сред-

них специальных учебных заведений. Хозорганы и наркоматы, несравненно ближе ставшие к делу подготовки кадров, вплотную занялись ими, приложили не мало сил и средств, по-большевистски разрешая проблему создания своей собственной пролетарской интеллигенции.

Разукрупнение по отраслям подготовки кадров не сняло с наркомпросов обязанности осуществлять общее методическое руководство.

По постановлению ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» за наркомпросами сохраняется программно-методическое руководство работой всех без исключения учебных заведений. Однако республиканские наркомпросы с этим делом справляются крайне недостаточно, вследствие того, что втузы и техникумы переданы общесоюзным наркоматам. Это обстоятельство выдвигает задачу создания общесоюзного органа для осуществления синтетического программно-методического руководства и планирования делом подготовки кадров в Советском союзе.

Точно такой же процесс разукрупнения по отраслям, как и в отношении подготовки кадров, наблюдается сейчас и в другой «функциональной области» — здравоохранения. Так, напр., постановлением СНК СССР от 28 апреля 1931 г. медико-санитарные учреждения, обслуживающие железнодорожный транспорт, переданы из ведения Народного комиссариата здравоохранения в НКПС. Однако эта передача сохраняет за Наркомздравом общее руководство по всей системе здравоохранения.

Укрепление синтетического планового руководства, осуществление централизации планирования предполагает усиление значения центральных, общесоюзных органов власти, приближение союзного правительства к вопросам и отраслям управления, отнесенным к компетенции союзных республик.

Так, например, образование республиканских наркомхозов, поворот лицом к вопросам коммунального хозяйства вызвало создание общесоюзного органа — Совета коммунального хозяйства при ЦИК СССР. В задачу Совета входит оказание содействия в работе наркомхозов всех союзных республик, установление общих принципов, общих начал проведения нашей коммунальной политики во всем Советском союзе [1].

По линии осуществления синтетически-отраслевого принципа построения аппарата прошла реорганизация пищевкусовой промышленности, которая была изъята из ВСНХ и специальным постановлением СНК СССР передана НКСнабу.

Но кроме управления пищевой промышленностью НКСнаб, непосредственно выросший из Наркомата внутренней торговли, ведает и вопросами советской торговли. Правда, постановлением СНК СССР от 1 апреля 1932 года «разрешение основных вопросов регулирования торговли, в соответствии с задачами развертывания советской торговли и ликвидации остатков спе-

[1] С. З. 1931 г. № 67, ст. 443.

куляции со стороны частных торговцев» передано «Комитету товарных фондов и регулирования торговли при СТО». Более того, тем же постановлением СНК ему предоставлено право иметь своих уполномоченных (на правах наркомата) в союзных республиках, краях и областях, а решения комитета «имеют силу решений Совета труда и обороны» [1].

Тов. Молотов на XVII партийной конференции говорил о том, что сейчас намечается реорганизация НКСнаба в *комиссариат пищевой промышленности*. Эта реорганизация, несомненно, назрела. Но она же, по нашему мнению, должна вызвать образование специального наркомата внутренней торговли, в задачу которого должна войти реализация постановлений партии и правительства о советской торговле и в особенности решений XVII партийной конференции о развертывании товарооборота, что должно «обеспечить дальнейшее быстрое улучшение снабжения рабочих и трудящихся деревни промышленными товарами и продуктами сельского хозяйства, для чего, в свою очередь, необходимо всемерное расширение сети магазинов, лавок и всей торговой сети, с проведением необходимой технической ее реконструкции. Только на этой основе возможно подготовить отмену нормирования отпуска товаров и заменить систему централизованного распределения развернутой советской торговлей» [2].

Для того, чтобы дальнейшее развитие советской торговли шло более планомерно, в соответствии с политикой партии, необходимо сильнейшее орудие в системе советского государственного аппарата, которое осуществляло бы политику развертывания советской торговли, способствовало бы этому развертыванию и направляло бы его по социалистическому руслу.

Приведенные примеры реорганизации аппарата и вытекающая отсюда постановка вопроса об организации новых звеньев госаппарата показывают нам, что *синтетически-отраслевое строение госаппарата разрешает проблему приближения аппарата управления к объектам управления и осуществления конкретного руководства*. Оно также разрешает и проблему усиления планирования во всех звеньях госаппарата снизу доверху.

Чем выше мы поднимаемся по пути завершения строительства социализма, тем все шире и шире становится наше социалистическое планирование. План, как метод управления, является выражением социалистической формы хозяйства.

На XVII партийной конференции тов. Куйбышев, говоря об условиях выполнения второй пятилетки, заявил:

«Важнейшее условие выполнения плана — укрепление планового начала во всех отраслях народного хозяйства. Практически планом будут обниматься все элементы хозяйства. Но тем самым усиливается и ответственность за план, за его качество, ибо каждая ошибка в плане будет тормозить и затруднять выполнение всего плана в целом.

---

[1] С. З. 1932 г. № 25, ст. 155.
[2] *Молотов и Куйбышев*. О второй пятилетке, с. 94.

Надо отдать себе вместе с тем ясный отчет в том, что роль плана будет тем значительней и его народнохозяйственный результат тем выше, чем шире и полнее будут вовлечены в плановую работу широчайшие массы рабочих и колхозников»[1].

Партия и правительство сейчас с особой силой ставят вопрос об укреплении нашего советского планирования и прежде всего по линии вовлечения в него широчайших масс рабочих с производства и колхозников[2].

По каким линиям и в каком направлении сейчас проходит укрепление планирования с точки зрения *организационной*?

Некоторые товарищи, вроде Паскуцкого и других, считали, что укрепить планирование — это значит оторвать его от оперативного отраслевого аппарата, сконцентрировать его, собрать воедино под крышей одного Госплана. Такая линия не является линией укрепления планирования в советском государстве.

Партия и правительство в деле укрепления планирования пошли по иной линии, вопреки всяким прожектерствам. *Это укрепление с точки зрения организационной идет по линии усиления планирования как отраслевого, так и синтетического.*

14 июня 1928 г. СНК СССР в специальном постановлении предложил всем наркоматам (за исключением НКИД и НК РКИ) образовать отраслевые (ведомственные) плановые органы, в задачу которых входит:

«Разработка на основе директив Госплана СССР генерального и перспективного планов и годовых контрольных цифр соответствующих отраслей народного хозяйства и представление их в Государственную плановую комиссию СССР в сроки, установленные последней; разработка сводного годового плана соответствующих отраслей народного хозяйства...; систематическое наблюдение за конъюнктурой соответствующих отраслей народного хозяйства..., руководство плановой работой отдельных управлений соответствующих наркоматов СССР и дача директив и заданий плановым органам соответствующих наркоматов союзных республик; дача заключений по перспективным планам и контрольным цифрам народного хозяйства Союза ССР»[3].

На основе этого постановления Совнаркома, в наркоматах были созданы плановые органы (управления, секторы), осуществляющие *отраслевое*, ведомственное планирование, которое уже в сводном виде обрабатывается Госпланом в *сводный* народнохозяйственный план.

Но это одна линия укрепления планирования. Помимо отраслевого планирования у нас все выше и выше поднимается роль планирования синтетического, являющегося не простой суммой отраслевых планов, а представляющего собой действительный на-

[1] *Молотов и Куйбышев.* О второй пятилетке, с. 79.

[2] Директивные указания ВЦСПС и Госплана СССР от 22/V 1932 г. («Известия» 1932 г. № 143).

[3] С. З. 1928 г. № 37, ст. 342.

роднохозяйственный план или всего Союза или союзных республик, края, района, города и села.

Общее синтетическое планирование для всего советского союза ведется Госпланом. Но Госплан планирует, синтезирует не только отраслевые общесоюзные планы, но и планы в районном разрезе.

Для того чтобы иметь настоящий районный план, надо укрепить, повысить роль территориально-синтетических органов планирования. В этом направлении характерно отметить постановление ВЦИК и Совнаркома от 20 августа 1930 г. (вскоре после ликвидации округов) «О реорганизации местных плановых органов»:

«В связи с ликвидацией округов, — говорится в постановлении, — и в целях дальнейшего укрепления системы плановых органов, а также усиления их планово-регулирующего воздействия на все области народного хозяйства и социально-культурного строительства» при риках образуются плановые части (ныне планово-статистические комиссии, а для укрепления руководства со стороны краевых и республиканских органов райпланам, краевым и областным исполкомам и цикам автономных республик предложено «усилить состав секций районного хозяйства соответствующих плановых комиссий» [1].

Об этом укреплении территориально-синтетических органов особенно подчеркивал в своем докладе на XVII партийной конференции тов. Куйбышев.

Несомненно, что эффективность планирования зависит в значительной мере от слаженности, гибкости и четкости в работе госаппарата.

Пример отрицательной роли такой неслаженности и неподготовленности госаппарата мы имеем в Наркомфине СССР при переходе к единому финплану.

Этот переход к единому финплану не удался вследствие неподготовленности финансового аппарата. От составленного на 1931 год единого финплана в 1932 г. пришлось отказаться, и сессия ЦИК СССР на 1932 г. рассматривала только бюджет.

Улучшение государственного аппарата, перестройка его работы, улучшение техники работы госаппарата являются необходимым условием повышения роли планирования всего народного хозяйства. Это положение было подчеркнуто еще XVI партконференцией, которая указала, что огромные задачи, поставленные первой пятилеткой «не могут быть решены без действительного улучшения государственного аппарата, без его упрощения и удешевления, без четкого решения каждым звеном государственного аппарата стоящих перед ним задач» [2]. Из этого решения видно как надо по-большевистски понимать технику управления. Техника управления не является суммой узкотехнических приемов. Техника советского управления есть такая организация аппарата и его работы, которая обеспечивала бы систематическое поднятие роли госаппарата

---

[1] С. У. 1930 г. № 41, ст. 492.

[2] Стенографический отчет XVI партконференции, с. 307.

как проводника генеральной линии партии, обеспечивала бы осуществление аппаратом задач, ставящихся данным этапом социалистического строительства, и, наконец, способствовала бы поголовному вовлечению трудящихся масс в государственное управление. Улучшение же техники управления является составной и неотъемлемой частью всей системы мероприятий по укреплению диктатуры пролетариата, по созданию всех условий для полного отмирания государства пролетарской диктатуры.

Было бы неверным механически отделять реконструкцию (коренную перестройку аппарата) от рационализации его. Рационализация госаппарата, ставящая задачи систематического и повседневного улучшения госаппарата в целом и его отдельных частей, является составной частью реконструкции аппарата, т. е. переделки его соответственно политике партии на данном этапе. Поэтому приобретают огромное значение в улучшении государственного аппарата как вся работа по его рационализации, так и отдельные рационализаторские мероприятия.

Ленин и Сталин неоднократно указывали на необходимость по-революционному относиться к улучшению техники управления, по-революционному бороться за лучшую организацию работы аппарата.

Работа по рационализации аппарата в пределах каждого ведомства проводится через рационализаторские бюро.

НК РКИ СССР и ВЦСПС (еще 9 августа 1928 г.) дали специальную директиву об образовании в учреждениях рационализаторских бюро. Надо сказать, что и в 1932 г. дело с организацией рационализаторских бюро в учреждениях обстоит недостаточно удовлетворительно. На Украине, например, из 12 центральных учреждений до сих пор созданы рационализаторские бюро только в трех. В Ленинграде из 26 учреждений рацбюро имеются в 16. Наряду с этим в Наркомтяжпроме из 82 объединений имеется рацбюро в 61. Именно поэтому перед госаппаратом встали огромные задачи в области улучшения техники его работы, *техники управления*[1].

Для партии и правительства совершенно недостаточно только создание дешевого и четко работающего аппарата. Необходимо *такое* улучшение техники работы аппарата, благодаря которому госаппарату смог бы успешнее решить ставящиеся перед ним хозяйственно-политические задачи.

О содержании работы в области улучшения аппарата совершенно четкую директиву дал еще XV партийный съезд, который в своих решениях указал: «Нужно строить технику управления так, чтобы улучшение этой техники способствовало разрешению основных стоящих перед нами задач социалистического строительства и подготовке условий полного отмирания государства.

[1] Задачи технического улучшения госаппарата всегда выдвигались нашей партией и правительством как важнейшие задачи в борьбе за четко работающий аппарат. Но вопросы техники управления нельзя сводить к узкому «техницизму», чем по сути дела и занимался ИТУ, выхолащивавший политическое содержание из проблемы технического улучшения госаппарата.

Улучшение техники управления является не только средством удешевления аппарата, но и способом упрощения дела управления, что не может не облегчить вовлечения новых слоев миллионных масс трудящихся в дело управления страной»[1].

Рационализаторская работа должна опираться на общественность учреждения и, прежде всего, на производственные совещания. Надо сказать, что в ряде учреждений (в частности в Наркомземе) производственные совещания стали ближе к вопросам рационализации. Ищутся новые формы вовлечения работников аппарата в рационализаторскую работу. Так, например, в Наркомфине перед IX съездом профсоюзов была проведена сталинская эстафета по сбору рационализаторских предложений. Результатом этой эстафеты явилось поступление около тысячи различных предложений. По типу «Займа идей», рационализаторское бюро Наркомпроса в первой половине 1932 г. организовало совместно с месткомом месячник по сбору рационализаторских предложений. Найдены и постоянные формы. Следует отметить, например, организацию контрольных постов рационализаторских бюро в секторах из числа их сотрудников (НКПрос, НКЗем СССР).

Рационализация дает огромнейшую экономию по аппарату управления. Так, например, за последний квартал 1931 г. по Госбанку внесено 228 рационализаторских предложений, из них рассмотрено всего 205. По подсчету эффективность только 14 рационализаторских предложений выражается в годовой экономии в 504 тыс. руб. В первом квартале 1932 года по тому же Госбанку внесено за один месяц 122 рацпредложения, из которых рассмотрено 33, с годовой эффективностью в 27 500 руб. Эти примеры подчеркивают значение рационализаторской работы.

К настоящему времени выработались следующие организационные формы рационализаторской работы: рационализаторское бюро всего ведомства, контрольные посты (из общественности) по секторам, тесно увязывающие свою работу с производственными совещаниями.

Одной из решающих задач рационализаторской работы является удешевление госаппарата.

Ленин в статье «Лучше меньше, да лучше» писал: «Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата». Он еще тогда указывал, что, максимально снижая расходы на содержание госаппарата, надо «чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч»[2].

В соответствии с этими указаниями Ленина уже XV партийный съезд дал категорическую директиву о систематическом снижении административно-управленческих расходов в госаппарате. Неоднократные решения по этому же вопросу в последующее

[1] Стенографический отчет XV партийного съезда, с. 1287.
[2] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 417.

время подтверждают ту мысль, что проблема снижения административно-управленческих расходов всегда стояла перед нашей партией и правительством. Эта же проблема на данном этапе поставлена со всей остротой тов. Сталиным в его речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. по вопросу о мобилизации внутренних ресурсов, в чем не малую роль должен сыграть и режим экономии в госаппарате. За истекшие годы партия и правительство добились огромных успехов в *снижении административно-управленческих расходов*. Так, например, за время 1926/27 года по 1929/30 г. административно-управленческие расходы по единому госбюджету снизились с 463 млн. руб. до 382,1 млн. руб., т. е. произошло сокращение на 81,8 млн. руб., или на 17,5%.

Систематически снижался удельный вес управленческих расходов и в местном бюджете. В 1927/28 г. этот удельный вес выражался в 19,8%, в 1932 г. удельный вес управленческих расходов предположено довести до 12%.

Следует отметить, что удельный вес управленческих расходов по отношению к сумме расходов бюджета на финансирование народного хозяйства снизился с 48,8% в 1926/27 году до 10,5% в 1929/30 г. Таким образом систематически из года в год удельный вес управленческих расходов в бюджете снижается. Ниже мы приводим данные, характеризующие снижение стоимости содержания центрального аппарата РСФСР в абсолютных цифрах и в процентах по отношению к 1925/26 году. Эти данные в достаточной мере характеризуют систематическое уменьшение и удешевление аппарата так называемого «чистого» управления, но с другой стороны из этой таблички видно, как с ростом нашего хозяйства увеличивается аппарат (и следовательно содержание его) Госплана, ВСНХ и др. хозяйственных органов.

Задачи успешного выполнения плана второй пятилетки требуют решительного осуществления снижения административно-управленческих расходов и абсолютно и относительно.

Проверка выполнения административно-управленческих расходов за первый квартал 1932 года показывает перерасход государственных ассигнований хозорганами в 1931 году на 2,5%. Сумма административно-управленческих расходов, установленная на 1932 год по центральному аппарату, превышает сметные ассигнования 1931 года на 40%. По отдельным ведомствам отмечается особо большой рост расходов, по отношению к 1931 году: ВСПК на 187,8%, Главдортранс на 142,8, Центрожилсоюз на 188,8, Наркомснаб — 83,1, Всекопромсоюз — 340,9%.

Эта же проверка обнаружила превышение штатного контингента: по бюджетным учреждениям — на 7,9%, по хозорганам — на 20,7%. Следовательно, судя по этим данным, нужно прямо сказать, что выполнение директив правительства о снижении в 1932 году административно-управленческих расходов проходит явно неудовлетворительно. Поэтому задача дальнейшего удешевления госаппарата путем снижения административно-управленческих расходов должна быть со всей силой поставлена перед каждым зве-

Динамика штатов и стоимости центрального аппарата РСФСР

(В абсолют. цифрах и в %% по отношению к 1925|26 году. По данным на начало 1932 г.

Наркоматы	Штаты							Стоимость содержания						
	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1931	1932	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1931	1932
ЦИК (в абсол. цифрах)	1570	1530	808	776	400	424	523	1488	1766	963	922	752	878	1044
РСФСР (в %%-ах)	100	97,4	51,5	49,4	25,5	27,0	33,3	100	118,7	64,7	61,9	50,5	59,0	70,2
СНК РСФСР	297	330	310	245	257	140	150	432	516	477	534	638	330	329,1
	100	111,1	104,4	82,5	86,5	47,1	50,5	100	119,4	110,4	123,6	147,7	76,4	76,2
Госплан РСФСР	326	326	267	267	267	472	434	727	761	613	633	664	1100	1000
	100	100	81,9	81,9	81,9	44,8	133,1	100	104,7	84,3	87,1	91,3	151,3	137
НКЮ РСФСР	460	430	382	382	382	269	269	682	632	602	556	485	586	657
	100	93,5	83,0	71,3	71,3	58,5	58,5	100	100	88,5	81,5	71,1	85,9	81,7
НКФ РСФСР	987	820	470	470	435	369	369	1450	1282	963	941	928	867	1018
	100	83,1	47,6	47,6	44,1	37,4	37,4	100	88,4	66,4	64,9	64,0	59,8	7[illegible],2
НКСнаб РСФСР	277	339	298	348	354	244	260	462	676	610	643	752	557	562
	100	122,1	107,6	125,6	127,8	88,1	93,9	10[illegible]	146,3	132	139,2	162,8	120,6	121
НКЗдрав РСФСР	457	311	283	256	266	257	245	591	512	474	469	469	486,6	491
	100	68,1	61,9	56,0	58,2	56,2	53,6	100	86,6	80,2	70,4	79,4	82,3	83,1
НКПрос РСФСР	885	732	572	584	578	472	490	1287	1254	1000	1060	1083	1131,9	1144
	100	82,7	64,6	66,0	65,3	53,3	55,4	100	97,4	77,7	82,4	84,1	87,9	88,9
НКЗем РСФСР	932	852	670	715	720	406	410	1356	1538	1286	1379	1379	1120	1131,5
	100	91,4	71,9	76,7	77,3	43,5	44,0	100	113,4	94,8	101,7	101,7	82.6	83,6
НК РКИ РСФСР	233	229	200	199	212	243	267	501	558	453	460	483	642,7	754,8
	100	98,3	85,8	85,4	91,0	104,3	114,6	100	111,4	90,4	91 8	96,4	128,3	150,7
ВСНХ РСФСР	555	449	399	475	558	465	545	1045	1267	1007	1209	1523	1286,3	1412,5
	100	89,9	71,9	85,6	100,5	83,8	98,2	100	121,2	96,4	115,7	145,7	123,1	13[illegible],1
НКСО РСФСР	90	91	73	75	75	68	80	134	132	114	117	117	136,4	149,6
	100	101,1	81,1	83,3	83,3	75,5	88,9	100	98,5	85,1	87,3	87,3	101,8	11,2
НКТруд РСФСР	117	144	123	154	152	253	255	203	275	255	294	321	614,1	632,5
	100	123,1	105,1	131,6	129,9	216,2	217,9	100	135,5	125,6	144,8	158,1	302,5	311,3
Итого (в абс.)	7741	7092	5203	5235	4976	4082	4297	11088	11892	9342	9741	10143	9736,6	10277,5
(В %%)	100	91,6	67,2	67,6	64,3	52,7	55,5	100	107,2	84,2	87,9	91,3	87,8	92,2

ном государственного аппарата. Надо требовать от каждого руководителя безусловного выполнения директив партии и решения правительства и специальных указаний органов НК РКИ.

Поскольку основная часть административно-управленческих расходов падает на содержание личного состава аппарата, постольку следовательно решающим в отношении снижения расходов является дальнейшее сокращение аппарата и более решительный переход к привлечению трудящихся в госаппарат для бесплатного отправления функций управления. Именно последние мероприятия, т. е. вовлечение масс в систематическую работу государственного аппарата является наиболее радикальной мерой дальнейшего удешевления госаппарата.

III. Борьба за улучшение личного состава госаппарата

Вопрос о кадрах госаппарата всегда занимал и занимает одно из наиболее важных мест при постановке вопросов о госаппарате.

Проблема кадров советского госаппарата с особой остротой стала после раскрытия первых вредительских организаций. Июльский пленум ЦК ВКП(б) 1928 года и ноябрьский пленум 1929 года специально обсуждали вопрос о кадрах.

«Гигантский размах социалистического строительства, осуществление пятилетнего плана, являющегося практическим выражением лозунга партии «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны и, наконец, обострение классовой борьбы в стране ставят перед партией во всей широте и остроте проблему кадров в реконструктивный период» [1].

О значении проблемы кадров сказал тов. Сталин и в своей речи 23 июня 1931 года. В качестве одного из шести условий работы по-новому тов. Сталин поставил задачу: «рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве как интересы господствующего класса» [2].

В той же речи тов. Сталин поставил как одно из условий «работы по-новому» вопрос об использовании старых специалистов, в среде которых наметился решительный поворот в сторону советской власти, в особенности после раскрытия и разгрома вредительских контрреволюционных организаций. А отсюда тов. Сталиным и поставлена задача: «Изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним побольше внимания и забот, смелей привлекать их к работе».

Эта установка целиком вытекает из неоднократных указаний Ленина о необходимости привлечения и использования старых специалистов. Но привлекать старых специалистов — это значит прежде всего использовать их знания и опыт, учиться у них, направлять их работу, готовить молодую новую смену. Мы должны обставить всеми необходимыми условиями работы

---

[1] Резолюция ноябрьского пленума ЦК ВКП(б), с. 29.
[2] И. Сталин. Новая обстановка, с. 17.

старых специалистов, всемерно поощрять их плодотворную работу в области социалистического строительства, но в то же время было бы величайшей опасностью превратиться в простых «штамповщиков» при специалистах. Тов. Сталин в первой речи перед хозяйственниками подчеркивал, что использование специалистов означает в то же время изучение техники, науки управления, «чтобы потом стать вместе с преданными нам специалистами настоящими руководителями производства, настоящими хозяевами дела».

Начиная с шахтинского процесса, проблема кадров была особенно заострена по линии хозяйственного аппарата. Но это ни в какой мере не снимает проблемы кадров и по линии госаппарата, а также и для других рычагов системы диктатуры пролетариата. Тов. Каганович на XVI съезде партии говорил:

«Если июльский и ноябрьский пленумы ЦК ставили вопрос о кадрах для хозяйства, то теперь мы должны поставить вопрос о кадрах для всей системы диктатуры пролетариата. Мы должны поставить вопрос о кадрах и для советских учреждений, и для кооперации, и для профсоюзов и т. д.» [1].

Проблема улучшения кадров предполагает их знание, систематическое изучение.

К сожалению мы располагаем по вопросу о состоянии кадров госаппарата всего двумя далеко не полными сборниками и то только за 1929/1930 гг. Полных, исчерпывающих, а главное и новейших данных мы не имеем.

После июльского и ноябрьского пленумов ЦК во всех учреждениях были образованы специальные секторы кадров, которые однако еще не добились точного научного учета. Этими обстоятельствами в сильнейшей мере затрудняется исследование состава госаппарата.

О том, что мы должны особо тщательно следить за составом госаппарата, говорят хотя бы данные состава служащих перед чисткой совaппарата. Так, например, в Наркомфине 37% состояло из бывших царских чиновников; в Наркомтруде — 27%; в Наркомторге — 26%; в Центросоюзе — 22%. В 1929 году всего работающих членов союза совторгслужащих насчитывалось в СССР 963 232 человека, и из них 267 415 человек, т. е. 28% перешли к нам из царского аппарата управления. В различных звеньях этот процент дает сильное колебание. Если в губернских и областных органах, перешедших к нам из царского аппарата, было (в 1927 году) 31,8%, то в окружных городах этот процент повышается до 34,8%, в Москве же — до 35,1%, а в Ленинграде до 52%.

Нельзя забывать, что, помимо этих царских чиновников, значительная доля которых составляла по ленинскому выражению «несчастье» для советского госаппарата, в последнем было не мало открытых политических наших врагов. Так, в Центросоюзе перед чисткой было 136 бывших меньшевиков, бундовцев, эсеров, каде-

---

[1] XVI съезд ВКП(б), стенографический отчет, с. 79.

тов, народных социалистов, анархистов и друг., 11 человек бывших министров разных правительств, 109 человек бывших купцов, бывших офицеров 82 человека, и из них 34 офицера белой армии. Правда, аппарат Центросоюза не может быть показательным для всего советского госаппарата. Но эти цифры, полученные только во время чистки, заставляют нас особенно внимательно отнестись к кадрам советского госаппарата.

Поэтому надо считать весьма важным и совершенно своевременным решение XVI партийной конференции о проведении чистки советского государственного аппарата. Конференция особо подчеркнула, что чистка должна проходить не только по признакам классового происхождения, а «прежде всего—и главным образом—на основании оценки качества работы». Чистка дала огромные результаты как по количественным, так и по качественным показателям. В течение 1930 года (когда прошла чистка основной массы учреждений) всего просмотрено 1 600 000 сотрудников госаппарата. Из них вычищено 164 тыс. чел., т. е. больше 10%. Интересна характеристика причин снятия с работы по чистке служащих госаппарата в различных звеньях. Тов. Криницкий на съезде профсоюза работников госучреждений привел следующие данные:

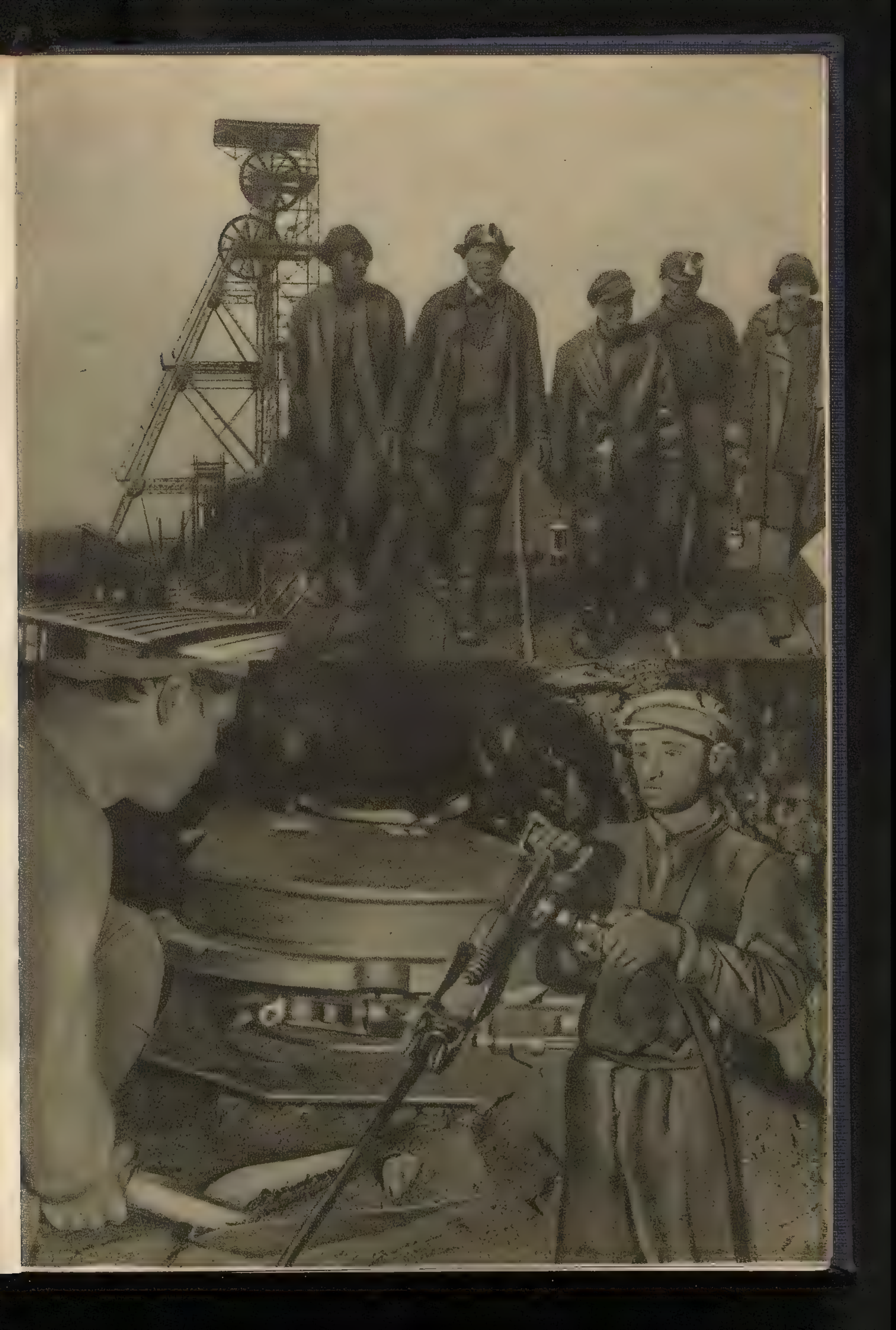
Таблица 2

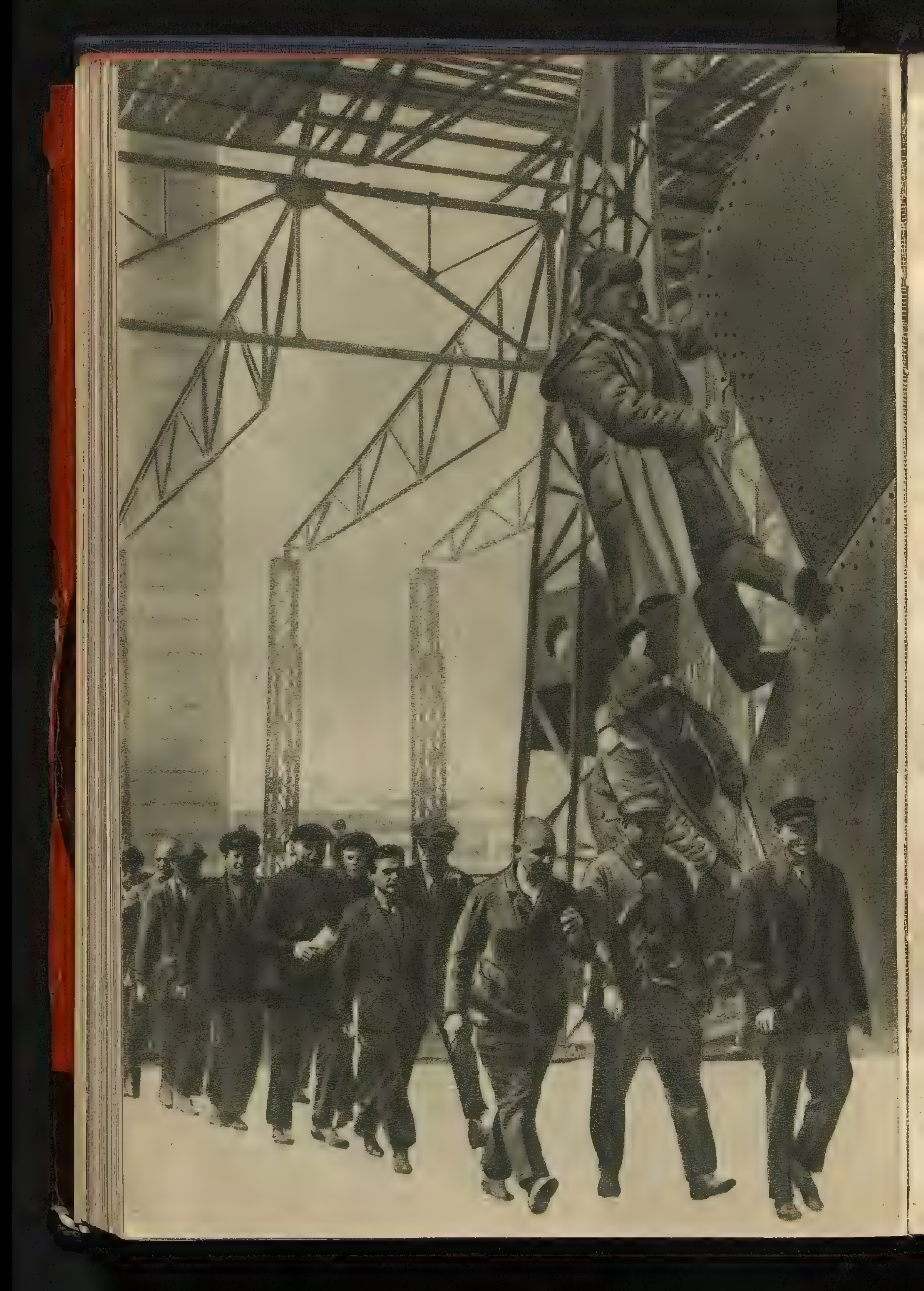
Причина снятия	Звенья госаппарата			
	Союзн.	Республик.	Област.	Низовые
1. Искажение классовой линии, связь с чуждыми элементами и т. п.	13,8	24	33	43
2. Бюрократизм, волокита, халатность и т. п.	43	30	36	17

Из этой таблички видно, что по первой группе причин (искажение классовой линии, связь с чуждым элементом) кривая нарастает сверху вниз (от союзных органов к низовым). И наоборот—за бюрократизм и т. п. эта кривая нарастает снизу вверх.

Но чистка советского аппарата (кстати сказать еще очень слабо изученная и исследованная) дала колоссальнейшие результаты не только в области улучшения *состава людей*, т. е. изгнание чуждых элементов. Огромную роль чистка сыграла в улучшении организации госаппарата. Госаппарат был во время чистки поставлен под общественный контроль. В нем было обнаружено не мало такого, что требовало немедленного исправления. Так, например, в Наркомфине было обнаружено бригадами по чистке «Положение о налоговом надзоре», которое целиком оказалось списанным с «Положения 1889 года о податных инспекторах». Чистка не мало обнаружила таких *отживших форм*, которые мешали работе советского госаппарата.

В особенности благотворное влияние чистки оказалось на повышении работы по *проверке исполнения*. Так, например,

к началу чистки Госплана (март 1931 г.) было обнаружено 190 невыполненных поручений правительства, часть которых имела почти трехлетнюю давность.

Наконец, чистка сыграла огромную роль и в деле упрощения аппарата и сокращения штатов. По тому же Центросоюзу вместо 60 отделов после чистки было образовано всего только 19 отделов, а центросоюзовский аппарат сокращен на 60%, с 4 236 до 2 150 человек. То же самое мы имеем и по центральным наркоматам: Наркомфин СССР—сокращение на 12,6%; Наркомфин РСФСР—на 15,7%; НКПС—на 33%; ВСНХ РСФСР—на 26,9%; Наркомзем РСФСР—на 60,3%; Наркомторг РСФСР—на 43%; Наркомпрос РСФСР—на 30,5% и т. д. и т. п.

Исходя из этих первых результатов чистки, XVI съезд партии поручил ЦКК—НК РКИ продолжать чистку, распространив ее на весь аппарат управления.

Чистка советского госаппарата в 1931 году в основном закончена, однако, поставленная чисткой задача систематического улучшения советского госаппарата и его личного состава ни в какой мере не снимается. В качестве орудия улучшения состава госаппарата в дальнейшем, мы, несомненно, можем прибегать к чистке типа 1930/31 гг.

Тов. Молотов на 3 сессии ЦИК СССР V созыва говорил: «Чистка госорганов от классово-враждебных элементов была необходима; от этого мы не можем отказываться и впредь». Только в дальнейшем, при проведении следующих чисток, надо будет извлечь все уроки из чистки 1930/31 гг. Основной ее урок заключается в том, что надо провести большую подготовительную работу и, главным образом, по линии изучения личного состава. Такую же работу надо провести и по линии подготовки практических мероприятий по улучшению не только состава, но и системы учреждений, так как эта последняя задача во время чистки 1930/31 гг. не была поставлена с самого начала. Мы уже указывали, что дело изучения кадров госаппарата у нас поставлено далеко не на должную высоту.

Имеющиеся материалы о личном составе аппарата показывают, что наркоматы и хозяйственные объединения к вопросам личного состава подходят недостаточно внимательно, хотя с каждым годом мы имеем усиление внимания к этому делу. Выяснилось, что как секторы учета кадров, так и отделы личного состава почти совершенно не располагают материалами, характеризующими качественный состав и динамику работников аппарата [1].

Какова же общая картина количественного и качественного состава работников центрального аппарата? Ответ на этот вопрос дает следующая таблица (стр. 259).

---

[1] ИТУ НК РКИ СССР в кратких сведениях о составе работников центральных учреждений (на начало 1932 г.) указывает, что личный состав аппарата учитывается по-разному. Если в одних учреждениях сводки составляются по признаку социального происхождения, то в других учет ведется по признаку социального положения. В некоторых наркоматах категории крестян в учете совершенно нет. Часть наркоматов дополняет еще четвертой категорией «прочие», в число которых входят помещики, духовенство, и др.

Как мы видим из этой таблицы, процент *партийной прослойки* в наркоматах колеблется от 23 до 33. В отдельных наркоматах, например, в Наркомпросе, партийная прослойка превышает 42%. В одном же из вновь организованных наркоматов — Наркомхозе—она снижается до 17%. Затем надо отметить, что в хозяйственных объединениях партийная прослойка ниже, чем в аппаратах наркомата. Если в наркоматах средний процент партийной прослойки равен 27,3, то по данным 20 объединений Наркомснаба она равна 18,4%; в 19 объединениях Центросоюза—18,1% и в 19 объединениях ВСНХ—14,1%. В отдельных же объединениях мы имеем еще более тонкую партийную прослойку: Консервоовощстрой—9,6%; Хлебострой—9%; Насосокомпрессор—7,4%; ВОМТ—10,3%.

Однако, нужно сказать, что партийная прослойка в наркоматах, по сравнению с предыдущими годами, дала известный рост. Так, например, по сравнению с данными конца 1930 года, к началу 1932 года мы имеем увеличение партийной прослойки: по Наркомзему с 29,2 до 31,4%; по Наркомснабу Союза с 28,7 до 33,1%; по Госплану Союза — с 25,6% до 30,6%; по Центросоюзу — с 24,2% до 31,4%.

Относительно процента работников — *комсомольцев* в центральных аппаратах необходимо отметить, что до сих пор этот процент чрезвычайно низок: по данным 15 наркоматов он колеблется от 3 до 8%. В объединениях средний процент комсомольцев равен 3,5%. В объединениях ВСНХ — 3,6%.

Необходимо отметить затем рост процента *рабочей прослойки* за последние два года. Так, например, в аппарате Наркомфина Союза рабочая прослойка увеличилась с 16,4%—в октябре 1930 г.—до 17,1%—в декабре 1931 г., в Наркомземе СССР—с 9,2% до 13,8%; в Наркомснабе СССР с 11,1% до 17%; в аппаратах же Наркомтруда, ВСНХ СССР и Центросоюза процент рабочей прослойки достигает 27 — 30%.

Таким образом, приведенные данные о составе аппарата показывают *увеличение партийной прослойки, рабочего ядра и некоторое повышение прослойки комсомольцев*. Несомненно, что развернутая в настоящее время работа по подготовке новых кадров в еще большей степени улучшит личный состав государственного аппарата.

Но если рабочее ядро в центральном аппарате в среднем составляет 18,9%, то в отдельных наркоматах и хозяйственных объединениях этот процент значительно понижается. Например, Хлебострой—7,5%; Текстильобъединение Центросоюза—6,4%; Зернообъединение Наркомзема — 5,6%; Наркомхоз — 12,4%. Есть однако такие объединения, как Союзпищепродукт, в котором рабочая прослойка по данным объединения достигает всех ста процентов (?). Наряду с этим нужно отметить и такое положительное явление, как достижение рабочей прослойки в аппарате ВСНХ до 30%.

С другой стороны, в ряде аппаратов мы имеем чрезвычайно низкий процент и почти полное отсутствие прослойки *из кре-*

Таблица 3

Состав работников госаппарата

(По данным последнего квартала 1931 г. и начала 1932 года)

По каким ведомствам	Всего работников аппарата	По партийности						Социальный состав									
		Чл. и канд. ВКП(б)		Чл. и канд. ВЛКСМ		Беспартийн.		Рабочих		Служащих		Крестьян		Прочих		Не выяснено	
		В абсол. числах	В %%	В абсол. числах	В %%	В абсол. числах	В %%	В абсол. числах	В %%	В абсол. числах	В %%	В абсол. числах	В %%	В абсол. числах	В %%	В абсол. чис ах	В %%
По 16 наркоматам союзным и РСФСР	12210	3191	27,3	517	3,8	8417	68,9	2315	18,9	7905	64,8	1196	9,8	787	6,4	8	0,1
По 20 объединениям НКСнаба	5757	1056	18,4	201	3,5	4499	78,1	1255	21,8	3618	62,8	706	12,3	178	3,1	—	—
По 19 объединениям Центросоюза	1630	295	18,1	64	3,9	1271	78,0	326	20,3	1224	76,1	57	3,5	—	—	2	0,1
По 7 секциям Центросоюза	920	208	22,6	38	4,1	674	73,3	259	28,2	434	47,1	227	24,7	—	—	—	
По 19 объединениям б. ВСНХ	6420	902	14,1	228	3,6	5190	80,8	Нет сведений									
Всего по объединениям и наркоматам	26937	5193	21,5	993	3,7	20051	74,4	4155	20,2	13181	64,0	2186	10,6	965	4,7	10	0,5

стьян, несмотря на то, что эти аппараты, главным образом, ведут работу в области сельского хозяйства. Например, в Зернообъединении Наркомзема, Льноцентре и в объединении рыболовецкой кооперации Центросоюза мы не имеем ни одного работника из крестьян. В аппарате Консервоовощстроя прослойка из крестьян равна всего 0,8% (при среднем проценте крестьянской прослойки в центральном аппарате—9,8%); в аппарате Союзмолоко—1,8%; в Молочно-масляном объединении Центросоюза—2,2%; в Наркомхозе нет ни одного работника из крестьян. В отдельных же наркоматах, например, Наркомземе, мы имеем значительную прослойку из крестьян—40,8%.

Обращает на себя внимание довольно высокий процент, так называемых, «прочих» в некоторых наркоматах и объединениях. Если «прочие» в среднем составляют по центральному соваппарату 6,4%, то, например, в Наркомземе Союза «прочие» составляют 26,1%; в Наркомпросе—25,1%; в ВСНХ РСФСР—24,7%; в Союзмясе НКСнаба 11,8%. С другой стороны, в Союзконсервоовощстрое по данным этого объединения имеется 0,4% «прочих» и 87,1% служащих. В текстильном объединении Центросоюза по данным объединения «прочих» совершенно не имеется, а аппарат состоит из 93,6% служащих и 6,4% рабочих.

Интересны данные по образованию состава работников аппарата. Например, по центральному госаппарату средний процент лиц с высшим образованием достигает 35,25%; со средним 36,61% и с низшим 28,14%.

Но зато в аппарате Наркомхоза мы имеем всего лишь 1,6% с низшим образованием в то время, как в Наркомпросе этот процент равен 15.

К сожалению, у нас нет данных о стаже работы личного состава госаппарата. Отдельные материалы показывают, однако, значительную текучесть работников аппарата. Так, например, в аппарате Дальне-восточного крайснаботдела за один год при наличии штата в 42 человека было уволено экономистов 12 и принято 10, консультантов — 23 и 16, машинисток 16 и 16. Вполне понятно, что такая текучесть аппарата не могла не отразиться на его работе.

Таким образом, в отношении личного состава работников госаппарата, надо будет прежде всего указать на необходимость улучшения работы по систематическому учету и изучению его, что является необходимым условием правильного подбора и расстановки людей. Правильный учет и изучение личного состава дает основание более конкретно ставить вопрос и о подготовке кадров для того или иного ведомства или отдельного звена государственного аппарата. Правильный же подбор работников и целесообразная их расстановка, при соответствующем обеспечении материально-бытового положения, в значительной мере устраняет текучесть работников аппарата.

Нужно сказать, что в области улучшения материально-бытового положения работников уже многое сделано. В 1930 и 1931 году проведено повышение заработной платы учителям, работникам низших звеньев советского госаппарата, медицинским работникам

и т. д. С начала 1932 года заработная плата учителям и медицинским работникам еще была повышена на 20 — 25% в среднем. Для некоторых категорий этих работников заработная плата повысилась до 30%.

Проблема улучшения материально-бытового положения работников госаппарата, естественно не разрешается одним только повышением заработной платы.

Самая организация оплаты труда должна быть подчинена «задачам» улучшения материально-бытового положения, искоренения «уравниловки» и ликвидации текучести.

Организация заработной платы в госаппарате является одним из наиболее отсталых участков. Надо сказать, что аппарат управления промышленностью взял правильную линию на уничтожение уравниловки, на организацию диференцированной оплаты труда. Этого нельзя сказать об организации оплаты труда в госаппарате.В госаппарате надо еще не мало поработать над тем, чтобы подравняться к аппарату промышленности.

Прежде всего, необходимо изжить «нездоровые мероприятия», к которым иногда прибегают руководители госучреждений для повышения заработной платы — искусственное увеличение штатных контингентов в целях расширения фондов заработной платы. Отсюда получается, что при общем недокомплекте штатов фонд заработной платы используется почти целиком. В особенности на этот путь стали различного рода хозяйственные объединения и кооперативные организации. Так, например, по промысловой кооперации при общем недокомплекте штатов на 138 единиц или на 27% годовой фонд заработной платы в 1931 году израсходован в размере 94.2%.

Естественно, что такой путь несомненно должен самым беспощадным образом быть искоренен.

Гвоздь вопроса лежит в правильной организации заработной платы.

Можно ли сейчас наметить какие-либо пути правильной организации заработной платы?

Учреждения, взявшиеся за осуществление сталинского условия борьбы с уравниловкой, такой путь нам указывают. Так в Наркомфине разработаны два пути борьбы с уравниловкой.

Во-первых, введена сдельщина для категорий работников, труд которых поддается точному количественному и качественному учету; к этой категории работников относится прежде всего довольно большой аппарат различных машинописных бюро, где сдельная оплата может получить самое широкое распространение. Такая система организации заработной платы дает—во-первых, повышение производительности труда и, во-вторых, несомненное повышение заработной платы. Местком НКФ СССР показывает, что после введения сдельщины в машинописном бюро средняя дневная выработка одной машинистки возрасла с 31,8 стр. в октябре 1931 года до 38,7 стр. в марте 1932 г.; в соответствии с этим росла и заработная плата, т. е. с 109 р. в ноябре 1931 г. до 139 рублей в первую половину марта 1932 г.

Второй путь — повременно-премиальная система оплаты, которая состоит в том, что работникам, переведенным на эту систему, кроме установленных для них в порядке госнормирования твердых должностных окладов, выплачивается в соответствии с количественно-качественными результатами их работы еще и премиальное вознаграждение.

Если эти оба вида оплаты труда применениы к так называемому оперативно-обслуживающему аппарату, то для ответственных работников (получающих «нагрузку», кстати сказать, ставшую давно анахронизмом) открывается новый путь. Это — диференцированная оплата в соответствии с его специализацией, стажем и другими личными данными, проявляемыми в процессе работы.

Указанные нами здесь три пути новой организации заработной платы в госучреждениях являются несомненным шагом вперед по сравнению с уже отживающей системой твердых должностных окладов, «нагрузками» к ним и «поясной»[1] разницей, в оплате одного и того же вида труда.

Наконец, в госучреждениях должны внедряться и такие дисциплинирующие мероприятия, как вычеты за прогулы, брак и т. п.

Итак, основной задачей в области организации заработной платы в учреждениях является правильное, с учетом всех особенностей труда в них, перенесение в госучреждения опыта борьбы промышленных предприятий за реализацию второго сталинского условия «работы по-новому».

Не менее сложной проблемой в госаппарате является подготовка новых кадров.

Советский союз широко развернул борьбу за новую производственно-техническую интеллигенцию. Если к началу первой пятилетки, в 1928 г., во всех наших втузах обучалось 87 000 человек, то к концу третьего года пятилетки во втузах обучалось 273 000, а в 1932 году этот контингент расширен до 380 000. В техникумах контингент учащихся разширен со 149 000 в 1928 году до 725 000 в 1932 году. Несомненно, что такое расширение контингентов, а равно и сети специальных учебных заведений, объясняется прежде всего повышением внимания со стороны всех элементов системы диктатуры пролетариата к проблеме кадров, что нашло свое выражение, в частности, в прикреплении втузов и техникумов к соответствующим наркоматам.

Для работников непосредственно госучреждений мы располагаем данными по сети финансово-экономических учебных заведений, планируемой Наркомфином. И здесь мы отмечаем колоссальный рост контингента. Так, если в 1930 г. набор во все звенья системы финансово-экономического образования выразился в довольно скромной цифре 957 человек, то эта цифра возросла в 1932 г. до 19 225 человек.

---

[1] Как известно, «пояса» были установлены еще во времена так называемого товарного рубля, когда была широко распространена своеобразная натурализация заработной платы. С тех пор ушло очень много времени. Сейчас может итти речь только о выделении ведущих районов новостроек, мест привлечения новой рабочей силы в отдаленные местности и т. п., что, несомненно, нарушает «широтные» пояса.

Сейчас перед всеми госучреждениями стоит огромной сложности вопрос о разработке плана второй пятилетки по подготовке кадров. Опыт ряда центральных учреждений показывает, что эта работа является чрезвычайно сложной. Так, например, комиссии, работающие по специальному поручению ВЦИК по составлению потребности кадров советских строителей во второй пятилетке, до сих пор никак не могут справиться со своей задачей. Основная беда в работе этого рода комиссий заключается в том, что подготовку советских строителей нельзя т а к планировать, как подготовку инженерно-технических кадров для промышленности. В последнем случае мы имеем два исходных показателя: во-первых, оптимальную насыщенность ИТР в промышленности и, во-вторых, рост самой промышленности. И то и другое берется секторами кадров как исходное основание разработки пятилетки подготовки кадров.

Совсем иное мы имеем в области подготовки советских строителей — работников аппарата, собственно управления. Здесь уже н е л ь з я руководствоваться такими же точно основаниями и показателями, как в промышленности. Особенности этого аппарата управления заключаются в том, что насыщение его новыми кадрами может и должно итти не только и не столько за счет у ч е б н о й (вузовской) п о д г о т о в к и, сколько за счет в о в л е ч е н и я в аппарат управления рабочих с производства, колхозников. Помимо школьной подготовки новых кадров здесь, решающую роль должна сыграть в н е ш к о л ь н а я подготовка работающих и намеченных к выдвижению с производства в госаппарат.

Последнее обстоятельство не снимает проблему расширения сети специальных учебных заведений по подготовке работников аппарата управления. Эта проблема обостряется еще и в связи с последним решением ректорского совещания комвузов, о ликвидации существовавших до 1932 года специальных отделений советского строительства. Следовательно основная тяжесть в подготовке квалифицированных советских строителей возлагается на чрезвычайно узкую сеть вузов (всего шесть институтов сов. строительства по Советскому союзу), которую мы имеем на 1932 г. Эта сеть, несомненно, должна быть расширена. Кроме того, надо закончить работу по более строгому очерчению самого п р о ф и л я учащихся вузов советского строительства. И, наконец, что особенно следует подчеркнуть, как никогда сейчас встает проблема о гигантском р а с ш и р е н и и з а о ч н о г о о б у ч е н и я, что у нас находится еще в довольно зачаточном состоянии.

Надо значительно шире развернуть подготовку кадров для аппарата управления не только в союзных республиках, но и во всех национальных образованиях. С последним связывается непосредственно вопрос о дальнейшей к о р е н и з а ц и и госаппарата. Коренизация как известно является составным элементом в осуществлении ленинской национальной политики.

За истекшие годы в этой области мы имеем значительные достижения. Ниже мы приведем цифры, характеризующие коренизацию аппарата управления по национальным образованиям.

Таблица 4

Коренизация госаппарата в национальн. республ. и областях

Названия автономий РСФСР	% коренной национальности среди всего населения	% коренных работников в центральн. адм.-управл. аппарата	
		1930	1931
Карельская АССР	37,4	17,9	20,0
Чувашская »	74,6	46,6	48,8
Башкирская »	23,5	6,8	6,6
Татарская »	44,9	30,7	33,0
Н.-Поволжья »	66,4	27,4	31,7
Якутская »	81,0	21,6	33,0
Коми (зырян) авт. обл.	92,3	69,6	64,4
Удмуртская »	51,0	2[illegible],7	38,7
Калмыцкая »	70,3	33,8	36,2
Карачаевская »	81,3	26,3	33,0
Каракалпакская »	48,0	8,0	3,0
Ойротская »	43,8	20,0	23,0

В союзных республиках

Союзные республики	% коренной национальности в госаппарате в 1930 г.		
	Республик. аппараты	Районные аппараты	Всего по республике в целом
Украина	36,2	75,9	58,6
Белоруссия	49,5	72,6	60,7
Узбекистан	11,5	41,6	22.2
Туркменистан	8,4	24,1	11,1
Азербайджан	35,8	69,0	37,2
Грузия	74,1	80,9	66,1
Армения	93,5	94,6	94,9
Таджикистан	14,3	44,9	21,3

Приведенные данные говорят о том, что коренизация госаппарата имеет значительные успехи; однако их все же нельзя признать достаточными. В особенности это относится к хозаппарату, процент коренных работников в котором значительно ниже, нежели в аппарате собственно управления. Как правило, насыщение национальными работниками хозяйственных, плановых органов в два-три раза ниже среднего уровня вовлечения нацработников в центральный аппарат автономий.

О насыщенности коренными работниками хозяйственных и плановых органов с достаточной яркостью говорит следующая табличка:

Таблица 5

Названия автономий	Средний % корен. работник. в центр. аппарате в 1931 г.	% коренных работников	
		в хозяйствен. органах	в плановых органах
Якутская АССР	33,0	9,5	8,7
Башкирская АССР	6,6	3,1	3,0
Татарская АССР	33,0	9,5	11,8
Калмыцкая авт. обл.	36,2	13,0	6,6

Коренизация аппарата есть не только насыщение его националами. Коренизация—это вернейший путь для разрешения двух задач: во-первых, приблизить, сделать аппарат более доступным трудящимся массам; и во-вторых, еще шире поставить осуществление одной из коренных задач советского типа госаппарата,—вовлечение масс в управление. Сталин в речи на собрании КУТВ подчеркнул необходимость «приблизить советы к массам, сделать их национальными по составу и насадить таким образом национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся массам»[1].

Мы уже говорили, что пролетарский тип госаппарата отличается от всех предшествовавших типов тем, что через него осуществляется господство большинства над меньшинством. Но это осуществление проходит и должно проходить через организацию самого большинства в государственный аппарат. Правда, по пути поголовного вовлечения трудящихся масс в управление стоит еще не мало препятствий, и основное из них—это недостаточный культурный уровень, который является одной из первопричин тех бюрократических извращений, на которые так часто указывал Ленин. Выступая с докладом по программному вопросу на VIII съезде партии, Ленин говорил:

«Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы над ним можно лишь только тогда, когда все население будет участвовать в управлении. В буржуазных республиках это было не только невозможно: этому мешал самый закон. Самые лучшие буржуазные республики, как бы демократичны они ни были, имеют тысячи законодательных помех, которые препятствуют участию трудящихся в управлении. Мы сделали то, что этих помех у нас не осталось, но до сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении, — кроме закона есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Этот низкий культурный уровень делает то, что советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются орга-

[1] Сталин.—Вопросы ленинизма. 1931 г., с. 167.

нами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы.

Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием. Сейчас эта задача для нас непомерно трудна, потому что, как мне не раз случалось указывать, слой рабочих, который управляет, непомерно, невероятно тонок. Мы должны получить подмогу. По всем признакам такой резерв внутри страны растет. Громадная жажда знаний и громаднейший успех образования трудящихся масс не подлежит ни малейшему сомнению. Этот успех не укладывается ни в какие школьные рамки, но этот успех громаднейший. Все признаки говорят за то, что в близком будущем может получиться громадный резерв, который займет место слишком надорвавшихся над работой представителей тонкого слоя пролетариата»[1].

Эти слова Ленина, сказанные еще восемь с половиной лет тому назад, имеют актуальнейшее значение и на сегодня. Ленин был прав, когда указывал на то, что в ближайшем будущем вырастут резервы. Такие резервы действительно сейчас подросли и мощным потоком вливаются в госаппарат.

В данном случае мы имеем в виду не только те два миллиона членов советов, которые разбросаны по всему необъятному Советскому союзу, не только те свыше десяти миллионов советского актива, которые вовлечены в различного рода секции, депутатские группы, комиссии и т. п., но мы имеем в виду весь советский государственный аппарат, понимаемый в широком и глубоком смысле.

Тов. Сталин в своих ответах свердловцам в 1925 г. говорил:

«Наши товарищи иногда не замечают, что вокруг наших низовых партийных, советских, культурных, профессиональных, просветительных, комсомольских, армейских, женотдельских и всяких иных организаций копошатся целые муравейники самочинных организаций, комиссий и совещаний, охватывающих миллионные массы беспартийных рабочих и крестьян, муравейники, создающие в своей повседневной, незаметной, кропотливой, нешумливой работе основу и жизнь советов, источник сил советского государства. Без этих миллионных организаций, облегчающих наши советские и партийные органы, существование и развитие советской власти, руководство и управление великой страной было бы абсолютно немыслимо. Советский государственный аппарат состоит не только из советов. Советский государственный аппарат в глубоком смысле этого слова состоит из советов плюс миллионные организации всех и всяких беспартийных и партийных объединений, соединяющих советы с глубочайшими «низами», сливающих государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающих шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением»[2].

---

[1] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 145.
[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, 1931 г., с 184.

Следовательно стирание барьера лежит у нас как раз через тот путь, о котором говорил Ленин на VIII съезде партии, т. е. переход от управления для трудящихся к управлению через трудящихся. Эта проблема «стирания барьера» разрешается прежде всего в наших массовых организациях—в советах, являющихся основным стержнем всего государственного аппарата. Советы являются в подлинном смысле школой государственного управления. Через советы массы вовлекаются в управление государством без отрыва от производства. Через расширение советской демократии; через отправление функций государственного управления каждым членом совета, каждым вовлеченным; через дальнейшее развитие массовой советской работы лежит путь распространения на весь госаппарат выборности и сменяемости, т. е. превращение всего советского государственного аппарата (а не только массовых его органов — советов) в аппарат управления через трудящихся.

Каковы организационные условия вовлечения масс в управление? Во-первых, приближение аппарата управления к массам, и во-вторых, такое упрощение аппарата управления, чтобы каждая функция его стала доступной рабочему. Этим самым мы достигнем такого положения, когда каждый трудящийся смог бы быть «специалистом по управлению», а тем самым, чтобы не было таких «специалистов по управлению», которые отделены от управляемых. Ленин говорил, что у нас тогда не будет бюрократизма, когда все станут «бюрократами», т. е. когда не будет совершенно бюрократов.

Но для того, чтобы этого достигнуть, нужна большая работа и над системой аппарата и над системой его работы. В соответствии с ленинскими установками тов. Куйбышев на XVII партийной конференции говорил, что «децентрализация и конкретизация руководства, сочетаемые с величайшей плановой дисциплиной, при вовлечении миллионных масс в управление, будут означать сильнейший удар по бюрократизму — этому отвратительному наследию капитализма. С развитием социалистических отношений и ликвидацией классов исчезает самая основа бюрократизма». Но эта постановка, как правильно указывал в своем докладе тов. Куйбышев, не снимает задачи еще большей работы над вовлечением масс в управление и организацию производства.

Каковы эти формы вовлечения масс в управление и организацию производства?

Во-первых, массовые советские органы — советы, секции, депутатские группы, всякого рода комиссии; во-вторых, привлечение к отправлению функций государственного управления различных негосударственных организаций — профсоюзы, комсомол, кооперация, добровольные общества; и, в-третьих, «новейшие формы советской демократии» — шефство, соцсоревнование, ударничество и соцсовместительство.

Особое значение в реконструктивном периоде сыграло шефство рабочих над госаппаратом. Шефство родилось по инициативе московского завода, гиганта Электрозавода, во время чистки госаппарата и сразу же получило всеобщее признание и распростра-

нение. Через полгода после почина Электрозавода XVI съезд партии по отчету ЦКК сказал:

«Одним из крупнейших завоеваний в области борьбы с бюрократизмом является новая массовая форма рабочего контроля снизу—шефство заводов над соваппаратом. Шефство заводов и передача рабочим исполнения отдельных функций госаппарата является крупным шагом по пути осуществления идеи Ленина о том, что «целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся по отбытии восьмичасового «урока» производственной работы». 7-часовой рабочий день открывает нам возможность для реализации этих указаний Ленина.

Основная задача шефства должна заключаться в повседневном контроле со стороны заводов-шефов над исполнением подшефным аппаратом важнейших директив партии и правительства. Именно повседневное ознакомление рабочих с практической работой учреждения создаст мощный резерв новых пролетарских кадров для постоянной работы в советском аппарате.

Шефство как массовое пролетарское движение, направленное на улучшение работы советского аппарата, должно найти исключительную поддержку и помощь со стороны всех организаций» [1].

О том, что шефство действительно является массовым движением, свидетельствуют такие, хотя бы, показатели, что за первый год осуществления шефства, через шефские бригады прошли три тысячи рабочих Электрозавода, две тысячи рабочих Электросилы (Ленинград). Только за первый год шефства количество шефствующих заводов удвоилось и утроилось. В Ленинграде количество шефствующих заводов со 100 выросло за год до 210, в Москве с 84 до 236, на Украине за полгода 1931 года — с 47 предприятий до 506 и т. д.

Шефство принесло огромные результаты в деле улучшения работы госаппарата, в деле проверки его классовой линии, проверки выполнения директив партии и правительства и упрощения, удешевления госаппарата. Особенно большие результаты шефства имеются по Электрозаводу, шефствующему над НКФ. Так, например, в первые же месяцы шефства бригады выполнили сложную работу по выявлению и взысканию 40 млн. руб. недоимок с частного сектора по Москве и другим городам. Не менее значительная работа и другого шефа-передовика — завода имени Лепсе (Москва), шефствующего над НКПросом. Лепсовцы близко вошли в работу коллегии НКПроса и внесли коренной перелом по всей линии НКПроса в реализации директив партии и правительства о введении всеобуча. Такие примеры насчитываются сейчас не единицами, а десятками и сотнями.

Наряду с достижениями, мы еще и до сих пор встречаемся с целым рядом недостатков и прямого извращения самой идеи шефства. Мало того, что в ряде районов СССР вообще нет никакого шефства (в частности, так было еще в 1931 г. в Армении), но, зачастую, шефство было только на бумаге! Так, например, в Дальне-

---

[1] Стенографический отчет, с. 720.

восточном крае все 10 шефствующих предприятий не вели никакой работы. Такое же положение мы наблюдали и на некоторых гигантах Москвы (завод имени Ильича, Динамо). Зачастую шефская работа никак не увязывалась с массовой советской работой на предприятиях (с депутатскими группами). Постановление ЦКК—НК РКИ, опубликованное 8 апреля 1932 года, указывает, как на один из основных недостатков в области шефства — это недооценку, игнорирование шефства, вопреки прямому указанию XVI партийного съезда. Вторым недостатком является отсутствие связи шефских бригад с депутатскими группами на предприятиях. Наконец, надо по-большевистски драться за действительное осуществление решений XVI партсъезда, что «партийные организации, особенно заводов, должны рассматривать шефство как важнейшую часть своей массовой работы. Руководители организаций и партийные ячейки учреждений, над которыми заводы принимают шефство, обязаны создавать благоприятную обстановку для работы шефа и несут ответственность за препятствия со стороны аппарата, мешающие развертыванию шефства».

Там, где борьба за шефство действительно велась по-большевистски, эта форма контроля снизу получила новое развитие, вылившись в образование невиданного доселе института социалистических совместителей по почину рабочих «Красного путиловца». Краснопутиловцы, в порядке осуществления шефства над учреждениями, выдвинули идею посылки рабочих в госаппарат, но без отрыва от производства, в порядке соцсовместительства.

Президиум ЦКК и коллегия НК РКИ СССР в специальном постановлении «О соцсовместительстве рабочих и работниц в советском аппарате» так оценивает соцсовместительство:

«Шефство внесло коренное изменение в организации проверки исполнения, путем привлечения к ней организованных рабочих масс.

Соцсовместительство, возникшее и наиболее успешно развившееся на базе шефской работы, является новой формой непосредственного участия рабочих в управлении государством и создает новые возможности привлечения рабочих масс к борьбе с бюрократизмом».

Развитие шефства и, особенно, социалистического совместительства подводит нас вплотную к реализации одного из важнейших положений партийной программы о том, что необходимо «постепенное вовлечение всего трудящегося населения, поголовно, в работу по управлению государством».

Социалистическое совместительство получило быстрое массовое распространение. Так, например, по Москве (с августа 1931 г.) количество соцсовместителей увеличилось со 120 до 1 523 и из них более 82% рабочие с большим производственным стажем. В качестве соцсовместителей мы имеем членов Верхсуда (в РСФСР, на Украине). Соцсовместители прекрасно работают и на чисто специальных должностях. (Зам. главного врача станции скорой помощи, зам. главного инженера треста и т. д.) [1].

Выдвигаясь во все звенья хозяйственного, финансового, управленческого и социально-культурного аппарата, соцсовместители в самый непродолжительный срок овладевают техникой работы аппарата.

Благодаря реальным достижениям соцсоместительства, Совнарком СССР мог принять постановление об общественных инспекторах по охране труда, имеющее задачей улучшение работы по охране труда и технике безопасности непосредственно на производстве и усиление контроля рабочей общественности за проведением в жизнь законов о труде.

Общественные инспектора выделяются во всех государственных предприятиях, на транспорте, строительстве и в совхозах и выполняют свою работу бесплатно, в порядке общественной нагрузки в нерабочее время.

Выделяются они фабрично-заводскими и местными комитетами профсоюзов, перед которыми они и отчитываются. Выделяются они из рабочих-ударников и лиц инженерно-технического персонала, состоящих членами профсоюзов и не занимающих административно-хозяйственных должностей, сроком на 1 год, в порядке добровольности.

Общественным инспекторам, в пределах своего предприятия, предоставлено право: «а) посещать во всякое время дня и ночи все цехи, отделы и работы предприятия, а также и имеющиеся при нем помещения для обслуживания работающих...; г) требовать от администрации необходимых объяснений, книг, документов и других сведений, касающихся охраны труда и техники безопасности...; е) по согласованию с инспекцией труда привлекать к ответственности, на основе действующего законодательства, за нарушение законов о труде»[2].

В этом постановлении дан образец наилучшей организации соцсовместительства. В постановлении дан и порядок выделения соцсовместителей (общественных инспекторов), их права, их обязанности — и не только по линии «служебной», но и по линии ответственности за свою работу перед организациями, их выделившими и, наконец, предусмотрена не оплата труда, а премия за высокое качество работы.

Надо со всей определенностью сказать, что это постановление должно лечь в основу всего дальнейшего развертывания института социалистического совместительства. Несоблюдение этих основ зачастую приводит к прямым извращениям социалистического совместительства. Так, например, в Ейске, в качестве соцсовместителей к прокурору были назначены все ответственные работники ейского рика, как раз подконтрольные этому прокурору, т. е. руководитель районного учреждения одновременно должен совмещать прокурорские обязанности именно по своему же учреждению. Так ейчане «поняли» идею социалистического совместительства в госаппарате.

---

[1] См. подробно по этому вопросу статью т. Хаевского в журн. «Советское государство» за 1932 г. № 4.

[2] С. З. и Р. 1931 г. № 42, с. 289.

В НКПС идея социалистического совместительства была извращена по другой линии: социалистические совместители были назначены приказом, и об этом узнали в НКРКИ только тогда, когда из НКПС в НКРКИ пришел запрос, по какому же окладу зачислять соцсовместителей.

Как и в шефстве, так и в области распространения социалистического совместительства надо прежде всего повести решительную борьбу с недооценкой этой формы вовлечения масс в управление и организацию производства.

Но привлечение трудящихся масс к отправлению государственных функций у нас проходит не только в «индивидуальном порядке».

К делу государственного управления у нас привлекаются целые организации трудящихся, как, например, Осодмил, ОДН, Автодор, Осоавиахим и др. Причем эти общественные организации привлекаются не вообще к работе госаппарата, а они принимают на себя определенные обязательства. Так, например, ОДН заключило с НКПросом специальное соглашение о взятии на себя обязательства в 1932 г. обучить 4 млн. неграмотных и 2 млн. малограмотных. Школы комплектуются и организуются ОДН, которое выделяет туда своих культармейцев; методическое же и программное руководство остается за отделами народного образования. Такова конкретная помощь, таковы конкретные формы привлечения к отправлению функций государственного управления массовой советской организации—ОДН.

Другая организация — Московский осоавиахим — принял активное участие в проведении призыва 1909 г., особенно в классовом отборе призывников. Замоскворецкий райсовет Осоавиахима обследовал своими бригадами 86 предприятий, проверив 150 призывников, провел свыше 250 вечеров «красного призывника», до 1½ тысяч бесед, докладов и лекций, организовал 97 уголков, 134 стола справок и др.

Эти примеры (а их можно было бы привести очень много) с достаточной убедительностью говорят о той огромной роли, которую играют в системе диктатуры пролетариата ее рычаги — добровольные общества.

Привлечение трудящихся масс в госаппарат как в форме развертывания соцсовместительства, так и в форме привлечения массовых общественных организаций, поднимает на новую ступень осуществление одного из основных принципов пролетарского типа государства — выборность, сменяемость.

В 1929 году московскими организациями был проведен очень интересный опыт расширения выборности и сменяемости в аппаратах Москвы.

В оперативном аппарате мы имеем 1 — 1½% выборных (тем самым — сменяемых) должностей: председателей советов, заведующих отделами и т. п. В Москве этот процент специальными решениями был расширен до 14. В 15 отделах Московского совета было введено 540 должностей, подлежащих выборности (зав. подъотделами, частями, бюро, замзавы, инструктора и т. п.). По всем

райсоветам новая номенклатура расширила выборность на 1 500 должностей (зав. больницами, детдомами, школами и т. д.). Таким образом около 2 тыс. человек подлежало избранию — через секции райсоветов и Моссовет—к 1 января 1930 года. Перед секциями была поставлена основная задача — использовать расширение выборности и сменяемости в целях максимального орабочения госаппарата.

Московский опыт 1929 года должен быть более глубоко изучен и обобщен для того, чтобы из него сделать все вытекающие выводы. Этот опыт несомненно может помочь и в разрешении задачи по расширению выборности и сменяемости в госаппарате на современном этапе.

Эти формы вовлечения масс в управление государством позволяют еще более расширить московский опыт. Соцсовместительство позволяет проведение выборности и сменяемости руководящих работников средних звеньев. Выборность, как правильно было нащупано в Москве, должна обязательно проходить через массовые советские организации—секции, но с обязательным участием в качестве инициаторов выдвижения депутатских групп и профорганов на предприятиях.

Вместе с тем следует заранее предупредить о той конкретно наметившейся опасности срыва самой идеи выборности и сменяемости, какая обнаружилась уже на данном этапе. Это—отрыв выдвинутых соцсовместителей от своих организаций. Приведенное нами постановление Совнаркома об общественных инспекторах по линии Наркомтруда подчеркивает необходимость регулярной отчетности соцсовместителей перед заводскими организациями, их выдвинувшими. Нужно сказать, что осуществление этого требования является необходимым моментом в выдвижении, в осуществлении выборности и сменяемости, так как постоянная связь выдвиженцев со своей заводской организацией не только популяризирует самую идею выборности и сменяемости, но и является величайшим стимулом для выращивания новых кадров государственного аппарата.

Вовлечение масс в управление нельзя проводить самотеком без приспособления к этой задаче самого аппарата. Это правило в равной мере относится ко всем звеньям—от сельсовета до наркомата включительно. Правда, некоторые рики и до сих пор считают, что вести массовую работу, т. е. вовлечение масс в управление можно только внизу, в сельсовете, но никак не наверху, в рике. Таким оппортунистам, оппортунистическим подголоскам следует взять пример с целого ряда союзных наркоматов, правильно разрешающих задачу постановки массовой работы. Это не значит, что все ведомства сумели перестроиться по линии максимального создания условий к вовлечению масс в управление. Иногда мы имели не упрощение, а усложнение функций (в недавнем прошлом, хотя бы в НКПС), что не может не стать препятствием на пути к такому вовлечению масс в управление государством.

30 ноября 1931 года орготдел Президиума ВЦИК провел специальное совещание всех наркоматов РСФСР и двух союзных нар-

коматов—Наркомсвязь и НКПС. На этом совещании были подведены первые итоги организационной перестройки наркоматов и их работы в целях расширения привлечения к оперативной работе наркоматов, секций советов.

В результате совещания выяснилось, что в ряде наркоматов выделены ответственные исполнители по оргмассовым вопросам и кое-где организованы специальные оргмассовые группы. Там, где к этой работе отнеслись с должным вниманием, были получены чрезвычайно ценные результаты по привлечению массовых органов советов к оперативной работе наркомата. Ряд наркоматов (Наркомхоз, НКФ и др.) проводили специальные совещания секций советов и представителей других массовых органов, на которых конкретно ставили задачи перехода от узко-аппаратных методов работы на рельсы широкой массовой политической работы, организации актива из передовых рабочих и колхозников. Наркомхозом и Наркомпросом дана специальная директива местным органам о развертывании массовой работы и вовлечении рабочих в управление и контроль над работой этих наркоматов.

В качестве передовых наркоматов по оргмассовой работе мы можем отметить, по данным совещания, Наркомфин РСФСР и НК РКИ, но это не значит, что все наркоматы перестроили свою работу так, чтобы по-настоящему вовлекать массовые советские органы в свою оперативную работу.

Оргсовещанием при ВЦИК намечены специальные мероприятия по дальнейшему развертыванию привлечения массовых советских органов к оперативной работе наркомата. Во-первых, наркомат должен непременно связываться в своей работе с соответствующими отраслевыми секциями советов; поэтому в директивах по проведению хозяйственно-политических кампаний обязательно должны быть даны установки и для соответствующих отраслевых секций; во-вторых, практиковать в краевых центрах и в Москве слеты отраслевых секций; в-третьих, вместе с докладами местных ведомственных органов заслушивать содоклады соответствующих секций; в-четвертых, обеспечить участие представителей отдельных секций в краевых и республиканских ведомственных съездах и совещаниях; в-пятых, в соответствии с этими задачами перестроить оргинструкторскую информационную работу наркоматов.

Отсюда в числе очередных задач стоит прежде всего такое **упрощение функции** оперативного аппарата, которое бы позволило освоить ту или иную функцию пришедшим с производства соцсовместителям или бригадам массовых советских органов-секций. Необходимо взять более решительный курс на вовлечение масс, равняясь по лучшим образцам (Наркомфин, НК РКИ и др.), и **слияние** оперативного и массового советского аппарата. Правда, в этом направлении мы должны избежать уже отмеченных в печати недостатков по реорганизации Харьковского городского совета, где отделы были упразднены и вся работа была свалена на секции, причем все это было проведено без всякой подготовки. Точно так же надо решительно пресекать и такие про-

жектерские предложения, как, например, ликвидация Наркомпроса с заменой его Совнарпросом [1]. И, наконец, к делу вовлечения масс в управление должна быть приспособлена не только система оперативного аппарата, но и работа каждого его отдельного сотрудника. В оперативном госаппарате должен получить наиболее полное осуществление лозунг — к а ж д ы й о п е р а т и в н ы й р а б о т н и к я в л я е т с я о р г а н и з а т о р о м м а с с, м а с с о в о й р а б о т ы.

Несомненно, осуществление этих задач сыграет величайшую роль в выполнении директивы XVII партконференции о превращении каждого трудящегося в сознательного и активного строителя социалистического общества.

Но это превращение в значительной степени зависит от того, какое «обратное воздействие» будет оказывать на весь процесс социалистического перевоспитания советский государственный аппарат.

IV. Реконструкция системы работы госаппарата

Осуществление конкретного руководства и проверки исполнения являются стержневыми условиями, основными методами работы и руководства по-новому в государственном аппарате. Эти методы диаметрально противоположны бюрократическому методу управления. Тов. Сталин на XVI партсъезде говорил, что «опасность бюрократизма состоит в том, что он не терпит проверки исполнения и пытается превратить основные указания руководящих организаций в пустую бумажку, оторванную от живой жизни». Ленин, говоря о бюрократизме, характеризовал его, как работу, в результате которой получается «по форме правильно, а по существу издевательство». Характерными особенностями л е н и н с к о й ч е р т ы в р а б о т е является: докапываться до мелочей, интересоваться живым, конкретным делом, не верить на слово, проверять по документам, сопоставлять последние с действительностью и отсюда давать совершенно ясные, четкие, ограниченные сроком задания, основным и второстепенным исполнителям. Не только в специальных трудах, посвященных задачам госаппарата, а в особенности по вопросу о реорганизации ЦКК-РКИ, но и в отдельных небольших записках, заметках на полях, эта ленинская черта в работе везде и всюду проходит красной нитью.

Ленинский ЦК претворяет в жизнь этот ленинский метод работы. Достаточно привести такие постановления ЦК как о транспорте, кооперации, по коммунальному хозяйству, чтобы со всей наглядностью убедиться, каким образом Центральный комитет партии во главе с лучшим ленинцем—тов. Сталиным—осуществляет по-ленински метод конкретного руководства и проверки исполнения.

В целях наиболее полного осуществления конкретного руководства и проверки исполнения и проводится соответствующая

[1] Статьи тов. Г в а й в «Народном просвещении» № 7—8 за 1930 год.

этим целям реорганизация аппарата управления по линии внедрения отраслевого принципа, правильно сочетаемого с синтетическим принципом построения аппарата.

Несмотря на совершенно ясные и четкие указания Ленина, Сталина и в решениях партии, мы все же до сих пор не можем сказать, что во всех учреждениях делу проверки исполнения отводится первостепенное значение.

Партия и правительство проверку исполнения постановили как действительно первостепенную задачу советского госаппарата. Во всем аппарате управления, сверху донизу, созданы специальные органы по проверке исполнения. Начиная с 24 декабря 1930 г., когда было издано постановление Совнаркома об организации Комиссии исполнения, такие комиссии были созданы во всех совнаркомах союзных и автономных республик, при всех краевых и областных исполкомах.

В остальном оперативном аппарате, созданы специальные секторы, отделы или выделены лица по проверке исполнения. Правда, по материалам НКРКИ за первую половину 1932 г. видно, что не все еще организации создали такие секторы, а в некоторых они существуют только на бумаге (Центральное управление народнохозяйственного учета, Союзнефтеторг и др.).

Одним из крупнейших недостатков в работе секторов проверки исполнения является текучесть их состава. О «темпах» текучести можно судить, например, по таким данным: в Наркомземе СССР состав сектора проверки исполнения в течение одного года почти дважды оказался «обновленным» (на 17 человек штатных единиц сменилось 30 человек), а в Союзмаргарине за четыре месяца состав работников сектора сменился трижды.

В секторах проверки исполнения оказалось невыполненным и второе сталинское условие «работы по-новому», т. е. проводится своеобразная уравниловка. Вместо того, чтобы концентрировать внимание на основных и решающих вопросах, секторы занимаются или пытаются заниматься положительно всем; зачастую секторы относятся к своей работе формально, ограничиваясь бумажной, а не конкретной проверкой, и не в ходе выполнения, а по истечении уже сроков исполнения.

Такая бюрократическая система проверки исполнения естественно ничего общего не имеет с большевистским осуществлением директив партии и правительства. Несомненно, в деле укрепления проверки исполнения огромную роль сыграло постановление II сессии ЦИК СССР V созыва, указавшее, что в центре внимания всех советских и хозяйственных органов необходимо иметь проверку исполнения решений партии и правительства и своих собственных решений. «Практическая работа, — говорится в указанном решении,—всех советских и хозяйственных органов должна быть переведена с рельсов декретно-директивных постановлений и распоряжений на рельсы систематической проверки выполнения на деле данных подчиненным органам заданий».

Это решение советского правительства является обязательным для всех звеньев государственного аппарата. Борясь за проведение

этого решения в жизнь ЦКК-РКИ принят ряд практических решений. Так, например, в постановлении ЦКК-НКРКИ по докладу Наркомснаба прямо сказано:

«В целях обеспечения проверки исполнения, предложить Наркомснабу СССР упорядочить систему изданий постановлений и приказов как в Наркомснабе, так и в подчиненных ему органах, с тем чтобы в каждом постановлении (приказе) и по каждому заданию были точно указаны учреждения или лица, непосредственно отвечающие за выполнение данных директив и срок их выполнения». В этом постановлении ЦКК ВКП(б) дано основное указание в самом характере руководства на современном этапе: максимальная конкретизация ответственности и сроков для обеспечения действительной проверки исполнения.

По этой же линии развернул борьбу за большевистское руководство и народный комиссар путей сообщения тов. Андреев. В приказе по НКПС № 2682 тов. Андреев требует: «чтобы аппарат железнодорожного управления работал как часы!». Далее в приказе говорится: «До сих пор в системе управления имеют место такие недопустимые недостатки, как практика руководить только через приказ, при отсутствии систематической проверки со стороны руководителей исполнения отдаваемых ими распоряжений и постановлений правительства, распыление ответственности и обезличка в исполнении, отсутствие четкого распределения обязанностей среди руководящего состава и отдельных исполнителей аппарата, недостатки оперативности в руководстве и громоздкость управленческого аппарата, при его неудовлетворительном качестве». Какие же конкретные мероприятия предложены тов. Андреевым для изжития этих недостатков?

Прежде всего по Народному комиссариату путей сообщения, дирекциям и районам свести к минимуму практику издания приказов и самый их объем. Приказы должны быть кратки, четки, конкретны, с указанием сроков исполнения и лиц, несущих ответственность...

Сосредоточить внимание на проверке исполнения, что возможно, если руководящий состав НКПС, дирекций и районов минимум одну треть своего времени будет проводить в работе на местах, лично знакомясь с работой районов, станций, депо, заводов.

Следовательно основные методы конкретного руководства заключаются в том, чтобы давались конкретные задания, точно обусловленные сроками и исполнителями, и проверять исполнение не бумажным порядком, а личным — на месте, со стороны самих руководителей учреждений и организаций. Эти большевистские методы избавят наши учреждения от того потока переписки, бумажной волокиты, который буквально затоплял отдельные звенья нашего госаппарата. В частности по тому же НКПС при старом руководстве ежедневно отсылалось и присылалось более восьми тыс. бумаг (3 млн. в год!). В этом море, конечно, тонули и задача реконструкции транспорта и задача вывода транспорта из того «узкого места», в которое он превратился за последнее время.

Характерной особенностью законодательства последнего времени является его конкретность, обоснованность данными проверки исполнения.

Тов. Сталин в своих условиях работы по-новому непосредственно связывает вопрос о конкретном руководстве с вопросом о переходе от «коллегиального управления к управлению единоличному».

Но как же эта коллегиальность должна сочетаться с единоначалием?

Об этом сочетании Ленин говорил еще на VII всероссийском съезде советов: «Коллегиальность необходима для обсуждения основных вопросов. Единоличная ответственность и единоличные распорядительства необходимы, чтобы не было волокиты, чтобы нельзя было уклоняться от ответственности».

Эта же мысль о коллегиальности в обсуждении и единоначалия в распоряжении проведена и в решениях нашей партии. Так, IX съезд и резолюции об очередных задачах хозяйственного строительства прямо записал:

«Во всяком случае необходимым условием хозяйственной организации и роста производства является фактическое проведение в жизнь, сверху донизу, неоднократно провозглашавшегося принципа точной ответственности определенного лица за определенную работу. Коллегиальность, поскольку она имеет место в процессе обсуждения или решения, должна безусловно уступать «свое место единоличию в процессе исполнения».

Совершенно понятно, что между коллегиальностью и единоначалием существует такое же «противоречие», как и между демократизмом и централизмом, децентрализацией и централизацией, подчинением по вертикали и горизонтали, и, наконец, как между укреплением пролетарского государства и его отмиранием.

Но эти противоречия не механические, а глубоко диалектические, ибо они отражают конкретную и реальную действительность.

В истории нашей партии мы неоднократно встречаемся с антиленинским пониманием по вопросу об единоначалии и коллегиальности.

Группа демократического централизма (децисты) во главе с Сапроновым, Осинским и другими боролась с Лениным, противопоставляя единоначалие коллегиальности, «отстаивая» коллегиальность, отрицая единоличие. Ленин и партия разгромили децистский уклон, являвшийся не чем иным, как отражением напора мелкобуржуазной стихии на большевистские организационные принципы.

Диаметрально противоположную децистам «линию» занимал Троцкий в дискуссии о профсоюзах. Его точка зрения, известная под именем «централизма», заключалась в осужденном и отвергнутом партией «перетряхивании» профсоюзов, переадминистрировании, полном отрицании коллегиальности.

Партия крепко ударила по всем, кто пытался ревизовать организационные принципы большевизма.

На современном этапе вопрос о строгом проведении единоначалия, единоличной индивидуальной ответственности — является по сути дела вопросом о ликвидации обезлички.

Но единоначалие и индивидуальная ответственность ни в какой мере не снимают коллегиальности в обсуждении. Единоначалие и советский демократизм—не два полярных явления, а составляют определенное единство. Ленин в «Очередных задачах советской власти» в 1918 г. говорил: «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя, во время труда»[1].

На нынешнем этапе такое сочетание демократизма трудящихся масс с беспрекословным единоначалием должно выражаться в правильном сочетании работы оперативного аппарата и массовых советских органов—секций, депутатских групп, производственных и иных совещаний. Мы уже приводили примеры того, каким образом в настоящее время перестраивают свою работу народные комиссариаты в целях привлечения к своей деятельности соответствующих секций советов. Такая перестройка должна быть проведена сверху донизу. Массовые советские органы должны включиться в оперативную работу госаппарата, помогать ему своим коллективным обсуждением, помогать ему укреплять единоначалие.

Ленин неоднократно выдвигал требование об установлении «точной ответственности каждого из состоящих на любой советской должности за выполнение определенных ясно и не двусмысленно очерченных заданий и практических работ».

В соответствии с ленинскими установками партия неоднократно давала директивы и выносила специальные решения об установлении персональной ответственности и единоначалия. Так, в резолюции XVI партконференции сказано:

«Установление точного распределения работ между исполнителями и ответственности каждого из органов и каждого из состоящих на любой советской должности лиц за выполнение определенных заданий и практических работ является одним из самых важных условий улучшения работы аппарата и обеспечения действительной возможности проверки исполнения. Должно быть решительно покончено с имеющей до сих пор чрезвычайно широкое распространение подменой решений вопросов в пределах своих прав и обязанностей соответствующим органом и внутри органа ответственным исполнителем — решениями многочисленных безответственных как междуведомственных, так и внутриведомственных комиссий, поскольку такой метод разрешения вопросов управления не только не является способом втягивания широких рабочих масс в управление, но и препятствует ему, создавая путем взаимной перестраховки работников государственного аппарата полнейшую их безответ-

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 464.

ственность, делая аппарат недоступным контролю широких масс, уничтожая какую бы то ни было возможность действительной проверки исполнения. Необходима «беспощадная борьба против господствующей расплывчатости и неясности в вопросе о том, что каждому отдельно поручено, и против вытекающей отсюда полнейшей безответственности» (Ленин)[1].

Эта же установка была подтверждена и XVI партсъездом, в решениях которого сказано: «Безответственность, чиновничье самодовольство, отсутствие честного и точного исполнения директив партии и правительства являются наиболее опасным и сложным видом бюрократизма. Беспощадная борьба с этим нетерпимым злом, обязательное доведение до конца проверки исполнения должны стать генеральной установкой в борьбе с бюрократизмом».

Таким образом, установление ответственности исполнения является одним из элементов генеральной линии в борьбе с бюрократизмом. Эта ответственность исполнения получила свое организационное выражение в системе «ответственных исполнителей».

В «Правде» от 30 мая 1930 г. был опубликован проект положения ИТУ об ответственных исполнителях — «О функциях, правах и ответственности работников госаппарата».

Верный буржуазно-юридическим «принципам» ИТУ в этом проекте дал «макет» построения госаппарата. В этом макете имеется «все». Установление четкости в работе аппарата, персональная ответственность каждого из работников за порученное дело, точное определение функций учреждения, а также и отдельных его частей, освобождение от несвойственных функций и правильное перераспределение функций между плановым оперативным обслуживающим аппаратом и, наконец, имеется и упрощение структуры по линии точного определения прав и ответственности и проверки исполнения.

В Проекте «только» отсутствует указание для какого типа госаппарата этот проект предназначен, потому что взят госаппарат «вообще», ничего не сказано о вовлечении масс и об орабочении аппарата; кроме того во всем проекте «не предусмотрено» повышение роли госаппарата, как проводника генеральной линии партии.

Правда, в проекте имеется указание на «основное условие успешного выполнения учреждением поставленных перед ним задач—правильная организация его функций».

Этот проект является не чем иным как повторением, списыванием с буржуазно-бюрократических инструкций о децернате. Характерно отметить, что известный буржуазный административист, очень много потрудившийся над буржуазным истолкованием «советского административного права», проф. Елистратов в своем учебнике составил целый панегирик ИТУвским «прожектам» и о функциональной системе построения аппарата, и о внедрении децерната.

[1] XVI партконференция. Стенографический отчет, с. 308.

Что такое система ответственных исполнителей?

Система ответственных исполнителей есть: во-первых, точное определение круга вопросов, которые поручены данному работнику; во-вторых, за выполнение задач работник сам несет полную ответственность; в-третьих, в пределах выполнения возложенных на него задач, работник обладает правом распоряжения; в-четвертых, он не является простым референтом, готовящим только материал, но свои предложения он должен доводить до конца, отстаивая их до вынесения окончательного решения вышестоящими органами; решения же высшего органа, хотя бы и отменяющего предложения ответственного исполнителя, являются для него обязательными. Таким образом вытекающее из этой системы расширение прав, и следовательно повышение ответственности работников аппарата, прямо и непосредственно связано с общей установкой укрепления и поднятия на новую ступень единоначалия. Эта система ответственных исполнителей ничего общего не имеет с буржуазно-бюрократической системой децерната.

Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что еще далеко не всеми осознана и претворена в жизнь директива партии об ответственных исполнителях. Зачастую от ответственных исполнителей остается только название, а никаких по существу ответственных исполнителей нет, они продолжают подменяться прежней иерархической лестницей завов и замов.

Укрепление единоначалия и индивидуальной ответственности мыслимо только на основе внедрения и дальнейшего развертывания в госаппарате социалистических форм и методов труда: самокритики, соцсоревнования, ударничества и т. п.

О значении самокритики как в партии, так и в нашем госаппарате, тов. Сталин говорил в специальной статье «Против опошления лозунга самокритики» («Правда» № 146 от 26 июня 1928 г.) следующее:

«Без самокритики нет правильного воспитания партии, класса, масс; без правильного воспитания партии, класса, масс нет большевизма... но, чтобы развернуть самокритику, надо прежде всего преодолеть ряд препятствий, стоящих перед партией. Сюда относится культурная отсталость масс, недостаток культурных сил пролетарского авангарда, наша косность, наше «комчванство» и т. п. Однако одним из самых серьезных препятствий, если не самым серьезным препятствием является бюрократизм в наших аппаратах. Речь идет о наличии бюрократических элементов в системе наших партийных, государственных, профессиональных, кооперативных и всякого рода организаций. Речь идет о бюрократических элементах, которые живут нашими слабостями и ошибками, которые боятся как огня критики масс, контроля и которые мешают нам развернуть самокритику, мешают нам освободиться от наших слабостей, от наших ошибок. Бюрократизм в наших организациях не есть только лишь волокита и канцелярщина. Бюрократизм есть проявление буржуазного влияния на наши организации».

Следовательно одним из орудий борьбы с бюрократизмом является большевистское развертывание самокритики в нашем госаппарате. Самокритика и бюрократизм—точно также как бюрократизм и проверка исполнения — вещи абсолютно несовместимые, друг друга исключающие. Точно также, как мы проводим и укрепляем проверку исполнения, как один из методов борьбы с бюрократизмом, развертывание самокритики должно стать одним из решающих моментов во всей работе советского государственного аппарата, стоящего на путях полного освобождения от бюрократических пережитков, бюрократических извращений. Только благодаря развертыванию самокритики, только благодаря действительной большевистской помощи нашей печати—самого сильного орудия самокритики—стало возможным вскрыть целый ряд гнойников на теле советского государственного аппарата. Достаточно только напомнить такие дела, как смоленское, астраханское, чубаровское, лудорвайское и т. д. и т. п., чтобы понять, каково величайшее значение самокритики в улучшении нашего госаппарата.

Обязанностью всей общественности в советском госаппарате, всей общественности вокруг советского государственного аппарата является дальнейшее развертывание самокритики как орудия борьбы с бюрократическими извращениями.

В борьбе с бюрократическими извращениями, волокитой в госаппарате точно также решающую роль играет развертывание соцсоревнования и ударничества. Надо сказать, что и на этом участке мы имеем не мало достижений. Но наряду с организациями, действительно по-большевистски развертывающими борьбу за внедрение социалистических форм труда, мы имеем и такие, работы которых оставляют еще желать много лучшего.

Ниже мы приводим сводку о состоянии ударничества и соцсоревнования в различных организациях, объединяемых ЦК Союза работников госучреждений.

Сводка охватывает данные первого квартала 1932 г.

Достаточно взглянуть на эту табличку, чтобы убедиться и в тех достигнутых успехах в области внедрения социалистических форм труда, какие мы имеем, и, с другой стороны, чтобы убедиться в неравномерности самих успехов. В самом деле, сравните Богучарский райком с его 269 членами союза и Наркомтяжпром, который имеет работников в 10 раз больше, чем Богучар—2595 чел. В Богучаре мы имеем 68 ударников, а в Наркомтяжпроме 0; в Богучаре соревнуются 71% общего количества членов союза, а в Наркомтяжпроме только 43. Зато в Наркомтяжпроме выделено премий 6 тыс., а в Богучаре только 100 руб. В Богучаре на каждого премированного приходится по 16 р. с копейками, зато в Наркомтяжпроме приходится почти по 100 р.

В то время как в промышленности соцсоревнование и ударничество стало поистине массовым движением, в госаппарате еще стоит проблема — догнать промышленность.

Надо еще и еще раз подчеркнуть, что внедрение социалистических форм труда в госаппарате является могущественнейшим орудием борьбы с бюрократизмом.

Таблица 6

Сведения об ударничестве и соцсоревновании за I квартал 1932 г.

Наименование организации	По скольким районам даны сведен.	Число объединяемых работников	Из них: Соревнующихся	Из них: Ударников	Число ударных бригад	Премировано из фонда соцсоревн.: Число лиц	Премировано из фонда соцсоревн.: На сумму
ЦЧО	21	5043	1365	1274	81	162	7442
Сев. Кавказ	28	5706	3985	1978	307	196	7110
Зап. обл.	63	8138	4664	2305	37	47	Нет св.
Зап. Сибирь	46	14045	5196	4801	332	526	13707
Восточн. Сибирь	19	1580	1039	616	52	203	4259
Н. Волга	31	13222	3362	1914	34	197	2361
Белоруссия	29	3785	1458	1356	115	385	15776
Нижегор. кр.	27	7194	3066	664	109	221	7560
Карелия	15	1013	476	473	28	66	2006
Крым	16	1391	288	194	11	93	3014
НКлегпром	—	959	196	—	—	—	—
НКтяжпром	—	2595	1229	—	—	65	6000
Госплан СССР	—	902	556	379	16	35	1000
Богучарская ЦЧО	—	269	193	68	3	6	100
Итого	—	658,42	27073	16022	1125	2202	70335
В %%	—	100	41,1	24,3	—	—	—

XVI партийный съезд сказал, что «борьба с бюрократизмом—важнейший участок фронта классовой борьбы». Несомненно, что бюрократизм будет окончательно ликвидирован с ликвидацией классов, так как исчезнет сама основа бюрократизма. Бюрократизм является частью общеклассовой борьбы, но классовая борьба ведется на всех участках в том числе и на таком, как госаппарат. Бюрократизм чужд самой природе советского госаппарата. Он является пережитком, извращением классовой природы госаппарата. Только оппортунисты «правые» и «левые», а также известный «право-левацкий» блок, смешивали бюрократические извращения с самой классовой сущностью, с самой классовой природой госаппарата. Сырцов, например, утверждал, что мы боремся с бюрократизмом бюрократическими методами. Его соратник «слева»—Ломинадзе—жаловался на «барско-феодальное отношение со стороны госаппарата к нуждам рабочих и крестьян».

Мы не смешиваем бюрократические извращения с природой нашего госаппарата. Против этого смешивания т. Сталин в своем докладе еще на XV партийном съезде со всей четкостью и ясностью предупреждал. Он говорил:

«О бюрократизме говорят так много, что нет нужды распространяться об этом. Что элементы бюрократизма имеются у нас и в государственном, и в кооперативном, и в партийном аппарате, в этом не может быть сомнения. Что борьба с элементами бюрократизма необходима, и она, эта задача, будет стоять перед нами все

время, пока имеется у нас государственная власть, пока существует государство,—это тоже факт. Но надо все-таки знать пределы. Доводить дело борьбы с бюрократизмом в государственном аппарате до изничтожения государственного аппарата, развенчивания государственного аппарата до попыток его слома, — это значит итти против ленинизма, это значит забывать, что наш аппарат является советским аппаратом, представляющим высший по типу государственный аппарат в сравнении со всеми существующими в мире государственными аппаратами.

В чем состоит сила нашего государственного аппарата? В том, что он связывает власть с миллионными массами рабочих и крестьян через советы, в том, что советы есть школа управления для десятков и сотен тысяч рабочих и крестьян. В том, что государственный аппарат не отгораживается от миллионных народных масс, а сливается с ними через бесчисленное множество массовых организаций, всякого рода комиссий, секций, совещаний, делегатских собраний и т. д., облегающих советы и подпирающих таким образом органы власти.

В чем слабость нашего государственного аппарата? В наличии бюрократических элементов в нем, портящих и извращающих его работу. Чтобы изгнать из него бюрократизм—а изгнать его нельзя в один-два года,—нужно систематически улучшать государственный аппарат, сближать его с массами, обновлять его за счет новых, преданных делу рабочего класса людей, переделывать его в духе коммунизма, а не ломать его, не развенчивать его. Ленин был тысячу раз прав, когда он говорил: «Без аппарата мы бы давно погибли. Без систематической, упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма»[1].

Так на пороге еще первой пятилетки тов. Сталин формулировал задачи переделки госаппарата в духе коммунизма. На пороге второй пятилетки тов. Сталин дал развернутую программу переделки госаппарата в своих исторических условиях работы и руководства по-новому. По-большевистски развернуть борьбу за осуществление указаний тов. Сталина, за поднятие роли государственного аппарата как проводника генеральной линии партии — такова основная актуальнейшая задача, стоящая перед партией и всеми ее рычагами на пороге второй пятилетки.

Советский союз вступил в первый период социализма. Вторая пятилетка должна разрешить задачу завершения построения бесклассового общества. Такова перспектива, сейчас реально вставшая перед рабочим классом и трудящимися массами Советского союза. В свете этой перспективы стоит и решается величайшей важности проблема «переделки в духе коммунизма» всего советского государственного аппарата.

Мы приводили целый ряд данных и показателей этой переделки: системы организации госаппарата, улучшения состава его

[1] XV партийный съезд. Стенографический отчет, с. 64—65.

кадров и перестройки методов работы государственного аппарата. Мы показали, что и в этом направлении рабочий класс под руководством своей партии достиг уже немалых успехов.

Сейчас на пороге второй пятилетки мы еще с большей силой можем подчеркнуть ту характеристику нашего советского госаппарата, которую дал тов. Орджоникидзе на XVI партийном съезде Тов. Орджоникидзе говорил: «Мы строим государство, подобного которому история человечества, за исключением героической попытки Парижской коммуны, не знает. В деле построения государства пролетарской диктатуры мы являемся, можно сказать, пионерами. Государство наше—это государство переходного времени. Аппарат этого государства как он ни плох, он все таки наш аппарат... Мы должны переделать наш аппарат, упростить и удешевить его, поставить его под контроль рабочих масс, привести в соответствие с нашей экономикой» [1].

То положение, что аппарат, несмотря на все его недостатки, является нашим, подчеркивается при анализе всех абсолютно элементов переделки госаппарата. В самом деле, из рассмотренной реконструкции системы организации госаппарата, мы с достаточной ясностью могли убедиться, что эта реконструкция проходит по линии создания нашего госаппарата «по образу и подобию» господствующего класса — пролетариата. Несмотря на попытки различного рода оппортунистов перенести на советскую почву буржуазно-капиталистические и мелкобуржуазные идеи построения госаппарата и несмотря на давление мелкобуржуазной стихии, партия, рабочий класс и трудящиеся нашей страны строят именно наше пролетарское государство в соответствии с основными принципами большевизма, выкованными в беспримерной 30-летней борьбе за социализм.

Один из основных руководящих принципов большевизма — демократический централизм—является руководящим принципом и в построении советского госаппарата. Все и всякие переделки системы организации госаппарата идут по линии конкретизации этого основного, руководящего организационного принципа. Диалектика, заложенная в самом этом принципе и являющаяся отражением диалектики исторического развития, проявляется, конкретизируется на каждом данном этапе, в виде все новых, более совершенных форм организации госаппарата. Децентрализация оперативных функций и централизация планирования, внедрение отраслевого принципа построения и укрепление синтетического руководства, усиление и повышение роли низовых органов и всех связей по горизонтали—наряду и вместе с усилением всех связей по вертикали—все это является конкретизацией демократического централизма на данном этапе социалистического строительства.

Осуществление основного организационного принципа большевизма—демократического централизма—нашло свое выраже-

[1] XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отч., с. 312.

ние и в перестройке методов работы госаппарата, в осуществлении сталинских указаний «работать и руководить по-новому». Диалектическое, а следовательно, правильное сочетание работы массовых органов с оперативными, внедрение единоначалия, наряду с наиболее полным осуществлением коллегиальности в обсуждении, «диктаторство» в распоряжении и бьющего весенним половодьем демократизма широких масс—таковы основные насущнейшие задачи, не только стоящие, но и успешно разрешаемые нашим госаппаратом. Внедрение и дальнейшее развертывание социалистических форм труда являются и являлись мощнейшими орудиями в руках рабочего класса в его борьбе с бюрократизмом. Внедрение и поднятие на более высокую ступень конкретного руководства и проверки исполнения являются неотъемлимыми элементами «работать по-новому, руководить по-новому».

Наконец, партия и советская власть радикальным образом разрешают поставленную перед нами новым этапом социалистического строительства проблему кадров государственного аппарата. И в этом направлении мы имеем к 15-летней годовщине советской власти на пороге второй пятилетки колоссальнейшие достижения. В среде старых «специалистов по управлению» мы провели необходимую диференциацию, мы откололи и привлекли на свою сторону лучшую часть старой интеллигенции. Мы железной метлой вычистили из аппарата диктатуры пролетариата чуждые нам элементы, бюрократов. Мы влили мощным потоком в госаппарат новые молодые кадры рабоче-крестьянской интеллигенции. И эта интеллигенция уже показала, что она действительно способна «отстаивать интересы раоочего класса как интересы господствующего класса» (Сталин). В результате достигнутых успехов в области переделки госаппарата мы имеем колоссальнейшее повышение советского актива, «облегающего» аппарат государственной власти. Выдвиженцы, соцсовместители, добровольные общества, шефские бригады, секции, депутатские группы, производственные и иные совещания являются проверенными, мощными каналами, через которые проходит вовлечение широчайших масс трудящихся в управление государством и организацию производства.

Дальнейшее упрощение функций, как и самой системы организации госаппарата, дальнейшая перестройка и приближение аппарата управления к массам являются основными задачами, стоящими перед государственным аппаратом, в свете проблем второй пятилетки, в течение которой мы должны превратить «все трудящееся население в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества» (XVII партконференция).

Выполнение одного из основных заветов Ленина, одного из основных пунктов программы марксизма-ленинизма о бесплатном отправлении функций по управлению государством к настоящему времени поставлено на новую, более высокую ступень. Дальнейшее развертывание борьбы за выполнение этого является одной из основных задач, стоящих перед государственным аппаратом во второй пятилетке. Завет Ленина о максимальнейшей

экономии в нашем госаппарате, об его удешевлении, разрешается нами с большевистской решимостью и настойчивостью. Во вторую пятилетку госаппарат получит новые возможности для того, чтобы проблема удешевления аппарата управления получила бы свое более полное осуществление.

Наконец, огромнейшую роль в деле приближения аппарата управления к массам, в деле вовлечения масс в управление сыграла проводимая нами коренизация государственного аппарата. Ранее угнетенные нации, являющиеся в буржуазном государстве только объектом управления, в советских условиях непосредственно участвуют в управлении государством, непосредственно участвуют в грандиознейшей социалистической стройке.

Вторая пятилетка, делающая решительный шаг вперед в уничтожении фактического неравенства наций, открывает новые величайшие возможности для усиления коренизации аппарата снизу доверху.

Говоря и подчеркивая эти достижения нельзя не сказать и об аппарате партии и правительства, который прежде всего и ближе всех стоит к проблеме реконструкции госаппарата. Таким аппаратом у нас является ЦКК-РКИ, созданная по мысли Ленина и являющаяся аппаратом, присущим только пролетарскому государству. После реорганизации ЦКК-РКИ, после XII партийного съезда, произведшего эту реорганизацию, прошло восемь с половиной лет. За это время ЦКК-РКИ превратилась в действительно мощное орудие систематической переделки госаппарата. Когда мы говорим о ЦКК-РКИ, то мы имеем в виду не только облеченных высшим доверием партии членов ЦКК, не только оперативных работников РКИ, но десятки тысяч рабочих и колхозников, составляющих актив РКИ, на которых КК-РКИ опирается в своей повседневной работе. КК-РКИ стала образцовым аппаратом в области вовлечения трудящихся масс в государственное управление. Достаточно только напомнить такие организации, как «легкая кавалерия» (которой вполне заслуженно гордится комсомол), достаточно упомянуть об общественных инспекторах бюро жалоб, о контрольных постах и группах содействия на предприятиях, наконец, о шефских бригадах, о секциях РКИ, достаточно только упомянуть эти массовые разветвленные организации, чтобы представить себе всю ту мощь, которой обладает наш пролетарский орган борьбы с бюрократизмом, борьбы за социалистическую переделку госаппарата.

Ленин в своем плане реорганизации ЦКК-РКИ писал:

«Задача Рабоче-крестьянской инспекции не только, и даже не столько «ловить», «изобличать» (это—задача суда, с которым Рабкрин соприкасается близко, но отнюдь не тождественно),—сколько уметь поправить. Умелое исправление во-время — вот главная задача Рабкрина. Чтобы уметь исправить, надо, во-первых, изучать и изучить ведение дела в том или ином учреждении, предприятии, отделе и т. п.; во-вторых, во-время провести необходимые практические изменения, осуществить их на деле» [1].

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 14.

Анализируя наши успехи (наряду со вскрытием тех или иных недочетов) за истекшие годы, мы вправе задать вопрос, в чем же заключается «секрет» наших успехов. Кратко говоря, этот секрет можно сформулировать так, линия партии есть линия советов, большевики крепко дрались и дерутся за поднятие роли госаппарата как проводника генеральной линии партии. Так, и только так, можно сформулировать основу всех и всяких «секретов» наших достижений.

Если борьба на два фронта является законом развития нашей партии, «является единственно правильной политикой партии» (Сталин), то борьба на два фронта как против правых, так и против «левых» оппортунистов, в нашем госаппарате является непременнейшим условием осуществления им политики партии.

Классовая борьба в стране не завершается до ликвидации классов, а тем самым не снимается опасность оппортунистических уклонов как в партии, так и в госаппарате. XVI партийная конференция с особой силой подчеркнула, что правая опасность является главной и на всем этапе развития во вторую пятилетку. Это положение следует особо четко, особо ясно подчеркнуть и для нашего советского государственного аппарата. Только тогда госаппарат будет являться настоящим проводником генеральной линии партии, если борьба на два фронта будет являться законом и его развития.

Классовая борьба и пережитки классового общества остаются во вторую пятилетку. Отсюда перед госаппаратом стоит задача укрепления его боеспособности, задача укрепления диктатуры пролетариата. Укрепление же диктатуры пролетариата есть прежде всего укрепление партийного руководства, это есть прежде всего повышение роли госаппарата как проводника генеральной линии партии.

Партия крепко ударила по рукам всем, кто признание нашего советского госаппарата, нашего советского государства «полугосударством», «отмирающим государством» подменял отмиранием отдельных органов государственной власти, отмиранием государства по кусочкам, звеньям, клеточкам, кто тем самым не укреплял диктатуру пролетариата, а ослаблял ее в угоду классовым врагам.

Тов. Сталин на XVI партийном съезде дал классическую формулу отмирания государства. Он говорил: «Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей собой мощную и самую могучую власть из всех существовавших до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти—вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненно, и оно целиком отражает марксову диалектику».

Из этой формулы виден путь отмирания и советского государственного аппарата. Его отмирание будет происходить только через укрепление.

Говоря о перспективах развития государственного советского аппарата на пороге второй пятилетки следует с особой силой напомнить слова Ленина, высказанные им на первом совещании совнархозов 26 мая 1918 г.

«Нет никакого сомнения, что, чем дальше будут двигаться завоевания Октябрьской революции, чем глубже пойдет этот переворот, который начат ею, чем прочнее будут закладываться завоевания социалистической революции и упрочения социалистического строя, тем больше, тем выше будет становиться роль советов народного хозяйства, которым предстоит, одним только из всех государственных учреждений, сохранить за собою прочное место, которое будет тем более прочно, чем ближе мы будем к установлению социалистического порядка, чем меньше будет надобности в аппарате чисто административном, в аппарате, ведающем собственно только управлением. Этому аппарату суждено, после того, как сломлено будет окончательно сопротивление эксплоататоров, после того, как трудящиеся научатся организовывать социалистическое производство, — этому аппарату управления в собственном тесном узком смысле слова, аппарату старого государства, суждено умереть, а аппарату типа Высшего совета народного хозяйства суждено развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества»[1].

В 1918 году тип ВСНХ — это аппарат всеобщего учета, контроля и организации производства и распределения — аппарат управления и организации всего народного хозяйства. После 1918 г. ВСНХ стал чисто промышленным комиссариатом; сейчас такие универсальные функции планирования и управления народным хозяйством сосредоточены в различных хозяйственных наркоматах, СТО и Госплане. Следовательно тот тип аппарата, о котором говорил Ленин в 1918 г., сейчас сохранен, хотя в ином виде.

И отсюда, мы должны сделать тот вывод, что аппарат будущего организованного социалистического общества создается еще в эпоху диктатуры пролетариата, еще в эпоху, переходную от капитализма к коммунизму. В нашу задачу на современном этапе входит всемерно укрупнять этот государственный аппарат, подготавливать его к тому, чтобы он смог в будущем «заполнить собой всю главнейшую деятельность организованного общества».

---

[1] Ленин, т. XXIII, изд. 3, с. 36.

Управление хозяйством и хозяйственное право за 15 лет пролетарской диктатуры[1]

Г. Амфитеатров и Л. Гинцбург

•

I. Основные этапы развития организационных форм социалистического хозяйства и советского хозяйственного права.

Основные этапы развития организационных форм социалистического хозяйства и советского хозяйственного права за пятнадцать лет соответствуют основным этапам развития классовой борьбы в Советском союзе и основным этапам советской экономической политики. «Отделять организационные вопросы от политики нельзя»... Политика же «это концентрированная экономика»[2]. В частности, вопросы организации и управления народным хозяйством—вопросы сугубо политического порядка, непосредственно упирающиеся в проблемы соотношения сил борющихся классов в СССР (и вне СССР) и удельного веса каждого из них на том или ином этапе. Советское же хозяйственное право—специфическая форма политики пролетарского государства в области управления хозяйством и организации хозяйственных связей. Естественно, что периодизация развития организационных форм социалистического хозяйства и основных институтов советского хозяйственного права совпадает с периодизацией социалистического строительства в целом.

Мы различаем следующие пять периодов: 1) 1917—1918 гг. 2) 1918—1921 гг., 3) 1921—1927 гг., 4) 1927—1932 гг., 5) 1932 г. и вторая пятилетка.

Первый период: 1917—18 гг. Первый год пролетарской диктатуры. Завоевание власти, национализация, первые попытки мирного планомерного социалистического строительства, сорванные гражданской войной.

Второй период: 1918—1921 гг. Гражданская война и военный коммунизм.

Третий период: восстановительный период нэпа. Новые формы смычки (на первом месте торговая смычка). Отступление, перегруппировка сил, наступление на капиталистические элементы, социалистическая индустриализация.

Четвертый период—социалистическая реконструкция. Резолюция XV партсъезда о «решительном наступлении на кулака»[3]. Первая пятилетка. Мощное колхозное движение. Ново-

[1] Главы: I, II, III и VI этой статьи написаны Л. Гинцбургом, IV и V — Г. Амфитеатровым.

[2] Ленин, т. XXVII, изд. 3-е, с. 246.

[3] XV съезд ВКП(б). Резолюция о работе в деревне.

рот к политике ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Завершение в основном в важнейших районах ликвидации кулачества. Вступление в период социализма. Завершение построения фундамента социалистической экономики.

Пятый период. «СССР окончательно утвердился на новом социалистическом пути»[1]. Директивы по второй пятилетке, основная политическая задача которой—окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще и построение бесклассового социалистического общества.

П. И. Стучка в своей последней работе «Революционная роль советского права» дает другую периодизацию. Он намечает четыре этапа: 1) 1917—1921 гг. «Период разрушительный и период так называемого военного коммунизма». 2) 1921—1925 гг. Революционная законность. Диалектика пролетарского суда и буржуазного права. 3) 1925—1930 гг. Наступление на базе нэпа. Диалектика социалистического хозяйства и советского права. 4) 1930 г. и дальше. Последний период нэпа и первый период социализма. Новые революционно-правовые перспективы[2].

Периодизация П. И. Стучка грешит рядом серьезных недостатков. Нельзя брать за одни скобки все первые четыре года социалистического строительства. Совершенно отчетливо, как вполне самостоятельный этап в этих четырех годах выделяется первый год 1917—18 гг. У него своя расстановка классовых сил, свои задачи в области экономической политики и свои методы их решения. Недаром В. И. Ленин позднее, в 1921 г., определенно обособлял этот первый год от остальных трех лет гражданской войны и военного коммунизма[3]. Неправильно далее начало наступления на базе нэпа отодвигать так далеко к XIV партсъезду — 1925 г. или к 1926 году. Оно началось значительно раньше. Наконец, в последнем этапе годы 1930 и 1931 должны быть отграничены от 1932 года и второй пятилетки. 1931 г. приносит завершение построения фундамента социалистической экономики, а в связи с этим ряд перестроек в области организации и управления народным хозяйством крупнейшего принципиально-политического значения. 1932 год идет уже под знаком решений XVII партконференции о директивах по второму пятилетнему плану, используя все рычаги социалистического строительства, намеченные к полному развороту в 1933—1937 годах.

II. Первый год пролетарской диктатуры

Общая характеристика периода 1917—18 гг.

Первый период открывается Октябрьской революцией 25/X 1917 г. Власть переходит в руки пролетариата. Начинается

[1] Передовая «Правды» № 175 от 26 VI 1932 г.

[2] Стучка. Революционная роль советского права. М. 1931 г., с. 114 и след.

[3] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 321 и след.

новая полоса всемирной истории — строительство бесклассового социалистического общества. «Мы знаем,—говорил Ленин на III съезде советов, — как трудна дорога, ведущая от капитализма к социализму, но мы обязаны сказать, что наша республика советов есть социалистическая, потому что мы на этот путь вступили» [1].

Путь социалистического строительства лежит через советы. Новое государство—республика советов—основной рычаг и орудие социалистического строительства, это — «элемент социализма» (Ленин). Поэтому начало постройки советского государства — государственной формы диктатуры пролетариата — первое всемирно-историческое по своему значению завоевание Октябрьской революции. В течение первого года советской власти в боях и в борьбе с мировым империализмом, с буржуазией внутри страны и с хозяйственной разрухой закладываются прочные основы «невиданного еще типа государственного устройства» (Ленин). Защита пролетарской диктатуры и вместе с тем и одновременно положительное государственное строительство, итоги которому подведены в первой Конституции 10/VII 1918 г., наполняют собою весь первый период.

«Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война» (Ленин). Буржуазия не сдается без боя, она пускает в ход все средства, начиная от открытой борьбы с оружием в руках, кончая заговорами, саботажем, подкупами, простым мошенничеством [2]. Однако первые месяцы первого периода проходят под знаком выхода страны из империалистической войны, победоносного подавления первых вспышек контрреволюции, консолидации всей территории государства вокруг центральной советской власти и перспектив мирного хозяйственного строительства. Это объясняет возможность применения со стороны пролетариата и таких форм классовой борьбы, как «использование буржуазии» («Не только подавление сопротивления, не только «нейтрализация», но взятие на работу, принуждение служить пролетариату») [3]. Более того, имея в виду, что в России «переход к социализму непосредственно, сразу, без переходных мер неосуществим» [4], диктатура пролетариата готова итти на государственный капитализм. «Государственный капитализм... при советской власти был бы ¾ социализма» [5]. Лишь открытый переход международного империализма и российской буржуазии в наступление на пролетарское государство (Чехословацкий мятеж, образование контрреволюционных правительств) сорвал намечавшиеся по этой линии мероприятия, как и все мирное хозяйственное строительство в целом.

---

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 213 и след.

[2] Под «мошенничеством» мы разумеем такие факты, как перевод русских предприятий на немецкое имя или получение обманным путем при помощи фабзавкомов денег из банков с текущих счетов национализированных и секвестрированных предприятий.

[3] Ленин, т. XXV, изд. 3, с. 7.

[4] Ленин, т. XX, изд. 3, с. 46.

[5] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 484.

Основная движущая сила Октябрьской революции—пролетариат. Его верный союзник на всем первом этапе революции—беднейшее крестьянство [1]. В отношении основной массы крестьянства (середняк) задача пролетариата в течение первого периода—«нейтрализация». В конспекте брошюры «О диктатуре пролетариата» Ленин следующим образом расшифровывает сущность политики нейтрализации: «Вести», «руководить», «увлекать за собою». Летом 1918 г. в деревне развертывается мощное движение комитетов бедноты. И уже в ноябре 1918 г. Ленин выдвигает известную формулу политики партии по крестьянскому вопросу, воспринятую впоследствии VIII партийным съездом и программой партии: «Уметь достигать соглашения со средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту — это задача момента...» [2].

В течение первого периода закладываются прочные основы для создания второй предпосылки социалистического строительства: общественной (социалистической) собственности. Ниспровергается буржуазная капиталистическая собственность. Провозглашается государственная собственность на важнейшие экономические командные высоты. При этом процесс реального овладения органами пролетарской диктатуры промышленностью, транспортом и т. д. и создания нового аппарата руководства хозяйством сильно отстает от формального провозглашения государственной собственности в декретах и законах. В деле построения нового социалистического хозяйства приходится итти по новым, не протоpенным еще путям, «полагаясь на опыт и инстинкт трудящихся масс». «Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания» [3].

Ленинский план хозяйственного строительства (весна 1918 г.)

Программа экономических мероприятий большевистской партии предположенных к осуществлению «на другой день» после социалистической революции была установлена в ряде решающих пунктов еще апрельскими тезисами Ленина, затем развита и конкретизирована VI съездом партии (конец июля—начало августа 1917 г.) и Лениным в статьях, написанных непосредственно перед Октябрьским переворотом. Основные её пункты такие: национализация земли, национализация банков и централизация банкового дела, национализация ряда синдикатов в наиболее кон-

[1] Ленин, т. XXIII, изд. 3, с. 391: «Сначала» вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов и постольку революция становится социалистическою».

[2] Ленин, т. XXIII, изд. 3, с. 294.

[3] Ленин, т. XXIII, изд. 3, с. 40.

централизованных отраслях промышленности и принудительное синдицирование других, отмена коммерческой тайны и установление действительного рабочего контроля за производством, хлебная монополия, всеобщая трудовая повинность, всестороннее государственное регулирование производства, труда и распределения продуктов [1]. В итоге: «в с е народное хозяйство, организованное, как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтера, как и в с е должностные лица, получали жалование не выше «заработной платы рабочего» под контролем и руководством вооруженного пролетариата—вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе нам необходимо» [2]. При этом отнюдь не обязательно, чтобы вся программа осуществилась в точности и полностью в намеченном виде. Опыт миллионов—не переставал повторять Ленин—лучший критерий жизненности и своевременности каждого конкретного мероприятия. За две недели до 25/X Ленин писал: «Мы все согласны, что б о я з н ь итти к социализму есть величайшая пошлость и и з м е н а делу пролетариата. Мы все согласны, что основными из первых шагов на этом пути должны быть такие меры, как национализация банков и синдикатов. Осуществим сначала их и другие подобные меры, а т а м в и д н о б у д е т. Там будет в и д н е е, ибо наш кругозор неизмеримо расширит практический опыт, стоящий в миллион раз больше наилучших программ» [3]. Некоторые из намеченных мероприятий подготовлены практикой империалистических государств периода империалистической войны. Но в том то и дело, что в условиях перехода власти в руки пролетариата — они неизбежно означали «шаг и шаги к социализму». Вот почему эти мероприятия — программа идущего к власти пролетариата, программа последовательно социалистическая и вполне реальная, учитывающая сложность обстановки и действительные возможности революционного правительства.

«...Если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, — писал Ленин, — значит оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство... направляет все предприятие — в чьих интересах? Либо в интересах помещиков-капиталистов — тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство — империалистическую республику, либо в интересах революционной демократии — тогда э т о и е с т ь ш а г к с о ц и а л и з м у. Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, о б р а щ е н н а я н а п о л ь з у в с е г о н а р о д а и постольку п е р е с т а в ш а я быть капиталистической монополией» [4].

---

[1] VI съезд РСДРП. Резолюция об экономическом положении. См. Л е н и н, т. XXI, изд. 3, с. 474, 155—192.

[2] Л е н и н, т. XXI, изд. 3, с. 404.

[3] Л е н и н, т. XXI, изд. 3, с. 313—314.

[4] Л е н и н, т. XXI, изд. 3, с. 186—187.

В течение первых четырех — пяти месяцев советской власти проводится или во всяком случае декларируется проведение (с тем, что фактическое осуществление растягивается на более или менее длительный срок) большинства предложенных мероприятий. Но не все. А некоторые не в том или не совсем в том виде, как намечалось до Октября. Поправка на «опыт миллионов» следовательно действует, как и предсказывал Ленин.

Так, конфискация помещичьей собственности на землю реализуется первоначально как социализация земли с провозглашением уравнительно-трудового землепользования. Проведение в жизнь такого лозунга, как всеобщая трудовая повинность, отодвигается на целый год и происходит уже в совершенно иной обстановке. Но, в некоторых областях революция с первых же шагов продвигается значительно дальше дооктябрьских наметок: и прежде всего в вопросе революций — о собственности.

Вторжение в сферу буржуазной капиталистической собственности происходит более глубокое и главное несравненно более быстрыми темпами, чем предполагалось.

Важнейшие из хозяйственных мероприятий первых месяцев советской власти следующие: конфискация всей помещичьей земли и передача всех помещичьих имений, а также монастырских, церковных и удельных земель в распоряжение местных земельных комитетов и советов, национализация банков, торгового флота, внешней торговли и некоторых крупных промышленных предприятий, аннулирование займов, установление государственной монополии на ряд товаров (в частности на сельскохозяйственные машины и орудия) и на объявления, запрещение сделок с недвижимостью, отмена права наследования, учреждение ВСНХ, декрет о рабочем контроле, о восьмичасовом рабочем дне и о биржах труда.

Все это было и записано и завоевано к весне 1918 г. несмотря на исключительно сложную и тяжелую международную обстановку, одновременно с борьбою за мир и за революционный выход из империалистической войны, в условиях гражданской войны, бешеного сопротивления буржуазии и ожесточенной борьбы с буржуазной агентурой — мелкобуржуазными соглашательскими партиями.

Весною 1918 г. после заключения Брестского мира и ликвидации первых вспышек гражданской войны как будто бы наступает передышка. Перенося центр тяжести государственной работы в хозяйственную область, Ленин набрасывает замечательный план хозяйственного строительства первого в мире социалистического государства. Это план построения социалистического хозяйства. Он сохранил в полной мере свое значение до сегодняшнего дня. Больше того: именно сейчас, когда впереди вырисовывается — как вполне реальная — перспектива бесклассового социалистического общества, из ленинского плана 1918 г. приходится черпать особенно полными пригоршнями.

Каковы основные составные элементы этого плана?

Власть завоевана и удержана. Завоевана передышка, которую при затянувшейся мировой революции нужно использовать с мак-

симальной эффективностью для создания и упрочения основ нового общественного строя.

В этих условиях главная задача момента — организационная [1]. «Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали у богатых — для бедных, у эксплоататоров — для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять. И все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять особенности перехода от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплоататоров к главной задаче управления» [2]. Россией надо управлять для хозяйственного строительства, т. е. для решения созидательной задачи — «построить новые экономические отношения» [3], осуществить «более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом» [4].

Мало того, что завоевана власть. Завоеван также ряд важнейших экономических высот. В руках пролетариата уже земля, банки, флот, железные дороги, внешняя торговля, значительная часть промышленности. Все это надо подсчитать (в первую голову), организовать по-новому, пустить в ход, одним словом обобществить на деле. «Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добивать буржуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без уменья правильно учесть и правильно распределить, обобществить же без такого уменья нельзя» [5].

Как решить все эти задачи неслыханной в истории человечества трудности?

Ленинский план 1918 г. представляет собою попытку «осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим так сказать приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки» [6]. Он исходит из трезвого анализа экономики революционной России. Это переходная экономика. В ней налицо элементы пяти различных общественно-экономических укладов: а) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство, б) мелкое товарное производство (большинство крестьян «из тех, кто продает хлеб»), в) частнохозяйственный капитализм, г) государственный капитализм, д) социализм. Преобладает мелкобуржуазная стихия. Она — главный враг. Мелкое товарное производ-

[1] Ленин, т. XX, изд. 3, с. 380: «... Чудеса пролетарской организованности—вот что является нашим лозунгом теперь и еще больше будет нашим лозунгом и требованием, когда пролетариат будет у власти», писал Ленин в мае 1917 г.

[2] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 441—442.

[3] Ленин, т. XXV, изд. 3, с. 489.

[4] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 336.

[5] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 512.

[6] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 64.

ство вместе с частнохозяйственным капитализмом борются и против социализма и против государственного капитализма. Важнейшая арена этой борьбы — хлебная монополия, которую пытается сорвать спекулянт, перекупщик, кулак, мародер. При таких условиях задача пролетарского государства — не ослабить, а усилить позиции государственного капитализма. Допустимы и необходимы соглашения с крупно-капиталистическими трестами («надо учиться социализму у организаторов трестов») (Ленин). Желательны и целесообразны иностранные займы и концессии. Надо использовать предпринимателей и буржуазную интеллигенцию для работы во вновь создаваемых аппаратах по управлению хозяйством. Надо всячески укреплять элементы государственного капитализма («хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры»)[1] против мелкобуржуазной стихии, ибо «государственный капитализм экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика, это во-первых. А во-вторых, в нем нет для советской власти ничего страшного, ибо советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты»[2]. Не следует ставить вопроса об экспроприации кулачества. Для этого пролетарское государство не располагает достаточными средствами, силами, возможностями. Необходимо лишь сломить сопротивление кулаков хлебной политике государства, заставить их отдать хлеб. Не следует ставить вопроса о ликвидации привычных для среднего крестьянства товарно-денежных форм хозяйствования. Надо лишь подчинить их регулирующему воздействию государства. Поэтому исключительное значение приобретает потребительская кооперация.

«...Положение кооперативов в корне принципиально меняется со времени завоевания государственной власти пролетариатом, с момента приступа пролетарской государственной властью к систематическому созданию социалистических порядков. Тут количество переходит в качество. Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм»[3].

Необычайно сложные задачи стоят перед пролетарским государством в области организации социалистического производства. Центральная проблема здесь — создание высшей производительности труда по сравнению с капитализмом. Какие рычаги необходимо пустить в ход для решения этой проблемы? Прежде всего — наладить всенародный учет и контроль. «...Учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный — учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов — в этом *суть* социалистического преобразования, раз политическое господство пролетариата создано и обеспечено»[4]. Поставить в частности точный учет и контроль в пределах социализированного уже произ-

---

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 513.
[2] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 516.
[3] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 423.
[4] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 163.

водства—это и значит «обобществить производство на деле». Самая схема организации управления социалистическим производством должна быть построена на основах своеобразного демократического централизма — совмещения начал централизованного руководства в основном, в главном, в решающем с максимальной самостоятельностью, инициативой и самодеятельностью каждой клеточки народнохозяйственного целого. Огромное значение должно приобрести соревнование между фабриками, заводами, совхозами и другими «производительно-потребительскими коммунами», соревнование, обеспечивающее сравнимость результатов движения к социализму и возможность практического повторения опыта, проделанного одной коммуной, другими [1]. Внутренний строй каждого отдельного предприятия должен строиться с учетом небывалого подъема трудового энтузиазма пролетариата, впервые в истории человечества сбросившего бремя эксплоататоров. На социалистической фабрике — новое отношение к труду, новые условия хозяйствования, в которых трудящиеся «впервые могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами» [2]. Коренным образом должно быть изменено назначение наиболее широких и массовых организаций рабочего класса — профсоюзов. Они получают новые функции по регулированию и управлению хозяйством.

Неправильно было бы думать, что весь организационный режим социалистического предприятия покоится на одном лишь трудовом энтузиазме. Вопросы материальной заинтересованности отнюдь не снимаются с порядка дня. Сущность социализма в «общем владении средствами производства и распределении продуктов по мере работы каждого» [3]. Принцип вознаграждения по труду, обязателен не только для переходного периода в тесном смысле слова, но и для всей первой фазы коммунизма — социализма. Поэтому как правило — «лучший пример организации производства» должен «сопровождаться неизбежным облегчением труда и увеличением суммы потребления для тех, кто эту лучшую организацию провел» [4]. Также и «буйный митинговый демократизм» трудящихся на производстве находит свои границы в «железной дисциплине во время труда», в «беспрекословном выполнении предписаний советского руководителя во время труда», а всесторонние формы контроля снизу совмещаются с строжайшим единоначалием. Процесс труда на современных крупных предприятиях требует единоначалия и твердой трудовой дисциплины. Новую товарищескую дисциплину на социалистических предприятиях должны обеспечить профессиональные союзы. Для неустойчивых же элементов среди трудящихся, рвачей, трудовых дезертиров, прогульщиков имеется пролетарский суд — орудие воспитания к дисциплине

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 417.
[2] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 158.
[3] Ленин, т. XX, изд. 3, с. 132.
[4] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 415.

средствами государственного принуждения, имеются и другие мощные средства, исключающие возможность осквернения лозунга диктатуры пролетариата практикой киселеобразного состояния пролетарской власти.

Таков ленинский генеральный план «управления для хозяйственного строительства», составленный весною 1918 г. Его проведение в жизнь было сорвано гражданской войной. Но отдельные элементы его осуществлялись один за другим, в течение военного коммунизма, затем в течение нэпа, прочно вошли в плоть и кровь хозяйственной конституции строящегося социалистического общества и до сих пор служат партии и рабочему классу путеводной нитью в вопросах организации и управления народным хозяйством.

Ленинский план был встречен в штыки не только буржуазией, буржуазными политическими партиями, эсерами, меньшевиками и левыми эсерами. Он встретил ожесточенное сопротивление и внутри партии, со стороны «левых коммунистов». «Левые коммунисты» критиковали Ленина «слева». С их точки зрения Ленинский план хозяйственного строительства означал «уклонение большинства коммунистической партии и руководимой ею советской власти в русло мелко-буржуазной политики нового образца», диктатура пролетариата превращается в «орудие политического господства полупролетарской мелкобуржуазной массы» и может «оказаться только переходной стадией к полному господству финансового капитала». В противовес Ленину левые коммунисты выдвигали свою программу хозяйственного строительства. Их программа предусматривала: доведение до конца национализации банков, «как в смысле экстенсивном (обобществление оставшихся неприкосновенными т. н. «кооперативных» банков), так и в смысле интенсивном (организация центральной общественной бухгалтерии и уничтожение капиталистической формы финансирования)» [1], «самую решительную», последовательную и всеобщую национализацию промышленности [2], «добивание буржуазии и окончательную ломку саботажа», полное устранение «цензовых элементов» из органов управления народным хозяйством, ликвидацию какого бы то ни было назначенства и института комиссаров на предприятиях, организация в деревне натиска беднейших крестьян на «богатых», введение норм выработки (вместо сдельной оплаты) и сокращение рабочего дня и т. д.

Ленин посвятил левым коммунистам ряд выступлений и брошюр: «О левом ребячестве и о мелкобуржуазности». Он вскрыл социальные корни этого направления. Левые коммунисты — «деклассированные и потому насквозь мелкобуржуазные интеллигенты». «Вы — орудие империалистической провокации, писал Ленин, по вашей объективной роли. А субъективная ваша «психология»

---

[1] См. «Тезисы «левых коммунистов» о текущем моменте», Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 567, 570.

[2] См. выступления тт. Осинского (Оболенского) и Ломова на I съезде совнархозов. Труды I Всероссийского съезда совнархозов. М. 1918 г., с 61—67, 102—103 и др.

есть психология взбесившегося мелкого буржуа, который хорохорится и хвастает, но прекрасно чувствует, что пролетарий прав, отступая и стараясь отступить организованно»[1]. Со взбесившимися мелкими буржуа не по пути пролетариату, уверенно развертывающему обширную положительную программу по строительству нового социалистического хозяйства.

Пролетарская национализация средств производства

Центральная задача социалистической революции — глубочайшее вторжение в сферу капиталистической собственности, ликвидация капиталистической собственности. Пролетариат подошел к решению этой задачи в полном объеме не сразу, не на другой день после перехода в его руки государственной власти. Но ни на один момент он не упускал ее из виду как основную и важнейшую политическую задачу, решение которой должно быть обеспечено упрочением и закреплением его диктатуры[2].

Для Ленина вопрос о полной и всеобъемлющей пролетарской национализации основных средств и орудий производства был предрешен самым фактом установления диктатуры пролетариата. Поскольку диктатура пролетариата завоевана, вопрос о национализации той или другой отрасли народного хозяйства, вопрос о сроках, когда ее следует фактически осуществить — это вопросы тактики политической борьбы; их решение должно определяться всей совокупностью конкретных политических и экономических обстоятельств и условий, в которых находится пролетарское государство.

В проекте декрета о социализации народного хозяйства, предложенном Лениным в декабре 1917 г. ВСНХ в качестве программного для этого нового учреждения документа, статья I декларировала: «Все акционерные предприятия объявляются собтсвенностью государства». Написанная Лениным же в январе 1918 г. «декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа» подтвердила советские законы о рабочем контроле и о ВСНХ, «как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность рабоче-крестьянского государства»[3]. Наконец, в конце марта 1918 г. Ленин писал: «Теперь, когда земля перестала быть частной собственностью, когда фабрики и заводы почти перестали быть частной собственностью и несомненно перестанут быть таковою в самом ближайшем будущем (ввести соответственные дек-

---

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 509, 525.

[2] Совершенно не прав Em. Burns, утверждающий, будто мероприятия непосредственно после Октябрьской революции не имели в виду изменения системы собственности. См. его Russia's productive system. London. 1930, p. 19. Ср. ниже цитируемую ленинскую «Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа».

[3] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 139, 174.

реты — это не представит для советской власти при теперешнем ее положении решительно никакого труда)...»[1] и т. д. Этим общая политическая линия советской власти в вопросе об овладении экономическими командными высотами вырисовывается с достаточной ясностью. Она не изменялась с момента Октябрьской революции, ее сущность выявлена в цитированных документах. В свете этих документов особенно очевидной становится вздорность, политическая близорукость и никчемность борьбы левых коммунистов против ленинской линии экономической политики, под лозунгом «всеобщая, массовая национализация»[2]. Эта борьба демонстрирует собственную самих левых коммунистов недооценку творческих возможностей пролетарской диктатуры, собственную их недооценку ее положительных задач демонстрирует эта борьба.

Основные этапы пролетарской национализации средств производства таковы. Декретами 26/X 1917 г. («О земле») и 19/II 1918 г. («Основной закон о земле») отменяется навсегда частная собственность на землю. Вся земля без всякого выкупа переходит в пользование трудового народа. Законами об организации волостных земельных комитетов 31/X 1917 г. и о государственной монополии на сельскохозяйственные машины и орудия 17/XI 1917 г. руководство и управление конфискованными имениями, распределение живого и мертвого инвентаря и ряд других важнейших вопросов с.-х. политики сосредоточивается в советских органах — земельных комитетах, позднее в земельных отделах местных советов. 14/XII 1917 г. декретом о национализации банков банковое дело объявляется государственной монополией. Все частные банки объединяются с государственным банком, остаются ненационализированными лишь общества взаимного кредита и кредитные учреждения кооперации. 28/I 1918 г. аннулируются государственные займы. Декретом 26/I 1918 г. национализируется торговый флот. Объявляются «общенациональной неделимой собственностью Советской республики» все морские и речные суда, за исключением самых мелких. Декретом 22/IV 1918 г. «О национализации внешней торговли» вводится государственная монополия внешней торговли. Национализация промышленности развертывается не сразу. Сначала она носит спорадический характер. Объявляются государственной собственностью отдельные предприятия, реже — группы предприятий, притом преимущественно как мера карательного порядка. Так первые два исходящие от центральной власти акта о национализации —Богословского и Симского горных округов — содержат такую мотивировку: «Ввиду отказа акционерного... общества горных заводов подчиниться декрету СНК о введении рабочего контроля над производством, СНК постановил конфисковать все имущество акционерного... общества горных заводов, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его

---

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 414.

[2] Абсолютно неправильна в связи с этим трактовка декрета о национализации промышленности 28/VI 1918 г. как «внезапной уступке левым». См. Dobb. M. Russian Economic Development since the Revolution London. 1928 p. 57.

собственностью Российской республики»[1]. В других случаях национализация мотивируется задолженностью предприятий казне Российской республики, нежеланием заводоуправления продолжать производство, нежеланием правления подчиниться декрету о демобилизации и стремлением рассчитать рабочих «ввиду того, что владелец фабрики исчез бесследно и тем оставил рабочих и фабрику на произвол судьбы»[2] и т. д. Случаи национализации целых отраслей промышленности до декрета о всеобщей национализации 28/VI 1918 г. носят единичный характер (сахарная, нефтяная)[3]. Лишь первый съезд совнархозов (26 мая—4 июня 1918 г.) поставил в порядок дня систематическую национализацию целых отраслей промышленности, а в дальнейшем и «завершение национализации». В первую очередь должны быть национализированы отрасли: металлообрабатывающая, машиностроительная, химическая, нефтяная и текстильная. Только декретом 28/VI 1918 г. с формальной стороны в основном завершается процесс национализации крупной и средней промышленности. Декрет СНК 28/V 1918 г. «о национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической, металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообрабатывающей, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта» объявляет государственной собственностью крупные, а во многих случаях и средние предприятия важнейших отраслей промышленности, коммунального хозяйства и весь жел.-дорожный транспорт. Немедленная передача всех национализированных предприятий в ведение соответствующих советских органов, впрочем, не предполагается. Впредь до особого распоряжения ВСНХ по каждому отдельному предприятию все они признаются находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев. Бывшие собственники финансируют их на прежних основаниях и получают с них на прежних основаниях доходы. Из конкретных мероприятий, связанных с национализацией, декрет указывает лишь на обязанность администрации национализируемых предприятий составить баланс на 1 июля 1918 г.[4].

Неправильно было бы думать, однако, что процесс национализации промышленности ограничился рамками декрета 28/VI. Огромное количество предприятий и до и после издания этого закона было национализировано на местах местными органами власти

---

[1] С. У. 1917 г. № 4, ст. 65 и № 6, ст. 95.

[2] См. декреты о конфискации и об объявлении собственностью Республики предприятий Русско-Балтийского металлургического общества, акц-го общ. Кыштымского горного округа, Петроградского арматурно-электрического общ., Путиловских заводов, Невского завода, Сестрорецкого завода, Самолетостроительного завода Андреев, Ланский и К°, фабрики Маркушевича—С. У. 1917 г. № 9, ст. 130, № 13, ст. 191 и 192, 1918 г. № 16, ст. 234 и 236, № 18, ст. 266 и 267

[3] См. Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству, т. I, 1918 г., с. 218 и 221.

[4] С. У. 1918 г. 47, ст. 559.

безо всяких указаний из центра, а иногда и вопреки этим указаниям. Трудно установить точно ход процесса национализации промышленности в течение первого года советской власти. Нет достоверных данных. По официальным данным числилось национализированных на 15/V 304 предприятия, [1] на 1/VI — 487 [2], к моменту сентябрьского пленума ВСНХ — около 1 000 [3] и к II съезду совнархозов (декабрь 1918 г.) — 1 125 предприятий [4]. Все эти цифры заведомо можно считать преуменьшенными.

Вслед за промышленностью декретом 20/VIII 1918 г. об отмене права собственности на недвижимости в городах переходит в государственную собственность основная масса городских строений. Последней наступает очередь для частной торговли (внутренней). Лишь 21/XI 1918 г. ликвидируется частноторговый аппарат. Это мероприятие целиком уже «военнокоммунистическое». Оно проникнуто духом следующего периода 1919 — 1920 гг.

Вся национализация в целом меньше всего плавный и гладкий процесс. Она осуществляется при бешеном сопротивлении буржуазии в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Борьба вокруг национализации протекает в разных формах — от более или менее мягких до наиболее острых. В течение ряда месяцев с ноября 1917 г. по апрель 1918 г. советская власть ведет переговоры с промышленниками Мещерским и Стахеевым об организации крупнейших горно-металлургического и транспортно-строительного государственно-капиталистических трестов. Предполагалось организовать смешанные предприятия с участием как государственного, так и частного капитала. Весной, 1918 г. по инициативе правительства переговоры были прерваны [5]. Широким применением национализации как карательной меры власть отвечает на такие формы борьбы со стороны буржуазии, как саботаж, отказ подчиниться рабочему контролю, срыв и остановка производства, перевод предприятий на имя германских подданных (в целях использовать дипломатическое заступничество Германии и т. д.) [6]. Национализация выступает как мощное орудие политической борьбы, в частности — борьбы на внешнем фронте [7]. Техническая интеллигенция, как правило, саботирует национализацию. Все силы, средства и аргументы против национализации пускают в ход антисоветские, мелко-буржуазные партии. Левые эсеры и меньшевики используют ультра-левую фразеологию «левых коммунистов», но при случае мошеннически «соглашаются» и с программой Ленина

---

[1] См. доклад Милютина на I съезде СНХ. Труды съезда, с. 51—55.

[2] Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству, т. I, с. 280.

[3] См. Рыков. Статьи и речи, т. I, М. 1927 г., с. 58.

[4] Там же, с. 101.

[5] Описание переговоров с Мещерским и Стахеевым см. у Венедиктова. «Организация железной и угольной промышленности» в сборнике «Тяжелая индустрия в СССР», 1926 г., с. 81—83, у Цыперовича. «Синдикаты и тресты в России». Изд. 2, ГИЗ, 1919 г., с. 164—167, и у Ларина «Интеллигенция советы», М. 1925 г., с 19—29.

[6] См. доклад Радека на I съезде СНХ. Труды съезда.

[7] См. историю декрета 28/VI 1918 г. у Ларина «Интеллигенция и советы», с. 29—31.

в части госкапитализма. Меньшевик Далин заявляет на II съезде СНХ: «Вместе с национализацией погибла промышленность... Желание захватить в руки огромное хозяйство — безнадежное дело и приходится сказать как в басне: «Как вы ни садитесь, а в музыканты не годитесь»... Необходимо освободиться от бюрократизма и пустить в ход фабрики и заводы под контролем государства, но дать возможность работать и предпринимателям[1]. Национализация от начала до конца — дело рук рабочего класса. Сами рабочие обеспечивали нормальный ход предприятий, покинутых на произвол судьбы капиталистами, сами рабочие ставили перед правительством вопрос о национализации, подготовляли и проводили ее. Лишь близорукие мещане меньшевистского толка могли позволить себе высмеивать мощное пролетарское движение 1918 г. — пролетарскую национализацию средств производства — как «гвардеизацию» и «красноармеизацию». Делегаты с мест на первом съезде совнархозов (конец мая 1918 г.) нарисовали чрезвычайно яркую картину рабочей инициативы и активных мероприятий местных органов по проведению массовой национализации средств производства на Урале, в Сибири, в Ленинграде, на Волге[2] и т. д.

На местах процесс национализации иногда выходил за рамки, указанные центром. Местные органы брали и мелкие предприятия, лишь обременявшие государство. Повсемесные контрибуции и массовые конфискации предметов личного потребления, не подлежавших национализации, выступали как одно из средств обезоружения и уничтожения классового врага. Но и в этой области то, что было сделано в 1917/18 г. в общем и целом следует признать вполне целесообразным и оправданным с точки зрения нового созданного революцией социального строя. Так именно в этот первый период перешли в собственность государства трудящихся картинные галлереи, библиотеки, виллы, и тем самым были заложены основания для возможности использования всех этих культурных ценностей широчайшими массами трудящихся.

Национализация средств производства в 1917/18 г. вошла в железный арсенал завоеваний пролетарской диктатуры. Однако в основном на этот период — первый год Советской власти — падает лишь провозглашение национализируемых имуществ государст-

[1] См. Труды II Всероссийского съезда СНХ 19/XII—27/II 1918 г. М. 1919 г., с. 26. Ср. также меньшевистские ламентации Рязанова на I съезде СНХ...

«... т. Оболенский и т. Смирнов, который здесь сидит, припомнят, что в этом самом бюро—это было в воскресенье—мы были огорошены предложением национализировать банки во вторник утром. Я принципиальный защитник национализации банков, далеко до того времени, когда т. Ленин выступал с этим проектом, я и там на этом заседании заявил, что за нее, но не действуйте «тяп да ляп — вышел карап». Национализация и гвардеизация и красноармеизация—это совершенно разные вещи. Но сторонники национализации банков, тогда преобладавшие, исходили из неправильного представления о составе банкового капитала и о содержании сейфов». Труды I съезда СНХ, с. 105. Ср. там же выступления Смирнова и Гастева, с. 147, 150, 322.

[2] См. выступления Андронникова (Урал), Воеводина (Сибирь), Молотова (Ленинград) на I съезде СНХ. Труды I съезда, с. 205, 220—221, 237, Зуля и Чубаря на пленуме ВСНХ 14—23 сентября 1918 г. Стенографический отчет пленума ВСНХ, М. 1919 г., с. 65, 70—71, 72—80.

венной собственностью и далеко — даже не во всех случаях — передача предприятий в распоряжение или ведение советских органов. Для «обобществления на деле» этого далеко недостаточно. Надо наладить по-новому, по-советскому управление национализированным хозяйством. В течение 1917/18 г. были сделаны лишь первые попытки решения этой, наиболее сложной задачи.

Первые шаги по организации управления социалистическим производством

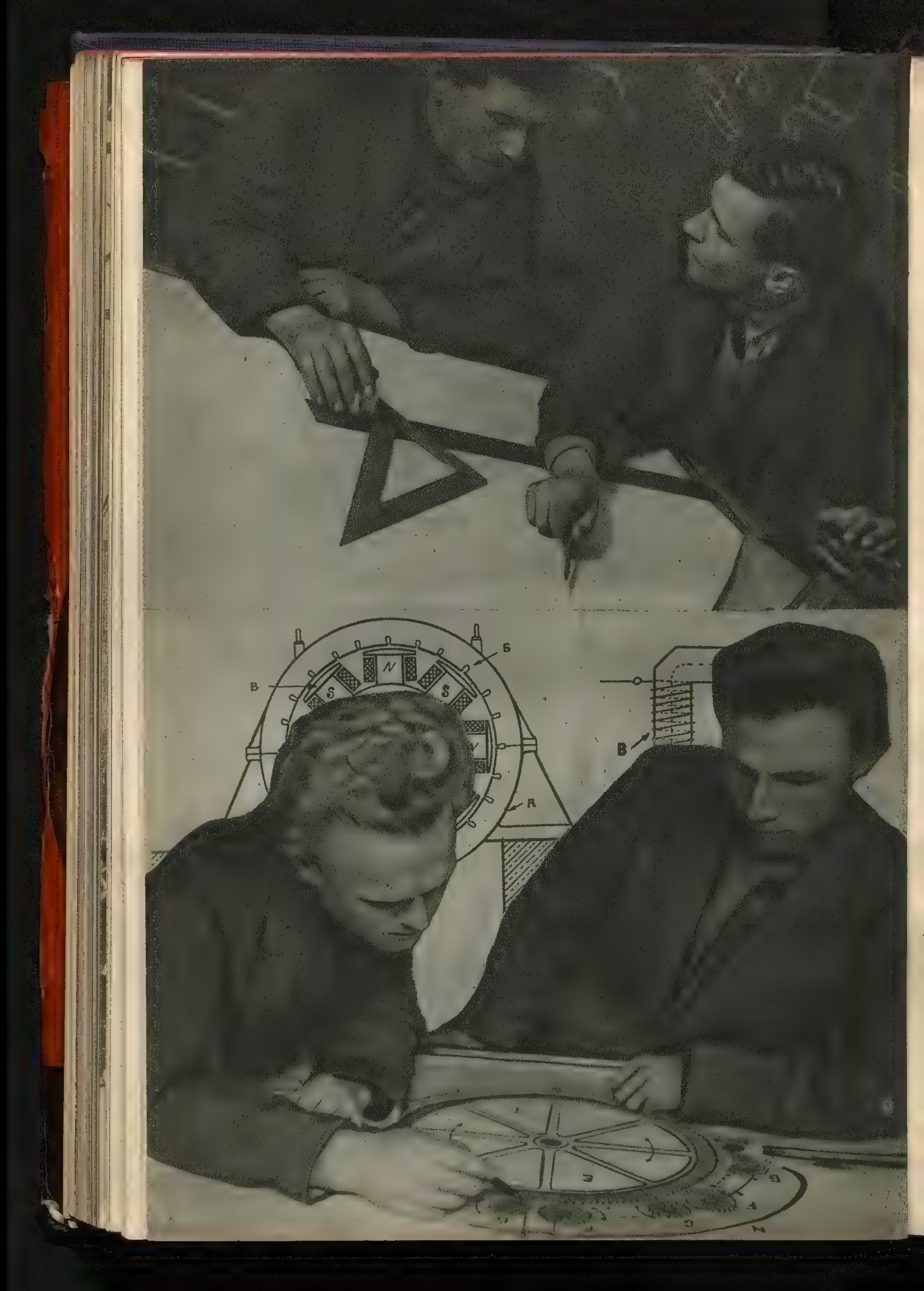
Исходным пунктом мероприятий советской власти по организации управления социалистическим производством является рабочий контроль. Рабочий контроль — лозунг большевистской партии еще дооктябрьского периода. Мощная волна движения рабочего контроля развертывалась во многих местностях задолго до Октябрьской революции. Локаут и саботаж со стороны предпринимателей, с одной стороны, и стремление рабочих не допустить закрытия предприятий, обеспечить их правильную работу—способствовали широчайшему движению рабочих масс за овладение наукой управления предприятиями. На многих заводах Урала, Ленинграда и других промышленных районов рабочий контроль в тех или других формах получил права гражданства уже в июле-августе 1917 г., несмотря на упорное сопротивление буржуазии в борьбе с буржуазией. VI съезд партии поставил как одну из задач предстоящей социалистической революции дальнейшее развертывание рабочего контроля в «полное регулирование производства».

После Октябрьской революции одним из первых мероприятий рабоче-крестьянского правительства было издание закона о Рабочем контроле. По «Положению о рабочем контроле» 14/XI 1917 г. рабочий контроль вводится в интересах «планомерного регулирования народного хозяйства» во всех промышленных, торговых, банковских, транспортных и прочих предприятиях, имеющих наемных рабочих. Рабочий контроль осуществляют фабрично-заводские комитеты и другие выборные органы рабочего класса. Их деятельность объединяется районными, городскими и Всероссийскими советами рабочего контроля. Органы рабочего контроля наблюдают за производством, устанавливают нормы выработки[1] предприятий, выясняют себестоимость продукции, контролируют деловую переписку. Коммерческая тайна отменяется. Решения органов рабочего контроля обязательны для владельцев предприятий. Предприниматели подлежат уголовной ответственности за невыполнение законных решений и предложений органов рабочего контроля.

Интересна обстановка, при которой был принят декрет о рабочем контроле. Докладчик по этому вопросу на заседании ВЦИК т. Милютин заявил: «Законопроект о рабочем контроле мы дол-

[1] Именно «нормы выработки», а не «минимум выработки», как значится ошибочно в тексте Положения о рабочем контроле, опубликованного в Собр. узак. и распор. См. протоколы заседаний ВЦИК II созыва. М. 1918 г., протокол № II от 14/XI 1917 г., с. 62.

Б
В
N
S
S
А
В

жны были выработать таким, чтобы дать общие рамки тому фактическому положению дела, которое сейчас у нас имеется в действительности. Возражение, которое нам делали, сводилось к тому, что мы установили рабочий контроль, не установив сначала общего хозяйственного плана. Рабочий контроль должен контролировать проведение хозяйственного плана. Но жизнь обогнала нас. В жизни контроль выработался в борьбу против саботажа, локаутов и т. п. и мы должны были, нарушая определенную планомерность законодательной постройки, объединить тот рабочий контроль, который проводится на местах, в один стройный общегосударственный аппарат. Поэтому наш законопроект о рабочем контроле появляется раньше того, чем выработан законопроект о хозяйственном плане» [1]. Таким образом декрет о рабочем контроле должен был обобщить и узаконить существующую практику. Он не отменял самого принципа частной собственности на средства производства. Лишь осуществление права собственности владельцами предприятий ставилось под контроль организованного рабочего класса. Представитель ВЦСПС в связи с этим выразил даже опасение, как бы формулировки декрета «не породили в головах рабочих мысль о том, что рабочий контроль есть начало социализма... Но между тем каждый понимает, что контроль над производством и социализация орудий производства и обмена далеко не одно и то же [2].

Однако Ленин рассматривал рабочий контроль именно как «начало социализма» [3]. Основная задача контроля по Ленину — «научить рабочего управлению промышленностью... Все остальное есть пустейшая фраза, которой цена грош» [4]. Так смотрели на дело и сами рабочие. Всюду они выходили далеко за рамки, указанные декретом 14/XI. В этом нужно искать источник многочисленных конфликтов, сопровождавших на практике применение декретов о рабочем контроле. Рабочий контроль стихийно перерастал в рабочее управление. В обстановке широко развернувшегося процесса национализации всякое ненационализированное предприятие не могло рассматриваться иначе, как еще не национализированное, как такое, в отношении которого не сегодня — завтра будут сделаны «оргвыводы» в смысле официального объявления собственностью государства и перехода к «рабочему управлению».

Так оно в действительности и было. Поэтому уже в начале 1919 г. на восьмом партсъезде Ленин мог квалифицировать зако-

---

[1] См. выноску первую на с. 304.

[2] См. выступление Лозовского на заседании ВЦИК II созыва. Протокол № 11 от 14/XI 1917 г., с. 62.

[3] См. выше цитированную Деклорацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа. Ср. также доклад Сталина на VI съезде РСДРП: «Поскольку рабочие вмешиваются активно в процесс организации контроля, обмена, постольку у нас ставится практически вопрос о социалистической революции». «Правда» № 218 от 8/VIII 1932 г.

[4] Ленин, т. XXIII, изд. 3, с. 133. Ср. также Антонова. Два года диктатуры пролетариата в металлопромышленности Петрограда. Петр. 1920, с. 11. Осинский. Строительство социализма. М. 1918 г., с. 148.

ны о рабочем контроле, как «беспомощные, стихийные и случайные»[1]. На очередь дня стали более сложные задачи организации и управления народным хозяйством[2].

Социалистическое хозяйство является плановым хозяйством. Условия возможности предпосылки социалистического планирования заключаются в диктатуре пролетариата и в пролетарской национализации средств производства. Поэтому на другой же день после Октябрьской революции и параллельно национализации началось строительство органов планового руководства и управления народным хозяйством. Среди них важнейшее место принадлежит ВСНХ. ВСНХ создан целиком на чистом месте. Нельзя установить преемственной связи ВСНХ с дооктябрьскими министерствами или другими органами буржуазно-империалистического государства. Нельзя переоценивать преемственной связи отдельных органов или учреждений в составе ВСНХ (главков) с органами военно-хозяйственного регулирования периода Временного правительства[3]. Весь ВСНХ в целом—результат творческой работы нового пролетарского государства. Ленин связывал рост значение и укрепления государственного аппарата типа ВСНХ с перспективами «установления чисто социалистического порядка», в отличие от старого типа государственного аппарата, в собственном, тесном смысле слова, которому суждено умереть[4].

По первому «Положению о Высшем совете народного хозяйства» 5/XII 1917 г. он наделяется чрезвычайно широкими правами и полномочиями. ВСНХ учреждается непосредственно при Совнаркоме. Его задача — организация народного хозяйства и государственных финансов. С этой целью ВСНХ вырабатывает общие нормы и план регулирования экономической жизни страны, согласует и объединяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений, в том числе и отдельных народных комиссариатов. ВСНХ представляются права конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования и т. д. Все существующие учреждения по регулированию хозяйства подчиняются ВСНХ. Все законопроекты и крупные мероприятия, имеющие отношение к регулированию народного хозяйства в целом, вносятся в Совнарком через ВСНХ[5].

По замыслу, следовательно, ВСНХ 1917/18 г. — это современный Совет труда и обороны. Сам ВСНХ трактовал свои задачи и

---

[1] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 122.

[2] См. резол. о рабочем контроле II съезда профсоюзов. М. 1919 г., с 111. См. также: пост. презид. ВСНХ о передаче некоторых заводов в ведение отдела металла. «Экон. жизнь» № 11 от 20/XI 1918 г. Резол. конфер. национализир. транспортно-строит. предпр. «Народн. хозяйство» 1918 г. № 1—2, с. 32. Арский. Рабочий контроль в национализир. предприятиях «Нар. хозяйство» 1919 г. № 1—2. Степанов. От рбочего контроля к рабочему управлению. М. 1918 г.

[3] См. по этому вопросу полемические замечания Бухарина против Цыперовича в «Экономике переходного периода». М. 1920 г., с. 70—71. Ср. воспоминания Оболенского (Осинского) о первых днях ВСНХ, «Народное хозяйство» 1918 г. № 11, с. 11—14.

[4] Ленин, т. XXIII, изд. 3, с. 36.

[5] С. У. РСФСР 1917 г. № 5, ст. 83, пп. 1, 2, 3, 4, 9.

компетенцию максимально широким образом. Руководящие работники ВСНХ определяли ВСНХ как «полномочного представителя диктатуры пролетариата в экономической области»[1]. Соответственно этому ВСНХ должен был непосредственно руководить не только промышленностью, но также и внешней и внутренней торговлей, и флотом, и государственным сельским хозяйством (совхозы), и всем капитальным строительством и т. д. На съезде совнархозов и на пленумах рассматривались все вопросы хозяйственного строительства, начиная от наиболее общих проблем экономической политики и кончая такими специальными вопросами, как о промкооперации, о снабжении сельского хозяйства с.-х. машинами и т. д. Проект Положения о ВСНХ, принятый I съездом совнархозов ставил все точки над «i». По проекту ВСНХ — «высшее хозяйственное учреждение РСФСР»; он «регулирует и организует все производство и распределение и непосредственно ведает всеми предприятиями и имуществами республики»[2].

В действительности случилось иначе. ВСНХ превратился в один из многих экономических наркоматов, в народный комиссариат промышленности. Это в полной мере выявилось в 1919 г., но начало процесса отпадения от ВСНХ целых участков работы по управлению хозяйством началось уже в 1918 г. Иначе и быть не могло. Ибо прежде, чем планировать все и управлять всем, надо было о в л а д е т ь хотя бы о с н о в н ы м. Эта предварительная задача овладения одной из командных экономических высот промышленности составила в основном содержание работы ВСНХ в первый период 1917/1918 г. Соответственно этому шло и организационное строительство ВСНХ.

Оно концентрировалось в двух направлениях: а) местные органы ВСНХ и б) «Главки». Своеобразная «борьба» совнархозов с главками (центральные и главные комитеты ВСНХ) наполняет собой целые три года советского хозяйственного и организационного строительства (1918—1921 гг.). Это — один из аспектов проблемы центра и мест. В 1918 г. все «противоречия» еще в зародыше, не развернулись в полной мере. Однако они налицо и пристальным взором их можно обнаружить. На первом съезде совнархозов председатель Уральского областного СНХ, т. Андронников, заявляет: «Нужно будет все управление сосредоточить в областях. Нужно ВСНХ разгрузить от функций часто исполнительных, от функций управления непосредственно заводами». Диаметрально-противоположную позицию занял председатель ВСНХ т. Рыков. «Конечно целью централизации производства, заявил он, является уничтожение всех промежуточных ступеней между национальным органом и его отдельными филиалами, т. е. уничтожение

---

[1] Л а р и н и К р и ц м а н. Цит. соч., с. 122. Р ы к о в. Цит. соч. т. I, с. 13.

[2] Сборник декретов по народному хозяйству, т. I, с. 8. Ср. также передовые в «Народн. хоз.» 1918 г. № 1 и 3. К р и ц м а н. Об очередн. задаче пролетар. револ. в России. «Нар. хоз.» 1918 г. № 3, с. 5. Л а р и н. Выступление на II съезде СНХ. Труды II съезда, с 18—20. А в а н е с о в. Речь на VIII съезде РКП(б). Стенограф. отчет VIII съезда РКП(б). М. 1919г., с. 171. Приказ ВСНХ о Главтопе. Сборн. декретов по нар. хоз., т. III, с. 34—35.

областных, районных и губернских органов, а единым центром будет, допустим, управление металлургической промышленности, которое непосредственно опирается на все фабрики и заводы этого производства». Это заявление было встречено бурей негодования и дезавуировано всем президиумом ВСНХ и самим т. Рыковым. 1918 г. — период «власти на местах» и, в частности, период расцвета областных совнархозов. Обстановка хозяйственной разрухи, стихийной демобилизации промышленности и слабости центрального аппарата способствовала твердому положению областных органов. Они одни в то время могли обеспечить сколько-нибудь нормальное руководство всем хозяйством области или района. В Ленинграде, например, до самого конца 1918 г. вообще не существовало деления промышленности на подведомственную непосредственно центру и местную. Все предприятия без исключения находились в ведении областного СНХ[1].

Строительство главков (не только по промышленности, но и по другим отраслям народного хозяйства: водного транспорта, сельского хозяйства) началось в январе-феврале 1918 г. Первые два главка — Центромыло и Центрочай. Положение о них распубликовано в «Собрании узаконений» за подписью: «За бюро организации производства» О. Ларин[2]. Ларину же обязан своим возникновением ряд других главков. До июля 1918 г., кроме двух указанных главков, были учреждены последовательно: Центротекстиль, Главторф, Главтабак, Главсахар, Главкомгосор, Главтук, Главнефть. Главспичка, Центрорезина, Главлес, Главбум. Центрокраска[3]. В сентябре 1918 г. в составе ВСНХ было 13 отделов и 18 главков. По своей структуре каждый главк — широкая организация, заключавшая в свой состав представителей многочисленных учреждений и организаций. Некоторые главки, преимущественно те, которые были реорганизованы из дооктябрьских главных комитетов[4] имели в составе пленума представителей «цензовых элементов» (предпринимателей). Рыков на втором съезде совнархозов сообщил, что «в 20 главках и центрах первого периода насчитывалось свыше 400 человек, из которых более 10% были представителями предпринимательских организаций»[5]. Не следует переоценивать значения этой цифры (10%). Фактическое влияние предпринимательских элементов на работу главков никогда не было сколько-нибудь значительным. Во второй половине 1918 г. предприниматели были изгнаны из всех органов управления народным хозяйством.

---

[1] Ястржембский. Как рабочие создают новый строй. Птг. 1918 г. Ср. § II «Положения об управлении национализированными предприятиями», принятого I съездом СНХ. Труды I съезда СНХ, с. 478—481.

[2] Сборник декретов по народному хозяйству, т. I, с. 57 и 66. Ср. Ларин. Интеллигенция и советы, с. 8.

[3] Сборн. декретов по нар. хоз., т. I, с. 31—146. См. также первое общее положение о главках: «Пост. ВСНХ об управл. национализ. предпр.» от 3/III 1918 г., там же с. 311.

[4] См. Букшпан. Военнохозяйственная политика. М. 1929 г., с. 412 и след.

[5] Рыков. Соч. т. I, с. 94 Ср. выступл. Молотова на II съезде СНХ. Труды II съезда СНХ, с. 212.

Компетенция всех главков 1918 г.—необычайно широкая. В нее входит все, начиная от управления национализированными предприятиями и кончая нормированием условий труда, установлением цен и т. д., но основное в 1918 г.—учет и регулирование. Чем дальше, тем больше деятельность главков проникается производственными моментами и затрагивает вопросы руководства и управления национализированными предприятиями.

Для главков первой половины 1918 г. характерно автономное до известной степени положение, которое они занимают по отношению к центральному аппарату ВСНХ (отделам ВСНХ). Внешне это выражается в финансовой независимости главков (расходы некоторых главков покрываются за счет накидки на цены их продукции) в праве самозаготовок, в самоконтроле, праве юридического лица [1] и т. д. Постепенно, впрочем, разница между центральным аппаратом ВСНХ (отделы) и главками сглаживалась с тем, чтобы в период военного коммунизма исчезнуть совершенно [2].

Управление производством на низах, в основных производственных ячейках, т. е. управление фабриками, заводами, транспортными предприятиями строилось на базе наиболее широких массовых организаций рабочего класса — профессиональных союзов. В этом вопросе 1917/18 г. так же, как и в вопросе о взаимоотношениях верхних звеньев аппарата хозяйственного управления, представляет картину, включающую в нерасплетенном виде ряд контроверз, широко развернувшихся значительно позднее. Одно было бесспорно для партии, для рабочего класса в целом: роль профсоюзов как организаторов новой системы управления хозяйством, как костяка новой организационной схемы. Ленин писал в марте 1918 г.: «Социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе: управляют р а б о ч и е о р г а н и з а ц и и (профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и т. д.) под общим руководством с о в е т с к о й в л а с т и, единственно суверенной [3]. Здесь в сжатом виде сформулировано основое и центральное для 1918 г.: и подчеркнута роль профессиональных организаций, которые должны принять на себя главную тяжесть руководства процессами производства и вместе с тем выдвинута на первое место наиболее всеобъемлющая классовая массовая организация — советы как государственная форма диктатуры пролетариата. Лишь меньшевики, стоявшие на антипролетарской позиции, защитники и представители интересов буржуазии

---

[1] См. положение о Центротуке, ст. V, п. 4; о Главтабаке, ст. 10; о Центрорезине, ст. 20 в «Сборнике декретов по народному хозяйству», т. I; о Главспичке, ст. 2; о Главмыле, ст. 2, п. «б»; о Главтабаке, ст. 2 и друг. Постановление об управлении от 3/III 1918 г., ст. 24. Положение о Главбуме, ст. VII; о Центрорезине, ст. 21; о Главном комитете по стекольно-фарфоровой промышленности. О последнем см. С. У. 1918 г. № 95, ст. 951, § 10.

[2] См. полож. о Центротуке, ст. 11, § 10; о Главспичке, ст. 3; о Центрорезине, ст. 16; о Центромыле, ст. 4 и др.

[3] Л е н и н, т. XXII, изд. 3, с. 373. Ср. резолюцию II съезда профсоюзов по докладу Ленина «Задачи профессиональных союзов». Н — с к и й, II съезд профсоюзов. М 1919, с. 107—108.

целиком отвергали ленинскую постановку вопроса. На втором съезде профсоюзов (январь 1919 г.) меньшевик Кефали следующим образом характеризовал меньшевистскую точку зрения периода первого профсоюзного съезда (начало 1918 г.): «Мы говорили на первом съезде: если вы подчините союзы государственной власти, вы станете на точку зрения этой власти, которая может итти и против интересов рабочего класса. Государство станет предпринимателем в то время, когда профессиональные союзы должны отстаивать интересы рабочего класса. Их интересы, таким образом, несовместимы». Эти установки находили кое-какой отклик на отдельных предприятиях, среди отсталых групп пролетариата. Среди ленинградских и московских печатников, например, в течение известного времени меньшевики пользовались некоторым успехом. Отдельные группы рабочих махорочной промышленности выступали против национализации махорочных фабрик и за сохранение прав предпринимателей. Тем более «вся полнота хозяйственной власти» должна была быть сосредоточена в руках государства, т. е. организованного как господствующий класс пролетариата в целом и единственно поэтому «суверенного».

Ленинская точка зрения обязывала открыть огонь и по другой установке, с первого взгляда диаметрально противоположной. Если меньшевики говорили: «не дело рабочих вообще управлять производством», то эта другая точка зрения утверждала: «только рабочие данного предприятия — его хозяева». Лозунг «фабрики — рабочим» трактовался следовательно анархо-синдикалистски. Отсюда такие факты, как раздел рабочими прибыли «их» предприятия, отказ выпустить с территории фабрики то или иное оборудование вопреки распоряжению ВСНХ и др. «Рабочие, говорил т. Вейнберг на I съезде совнархозов, часто смотрят на предприятие, как на свою собственность и мы должны раз навсегда сказать, что мы не синдикалисты, что всякое предприятие есть собственность государства и рабочие данного предприятия не собственники его и не могут требовать, чтобы исключительно они управляли им» [1].

Первый съезд совнархозов расшифровал начала демократического централизма применительно к организации управления предприятием следующими образом: фабрично-заводское управление организуется на коллегиальных началах. Две трети его назначаются областным СНХ и ВСНХ (если предприятие непосредственно подчинено центру). Одна треть избирается профессиональными организациями и рабочими предприятий. Весь состав членов заводоуправления утверждается ближайшим органом высшего управления [2].

Ленинский тезис об использовании буржуазных специалистов, о неизбежности построения социализма «не из специального нами

---

[1] Труды I съезда СНХ, с. 339. Ср. также выступления там же Рыкова, Крицмана, Смирнова, Андронникова и Костеловской, с. 114, 343—345, 346—350, 356.

[2] Труды I съезда СНХ, с. 477.

созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом»[1], получил свое отражение в «Положении об управлении национализированными предприятиями» в форме включения в состав заводоуправления $\frac{1}{3}$ специалистов — технических и коммерческих служащих. После краха политики саботажа и отсиживания, интеллигенция пошла на работу в советские учреждения и предприятия, но конечно больше, чем без особого энтузиазма.

Необобществленное производство, обмен и распределение

За пределами национализированных экономических командных высот остается необобществленное частное хозяйство: мелкая промышленность, кустари и миллионы производителей хлеба — крестьянских хозяйств. Вопрос о связи двух секторов: социализированных командных высот и частного — это вопрос о взаимоотношении двух основных классов социалистической революции: рабочего класса и крестьянства, иными словами, это вопрос о том, как: «поставить смычку между той новой экономикой, которую мы начали строить, и миллионами мелких крестьянских хозяйств» (Ленин). Так вопрос стоит не только для 1922 г., но и для 1918 г. Есть один прямой и определенный путь для создания, упрочения и закрепления единства системы советского хозяйства: путь социалистической перестройки необобществленного сельскохозяйственного производства: путь производственной смычки. Этот путь был ясен для партии в 1918 г. не менее чем в последующие годы. Уже первый закон о социализации земли 19/II 1918 г. предусматривал в числе лиц, имеющих право пользоваться землей, на первом месте сельскохозяйственные коммуны и товарищества. 2/XI 1918 г. был учрежден специальный миллиардный фонд для финансирования перехода на коллективные методы ведения сельского хозяйства. Но, с другой стороны, в 1918 г. не меньше чем в 1921 или 1922 г. была ясна недостаточность этого пути, в условиях неразвернутого социалистического промышленного производства, крайней скудости технической помощи, которую город может оказать деревне, отсутствия у рабочего класса сколько-нибудь значительной собственной производственной сельскохозяйственной базы и т. д. В качестве главного повидимому надо было избрать другой путь — смычки через обмен в той своеобразной ее форме, какая была возможна в обстановке 1918 г.

Общие контуры советского хозяйства рисовались в начале 1918 г. как хозяйства товарно-денежного. В связи с объявлением РСФСР социалистической республикой в смысле «решимости осуществить социализм» и «вступления на социалистический путь» — в перспективе имелась в виду полная ликвидация сначала аппарата частной торговли, затем обмена вообще и денег. Но это в более или менее отдаленном будущем. Для ближайшего периода вопрос

---

[1] Ленин, т. XXV, изд. 3, с. 194.

ставился иначе. В 1921 г. Ленин, характеризуя экономическую политику первой половины 1918 г., воспользовался примером закона о государственной монополии на объявления. Государственная монополия на объявления означает централизацию известной сферы хозяйственной деятельности (в данном случае не первоклассной по своему удельному весу) в руках государства и вместе с тем сохранение того экономического уклада, который вызывает к жизни объявления, т. е. частных торгово-промышленных фирм (действующих хотя бы под контролем государства), частного оборота и т. д. Точно так же проводилась строгая централизация банковского дела в руках государства и намечалось жесткое регулирование денежного обращения. Это означало курс на укрепление денежной системы и на сохранение банка, как такового, как института, необходимого при общем денежном строе хозяйства [1]. В области товарооборота — также централизация в руках государства товаропроводящей сети, или по меньшей мере—подконтрольность ее государству. Докладчик на первом съезде совнархозов по вопросу об организации снабжения т. Шмидт О. Ю. указывал на такие важнейшие задачи в области организации товарооборота. «Задача воссоздания распределительного аппарата является очередной самостоятельной задачей, независимой от укрепления производства в той или иной области... С фактической национализацией торговли нам спешить не следует. Она может быть проведена только последовательно, только когда национализация производства будет в основном проведена, т. к. национализацию торговли проводить будет значительно труднее. Только в отношении некоторых однородных предметов можно будет перейти к национализации путем монополизации торговли... Что же касается частноторговых фирм и их роли в деле распределения, то нужно сказать, что к ним нужно отнестись с некоторою осторожностью... Но все-таки есть группа частных торговых фирм и предприятий, которые можно и нужно привлечь к этому делу...» и т. д. [2]. Отсюда и политика компромисса с «буржуазными кооператорами». Закон о потребительских кооперативных организациях 10/IV 1918 г., явившийся плодом длительных переговоров правительства с Центросоюзом, ставит кооперацию под контроль советских органов, возлагает на нее выполнение ряда государственных заданий по снабжению населения, но вместе с тем создает кооперации до известной степени независимое положение и гарантирует ее права как самостоятельной организации [3].

В соответствии с таким курсом организация встречного потока продукции и товаров из города в деревню и обратно мыслилась в следующих формах:

а) государственная хлебная монополия в форме исключительного права государства заготовлять (покупать у производителей) хлеб по твердой, установленной государством же цене и,

[1] См. доклады Сокольникова и Гуковского на I съезде СНХ. Труды I съезда СНХ, с. 117—137.

[2] См. Труды I съезда СНХ, с. 420—422.

[3] См. Сборник декретов по нар. хозяйству. М, 1918 г., т. I, с. 344—345.

б) широкий товарообмен, призванный стимулировать государственные заготовки хлеба. Отсюда: борьба всеми средствами со спекуляцией, мешечничеством, кусочничеством [1], с одной стороны, и ряд мероприятий по развертыванию товарообмена городских продуктов на сельскохозяйственные, с другой. И то и другое оказалось недостаточно эффективным. Мешечничество и спекуляция ширились, меры по борьбе с ними не достигали цели. Яркий пример: съезды и пленумы ВСНХ происходили в Москве, в помещении Метрополя. Для организации снабжения делегатов администрация Метрополя прибегала к услугам спекуляции [2]. Товарообмен срывался. Вот описание крупнейшей товарообменной операции весны 1918 г. одним из руководящих работников Наркомпрода Орловым: «Огромные товарные массы были собраны Комиссариатом на национализированных фабриках и заводах и двинуты по приблизительно пока составленному плану в хлебородные районы Республики (главным образом Сибирь, Северный Кавказ и Поволжье). Предполагалось, что все эти товарные массы будут распылены губпродкомами в правильно подобранных ассортиментах по кооперативным и иным распределительным пунктам и будут обменены на зачетные квитанции ссыпщиков хлеба... По предварительным подсчетам в течение апреля и мая 1918 г. можно было таким образом распределить необходимых для крестьянства товаров на 1 162 млн. рублей, получив в обмен до 120 млн. пуд. хлеба, т. е. приблизительно столько, сколько необходимо было для годичного продовольствования потребляющих районов. Эти совершенно правильные теоретические подсчеты были, однако, жестоко искажены действительностью. Прежде всего, центральный аппарат Компрода был не в силах при наличии всяких междуведомственных трений и ввиду известного противодействия фабрично-заводских комитетов взять на свой учет все то, что предложено было взять. Фактически отправлено было меньше промышленных продуктов, чем предполагалось. Но не в этом заключалась беда. У местных продовольственных учреждений не было сколько-нибудь сносного распределительного аппарата. Прибывшие в конечный пункт вагоны с мануфактурой, металлическими изделиями, кожей и пр. иной раз по месяцам стояли неразгруженными. Те же товары, которые так или иначе попадали на склады продкомов, начинали рассовываться по кооперативным и даже частным распределительным пунктам без всякого плана и без всякой «задней мысли». Нередко эти предназначенные для специальной цели (товарообмена) ценности распределялись среди городского населения, а попадая в деревню продавались за деньги. Намерения центральной власти остались совершенно непонятными и чудовищно извращенными на местах провинциальными продовольственными учреждениями. Открывшаяся к лету по всем фронтам гражданская война окончательно погубила дело товарообмена в первоначальной его форме. Таким об-

[1] См. Труды II съезда СНХ, с. 104.

[2] В частности, борьба со спекуляцией—одна из важнейших задач органов ЧК.

[3] См. Сборник декретов по нар. хозяйству. М. 1918 г., т. I, с. 344—345.

разом, промышленный пролетариат центра и севера республики, доверив свои ценности губпродкомам, сыграл лишь наруку всякого рода спекулянтам и кулакам, во-время прибравшим то, что беспечно раскидывалось продовольственниками»[1].

Итак, первая крупная товарообменная операция окончилась неудачно. Но доставить хлеб голодающему городу нужно было во что бы то ни стало. Борьба за хлеб в 1918 г. — борьба за социализм. Хлеб есть, но он у кулака производящих районов, не желающего итти навстречу голодающему рабочему классу. Коли так, хлеб нужно взять хотя бы силой, используя в дополнение к старым методам заготовки, еще метод государственного принуждения и сочетав рабочий поход за хлебом в деревню с развертывающейся там социалистической антикулацкой революцией. Отсюда — объявление продовольственной диктатуры и комбеды.

Декретом 9/V 1918 г. «О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» советская власть призвала «всех трудящихся неимущих крестьян к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками». Хлеб есть, говорил декрет, но он находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках деревенской буржуазии. «Сытая и обеспеченная, скопившая огромные суммы денег, вырученных за годы войны, деревенская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеб к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен и продает в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам-мешечникам. Этому упорству жадных деревенских кулаков-богатеев должен быть положен конец... На насилие владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией...». Каждый владелец хлеба обязывался в недельный срок заявить продовольственным органам об имеющихся у него хлебных излишках. За неисполнение — конфискация хлеба. Все имеющие излишки хлеба и не вывозящие его на ссыпные пункты — враги народа и подлежат революционному суду. Органам Наркомпрода предоставляется право применять вооруженную силу в случаях противодействия отобранию хлеба.

Последующими декретами организуются при ВЦСПС военно-продовольственное бюро. Тысячи рабочих отрядов направляются в деревню. Они действуют опираясь на комитеты бедноты, созданные законом 11/VI 1918 г. «Об организации и снабжении деревенской бедноты»[2]. В деревне развертывается своя Октябрьская революция.

На VIII съезде партии Ленин характеризовал эти мероприятия следующим образом: «Первый декрет об организации комитетов

---

[1] См. сборник «Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства советской власти». М. 1920 г., с. 145—146.

[2] С. У. 1918 г. № 43, ст. 524, см. также сборник «Советы в эпоху военного коммунизма». М. 1928 г., т. I, с. 85.

бедноты советской власти был проведен по инициативе т. Цюрупы, который тогда стоял во главе продовольственного дела. Нужно было спасти от гибели неземледельческое население, которое терзалось муками голода. Это возможно было сделать только при посредстве комитетов бедноты как пролетарских организаций. И когда мы увидели, что в деревне летом 1918 г. началась и произошла Октябрьская революция, только тогда мы стали на свой настоящий пролетарский базис, только тогда наша революция не по прокламациям, не по обещаниям и заявлениям, а н а д е л е с т а л а п р о л е т а р с к о й»[1].

Меньшевики квалифицировали организацию комбедов и провозглашенный Лениным «крестовый поход рабочих за хлебом против кулаков и за восстановление порядка»[2], как «полицейские мероприятия» и «безумную политику». Левые эсеры в этом вопросе фактически солидаризировались с меньшевиками. Карелин от имени левых эсеров на заседении ВЦИК, обсуждавшем закон 11/VI заявил: «... Опираясь на государственный разум, всеми средствами через советы, всем влиянием нашей партии, всем партийным авторитетом, мы будем вести решительную борьбу с теми вредными мерами, которые сегодня приняты ВЦИК[3]. Борьба кончилась поражением эсеров. К VI съезду советов (ноября 1918 г.), признавшему излишним дальнейшее существование комбедов, левоэсеровская партия как партия не существовала. Миф о едином трудовом крестьянстве рассеялся, как дым. Основную задачу, поставленную перед ними партией, комбеды выполнили, хотя конечно с рядом издержек, неизбежных в обстановке ожесточеннейшей гражданской войны, перенесенной в каждую деревню, в каждое село.

Наряду с сохранением незыблемости государственной хлебной монополии и использованием товарообмена осенью 1918 г. советская власть выдвинула новое мероприятие в области продовольственной политики: натуральный продовольственный налог. Однако государственное принуждение в форме налога могло оказаться вполне эффективным лишь при условии развернутого товарооборота и свободного отчуждения излишков с.-х. производства сверх сданного по налогу. Но 1918 г.—год начинающейся и разворачивающейся гражданской войны, не 1921 г.—год перехода к длительному периоду мирного строительства. В конкретных условиях 1918 г. продовольственная политика советской власти эволюционировала к более широкому и более суровому методу использования государственного принуждения — к разверстке. Разверстка — типичное мероприятие следующего периода — развернутого военного коммунизма.

Снабжение населения предметами широкого потребления строилось в 1917/18 г. на принципах, принятых в военное время во всех странах: и в РСФСР и в буржуазных: нормирование, карточки. 1918 г. принес с собою более широкое использование этой си-

---

[1] Л е н и н, т. XXIV, изд. 3, с. 125, ср. также т. XXIII, с. 393, т. XXIV, с. 162.
[2] Л е н и н, т. XXIII, изд. 3, с. 58.
[3] См. Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва. М. 1920 г., 405, 412.

стемы, т. е. распространение ее на большее число продуктов и на больший контингент потребителей. Новым явился принцип «классового пайка», предпочтение в потреблении, установленное для трудящихся. С осени 1918 г. вводится (сначала для отдельных категорий рабочих) частичная натурализация зарплаты. Полный расцвет пайковой системы относится уже к следующему периоду военного коммунизма.

III. Военный коммунизм (1918—1921 гг.)

Общая характеристика периода военного коммунизма

Военный коммунизм был вынужден войной и разорением. Вне обстановки, в которой пролетариату пришлось хозяйствовать в 1918—21 гг., т. е. отвлекаясь от войны и разорения, ничего нельзя понять в военном коммунизме. Благодаря войне гражданской и интервенции оказалось необходимым действовать по-военному не только в чисто военной, но и в экономической области. Это — важнейшее обстоятельство для уяснения существа военного коммунизма.

В течение 1918—1921 гг. лишь $^{1}/_{9}$ часть территории Европейской России и ⅙ часть населения Советской республики непрерывно находились под властью советов[1]. Следовательно $^{8}/_{9}$ территории служили непосредственной ареной военных действий и $^{5}/_{6}$ населения были активными участниками или ближайшими свидетелями военных операций. Трудно даже себе представить сейчас грандиозность и всеобщность распада хозяйственных связей того времени. Полная хозяйственная изоляция от внешнего мира, оторванность промышленных районов от источников сырья и топлива, разрыв привычных пропорциональностей и связей между различными отраслями народного хозяйства, острый и перманентный продовольственный кризис — таковы некоторые из штрихов, характерных для экономики Советской России в 1919 и 1920 гг.

15 июля 1918 г. ВЦИК признает социалистическое отечество в опасности. 2 сентября Советская Россия объявляется военным лагерем. 30 ноября учреждается Совет рабочей и крестьянской обороны. «Не только в армии и во флоте,—гласит декрет 30/XI, — но и в продовольственном и в транспортном деле, а также в области военной промышленности должен быть установлен военный режим, т. е. режим суровой трудовой дисциплины, отвечающий положению страны, которую бандиты империализма вынудили превратить в военный лагерь»[2]. Позднее, 8 июля 1919 г. организуется ЧУСО (Чусоснабарм): чрезвычайный уполномоченный по снабжению Красной армии, через аппарат которого все производство и снабжение республики ставится на службу интересам обороны. Военный режим, введенный на транспорте и в военной промышленности, распространяется на все хозяйство в целом. В одной отрас-

---

[1] Крицман. Героический период великой русской рволюции. М. 1925 г., с. 53

[2] С. У. 1918 г. № 91/92, ст. 924.

ли за другой милитаризуется труд. Методы государственного принуждения, продиктованные военной необходимостью, проникают всюду, вплоть до сельского хозяйства и кустарной промышленности.

Падение производительных сил достигает неслыханных размеров. В 1920 г. по сравнению с последним довоенным годом 1913 г. — валовая продукция крупной промышленности составила лишь 18%, мелкой промышленности — 43%, посевная площадь уменьшилась на 12,5%, валовой сбор хлебов — на 37%. Пробег грузов в 1920 г. составил лишь 20% от 1913 г., а по хозяйственным грузам, исключая военные, — даже 12%. Внешняя торговля в 1919 г. — 0,0% по сравнению с 1913 г. В 1920 г. — совершенно ничтожное улучшение (по ввозу 5,8 млн. пуд. при 936,6 млн. п. в 1913 г., по вывозу 0,7 млн. пуд. при 1472,1 млн. пуд. в 1913 г.). Валовая выработка на одного рабочего по сравнению с 1913 г.: в 1919 г. — 22% и в 1920 г. — 26%. Зарплата при 22,0 тов. рублях довоенных: в 1919 г. — 8,5 руб. и в 1920 г. — 8,3 руб., т.е. 38,6% и 37,6% довоенного уровня. Народный доход в 1920 г. — 40% 1913 г.[1]. В итоге: величайшая нужда во всем, целое нагромождение разнообразных кризисов: топливного, транспортного, продовольственного, болезни, а для городских центров — сокращение численности и физическое истощение населения.

Какова расстановка классовых сил в период военного коммунизма? Помещики и буржуазия? Отношения с ними исчерпываются вооруженной борьбой на фронтах гражданской борьбы и беспощадным подавлением попыток контрреволюционных выступлений внутри страны. «По отношению к помещикам и капиталистам наша задача — полная экспроприация»[2]. Несколько по особенному ставится вопрос лишь в отношении кулачества, деревенской буржуазии. «По отношению к кулаку мы не говорим так, как по отношению к помещику-капиталисту, что он должен быть лишен всей собственности. Мы говорим, что должно быть сломлено сопротивление этого кулака против необходимых мер, как например, хлебной монополии[3]... Мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контрреволюционных поползновений. Это не есть полная экспроприация»[4]. Следует ли, например, национализировать кулаков? «Это — фантазия. Для этого у нас сейчас сил нет»[5].

Пролетариат? Он проявляет в период военного коммунизма чудеса самоотвержения, организованности и трудового энтузиазма. «Всякий раз,—говорил Ленин на заседании ВЦИК в один из тягчайших для Советской республики моментов,—когда перед советской властью в необыкновенно трудном деле строительства со-

---

[1] Все данные по книге Крицмана. Цит. соч.
[2] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 163.
[3] Ленин, т. XXIII, изд. 3, с. 426.
[4] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 163.
[5] Ленин, т. XXV, изд. 3, с. 124.

циализма встают трудности, советская власть знает только одно средство борьбы с ними: обращение к рабочим, каждый и каждый раз к более и более широким слоям рабочих»[1]. Пролетариат основных промышленных районов в порядке бесчисленных военных, партийных и профессиональных мобилизаций и призывов поставляет кадры для армии, продовольственного аппарата, транспорта, военной промышленности, лесозаготовок, всюду, где трудно в данный момент, где требуются организаторы, руководители и бойцы. В период наиболее острой и глубокой хозяйственной разрухи в 1919 г. пролетариат создает новые формы коммунистической организации труда—субботники. «Субботники,—говорил Ленин,—осуществляют «коммунистическое» на деле. Если в теперешнем строе России и есть что-либо коммунистическое, то это только субботники, а остальное есть лишь борьба против капитализма за упрочение социализма, из которого, после его полной победы, должен будет вырасти тот самый коммунизм, который мы на субботниках наблюдаем не из книг, а из живой действительности»[2]. Пролетариат вынес на своих плечах главные тяготы гражданской войны и падения производительных сил. В результате — резкое сокращение кадрового пролетариата за счет не только массового выдвижения на руководящую военную, хозяйственную, профессиональную работу, но и за счет физического уничтожения и гибели на фронтах, от эпидемий, болезней, а также явления деклассирования отдельных прослоек пролетариата в связи с падением производства, длительными перерывами в работе, продовольственным кризисом, уходом в деревню и т. д.

Физиономия крестьянства в его массе за период военного коммунизма претерпела ряд изменений. Крестьянство осереднячилось. Кулацкие элементы сократились. Их удельный вес снизился. Бедняцкие хозяйства, наоборот, поднялись. С.-х. пролетариат почти полностью исчез[3]. В итоге — невелировка крестьянства[4]. Середняк более чем когда-либо стал центральной фигурой земледелия. Середняк прежде всего труженик. Он не эксплоатирует чужого труда. Но, вместе с тем, он собственник. Отсюда — его колебания. Задача пролетариата в отношении среднего крестьянства заключается в прочном союзе, в соглашении с ним. «...Мы рассчитываем на длительное постепенное убеждение, на ряд переходных мер, осуществляющих соглашение пролетарской социалистической части населения, соглашения коммунистов, ведущих решительную борьбу против капитала во всех его формах, соглашение их со средним крестьянством»[5]. Ленин расшифровывает содержание соглашения пролетариата с крестьянством в годы военного коммунизма следующим образом. Это был военный союз против помещиков и капиталистов. Но военный со-

---

[1] Ленин, т. XXIII, изд. 3, с. 470.
[2] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 653.
[3] Цифры см. у Крицмана. Цит. соч., с. 67.
[4] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 310, 312.
[5] Ленин, т. XXIII, изд. 3, с. 427.

юз «... не мог бы продержаться и несколько недель без известного экономического союза... Крестьянин получил от рабочего государства всю землю и защиту от помещика, от кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие в ссуду до восстановления крупной промышленности» [1]. В конце военного коммунизма, после победоносного окончания гражданской войны и отражения интервенции в политическом союзе рабочего класса с крестьянством обнаружилась серьезная трещина. Это означало необходимость перевести рабоче-крестьянское соглашение в другую плоскость, наполнить союз двух основных классов социалистической революции новым содержанием. Решение этой задачи составляет центральный пункт новой экономической политики.

Военный коммунизм уступил место новой системе экономической политики — нэпу после того, как основные задачи, поставленные перед ним партией и рабочим классом, были решены и, в основном и главном, решены успешно. Эти задачи — отражение нашествия интервентов, разгром буржуазно-помещичьей контрреволюции, защита и удержание в руках пролетариата экономических командных высот. Неправильно было бы думать, однако, что указанием на военную обстановку, подчеркиванием того обстоятельства, что военный коммунизм — своеобразная система экономической политики и хозяйственного строительства военного времени, — исчерпывается его характеристика. Пролетариат по-своему организует оборону страны, всегда не так, как буржуазия. Пролетарский «военный лагерь» качественно отличен от буржуазного военного лагеря (например, Германии периода империалистической войны) именно потому, что осаду выдерживает другой класс — пролетариат, именно потому, что другой класс штурмует противника, накладывая тем самым печать своеобразия на каждое мероприятие, на каждый свой шаг в области военного, государственного и хозяйственного строительства. Защита социалистического отечества, т. е. борьба за сохранение условий возможности построения бесклассового социалистического общества организуется иначе, чем защита буржуазного отечества, т. е. борьба за сохранение возможности капиталистической эксплоатации. Центр тяжести научного исследования — в выявлении того особого, своеобразного и специфического, что характеризует военный коммунизм именно как систему пролетарского штурма и пролетарского «военного лагеря». Иными словами, при всей важности и необходимости учитывать «войну и разорение», как факторы, причинно обусловливающие военный коммунизм, ни на один момент нельзя забывать социалистической природы всей военно-коммунистической системы в целом, его социалистической природы как системы политики пролетарского государства, цель которого—построение бесклассового социалистического общества. Это тем более необходимо, что и в период военного коммунизма дважды намечались перспективы некоторой передышки, т. е. возможность мирного хозяйственного строительства, когда социали-

[1] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 430.

стическое строительство, если не как фактически осуществленная система мероприятий, то как система мероприятий, поставленная в порядок дня, рассматривалась как вполне реальная. Это — весна 1920 г., кратковременный интервал между разгромом Колчака, Юденича и Деникина и началом польской войны, и декабрь 1920 г. и начало 1921 г.—два—три месяца между окончанием польской войны, разгромом Врангеля и переходом к нэпу.

Завершение обобществления

Процесс национализации не остановился на том, что было сделано в 1917/18 гг. Он пошел значительно дальше и глубже, вплоть до 100% обобществления целого ряда отраслей народного хозяйства. Правда, II съезд совнархозов в декабре 1918 г. признал, что для основной командной высоты промышленности процесс национализации завершен полностью. Съезд счел своевременным подготовить и издать основной закон об обобществлении народного хозяйства. Но в действительности, национализация промышленности продолжалась, шла дальше и дальше, захватывая все новые и новые пласты промпредприятий. Окончание этого процесса датируется лишь окончанием периода военного коммунизма и переходом к нэпу. Если к моменту II съезда совнархозов было 1 125 национализированных предприятий, то в феврале 1919 г. их насчитывалось уже до 2 000 [1], а перепись ЦСУ в 1920 г. учла уже более 37 000 государственных промышленных предприятий [2]. «Мы меры не соблюли», говорил впоследствии Ленин. «Мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности» [3]. Последний акт, подытоживший национализацию промышленности,—постановление ВСНХ от 29/XI 1920 г. «О национализации предприятий» — объявил государственной собственностью «все промышленные предприятия, находящиеся во владении частных лиц или обществ, имеющие число рабочих свыше 5 при механическом двигателе или 10 без механического двигателя». Фактический охват, впрочем, всей колоссальной массы подпадавших под действие этого постановления предприятий при военном коммунизме не закончился. При нэпе же процесс национализации промышленности приостановился, а все мелкие и мельчайшие предприятия, которые государство не успело освоить до перехода к новой экономической политике, были признаны собственностью прежних владельцев.

Однако обобществление промышленности при военном коммунизме не завершается национализацией карликовых предприятий по декрету 29/XI 1920 г. Государство взяло в свои руки и кустарную промышленность. Здесь имело место чрезвычайно энергичное и всестороннее регулирующее воздействие государства че-

---

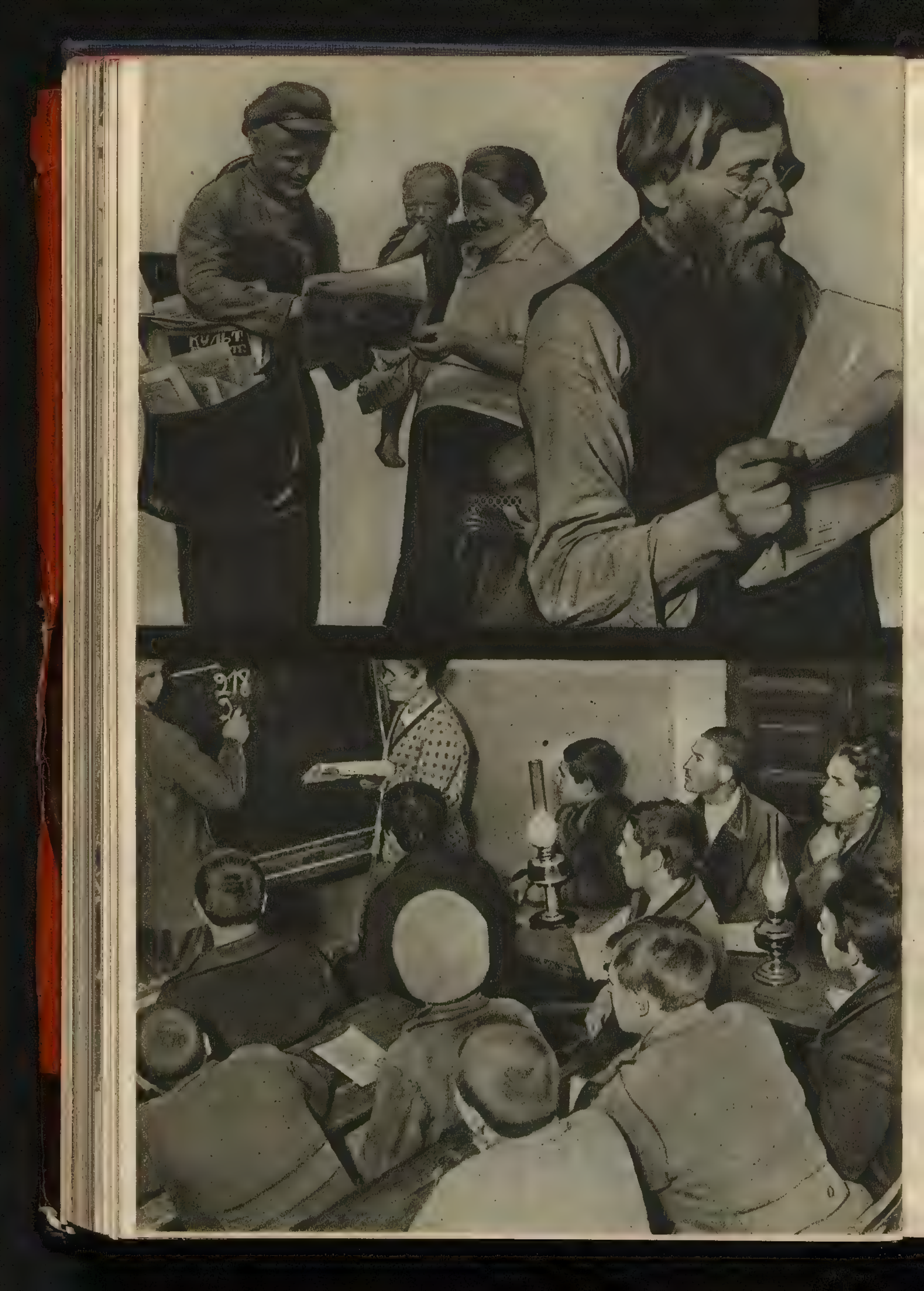
[1] Рыков. Цит. соч., т. I, с. 145.

[2] Цит. по книге Розенфельд. Промышленная политика. М. 1926 г., с. 105.

[3] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с 241.

JAS LENINCI
DAJHAN
JANЬDYNJA
KOLXOZ

КУЛЬТ

рез специальный главк—Главкустпром и его местные органы. Промысловая кооперация была ликвидирована как самостоятельная система и влита в потребкооперацию; последняя же, как известно, составляла особый предмет забот и попечений государства. Все кустари обязывались принимать заказы соответствующих государственных органов и сдавать им все произведенные из государственного, т. е. давальческого сырья, изделия. Лишь кустари-одиночки по специальному в каждом отдельном случае разрешению могли сбывать продукты своего труда на ближайших рынках. Но и в этом случае государство оставляло за собою право контроля и регулирования путем установления твердых цен на изделия, путем изъятий из перечня предметов, допускаемых к продаже и т. д. [1]. Все эти мероприятия, включившие в орбиту государственного воздействия, осуществляемого методами принуждения, сотни тысяч кустарей и ремесленников, были, естественно, мало эффективны. Слишком уже они противоречили самым основам экономического бытия кустаря и ремесленника. Ни одно из этих мероприятий не пережило военного коммунизма.

Более эффективными (в известной части) оказались аналогичные мероприятия в области сельского хозяйства. Здесь надо отметить прежде всего твердо взятый курс на широкое развитие государственного сельского хозяйства. Законом «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14/II 1919 г. был подчеркнут принцип государственной собственности на землю (пролетарская национализация земли в отличие от социализации по закону 19/II 1918 г.). Развертывалось строительство совхозов, предпринимались разного рода мероприятия по организации «государственного посева хлебов». На совхозы возлагалась задача обеспечить продовольствием рабочих, организующих совхозы госпредприятий, учреждений, профсоюзов.

Эти мероприятия пережили период военного коммунизма. Идея пролетарского земледелия вошла в плоть и кровь советской действительности, хотя самое число совхозов и размер охваченной ими посевной площади в начале нэпа сократились.

Не меньший интерес представляют мероприятия, заложившие основу коллективному (колхозному) земледелию. Ленин подчеркивал, что основной предпосылкой для социалистической переделки мелкого и мельчайшего сельского хозяйства является «возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному, машинному земледелию» [2]. Если бы в 1919 г. совет-

---

[1] Декрет 7/IX 1920 г. «О регулировании кустарных промыслов и ненационализованной промышленности»—С. У. 1920 г. № 78, ст. 366.

[2] Ленин, т. XXV, изд. 3, с. 276.

ская власть могла бросить в деревню 100 000 тракторов, середняк сказал бы «я за коммунию!» (Ленин). Но отсутствие этих тракторов и недостаточная еще техническая и энергетическая вооруженность промышленности не означают, что вообще ничто не должно делаться в направлении социалистической реконструкции деревни. Фактически государство предпринимает ряд шагов по финансовой поддержке коллективистических начинаний и по стимулированию колхозного движения, притом колхозного движения в его высшей форме, в форме с.-х. коммуны. По Положению о социалистическом землеустройстве для осуществления перехода от единоличных форм землепользования к товарищеским «наилучшими средствами» наряду с совхозами являются «коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования». В частности коммуна — это «добровольный союз трудящихся, часть общенародной организации товарищеского земледелия, организуемого с целью ведения хозяйства на коммунистических началах в области производства и распределения» [1]. Налоговые льготы, преимущества при распределении с.-х. машин, агропомощь, прямая финансовая поддержка и т. д. — все это используется в целях развития колхозного движения и, несмотря на исключительно тяжелые условия периода военного коммунизма, оказывает свое действие: зерно брошено и оно произрастет в свое время, правда в иной обстановке, в новых формах и в результате новых технико-экономических и социальных сдвигов в промышленности и во всем социалистическом хозяйстве.

За пределами государственного и колхозного земледелия остается основная масса крестьянских хозяйств — единоличники. По отношению к ним государство принимает ряд мер регулирующего характера. Сюда относятся упорядочение крестьянского землепользования, распространение агрономических знаний, мелиорация и более серьезные как принудительный севооборот и обязательный засев земли под наблюдением и по заданию специальных государственных органов. К концу 1920 г. выявилось значительное падение производительных сил крестьянского хозяйства. Необходимо было предпринять решительные шаги к его подъему. Военный коммунизм попытался сделать это свойственными ему методами централизованного руководства и государственного принуждения [2].

---

[1] С. У. 1919 г. № 2, ст. 43, п.п. 3 и 60. Приводим несколько выдержек из нормального Устава с.-х. коммуны, утвержденного НКЗемом 19/II 1919 г.: «Сельскохозяйственная коммуна должна служить образцом братского равенства всех людей в труде и пользовании результатами труда; поэтому желающей вступить в коммуну отказывается в ее пользу от личной собственности на денежные средства, орудия производства, скот и вообще всякое имущество, необходимое в ведении коммунистического хозяйства». «... Коммуна берет от каждого своего члена по его силе и способностям и дает ему по его насущным потребностям». Цит. по статье Лисицына «Коллективы сельскохозяйственные» в Энциклопедии государства и права, т. II, с. 448.

[2] Ленин, т. XXVI, с. 38: «Наша главная и основная задача — суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять, начиная с мер самых необходимых, неотложных, вполне доступных крестьянину, вполне ему понятных».

VIII съезд советов объявил правильное ведение земледельческого хозяйства «великой государственной обязанностью крестьянского населения». Для руководства предстоящей с.-х. кампанией учреждаются в губерниях, уездах и волостях комитеты по расширению посевов и улучшению обработки земли (посевкомы). Запасы семян, необходимые для обсеменения полей, находящиеся у крестьян, объявляются неприкосновенными. Посевкомы разрабатывают обязательные для крестьян планы засева, устанавливают правила обработки полей, регулируют «путем трудовой взаимопомощи крестьян» использование живого и мертвого инвентаря и т. д. Посевкомы не оправдали возлагавшихся на них надежд. После перехода к нэпу они были ликвидированы.

Одно из наиболее ярких проявлений тенденций периода военного коммунизма к 100% обобществлению народного хозяйства — это мероприятия в области кооперативной политики того времени. Кооперация в РСФСР — форма социалистического хозяйства, ибо кооперативные предприятия «не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу»[1]. Но характерная особенность кооперации — ее коллективный характер в смысле участия данного коллектива как действительного собственника предприятия в руководстве всей его хозяйственной работой. Кооперативная собственность — социалистическая по своей природе, но у нее ряд существенных особенностей по сравнению с государственной последовательно-социалистической собственностью. Нельзя забывать своеобразия кооперативной собственности не только в отношении частной (здесь различия при пролетарской диктатуре радикальные и принципиальные), но и в отношении государственной.

Военный коммунизм же держал курс на 100% огосударствление кооперации. Он игнорировал ее особую природу. Начиная с конца 1918 г., следует длинная цепь мероприятий, которыми ликвидируется самостоятельное положение кооперации в системе советского хозяйства. Она все больше и больше «огосударствляется». Ликвидируются все отраслевые и специальные кооперативные центры, кроме Центросоюза. Промысловая и сельскохозяйственная кооперация вливаются в Центросоюз на правах его секций. Ликвидируется банк потребительской кооперации — Московский народный банк — и включается в единый государственный Народный банк. Провозглашается и осуществляется обязательное кооперирование населения. «В потребительскую коммуну, — гласит декрет 16/III 1919 г. о потребительских коммунах,—включается все население данной местности. Каждый гражданин обязан стать членом коммуны и приписаться к одному из ее распределительных пунктов»[2].

Вся кооперативная система в целом передается «в ведение» Наркомпрода, учреждающего для руководства его специальный главк — Главкооп. По решению IX съезда партии потребитель-

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 396.
[2] С. У. 1919 г. № 17, ст. 191, № 34, ст. 339.

ская кооперация, находясь в центре и на местах в ведении Наркомпрода, выполняет технические и хозяйственные операции по его заданиям и под его контролем. От кооперации изъемлются и передаются госорганам все заготовительные функции, а также все предприятия и аппараты, если они ведут работу, в какой-либо мере параллельную советским хозяйственным органам. На кооперацию распространяются законы о предварительной фактической ревизии, о расчетных операциях, т. е. законы, изданные специально для госаппарата и национализированных предприятий. Наконец, 13/XII 1920 г. кооперация переводится на сметный порядок финансирования по государственному бюджету. Круг замыкается.

После перехода к нэпу все это отменяется. X съезд партии специальным постановлением отменяет резолюцию IX съезда о кооперации.

Наряду с планомерной национализацией средств производства и включением в орбиту государственного воздействия целых отраслей народного хозяйства, на местах продолжается процесс бытового «добивания» буржуазии и лишения ее не только командных высот, но и накопленных за годы господства средств потребления. Один за другим следуют чрезвычайные, единовременные и революционные налоги. Проводится изъятие и национализация отдельных категорий потребительских ценностей (почти повсеместное явление, например, обобществление музыкально-клавишных инструментов), весь мелкотоварный бытовой оборот переходит на нелегальное положение и т. д.

В итоге — к концу 1920 г. народное хозяйство превращается в громаду обобществленного единого государственного хозяйства.

Система хозяйственного управления

Система хозяйственного управления в период военного коммунизма построена на принципах строгой централизации. В обстановке гражданской войны, осложненной к тому же необходимостью бороться с сепаратистскими и областническими тенденциями первых месяцев революции («власть на местах») и пережитками мелкобуржуазной психологии («каждый за себя») необходимо было на первый план выдвинуть моменты строго централизованного руководства, как характерные и обязательные для социалистической системы управления хозяйством. «Социализм... это есть построение централизованного хозяйства, хозяйства из центра», подчеркивал Ленин. III съезд совнархозов (январь 1920 г.) постановил: «Централизация управления народным хозяйством есть основное средство в руках победившего пролетариата для скорейшего развития производительных сил страны и обеспечения руководящего значения промышленности в экономической жизни»[1]. Соответственно этому руководство хозяйством строилось как распорядительство из единых всероссийских центров, а вся система хозяйственного управления как иерархия многочисленных инстанций, связанных друг с другом административным подчинением

[1] Резолюции III Всероссийского съезда совнархозов. М., 1920, с. 9.

низших ячеек высшим. Так выглядела система Наркомпрода, организованная в виде ряда централизованных главков по заготовкам и по распределению. Такова вся система главкизма в целом: «вертикальный централизм» по определению IX съезда партии.

Но социалистическая система управления хозяйством — это не только централизм. Это — «социалистический централизм» или демократический централизм, «единство в основном» наряду и вместе с «многообразием в подробностях», с инициативой, самостоятельностью и самодеятельностью низовых хозяйственных ячеек. Однако вторая сторона формулы демократического централизма (самостоятельность и инициатива низов) в период военного коммунизма не была обеспечена. Это—задача последующих периодов. В период военного коммунизма, когда строительство социализма протекало в исключительно сложной обстановке гражданской войны и в окружении мелкобуржуазной стихии, центр тяжести вопроса лежал, конечно, в первой части формулы: в централизации. Поэтому наскоки Сапронова, Осинского и ряда других на генеральную линию партии, в вопросах хозяйственного строительства, против централизации и против главков под флагом строгого соблюдения советской конституции и постановлений VII съезда советов о советском строительстве, партия справедливо отвергала как проявление именно мелкобуржуазных влияний. Ленин выступал за сохранение главков[1] так же, как на VIII съезде партии он и Сталин выступали за строго централизованное построение армии, а на IX съезде—против демагогических обвинений Сапронова, Максимовского и других в назначенстве, зажиме и пр.

Следующей характерной особенностью системы хозяйственного управления военного коммунизма является необычайно широкое применение принципа государственного принуждения. Сам по себе принцип государственного принуждения далеко выходит за рамки военного коммунизма. И бесклассовое социалистическое общество нуждается в государственном принуждении, поскольку сохраняется вознаграждение по труду. Для военного коммунизма характерно лишь всеобъемлющее значение, которое придается государственному принуждению, и распространение его действия на все области хозяйственного строительства, в частности на такие, для руководства которыми на других этапах социалистического строительства пролетариат прибегает к более мягким методам экономического воздействия — регулированию. Так в период военного коммунизма на началах государственного принуждения строится заготовка хлеба и с.-х. сырья (разверстка), делаются попытки построить на тех же началах и самое с.-х. производство (посевкомы), а также мелкопромышленное и кустарно-ремесленное производство, в исключительно широких размерах государственное принуждение применяется в области организации труда (всеобщая трудовая повинность, трудовые мобилизации, милитаризация труда, трудовые армии и т. д.).

---

[1] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 621—622.

Наконец, одной из отличительных особенностей хозяйственного управления 1918—1920 гг. является принцип ударности. Военная обстановка, необходимость удовлетворения неотложных запросов военного ведомства, а также всеобщее оскудение и исчерпание запасов сделали ударность основой основ хозяйственного руководства. IX съезд партии постановил выделить образцовые предприятия, наилучше оборудованные, в чрезвычайном порядке снабжаемые и обеспеченные кадрами, в ряд с такими важнейшими мероприятиями экономической политики, как поднятие производительности труда, выработка единого хозяйственного плана и создание областных хозяйственных органов. Отчет ВСНХ VIII съезду советов подчеркивает значение ударности как важнейшего средства для поднятия производительности предприятий. В 1920 г. только ударные предприятия фактически работали сколько-нибудь нормальным способом, выполняли хотя бы минимальный процент производственной программы.

Централизация хозяйственного руководства, широкое использование государственного принуждения и ударность — все эти принципы—основные рычаги, с помощью которых в период военного коммунизма должно было быть реализовано начало единого социалистического народнохозяйственного планирования. Советское хозяйство — плановое, конечно, не с момента составления первых контрольных цифр или учреждения Госплана. Оно плановое с момента Октябрьской революции, ибо переход власти в руки рабочего класса включает в себя implicite всю последующую «борьбу за план» со всеми ее перепетиями, отступлениями, достижениями и конечной победой. Социалистический план вместе с тем не падает на голову новорожденному пролетарскому государству в день или в ночь его рождения. Он — продукт ожесточенной и длительной классовой борьбы, причем на разных этапах социалистического строительства он различен с точки зрения охвата народнохозяйственных процессов, степени оперативности и обязательности для различных участков народного хозяйства, методов составления и проведения в жизнь, участия масс в составлении плана и его осуществлении. Советское хозяйство периода военного коммунизма — по своему и иначе плановое, нежели хозяйство РСФСР в период 1917/18 г. или в последующие годы нэпа.

В первый период — 1917/18 г. — созидались основы и предпосылки социалистического планирования: была завоевана власть, установлена пролетарская диктатура и национализированы экономические командные высоты. Тем самым были созданы главнейшие условия возможности социалистического планирования. Но на первых порах естественно они осуществлялись лишь в самой слабой степени. Однако уже о с у щ е с т в л я л и с ь, ибо целый ряд хотя единичных, конкретных, но исключительно важных по своему народнохозяйственному значению мероприятий нельзя рассматривать иначе, как а к т ы п л а н о в о г о х о з я й с т в е н н о г о р у к о в о д с т в а. Сюда относятся такие, как грандиозная товарообменная операция весны 1918 г., как вся совокупность мероприятий, связанная с установлением продовольственной дикта

туры, как планомерное свертывание и концентрация производства в ряде отраслей промышленности, такая, оказавшаяся впоследствии ненужной, операция, как подготовка переброски Ленинградской промышленности на Урале и т. д. В течение же 1918 г. делаются первые попытки низового планирования, появляются первые образцы заводских производственных программ. Это — сводные программы, составленные Ленинградским совнархозом по группе предприятий металлообрабатывающей промышленности на июль — август и на сентябрь — декабрь 1918 г., программы чрезвычайно примитивные, неудовлетворительные, совершенно недостаточные не только с точки зрения методологии и техники планирования сегодняшнего дня, но даже с точки зрения уровня плановой работы, достигнутого в 1920 г., однако это все же производственные программы[1]. Факт составления первой сводной производственной программы по государственной металлопромышленности, хотя бы даже не всего народного хозяйства, а лишь одного района, ни в коей мере нельзя недооценивать.

Весь период военного коммунизма проходит под знаком уже значительно большего внедрения планового начала в народное хозяйство РСФСР. Военный коммунизм не только завершается, но и открывается идеей единого народнохозяйственного плана. На II съезде совнархозов т. Молотов (тогда председатель Северо-западного областного СНХ) подчеркивает необходимость выработки «общего плана народного хозяйства», «способного объединить всю хозяйственную жизнь»[2]. Резолюция, принятая II съездом совнархозов, указывает, что итоги 1918 г. создали возможность составления уже в ближайшем 1919 г. единого народнохозяйственного плана. Программа партии, утвержденная VIII партийным съездом (март 1919 г.), рассматривает все народное хозяйство как «единое хозяйственное целое», выдвигая «как одну из коренных задач» «максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану». IX съезд партии, несмотря на активное противодействие ряда хозяйственников, в частности председателя ВСНХ т. Рыкова, признал, что «основным условием хозяйственного возрождения страны является неуклонное проведение единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую историческую эпоху». Съезд дал первую наметку такого плана. Это — техническая реконструкция страны на базе электрификации и осуществление политики индустриализации в известной последовательности: улучшение состояния транспорта, производство средств производства, производство средств потребления. Резолюция IX съезда партии — первая своеобразная «директива о составлении народнохозяйственного плана».

---

[1] См. брошюру под ред. и с предисловием Молотова. Как рабочие строят социалистическое хозяйство. П. 1918 г. Ястржембский. Цит. соч., с. 13—16. Ср. также Ларин и Крицман. Очерк, с. 73. Упомянутый т. Лариным в «Очерке» приказ ВСНХ о производственных программах от сентября 1918 г. нам к сожалению не удалось найти.

[2] См. Труды II съезда СНХ, с. 26.

Плановое творчество периода военного коммунизма идет по различным направлениям. Прежде всего, конечно, защита и дальнейшее укрепление предпосылок социалистического планирования: пролетарской диктатуры и пролетарской национализации основных средств и орудий производства. Далее — строительство органов планового руководства. Здесь основным является вопрос о «едином хозяйственном центре». Эта проблема чрезвычайно волновала хозяйственников особенно в 1920 г. [1] ВСНХ настаивал на включении всех экономических комиссариатов в его состав или по крайней мере на праве руководства ими [2]. Претензия ВСНХ не получили осуществления. Но IX съезд партии принял специальное постановление «Об организации связи между хозяйственными комиссариатами» [3]. На практике увязка деятельности хозяйственных наркоматов осуществлялась различными междуведомственными комиссиями, совещаниями и комитетами (по топливу, по перевозкам, по рабочему снабжению, по трудовой повинности, содействию пролетарскому земледелию и т. д.). Среди этих междуведомственных органов особенно интересна учрежденная законом 21/XI 1918 г. «Об организации снабжения» Комиссия использования. Это — постоянная междуведомственная комиссия при ВСНХ, переданная незадолго до перехода к нэпу в ведение СТО. Ее основная задача — выработка единого плана распределения всей продукции национализированной промышленности. В план использования должно было входить: «Во-первых, определение того, какое количество продуктов предназначается для экспорта, какое для резерва, какое для промышленного потребления и какое для распределения среди населения; во-вторых, установление цены продукта как фабричной, так оптовой и розничной, в-третьих, план распределения всего предназначенного для населения продукта» [4]. Деятельность Комиссии использования развивалась крайне медленно. Фактически ни в течение 1919 г., ни в 1920 г. комиссии не удалось охватить всех главков и центров и взять в свои руки распределение всех продуктов. На практике распределение так и осталось до конца военного коммунизма распыленным между множеством различных организаций. Лишь к концу 1920 г. Комиссия использования расширила рамки своей работы. Ее значе-

---

[1] См. Гусев. Очередн. вопр. хоз. строит. Саратов, 1920 г. Гусев. Единый хоз. план и ед. хоз. аппарат. Харьков 1920 г. Кактынь. Единый хоз. план и ед. хоз. центр. М. 1920 г. Крицман. Единый хоз. план и Комисс. использования. М. 1921 г. Крицман. О хоз. плане, «Экон. жизнь» 1920 г. №№ 281 и 289 и ст.ст. Ларина, Милютина о едином хоз. плане «Экон. жизнь» 1921 г. №№ 28, 34, 38. Ленин. О едином хоз. плане, т. XXVI, изд. 3, с. 168—175.

[2] См. Рыков. Соч., т. I, с. 261. Выступление Ломова и Смирнова на IX партсъезде. Стенограф. отчет, с. 134 и 146.

[3] Съезд поручает ЦК выработать в ближайшее время систему организационной связи между ВСНХ и другими, непосредственно связанными с хозяйством, комиссариатами (Наркомпрод, Наркомпуть, Наркомзем) в их повседневной работе с целью обеспечения полного единства проведения хозяйственного плана, утвержденного съездом партии», Савельев и Поскребышев. Цит. соч., с. 23.

[4] С. У. 1918 г. № 83, ст. 879, п. 7.

ние среди других высших хозяйственных органов заметно возросло. Однако и в реформированном виде она охватывала лишь незначительную часть вопросов, которые должны были входить в компетенцию единого хозяйственного центра. В качестве такового суждено было выступить другому органу — Совету обороны, реорганизованному в начале 1920 г. в Совет труда и обороны. По закону, принятому VIII съездом советов, СТО действует на правах комиссии при Совнаркоме. СТО «устанавливает единый хозяйственный план РСФСР, представляет его на утверждение ВЦИК, направляет работы экономических наркоматов сообразно этому плану, наблюдает за его осуществлением и устанавливает в случае необходимости изъятия из этого плана» [1]. Существовавшая с апреля 1920 г. при ВСНХ Государственная комиссия по электрификации России (Гоэлро) в феврале м-це 1931 г. реорганизуется в Государственную общеплановую комиссию при СТО. Так решился вопрос о высшем плановом органе — едином хозяйственном центре.

Плановое руководство нуждается однако не в одном только высшем центре, а в целой сети плановых органов, охватывающих все народное хозяйство. Функции местных органов Совета обороны в 1920 г. были возложены на «Советы трудовых армий»: Уральской, Юго-Восточной, Украинской. Трудовые армии — своеобразное явление периода военного коммунизма в наиболее развернутой его стадии. После победоносного завершения второго тура гражданской войны, но в обстановке, исключавшей возможность произвести демобилизацию, сначала одна 3-я армия, а затем ряд других были переведены на «мирное положение» с сохранением однако, всего, что требуется для немедленного возврата в состояние полной боевой готовности. Троцкий связывал с трудармиями широкие перспективы хозяйственного возрождения России и социалистического строительства. Оценка этих планов дана в известном письме Сталина Ленину 22/III 1921 г. «Помните прошлогодний план Троцкого, — писал Сталин, — его тезисы «хозяйственного возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы («трудармии»). Какое убожество, какая отсталость по сравнению с планом Гоэлро! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным спасти Россию сагой старинной!». Эффективность применения труда красноармейцев оказалась крайне низкой, результаты деятельности трудармий ничтожными, но их руководящие органы — советы трудармий — в течение известного времени выполняли функции увязки, согласования и объединения деятельности всех хозяйственных органов в пределах известной территории.

Другие важнейшие плановые органы периода военного коммунизма: Государственная комиссия по электрификации России (Гоэлро), организованная 21/II 1920 г. во исполнение решения VII

---

[1] Резолюция VIII Всероссийского съезда советов о Совете труда и обороны, ст. 4. Стенографический отчет VIII съезда. М. 1921 г., с. 281.

съезда советов, и Центральная производственная комиссия ВСНХ, учрежденная по постановлению III съезда совнархозов. Значение обеих комиссий огромно. Гоэлро — основное ядро будущего Госплана, ЦПК же — прообраз ведомственных плановых органов. В самый день, которым датируется новая экономическая политика — 17/III 1921 г. (резолюция X съезда партии о продналоге), заканчивается создание стройной системы плановых органов: местных экосо при местных исполкомах и ведомственных плановых комиссий при хозяйственных наркоматах. Новая экономическая политика получает от военного коммунизма цельный и разветвленный аппарат планового руководства.

Военный коммунизм не сумел выработать столь же законченной системы актов планирования. Основной плановый документ эпохи — план электрификации России — Гоэлро. Это — замечательнейший документ, чрезвычайно высоко ценимый Лениным. Ленин противопоставлял Гоэлро бюрократическому скептицизму Рыкова и литературному «вумничанию» и прожектерству Ларина, Крицмана и Милютина [1]. «Никакого другого единого хозяйственного плана, кроме выработанного уже Гоэлро, нет и быть не может. Его надо дополнять, развивать дальше, исправлять и применять к жизни на основании указаний практического опыта, внимательно изучаемого...». План Гоэрло — программа действительного хозяйственного возрождения России на базе новейшей техники и электрификации и с учетом новых возможностей, созданных пролетарской революцией [2]. План Гоэрло — первый единый народнохозяйственный план. Он рассчитан на ряд лет: 10 — 15. Аналогичных годичных операционных планов военный коммунизм не создал. Разрабатываемые центральной производственной комиссией ВСНХ производственные программы — отраслевые планы, плохо связаны были друг с другом и не увязаны с планом всего народного хозяйства в целом. Но сами по себе они конечно важный этап в развитии плановой работы, они заложили твердое основание для отраслевого планирования.

Единственный помимо плана Гоэлро акт планирования общего значения и народнохозяйственного масштаба, известный периоду военного коммунизма, — это государственный бюджет. Вместе с ростом удельного веса государственного хозяйства и переводом всех госпредприятий на сметный порядок финансирования должно было возрасти значение бюджета. Но составление его запаздывало, а возможность использования как оперативного документа уменьшалась прямо пропорционально катастрофическому падению ценности денег. Основное значение в период военного коммунизма имели благодаря этому частные, конкретные, оперативные планы отдельных ведомств, главков, организаций и предприятий.

Организационное строительство хозяйственного аппарата РСФСР развивало далее тенденции, наметившиеся еще в первый

---

[1] См. выше прим. 1 на с. 354. См. также XX ленинский сборник. М. 1932 г.

[2] См. План электрификации РСФСР. Введение к докладу VIII съезда советов. М. 1920 г., с. 22—24, 120 и след.

период. Типичным является эволюция системы органов управления промышленностью. Промышленность в 1918—20 гг. так же, как и ныне, указывала путь организационного строительства для остальных отраслей народного хозяйства.

Обычная схема периода 1919—1920 гг.: ВСНХ (точнее, соответствующий главк ВСНХ) — главное правление (трест) — заводоуправление. Другая схема: ВСНХ (опять-таки главк) — местный СНХ (его отдел, он же местный орган главка) — заводоуправление. Возможны осложнения и той и другой схемы. Для ряда более отдаленных областей в 1920 г. были учреждены полномочные представительства ВСНХ — промбюро. К VIII съезду советов их было 6. В этих случаях между ВСНХ и ГСНХ появлялось промежуточное звено — промбюро. Иногда схема усложнялась за счет «кустового» или «группового» правления, объединявшего несколько заводов. В таких случаях между главком и заводом также становилось средостение — соответствующее районное («кустовое», «групповое») правление.

Строительство главков идет усиленным темпом. Если в сентябре 1918 г. их было 18, то к концу 1920 г. их уже 42. Наоборот, центральный аппарат ВСНХ («отделы») хиреет, во многих случаях сливается с главками. Это отмирание отделов — симптом дальнейшей централизации управления и окончательного сращивания хозяйственных функций (главка) с чисто административными (отделы). Заботливо изгоняются один за другим какие бы то ни было признаки «автономии» главков. Ревизионные комиссии, предусмотренные «положениями» 1918 г., исчезают уже в 1919 г. Новые «положения» подчиняют главки общегосударственному контролю, осуществляемому органами Госконтроля. Широкие демократические пленумы сменяются узкими коллегиями. Содержание аппарата главков за счет обложения подведомственных им предприятий заменяется обычным для всех государственных учреждений содержанием по смете за счет госбюджета. Нет более оснований для наделения главков «правами юридического лица». «Согласно прямой букве закона и по общему смыслу всего советского законодательства по народному хозяйству, — пишет редактор «Сборника декретов по народному хозяйству», — все главные и центральные комитеты по организации и регулированию хозяйственной жизни страны являются государственными правительственными учреждениями и по существу и по форме ничем абсолютно не отличаются от других правительственных учреждений» [1].

В содержании работы главков происходят некоторые изменения за счет полного отпадения заготовительных функций у главков, перерабатывающих с.-х. сырье (эти функции уходят к Наркомпроду), и дальнейшего усиления моментов непосредственно-оперативного управления предприятиями. Однако попрежнему центр тяжести их работы—учет и распределение. Для управления группами предприятий создаются тресты. Это—маленькие главки, средостение между главком и предприятиями. В некоторых слу-

[1] Сб. декретов по народному хозяйству, т. I, с. 111.

чаях главк и трест одно и то же (Гомзы). Главный период строительства трестов—с 1/X 1918 г. по 1/VIII 1919 г. К III съезду совнархозов насчитывается 179 трестов, объединяющих 1 449 предприятий с 699 тыс. рабочих [1]. Принцип организации трестов в огромном большинстве случаев отраслевой, отраслевая специализация. В пределах отрасли этот принцип иногда корректируется районным, территориальным (например, кустовые правления в составе Центротекстиля).

В стройную схему — главк — трест — предприятие вторгаются местные совнархозы со своими претензиями и домогательствами. Они восстают против главкократического самодержавия центра, они высмеивают уродливую специализацию и бюрократизм главков, они протестуют против подавления местной инициативы. Вот характерное выступление на II съезде совнархозов. Делегат Симбирского СНХ т. Малаховский заявляет: «...В Симбирской губернии национализированы 85 (лесопильных) заводов, но они до сих пор не удостоилась внимания Главлеса. И если бы мы ждали, пока он сам проведет национализацию этих заводов и разделится потом на главдоски, главполоски и т. п., то наша губерния уже давно не имела бы ни одной доски. Местный совнархоз сам сделал это, получив средства из других источников» [2].

Первое открытое сражение главков с совнархозами на II съезде СНХ заканчивается полным поражением совнархозов. Побеждают централистские тенденции ВСНХ. Но совнархозы не примиряются с изъятием всех предприятий в ведение центра. Начинается длительная позиционная война. Ее отдельные фазы: конференция главков и совнархозов в апреле 1919 г., VII съезд советов (декабрь 1919 г.), III съезд совнархозов (январь 1920 г.), IX съезд партии (март 1920 г.) и VIII съезд советов (декабрь 1920 г.). На каждом из этих съездов и совещаний ставится и дискуссируется проблема центра и мест (в аспекте взаимоотношений главков и совнархозов); итог борьбы, подведенный на VIII съезде советов, целиком в пользу совнархозов.

Апрельская конференция главков и совнархозов в 1919 г. постановляет: основная масса крупных предприятий остается «в непосредственном ведении главков и центров». Но предприятиями более мелкими («местного значения») главки руководят через отделы местных совнархозов. Отделы совнархозов являются ближайшими органами управления, непосредственно им подведомственными предприятиями и одновременно местными органами соответствующих главков. Все распоряжения главков обязательны для отделов местных СНХ. Планы и сметы переданных на места предприятий также утверждаются главками. Следующий шаг по этому пути фиксирован в инструкции «О местных экономических органах», разработанной на основе решений VII съезда советов III съездом совнархозов и утвержденной ВЦИК 10/II 1920 г. Согласно инструкции все промышленные предприятия делятся на

---

[1] Рыков. Цит. соч., т. I, с. 280.
[2] См. Труды II съезда СНХ, с. 215.

три группы. Предприятия первой группы «Особо важного государственного значения» состоят «в ведении и непосредственном управлении центральных органов ВСНХ». Они управляются главками и центральными правлениями или непосредственно или через районные и групповые (кустовые) правления. Предприятия, входящие во вторую группу, управляются губсовнархозами или непосредственно или опять-таки через окружные и групповые правления, но «согласно производственным и организационным планам, утвержденным центральными органами ВСНХ». И, наконец, предприятия третьей группы находятся полностью в ведении губсовнархозов.

По данным на 1/VII 1920 г.[1] из общего числа 6 908 учтенных предприятий было:

предприятий	1-й	группы	2 374	т. е.	35%
»	2-й	»	3 450	»	50%
»	3-й	»	1 084	»	15%

Наконец, последний и решительный шаг в том же направлении представляет собою постановление VIII съезда советов «О местных органах экономического управления». Это постановление означает по существу начало конца главкизма. По постановлению VIII съезда управление всей промышленностью как общее правило передается местам. «Центры и главки ВСНХ реорганизуются в органы руководящие, дающие задание, регулирующие и контролирующие работу губсовнархозов на основе единого хозяйственного плана, непосредственное же управление предприятиями передается в ведение губсовнархозов по соответствующим отделам. В изъятие из этого в непосредственном ведении управления ВСНХ, его отделов, главков и центров остаются лишь предприятия, явно поддающиеся трестированию (как-то: крупные металлические заводы, электроустановки, горное дело и т. п.) [2]. Таким образов создается положение, диаметрально противоположное тому, под знаком которого прошел в 1918 г. II съезд совнархозов. Поворот на 180°.

Решения VIII съезда советов—симптом предстоящей коренной ломки военнокоммунистической системы хозяйственного управления и как бы предчувствие нового порядка. Если сердцевина главкизма в отраслевой централизации, то новый порядок, запроектированный VIII съездом советов, базируется на территориальной децентрализации. Основное средство лечения болезни избрано вер-

---

[1] См. «Отчет ВСНХ VIII съезду советов». М. 1920 г., с. 20. См. также Крицман. Цит. соч., с. 102: «По переписи 28 августа 1920 г. государственных промышленных предприятий насчитывалось больше 3.000, подавляющая часть их (мелкие предприятия) относилась, несомненно, к предприятиям третьей группы, так что распределение всех (не только крупных) государственных предприятий по группам имело, вероятно, такой вид: 1 группа—6,7%, 2 — 9— 10%, 3 — 83—85%».

[2] VIII Всероссийский съезд советов, резолюция о местных органах экономического управления. Стенографический отчет, с. 273, 274. Там же, решения о децентрализации снабжения промышленности.

но — децентрализация, но пути, по которым должна развиваться эта децентрализация, взяты еще обычные для военного коммунизма: не рост самодеятельности самих хозяйственных организаций, не усиление их оперативной самодеятельности, в частности путем четкого разграничения планово-административных функций руководящих органов и хозяйственно-оперативных функций, непосредственно хозяйствующих организаций, а территориально-административная реформа, не затрагивающая самого существа и типа организации хозяйственных связей. Пойти по этой последней линии — значило уже выйти за пределы военного коммунизма.

Из числа проблем, связанных с организацией управления предприятием, одной из наиболее острых в течение всего периода военного коммунизма были: проблема коллегиального или единоличного управления. «Переход от коллегиального исполнения к личной ответственности составляет задачу дня», подчеркивал Ленин на II съезде совнархозов: «Коллегиальность в лучшем случае дает громадную растрату сил и не удовлетворяет быстроте и отчетливости работы, требуемой обстановкой централизованной крупной промышленности» [1], повторял он на III съезде совнархозов. В течение всего периода военного коммунизма шел процесс свертывания широких представительных коллегий, типичных для 1918 г., и постепенного перехода или к узким рабочим коллективам или к единоличному управлению. IX партийный съезд признал, что бесспорный тип управления предприятием еще не выработался, но что постепенное приближение к единоличию в меру и в соответствии с ростом административно-хозяйственных кадров из среды рабочего класса вполне закономерно и целесообразно. Крицман в своем исследовании намечает такие фазы изменения форм управления социалистическими предприятиями: «Конституционный (по своей программе) рабочий контроль до Октября, деспотический рабочий контроль после Октября, принудительное участие капиталистов в органах государственного пролетарского регулирования до декрета о национализации крупной промышленности, принудительное их прикрепление к предприятиям до образования органов рабочего управления на предприятиях (в конце 1918, начале 1919 года), коллективное рабочее управление, единоличное рабочее управление — таковы были основные этапы создания и развития рабочего управления» [2].

Проблема коллегиальности и единоначалия в течение известного времени была остро дискуссионной. Еще более дискуссионной явилось другое мероприятие в области организации производства (точнее — целая система мероприятий): милитаризация труда. Расцвет военных методов организации труда падает на 1920 г., когда милитаризация в связи с военной опасностью, острым недостатком квалифицированной рабочей силы и проектами мирного хозяйственного строительства при сохранении основ военнокоммунистической организации хозяйства, была поставлена в порядок

---

[1] Ленин, т. XXV, изд. 3, с. 18.
[2] Крицман. Цит. соч., с. 96.

дня. Трудовая повинность реализуется в самых суровых формах военно-трудовой повинности. Одна за другой следуют трудовые мобилизации всех рабочих и специалистов ж.-д. транспорта, водного транспорта, горнорабочих-забойщиков, металлистов, текстильщиков и т. д., вплоть до медиков и юристов. Не только в трудовых армиях, временно используемых для мирного труда, но и во всей промышленности и на транспорте осуществляется принцип прикрепления к месту работы. Упраздняются всякие намеки на «свободу выбора занятий». В условиях отмены свободы передвижения, недопустимости отказа от направления на работу по указанию органов Наркомтруда, выдачи продовольственного пайка, право на который обусловливалось работой по указанию соответствующих органов, для аннулирования «свободы труда» не требовалось даже особых официальных постановлений. Целый ряд производственных задач, далеко выходящих за пределы прямого обслуживания армии, рассматривался как военно-оперативные задания со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако раньше, чем система милитаризации труда успела охватить все народное хозяйство, все хозяйственные процессы и все 100% рабочего класса, окончилась гражданская война, с сопутствующей ей непосредственной военной опасностью. Тем самым отпали причины, оправдывающие и обусловливающие введение и сохранение милитаризации труда. Открылась возможность иной организации труда и производства, менее жесткой и более соответствующей условиям мирного хозяйственного строительства.

Вопрос о формах и методах управления социалистическим производством и об организации хозяйства в предвидении перехода к длительному периоду мирного строительства был центральным вопросом в знаменитой профсоюзной дискуссии конца 1920 г. и начала 1921 г. Профсоюзы за 1918—1920 гг. стали важнейшими опорными пунктами, на которых базировалась вся система хозяйственного управления того времени. Они поставляли кадры администраторов-хозяйственников, они участвовали в разработке, обсуждении и проведении хозяйственных планов, они привлекались к разработке основных вопросов хозяйственной политики, они вынесли на своих плечах всю борьбу за пролетарскую национализацию средств производства и за организацию рабочего управления.

В конце 1920 года вопрос стоял так: или считать основной роль профсоюзов как массовых беспартийных организаций всего рабочего класса, «оставляя за ними характер организаций, в которые свободно входят рабочие различных политических взглядов и настроений, партийные и беспартийные, грамотные и неграмотные, религиозные и нерелигиозные и т. п.» [1], считать центральной для профсоюзов их роль «школы коммунизма»; считать главным методом их работы — метод убеждения; отсюда, подчеркивая важность организационно-хозяйственных задач профсоюзов, не стирать не-

---

[1] См. резолюцию X съезда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов. Савельев и Поскребышев. Цит. соч., с. 43.

обходимой грани между ними и государственным аппаратом. Или признать ошибочным «обособленность профессиональных и хозяйственных организаций»; взять курс на «планомерное превращение союзов в аппараты рабочего государства, т. е. постепенное сращивание союзных и советских органов», признать необходимым сохранить на длительное время милитаризацию, т. е. принуждение как основной метод организации труда [1]. По существу здесь так же, как и в борьбе главков с совнархозами (еще в большей степени), речь шла о судьбах всего военного коммунизма в целом. Ленинская точка зрения, отправлялась от анализа взаимоотношений классов в стране («...Мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическими извращениями») [2], рассматривала вопрос в широкой теоретической постановке, исходя из требования «правильного политического подхода к делу» и приходила к выводу, что «текущий политический момент... — переходный период в переходном периоде», за которым должна последовать принципиально новая полоса хозяйственного строительства. Группа Троцкого, Бухарина и других исходила из незыблемости и длительности военного коммунизма, как нормального режима социалистического строительства. На X съезде партии (март 1921 г.) победила, как известно, Ленинская позиция. Троцкистско-Бухаринская платформа так же, как и анархо-синдикалистская платформа группы «рабочей оппозиции» («Осоюзивание государства», передача управления народным хозяйством в руки «организаций производителей»), потерпели полное поражение. Но решение вопроса о судьбе профсоюзов совпало с решением судьбы военного коммунизма как системы. Правильный ленинский ответ на вопрос о профсоюзах знаменовал при сложившихся обстоятельствах выход за рамки военного коммунизма и переход к принципиально иной полосе экономической политики и хозяйственного строительства.

Организация хозяйственных связей в период военного коммунизма.

Система хозяйственного управления и организация хозяйственных связей представляют собою некое реальное единство. Сугубо централизованной, основанной на широчайшем применении государственного принуждения системе управления хозяйством как нельзя более соответствует курс на ликвидацию товарно-денежной формы организации взаимоотношений между отдельными составными элементами народного хозяйства. В период военного коммунизма торговля — государственное преступление. Организационная задача заключается в том, чтобы «рядом постепенных неуклонных мер уничтожить совершенно частную торговлю, организовав правильный и планомерный продуктообмен между произ-

[1] См. проект постановления X съезда о роли задачах профсоюзов, предложенный Троцким, Бухариным и др. Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 551 и след.

[2] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 91.

водительными и потребительскими коммунами единого хозяйственного целого»[1]. Торговля потому государственное преступление, что она питает силу враждебных социализму эксплоататорских классов, сокрушенных, но не уничтоженных окончательно революцией. В особенности это относится к основному предмету рыночного торга — хлебу. «Свобода торговли хлебом, — говорил Ленин, — есть возврат к капитализму, к всевластию помещиков и капиталистов, к бешеной борьбе между людьми из-за наживы, к «свободному» обогащению немногих, к нищете масс, к вечной кабале...». Поэтому полный запрет торговли хлебом, официальное объявление всякой торговли хлебом спекуляцией — лишь естественное, само собою разумеющееся дополнение к политике беспощадного подавления контрреволюционных выступлений буржуазии внутри страны и к вооруженной борьбе с Колчаками и Деникиными на фронтах гражданской войны.

То же и с деньгами. Деньги — это «свидетельства на право получения эксплоататорами общественного богатства в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся»[2]. Поэтому вооруженной борьбе для уничтожения эксплоататоров и эксплоатации не может не корреспондировать такая же борьба не на жизнь, а на смерть с деньгами, не с отдельными представителями денежного капитала, а с деньгами, как системой, с деньгами как таковыми. Понятна в этой связи резолюция II съезда совнархозов об «устранении в конечном итоге всякого влияния денег на соотношение хозяйственных элементов»[3]. Понятно еще более радикальное решение ВЦИК 18/VI 1920 г. об установлении безденежных расчетов «в целях уничтожения денежной системы»[4]. Эти же соображения приводились иногда для оправдания безудержной эмиссии, ибо «падение курса рубля совершенно не должно нас пугать, потому что, когда произойдет полное торжество социализма, рубль ничего не будет стоить и у нас будет безденежное обращение»[5]. Отсюда же такие мероприятия, как переход на безналичный, а затем безденежный оборот во взаимоотношениях государственных хозяйственных организаций друг с другом, разработка вопроса в конце 1920 г. о переходе на треды (трудовые единицы) вместо денег и на

---

[1] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 92, 441.
[2] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 103.
[3] См. Труды II съезда СНХ, с 306, см. также Рыков. Цит. соч., т. I, с. 166: «Дальнейшее развитие и усовершенствование социалистического строя возможно ввести постольку, поскольку будет поднята производительность труда нашего рабочего. И как только в несколько раз будет увеличено количество реальных благ, немедленно будет поставлен вопрос о натурализации заработной платы и об уничтожении печатных денег. Тогда мы можем сказать, что мы вошли в режим социалистического строя». Ларин и Крицман. Очерк, с. 51: «Благодаря новой организации хозяйства русские рабочие все более теряют интерес к денежной плате, деньги явно уже начинают отмирать и в этой своей функции, как отмерли и исчезли в Советской России еще ранее банки, биржа и т. п.».
[4] См. Обзор финансового законодательства 1917—1921 г., изд. НКФ. П. 1922 г., с. 1—2, 32.
[5] См. выступление Смирнова на I съезде СНХ. Труды I съезда СНХ, с. 147.

материальный бюджет вместо денежного, широкая натурализация зарплаты и проведение принципа бесплатности за услуги, оказываемые советскими учреждениями и предприятиями. В конце 1920 и в начале 1921 г. отменяется плата за продовольственные продукты (отпускаемые в пайковом порядке), за предметы широкого потребления, за пользование почтой и телеграфом, за топливо, за жилые помещения и коммунальные услуги, за медицинские средства, за фураж для скота, используемого для общественно-необходимой работы, и за произведения печати [1].

Но тенденция к ликвидации торговли и упразднению денег — не единственная дентенция, характеризующая организацию хозяйственных связей в период военного коммунизма. Крицман правильно отметил всеобщее распадение экономики периода военного коммунизма на две сферы: легальную и нелегальную. Какой бы участок хозяйства мы ни взяли, всюду мероприятия государства по натурализации хозяйственных связей сталкиваются с полуофициальным признанием, иногда с терпимым отношением, иногда даже с использованием торговли и денег как орудия обращения или как орудия перераспределения народного дохода.

В области организации производственного снабжения один за другим следуют декреты, направленные на полное устранение необходимости обращения со стороны государственных хозяйственных организаций к услугам вольного рынка. И тем не менее даже наиболее ригористический в этом отношении закон 15/XII 1920 г. «О расчетных операциях» вынужден допустить, правда как исключение, как крайнюю меру и с целым рядом оговорок и ограничений («только для тех предметов заготовок, кои на данное учреждение возложены», «только по ценам, установленным соответствующими советскими органами в центре и на местах» и т. д.), покупку на частном рынке как метод организации материального снабжения промышленности [2].

В области лесозаготовок в течение всего периода военного коммунизма приходилось прибегать к услугам частных подрядчиков. «Что касается лесных заготовок, — говорил Рыков на VII съезде советов, — и указаний на то, что до сих пор прибегают к услугам частных лиц, эти упреки совершенно справедливы. Я должен сказать, что это одна из болезней советского организма, которую излечить нужно. Но совершенно ошибочно, когда говорят, что это болезнь центральной власти, потому что из заготовок губернских третья часть заготовлена через подрядчиков. Это в Курской губернии, это в Казанской губернии, это в целом ряде других губерний» [3].

В продовольственной области наряду с практикой заградительных отрядов и строжайшим преследованием спекуляции (а спекуляцией считалась всякая купля-продажа монополизированных и нормированных продуктов) власть фактически смотрела

---

[1] См. Обзор финансового законодательства, с. 41.
[2] С. У. 1920 г. № 67, ст. 305.
[3] Рыков. Цит. соч., ч. I, изд. 3, с. 201.

сквозь пальцы на повсеместное и широчайшее распространение мешечничества. Мешечничество — «фактически терпимая, хотя официально не празнанная частная купля-продажа», свидетельствуют современники [1]. А время от времени объявлялись «полуторапудовки», «двухпудовки» и мешечничество на известный срок становилось вполне легальным [2]. «Сухаревка» в Москве функционировала беспрепятственно до конца 1920 г. В области денежного обращения эмиссия в течение всего периода военного коммунизма играла роль «легальной пуповины, связывавшей государственное хозяйство с рынком» [3]. Лучшее свидетельство неустранимости денег из всей хозяйственной системы военного коммунизма — широчайшее распространение денежных суррогатов [4].

Присмотримся ближе к двум сферам хозяйственных отношений того времени: организации снабжения и финансирования промышленности и организации потребительского (в основном продовольственного) снабжения . Организация внутрипромышленного снабжения была построена на строго централистских принципах. Хозяйственные организации (предприятия, кусты, главки) составляли заявки на потребное количество того или иного материала, направляли их затем в соответствующие планово-распределительные и производственные органы (главки, отделы ВСНХ, комиссия использования, Совет снабжения и распределения ВСНХ и др.), там они сводились, выяснялся % возможного удовлетворения (как правило ничтожный % к заявленной потребности), затем происходила своеобразная разверстка «фондов» (выражаясь современным языком), потребитель получал от производственного или распределительного главка наряд (ордер) на причитающееся ему количество материала, по которому склад производил отпуск товара. Т. к. обычно составление плана запаздывало, главки — держатели продукции — оказывались полновластными вершителями судеб страждущих потребителей. Поскольку отпуск со складов происходил по безвалютному наряду или ордеру без всякого намека на эквивалирование соответствующей выдачи, организация-потребитель не имела в своем распоряжении никаких средств воздействия на хозяина склада, кроме обращения к высшему административному органу — начальнику. Отсюда — бесконечное обивание порогов и чудовищные бюрократизм и волокита. В документах эпохи мы находим целый ряд красочных описаний действовавшей системы.

«Усвоение распределительными органами механической системы процентного удовлетворения заявок, — писал Ю. Ларин в конце 1920 г., — ведет к нарочитому раздуванию производственных программ: «больше запросишь для выполнения утвержденной

---

[1] Ларин и Крицман. Очерк, с 22. Цифры о размахе мешечничества см. Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 756 и сборник «Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства советской власти», с. 163.

[2] См. Пост. СНК от 5/IX—1918 г. Сборн. декретов по Н. Х., т. I, с. 756.

[3] Крицман. Цит. соч., с. 138.

[4] Сыромолотов. «Социализм и деньги» в сборнике «Диктатура пролетариата за два года». М. 1920, с. 55. См. также Вайсберг. Деньги и цены. М. 1925 г., с. 17 и след.

программы — больше дадут, смотришь как раз хватит для удовлетворения действительных потребностей». В качестве члена ЦК одного из наших производственных союзов мне приходится не раз слышать соображения на этот счет, богато иллюстрируемые практикой. А затем, оперирующий уже естественно с раздутыми требованиями на топливо, Главтоп предъявляет такого же рода требования в НКПС и т. д., идет сплошная цепь раздувания и благонамеренно патриотического надувательства в пользу «своей» отрасли. А дутый характер программы приводит затем к случайности выполнения, ибо никто почти не строит на реально ожидаемых цифрах и потому реально получающиеся ресурсы уходят вовсе не только на самые важные потребности, но и на второстепенные. Ведь если благодаря дутой программе производства какого-нибудь изделия распределительная часть этого производственного органа рассчитывает получить тысячу единиц продукта, скажем тысячу верст рельс, то в программу распределения будут включены не только важнейшие топливные линии протяжением на триста верст, но и второстепенные на семьсот верст, и когда на деле рельс окажется всего только триста верст, то окажется, что первыми успели получить может быть второстепенные линии, а более важные остаются не при чем. Словом при системе дутых программ от планомерного использования ресурсов почти ничего не остается, господствует случайность и произвол, часто ничтожный процент выполнения плана» [1].

Другой отзыв очевидца и участника: «Волокита в центральных учреждениях вошла в поговорку. Для того, чтобы какому-нибудь провинциальному органу получить необходимое ему ничтожное количество предметов, следовало обратиться в Москву, а в Москве ходить в бесчисленное количество главков и центров. От момента выдачи требования до выдачи наряда проходят месяцы, а иногда товар совсем не получается. Благодаря плохому учету очень часто дают наряды на те места, где товаров нет, или места очень удаленные от получателя, а между тем вблизи от получателя лежат необходимые товары и не могут быть использованы местными органами без разрешения центра» [2].

Бич этой системы — разрыв между снабжением и производством, отсутствие какой бы то ни было связи между удовлетворением потребностей и эффективностью работы самой снабжающейся организации, т. е. степенью напряжения ее сил, степенью проявления инициативы с ее стороны и т. д.

Финансирование промышленности в первый период 1917/18 г. происходило, как правило, на прежних дооктябрьских основаниях,

---

[1] Ларин. Снабжение и распределение, статья в «Известиях ЦИК» за 1920 г. № 278 перепечатана в книге Крицмана. Единый хозяйственный план и комиссия использования, с. 53—58.

[2] Эйсмонт. Доклад об организации снабжения на IV съезде СНХ. Труды IV съезда СНХ. М. 1921 г., с. 66 и след. Ср. так же Красин. Доклад о снабж. Красной армии на II съезде СНХ. Труды II съезда СНХ, с. 83. См. Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой эконом. политики 9/VIII—1921 г. Сборн. «Новая экон. политика в промышленности». М. 1921 г. В. I, с. 18.

не только частные, но и все национализированные предприятия жили за счет более или менее случайных регулярных и нерегулярных банковских ссуд, авансов под заказы, проедания собственных оборотных средств и т. д. Официальные данные ВСНХ, относящиеся к 1918 г. и к первой половине 1919 г., указывают среди источников финансирования промышленности наряду с «поступлениями в счет смет» и поступлениями «из средств государственного казначейства» также и «авансирование и фондирование», «поступления от продажи выпусков производства», «обложение фабрик и заводов» [1]. Но со второй половины 1919 г. получил твердое признание и широкое применение типичный для периода военного коммунизма порядок сметно-бюджетного финансирования. Один за другим следуют ряд декретов, внедряющих в работу предприятий начала сметной дисциплины. Исходя из новых бюджетных принципов финансирования изменяются взаимоотношения предприятий друг с другом. Они трансформируются из отношений взаимного кредитования в «расчетные операции», безденежные бухгалтерские перечисления со статьи на статью в книгах государственного казначейства [2].

Как вывод из новой системы финансирования, аннулируются все лежащие на национализированных предприятиях недоимки по государственным налогам и сборам, аннулируются их долги к другим государственным предприятиям и к государственному (народному) банку [3]. На будущее время предприятия освобождаются от всех видов налогового и всякого иного обложения, целый ряд услуг, оказываемых государством национализированным предприятиям, представляются им безвозмездно. Объяснительная записка к смете ВСНХ на второе полугодие 1919 г. разъясняет существо финансовой политики ВСНХ следующим образом: «Среди прочих методов сознательного регулирования общественного хозяйства одним из важнейших является введение его во всех частях в рамки сметной жизни. Сознавая это, ВСНХ неуклонно проводит соответствующую линию своей политики. Конечной целью в этом отношении является сведение всех без исключения хозяйственных процессов к сметным нормам, возможность полного предвидения и полное устранение элемента неожиданности из области хозяйственной жизни. Сейчас, в период гражданской войны, когда хозяйственные нужды и самая территория беспрерывно меняются,

---

[1] Сметное финансирование государственных предприятий, изд. ВСНХ РСФСР. М. 1920 г., с. 62.

[2] См. декреты «О порядке ведения расчетов между национабизированными предприятиями и советскими учреждениями» от 30/VIII 1918 г.—С. У. 1918 г. № 63, ст. 691; «О расчетных операциях» от 23/I 1919 г.—С. У. 1919 г. № 2, ст. 22; «О финансировании государственных предприятий» от 4/III 1919 г.—С. У. 1919 г. № 10/11, ст. 107; «Сметные правила на июль—декабрь 1919 г.—С. У. 1919 г. № 29, ст. 318, и, наконец, цитированный выше декрет «О расчетных операциях» от 15/VII 1920 г.—С. У. 1920 г. № 67, ст. 305.

[3] Декрет «О ликвидации обязательств государственных предприятий» от 4/III 1919 г.—С. У. 1919 г. № 10/110, ст. 108. См. также Положение о денежных средствах местных советов—С. У. 1918 г. № 93, ст. 931, п. 20.

это, конечно, неосуществимо. Но уже теперь эта конечная цель оказывает сильнейшее влияние на финансовую политику ВСНХ.

Коренной принципиальный и неустранимый порок этого метода финансирования не только в том, что рубль — его база — колебался и обесценивался. Другой его органический недочет в уничтожении предприятия как единого целого, в разрыве, который устанавливался между одной стороной хозяйственной деятельности предприятия (поступления, доходы) и другой (предоставления, расходы). То и другое в пределах предприятия не связано друг с другом и тонет в обезличенной массе соответствующих параграфов «государственной росписи доходов и расходов». В результате — самые пагубные последствия: потеря лица предприятия, обезличка, безответственность. Все эти качества к плановому социалистическому хозяйству не имеют, конечно, никакого отношения.

Переходим к другому, важнейшему участку народного хозяйства — к продовольствию. Организация продовольствия в 1919 и 1920 гг. покоилась на так называемой р а з в е р с т к е. В чем ее сущность?

«...Именно в продовольственной области, — писал Ленин, — идет самая глубокая война капитализма с социализмом, уже на деле, а не на словах только, и не в области верхушек государственного строительства. Нужно во что бы то ни стало достать хлеб и спасти рабочего. В стране, которая разорена, первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживет, мы все спасем и восстановим»[1]. Такие мероприятия, как чистая конфискация с помощью комбедов, могли быть только единовременными, преходящими. Натуральный налог, объявленный осенью 1918 г., требовал как обязательного дополнения широкого развернутого товарообмена, поставить который власть не могла и по недостатку товаров, и в силу отсутствия налаженного распределительного аппарата, и в силу отчаянного противодействия, оказываемого продовольственной политике государства частником, кулаком и спекулянтом.

С начала 1919 г. государство переходит к разверстке. Расцвет разверстки, как системы, однако не 1919 г., а 1920 г. В 1920 г. в порядке разверстки заготовляются кроме зерновых культур также коровье масло, яйца, скот, мясо, домашняя птица, мед, сено, технические культуры и т. д. Система разверстки получает всеобщее распространение. При этом в 1920 г. разверстка имеет ряд существенных особенностей по сравнению с 1919 г. Продовольственники того времени четко различают разверстку как «учет излишков» в 1919 г. от разверстки в собственном смысле 1920 г. То и другое — формы осуществления государственной хлебной монополии, но разные формы. «Мы стоим на почве хлебной монополии, — писал один из наркомпродовских работников, т. Каганович, — принудительной хлебной повинности государственных заготовок. Но как определить в каждом случае размер этой повинности? Воз-

---

[1] Л е н и н, т. XXIV, изд. 3, с. 298, 410.

можно несколько методов. Можно установить нормы того, что необходимо для собственного пропитания крестьянина, оставляя ему по этим нормам, брать лишь излишки. Таков был метод кампании 1918/19 г. Но чтобы вычислить излишки, нужно определить действительные запасы, которыми располагает крестьянское хозяйство. Сделать же это, когда реализация урожая уже закончена и обмолот частично произведен при невероятной изобретательности крестьянства по части сокрытия продовольственных запасов, почти невозможно. Учтя неудачный опыт 1918/19 г., Наркомпрод решил летом 1919 г. произвести повсеместный учет в момент реализации урожая, когда скрыть хлеб, казалось, было невозможным. Неудача и этого опыта заставила Наркомпрод, отказавшись от метода учета излишков, перейти к обязательной разверстке, сначала может быть и грубо приблизительной и лишь постепенно совершенствуемой, но зато реально обеспечивающей успех» [1].

Разверстка же, — «это значит: в центре — на верхушке сети продорганов, определяется общая сумма излишков, подлежащих изъятию в данном году. Она вычисляется по средним данным с различными поправками. Далее, эта общая сумма делится по губерниям или районам соответственно их площади засева, урожайности, «населению людскому и скотскому». Далее, разверстка опускается все больше вниз — в уезды, волости, селения, — все время путем деления первоначальной «произвольной» суммы на более мелкие слагаемые. И, как это ни странно на первый взгляд, такой способ расчета обязательств по монополии оказывается на практике более совершенным, чем обратный: построение продовольственной пирамиды с низов, начиная от отдельного двора [2]. Самый расчет обязательств по разверстке исчисляется на основе классового принципа: зажиточные хозяйства больше, середняцкие — меньше, бедняцкие — еще меньше или полностью освобождаются от разверстки. Отчуждение хлеба производится по твердым государственным ценам; в случае же принудительного изъятия (при отказе сдать добровольно причитающееся по разверстке) — бесплатно.

Товарообмен в качестве дополнительной к разверстке меры сохраняется. Он практикуется как коллективный государственный товарообмен; товары отпускаются на село пропорционально сданному хлебу. Но чем дальше, тем больше товарообмен теряет значение. «Ставить вопрос в такой форме, что или обмен или принуждение,—писал наркомпрод т. Цюрупа,—было бы недоразумением. Конечно, если заранее ждать, что товарообмен — это панацея, то возможна такая постановка. Но недоразумение здесь в том, что товарообмен мы считаем только одним из средств для выкачки хлеба. Основной метод нашей работы — принуждение. Не сдашь, что тебе причитается, — будем бороться всеми мерами, вплоть до снесения твоего хозяйства. Сила государственного принуждения —

---

[1] См. сборник «Продовольственная политика», с. 181. Ср. Крицман. Цит. соч., с. 208.

[2] Осинский. Классовый принцип в разверстке. Сборник «Продовольственная политика», с. 189—190.

основная мера нашего действия, все остальное прилагается к этому[1]. Разверсткой было заготовлено в 1918 г. 27 млн. пуд., в 1919 г. 108 млн. пуд. и в 1920 г. — 180 млн. пуд. О масштабе мешечничества известное представление дают цифры, приведенные Лениным в «Экономике и политике при диктатуре пролетариата»: по данным ЦСУ в 1918 г. по 26 губерниям было вывезено 146 млн. пуд. хлеба, из них продорганами—77 млн. пуд. и мешечниками—69 млн. пуд.[2].

Система организованного потребительского (продовольственного) снабжения начиналась разверсткой в деревне и заканчивалась системой нормированного снабжения в городах. IX съезд партии поставил как задачу — добиться полного снабжения рабочего населения из государственных запасов. Полностью эту задачу не удалось реализовать до самого конца военного коммунизма. В 1919 г. московский рабочий лишь половину своего продовольственного бюджета получал в порядке государственного пайкового снабжения, другую половину обеспечивала «Сухаревка»[3]. По данным Крицмана, к покупке на вольном рынке прибегали в 1918 г. 85% рабочих, в 1919 г. — 75%[4].

Коренное изменение экономической политики весною 1921 г. выразилось в первую очередь в отмене разверстки. Она уступила место продналогу. Система нормированного продовольственного снабжения в городах (пайки) была упразднена рядом постепенных мер в течение 1921 и 1922 г. и окончательно сходит на-нет к 1923 г.

Переход к нэпу
Оценка военного коммунизма.

Разверстка венчает здание военного коммунизма. Это один из центральных пунктов всей системы. В ней находит свое выражение особая форма сотрудничества основных классов Советской республики периода гражданской войны. Кризис весны 1921 г. потребовал изменения формы союза рабочих и крестьян, перевода его в новую плоскость, наполнения новым содержанием. «Мы должны понять те экономические формы возмущения мелкой сельскохозяйственной стихии против пролетариата, которые обнаружили себя и которые обостряются при настоящем кризисе»[5]. В 1921 г. выяснилась повелительная необходимость найти новые «формы сожительства с мелкими земледельцами». Эти новые формы — продналог и обмен крестьянского хлеба на продукты промышленности. «Разверстка — отнюдь не идеал», за который надо бороться во что бы то ни стало. Наоборот, она — «горькая и печальная необходимость». «Взятие с крестьянских хозяйств излишков означало такую меру, которая в силу военных обстоятельств была нам навязана с абсолютной необходимостью, но которая сколько-нибудь мирным

[1] Цюрупа. Политика товарообмена. Сборник «Продовольственная политика», с. 196 и след. См. также Фрумкин. Разверстка как основной метод государственной заготовки, так же, с. 173 и след.
[2] См. Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 756, Ср. Свидерский, в сборн. «Продовольственная политика», с. 158 и сл.
[3] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 449.
[4] Крицман. Цит. соч., с. 135.
[5] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 217.

условиям существования крестьянского хозяйства не отвечает». Оправдание разверстки в том, что «мы, будучи в осажденной крепости, не могли продержаться иначе, как применением разверстки, т. е. взять все излишки у крестьян, какие только имеются, взять иногда не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем» [1].

После окончания войны, в условиях мирного строительства сохранить разверстку было бы глупостью или самоубийством. Надо было и стало возможным перейти к «правильной пролетарской политике». «Правильной же политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину» [2]. Экономическая суть социализма, его база — в обмене продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты. Только такая политика гарантирует построение фундамента социалистической экономики, победу социалистических элементов над капиталистическими, уничтожение классов и эксплоатации.

Отсюда и ленинская оценка военного коммунизма. Поскольку нэп — «правильная пролетарская политика», естественно, что его антипод — военный коммунизм — политика «неправильная». В чем ее ошибочность? «Мы рассчитывали—или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета—непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку... Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции» [3]. Но это только одна сторона вопроса. С другой же стороны,—говорит Ленин,—«в тех условиях войны, в которые мы были поставлены, в основе эта политика (т. е. политика военного коммунизма, *Л. Г.*) была правильна» [4]. Ибо не было другого пути сохранить и защитить завоевания Октябрьской революции—диктатуру пролетариата и социалистическую собственность—предпосылки и условия возможности социалистического строительства.

Антиленинские концепции нэпа есть вместе с тем и антиленинские теории военного коммунизма. Одно с другим неразрывно связано. Это — две стороны одной и той же проблемы. Для Троцкого и троцкистов нэп — только отступление, результат задержки ми-

---

[1] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 218, 300, 312.
[2] Там же, изд. 3, с. 332.
[3] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 29, ср. там же, с. 39.
[4] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 253.

ровой революции, он не обеспечивает все необходимое и достаточное для построения бесклассового социалистического общества. Понятно, что Троцкий идеализирует военный коммунизм. При этом для него именно те элементы военного коммунизма, которые были отменены, аннулированы и уничтожены с переходом к нэпу,— «кусочки социализма». Троцкизм не признает смычки как соглашения рабочего класса и крестьянства, он не знает других форм отношений рабочего класса и крестьянства, кроме государственного принуждения, осуществляемого классом-диктатором — пролетариатом. Поэтому для него армия — классический образец планового хозяйства;[1] «социалистическая организация хозяйства начинается с ликвидации рынка»[2], главкизм со всеми его отрицательными сторонами, главкизм как бюрократический и вертикальный централизм—это «первый, грубый, черновой набросок социалистического, т. е. планового хозяйства»; милитаризация труда — важнейший элемент социалистического хозяйственного строительства[3].

По существу из тех же принципиальных установок, т. е. троцкистских установок, исходит автор наиболее обстоятельной монографии о военном коммунизме — Крицман («Героический период великой русской революции» М., 1925). Для него военный коммунизм — первый грандиозный опыт пролетарско-натурального хозяйства, предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее. Подлинно социалистические элементы военнокоммунистической организации хозяйства заключаются в централизме во-первых, в официальном упразднении рынка, в натуралистической тенденции—во-вторых. Главкизм Крицман оценивает таким образом: «...Пролетарско-монополистская (главкистская) организация имела тенденцию перейти в единую пролетарскую организацию народного хозяйства и тем сделать последний шаг в направлении перехода к социализму[4].

Наконец, Бухарин в «Экономике переходного периода» приходит к тем же выводам, дает по существу такую же оценку военного коммунизма. Он также идеализирует наиболее уродливые стороны главкизма как специфически пролетарскую систему управления хозяйством. Он также воскуривает фимиам принуждению как основному принципу социалистической организации труда (не даром «принудительный характер труда» отмирает у Бухарина последним, после армии и флота и системы карательных и репрессивных органов)[5].

Антиленинская сущность всех этих концепций ясна. Они исходят из неправильного анализа расстановки классов на решающих этапах революции, они проникнуты неверием в социалистическое строительства силами рабочего класса в стране мелкого (для СССР «когда-то мелкого», должны мы сказать сейчас), сельского хозяй-

[1] Троцкий. — Основные вопросы промышленности. Доклад на XII съезде РКП(б). 1923 г., с. 31.
[2] Троцкий.—Сочинения, т. XV, с. 215.
[3] Троцкий.—Сочинения, т. XV, с. 147, 129, 137.
[4] Крицман. Цит. соч., с. 75, 203.
[5] Бухарин.—Экономика переходного периода. М. 1920 г., с. 157.

ства, они искажают полностью перспективу построения бесклассового социалистического общества.

Дело не в том, чтобы «развенчать» военный коммунизм. Такая опасность героическому периоду великой русской революции не угрожает. Дело в том, чтобы правильно, по-ленински выявить, что в военном коммунизме преходяще, навеяно военной обстановкой, и что непреходяще, что вошло в железный арсенал пролетарской революции и явилось базой последующего поступательного движения к социализму. Ленин отказывается видеть в «стройной системе» главкизма подлинный прообраз системы управления социалистическим хозяйством. Главкизм продиктован «потребностями, соображениями, условиями военными, а не экономическими» [1].

Также и «принудительный характер труда» Ленин не соглашается признать «элементом социализма». Это по Троцкому «по общему правилу человек стремится уклониться от труда... Человек—довольно ленивое животное», а «лень человека есть прогрессивная сила» [2]. По Ленину же первое, что начинает отмирать после «решающей мировой победы пролетариата» — именно «принудительный характер труда» [3]. Труд — сам по себе — «потребность здорового организма». Таким он будет при коммунизме и лишь капитализм делает его тяжелым бременем, ярмом и повинностью. Непреходящие элементы военного коммунизма не в бюрократической централизации главкистской системы и не в принудительной организации труда. Сам Ленин в момент расцвета военного коммунизма определял их следующим образом:

«Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет собою борьбу первых шагов коммунистически объединенного—в едином масштабе громадного государства—труда с мелким товарным производством и с сохраняющимся, а равно с возрастающим на его базе капитализмом. Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства и поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися» [4]. Отсюда: непреходящие элементы военного коммунизма: 1) диктатура пролетариата. Она не только завоевана, но и сохранена, защищена и укреплена; 2) социалистическая собственность — основа советского строя. Она не только провозглашена, но и удержана в руках рабочего класса; 3) социалистическое планирование. Оно не только намечено, но и реально осуществлено на опыте и в практике хозяйственного строитель-

[1] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 253.
[2] Троцкий, сочинения, т. XV, с. 129.
[3] Ленин. Замечания на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». М. 1931 г., с. 59.
[4] Ленин, т. XXIV, изд. 3, с. 508.

ства. Это как раз те три элемента — диктатура пролетариата, социалистическая собственность и социалистическое планирование, которые поставлены во главу угла характеристики советской системы хозяйства в докладе т. Сталина на XVI партсъезде [1]. Они составляют гранитный фундамент строящегося социалистического общества. И они завоеваны и записаны в период военного коммунизма. В этом всемирно-историческая заслуга военного коммунизма — замечательной главы в развитии мировой социалистической революции.

IV. Восстановительный период нэпа

1921 г. — начальный год новой экономической политики — застает Страну советов в состоянии общего упадка производительных сил, крайнего разорения и обнищания, доставшихся на ее долю в результате изнурительной 7-летней войны. Деградация народного хозяйства, захватив все его отрасли, особенно сильно задела сельское хозяйство, положение которого осложнено было к тому же значительным неурожаем 1920 г., бескормицей и падежом скота, что сделало состояние крестьянского хозяйства невыносимо тяжелым и отрезало дальнейший приток хлеба и топлива для промышленности и транспорта. По выражению Ленина, «Россия из войны вышла в таком положении, что больше всего похожа на состояние человека, которого избили до полусмерти» [2]. Перед советским государством встал поэтому со всей остротой вопрос о подъеме и развитии производительных сил страны, в него упирался дальнейший ход всего социалистического строительства. «Первоочередной задачей советской республики является восстановление производительных сил, подъем промышленности и транспорта», — пишет Ленин в 1921 г. в Наказе СТО местным советским учреждениям. «Все силы на хозяйственный фронт, поднять производительность труда и увеличить количество продуктов. Без выполнения этих задач никакое движение вперед невозможно» [3], — говорит он на совещании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы в апреле 1921 г., и затем неоднократно повторяет и развивает эту мысль как в печати, так и на трибуне.

Как же приступить к разрешению этой труднейшей и неотложной задачи в стране, где преобладающей массой населения является крестьянство? С чего надо начать?

«В первую голову нужны, — отвечает Ленин, — немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьян-

---

[1] Сталин. — Вопросы ленинизма. Изд. 3. М. 1931 г., с. 665. Сверх того и по целому ряду других областей советского хозяйственного и культурного строительства, военный коммунизм сказал свое слово, подчас чрезвычайно ценное и глубокое. Взять те же вопросы социалистической организации труда. Прообразы социалистического соревнования сегодняшнего дня — коммунистические субботники 1919—1920 гг.

[2] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 245.

[3] Там же, с. 305.

ства»[1]. «Мы должны понять, что в условиях кризиса крестьянского хозяйства мы не можем существовать иначе, как апеллируя к этому крестьянскому хозяйству для помощи городу и деревне»[2]. Народному хозяйству прежде всего нужны хлеб и топливо, «сейчас задержка самая большая, с точки зрения всего государственного хозяйства, именно из-за этого»[3]. Поэтому «надо начать с крестьянства,—говорит Ленин.—Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвигании крестьян на первое место «отречение» или подобие отречения от пролетарской диктатуры, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе»[4].

Разрешение этой важнейшей задачи упирается в вопрос о том, «как поставить экономические взаимоотношения между пролетарской государственной властью, имеющей в своих руках крупное производство, неслыханно разоренное, и как найти формы сожительства с мелкими земледельцами, которые пока остаются мелкими земледельцами, не могут жить без обеспечения мелкого хозяйства известной системой оборота. Я считаю этот вопрос, — заявляет Ленин, — самым важным вопросом экономики и политики для советской власти в настоящее время»[5].

В стране, где пролетариат, взявший в свои руки политическую власть, составляет меньшинство и где большинство населения — мелкая буржуазия, «роль пролетариата в такой стране, — говорит Ленин, — заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к обобществленному, коллективному, общинному труду»[6]. Но переход этот сразу невозможен, ибо «решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию, может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе»[7]. Пока же крупная промышленность не восстановлена и материально-техническая база социалистического земледелия не создана, на этот период требуются чрезвычайно сложные формы взаимоотношений рабочего класса с крестьянством, построенные на учете того, «что перед нами мелкий земледелец, мелкий хозяин, мелкий производитель, работающий на товарный оборот до полной победы крупного производства, до его восстановления»[8]. Три года пролетарской революции не ослабили, а усилили еще в большей мере удельный вес мелкого земледелия на базе экспроприации помещичьей земельной собственности и произведенного поравнения земельных площадей. За эти годы «деревня нивеллировалась, выровнялась, т. е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось, все стало ровнее, крестьянство стало в общем в поло-

---

[1] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 331.
[2] Там же, с. 215.
[3] Там же, с. 331.
[4] Там же, с. 331.
[5] Там же, с. 218.
[6] Там же, с. 216.
[7] Там же, с. 239.
[8] Там же, с. 216.

жение середняка»[1]. Отсюда необходимость «строить государственную экономику применительно к экономике середняка»[2], установить взаимоотношения рабочего класса с крестьянством, считаясь с особенностями мелкого земледелия и тем удельным весом, которое занимает оно в народном хозяйстве.

«Мы на это время должны,—говорит Ленин,—дать такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя единственными классами, на основе которых мы должны строить нашу экономику, должны между этими классами создать такой союз, который удовлетворял бы обе стороны хозяйственно, такой союз, который считался бы с мелким крестьянином, как с мелким крестьянином, пока мы не сможем дать ему всех продуктов крупной промышленности»[3]. Пойти же навстречу требованиям середняка, создать у него материальную заинтересованность в результатах своего труда, «удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами. Во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина. А во-вторых, нужно достать товары и продукты»[4]. Только этим путем может быть восстановлено разрушенное войной народное хозяйство, создана крупная промышленность, и на этой базе обеспечен переход к тому, «чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое обособленное крестьянское хозяйство постепенно объединялось, сорганизовало бы общественное крупное земледельческое хозяйство»[5].

Таким образом путь восстановления народного хозяйства лежит через рынок, через допущение свободной торговли и предполагает, что мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство получает возможность при определенных и известных ему условиях свободно распорядиться продуктами своей деятельности, излишками своего труда. Допущение же торговли как основного метода завязки и реализации отношений производства и обмена, несовместимо с разверсткой и непосредственным плановым распределением продуктов индустриального производства; оно означает тем самым переход на рельсы товарного хозяйства, т. е. коренное изменение необходимой в свое время всей хозяйственной системы, установленной военным коммунизмом. Допущение торговли открывает собою период новых методов и форм социалистического строительства, обеспечивающих привлечение к нему через систему товарооборота многомиллионной массы трудящегося крестьянства путем ее материальной заинтересованности в результатах хозяйственной деятельности. Допущение торговли говорит о том, что пролетарское государство, идя на уступки крестьянству, совершает

[1] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 239.
[2] Там же, с. 247.
[3] Там же, с. 420.
[4] Там же, с. 240.
[5] Там же, с. 299.

необходимое для того отступление с тем, чтобы отступивши, «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянином и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем»[1]. Таковы смысл и значение той революционной стратегии, переход к которой официально датирован временем принятия X съездом партии резолюции по докладу Ленина о продналоге (15 марта 1921 г.). Он открывает новый этап социалистического строительства, период новой экономической политики.

Изданный 21 марта 1921 г. декрет ВЦИК о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом (СУ № 26, ст. 147) явился прямым выражением данных X съездом партии директив, открывая собою ту цепь мероприятий, какая призвана стимулировать развитие рыночных отношений с тем, чтобы этим путем укрепить крестьянское хозяйство и поднять его производительность.

Декрет ставит целью обеспечить правильное и спокойное ведение хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, а также точно установить падающие на земледельцев государственные обязательства (ст. 1). Вводится прогрессивный принцип обложения в определенном проценте отчисления от производимой крестьянскими хозяйствами продукции с учетом хозяйственной мощности крестьянских дворов; налог с хозяйств середняков, маломощных хозяйств и хозяйств городских рабочих устанавливается пониженный. Старательным хозяевам, расширяющим площадь посевов в своих хозяйствах, даются известные льготы при выполнении натурального налога. Прежний принцип круговой ответственности за выполнение разверстки заменен ответственностью каждого отдельного хозяина. Но самое основное заключается здесь в том, что все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, *находятся в полном их распоряжении* и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты промышленности и с.-х. производства.

Эта остающаяся в свободном распоряжении крестьянина доля с.-х. продукции весьма значительна: вместо 423 млн. пудов разверстки в 1920—21 г. продналог на 1921—22 г. установлен всего в размере 240 млн. пудов, т. е. снижен почти вдвое. Таким образом «вопрос о замене разверстки налогом является, прежде всего и больше всего, вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству»[2], в установлении торговой смычки между городом и деревней, в обеспечении крестьянского хозяйства известной системой оборота.

---

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 231—232.
[2] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 237.

Прямым следствием введения продналога был декрет об обмене (СУ 1921 г. № 40, ст. 212), который легализирует товарные отношения в стране и, наряду с обменом, допускает куплю-продажу, которой суждено в дальнейшем стать основной формой связи между городом и деревней. Правда, декрет ограничивает объекты торговли только продуктами сельского хозяйства и изделиями мелкой и кустарной промышленности, ибо на этом этапе продукция государственного хозяйства непосредственно на рынок еще не выбрасывается, а поступает в товарообменный фонд республики. Однако основной своей цели — организовать товарообмен, дать выход на рынок товаропроизводителю — декрет удовлетворял.

Первоначально «предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность как единственную основу социалистической организации» [1]. Но, как констатирует Ленин в своем выступлении в декабре 1921 года на Московской губернской партконференции, оказалось, что «товарообмен сорвался, сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу», и «теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения» [2]. Делая все необходимые отсюда выводы, Ленин подчеркивает, что взаимоотношения рабочего класса с крестьянством должны строиться теперь через рыночные формы связи, опираться на торговую форму смычки. «Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии, с сетью электропроводов, индустрии, способной и по своей технической мощи, и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами, в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде» [3]. «Торговля»—вот то «звено» в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—22 г., «за которое надо всеми силами ухватиться» нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка» [4].

Но легализация торговли сама по себе еще не давала всего необходимого для нормальной организации товарного обращения. Нужно было подойти одновременно к решению другой, неразрывно связанной с торговлей задачи, задачи обеспечить необходимый сельскому хозяйству приток товаров на рынок. Естественно,

---

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 67.
[2] Там же, с. 68.
[3] Там же, с. 83.
[4] Там же, с. 82.

что с этой неотложной задачей, в которую упиралось развитие торговли, крупная промышленность справиться сама не могла, ибо она еще целиком находилась в состоянии упадка. Поэтому задача достать товары и этим путем развить товарооборот требовала скорейшего восстановления кустарной и мелкой промышленности.

Декрет о кустарной и мелкой промышленности от 7 июля 1921 г. явился практической реализацией указаний Ленина о всемерном поощрении развития мелкой и кустарной промышленности, которая должна обеспечить необходимый приток товаров сельскому хозяйству до того времени, пока крупная промышленность не сможет удовлетворить ими земледельческое население. За каждым гражданином признано право свободно заниматься кустарным промыслом, а также организовывать мелкие промышленные предприятия с числом наемных рабочих до 20. Декрет подчеркивал право свободно распоряжаться продуктами и изделиями своего производства и устанавливал, что вновь организуемые или открываемые мелкие промышленные предприятия не подлежат муниципализации и национализации.

Задача заключается теперь в том, чтобы не стеснять крестьян кустарей и мелких товаропроизводителей в свободном распоряжении производимых ими товаров, избегать излишней регламентации и излишнего формализма, ограничивающих хозяйственный почин отдельных лиц и групп населения. Таковы руководящие указания Совнаркома органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и с.-х. кооперации (СУ 1921 г. № 47, ст. 230).

Таковы первые шаги по пути разрешения поставленной Лениным задачи «развить товарооборот во что бы то ни стало».

Допущение свободы торговли в интересах смычки рабочего класса с массами трудового крестьянства, и только с ними, означает вместе с тем неизбежный рост капитализма, ибо мелкое земледелие является базой капиталистических отношений, ибо мелкая буржуазия выделяет из своей среды ежедневно и ежечасно капиталистов и капиталистиков. Ленин ставит со всей определенностью и ясностью этот вопрос: «Либо пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т. е. торговли, т. е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика, — говорит он, — была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Либо (последняя *возможная* и единственно разумная политика) не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма» [1]. «Весь вопрос как теоретический, так и практический состоит в том, — продолжает Ленин, — чтобы найти правильные способы того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, ка-

[1] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 333—334.

кими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм» [1].

Ленин указал эти формы использования капиталистических отношений и направления их в русло госкапитализма. Ими должны стать аренда госпредприятий и предоставление концессий иностранному капиталу. Изданный 5 июля 1921 г. закон о порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных ВСНХ, был одним из первых шагов по этому намеченному Лениным пути. Декретом допущена была аренда госпредприятий как со стороны всякого рода кооперативных организаций, так и со стороны частных лиц и их объединений. Устанавливая ответственность арендаторов за сохранность государственного имущества, закон вместе с тем предоставлял целый ряд гарантий, необходимых для поощрения этой формы хозяйственной деятельности, протекающей под непосредственным контролем органов государственной власти. Так, он подчеркивал недопустимость одностороннего расторжения договоров, обязательность в этих случаях обращения к народному суду, предоставлял арендатору гарантии «спокойного» использования своих прав и т. д. Экономический смысл закона заключается в том, во-первых, что он освободил государство от забот в отношении тех предприятий, использовать которые оно само еще не могло. Во-вторых, аренда промпредприятий давала, наряду с мерами по укреплению и развитию мелкой и кустарной промышленности, дополнительный приток товаров на рынок, что в свою очередь должно было оживить и усилить товарооборот города с деревней.

Вместе с тем принимаются тогда же меры к тому, чтобы привлечь в форме концессий иностранный капитал, для чего ведутся переговоры с рядом иностранных фирм (см., например, доклад Ленина на XI съезде партии). Дальнейшее развитие хозяйственных отношений в стране показало однако, что восстановление народного хозяйства шло в основном за счет средств и сил самой страны, за счет внутренних сбережений и накоплений, а не за счет притока иностранного капитала.

С введением новой экономической политики торговля, рынок становятся тем узлом, в котором сосредоточиваются и через который завязываются все основные хозяйственные нити. В торговый оборот вовлекаются, в нем участвуют, рядом с госпредприятиями и кооперацией, и мелкий товаровладелец-крестьянин, и иностранец-концессионер, и «отечественный» капиталист-арендатор. Рынок становится той базой, на которой развертывается невиданное соревнование социалистической системы хозяйства с рыночной стихией, соревнование, исход которого должен решить исторической важности проблему «кто — кого». Капиталистические элементы спешат использовать полностью все вытекающие из участия в обороте возможности, расширить допущенные пролетарской властью рамки нэпа, овладеть рынком, а через него и командными участками народного хозяйства, чтобы свергнуть социалистическую республику.

---

[1] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 333—334.

Рыночной стихии, капиталистическим элементам противостоит пролетарское государство, которое, опираясь на важнейшие экономические рычаги регулирования и действуя методами рынка через свои хозяйственные органы и кооперативные организации, должно овладеть товарооборотом, направить его по тем каналам, которые укрепят смычку города с деревней, обеспечат восстановление промышленности и тем самым упрочат базу социалистического строительства. «Вопрос коренной, с точки зрения стратегии, состоит в том, — говорит Ленин, — кто скорее воспользуется этим новым положением? Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство — за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом... Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, — и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто—кого? Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направить капитализм по государственному руслу» [1].

Эта борьба требует перестройки всего государственного и кооперативного аппарата лицом к рынку, приспособления к нему, изменения самих методов работы, полного овладения ими. Именно в связи с этим Ленин настойчиво выдвигает требование учиться торговать, хозяйничать, и притом хозяйничать лучше, культурнее, чем это делает купец, капиталист. «Мы Россию убедили, мы Россию отвоевали от эксплоататоров для трудящихся, мы эксплоататоров подавили — мы должны научиться Россией управлять» (Ленин).

Эта перестройка аппарата совершается и по линии государственной промышленности (см. дальше) и по линии кооперации, наряду с мерами, направленными на усиление регулирующей роли государства в отношении товарного обращения. В этой связи прежде всего необходимо остановиться на законе о потребкооперации (СУ 1922 г. № 26, ст. 150), который ставил своей целью через кооперирование потребительских нужд трудового населения внести необходимое организующее начало в систему товарооборота.

Потребкооперация перестраивается лицом к рынку на началах добровольности членства кооперации и широкой выборности всех органов управления снизу доверху. Потребкооперация превращается из аппарата распределения продуктов и предметов первой необходимости, каким она была в период военного коммунизма, — в важнейший канал товарного обращения, в опорный пункт государственного регулирования торговли. Закон о потребкооперации предоставляет потребительским обществам право обмена и скупки излишков с.-х. производства и кустарно-ремесленных изделий, право заготовки, поставки, переработки, хранения, очистки и сбыта продуктов с.-х. и кустарного производства. Равным образом потребкооперации дается право открывать всякого рода подсобные предприятия, имеющие целью обеспечить хозяйственную устойчивость основных звеньев кооперативной системы

---

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 41—42.

и возможность непосредственного влияния на систему товарообращения. Потребкооперация продолжает и теперь выполнять обязательные задания продорганов в области заготовок и обмена изделиями фабрично-заводской и кустарной промышленности на продукты сельского хозяйства. Через нее совершается также распределение всех предметов продовольствия и широкого потребления, предоставляемых населению государством. Но все эти функции являются уже новыми по существу функциями, ибо выполняемые потребсистемой операции совершаются теперь методами рыночного обращения, направлены на укрепление и хозяйственный рост кооперативной торговой сети. Нельзя не видеть в этом законодательном акте, как и в ряде за ним последовавших, непосредственного осуществления, неразрывно связанного с нэпом кооперативного плана Ленина.

Ленин обосновал пути перехода мелкого единоличного хозяйства на рельсы крупного социалистического производства, дав тем самым ключ к решению основной проблемы нэпа — проблемы смычки социалистической экономики с крестьянской экономикой. В своей статье «О кооперации» Ленин говорит, что, «в сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа, есть все, что нам нужно» [1]. Кооперация является тем мощным рычагом, с помощью которого миллионы раздробленных крестьянских хозяйств подчиняются организованному воздействию государственной промышленности, приобщаясь через кооперирование к непосредственному участию в построении социализма. «Власть государства над всеми крупными средствами производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать при нэпе также, разве это не все, необходимое для построения полного социалистического общества», [2] спрашивает Ленин. И отвечает: «Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией, — это есть строй социализма» [3].

Вот почему в первый же год нэпа советская власть уделяет особое внимание вопросам кооперирования трудящегося населения и росту удельного веса кооперации в народном хозяйстве.

Помимо уже названного постановления о потребкооперации, в 1921 году издается 7 июля декрет о промысловой кооперации, по которому трудовым кустарям и ремесленникам предоставляется право образовывать промысловые кооперативные товарищества и артели как для ведения совместного производства, так и для организации труда своих членов и снабжения коопери-

---

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 391.
[2] Там же, с. 392.
[3] Там же, с. 394.

руемого производства материалами, инструментами, оборудованием и т. д. Декрет особенно подчеркивает необходимость широкого содействия росту и развитию промысловой кооперации и указывает на роль и значение промысловых кооперативных товариществ и артелей как на важнейший фактор в деле обобществления производства.

В августе 1921 г. издается аналогичный декрет о с.-х. кооперации (СУ № 61, ст. 434), он дает трудящемуся населению сельских местностей право образовывать с.-х. кооперативные товарищества и артели для совместного ведения с.-х. производства, организации труда своих членов, снабжения товариществ и артелей всеми необходимыми средствами производства и для сбыта продукции. С.-х. кооперация строится на началах добровольности членства и выборности органов управления. Для учреждения кооперативных организаций теперь не требуется предварительного разрешения органов государственной власти. В ряду мер поощрения с.-х. кооперации предусматривается в частности: выдача заказов коопобъединениям преимущественно перед частными лицами, финансирование коопобъединений для выполнения ими государственных заказов и заданий, преимущества перед частными лицами в получении необходимых кооперации помещений и приобретении потребных для нее средств производства.

Большевистское проведение новой экономической политики требовало ожесточенной борьбы против такого истолкования этой политики, которое лило бы воду на мельницу буржуазной реставрации. Вопрос о том, как понимать и как проводить нэп, стоял в центре той борьбы, которую пришлось выдержать ленинской партии со всевозможными оппозициями справа и «слева». По мысли Ленина, развязывание оборота должно было быть использовано для укрепления крупной социалистической промышленности, для укрепления позиции пролетариата. Уступки среднему крестьянству должны были послужить укреплению пролетарской диктатуры, пролетарского руководства. Поэтому Ленин выдвигает на первый план: «в политике сплоченность и дисциплина внутри партии. Больше борьбы с меньшевиками и социалистами-революционерами» [1].

Большевистское понимание нэпа, подчеркивающее двойственную переходную природу нэпа, дано т. Сталиным на XIV партсъезде. «Нэп,—говорил он,—есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических с социалистическими, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики» [2].

[1] Набросок доклада о замене продразверстки продналогом. Впервые опубликован в «Правде» от 21/III 1931 г.

[2] Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б), с. 493.

Таким образом, ленинское понятие нэпа включает регулирующую роль пролетарского государства, включает борьбу капиталистических элементов с социалистическими и победу последних.

То отступление, о котором говорил Ленин в начале введения нэпа, было непродолжительно. Еще в статье «О значении золота» Ленин писал: «Есть все признаки, что виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление» [1]. На XI же съезде партии Ленин прямо и безоговорочно заявил: «Мы год отступали, мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно. Та цель, которую отступление преследовало, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил» [2].

Этот факт крупнейшего политического значения оказал непосредственное влияние на последующее развитие хозяйственного законодательства восстановительного периода и поставил перед правительством задачу, во-первых, закрепить в законе те пределы частной хозяйственной деятельности, дальше которых она идти не должна, во-вторых, регламентировать частно-правовые отношения, допускаемые в соответствующих отраслях хозяйства на период нэпа и охраняемые законом в установленных им пределах, и, в-третьих, обеспечить возрастание социалистических элементов в народном хозяйстве и в конечном счете их победу над капиталистическими элементами.

1922/23 гг. не случайно являются поэтому теми годами, в течение которых были заложены основы хозяйственного законодательства восстановительного периода. Советское государство, подойдя вплотную к разрешению задачи мирного хозяйственного строительства, рассчитанного на ряд лет, подводит прочную правовую базу под мероприятия, проводимые им в целях восстановления народного хозяйства, и издает ряд важнейших кодексов. Эти кодексы характеризуются следующими основными чертами: 1) сохранение в руках пролетарского государства хозяйственных командных высот, их укрепление и последующий рост; 2) установление прочного союза с трудящимися массами крестьянства через торговую форму смычки города с деревней; 3) последовательно проводимая линия на кооперирование трудового населения, постепенный переход трудящихся масс к социалистическим формам хозяйства.

Хозяйственное законодательство развивается в эти годы под знаком роста в стране рыночных отношений на базе отмеченных выше принципов. Эти рыночные отношения вызвали к жизни ряд разнообразных институтов частного права, потребовали признания прав на имущество и распоряжение им и выдвинули вопрос о регулировании тех новых условий хозяйственной деятельности, в каких отныне она должна протекать. Ответом на эти требования по линии гражданского законодательства был декрет об основных частно-имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых ее судами

---

[1] Ленин, т. XXVII, с. 85.

[2] Там же, с. 238.

(СУ № 36, ст. 423). Изданный уже после перехода от товарообмена к торговле этот акт ставил своей целью, как текстуально говорится в нем, «установление точных взаимоотношений госорганов с объединениями и частными лицами, которые принимают участие в развитии производительных сил страны, а также взаимоотношений частных лиц и их объединений между собой». По сути же дела он ограничивался признанием за всеми гражданами, не ограниченными в своей правоспособности, прав организовывать промышленные и торговые предприятия и заниматься дозволенными законом профессиями и промыслами с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда. К числу этих прав относилось прежде всего право собственности как на немуниципализированные строения в городах и в сельских местностях, так и на всякого рода движимое имущество, не изъятое из частного оборота. Из других вещных прав этим декретом были предусмотрены право застройки и право залога (заклада) имущества. Декрет включал в себя также небольшой раздел об обязательственных правах, где устанавливался принцип свободы заключения всякого рода договоров, лишь бы они не были запрещены законом. Наконец, в этом декрете содержались указания и на право наследования, которое было ограничено до 10 тысяч рублей золотом. Этот закон не фиксировал однако, наряду с частно-имущественными правами, тех специфических условий, в которых и на которых они допускаются. Эти пробелы пополнены были гражданским кодексом, составить который поручено было сессией ВЦИК Совнаркому одновременно с утверждением декрета о частно-имущественных правах. Проект ГК был разработан в исключительно короткий срок и внесен на рассмотрение 4 сессии IX созыва уже в декабре 1922 г. Руководящая идея, которая положена в основу ГК и характеризует его как важнейший законодательный памятник восстановительного периода, дана самим Лениным в его выступлении на той же сессии ВЦИК, где был утвержден ГК. Именно в связи с ним Ленин говорил там: «Мы и здесь старались соблюсти грань между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляют из себя злоупотребления нэпом, которые во всех государствах легальны, и которые мы легализовать не хотим»[1]. Эти руководящие указания, данные Лениным, получили свое отражение прежде всего в ст. ст. 1 и 4 ГК. В ст. 4 установлен был тот круг прав, который допускается на период существования новой экономической политики и который означает известную свободу частно-хозяйственной деятельности, является «законным удовлетворением любого гражданина». В статье же 1 был заложен важнейший политический **принцип государственного регулирования всей системы имущественных отношений, исходя из незыблемости диктатуры пролетариата, командных высот пролетарского**

[1] Материалы 4 сессии ВЦИК, Бюллетень № 8, с. 13.

государства и обязательности актов государственного регулирования для всех участников оборота. Нарушение этого принципа составляет «злоупотребление нэпом», законом не охраняется, а отсекается и карается. Здесь даны таким образом обе стороны нэпа и раскрыто содержание проблемы «кто—кого», разрешению которой в пользу социализма призван служить ГК. Эта руководящая идея лежит в основе всего кодекса. Так, в нем фиксируется изъятие из гражданского оборота основных средств производства и сосредоточение их в единых руках пролетарского государства (ст. 20—24). Тем самым закрепляются в законе незыблемые устои советского хозяйства, на базе которых должно протекать восстановление производительных сил страны. Выделение этой категории имуществ дает далее начало имеющему важнейшее принципиальное значение разграничению в ГК государственной, кооперативной и частной собственности. Это деление, отражая различные в системе народного хозяйства хозяйственные уклады, дало позднее возможность подчеркнуть ту особую роль, какая принадлежит государственной собственности как основе для построения социализма и уничтожения эксплоатации человека человеком.

ГК ставит твердые пределы во времени и пространстве действию тех прав, какие им допущены. Он не признает правоотношений, возникших до Октябрьской революции, и существенно ограничивает охрану правоотношений, возникших после Октября, но до издания ГК. Прямо оговаривается при этом, что бывшие собственники, имущество которых экспроприировано на основании революционного права, не могут требовать возврата этого имущества.

Наконец, устанавливается в вопросе о пределах имущественных прав твердый принцип: «Дозволено только то, что прямо разрешено»; распространительное толкование ГК допускается лишь в интересах пролетарского государства и охраны прав трудящихся масс. Таково действительное классовое лицо ГК, принципиально отличающее его от буржуазных кодексов и отражающее основы новой экономической политики, проводимой диктатурой рабочего класса.

Земельные отношения регламентируются принятым на той же 4 сессии ВЦИК Земельным кодексом РСФСР и характеризуются следующими чертами. Все земли, недра, воды и леса в пределах РСФСР, в чьем бы ведении они ни находились, составляют собственность рабоче-крестьянского государства. Этим обеспечивается необходимая материальная база для государственного регулирования отношений по землепользованию, и определяются отношения земледельцев к государству как отношения трудового землепользования. Субъектом права трудового землепользования могут быть все граждане, желающие обрабатывать землю только собственным трудом. Получая земельный надел в трудовое пользование, они получают и все права, вытекающие из этого пользования, которые подлежат охране закона. К числу этих прав относится в частности право собственности на все сооруже-

ния, постройки, посевы, растения и вообще все, соединенное с участком земли, находящимся в пользовании землепользователя (ст. 25). В целях производительного использования земли допущена ее аренда для трудовых хозяйств, временно ослабленных вследствие стихийных бедствий, либо недостатка инвентаря или рабочей силы, а также убыли за смертью, призывами по мобилизации, службе по выборам, временным отходам на заработки и т. д. (ст. 28). Наемный труд в сельском хозяйстве допускается только при условии, что все наличные трудоспособные члены двора принимают участие в работе хозяйства наравне с наемными рабочими (ст. 40).

В интересах ограждения крестьянского хозяйства от частых переделов и выделов, которые ослабляют производительную способность хозяйства и ведут к его измельчанию, ставится вопрос о недробимости крестьянского двора. ЗК подходит к этому вопросу крайне осторожно, не давая общего решения и предоставляя местным губисполкомам в связи с конкретными условиями выносить по нему постановления.

Давая трудовому землепользователю широкие права, вытекающие из задачи развить сельское хозяйство и поднять его производительность, признавая принцип непрерывности землепользования, государство вместе с тем устанавливает и те обязательные условия, которые должны быть выполняемы при этом трудовыми землепользователями. ЗК предусматривает полное или на время прекращение права трудового землепользования в случае нарушения законов о национализации земли (ст. 27), при ведении хищнического, истощающего землю хозяйства (ст. 61), в случае оставления земли без хозяйственного использования при отсутствии уважительных на то причин (ст. 60) и т. д.

Наряду с мерами подъема и развития единоличного трудового землепользования уделяется особое внимание социалистическим формам земледелия. Помимо общинных, участково-чересполосных, отрубных и хуторских методов землепользования, ЗК предусматривает также т. н. товарищеские порядки землепользования (коммуна, артель и ТОЗ). Самостоятельный раздел посвящается в ЗК советским хозяйствам и всей системе государственных земельных имуществ. Советские хозяйства рассматриваются как такого рода хозяйства, которые должны служить научно-технической основой для развития сельского хозяйства и его обобществления, оказывая воздействие на с.-х. производство окружающего населения и обслуживая специальные задачи (учебные, культурные, производственные и т. д.). Таким образом уже в первые годы нэпа партия и правительство *регламентируют отношения по землепользованию в таком разрезе, чтобы дать известную перспективу развития сельского хозяйства, наметить дальнейший переход к социалистическим формам землепользования и подчеркнуть ведущую роль совхозов в сельском хозяйстве* как крупных предприятий последовательно социалистического типа.

Вслед за Земельным кодексом был издан в 1923 г. Лесной кодекс РСФСР (СУ № 58, ст. 564), декларирующий единство государственного лесного фонда и устанавливающий определенный правовой режим для лесов местного значения и порядок управления лесами государственного значения. Это управление лесным фондом осуществляется через Наркомзем и его местные органы и систему лесничеств на местах. Кодексом предусмотрены также правила охраны лесов и рациональной их эксплоатации.

К этому же времени относится проведенная в мае 1923 г. коренная реформа налогового обложения деревни (СУ № 42, ст. 451), заменившая многочисленные натуральные налоги и повинности единым прямым с.-х. налогом. Наряду с организацией вывоза за границу хлеба с целью добиться повышения цен на с.-х. продукты, реформа налогового обложения явилась важнейшим шагом по пути дальнейшего укрепления сельского хозяйства, развития оборота и ликвидации последствий осеннего кризиса 1923 г.

Эти мероприятия правительства как по линии оживления товарооборота, так и в области подъема сельского хозяйства оказали определенное влияние на состояние народного хозяйства. Состоявшийся в мае 1923 г. XII съезд партии констатирует, что основная и важнейшая задача оживления товарооборота достигнута, что в сельском хозяйстве имеются определенные сдвиги в сторону подъема его производительности, что, наконец, заметен известный рост мелкой и кустарной промышленности. На очередь становится другая, труднейшая и сложнейшая задача—*восстановить крупную* промышленность. Ее система управления должна быть приведена в соответствие с основными началами новой экономической политики, ибо государственный сектор хозяйства не может оставаться изолированным от всего остального народного хозяйства, а наоборот должен активно включиться в самую гущу гражданского оборота, чтобы овладеть каналами товарного обращения и подчинить систему оборота государственному регулированию.

Как отмечает изданный Совнаркомом 9/VIII 1921 г. Наказ о проведении в жизнь нэпа, советское государство принуждено было в течение первых лет революции непосредственно управлять громадной массой самого разнообразного типа предприятий, обслуживание которых далеко не соответствовало сырьевым и продовольственным ресурсам, находящимся в распоряжении государства.

В связи с этим снабжение предприятий не было поставлено в непосредственную связь с производительностью предприятий и сосредоточено было в руках различных учреждений, что плодило многовластие и безответственность. Такое положение не может быть далее сохраняемо. Отныне перестройка системы управления промышленностью должна быть произведена таким образом, чтобы указанные коренные недочеты были устранены, а промышленные предприятия были бы включены в систему народного хозяйства как такого рода хозяйственные единицы, которые действуют на основе точного хозяйственного расчета. Эту группу предприятий государство в лице ВСНХ и его местных органов сосредото-

чивает в своем непосредственном управлении. Что же касается всех прочих предприятий, то часть из них подлежала передаче в аренду, а остальная часть, которая не могла быть производительно использована в то время, консервировалась.

Перевод предприятий на хозрасчет предполагает далее, во-первых, устранение того обезличенного состояния, в каком находились предприятия, растворяясь в общей массе государственного имущества, и, во-вторых, требовал предоставления этим предприятиям известной хозяйственной самостоятельности, без чего организовать учет и поставить в связь результаты производства с его издержками невозможно. «Основные положения СТО о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства» (СУ 1921 г. № 43, ст. 462) устанавливают поэтому, что наиболее крупные, технически оборудованные, целесообразно организованные и соответственно расположенные предприятия каждой отрасли промышленности соединяются в *особые объединения, организуемые на началах хозрасчета*.

Наказ СТО и «Основные положения» явились той основой, на которой складываются в процессе дальнейшей работы эти объединения как самостоятельные хозрасчетные единицы. В условиях конкурентной борьбы на рынке они постепенно перестраивались, приспособлялись в новой обстановке, овладевали новыми методами хозяйства, внедряя и укрепляя принцип единоначалия и хозрасчета, создавая собственную материальную базу для своей хозяйственной деятельности. Но все эти шаги производились пока ощупью, отсутствовали еще точные организационно-правовые формы взаимоотношений предприятий как с государством, так и друг с другом, не выкристаллизировались еще в полной мере пределы хозяйственной самостоятельности предприятия и понятие его имущественной обособленности.

Декрет о трестах от 10 апреля 1923 г. (СУ № 29, ст. 336) вносит сюда необходимую ясность. Этот законодательный акт имел в свое время крупнейшее значение, ибо он дал те новые и отвечающие специфическим условиям нэпа организационно-правовые формы управления, использование которых промышленностью обеспечило устойчивое положение предприятий на рынке и дало возможность укрепить позиции государства на таком важнейшем участке, каким является социалистическая индустрия. Декрет внес прежде всего определенность во взаимоотношения трестов с государством. Он гарантирует тресту необходимую для его участия в обороте и достаточно широкую хозяйственную автономию, устанавливая, что тресту принадлежат все те права по управлению и распоряжению имуществом, какие не отнесены к компетенции ВСНХ. Но вместе с тем тот же декрет достаточно полно оговаривает права ВСНХ по отношению к трестам в деле регулирования их хозяйственной деятельности и даже рассматривает ВСНХ как орган управления трестом. При этом подчеркивает однако, что ВСНХ не может вмешиваться в текущую административную и оперативную работу треста.

К важнейшим чертам треста, продиктованным его участием в обороте, нужно отнести следующие. Во-первых, économпромышленные предприятия действуют на так называемом коммерческом расчете, который является основным принципом организации и методом оперативно-хозяйственной деятельности треста. Этот принцип означал конкретно, что ближайшей целью деятельности треста является извлечение прибыли как показатель правильного хозяйственного ведения предприятий и их способности к социалистическому накоплению через систему участия в товарном обращении.

К этим чертам необходимо отнести далее деление уставного капитала треста на основной и оборотный капитал, которое имело не только экономический смысл, но и важное юридическое значение. Включив в понятие основного капитала все имущество, которое не уничтожается в одном акте производства, декрет о трестах установил далее, что все это имущество не может быть отчуждаемо трестом, а вместе с тем на это имущество не может быть обращено взыскания. Это деление уставного капитала преследовало таким образом двоякую цель: во-первых, предостеречь тресты от возможности бесхозяйственного разбазаривания вверенного им имущества и, во-вторых, сохранить при всяких условиях необходимую устойчивую производственную базу.

Третьей чертой, характеризующей этот декрет о трестах, является наличие самостоятельных функций треста по сбыту и снабжению в рамках общего государственного регулирования. В первые годы нэпа система снабжения и сбыта по линии промышленности еще не знала синдицирования и осуществлялась путем непосредственного участия треста в общем торговом обороте, через который производились снабжение нашей промышленности и сбыт ее продукции. Изъятие из этого правила представляет т. н. занаряживание — предтеча плановых договоров. Оно производится постановлениями СТО не по ценам, устанавливаемым соглашением с покупателями, а по ценам ниже рыночных, но не ниже себестоимости, с начислением средней прибыли. Занаряживание реализуется путем заключения трестами соответствующих договоров с тем госорганом, в интересах которого дан наряд, причем в случае невыполнения госорганом денежных обязательств по такому договору, ответственной является общегосударственная казна в целом.

Тресты являлись на этом этапе основным звеном в системе управления нашей промышленности. Объединяемые же ими производственные предприятия существовали первоначально в качестве обезличенной части имущества треста, лишены были какой-бы то ни было самостоятельности, не имели своего баланса и отчетности, не могли самостоятельно выступать на рынке. Такое положение производственного предприятия не являлось, конечно, случайным. Так называемый коммерческий расчет как основа деятельности треста в условиях товарного обращения предъявлял к тресту требование устойчивости и конкурентоспособности, имея

в виду трест прежде всего как участника оборота. Коммерческий расчет, выражаясь образно, был повернут лицом к торговле. Принципом организации самого производства он являлся на первых порах лишь в той мере, в какой это определялось целями участия в обороте. В обстановке ожесточенной конкурентной борьбы центр тяжести и внимания в работе треста перемещался именно в этом направлении. К тому же, объединяя функции производства со сбытом и снабжением, трест не был в состоянии в условиях конкурентной борьбы переключить одновременно достаточное внимание и на вопросы производства. Лишь постепенное овладение системой товарного обращения, усилив планово-регулирующую роль государства, изменило то первоначальное положение, в котором находились тресты по декрету от 10 апреля 1923 г.

В том же году 17 июля издается аналогичный декрет о трестах, находящихся в управлении местных органов (СУ № 84, ст. 815), который отличается лишь порядком подчиненности трестам, но не принципиальными основами, которые заимствованы целиком из декрета от 10 апреля 1923 г. Значение этого закона заключается в том, что вслед за крупной промышленностью и местная промышленность перестраивается в свою очередь на хозрасчетной основе и включается в общую систему трестирования. Подобная же перестройка (трестирование) распространяется затем и на другие отрасли народного хозяйства. Так, в декабре 1924 г. издается «Положение о коммунальных предприятиях, действующих на началах хозяйственного расчета», в 1925 г. утверждается «Положение о с.-х. трестах» (СУ № 21, ст. 150) и, наконец, «Положение о курортных трестах местного значения».

Наряду с мерами по укреплению государственной промышленности не прекращаются заботы об организации рынка и усилении регулирующей роли по отношению к нему государства. Со времени XIII съезда партии вопрос этот приобретает особую актуальность в связи с поставленной съездом задачей добиться овладения рынком, вытеснения частного торгового аппарата и его замещения государственной и кооперативной торговлей.

В числе мероприятий в этой области нужно отметить учреждение товарных бирж, которые, согласно закону о них от 23 августа 1922 г., имеют своим назначением «выявлять отношение спроса к предложению, облегчать и упорядочивать как товарообмен, так и связанные с ним товарные и торговые операции». (ст. 1). Членами биржи могут быть поэтому не только государственные учреждения, предприятия, их объединения, кооперативные организации и союзы, но и частные торговые и промышленные предприятия, уплачивающие промналог не ниже определенного разряда.

В этих же целях—осуществления государством контроля за торговлей данная организационная форма регулирования торговли распространена затем постановлением Совнаркома от 20 декабря 1922 г. и на фондовые биржевые операции (СУ № 65, ст. 858) путем учреждения фондовых отделов при товарных биржах, а также самостоятельных фондовых бирж для торговли иностранной валютой, банкнотами, государственными ценными бумагами, акциями и

паями, благородными металлами в слитках и т. д. Сюда же относится организация ярмарок, комитетов рыночных торговцев и т. д. Наконец, постановлением от 1 сентября 1922 г. Совнарком подчиняет контролю биржевых органов внебиржевые сделки государственных предприятий и учреждений (СУ № 57, ст. 719), обязывая эти предприятия и учреждения регистрировать такие сделки как между собой, так и с кооперацией, частными предприятиями и лицами. Закон распространяет обязанность регистрации и на продавца и на покупателя, обеспечивая этим путем государственный контроль за значительным кругом торговых операций.

Эти мероприятия не являлись, понятно, исчерпывающими. В целях обеспечения важнейших рычагов регулирования системы товарооборота государство проводит, во-первых, изъятие отдельных видов торговли из сферы частного обращения и монополизирует их в своих руках. Во-вторых, государство воздействует на рынок через законодательные и административные мероприятия, в частности через систему налогового обложения. Наконец, в-третьих, государство, располагая командными хозяйственными высотами и действуя через свои предприятия и их объединения, получает возможность регулировать систему торговли и методами экономического порядка.

Торговые отношения советской республики с капиталистическими странами строятся на основе незыблемости монополии внешней торговли. Значение и роль монополии внешней торговли, как известно, не раз подчеркивал Ленин. Так, в своем письме т. Сталину о монополии внешней торговли в связи с письмом т. Бухарина, защищавшего свободу ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам, Ленин категорически осудил позицию т. Бухарина и со всей наглядностью вскрыл те опасности, какие она таит в себе. «Все рассуждения Бухарина о таможенной политике, — пишет Ленин, — на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил, и бороться вплоть до партийного съезда, ибо ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли». И далее: «на практике Бухарин становится на защиту спекулянтов, мелкого буржуа и верхушек крестьянства, против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли»[1]. Этот принцип незыблемости монополии внешней торговли крепко записан был в декрете ВЦИК и Совнаркома от 16 декабря 1922 г. о внешней торговле, который устанавливал, что деятельность советского государства за границей осуществляется Наркомвнешторгом через свои торговые

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 381.

представительства, а также государственными центральными и местными органами, включенными в особый список, при условии неуклонного соблюдения ими монополии внешней торговли и при обязательном и предварительном осведомлении НКВТ или подлежащего торгпредства о каждой своей предположенной операции. Государство считает обязательными для себя лишь те заграничные сделки, которые заключены и подписаны Наркомвнешторгом, торгпредствами, а также органами и лицами, специально на то уполномоченными особыми постановлениями правительства.

Что же касается деятельности иностранных торговых фирм на территории советской республики, то этот вопрос разрешен был специальным постановлением ВЦИК и СНК от 12 апреля 1923 г. о порядке допущения иностранных фирм к производству торговых операций в пределах РСФСР (СУ № 31, ст. 345). Закон обязывал госучреждения, предприятия, кооперацию и частных лиц заключать сделки с иностранными фирмами лишь в тех случаях, когда они были допущены к торговле в установленном законом порядке. 12 мая того же 1923 г. издается инструкция ряда ведомств (СУ № 43, ст. 464), которая дает понятие инофирм и уточняет порядок применения упомянутого закона.

Чрезвычайно существенную роль в стабилизации оборота играет та крупнейшая реформа, которую осуществило пролетарское государство в отношении системы денежного обращения в 1922—24 гг. От военного коммунизма, как известно, осталось в наследство расстроенное денежное хозяйство, которое ни в какой мере не отвечало требованиям развивающегося товарооборота. Первым шагом по пути оздоровления денежного оборота явился декрет о выпуске в обращение денежных знаков образца 1923 г. Прежняя система исчисления в миллионах рублей этим законом была упразднена. В результате проведенной деноминации один рубль образца 1923 г. приравнивался к одному миллиону рублей образца 1920—21 гг. или к ста рублям образца 1922 г. Одновременно введены были дензнаки достоинством в 1, 2, 5, 10, 25, 50, 100 рублей и в 1, 2, 3, 5, 10, 20, 25 и 50 копеек. С первого января 1923 г. все счетоводство учреждений и предприятий, обязанных публичной отчетностью, переведено было в дензнаки 1923 г. Затем 11 октября того же 1922 г. издается постановление Совнаркома о предоставлении Госбанку права выпуска банковых билетов. Исходя из наличия реальных ценностей, накопленных Госбанком в виде золота и других драгоценных металлов, закон разрешил Госбанку в интересах урегулирования денежного обращения выпустить банковые билеты (червонцы) достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев. Банковые билеты принимаются по их нарицательной цене в уплату государственных сборов и платежей, а также в тех случаях, когда платежи производятся в золоте. Переход к твердой валюте закрепляется затем декретом Совнаркома о чеканке золотых червонцев (СУ 1922 г. № 66, ст. 876). Окончательные же мероприятия по закреплении перехода к созданию устойчивых денег падают в основном на 1924 г., в течение которого были изданы: 5 февраля постановление ЦИК и СНК Союза о выпуске госу-

дарственных казначейских билетов, достоинством в 1, 3 и 5 рублей, 22 февраля постановление ЦИК и СНК Союза о чеканке и выпуске в обращение серебряной и медной монеты и, наконец, постановление ЦИК и СНК Союза о прекращении эмиссии советских денежных знаков, стоимость которых не обозначена в твердой валюте.

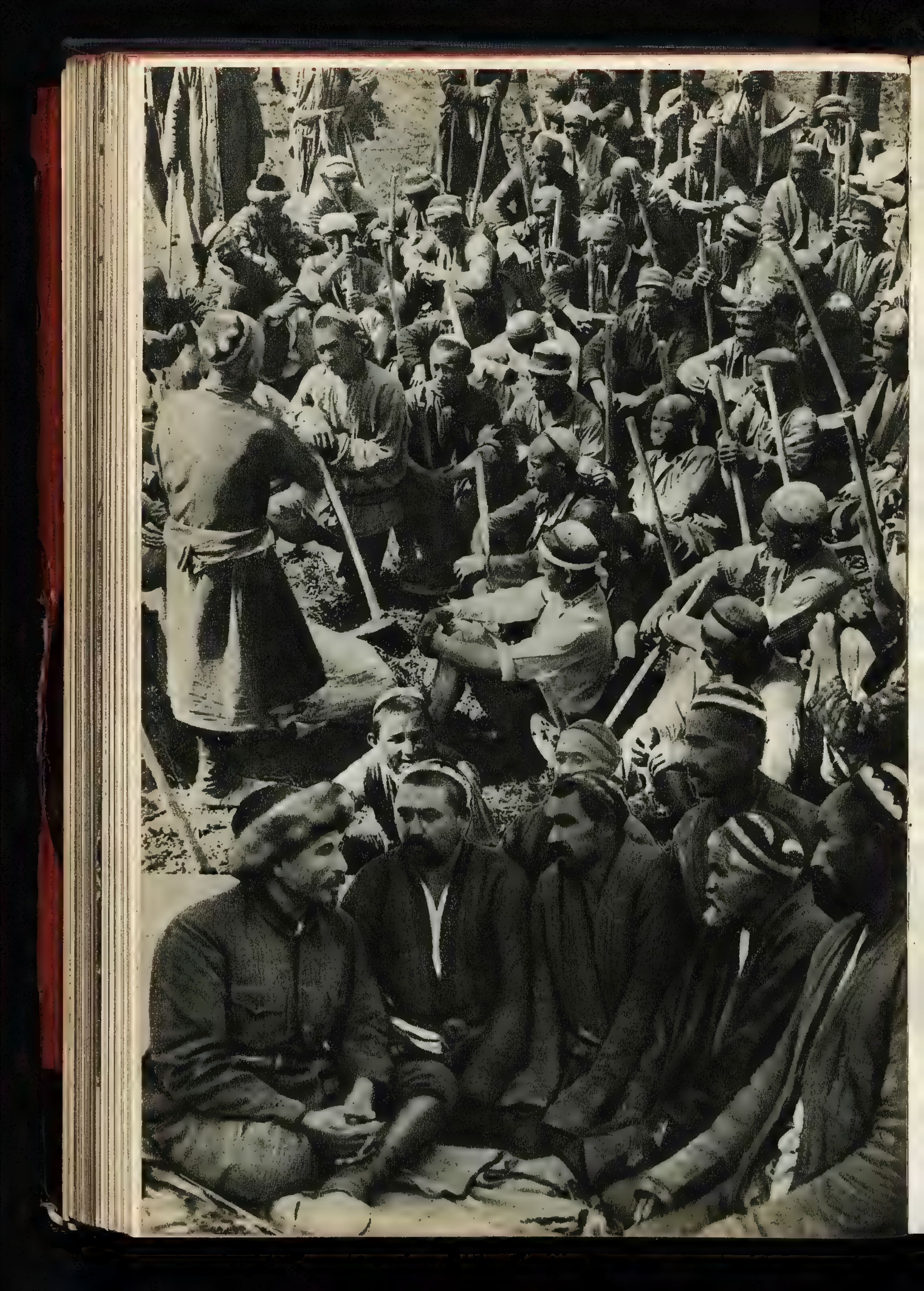
Вся полоса дальнейшего развития хозяйственных отношений в стране характеризуется быстрыми темпами восстановления народного хозяйства и возрастанием его социалистических элементов. Собравшийся в декабре 1925 г. XIV съезд партии, подводя итоги хозяйственному строительству, констатировал, что «истекший год был отмечен бурным ростом народного хозяйства в целом с приближением его к довоенному уровню», что «внутри народного хозяйства со всем многообразием его укладов... резко повышается удельный вес социалистического сектора»[1]. Страна заметными шагами приближается к периоду социалистической реконструкции, ибо, как отметил тот же XIV съезд в своем постановлении, «налицо экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики и продвижения экономики СССР в сторону социализма»[2].

Особенно значительны эти успехи в промышленности. «Основное в промышленности заключается в том, что она уже подошла к пределу довоенных норм, что дальнейшие шаги промышленности означают развертывание ее на новой технической базе» (Сталин). Промышленность все более становится ведущей отраслью народного хозяйства, она теперь возглавляет социалистическое строительство, по ней теперь равняются и будут равняться в дальнейшем все другие отрасли народного хозяйства. Важнейшей чертой, характеризующей нашу индустрию в эти годы, с точки зрения системы управления ею, является резко возросшая роль планового начала, давшая возможность вплотную подойти в 1925 году к организации социалистического производства на базе контрольных цифр промышленности (СЗ 1926 г. № 56, ст. 422) и ежегодно составляемых с этого времени производственно-финансовых планов (СЗ № 56, ст. 423).

Этот факт, имеющий крупнейшее хозяйственно-политическое значение, одновременно с сопутствующим ему ростом начал хозрасчета, оказал непосредственное влияние на последующую перестройку системы управления промышленностью. Характерными здесь чертами являются в эти годы все большее переключение трестов на вопросы управления производством, возрастающее внимание «мелочам» производства и к правильной в организационном и техническом отношении его постановке на базе плановых заданий регулирующих органов. Показателен в этом смысле закон о поднятии производительности труда в промышленности и на транспорте (СЗ 1926 г. № 35, ст. 262), где хозяйственным органам дается конкретное задание повысить производительность труда не менее, чем на 10%, осуществив для этого такие меро-

[1] Стенографический отчет, с. 958.
[2] Там же.

приятия, как полная загрузка существующих предприятий, рационализация деталей производственного характера, повышение трудовой дисциплины, деловой подбор руководящих работников в промышленности, усиление авторитета низшего и среднего технического персонала и т. д. По этой же линии идет, и вместе с тем чрезвычайно важен в деле дальнейшего роста и укрепления промышленности, изданный в том же 1926 г. закон о режиме экономии (СЗ № 40, ст. 291), поставивший задачу решительно пресечь наблюдавшиеся в работе хозорганов злоупотребления, бесхозяйственность, расточительность и небрежность в расходовании государственных и кооперативных средств. Важнейшими мерами систематической борьбы за режим строжайшей экономии во всем государственном и кооперативном хозяйстве и аппарате здесь должны быть по линии промышленности и транспорта рациональное использование сырья и топлива, упорядочение грузооборота, товаропроводящей сети и складского хозяйства, строжайшая экономия в легковом транспорте и ряд других мер борьбы с непроизводительными расходами.

Борьба за качество, ставшая чрезвычайно остро еще со времени XIII съезда партии в связи с директивой о снижении цен на промышленные изделия, продолжает оставаться в центре внимания и на этом этапе. Она организуется на началах широкой самодеятельности трудящейся массы и возглавляется особым совещанием по вопросам качества продукции économie госпромышленности при президиуме ВСНХ (СЗ 1926 г. № 23, ст. 163).

Столь сложные и ответственные задачи, поставленные перед промышленностью, понятно уже плохо совмещались с системой ее управления, установленной по декрету от 10 апреля 1923 г. и особенно с теми функциями трестов, которые связаны были с непосредственным участием в обороте. Государство становится поэтому все больше на путь синдицирования промышленного сбыта и снабжения. Этим путем достигалось одновременно разрешение двух задач. Во-первых, синдицирование явилось той формой планового регулирования, какая оказала сильнейшее влияние в дальнейшем на систему товарооборота, внесла необходимую четкость во взаимоотношения между госорганами как участниками оборота, устранив отдельные явления нездоровой между ними конкуренции, и сыграла крупнейшую роль в деле вытеснения частного торгового аппарата и замещения его государственной и кооперативной торговлей. Во-вторых, синдицирование, освобождая тресты от участия в организации товарооборота и от функций непосредственного сбыта и снабжения, дало им возможность вплотную заняться вопросами производственной деятельности.

Все это в целом подготовило издание нового закона о трестах от 29 июня 1927 г. (СЗ № 39, ст. 392), который уже стоит на грани перехода от восстановительного к реконструктивному периоду. Основной чертой, существенно отличающей этот новый декрет от предшествующего, является резко возросшее значение планового начала и его определяющая роль в системе управления социалистической промышленностью. Принцип плановости ярко

выражен в самом определении треста как промпредприятия, организованного на основе особого устава в виде самостоятельной хозяйственной единицы с правами юридического лица и действующего на началах коммерческого расчета, в соответствии с плановыми заданиями того наркомата, в ведении которого трест состоит. Это плановое начало осваивается как принцип организации самого производства внутри треста и в его взаимоотношениях со своими производственными предприятиями. Наряд-заказ становится теперь той основой, на которой входящие в состав треста предприятия осуществляют самостоятельно свои производственные функции.

Существенно изменилась по этому закону и сама физиономия треста. Он получает теперь значительно большую в пределах плана самостоятельность, окончательно освобождаясь от опеки ВСНХ в целом ряде вопросов распоряжения имуществом, управления производством, кредитования и т. д., т. е. его черты как хозрасчетной организации становятся более определенными и четкими. Однако содержание этого хозрасчета, целевая его направленность уже не те, какими были ранее. Трест повернут теперь лицом к производству, переключен на вопросы организации и технического руководства производством. Это его основная, если не исключительная задача.

Резко изменилась в связи с этим и роль производственного предприятия внутри треста. Оно вышло из состояния своего обезличенного существования и получило известную оперативно-хозяйственную самостоятельность, выразившуюся в наличии самостоятельного баланса и отчетности, в праве распоряжаться частью полученной от производства экономии и в известной независимости по отношению к тресту в вопросах своей текущей производственной деятельности.

В целом этот закон говорит о том, что социалистическая промышленность уже овладела к этому времени (и даже несколько раньше) тем этапом своего развития, когда в основном процесс восстановления был закончен, или почти закончен, и промышленность вступила на новую широкую дорогу социалистической реконструкции.

В сельском хозяйстве в эти годы наблюдается отмеченный еще XIII съездом партии процесс расслоения деревни, выражающийся в том, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные слои крестьянства, одновременно растет беднота. В связи с этими новыми явлениями в сельском хозяйстве решения всех партийных съездов и конференций и развернутые на их основе мероприятия направлены в эти годы на оказание всемерной помощи беднейшему крестьянству путем массового кооперирования трудового мелкого производителя, предоставления ему ряда льгот, организации материально-финансовой поддержки и т. д. В числе этих мероприятий могут быть названы учреждение всесоюзного фонда кредитования деревенской бедноты (СЗ 1926 г № 72, ст. 560), финансирование под залог хлеба маломощных крестьянских хозяйств в хлебозаготовительную кампанию 1925/26 г.

(СЗ 1925 г. № 50, ст. 379), предоставление крестьянскому населению льгот по землеустройству и переселению (СЗ 1926 г. № 61, ст. 455), ряд льгот по покупке с рассрочкой платежа с.-х. машин и орудий и т. д.

В области кооперативного строительства происходит в эти годы непрекращающийся рост существующих видов кооперации, укрепление их финансово-материальной базы и все более массовый характер, какой приобретают они. Наряду с этим имеет место рост новых видов кооперации (напр., жилищной) и разветвленного производственного кооперирования в сельском хозяйстве, охватывающего самые различные виды хозяйственной деятельности. Появляются мелиоративные, переселенческие, торфяные товарищества, лесные артели и т. д. В частности по линии с.-х. кооперации этот процесс вызвал необходимость обобщить итоги кооперативного строительства и установить в соответствии с его перспективами правовые основы для дальнейшего развития и укрепления кооперативной системы, с какою целью было издано 3 декабря 1927 г. взамен ранее действующих законов «Положение о с.-х. кооперации» (СУ № 109, ст. 736). Оно проникнуто принципами добровольности членства, выборности всех звеньев кооперации, широкого участия кооперированной массы в управлении и строго классовым подходом к составу членов кооперативных организаций.

V. Период социалистической реконструкции

Три исторические даты характеризуют в Советском союзе пути перехода от восстановления народного хозяйства к социалистической его реконструкции. Первая из них — XIV съезд партии, выдвинувший лозунг социалистической индустриализации, поставивший перед народным хозяйством задачу коренной переделки и преобразования нашей промышленности на новой технической основе. Вторая дата — XV съезд ВКП(б), принявший исторические решения о коллективизации сельского хозяйства и указавший, что «задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне» (из резолюции съезда). Наконец, третьей датой является XVI съезд партии, провозгласивший переход в развернутое социалистическое наступление по всему фронту, проведение сплошной коллективизации и ликвидацию на ее основе кулачества как класса.

Эти этапы социалистического строительства представляют грандиозную картину творческого подъема и производственного энтузиазма многомиллионной массы трудящихся Советского союза, успешно осуществляющих под руководством ленинской партии в ожесточенной борьбе с классовым врагом построение социалистического общества. Результаты этой борьбы характеризуются

прежде всего поистине колоссальными достижениями социалистической индустриализации. Она обеспечила перевес промышленности над сельским хозяйством, превратив Советский союз из страны *аграрной* в страну *индустриальную*. Она создала собственную основу в лице крупной машинной индустрии для завершения построения фундамента социалистической экономики. Она, закрепив и усилив ведущую роль в народном хозяйстве государственной промышленности, обеспечив грандиозный размах строительства совхозов и МТС, подвела прочную базу под социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Перевыполнение колхозной пятилетки уже в 1930 г. и дальнейший рост и укрепление колхозного строительства показывают, что крестьянская масса, убедившись в правильности лозунга коллективизации, выбрала из двух стоящих перед нею путей путь социализма, пошла в колхоз.

Тем самым разрешена самая важная и самая трудная задача превращения Советского союза из страны мелкого и мельчайшего земледелия в страну самого крупного земледелия на базе коллективизации, развертывания совхозов и широкого применения машинной техники. Достигнутые успехи в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства означают, что социалистические отношения в Советском союзе, опиравшиеся до недавнего времени почти исключительно на социалистическую промышленность, получают в лице совхозов и колхозов новую прочную основу в земледелии. Налицо абсолютный перевес социалистических элементов в народном хозяйстве, означающий, что *Советский союз, разрешив окончательно и бесповоротно проблему «кто — кого» как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, вступил в период социализма.*

В связи с гигантским размахом социалистического строительства резко изменилось соотношение классовых сил в стране. В результате социалистической индустриализации ликвидирована навсегда безработица, растут и крепнут ряды пролетариата, поднимается его материальный и культурный уровень. Крестьянин-середняк, в массе своей вступивший в колхоз, превратился из союзника в прочную опору советской власти. Социалистическое наступление по всему фронту вырвало почву для роста капиталистических элементов, которые быстро идут ко дну. Ликвидация кулачества как класса наносит им окончательный удар. Советский союз практически решает сейчас задачу уничтожения классов, устранения противоположности между городом и деревней, построения бесклассового общества. Осуществляется поставленная Лениным задача превратить «Россию нэповскую» в «Россию социалистическую». Эти крупнейшие достижения на фронте социалистического строительства, имеющие всемирно-историческое значение, достигнуты в результате твердого и неуклонного проведения *генеральной линии* партии в непримиримой борьбе с контрреволюционным троцкизмом, правым оппортунизмом как главной опасностью и «левым» уклоном.

На фоне развернутого социалистического строительства ярко выявляется то колоссальное значение, какое приобретает здесь государственное планирование. Еще XII съезд партии констатировал, что «в Советской России, где главные средства промышленности и транспорта принадлежат одному владельцу—государству, активное вмешательство последнего в хозяйственную жизнь должно по необходимости получить плановый характер и, ввиду господствующей роли государства как собственника и хозяина, плановое начало приобретает тем самым уже на первых порах исключительное значение».

Весь предшествующий период последовательного и организованного проведения пролетарским государством новой экономической политики, подготовивший и обеспечивший решающие успехи социалистического строительства, служит ярким тому подтверждением. Социалистическое планирование проявляло себя на прежнем этапе и в системе косвенного воздействия на товарное обращение, и в тех мероприятиях государственной власти, какие направляли развитие производительных сил страны в русло социализма, и, наконец, в актах непосредственного планового воздействия на систему государственного хозяйства. Итоги восстановительного периода, обеспечившие переход к социалистической реконструкции, возможны были лишь при наличии ведущей и решающей роли организованного планового начала, воздействующего на хозяйственное строительство. Бурный рост социалистических элементов и абсолютный их перевес в народном хозяйстве на данном этапе неизмеримо усилили и укрепили базу социалистического планирования, роль которого теперь колоссально возрасла. Самым ярким и замечательным фактом в этой области является утвержденный Советом народных комиссаров Союза 23 апреля 1929 г. пятилетний народнохозяйственный план на период 1928/29—1932/33 гг. (СЗ № 29, ст. 268) и одобренный затем постановлением V съезда советов Союза ССР 28 мая 1929 г. (СЗ № 35, ст. 311). Он представляет собою конкретную программу социалистического строительства, рассчитанного на ряд лет, и свидетельствует о неиссякаемых творческих возможностях организованной воли стоящего у власти рабочего класса, о решающем ее влиянии на весь ход построения социализма. Выполнение пятилетки в 4 года, а по некоторым отраслям и в более короткие сроки, дает все новые тому доказательства.

Крупнейшие успехи, каких добилось советское государство в эти годы в деле социалистического планирования, характеризуются, в частности, следующим. От системы развернутого планирования, роль которого теперь колоссально возрасла. Самым ярким шло постепенно к планированию всех других отраслей хозяйства, включая финансы, сельское хозяйство, социально-культурное строительство и даже вопросы научно-исследовательской работы. Наряду с этим плановое начало все более глубоко внедряется в планируемую область, захватывая работу всех звеньев данной отрасли хозяйства. План доводится сейчас до самой низовой ячейки — до цеха, станка и рабочего места включительно. Этому

процессу сопутствует и с ним неразрывно связано все большее возрастание и расширение охватываемых планом вопросов. План становится теперь развернутой системой конкретно разработанных мероприятий по главнейшим линиям производства и его реконструкции. Планирование все более и все теснее увязывается с текущей оперативной работой, приобретая необходимые черты конкретности. Задачи социалистической реконструкции народного хозяйства и неразрывно связанный с ними лозунг овладения техникой определили поворот работы плановых органов и всей системы планирования к вопросам техники и учета технических показателей, усилив натурализацию плановых показателей. Возрастание конкретно-оперативного характера планирования резко подняло удельный вес внутризаводского, межцехового и внутрицехового планирования, правильная постановка которого становится теперь одним из важнейших условий успешного развертывания социалистического хозяйства. В связи с экономическим районированием и созданием ряда крупнейших индустриальных и агро-индустриальных комбинатов возросло значение районного плана, который должен максимально увязать развитие различных отраслей хозяйства и культурного строительства в едином плане. Отсюда значение районно-комплексного метода планирования.

Наконец, нельзя пройти мимо того факта, что в систему соцпланирования, в самый процесс планового руководства производством вовлечены широчайшие массы трудящихся. Встречный промфинплан, планово-оперативные бригады, сквозные бригады— все это те новые формы планирования, которые создались и развиваются в результате активного включения в процесс социалистического строительства широких масс рабочего класса на базе их производственного энтузиазма, на базе социалистического соревнования и ударничества.

Эти достижения в системе социалистического планирования со всею наглядностью вскрывают принципиальные черты, свойственные нашему плановому началу, возможному только в условиях пролетарской диктатуры, только в условиях советского хозяйства. Они характеризуют социалистический план как единый мощный регулятор всей экономики Советского союза, охватывающий через разветвленную систему плановых мероприятий все поры нашего народного хозяйства.

План, будучи выражением организованной воли стоящего у власти рабочего класса, является *государственным* планом, выступает в форме плановых актов, имеющих обязательную силу, т. е. выступает в форме *правовой*. Централизованное начало, лежащее в основе всей системы социалистического планирования, особенно ясно подчеркивает недопустимость противопоставления плана праву, наличие неразрывной между ними связи, при которой право становится необходимой формой организованного воздействия планового начала на систему общественных отношений в ее движении и развитии. Конкретные законодательные акты в этой области могут быть разбиты на две в основном группы. Первая из них устанавливает и характеризует самую структуру

плановых органов, которая строится как взаимосвязанная в своих частях единая система. Законодательство в этой части разработано пока явно недостаточно. Большая и сложная работа по составлению конститутивных законодательных актов, уточняющих структуру плановых органов и регламентирующих взаимосвязь между ними, еще почти вся впереди. Достаточно сказать, что до сего времени не утверждено положение о Госплане Союза. Вторая из этих групп устанавливает порядок составления и прохождения планов, характеризует план в действии. Таковы постановление СНК Союза от 5 сентября 1928 г. о порядке ежегодного планирования промышленности Союза (СЗ № 57, ст. 508), постановление ЦИК и СНК Союза от 23 мая 1930 г. о едином финансовом плане (СЗ № 28, ст. 315), постановление СНК Союза от 1 марта 1931 г. об организации работ по планированию на 1932 г. и следующие годы, и ряд других актов, а также ежегодно утверждаемые контрольные цифры народного хозяйства. На основе этих законодательных актов установлены необходимые черты четкости и ясности планирования, обеспечено строгое соблюдение плановой дисциплины и привлечение к делу планирования широкой массы рабочего класса. Рост и укрепление планового начала и крупнейшие успехи в системе планирования не означают, понятно, что в плановой работе нет недостатков. Как констатировал пленум Госплана по докладу т. Куйбышева 16 мая 1931 г., в плановой работе наблюдается известная оторванность плановых органов от конкретной хозяйственной жизни, недостаточно систематическая работа над планом, чрезвычайная слабость в планировании техники, разобщенность статистики и первичного учета, недостаточная связь плановиков и местных плановых органов с массовым рабочим активом и т. д. Однако все эти недостатки, над устранением которых ведется большая и серьезная работа, отнюдь не умаляют и не принижают той колоссальной по своему значению реальной силы, каким является социалистическое плановое начало в Советском союзе.

С системой социалистического планирования неразрывно связан х о з р а с ч е т, ибо он является важнейшим методом выполнения плановых заданий пролетарского государства. Борьба за промфинплан есть поэтому в значительной мере борьба за хозрасчет, за его укрепление и внедрение во все звенья социалистического хозяйства. План и хозрасчет неразрывно связаны между собой по принципу единства содержания и формы. Хозрасчет — это самый метод выполнения плана, руководящий принцип хозяйственной оперативной работы, показатель ее достижений и недостатков, форма экономической проверки итогов хозяйственной деятельности. Он служит важнейшим рычагом в борьбе за дальнейшие укрепление и рост социалистического производства, улучшение качества продукции, мобилизацию внутренних ресурсов, снижение себестоимости и накопление прибылей.

Партия и правительство, учитывая эту огромную роль хозрасчета как важнейшего хозяйственно-политического метода управления социалистическим производством, уделяли ему в эти годы исключительное внимание. Важнейшими мероприятиями в

этой области являются, во-первых, проведенная в 1929 г. реорганизация системы управления промышленности, во-вторых, кредитная реформа 1930 г. и, в-третьих, последние мероприятия по развертыванию и углублению советской торговли. Каждое из этих мероприятий имеет свое самостоятельное значение и требует специального освещения.

Управление социалистической промышленностью строится в реконструктивный период на базе развернутой системы социалистического планирования и дальнейшего внедрения и укрепления хозрасчета как метода выполнения народнохозяйственного плана. Иными словами, оно опирается попрежнему на принцип демократического централизма, сочетающего обязательность актов планирования и строгую плановую дисциплину с хозяйственно-оперативной самостоятельностью. Однако и система социалистического планирования и начала хозрасчета не остались за эти годы неизменными. Они росли и развивались вместе с ростом и развитием социалистических элементов в народном хозяйстве, вместе с изменением хозяйственной обстановки в стране. Не могло поэтому остановиться и развитие системы управления промышленностью на той исторической зарубке, какую представляет собой декрет о трестах 1927 года. Дальнейший процесс развития системы управления промышленностью неразрывно связан с задачей—реконструировать социалистическое производство, упирается в вопросы рациональной его организации и усиления технического руководства. Для системы планирования эта задача означает возрастание оперативности планирования, все большее освоение планом вопросов техники и организации производства и тем самым предполагает доведение плана до первичного производственного звена и тесную увязку планово-регулирующих и хозяйственно-оперативных функций на началах организационного их объединения. Раскрывая себя в системе хозрасчета, принцип оперативности планирования требует по этой линии наделения хозяйственной автономией всех звеньев системы социалистического хозяйства и дальнейшего расширения их самостоятельности в пределах плана, т. е. дальнейшего внедрения и укрепления хозрасчета. В связи с этим все более выдвигается на первый план предприятие как низовое звено, непосредственно занятое производством.

Ответом на эти новые требования реконструируемой промышленности было постановление ЦК ВКП(б) от 5/XII 1929 г. о реорганизации системы управления промышленностью. Названным постановлением производственное предприятие признано центральной фигурой в промышленности, основным звеном в системе управления социалистическим хозяйством. В нем завязан теперь узел тех проблем, от разрешения которых по линии промышленности зависят темпы социалистической индустриализации, выполнение количественных и качественных показателей плана, успешное осуществление лозунга — догнать и перегнать передовые в технико-экономическом отношении капиталистические страны. По-

этому производственное предприятие уже не может более мириться с правовым статусом, установленным для него декретом о трестах 1927 года. Оно не может более работать в тесных рамках той куцой для него теперь автономии, какая выявляла лицо предприятия только внутри треста и только перед трестом.

Предприятие должно быть перестроено теперь от начала и до конца на базе последовательно проведенного хозрасчета, ибо, как указывает постановление ЦК, «хозрасчет выявляет лицо предприятия, способствует рационализации производства, правильной организации сбыта и снабжения и вызывает вместе с тем противодействие элементам бюрократизма и волокиты». В соответствии с этим постановление от 5 декабря 1929 г. подчеркивает, что предприятие должно иметь теперь самостоятельные баланс и отчетность, получает в свое распоряжение определенные средства, ежегодно предусматриваемые промфинпланом, и не может быть стесняемо в своей текущей оперативно-хозяйственной работе вышестоящими звеньями, если эта работа протекает в пределах, установленных планом. Основным показателем успешности работы предприятия должна стать разница между продажной и фактической себестоимостью при непременном условии выполнения требований о качестве вырабатываемой продукции. Иными словами, предприятие включается в реорганизуемую систему управления в качестве ее самостоятельного звена, оно становится хозрасчетным в точном смысле этого слова.

Хозяйственная самостоятельность предприятия как необходимая основа для организации производства на началах подлинного хозрасчета была затем подтверждена XVI съездом партии по докладу тов. Куйбышева (см. дальше) и уточнена I всесоюзной конференцией работников социалистической промышленности. Конференция подчеркнула, что хозрасчетная организация производственной работы предприятия неотделима от самостоятельных в пределах плана функций предприятия по сбыту своей продукции и снабжению сырьем, ибо предприятие не может быть устранено от непосредственного влияния на условия своей оперативной работы, оно должно само позаботиться о них. Эта хозяйственно-оперативная самостоятельность предприятия нашла свое юридическое выражение в праве предприятий самостоятельно вступать в договорные отношения по сбыту и снабжению. Договор становится действительным средством уточнения и конкретизации плана и через установление непосредственной связи между заказчиком и поставщиком должен обеспечить реальность исполнения, гарантировать необходимые темпы выполнения заказов, повысить качество изготовляемой продукции и снизить себестоимость. От принципа договорных отношений неотделима строжайшая ответственность предприятия за результат своей работы, и притом ответственность «своим» же рублем. Она является по сути дела оборотной стороной имущественной самостоятельности хозорганов и является важнейшим условием реального проведения хозрасчета. Где нет этой ответственности, там нет и хозрасчета. Достаточно вспомнить указание Ленина на то, что «тресты и предприятия на хозрасчете

основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за убыточность своих предприятий». Кредитная реформа 1930 г. (см. дальше) уточнила эту сторону в работе предприятия как хозрасчетного звена. Самостоятельность предприятия предполагает строгое проведение принципа единоначалия, на что было обращено особое внимание Центральным комитетом ВКП(б) в специальном постановлении по этому вопросу от 5 сентября 1929 г. ЦК ВКП(б) подчеркнул необходимость обеспечения твердого порядка управления, строгую размежеванность функций между административными, партийными и профсоюзными органами на предприятии и крепкой внутренней дисциплины на производстве.

Последовательное проведение начал хозрасчета в работе предприятия привело далее к соответствующей перестройке внутризаводских отношений. Эта перестройка заключается в том, что взаимоотношения предприятия со своими цехами и отделами определяются нарядом-заказом, в пределах которого цех (отдел) получает известную самостоятельность внутри предприятия, т. е. приближается в основном к положению производственного предприятия внутри треста по декрету от 29/VI 1927 г.

Реорганизация системы управления промышленностью выдвинула наконец в качестве важнейшего момента в работе предприятия принцип специализации. Он вытекает из необходимости концентрировать работу предприятия на технически определенном и более или менее однородном круге производственных операций, без чего невозможно овладение техникой и усиление технического руководства производством, т. е. невозможно разрешение основной задачи, стоящей перед системой управления промышленностью в период социалистической реконструкции.

В связи с системой управления предприятием нельзя не указать на ее неотъемлемую и характерную черту, заключающуюся в необычайно возросшей за последние годы самодеятельности и инициативы рабочей массы как непосредственного участника производства, Растущий творческий подъем производственной активности рабочего класса, развертываясь вокруг борьбы за промфинплан, выковал новые социалистические формы организации труда на производстве. Социалистическое соренование, охватывая мощной волной фабрики, заводы, рудники, стройки, совхозы и колхозы, становится выражением социалистически сознательного отношения к труду, которое превращается в дело чести, славы, доблести и геройства. Это новое отношение к труду находит свое выражение в хозяйски бережном обращении со средствами производства, сырьем и материалами. Оно обеспечило творчески смелый инициативный подход к реконструкции и улучшению производства, сделав рабочее изобретательство неотъемлимой частью трудового процесса. Творческая инициатива масс выдвинула новую высшую форму соцсоревнования—хозрасчетные бригады. Осуществляется наказ Ленина—«научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во

время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица— советского руководителя во время труда»[1].

В связи с этой новой ролью производственного предприятия постановление ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. перемещает центр тяжести работы вышестоящих звеньев управления промышленностью на задачи конкретного технического руководства предприятиями и технического их обслуживания. Выполнение этой важнейшей задачи возлагается названным постановлением на промышленные объединения.

Промобъединения — это новая организационно-хозяйственная фигура в системе управления промышленностью, возникшая и сложившаяся на базе синдикатской практики. Синдикаты, располагая важнейшими рычагами экономического влияния на трестированную промышленность через систему сбыта, снабжения и финансирования, фактически овладели через эти каналы и системой производства. При наличии трестов, осуществляющих ближайшее руководство производственной работой предприятий, синдикаты стали по отношению к ним в положение планово-регулирующих органов, освоив тем самым функции, формально лежащие на главных управлениях ВСНХ.

Продолжая оставаться организациями хозрасчетного типа, синдикаты объединили таким образом свои хозяйственно-оперативные функции с функциями планирования в масштабе всей данной отрасли промышленности. Объединение этих функций в единых руках синдиката создало прочную и конкретную базу для системы плановых мероприятий и сделало излишним существование главных управлений ВСНХ, которые по линии планирования делали параллельную работу, но не располагали для этого теми данными какие имел синдикат как хозяйственно-оперативная единица.

Таким образом важнейший принцип, извлеченный из синдикатской практики и положенный в основу работы промобъединений, заключается в том, что *плановое руководство* соответствующей отраслью промышленности *не отрывается теперь от хозяйственно-оперативной работы*, а *теснейшим образом организационно увязывается с ней на базе хозрасчета*.

В отличие от синдикатов, организованных в свое время для сбыта продукции и снабжения сырьем трестированной промышленности, промобъединения призваны для руководства в первую очередь *производством*. «Центральное место в работе объединения, — говорится в этом постановлении, — должно быть отведено руководству технико-производственной работой предприятий и трестов, входящих в их состав». К главнейшим функциям объединения относится планирование производства, планирование и руководство капитальным строительством, техническое руководство, организация сбыта и снабжения, руководство коммерческой и финансовой деятельностью, вопросы труда, подготовки и распределения кадров.

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 464.

Постановлением от 5/XII 1929 г. предусмотрено три типа объединений: объединения типа «А», охватывающие предприятия и тресты только союзного значения; объединения типа «Б», охватывающие предприятия и тресты как союзной и республиканской, так и местной промышленности; наконец, объединения типа «В», охватывающие предприятия и тресты только республиканского и местного значения.

Сосредоточение функций планирования и оперативно-хозяйственного руководства в едином органе, каким является объединение, несомненно представляет крупнейший шаг вперед. Он свидетельствует о возрастающей роли социалистического планирования и теснейшей увязке оперативной работы с плановыми заданиями вышестоящих органов.

Трест — когда-то основная форма организации промышленности — теряет на данном этапе свое прежнее значение и превращается в посредствующее звено между объединением и предприятием. Его работа сосредоточивается теперь на вопросах технического руководства, рационализации и реконструкции, функции же сбыта и снабжения от него, как правило, изъемлются.

В связи с этой реорганизацией системы управления промышленностью перестраивается и ВСНХ. Он сокращает область своего оперативного вмешательства по отношению к низшим инстанциям и сосредоточивает свое основное внимание на составлении производственно-финансовых планов развития промышленности и ее технической реконструкции и на увязке работы отдельных отраслей промышленности между собой. Главные управления ВСНХ после образования промышленных объединений упраздняются и их функции в основном переходят к промобъединениям. Таковы, кратко говоря, итоги реорганизации промышленности на основе постановления ЦК ВКП(б) от 5/XII 1929 г. Для реализации этого постановления ЦИК и Совнаркомом Союза от 13 февраля 1930 г. было предоставлено право ВСНХ учреждать с разрешения Совнаркома или СТО всесоюзные объединения для управления отдельными отраслями промышленности, разрешено было прекращать деятельность подведомственных ВСНХ трестов и государственных акционерных обществ, самостоятельно утверждать уставы объединений, устанавливать ориентировочный размер их уставных капиталов, определять структуру объединения, учреждать новые тресты общесоюзного значения и утверждать типовые положения о производственных предприятиях.

31/I 1930 г. Совнарком Союза констатирует, что работа по ликвидации главных управлений ВСНХ, комитетов ВСНХ и основной массы синдикатов уже закончена. Одновременно с этим Совнарком одобрил проводимую ВСНХ организацию ряда общесоюзных объединений для управления промышленностью. Подводя итоги этой работы и отмечая ряд недостатков в ходе перестройки управления промышленностью, XVI съезд партии исчерпывающе ясно изложил стоящие перед промышленностью задачи в этой области. «Разрешение поставленных перед промышленностью задач — говорится в резолюции XVI съезда — требует скорейшего

окончания реорганизации системы управления промышленностью, исходя из следующих основных принципов: а) обеспечения системы единоначалия во всех звеньях промышленности, б) обеспечения промпредприятиям максимальной самостоятельности и инициативы в деле выполнения плановых заданий, в) усиления технического руководства работой предприятий и г) устранения вредного параллелизма в работе хозорганов и упрощения всей системы планирования и управления промышленностью».

Решающее значение для последующей перестройки системы управления промышленностью имели 6 исторических указаний вождя партии тов. Сталина, сделанных им на конференции хозяйственников. Они представляют собою развернутую систему основных принципов управления социалистическим хозяйством, бьют по наиболее типичным, особо вредным недостаткам в нашей работе, в частности — по обезличке и уравниловке, и имеют огромное хозяйственно-политическое значение в качестве мощного организующего начала в деле перестройки всей работы и руководства ею по-новому. В непосредственной связи с этими указаниями перед руководящими органами промышленности стал вопрос о необходимости отказаться от построения промобъединений универсального типа, т. е. объединений, охватывающих руководство целою отраслью промышленности. Такого рода объединения лишены возможности удовлетворительно справиться с задачей технического руководства предприятиями и не в состоянии перестроить руководство по-новому, сделать его конкретным, увязать его с принципом специализации предприятий. Поэтому последующие шаги в области управления промышленностью идут по пути разукрупнения объединений по принципу специализации и территориального приближения объединений к своим предприятиям. 31 июля 1931 г. Совнарком Союза в своем постановлении о разукрупнении объединений ВСНХ СССР делает первый шаг в этом направлении, разукрупнив следующие объединения: ВОМТ, ВЭО, ПАРВОГДИЗ, Союзсельмаш, Станкоинструмент и Союзстройматериалы. В непосредственной связи с этим находится происходящее сейчас выделение из состава промобъединений сбытоснабженческих органов, организуемых в качестве самостоятельных хозрасчетных единиц. Их образование должно внести еще большую специализацию как в оперативную работу, так и в руководство ею, упорядочить сбытоснабженческие операции на основе хозрасчета и договорных отношений и еще в большей мере обеспечить объединениям возможность вплотную подойти к задачам технического руководства производством, ее дальнейшей реконструкции и рационализации.

Этот процесс разукрупнения объединений и охвата ими предприятий по принципу территориальной близости и специализации еще не закончен. Однако уже имеющиеся налицо итоги поставили на очередь вопрос о создании такого органа, который объединял бы деятельность различных, иногда довольно многочисленных объединений, действующих в данной отрасли промышленности. Таким органом является главное управление ВСНХ. В настоящее

время проводится создание ряда таких управлений. Основными функциями главных управлений являются подготовка и составление контрольных цифр годовых и квартальных, генеральных и перспективных планов развития данной отрасли промышленности и технического руководства деятельностью ее предприятий, руководство делом рационализации и механизации отраслевого хозяйства и ряд других вопросов, связанных с осуществлением планирования и общего руководства всем делом социалистической реконструкции отраслевого хозяйства, повышения качественных показателей его работы и выполнения количественных показателей, установленных планом.

Таким образом, к настоящему времени структура органов управления промышленностью строится сверху вниз следующим образом: главное управление, объединение, трест, предприятие. Разукрупнение объединений и перестройка их по территориальному признаку или принципу специализации ослабляет еще в большей мере роль и значение треста как посредствующего звена. Поэтому дальнейшая линия развития будет заключаться, видимо, в том, чтобы объединение, сохраняя в основном предоставленные ему функции, обеспечило бы непосредственную связь с предприятиями, заняв формально в структуре органов управления промышленностью положение треста.

Произведенная реорганизация управления промышленностью, обеспечившая принцип специализации предприятия и конкретное руководство производством, вызвала необходимость перестройки и самого аппарата ВСНХ. Постановлением от 5 мая 1932 г. (СЗ № 1, ст. 4) ЦИК и Совнарком Союза преобразовали Высший совет народного хозяйства Союза в общесоюзный Наркомат тяжелой промышленности, выделив из его ведения легкую, а также лесную и лесоперерабатывающую промышленность. Для руководства этими отраслями промышленности были образованы тем же постановлением объединенный Народный комиссариат легкой промышленности Союза и общесоюзный Наркомат лесной промышленности.

Принципы реорганизации системы управления промышленностью явились той основой, на которой вслед за промышленностью перестраивается затем в 1931—1932 гг. государственный сектор в сельском хозяйстве. Эта перестройка коснулась прежде всего низового звена — совхоза. Совхоз перестает быть теперь хозяйством универсального типа, а специализирует свою работу в определенной отрасли хозяйства. Во-вторых, в центре его работы ставятся вопросы агротехники, рационализации и технической реконструкции с.-х. производства, в связи с чем устанавливаются те лимиты, за рамки которых не может проводиться расширение посевных площадей (по зерносовхозам), увеличение поголовья (по животноводческим совхозам) и т. д. В-третьих, совхоз переводится полностью на хозрасчет с самостоятельным балансом и счетами прибылей и убытков.

По линии зерносовхозов такая перестройка произведена постановлением правления Зернотреста от 1/IV 1931 г., по линии

свиноводческих совхозов — постановлением треста Свиновод от 6/IV 1931 г. и т. д. Общие же директивы о переводе всех совхозов даны были в специальном постановлении коллегии НКЗема Союза от 28/III 1931 г. Тогда же (1/IV 1931 г.) совершается постановлением правления Трактороцентра перевод на хозрасчет МТС.

Одновременно с этим в 1931 г. реорганизуются и вышестоящие звенья совхозной системы на основе разукрупнения и строгой специализации с.-х. трестов. Так, например, бывший Зернотрест, объединявший до 207 зерносовхозов, объем продукции которых вырос за время 1929—1931 гг. в 20 раз, был разукрупнен постановлением коллегии НКЗема Союза от 25/VIII 1931 г. На базе одного Зернотреста создано 9 территориальных трестов союзного значения, объединяющих зерносовхозы по принципу приближения руководства к низовым звеньям и действующих на хозрасчете. В качестве органа НКЗема Союза по управлению, планированию, финансированию, снабжению и сбыту продукции зернотрестов было создано Зерносовхозобъединение. Аналогичная перестройка проведена затем и по линии Свиноводтреста, Овцевода и Скотовода.

Опыт реорганизации системы управления промышленностью дал возможность вплотную подойти и разрешить вопрос о перестройке на хозрасчетных началах железнодорожного транспорта. Еще в постановлении ЦК и СНК Союза от 12 июня 1930 г. (СЗ № 32, ст. 346) был сделан первый шаг по пути реорганизации управления железными дорогами. Правления железных дорог заменены были дирекциями, во главе которых поставлен был директор, действующий на основе единоначалия. Сама железная дорога была выделена в качестве самостоятельного хозяйственного органа НКПС, пользующегося правами юридического лица. Важнейшее значение для последующей перестройки ж.-д. транспорта имело затем обращение СНК Союза и ЦК ВКП(б) от 15 января 1931 г. о железнодорожном транспорте. Отмечая ряд серьезных достижений в работе ж.-д. транспорта, это постановление констатирует однако явное отставание транспорта и темпов его работы от бурно растущего социалистического хозяйства страны. СНК и ЦК ВКП(б) наметили этим постановлением ряд мероприятий, идущих по пути уточнения планирования и регулирования перевозок, и внесли коренные изменения в организационную реформу ж.-д. транспорта, проведенную НКПС в 1930 г. К числу этих мероприятий относятся закрепление за начальником станции функций технической и коммерческой эксплоатации, выделение основного и оборотного депо в самостоятельную хозяйственную единицу и подчинение его непосредственно району в целях правильной организации тягового хозяйства.

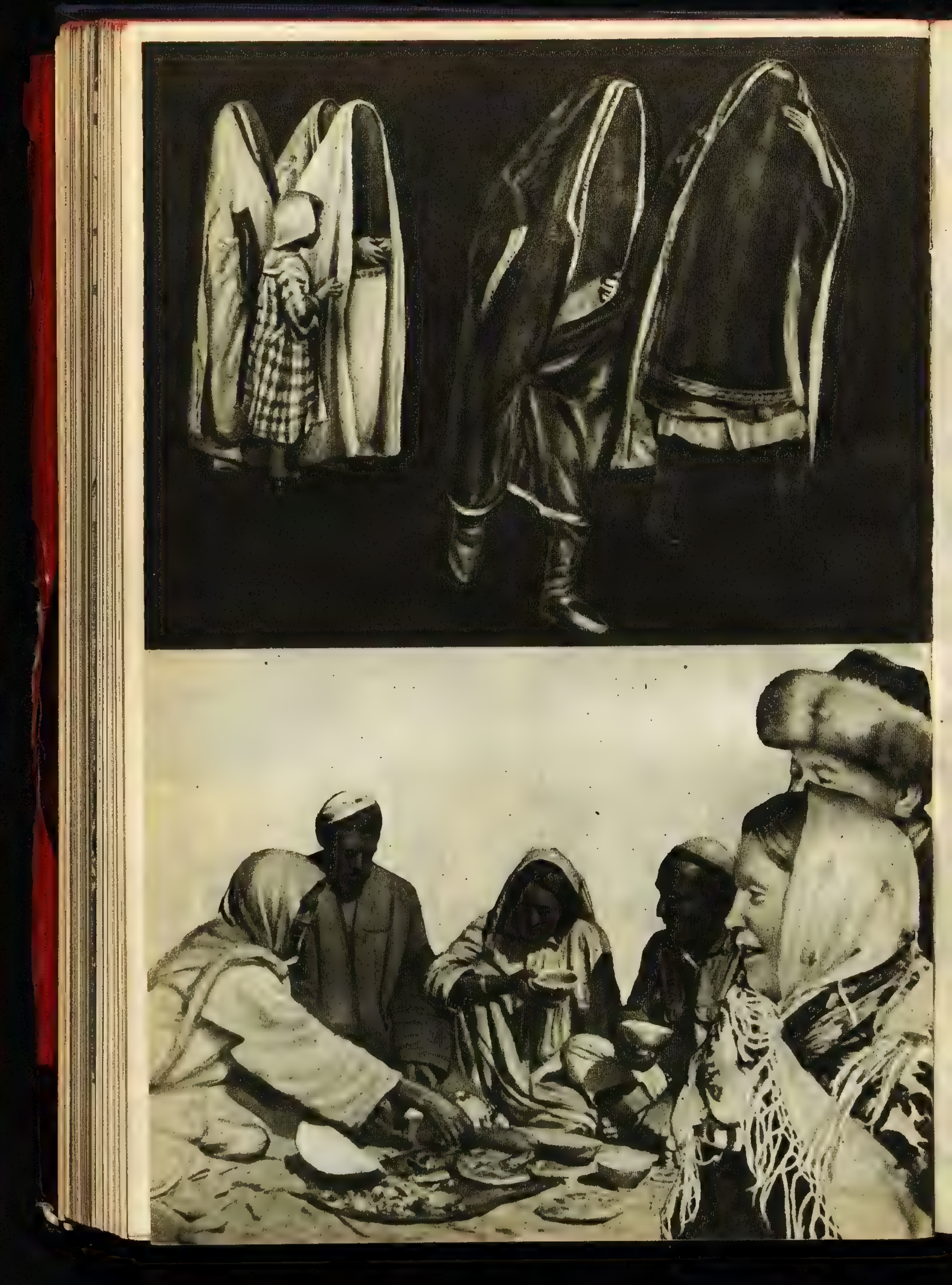
Тем же постановлением изменяется структура района, в который многочисленные группы, существовавшие в районном управлении, заменены были 6—7 отделами, функции которых приведены были в соответствие с функциями хозяйственных единиц внизу. Перестраивается и сам НКПС, в составе которого создаются самостоятельные управления в соответствии с управлениями дирек-

ций дорог. Наконец в 1932 году Совнарком Союза принимает 29 мая постановление о проведении хозрасчета на ж.-д. транспорте. Оно переносит опыт реорганизованной системы управления промышленностью на ж.-д. транспорт с учетом его особенностей. Реорганизация жел.-дор. хозяйства была проведена на следующих основах. Основной хозрасчетной единицей ж.-д. транспорта является дорога с самостоятельным законченным балансом. Доходы дороги поступают в ее распоряжение и из них покрываются все расходы по эксплоатации и капитальному ремонту. Все денежные расчеты между дирекциями дороги и хозяйственными объединениями транспорта производятся на договорных началах и через систему Госбанка на общих основаниях. Взаимоотношения финансовой системы транспорта с Госбанком перестраиваются на началах, обеспечивающих дороге широкую возможность увеличения своих доходов, пополнение собственных оборотных средств, хозяйственно-финансовую маневренную способность, т. е. создаются действительные условия для хозрасчетных отношений на дороге. На хозрасчетных началах перестраивается далее эксплоатационный ж.-д. район. Расчет с районом за выполненную им работу по перевозкам грузов и пассажиров производится дорогой исключительно в порядке оплаты счетов по заданной расчетной ставке. Полученная районом экономия в результате перевыполнения им объема работ, снижения себестоимости и превышения доходных поступлений используется районом на увеличение собственных оборотных средств или на иные нужды района. Дорога выделяет району собственные оборотные средства и регулирует их поквартально.

Хозрасчетные отношения между районом и депо регулируются нарядом-заказом, выдаваемым начальником района соответствующему депо. Расчет за работу депо производится исключительно в порядке оплаты счетов за выполненную работу по расчетной ставке. Так же, как и для района, для депо выделяются собственные оборотные средства, в его распоряжение поступает часть достигнутой экономии, депо даются права самостоятельных заготовок материалов децентрализованного снабжения и т. д. На аналогичных основаниях строятся взаимоотношения между районом и станцией. Таким образом все железнодорожные звенья перестраиваются на основании хозяйственно-оперативной самостоятельности в пределах трансфинплана и образуют собою единую систему железнодорожного хозяйства, организованного на началах хозрасчета.

В непосредственной связи с произведенной реорганизацией системы управления социалистическим хозяйством стоит *кредитная реформа* 1930 г., опиравшаяся на быстрые и все более возрастающие темпы развития социалистических начал в народном хозяйстве Советского союза и на достигнутый высокий уровень его планирования. Как известно, сущность этой реформы, проведенной постановлением ЦИК и СНК Союза от 30 января 1930 г. (СЗ № 8, ст. 98), заключалась в *замене коммерческого (вексельного) кредитования банковским*

и означала, что нуждающиеся в кредите предприятия и организации получают его, минуя неизбежные при товарном кредитовании посредствующие звенья, усложняющие пути прохождения кредита и планирование в этой области.

Однако, как констатирует Совнарком Союза в своем постановлении от 20/III 1931 г., в практике проведения кредитной реформы допущены были грубейшие извращения самих задач, поставленных реформой.

Эти извращения, будучи результатом, с одной стороны, совершенно неудовлетворительной подготовки к проведению реформы, а с другой — прямого вредительства, заключались в огульном кредитовании под план вместо кредитования отдельных хозяйственных сделок, в игнорировании принципа договорных отношений, в ослаблении этой формы контроля потребителя над поставщиком, в нарушении принципа хозрасчета, в обезличении прибылей и оборотных средств предприятий и т. д.

Все это в целом не могло понятно обеспечить осуществления поставленных кредитной реформой задач и привело к обратным результатам. Потребовался ряд постановлений правительства, где допущенные извращения были вскрыты и устранены, а наряду с этим намечены мероприятия, необходимые для приведения в действительное соответствие практики кредитования с задачами кредитной реформы. Постановлениями Совнаркома Союза от 14 января 1931 г. (СЗ № 4, ст. 52) и от 20/III 1932 г. (СЗ № 18, ст. 166) эта задача была разрешена путем внесения необходимых поправок и уточнений в кредитную реформу 1930 года. Кредитование, оставаясь и далее банковским кредитованием, осуществляется теперь на базе строгого проведения начал хозрасчета, принципа договорных отношений и контроля рублем. Выражением этих начал являются следующие важнейшие условия кредитования. Все государственные, хозяйственные и кооперативные органы устанавливают свои взаимоотношения по поставкам товаров, производству работ и оказанию услуг путем заключения соответствующих договоров в пределах данных им плановых заданий. Госбанк открывает кредиты предприятиям и организациям в пределах установленных для них лимитов, какие вытекают из заключенных предприятиями и хозорганами договоров.

Форма оплаты счетов (акцепт или аккредитив) ставит под контроль покупателя все расчеты с поставщиком, а самые расчеты не могут быть произведены Госбанком без согласия покупателя. Наряду с этими мерами, обеспечивающими контроль рублем, СТО в своем постановлении от 16 июня 1931 г., развивая принципы, положенные в основу поправок к кредитной реформе, дает поставщику право, при неоплате счетов из-за отсутствия у покупателя свободного кредита, приостановить исполнение предусмотренных договором обязательств, отказаться от сдачи покупателю той части товаров, которая была ему отправлена, но им не получена из-за отсутствия кредита, а также и той части товаров, отгрузка которых была приостановлена поставщиком по той же причине.

Все эти мероприятия, тесно увязанные с хозрасчетными принципами организации социалистического хозяйства, явились тем новым мощным фактором, который при помощи контроля рублем оказал сильнейшее влияние на укрепление и усиление плановой и договорной дисциплины и содействовал дальнейшему внедрению и развитию начал хозрасчета в социалистическом секторе народного хозяйства.

Отправной точкой для характеристики поземельных отношений реконструктивного периода являются постановления XV съезда партии, где коллективизация сельского хозяйства поставлена как центральная задача партии в деревне. Изданные в развитие решений XV съезда директивные указания ЦК ВКП(б) от 20/X 1927 г. дали необходимые конкретные установки для разработки «Общих начал землепользования и землеустройства». Этот важнейший законодательный акт, утвержденный IX сессией ЦИК Союза 15 декабря 1928 г., носит на себе все черты проводимой партией и правительством политики обобществления единоличного трудового землепользования и укрепления базы соцпроизводства в сельском хозяйстве. Через «Общие начала» красной нитью проходят три основных принципа: 1) пролетарская национализация земли, 2) защита интересов бедняцко-середняцких масс крестьянства и борьба с кулачеством, 3) обеспечение необходимых условий для расширенного воспроизводства социалистического сектора в сельском хозяйстве. Подчеркивая значение национализации земли как одной из основных предпосылок социалистического строительства, «Общие начала» вносят необходимую классовую диференциацию в вопросы землепользования и обеспечивают ряд конкретных мероприятий, направленных на дальнейший переход трудового крестьянского землепользования к обобществленным формам с.-х. производства. «Общие начала» прекращают практику выделения на хутора и отруба, устанавливают меры материального поощрения и всякого рода льготы производственному кооперированию и коллективизации, особо подчеркивая усиление руководящей роли сельсоветов в отношении земельных обществ как необходимое условие проведения политики партии в деревне. В этом законодательном акте устанавливается вместе с тем ряд дальнейших ограничений кулачества по линии аренды земли, применения наемного труда в сельском хозяйстве, землеустройства и т. д.

XVI партконференция, вновь останавливая свое внимание на вопросах производственного кооперирования с. х., подчеркивает переход от старых форм смычки между городом и деревней через товарооборот к новым производственным формам, которые должны стать преобладающими формами и обеспечить влияние государственной промышленности на с.-х. производство в целях его социалистической переделки. В решениях XVI партконференции обращено внимание, как на важнейшую практическую задачу, на организацию новых и укрепление старых совхозов и колхозов, на организацию МТС, развитие контрактации и на ряд других мероприятий, которые должны в целом разрешить важнейшую для

всего народного хозяйства зерновую проблему на базе крупного с.-х. производства.

Законодательные мероприятия в этой области идут по пути, намеченному партконференцией и пленумом ЦК ВКП(б) в июле 1928 г. Так, 1 августа 1928 г. ЦИК и СНК Союза принимается постановление об организации крупных зерновых советских хозяйств (СЗ № 48, ст. 421), исходя из необходимости усилить социалистический сектор с. х. на основе улучшения с.-х. техники и широкого применения машин и орудий с тем, чтобы этим путем довести товарную продукцию вновь организуемых совхозов до 100 млн. пудов в 1933 г. Организуемый согласно этому постановлению Зернотрест должен стать тем штабом, который возглавит грандиозное по своему размаху совхозное строительство. Тогда же учреждаются Овцевод, Скотовод, Сельхозснабжение и ряд других государственных органов, призванных вплотную подойти к разрешению социалистической реконструкции сельского хозяйства.

5 июня 1929 г. издается постановление СТО об организации машинно-тракторных станций (СЗ № 39, ст. 353), которое ставит целью использовать опыт работы МТС в совхозах им. Шевченко для широкого строительства МТС как одного из основных путей к переустройству индивидуального хозяйства в крупные коллективы. СТО предлагает тесно увязать организацию МТС с планом строительства совхозов и колхозов. Размеры этого строительства таковы, что уже в 1929—30 гг. МТС должны охватить не менее 1 млн. гектаров крестьянской пашни. Для осуществления программы строительства МТС создается Всесоюзный центр МТС (впоследствии Трактороцентр). Привлечение к этому строительству средств крестьянского населения, обслуживаемого МТС, ставится как важнейшее и необходимое условие строительства. 30 декабря 1929 г. Совнаркомом принимается по этому вопросу специальное постановление (СЗ № 2, ст. 16), где доля участия крестьянских средств в этом строительстве устанавливается в размере не ниже 25%. Позднее, 27 декабря 1930 г., Совнарком Союза разрешает в тех же целях Трактороцентру выпустить акции на сумму 250 млн. рублей и разместить их среди колхозов, с.-х. производственных объединений и единоличных бедняцких и середняцких хозяйств в районе действия МТС.

Эти мероприятия имели решающее влияние на дальнейший ход коллективизации с. х., чему в первую очередь способствовал быстрый рост тяжелой промышленности. Громадную роль здесь сыграло, в частности, развитие с.-х. машиностроения, продукция которого увеличилась только за 2 года в два с половиной раза, и в 1931 г. составляла по с.-х. машинам 768 млн. рублей против 400 млн. рублей 1930 г. и 207 млн. рублей 1929 г. «Годом великого перелома» для всего народного хозяйства, в том числе и для сельского хозяйства, был 1929 г. Если ко времени XV съезда партии в колхозах насчитывалось всего 286 тыс. хозяйств, или 1,1%, если в 1928 г. эти цифры выросли до 598 тыс. хозяйств, или 2,3%, то вторая половина 1929 г. вносит решительный сдвиг в дело коллективизации. В своем постановлении от 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б)

уже констатирует, что намеченные планом темпы развития колхозного движения оказались превзойденными, что колхозное движение сделало новый шаг вперед, охватив не только отдельные группы индивидуальных хозяйств, но и целые районы, округа и даже края и области, т. е. налицо процесс сплошной коллективизации. В связи с этим ЦК указал, что вместо первоначально намеченных по плану коллективизации 20% посевных площадей, коллективизация таких важнейших зерновых районов, как Нижняя Волга, Средняя Волга и Северный Кавказ, может быть в основном закончена уже осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г. ЦК ВКП(б) со всей серьезностью предостерег при этом против какого бы то ни было «декретирования» сверху колхозного движения, указав на опасность подмены действительного соцсоревнования по организации колхозов игрою в коллективизацию. Важнейшими политическими выводами, сделанными ЦК в этом постановлении в связи с происшедшим переломом в колхозном движении, являются далее признание в условиях сплошной коллективизации за с.-х. артелью значения основной формы колхозов и подтверждение перехода от лозунга ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса.

В непосредственной связи с этими указаниями 1 февраля 1930 г. издается постановление ЦИК и СНК Союза о мероприятиях по укреплению соцпереустройства с. х. в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством (СЗ № 9, ст. 105). Этим постановлением для районов сплошной коллективизации отменено было действие законов об аренде земли и применении наемного труда в крестьянских хозяйствах и разрешен вопрос о мерах борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и их выселения за пределы данного края и области. Все конфискованное у кулаков имущество, за исключением той его части, которой погашаются невыполненные кулацкими хозяйствами обязательства перед государством, обращается по этому закону в неделимые фонды колхозов, в качестве взноса бедняков и батраков, вступивших в колхоз. К тому же времени относится издание ряда важнейших законодательных актов и ведомственных распоряжений, ставящих целью обеспечить необходимую перестройку руководства соцреконструкцией сельского хозяйства и установить организационно-правовые основы для мощно развертывающегося колхозного строительства. Так, 7/XII 1929 г. пост. ЦИК Союза учреждается Наркомзем Союза (СЗ № 75, ст. 718), образование которого стоит в непосредственной связи с бурным ростом производственного кооперирования и коллективизации трудовых крестьянских хозяйств. 6 января 1930 г. Совнаркомом Союза регламентируются задачи Наркомзема (СЗ № 3, ст. 44), который должен возглавить социалистическое строительство в сельском хозяйстве. Тогда же образуется Колхозцентр. Крупнейшее значение имеет далее разработанный Колхозцентром и утвержденный Совнаркомом 1 марта 1930 г. примерный устав с.-х. артели. Этот

устав, отражая ленинские принципы добровольности в колхозном строительстве и широкой самодеятельности членов колхозов в организации и ведении обобществленного с.-х. производства, дал ответ на поставленные практикой колхозного движения вопросы о землепользовании, обобществляемых и необобществляемых средствах производства, о порядке и условиях приема в члены артели, об организации и оплате труда, управлении делами и т. д. Примерный устав с.-х. артели и ряд изданных в том же году разъяснений оказали непосредственное влияние на дальнейший рост колхозного движения и дали то необходимое и приемлемое для трудящегося крестьянина сочетание общественного и частного хозяйства, без которого середняк не пошел бы в колхоз.

Несмотря на четкие директивы, какие даны были ЦК ВКП(б) от 5/I 1930 г. в постановлении о темпах коллективизации и основных его принципах, в практике колхозного движения были допущены весной 1930 г. перегибы и извращения. Сущность этих ошибок сводилась: 1) к нарушению принципа добровольности в организации колхозов в погоне за высоким процентом коллективизации; 2) к нарушению указаний о необходимости учитывать в деле колхозного строительства разнообразие его условий в различных районах и 3) к перескакиванию через незавершенную базу развития колхозного строительства. Потребовались известные выступления тов. Сталина и указания ЦК ВКП(б), чтобы положить конец перегибам как результату «головокружения от успехов» и ликвидировать их последствия.

XVI съезд партии собрался, когда коллективизация сельского хозяйства, охватив все основные зерновые районы, уже достигла 40—45%. Съезд отметил те колоссальные, имеющие историческое значение достижения в деле обобществления сельского хозяйства, которые определили новую полосу социалистического строительства, переход в развернутое социалистическое наступление по всему фронту. XVI съезд партии вновь подчеркнул необходимость борьбы на два фронта со всякого рода искривлениями и искажениями генеральной линии партии в деле обобществления сельского хозяйства. Он еще раз подтвердил принцип добровольности коллективизации, указал на артель, как на основное звено колхозного строительства, отметил, что «форма колхоза должна соответствовать хозяйственным особенностям района и отраслям хозяйств» и подчеркнул, что переход на высшую ступень колхозного строительства может быть произведен при необходимых для того условиях, только на основе строгой добровольности. Наряду с этим XVI съезд выдвинул вопрос об укреплении дисциплины внутри колхоза, о самодеятельности членов колхоза и их непосредственном участии в управлении колхозом, о необходимости привлечения середняка к руководству в управлении делами колхоза и т. д. XVI съезд партии обратил особое внимание на меры поощрения и материальной помощи со стороны пролетарского государства колхозному движению. Съезд подчеркнул недопустимость игнорирования различия между колхозом и государственным предприятием. Наконец съезд уделил внимание единоличному землепользо-

ванию, указав на задачу вовлечения единоличников в колхозы, путем оказания им производственной помощи со стороны совхозов и колхозов.

Вся последующая полоса земельного законодательства развивается под знаком выполнения данных XVI съездом партии директив. Важнейшим законодательным актом в этой области является постановление VI съезда советов от 17 марта 1931 г. о колхозном строительстве. Подводя итоги колхозного движения и выявляя преимущества обобществленного производства перед единоличным хозяйством, VI съезд наметил ряд важнейших решений, направленных на укрепление материальной базы колхозов и внесение необходимой ясности в дело организационно-хозяйственного укрепления строительства колхозов. Этим постановлением предусмотрен отпуск сельскому хозяйству 120 тысяч тракторов, организация 1400 новых МТС, увеличение вдвое снабжения сельского хозяйства и колхозов с.-х. машинами, отпуск сельскому хозяйству около 145 млн. пудов удобрений, а также средств борьбы с вредителями и улучшенных сортовых семян. Наряду с этим колхозам и МТС отпускалось по госбюджету 1050 млн. руб. и, кроме того, 350 млн. рублей в порядке аванса посевщикам, контрактующим продукцию своего производства. VI съезд особо подчеркнул необходимость борьбы с такими главнейшими недостатками в работе колхозов, как подушный принцип распределения доходов, плохая организация труда в колхозах и т. д., и на основе решений XVI съезда ВКП(б) наметил дальнейшие конкретные задачи колхозного строительства.

Коренные изменения, внесенные колхозным движением в деревню, потребовали пересмотра и реорганизации колхозно-кооперативной системы. Необходимые общие установки были даны по этому вопросу в постановлении ЦК ВКП(б) еще 30 июля 1930 г. Исходя из них, Наркомзем Союза, Всесоюзный союз союзов с.-х. кооперации и Колхозцентр издали 23 августа 1930 г. свое постановление. Первичным звеном колхозной системы было признано этим постановлением коллективное хозяйство (артель, коммуна, ТОЗ), организованное на добровольных началах, а в качестве основной формы колхоза указана артель. Колхоз действует на основе устава, в соответствии с планами и программами, утверждаемыми вышестоящими колхозными звеньями, и организует свой управленческий аппарат на твердой смете, соблюдая строжайшую экономию в административно-хозяйственных расходах. Это постановление возлагает на колхоз, наряду с развитием обобществленных отраслей сельского хозяйства, организацию и оказание производственной помощи необобществленной части хозяйства членов колхоза.

Районным звеном является райколхозсоюз, объединяющий все колхозы, расположенные на территории данного района. Лишь в районах с крайне низким процентом коллективизации, в виде временной меры, допускается организация, вместо райколхозсоюза, автономных колхозных секций при районном коопсоюзе. На райколхозсоюзы возлагается этим постановлением планирование кол-

хозного строительства, руководство организацией обобществленного с.-х. производства и правильного использования колхозами обобществленных средств производства, руководство рациональным использованием рабсилы в колхозах и правильной организацией труда в них и т. д. В качестве республиканских, краевых и областных звеньев колхозной системы действуют одноименные колхозсоюзы, объединяющие и осуществляющие руководство колхозным строительством в пределах данной территориальной единицы. Наконец, этим постановлением предусмотрена организация Колхозцентра, на который возлагается как на всесоюзный центр планирование и руководство всем колхозным строительством в Советском союзе.

В связи с реорганизацией колхозной системы претерпевает существенное изменение и система с.-х. кооперации. Первичным звеном системы с.-х. кооперации признаются поселковые товарищества, специализирующиеся на тех отраслях хозяйства, для развития которых данная местность представляет наиболее благоприятные условия. В качестве районного звена этой системы действуют райкоопсоюзы, которые объединяются республиканскими, областными и краевыми союзами в соответствии со структурой, утверждаемой всесоюзными кооперативными центрами.

Следуя указаниям XVI партсъезда, это постановление максимально сокращает количество всесоюзных отраслевых центров, оставляя только Хлебо-животноводцентр, Свеклоцентр, Семеноводцентр, Льноконоплецентр, Садоогородцентр, Хлопкоцентр (впоследствии он реорганизован в два самостоятельных территориальных центра) и Колхозцентр. Постановлением СНК Союза от 11/III 1931 г. Союз союзов с.-х. кооперации ликвидирован. Руководство всесоюзными отраслевыми центрами с.-х. кооперации осуществляет, согласно этому постановлению в части организации с.-х. производства, Наркомзем Союза, а в части заготовительной работы—Наркомснаб Союза.

Помимо указанных важнейших законодательных актов был издан ряд имеющих существенное значение ведомственных распоряжений, частью апробированных затем в законодательном порядке. К числу их надо отнести постановление НКЗ и Колхозцентра от 12/VIII 1931 г. о примерном распределении доходов в колхозах и ряд других постановлений и разъяснений, направленных на организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

Процессу коллективизации сельского хозяйства сопутствует рост производственного кооперирования по линии кустарной промышленности и промыслов. Промысловая кооперация за первые два года пятилетки добилась существенных результатов, увеличив до 75% долю продукции, производимой в общественных мастерских, вытеснив с основных позиций мелкого предпринимателя-частника и заняв решающее положение в ряде отраслей кустарной промышленности, как это специально констатирует постановление Совнаркома Союза от 27 июня 1931 г. Несмотря на эти успехи промкооперация страдает рядом существенных недостатков, к числу которых относится слабое внедрение хозрасчета в низовые

звенья, отсутствие хозрасчета в верхних звеньях, чрезмерная централизация, ослабленная инициатива и самодеятельность кооперированных масс, ряд недочетов в постановке кооперативного производства и все еще наблюдающаяся засоренность отдельных звеньев в системе промкооперации чуждыми классовыми элементами...

Указанным постановлением Совнаркома особое внимание было обращено на обеспечение необходимой для промкооперации технической базы и на организационно-хозяйственное укрепление всех звеньев промыслово-кооперативной системы.

При всекоопромсоюзах организовано до 13 отраслевых синдикатского типа объединений в целях обеспечения через них необходимой специализации руководства, действительного внедрения хозрасчета и улучшения качества продукции, производимой промыслово-кооперативной системою.

Этот период характеризуется также изданием ряда конститутивных для промкооперации актов, имеющих целью внести ясность в правовое положение основных звеньев промысловой кооперации. Так, 26/V 1931 г. издается устав промыслово-кооперативной производственной артели, где предусматриваются цели и задачи артели, основные моменты ее деятельности, вопросы организации труда, состав артели, права и обязанности ее членов, средства артели, управление делами артели и т. д.

Постановлением ВСНХ Союза от 11/VII 1931 г. утверждается далее типовой устав всесоюзного объединения промкооперации. 26/IX 1928 г. Совнарком союза утверждает Положение о Всекопромсовете и 21/IV 1930 г. СТО издает постановление об учреждении комитета промкооперации и кустарной промышленности при СТО, на который возлагается содействие кооперированию кустарной промышленности, установление взаимоотношений промкооперации с геспромышленностью и другими кооперативными системами, согласование работы всех ведомств и организаций общесоюзного значения в области кустарной промышленности, и ряд других вопросов, относящихся к осуществлению руководства деятельностью промкооперации в общесоюзном масштабе.

В последнее время, в связи с развертыванием советской торговли и дальнейшей децентрализацией системы хозяйственного управления на важнейших участках социалистического строительства, промкооперация существенным образом перестроена постановлением ЦИК и СНК Союза от 23 июля 1932 г. Основными звеньями промкооперативной системы признаны артель, в качестве первичного кооперативного звена, затем межрайонный гнездовой или областной специализированный союз, наконец в союзных республиках и областях с широко развитыми кустарными промыслами создаются промкооперативные советы, которые так же, как и учреждаемые промкоопсоветы СССР и РСФСР, никаких оперативных функций не несут. Эти мероприятия вносят значительное упрощение в организационную структуру промкооперации, сокращая размер ее непроизводительных накладных расходов. Основное однако значение этого постановления заключается в том, что оперативные звенья промысловой кооперации получают широ-

кие права по заготовке сырья и материалов производства и по сбыту (см. дальше).

Важнейшее значение в деле завершения соц. реконструкции народного хозяйства имеет *советская торговля*, которая вопреки «левым» фразам о прямом продуктообмене и отмирании денег крепнет и развивается как необходимая хозяйственно-целесообразная форма связи между социалистической промышленностью и обобществленным в основном сельским хозяйством. Еще в обращении Совнаркома Союза, ЦК ВКП(б) и Центросоюза от 30 мая 1931 г. о потребкооперации было подчеркнуто, что «вытеснение частника и частной торговли еще не означает уничтожения всякой торговли, что наоборот, вытеснение частной торговли предполагает всемерное развитие советской торговли и развертывание сети кооперативных и государственных торговых организаций по всему Союзу». XVII партконференция вновь указала на развертывание советского товарооборота и проведение принципа хозрасчета во всей хозяйственной работе, как на важнейшее средство укрепления материальной базы всего социалистического строительства.

Советская торговля на современном этапе имеет, по сравнению с предшествующим периодом ее развития, существеннейшие особенности и отличия, определяемые в конечном счете тем, что «по-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о колхозах, об экономике переходного периода» (Сталин). Колоссальные изменения, внесенные в нашу экономику всем ходом социалистического строительства под твердым руководством ленинской партии, существенным образом меняют сейчас и лицо нашего рынка. Советский рынок сегодня не тот, каким он был вчера. На нем встречаются сейчас, с одной стороны, не знающая конкурентов мощная социалистическая промышленность, а с другой, в основном—непрерывно растущая новая сила деревни—масса колхозников и их объединений. Советская торговля развертывается сейчас в той новой обстановке, когда проблема «кто—кого» уже разрешена окончательно и бесповоротно в пользу социализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Она развертывается при том новом соотношении классовых сил, когда основная масса крестьянства прочно стала на путь социализма и объединилась в колхозы, когда на базе сплошной коллективизации завершается ликвидация кулачества как класса. Советская торговля приобретает в этих условиях качественно новые черты, она является организующим началом в сфере производства и обмена, прежде всего и в основном, внутри социалистического сектора, ибо он абсолютно преобладает сейчас в народном хозяйстве, она характеризуется сейчас дальнейшим возрастанием планового начала в системе товарооборота.

Партией и правительством уделяется в последнее время особенное внимание развертыванию советской торговли. К числу мероприятий в этой области нужно прежде всего отнести постановление СНК Союза и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. о плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом (СЗ № 31, ст. 190). Постановление констатирует, что, на основе

победы колхозной и совхозной системы хозяйства над системой единоличного хозяйства и разгрома кулацких элементов в деревне, Советский союз достиг такого развертывания зернового хозяйства, которое, наряду с непрерывным ростом промышленных товаров, увеличивает возможности развертывания колхозной торговли. В связи с этим советская власть получает возможность, наряду с методом государственных хлебозаготовок, практиковать как способ снабжения городского населения другой метод, метод торговли хлебом самими колхозами и колхозниками. В целях осуществления этой задачи, сочетания хлебозаготовок с колхозной торговлей, план хлебозаготовок по колхозам и единоличным хозяйствам уменьшен этим постановлением по сравнению с 1931 г. на 264 млн. пудов. Тем самым колхозы, колхозники и единоличные трудовые хозяйства получают новые возможности для увеличения товарного выхода своей хлебной продукции. 10 мая с. г. СНК и ЦК ВКП(б) принимает аналогичное постановление о плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозников и единоличных трудящихся крестьян (СЗ № 33, ст. 195), которым план скотозаготовок по колхозам и хозяйствам колхозников и единоличников уменьшен вдвое. Беспрепятственная продажа излишков своего хлеба и скота колхозами, колхозниками и трудящимися-единоличниками по ценам, складывающимся на рынке, должна увеличить материальную заинтересованность колхозников в результатах своего труда, поднять их производственную активность и укрепить материально-финансовую базу колхозного строительства. Оба названных постановления подчеркивают недопустимость каких бы то ни было ограничений колхозной торговли и необходимость содействия ей со стороны местных органов власти. Дальнейшим развитием этих мероприятий по укреплению и развитию советской торговли явилось постановление ЦИК и СНК Союза о порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю с.-х. продуктами (СЗ № 38, ст. 233). Этим постановлением отменены все существующие как республиканские, так и местные налоги и сборы с торговли колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян продуктами своего с.-х. производства, воспрещено взимание местного разового сбора с торговли с рук с.-х. продуктами и установлено, что доходы колхозов и колхозников от продажи на рынке продуктов с.-х. производства не облагаются с.-х. налогом. Наряду с этими мероприятиями ЦИК и СНК Союза поставили в качестве важнейшей задачи искоренение частников и перекупщиков-спекулянтов, пытающихся использовать колхозную торговлю в целях своей наживы.

В непосредственной связи с задачей развертывания советской торговли стоит постановление ЦИК и СНК Союза от 23 июля 1932 г. о перестройке работы и организационных формах промкооперации. Этим постановлением промкооперации предоставлено право беспрепятственной и повсеместной заготовки для нужд своего производства различных видов сырья, за исключением отдельных его видов, а также право заготовки всякого рода утиля, отхо-

дов и отбросов, право закупки на госпредприятиях, годных для переработки отходов на основе заключения специальных договоров. Одновременно с этим постановление дает артели право непосредственно продавать изготовляемую ею продукцию из сырья своей заготовки на рынках, базарах, а также государственным и кооперативным организациям. Отменяется система централизованных обязательных заказов. Вместо них вводится такой порядок, при котором государственные и кооперативные организации сдают свои заказы, изготовляемые из давальческого сырья в порядке добровольного обоюдостороннего хозяйственного соглашения. Продукция, изготовляемая артелью из сырья, отпускаемого государством, продается звеньями промкооперации соответствующим государственным и кооперативным торгующим организациям. Устанавливается далее, что товары ширпотреба, вырабатываемые из собственного сырья, реализуются промкооперацией по ценам, складывающимся на рынке, а цены на продукцию, изготовляемую промкооперацией в порядке заказа для гос.- и коопорганизаций — из сырья, отпускаемого по государственным ценам, устанавливаются в порядке договоров с заказчиками. Артель получает право свободного распоряжения своими оборотными средствами и имуществом. Банковский кредит децентрализуется и открывается непосредственно артели, товариществу и союзу. Разрешается авансирование промкооперативов со стороны заказчиков. Отменяется практика обязательных отчислений как на содержание вышестоящих звеньев, так и на всякого рода культурные и общекооперативные мероприятия. В целом это постановление дает мощный толчек развертыванию производственной работы промкооперации и укреплению советского товарооборота.

Перестройка системы потребкооперации применительно к задачам развертывания советской торговли была произведена еще в 1931 г. на основе упомянутого уже обращения СНК Союза, ЦК ВКП(б) и Центросоюза о потребительской кооперации. В целях лучшего обслуживания потребителя и упрощения руководства делом снабжения потребителя и ускорения товарооборота, были созданы на основе специализации торговой сети оптовые отраслевые всесоюзные объединения при Центросоюзе, действующие на хозрасчете и одновременно с ними республиканские, краевые и областные объединения розничной торговли, организованные на началах хозрасчета. Иными словами говоря, для перестройки верхних звеньев системы потребкооперации, были использованы те организационные формы, какие дала уже реорганизованная система управления промышленностью. В системе потребкооперации одновременно созданы производственные объединения по ряду отраслей, связанных с делом снабжения потребителя. Сосредоточивая работу потребкооперации на ее основных задачах — потребительского снабжения через развертывание советской торговли, это постановление разгрузило потребкооперацию от ряда не свойственных ей функций, изъяв промышленность, пошивочные мастерские, парикмахерские и прачечные из системы потребкооперации.

Отменяется практика нормирования продажи промтоваров и их бронирование, за отдельными исключениями, и устанавливается правило, по которому главная масса товаров должна сбываться через кооперативную розничную сеть. В целях специализации обслуживания потребителя при Центросоюзе создаются в качестве автономных секций рыболовецкая, секция лесоразработок и лесосплава и секция торфоразработки.

Таковы мероприятия партии и правительства в деле развертывания советского товарооборота. Широко организованная советская торговля должна усилить мобилизацию внутренних ресурсов промышленности, обеспечить подъем производственной активности колхозов и колхозников, увеличить продукцию сельского хозяйства, дать добавочное сырье нашей индустрии, в большей мере улучшить снабжение рабочего класса и трудящихся масс деревни, и тем самым укрепить базу всего нашего социалистического строительства.

Советская торговля становится таким образом важнейшим рычагом в деле роста и укрепления производственной базы социалистического строительства.

Развитие советской торговли выдвигает в качестве актуальной проблемы развитие и укрепление договорных отношений. Эти отношения представляют на данном этапе существенные отличия по сравнению с отношениями в восстановительный период нэпа. Определяющим для них моментом является резко возросшая роль планового начала. В соответствии с нею появившаяся еще в первые годы нэпа новая фигура — плановый договор — становится на данном этапе характерной формой хозяйственной связи внутри социалистического сектора и в первую очередь — во взаимоотношениях между государственными предприятиями. Вместе с тем, существенно меняется роль гражданского договора. Из формы связи по преимуществу между частными лицами, каким он был в первый период нэпа, гражданский договор превращается теперь в условиях абсолютного преобладания социалистических элементов в важнейшую организующую форму советской торговли, форму связи по преимуществу между участниками того же социалистического сектора. Тем самым различия между плановым и гражданским договором теперь в значительной мере различия лишь в методах участия в обороте, в методах его организации. Налицо неизбежный, и по мере роста советской торговли все более усиливающийся, процесс сближения планового и гражданского договора. Он говорит о том, что и в целом советское хозяйственное право идет по тому же пути все большего сближения гражданского и хозяйственно-административного права, различия между которыми, в свою очередь, лишь различия в методах планирования хозяйственных отношений. Встает тем самым задача практически объединить, унифицировать наше хозяйственное законодательство в едином хозяйственном кодексе, который отразит новый этап социалистического строительства, непосредственно связанный с задачами второй пятилетки.

VI. Вторая пятилетка

Итоги первой пятилетки

Исходным пунктом для правильной постановки вопросов организации управления хозяйством и хозяйственного права во второй пятилетке должен быть анализ итогов победоносного строительства социализма в первой пятилетке. В результате успешного выполнения первого пятилетнего плана социалистический сектор прочно главенствует на всех решающих участках хозяйственного строительства. Вопрос «кто—кого» разрешен бесповоротно и окончательно в пользу социализма и против капитализма и в городе и в деревне. В 1933 г. на базе сплошной коллективизации завершается в основном по всему Союзу ликвидация последнего капиталистического класса в стране—кулачества. Процессы обобществления захватили все участки народного хозяйства. По всем основным показателям (продукция, народный доход, капиталовложения и пр.) доля социалистического сектора либо близка к 100%, либо обеспечивает социалистическому сектору не только ведущее, но и преобладающее положение.

В итоге «создана собственная база для завершения реконструкции всего народного хозяйства, база социалистической крупной машинной индустрии», той самой «великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов», о которой писал Ленин в 1921 г., рассматривая ее как основную предпосылку для построения полного, развернутого социалистического общества.

На данном этапе «по-новому ставятся вопросы о классах, о нэпе, о смычке» (Сталин). Господствующий класс — рабочий класс в Советском союзе — это уже «не пролетариат в прямом смысле слова, каким он был в капиталистическом обществе» (Молотов). Это строитель нового, социалистического общества, носитель государственной власти, руководитель трудящегося крестьянства на пути его социалистической переделки. Крестьянин-колхозник — не мелкий и мельчайший собственник-товаропроизводитель, он — прочная опора советской власти, строящий несмотря на бешеное сопротивление кулачества крупное социалистическое хозяйство, и верный союзник рабочего класса.

Капиталистические элементы идут ко дну. Вторая пятилетка выставляет уже как вполне реальную задачу «окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию». Поставить оборот между промышленностью и земледелием» в этих условиях означает сочетание государственной социалистической промышленности уже не с многомиллионной массой мелких, раздробленных частнособственнических крестьянских хозяйств, а с социалистическими же крупными сельскохозяйственными предприятиями.

Новая обстановка и новые условия хозяйственного строительства не означают прекращения классовой борьбы. Классовая борьба лишь принимает новые формы. Диалектика построения со-

циализма — в уничтожении классовой борьбы через ее обострение, неизбежное на отдельных участках и в отдельных районах социалистической стройки. Сохраняется и нэп (последняя его стадия) как система экономической политики, рассчитанная на борьбу социалистических элементов с капиталистическими и на победу социалистических элементов.

Неизмеримо возрастает роль и значение пролетарской диктатуры. Развернутое коммунистическое общество — общество безгосударственное. Но к уничтожению государства мы идем через его укрепление (Сталин). Задачи, стоящие перед пролетарским государством во втором пятилетии, необычайно сложны и многообразны. При этом функции организационные и функции по управлению народным хозяйством выдвигаются на первое место. Задача «налажения сложнейшей сети новых общественных отношений» становится центральной задачей пролетарского государства. Деятельность хозяйственных органов пролетарской диктатуры «заполняет собою всю деятельность нового организованного общества» (Ленин).

Основные принципы управления социалистическим хозяйством и советского хозяйственного права

Основные принципы управления народным хозяйством во втором пятилетии—это принципы, на которых базируется социалистическое хозяйствование. Советский союз окончательно утвердился на новом, социалистическом пути. Его ближайшая, обусловленная определенными сроками цель — построение бесклассового социалистического общества. Доказанная Лениным и Сталиным возможность построения социализма в одной стране, разгром последнего капиталистического класса, успехи социалистической индустриализации, укрепление позиций общественной (социалистической) собственности и преобладающая роль социалистического сектора в народном хозяйстве—все это предпосылки и гарантии возможности именно социалистического хозяйствования, базирующегося на принципах социалистической организации производства, труда и управления. Признание правильности этого положения не означает, однако, необходимости немедленного отказа от всякого использования приемов, способов и методов хозяйствования вчерашнего исторического дня, известного использования капиталистических методов и приемов. Даже построив полное социалистическое общество, мы будем иметь дело «с коммунистическим обществом не в том виде, в каком оно развилось на своей собственной основе, а, наоборот, в каком оно только выходит из капиталистического общества, значит еще покрытом во всех отношениях — экономическом, нравственном, умственном — родимыми пятнами старого общества, из которого оно выходит». Это указание Маркса — лучшее предостережение по адресу всякого рода прожектеров, уравниловщиков, героев левой фразы. Даже такой до конца социалистический принцип, как вознаграждение

по количеству и качеству затраченного труда, социалистический: потому, что здесь «принцип и практика не ссорятся более, тогда как при товарном обмене обмен эквивалентов существует только в среднем, а не в каждом отдельном случае»[1]. Это—принцип подлинно социалистический, ибо он возможен только в обществе, в котором «никто не может дать ничего, кроме своего труда» и, с другой стороны, «ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления». И вместе с тем это—«принцип, тождественный с тем, который регулирует товарный обмен, поскольку последний есть обмен равноценности». Это—«буржуазное право», ибо оно «равное право» и одновременно «неравное право для неравного труда».

Точно так же применительно к советской торговле и деньгам ставил этот вопрос на XIV партсъезде Сталин: «...Дело в том, — говорил он, — что благодаря диалектике нашего развития функции и назначения этих инструментов буржуазии меняются принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму».

Так дело обстоит с любым из социалистических принципов организации труда и управления. Каждый из них может быть понят только в свете борьбы на два фронта: с теми, кто игнорирует новое качество организационного строительства социалистического хозяйства, кто не видит диалектического превращения капиталистических орудий хозяйствования в инструменты и рычаги социалистического строительства, с одной стороны, и с левацкими прожектерами, недооценивающими элементов «родимых пятен» в социалистическом обществе, только в муках классовой борьбы рождающегося из недр капитализма, с другой. Действительная история организационного строительства социалистического хозяйства дает десятки примеров осуществления ленинской генеральной линии партии и на этом участке социалистического строительства в ожесточенных боях.

В основе советского хозяйственного строя лежит общественная (социалистическая) собственность. Ее всемерное укрепление, охрана от покушений со стороны классовых врагов, рост ее значения—важнейшая задача на данном этапе. Во вторую пятилетку границы целых отраслей народного хозяйства совпадают со сферой общественной (социалистической) собственности.

Система управления народным хозяйством во вторую пятилетку должна строиться на основе ленинских принципов хозяйственного строительства. Центральная задача нового общественного строя—создание высшей производительности труда по сравнению с капитализмом. Ленинские принципы хозяйственного строительства—ключ к решению этой задачи. Из них на первое место должен быть поставлен учет и контроль. Ленинский учет и контроль, в переводе на язык сегодняшнего дня, это тот принцип «планового руководства», о котором говорил т. Сталин на XVI партсъезде, характеризуя советскую систему хозяйства. За

[1] К. Маркс. Критика Готской программы.

ним следует ряд других ленинских принципов. Это — осуществление в хозяйственной области начал своеобразного демократического централизма, иными словами совмещение начал централизованного руководства в основном, в главном, в решающем с максимальной самостоятельностью, инициативной самодеятельностью каждой клеточки народнохозяйственного целого. Это, далее,—широчайший разворот трудового соревнования как между трудящимися, так и между бесчисленными «производительно-потребительскими коммунами», какими являются каждая фабрика, каждый завод, совхоз, колхоз, деревня. Это — сочетание буйного митингового демократизма всей массы трудящихся с железной дисциплиной, единоначалием и беспрекословным повиновением распоряжениям советского руководителя во время труда. Это—последовательное применение принципа вознаграждения по количеству и качеству затраченного труда. Это, наконец,—незыблемость диктатуры пролетариата с ее методами насильственного подавления осколков эксплоататорских классов, неустойчивых элементов среди трудящихся и принудительного воспитания к дисциплине.

Социалистическое планирование

Конкретно осуществление Ленинских принципов управления хозяйством во вторую пятилетку означает, в первую очередь, ряд сдвигов и мероприятий в области организации социалистического планирования. Планирование—основа социалистического хозяйствования. Советская система хозяйства характеризуется принципом планового руководства, базирующегося на общественной (социалистической) собственности, в первую голову на пролетарской национализации средств производства. С момента Октябрьской революции социалистическое планирование сделало огромные успехи. От первых несовершенных и робких попыток планирования работы отдельных национализированных предприятий и групп предприятий в 1918 году—к единому всеобъемлющему, рассчитанному на ряд лет народнохозяйственному плану Гоэлро, от Гоэлро—к контрольным цифрам и к первой пятилетке, от успешного досрочного выполнения первой пятилетки—к работе над вторым планом великих работ, в результате осуществления которого должно быть построено бесклассовое социалистическое общество; таков путь достижений социалистического планирования за 15 лет Октябрьской революции.

В течение второй пятилетки планирование окончательно становится основой, на которой строится система управления народным хозяйством. Известная формула XVI партийной конференции о «децентрализации оперативных функций при одновременной централизации планирования и руководства в основных вопросах» сохраняет свое значение. Но ее упор в части централизации переносится на указание «в основных вопросах». Вспомним известную ленинскую формулировку: «Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается мно-

гообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления контроля»[1]. Высшие органы осуществляют конкретное руководство крупнейшими объединениями и трестами, планируя основные линии их хозяйственной деятельности. Объединения и тресты планируют работу предприятий; важнейшие рычаги оперативного руководства цехами со стороны предприятий — утверждение цеховых техпромфинпланов, выдача нарядов-заказов, проверка планов на ходу в процессе выполнения, корректирование установленных плановых заданий и т. д. Ибо «составление плана есть лишь начало планирования, настоящее плановое руководство развертывается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана»[2]. Под этим углом зрения формула XVI партконференции для второй пятилетки должна звучать несколько по-новому. И децентрализуется и централизуется в обоих случаях планирование. Но централизуется «в основных вопросах», децентрализуется же в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу и т. д.

В 1928 г. т. Сталин предупреждал от переоценки роли планового начала, от того, чтобы считать, будто «мы достигли той степени развития, когда имеется возможность планировать и регулировать все и вся»[3]. С тех пор создан мощный совхозно-колхозный сектор, не говоря уже о решающих успехах в сфере промышленного производства. Возможности непосредственного планового руководства в связи с этим выросли необычайно. Но они еще более возрастут во второй пятилетке, вместе с дальнейшим укреплением позиций социалистической собственности. Оперативность планирования возрастет. Директивные моменты в планировании усилятся. Степень охвата плановым началом хозяйственных процессов в народном хозяйстве СССР также вырастет. Так, несомненно будет планироваться стройиндустрия как таковая, как отрасль народного хозяйства, а не только размер капиталовложений; будет планироваться деятельность торговой сети, а не только распределение товарной массы и т. д. Но самые методы и приемы планирования, а в связи с этим и организация планирования претерпят несомненно ряд изменений.

Прежде всего должны усилиться технические моменты в планировании. Задачи технической реконструкции — важнейшие во втором пятилетнем плане. Вторая пятилетка реализует директиву «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны» по ряду отраслей народного хозяйства. Это повлечет за собою выдвижение на передний план элементов технической реконструкции в самом содержании актов планирования. Более четкое и точное планирование мощностей и загрузки предприятий, планирование технических сдвигов, изменений в технологических процессах, в методах обработки, использовании сырья, внедрении новых приемов произ-

[1] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 166.
[2] Сталин. Отчет на XVI партсъезде.
[3] Сталин. На хлебном фронте.

водства и т. д. займет почетное место в плановой работе. Промфинплан отдельного предприятия и ныне насыщается в достаточной мере техническими моментами. На смену старого промфинплана идет техпромфинплан. Эта тенденция должна пронизать всю плановую работу снизу доверху. На этот путь фактически уже вступил Госплан СССР, подчеркивающий значение вопросов технической политики в социалистическом планировании на данном этапе. С организационной стороны реализация этой тенденции должна привести к еще большей увязке низового планирования работы отдельного предприятия с народнохозяйственным Госплановским планированием. Принцип «от станка до Госплана» характеризует систему социалистического планирования, основанного на единстве социалистической собственности. Последовательное проведение этого принципа — лучшее орудие для создания условий действительного конкретного руководства и поворота высших органов управления хозяйством лицом к предприятию.

Но параллельно должен итти и другой процесс освобождения управляющих органов от плановой мелочи и «вермишели», процесс ликвидации недопустимого вмешательства их в сферу оперативной самостоятельности предприятий и хозяйственных организаций, процесс «усиления хозяйственной инициативы фабрик, заводов и отдельных цехов» (из резолюции XVI партконференции). Не секрет, что сейчас конкретное руководство предприятиями со стороны наркоматов принимает подчас форму мелочной опеки и дергания. Нормальны ли факты регулирования сортамента проката в цехах металлургических заводов непосредственно соответствующим главком наркомата через голову объединения и треста? Нормальны ли факты непрерывного перераспределения фондов на другой день после их утверждения и спуска, многочисленные факты изменения и отмены хозяйственных договоров, хотя действуют и всеми должны строжайше соблюдаться директивы о договорной дисциплине и т. д. Вместе с ростом продукции и изживанием товарного голода, вместе с уточнением и рационализацией методов планирования все эти факты должны отойти в область преданий. Единство только в основном, в главном, определение в порядке планового руководства лишь решающих моментов хозяйственной деятельности предприятий с предоставлением в остальном самим предприятиям максимальных возможностей по развороту инициативы и самодеятельности—таковы должны быть новые приемы плановой работы во второй пятилетке. Одновременно должны шире использоваться методы косвенного планирования такие как стандартизация в области производства, нормирование цен и планы завоза в области планирования товарооборота и др.

Во вторую пятилетку огромные изменения происходят в экономической географии Советского союза. Ходом социалистического строительства проблема размещения производительных сил поставлена как одна из центральных задач данного этапа. Во вторую пятилетку размещение производительных сил будет напра-

вляться социалистическими принципами: «равномерного распределения крупного производства по всей стране» (Энгельс), «рационального размещения промышленности с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда» (Ленин), «создания условий для полного устранения противоположности между городом и деревней» (XVII партконференция). Это означает одновременно максимальное использование новейших наиболее рациональных методов организации производства: специализации, кооперирования и комбинирования.

В условиях монополистического капитализма, давшего ряд образцов специализации, кооперирования и комбинирования, эти передовые методы организации производства не могут получить полного развития. Они сжаты в тисках частной собственности. Условия конкурентной борьбы ставят жесткие рамки их распространению. Специализация находится в постоянном антагонизме с кооперированием и его высшей формой — комбинированием. В условиях социалистического хозяйства специализация и кооперирование должны получить широчайшее применение.

Комбинат во втором пятилетии выдвигается в качестве преобладающего типа социалистического предприятия. Тем самым становятся необходимыми ряд изменений в методологии, а вслед затем и в организации плановой работы.

Преобладающее значение получает районно-комплексный метод планирования. Это значит, что в качестве объектов плановых мероприятий должны браться не изолированные отрасли производства или предприятия, а те же производства и предприятия, в сочетании со всей совокупностью связанных с ними и обусловленных ими производств. В отношении территориальной единицы этот метод означает «необходимость нахождения такого варианта развития района, который бы давал наиболее эффективное народнохозяйственное применение всей (или предельно большой) совокупности производственных возможностей его, а не какой-либо (хотя бы в отдельности и показывающей высокий эффект) одной из них»[1].

Но система планирования неотделима от системы управления народным хозяйством. Поэтому переход на районно-комплексное планирование повлечет за собой изменения в системе хозяйственного управления. Изменения должны пойти по линии усиления территориального момента в организационной схеме различных отраслей и по линии проникновения элементов комплексности в деятельность высших органов хозяйственного руководства. Этим не снимается полностью принцип специализации и отраслевого планирования. Но выставляется требование его сочетания с принципами районно-комплексным и территориальным. Практика последних полутора лет вступила отчасти на указанный путь. Отраслевые всесоюзные объединения разбиты (разукрупнены) на ряд более мелких трестов. Разукрупнение произведено не только

[1] Капитонов. Тезисы доклада в ИССИ Комакадемии «О размещении производительных сил во втором пятилетии и о комплексном методе планирования».

по признаку дальнейшей специализации, но в пределах соответствующих отраслей—и по признаку территориальному (лес, уголь, нефть, металлургия, кокс, строительство, хлопчато-бумажная промышленность, зерносовхозы, ряд отраслей государственного животноводства, водный транспорт и т. д.).

При колоссальных и все растущих масштабах производства не только отраслевое, но внутри отрасли и территориальное разукрупнение—единственное средство наладить действительно конкретное руководство. Этого мало. Планировать и управлять гигантскими предприятиями-комбинатами нельзя из многочисленных, несвязанных друг с другом отраслевых центров. Поэтому Магнитогорский комбинат, сочетающий металлургическое производство с коксом, химией и рядом других, за ним Кузнецкий комбинат и т. д. изъемлются из состава соответствующих объединений и подчиняются непосредственно наркомату. Равным образом исключаются из подведомственности строительным объединениям и подчиняются непосредственно наркомату (по тому или иному главку) крупнейшие стройки. Некоторые из последних мероприятий в области организации производства и управления на стройплощадках, мероприятия, приводящие к ограничению оперативных полномочий специализированных строительных организаций в пользу общестроительных, идут по той же линии. Явление того же порядка —организация института уполномоченных в республиках, областях и краях не только общесоюзными хозяйственными наркоматами (Наркомвнешторг, Наркомтяжпром, Наркомлес), но и объединенными (Наркомлегпром) с правами и компетенцией по увязке в территориальном разрезе деятельности всех хозяйственных организаций данной системы, независимо от подчиненности.

Вторая пятилетка несомненно принесет дальнейшее усиление и углубление этих тенденций.

Советская торговля как форма организации хозяйственных связей во второй пятилетке

Планирование охватывает не только так называемые «отношения по вертикали»: прямое или косвенное воздействие со стороны планово-регулирующих и управляющих органов на хозяйственную деятельность предприятий — непосредственно-хозяйствующих единиц, но также вопросы организации хозяйственных связей этих единиц друг с другом («отношения по горизонтали»). Вопросы организации хозяйственных связей—вопросы первостепенной важности: без решения их повиснет в воздухе вся проблема организации управления народным хозяйством в целом.

В период военного коммунизма сознательно игнорировали эту сторону проблемы; точнее, отрицали за ней право на самостоятельное существование, отказывались видеть в ней своеобразные моменты, требующие особого подхода и особого решения. Неизменно считалось, что вне санкции соответствующего «ближайшего органа высшего управления» (выражаясь языком постановлений

I съезда совнархозов) нет места для непосредственных хозяйственных взаимоотношений предприятий или объединений друг с другом. Даже наиболее радикальные проекты и решения, радикальные в смысле децентрализации и смягчения бюрократических крайностей действовавшей системы, не шли дальше ограничения числа «вышестоящих органов» и сужения круга инстанций, иерархически стоящих над предприятиями.

Таково решение VIII съезда советов о передаче основной массы промышленных предприятий в непосредственное управление местным органам. На изменение самого т и п а организации хозяйственных связей не пошло и это наиболее крайнее решение. Пойти на это—значило уже выйти за пределы военного коммунизма.

В восстановительный период нэпа взаимоотношения хозяйственных единиц строились по типу торговой связи с сохранением, конечно, принципа планового руководства хозорганизациями обобществленного сектора со стороны соответствующих органов. Степень интенсивности планового воздействия и оперативности планового руководства возрастала из года в год. Реконструктивный период (в особенности 1929—1931 гг.) принес с собою новые методы организации хозяйственных связей: централистическое построение снабженческих, сбытовых, распределительных аппаратов, широкое использование ордера и наряда при сохранении, однако, самого принципа торговой связи как основы взаимоотношений между хозорганами, бронирование, нормирование, жесткое фондирование (во внутрипромышленном обороте) и т. д.

Как должен быть поставлен вопрос в условиях второй пятилетки? В части организации п о т р е б и т е л ь с к о г о снабжения мы имеем совершенно четкий, не допускающий кривотолков ответ в решениях XVII партконференции. «...Только на основе развертывания товарооборота возможно обеспечить дальнейшее быстрое улучшение снабжения рабочих и трудящихся деревни промышленными товарами и продуктами сельского хозяйства, для чего, в свою очередь, необходимо всемерное расширение сети магазинов, лавок и всей торговой сети, с проведением необходимой технической ее реконструкции. Только на этой основе возможно подготовить отмену нормирования отпуска товаров и з а м е н и т ь с и с т е м у ц е н т р а л и з о в а н н о г о р а с п р е д е л е н и я р а з в е р н у т о й с о в е т с к о й т о р г о в л е й».

Таким образом, в этой области централизованное распределение начисто сдает свои позиции (в перспективе второй пятилетки) развернутой советской (т. е. плановой государственно-кооперативной) торговле.

Но как обстоит дело не с потребительским снабжением, а с п р о и з в о д с т в е н н ы м, с внутрипромышленным о б о р о т о м, со снабжением сельского хозяйства орудиями и средствами производства? Как здесь — также должны и будут торговать, перейдут полностью на методы развернутой советской торговли или останутся в той или иной степени при централизованном

распределении? Эти отношения замыкаются целиком в рамках социалистического сектора. Быть может именно поэтому надо для производственного снабжения сделать изъятие и сохранить в силе централизованное распределение (фондирование и др.)?

Тов. Куйбышев в докладе на XVII партконференции подчеркнул значение советской торговли как «формы осуществления народнохозяйственных связей». Это — общая постановка вопроса. Единственно возможный вывод из нее — в пользу универсального понимания торговли как всеобщего орудия организации общественного обмена веществ в социалистическом хозяйстве. Но эта точка зрения далеко не общепризнана. Она встречает возражения с разных сторон в духе ограничительного толкования решений XVII партконференции и нераспространения начал развернутого советского товарооборота на сферу, выходящую за пределы потребительского снабжения. В статье «Советская торговля и бесклассовое общество» т. Смушков пишет: «В крестьянском бюджете отмирает прежде всего покупка средств производства. Во второй пятилетке после завершения сплошной коллективизации мы будем иметь полное выпадение покупки средств производства, т. к. они при соответствующем обобществлении сельского хозяйства тоже будут обобществлены» [1].

Следовательно, 100% обобществление сельского хозяйства, завершение коллективизации равнозначно отмиранию покупки средств производства. Проблема советской торговли сводится к проблеме снабжения широкого рынка предметами личного потребления. В том же духе по существу, хотя не столь ясно по форме, высказывается т. Дукор: «Часто не понимают специфической особенности советской торговли. Те своеобразные отношения, которые складываются в сфере кооперативной и государственной торговли, чисто механически распространяются на отношения между предприятиями социалистической промышленности, просто отождествляя имеющие здесь место элементы товарно-денежной формы и договорных отношений с госторговлей, не видя своеобразия отношений между предприятиями последовательно-социалистического типа. При этом понятно, что хозрасчет, элементы товарно-денежной формы и договорные отношения определяются теми отношениями в нашем хозяйстве, которые обусловливают необходимость развертывания советской торговли, ибо наше хозяйство представляет собою единство со своеобразными противоречиями» [2].

По Дукору, таким образом, отношения между предприятиями социалистической промышленности — не госторговля. Здесь лишь «элементы товарно-денежной формы и договорных отношений». В чем же источник, причина, обусловливающие появление этих элементов? Цитированная статья относится к июлю 1931 г. Спустя год, в июне 1932 г., т. Дукор дает ответ на этот вопрос. «Опосредствование плана товарно-денежной формой вытекает из того

---

[1] «Эконом. жизнь» от 28/II 1932 г. № 73.

[2] «Эконом. жизнь» от 9/VIII 1931 г. № 160.

сочетания отдельных секторов в нашем хозяйстве, которое придает ему специфические черты переходной экономики»[1]. Иными словами, элементы товарно-денежной формы и договорных отношений присутствуют в социалистическом секторе потому, что в нашем хозяйстве—«сочетание отдельных секторов», т. е. кроме социалистического есть еще частный сектор. Поэтому-то стопроцентная советская торговля (не «элементы», а советская торговля, как таковая), может быть только там, где налицо стык двух секторов: обобществленного сектора если не с «частником», то с «частным лицом». Так как на данном этапе частное лицо, как правило,—это трудящийся потребитель (а в перспективе второй пятилетки других «частных лиц» вообще не будет), то сфера советской торговли в основном—это сфера потребительского снабжения. В области же производственного снабжения — своеобразные отношения, лишь с элементами товарно-денежной формы, сохраняющимися до поры до времени, постольку поскольку.

Точка зрения тт. Смушкова и Дукора не может быть принята. Она игнорирует новое, что несет с собою экономика социализма, и проходит мимо исторических обобщений теоретического порядка, зафиксированных в ряде последних партийных решений.

«...Вытеснение частника и частной торговли еще не означает уничтожения всякой торговли..., наоборот, вытеснение частной торговли предполагает всемерное развитие советской торговли...»[2].

Что это значит?

В аспекте большой исторической полосы это означает неразрывную связь социалистического хозяйства, уже преодолевшего частный сектор, т. е. «хозяйства, с полной победой социализма превращающегося окончательно в единый народнохозяйственный комплекс» с советской торговлей как «формой осуществления народнохозяйственных связей»[3].

Ибо вытеснение частной торговли, о котором говорит майское обращение ЦК,—это одновременно и лучший симптом происшедшего в стране свертывания частного производства, вытесняемого и ликвидируемого (в части капиталистической), и объединяемого и реконструируемого (в части мелкотоварной). Иначе и быть не может, поскольку, вопреки утверждению правых, нет противоречия между торговой и производственной формами смычки.

Вопрос о советской торговле—один из важнейших политических вопросов данного этапа. Но «отделять организационные вопросы от политики нельзя»[4]. Какие же организационные мероприятия намечают майское обращение ЦК и резолюция октябрьского пленума 1931 г.? Следующие: ликвидацию неповоротливости и бюрократизма в работе, ведущих к замораживанию товарооборо-

---

[1] «Известия» от 18/VIII 1931 г. № 160.
[2] Обращение ЦК ВКП(б) и СНК СССР о потребкооперации от 12/V 1931 г.
[3] Куйбышев. Доклад на XVII партконференции.
[4] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 264.

та и механическому распределению товаров, ликвидацию бесконтрольности аппарата и системы «обезличенной торговли», разгрузку потребкооперации от несвойственных ей функций, развертывание торговой сети, внедрение и укрепление хозрасчета и договорной дисциплины, частичную отмену и подготовку полной отмены практики нормирования и бронирования, восстановление системы предварительных заказов и т. д.

Спрашивается, разве с теми или другими изменениями, обусловленными специфическими особенностями, присущими сфере производственного снабжения, на нее не должны быть распространяемы все эти мероприятия? В организации производственного снабжения нет бюрократизма, нет замораживания, неповоротливости, некомплектности, обезлички, полностью проведен хозрасчет и т. д.?

Если советская торговля — хорошее средство для устранения всех этих зол в области потребительского снабжения и если именно для решения такого типа организационных задач она в этой области внедряется, разворачивается и укрепляется, то почему она «не подходит» для внутрипромышленного оборота? Вот если советская торговля и на данном этапе неотделима от капитализма, рождающегося из нее ежечасно, ежедневно и в массовом масштабе, тогда да, социалистическому сектору ей не по пути. Но ведь сейчас и торговля продуктами питания совмещается с задачей «не допускать открытия магазинов и лавок частными торговцами и всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян» [1].

Противники советской торговли справа и слева пытаются опереться в своей борьбе против линии партии на ряд высказываний Ленина. Напрасные попытки!.. «...Конечно,—писал Ленин, — свобода торговли означает рост капитализма; из этого никак вывернуться нельзя, и кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот только тешит себя словами...» [2]. И все же чистым правым оппортунизмом было бы ныне на данном этапе отказываться от борьбы с частником и перекупщиком, допускать, следовательно, и считать неизбежным рост капитализма на том только основании, что разрешено «торговлю колхозов, колхозников и единоличных трудовых крестьян производить по ценам, складывающимся на рынке...». Ибо *и н а я* нынче торговля, не та, что в 1921 г. Изменились стороны—участники товарного обмена. Другие возможности у одной из сторон — социалистического государства... «Свобода торговли излишками неминуемо означает свободу развития капитализма... поскольку государство не сможет предоставить крестьянину продуктов социалистической фабрики в обмен на все эти излишки [3]. Сейчас государство *м о ж е т* предоставить социалистическому земледелию эти продукты!!

---

[1] Постановление ЦИК и СНК СССР о колхозной торговле от 20/V 1932 г., п. 10.

[2] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 306.

[3] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 433, 430.

«Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью,— писал также Ленин,— если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде» [1].

Однако было бы недопустимым, явным «левацким» загибом проповедывать ныне переход к прямому социалистическому продуктообмену и к централизованному распределению на том основании, что создана уже крупная машинная индустрия с сетью электрических проводов, а миллионы мелких земледельцев объединились в крупные, социалистические по типу, сельскохозяйственные предприятия. Ибо почему, опираясь на неизмеримо возросшую экономическую мощь пролетарской диктатуры и на все находящиеся в ее распоряжении рычаги и средства, с помощью которых она исключает рост частного капитала, не использовать крупнейших организационных преимуществ советской торговли: гибкости, подвижности, легкости установления непосредственных хозяйственных связей и всего того, что делает ее наиболее желательной «формой осуществления народнохозяйственных связей» даже «при полной победе социализма».

Особенности торговли в сфере производственного снабжения объясняются не тем, что здесь торговля «не настоящая» или «второго сорта». Объекты торговых связей здесь иные, иное назначение торговых связей, но самый масштаб разворота торговли здесь ни сколько не меньше, чем в области потребительского снабжения. Больше того: обратное воздействие торговли на сферу производства по линии кооперирования, ассортимента, комплектности и т. д. здесь еще более дает себя чувствовать.

Ленин учил по-разному ставить вопрос о торговле, в зависимости от конкретных условий классовой борьбы и экономической обстановки. В 1919 г. торговля — лозунг кулака, спекулянта, Колчака.

Надо бороться с торговлей, ибо в щели торговли лезет классовый враг, срывающий мероприятия власти. В 1921 г. классовый враг разбит в открытом бою. Торговля — основное звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь социалистического строительства. Надо во что бы то ни стало оживить торговлю, поставить оборот. Решения партии о советской торговле в 1931 и 1932 г.— не что иное, как замечательный образец применения ленинской диалектики в новой обстановке, с учетом новой расстановки классовых сил, новых задач хозяйственного строительства. Ленин подчеркивал неоднократное организационное значение торговли, как формы осуществления хозяйственных связей. В плане и конспектах брошюры «О продовольственном налоге»

---

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 83.

он особо выделяет: «Свобода торговли... для борьбы с бюрократизмом»[1]. Как задачу для кооперативной торговли Ленин выдвигал,—«собрать распыленные товарные ценности и вызвать к жизни новые»[2]. Эти ленинские указания будут обязательными для каждой хозяйственной организации во второй пятилетке. Но уже сейчас можно наметить для второго пятилетия еще целый ряд организационных мероприятий большого народнохозяйственного значения.

Вслед за отменой нормирования в потребительском снабжении наступит очередь для значительного сокращения, а затем и полной отмены фондирования в производственном снабжении. Укрепление оперативной самостоятельности и развертывание самодеятельности низовых хозяйственных организаций должно привести к еще большему использованию метода непосредственных договорных связей фабрик, заводов, колхозов, совхозов, кооперативов и т. д. друг с другом. В отдельных случаях возможно предоставление права самостоятельного «выхода на рынок» промышленным предприятиям (в части сверхплановой продукции, например).

На новой базе укрепятся и получат широкое распространение наиболее гибкие методы планирования товарооборота: генеральные договоры, конвенционные соглашения, система предварительных заказов, нормирование цен и т. д. Так будет создана «чрезвычайно сложная и тонкая сеть новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»[3].

При этом «каждая фабрика, каждая деревня является производительно-потребительской коммуной, имеющей право и обязанной по-своему применять общие советские узаконения («посвоему» не в смысле нарушения их, а в смысле разнообразия форм проведения их в жизнь), по-своему разрешать проблему учета производства и распределения продуктов»[4].

Хозрасчет

Основной метод выполнения промфинплана в условиях развернутого советского товарооборота — хозрасчет. Задача внедрения и дальнейшего укрепления хозрасчета сохраняется в полной мере как актуальнейшая задача всей второй пятилетки. Хозрасчет—один из наиболее ярких образцов применения ленинских принципов управления хозяйством к конкретной обстановке построения законченного социалистического общества на возведенном уже фундаменте социалистической экономики.

В 1931 г. партия подчеркнула значение хозрасчета как одного из звеньев в целой цепи мероприятий по осуществлению лозунга: «в новой обстановке по-новому работать, по-новому руководить».

---

[1] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 315.
[2] Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 470.
[3] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 440.
[4] Ленин, т. XXII, изд. 3, с. 455.

Именно в качестве одного из звеньев в той же цепи он сохраняет свое значение и на вторую пятилетку. 6 условий т. Сталина — цельная система мероприятий, из которой нельзя исключить ни одного звена[1].

Роль хозрасчета во второй пятилетке особенно велика потому, что только последовательное осуществление хозрасчета на всех ступенях хозяйственной организации может обеспечить те огромные задания по социалистическому накоплению, от успешного выполнения которых зависит вся строительная программа второй пятилетки, а, следовательно, и вся вторая пятилетка в целом. Хозрасчет заставляет считать рубли и копейки. Сейчас, на пороге второй пятилетки, такой счет необходим более чем когда-либо. На ряду с огромными успехами социалистического производства отчетные данные о выполнении народнохозяйственного плана за 1931 г. и за первое полугодие 1932 г. свидетельствуют о росте себестоимости, об ухудшении качественных показателей и о недовыполнении в связи с этим плана соцнакопления некоторыми важнейшими отраслями народного хозяйства, в первую очередь тяжелой промышленностью. Где причины этому?

«Благодаря бесхозяйственному ведению дела,—говорил т. Сталин 23/VI 1931 г.,—принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций понятие «режим экономии», «сокращение непроизводительных расходов», «рационализация производства» давно вышли из моды...»[2]. Только жесткое осуществление хозрасчета всюду и везде, полное и последовательное проведение его во всех звеньях хозяйственного аппарата, неуклонное и сугубо строгое поддержание хозрасчетных принципов против всякого, их срывающего, ликвидирует все эти ненормальные факты.

Последовательное и развернутое проведение хозрасчета оказывает огромное оздоровляющее действие на весь внутренний строй, на весь организационный режим предприятий. Хозрасчет — основное средство организационно-хозяйственного укрепления всех звеньев системы управления народным хозяйством. Поэтому первая задача, стоящая перед второй пятилеткой в этой области,— добиться, чтобы не осталось ни одного звена, ни одного предприятия, ни одной хозяйственной единицы вне хозрасчета. В этом отношении еще очень многое и многое предстоит сделать.

Только-только, совсем недавно, сделаны первые решительные шаги по переводу на хозрасчет железнодорожного транспорта. Вся работа по действительному внедрению хозрасчета на железнодорожном транспорте еще впереди. А капитальное строительство? Это — крупнейшая отрасль народного хозяйства. Она фак-

---

[1] Постышев. Речь на XVII партконференции.

[2] Сталин. Новая обстановка и новые задачи хоз. строительства. М. 1932 г., с. 26.

тически еще девственна в смысле хозрасчета. Не выработаны еще, не установлены методы и формы проведения хозрасчета в строительстве. Считается странным говорить о социалистическом накоплении применительно к этой отрасли народного хозяйства. А советская торговля? Разве аппарат государственной и кооперативной торговли целиком переведен на хозрасчетные рельсы? Ничего подобного! Магазины не пользуются необходимой оперативной самостоятельностью, договорная система не вступила полностью в свои права, методы механического распределения товаров еще довлеют над советскими торговцами и кооператорами, в области кредитных отношений права магазина, как правило, недостаточны и т. д.

А сама промышленность—пионер хозрасчета? Там все благополучно? Нет фактов бюрократического, формального отношения к хозрасчету, превращения хозрасчетных документов в филькины грамоты, извращения основных хозрасчетных принципов? Таких фактов, к сожалению, более чем достаточно. В частности, относительно извращений. Недаром XVII партийная конференция предостерегала не только от недооценки хозрасчета, но и от «буржуазно-нэпманских извращений принципов хозрасчета, выражающихся в разбазаривании общенародных государственных ресурсов и, следовательно, в срыве установленных хозяйственных планов».

Вторая задача в этой области — проведение ряда организационных мероприятий и перестроек. Сюда относится в первую очередь четкое отграничение в структуре и компетенции каждого звена административных функций от оперативно-хозяйственных. Практика показала, что совмещение тех и других в одном органе не обеспечивает действительно хозрасчетных принципов работы. Возможность перейти при случае от разговора на языке рубля к разговору на языке приказа — такая возможность, как показала практика, таит в себе опасную антихозрасчетную тенденцию. Этим предрешается вопрос о ликвидации объединений, организованных в силу постановления ЦК 5/XII 1929 г. сначала в промышленности, а затем в других отраслях народного хозяйства. Сущность объединений, как самостоятельного типа советского предприятия, именно в концентрации в одном органе как административных, так и оперативно-хозяйственных функций. И именно от этого необходимо на данной стадии организационного строительства социалистического хозяйства отказаться.

Нормальной организационной схемой управления хозяйством во вторую пятилетку надо признать: предприятие—трест—наркомат. Иногда она усложняется введением четвертого звена: специального сбытового органа. Специфические условия некоторых отраслей промышленности этого требуют. В других она упрощается до двух звеньев: предприятие—наркомат. В содержании работы хозяйственных наркоматов должны быть еще усилены и углублены моменты конкретного руководства как основы всей их деятельности. Указания Ленина (речь о ВСНХ) и Сталина (6 условий) о подборе людей, проверке исполнения, о необходимости перевода всей работы наркоматов «с рельсов декретно-директивных постановле-

ний на рельсы систематической проверки исполнения» остаются обязательными для всех органов управления хозяйством на второе пятилетие. Не исключена в связи с этим возможность дальнейшего дробления (разукрупнения) хозяйственных наркоматов на тех же основаниях, на которых было проведено в 1932 г. разукрупнение ВСНХ. Наконец, последовательное внедрение хозрасчета должно привести к ряду организационных перестроек в структуре и в системе управления самим предприятием. Эти изменения пойдут под лозунгами укрепления единоначалия при одновременном еще большем втягивании всей рабочей массы в управление предприятием и еще большем развитии новых форм «всестороннего контроля снизу», усиления роли заводских органов технического руководства, рационализации системы хозрасчетных связей на предприятии и т. д.

Хозрасчет поднимает значение революционной законности, как одного из рычагов творческого воздействия пролетарской диктатуры на хозяйственное строительство. Ограничивать сферу применения последних директив партии о революционной законности одной колхозной торговлей и борьбой с административными перегибами в деревне — при всей первостепенной политической важности этих задач—было бы столь же неправильно, как и сводить до рамок организации розничной торговли директивы партии и правительства о развертывании советской торговли.

Постановления о революционной законности имеют более общее значение. Они касаются и Государственного арбитража как одного из органов управления народным хозяйством, активно участвующего в хозяйственном строительстве специфическими методами «борьбы за хозрасчет и договорную дисциплину». Они касаются и всей суммы хозяйственных взаимоотношений между социалистическими предприятиями, ибо и здесь вопросы классовой борьбы в той ее форме, которая названа Лениным «воспитание новой дисциплины» не будут сняты в течение всей второй пятилетки. Конечно, начала хозрасчетной дисциплины осуществляются применительно к последовательно-социалистическим предприятиям по-иному, чем к нарушителям трудовой дисциплины из среды трудящихся, неустойчивым элементам, рвачам, прогульщикам и т. д. Нельзя принцип «не трудящийся да не ест» в чистом виде применять к предприятию [1]. Но нельзя и освобождать предприятие от ответственности за его собственные «хозяйственные поступки»,

[1] Гринько. Доклад на II Всеуральском слете ударников фин. фронта (Изв. ЦИК № 109, 19/IV 1932 г.): «Надо понять особенности нашей борьбы за хозрасчет и рентабельность производства. Нам нередко приходится слышать такое мнение: вот если бы вы могли «пустить в трубу» некоторые убыточные предприятия, закрыть их, тогда другие предприятия быстро перестроились бы на хозрасчет и научились бы накапливать прибыль. Так говорят люди, которые не знают другого пути создания рентабельного производства, кроме капиталистического пути конкуренции, разорения, банкротства. Но эта песня— отпетая и этот путь—не наш. Мы имеем все возможности и мы обязаны, не закрывая предприятий, не распуская рабочих, дисциплинировать и воспитывать хозорганы так, чтобы на основе социалистической сознательности и пролетарской дисциплины они обеспечили бы ход производства во много раз более рентабельный, чем производство капиталистическое».

нельзя недооценивать огромного рационализирующего воздействия принципа вознаграждения по количеству и качеству затраченного труда на весь производственный режим не только отдельного трудящегося, но и рабочего коллектива социалистического предприятия. В твердом применении и проведении этих принципов — залог успешного осуществления грандиозных заданий второй пятилетки по социалистическому накоплению.

Резолюция XVII партконференции о директивах по второй пятилетке заканчивается выражением твердой уверенности в том, «что основные задания второй пятилетки будут не только выполнены, но и перевыполнены, что соответственно будет обеспечено действительное конкретное хозяйственное руководство и решительная борьба с бюрократизмом со стороны всех организаций рабочего класса, что необходимое для осуществления задач второй пятилетки поднятие производительности труда будет обеспечено трудящимися СССР, что ряды участников социалистического соревнования и ударничества будут расти с каждым днем». Среди предпосылок и условий выполнения второго пятилетнего плана правильное решение вопросов организации управления хозяйством играет далеко не последнюю роль. Они могут быть правильно решены только на основе генеральной линии партии в непримиримой борьбе с правым оппортунизмом, отражающим сопротивление кулацких элементов и являющимся главной опасностью на данном этапе, и против всякого рода «левацких» установок.

Советы и строительство социализма

Б. Левин и И. Суворов.

Итоги истекшего со дня Октябрьской революции пятнадцатилетия показывают международное значение этой пролетарской революции как составной части величайшего международного революционного процесса, задачей которого является построение социалистического бесклассового общества.

За истекший период наши советы прошли в своем развитии три основных этапа: завоевание власти, ее закрепление и отстаивание ее в гражданской войне; восстановление разрушенного хозяйства и, наконец, этап реконструкции народного хозяйства и непосредственного социалистического строительства.

Показать все богатство и разнообразие работы советов за 15 лет — задача непомерно трудная. Цель нашей статьи — остановиться лишь на основных задачах советов в восстановительный и реконструктивный период. За эти полтора десятка лет мы прошли путь от свержения эксплоататоров до непосредственно поставленной задачи окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще и полного уничтожения причин, «порождающих классовые различия и эксплоатацию».

На протяжении всех пятнадцати лет пролетарской революции основной задачей, конечной целью советов и советской власти являлось — укрепить и довести диктатуру пролетариата до полного уничтожения классов, до полного построения социализма в нашей стране и во всем мире. Конкретное же содержание их работы, формы и методы ее зависели от определенных условий. Но на всех этапах оставалось неизменным то, что советы в своей практической работе должны были осуществлять, проводить в жизнь директивы авангарда пролетариата—коммунистической партии—этой основной направляющей силы диктатуры пролетариата, развивать инициативу трудящихся масс пролетариев и крестьян, возглавлять их в борьбе за построение социализма. В этих целях советы должны опираться на пролетарские организации. Вне соблюдения этих общих условий не может быть обеспечена прочная диктатура пролетариата и победа социализма.

Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин множество раз в связи с самыми различными задачами пролетариата подчеркивали значение организованной силы масс. Особенностью нашей государственной системы является то, что наш государственный аппарат по природе своей сливается с массами во всех звеньях. «Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более

могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проводимую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем самым различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение»[1].

Здесь с исключительной полнотой дана характеристика нашей государственной системы. Советы являются авангардом рабочих и крестьян. Их сила в организованности и сознательности трудящихся масс. Буржуазное представление о силе государственного аппарата совершенно иное. Понятие о силе там связано с отупением масс и слепым повиновением их воле буржуазных правительств. У нас же рост сознательности трудящихся укрепляет положение господствующего класса, создает невиданную силу для борьбы с классовыми врагами. Поэтому задача воспитания масс и привлечение их к управлению государством и к организации производства всегда составляла и будет составлять важнейшую задачу советов.

Поднять сознательность трудящихся масс и привлечь к непосредственному управлению государством это значит не только укрепить эту политическую надстройку, но и оказать воздействие на развитие социалистической экономики.

В чем же конкретно заключалась роль советов в восстановительный период? В чем конкретно заключается их роль в период непосредственного социалистического строительства?

После гражданской войны, когда мы повернули экономику на рельсы новой экономической политики, в первые годы нэпа в центре нашей хозяйственной политики основной была задача быстрейшего восстановления сельского хозяйства, как исходного пункта борьбы с хозяйственной разрухой в городе и деревне, создания сырьевой продовольственной базы для развития про-

---

[1] Ленин, т. XXI, изд. 3, с. 258.

мышленности и рынка для сбыта ее продукции. Эти задачи и определяли собой формы и методы работы всей системы органов пролетарской диктатуры в начальный период нэпа.

Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 года о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом [1] явился прямым выражением политики партии и правительства, направленной на развитие производительных сил страны и в первую очередь производительных сил сельского хозяйства.

Основными положениями этого важнейшего постановления было: а) устойчивое и спокойное ведение сельского хозяйства крестьянами с полным правом распоряжения результатами своего труда после выполнения обязательства перед государством; б) сокращение налога почти наполовину, т. е. с 423 до 240 млн. пудов, что создавало стимул к расширению площади и улучшению качества обработки полей; в) предоставление ряда льгот маломощным хозяйствам и в первую очередь бедноте; г) всемерное поощрение всяких начинаний крестьянства, увеличивающих производительность сельского хозяйства. Кроме того, отменялась круговая порука, широко применявшаяся по продразверстке в период военного коммунизма. Этим устанавливалась индивидуальная ответственность каждого плательщика перед государством за самого себя.

На сельские советы возлагалось всемерное содействие проведению в жизнь этих мероприятий правительства. От советов требовалось мобилизовать основные массы крестьянства на выполнение этих задач, от решения которых зависели завоевания Октябрьской революции. Прежде всего, требовалась перестройка методов работы. Требовалось поднять массы на гораздо более трудное для них дело, чем гражданская война.

Трудность заключалась не только в сложности задач, но и в недостатке необходимых кадров. За время гражданской и предшествовавшей империалистической войн, деревня потеряла лучшие свои силы. Сказывалась также культурная и политическая отсталость. Сами сельсоветы не всегда понимали значение советов как основных органов диктатуры пролетариата. Массы крестьянства, исходя из практики работы советов в военный период, видели в них лишь органы, которые мобилизовали и собирали налоги.

Наряду с восстановлением сельского хозяйства перед советами стояла задача: на рост сельскохозяйственных продуктов мобилизовать рост предложения промышленных товаров, в которых нуждалась деревня. От решения этого вопроса зависела крепость союза рабочих и крестьян в борьбе за восстановление народного хозяйства.

Чрезмерная трудность здесь заключалась в том, что крупная промышленность при ее разбитом состоянии не могла выполнить эту задачу. Поэтому весьма большое внимание уделялось кустарной и мелкой промышленности. Для развития товарных фондов за каждым гражданином республики сохранялось право заниматься

[1] С. У. 1921 г. № 26, ст. 147.

ся кустарным промыслом и организовывать мелкие промышленные предприятия в пределах и размерах, установленных законом.

Задачи восстановления народного хозяйства, а равно как и задачи переоборудования старых заводов и фабрик и постройка новых, неразрывно связаны с проблемой накопления. Капиталистические страны, как правило, создавали свою промышленность путем ли ограбления сильными более слабых, путем ли захвата и ограбления колоний, военным ли разгромом, контрибуциями ли со стороны побежденной страны, при помощи ли кабальных займов от других более хозяйственно развитых стран или какими-нибудь иными мерами,—во всех случаях это накопление происходило за счет обнищания трудящихся масс. Все тяготы ложились на них.

Само собой разумеется, что ни один из таких источников притока внешних средств для пролетариата, борющегося за социализм, не годился, а напротив, в корне противоречил его политике. Он должен был и мог искать источник необходимых средств внутри своего хозяйства. Кроме того, восстановление народного хозяйства должно было происходить и происходило одновременно с ростом культурно-бытового положения трудящихся масс. Решение такой задачи, да и постановка ее оказались возможными только для пролетариата. Только он, являясь господствующим классом, мог успешно преодолеть все трудности разрушенного хозяйства.

Преодоление нищеты, разрухи, голода при опоре лишь на внутренние силы и источники — невиданный в мире показатель мощи пролетариата, ставшего господствующим классом. Величайшие победы восстановительного, а затем и реконструктивного периода оказались возможными только при диктатуре пролетариата, когда усилия всех трудящихся, и в первую очередь рабочего класса, усилия всей системы органов диктатуры были направлены к достижению этой цели.

Основными экономическими факторами, способствующими ускорению восстановления хозяйства, были: национализация основных и важнейших средств производства фабрик и заводов, национализация земли, транспорта, связи, внешней торговли, кредита. Сосредоточение этих экономических командных высот в руках господствующего класса изменило социально-классовое содержание их, изменило соотношение между городом и деревней, создало новую организационную форму народного хозяйства, поставило по-новому на принципиально иных началах распределение национального дохода. Эти предпосылки и условия обеспечили максимальное воздействие на развитие и рост экономики на социалистических началах.

Процесс восстановления хозяйства сопровождался более быстрым темпом роста обобществленного сектора, который происходил одновременно с ограничением и вытеснением товарно-капиталистического способа производства. Уже итоги первых 2—3 лет хозяйственного развития новой экономической политики, которая заложила основы правильного сочетания государственной

социалистической промышленности с мелкими и мельчайшими хозяйствами простых товаропроизводителей крестьян целиком и полностью подтвердили ленинские положения, что в нашей стране имеется все необходимое и достаточное для построения социализма. Если в начале новой экономической политики государственная промышленность почти бездействовала, в области товарооборота государственные и кооперативные органы довольно часто прибегали к частному посредничеству, а частный капитал с его преимуществами быстрого оборота в тех конкретных условиях играл относительно крупную роль, то уже на пороге перехода от восстановительного к реконструктивному периоду социалистическая промышленность вместе с другими командными высотами стала играть решающую и ведущую роль во всем народном хозяйстве, определяя собою общее направление экономики страны по пути к социализму.

Процесс восстановления народного хозяйства имел и другую сторону. Он создавал ряд специфических трудностей и противоречий. Одно из этих противоречий — это противоречие между пролетариатом и крестьянством, т. е. классом пролетариев и классом частных собственников — крестьян. В январе 1924 года XIII партийная конференция констатировала, что «на основе несоответствия между темпом восстановления крестьянского хозяйства, с одной стороны, и économie госпромышленности — с другой, в условиях свободного товарооборота возникли явления кризиса последнего времени. Этот кризис характеризуется расхождением между непомерно высокими ценами на изделия промышленности и низкими ценами на продукты сельского хозяйства. Промышленность, выросшая на основе городского рынка, способного уплачивать более дорогие цены, не смогла в момент реализации урожая сбыть свои товары менее платежному массовому потребителю — крестьянству. С другой стороны, крестьянство не нашло достаточно широкого внутреннего и внешнего рынка для выгодной продажи хлеба, чем определилась низкая цена на последний» [1].

Партия, исходя из ленинского учения, что между пролетариатом и крестьянством имеются общие интересы по основным вопросам развития, превосходящие во всяком случае эти противоречия и составляющие основу для союза рабочих и крестьян, вскрыла причины этого явления и наметила ряд конкретных мер к их устранению. Она прежде всего указала на неправильное понимание рядом хозяйственных органов лозунга необходимости прибыльности промышленности. Ошибка их заключалась в погоне за быстрым покрытием убытков, понесенных промышленностью за первые годы нэпа. Ряд хозяйственных органов чрезмерно поднял цены. В результате получился разрыв между предложением и спросом. Кроме того, разрыв этот получился, как констатировала партия в ряде своих решений, не только и не столько в результате этих причин, но находил свое объяснение в недостатках органи-

[1] М. Савельев и А. Поскребышев. Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам. Соц.-экон. издат., 1931 г. с. 140.

зации промышленности, в отсутствии максимальной экономии, в накладных расходах, в чрезмерном раздутии штатов хозяйственных организаций и особенно товаропроводящей сети. Здесь в сильной степени сказалась недостаточная гибкость, разветвленность этих органов, громоздкость и бюрократизация торгового аппарата, неуменье обслужить по-новому многомиллионного потребителя.

Для ликвидации этого наметившегося хозяйственного кризиса мероприятия партии и правительства шли в направлении поднятия платежеспособности крестьянства, удешевления производства, максимального снижения цен, расширения и упрощения торгового аппарата, развития экспорта хлеба, поднятия цен на хлеб, развития широкой сети сельскохозяйственной, кредитной, потребительской и промысловой кооперации, установления ряда налоговых и прочих льгот.

Восстановление народного хозяйства создавало и противоречия другого порядка, противоречия между социалистическими и капиталистическими элементами нашего народного хозяйства. Проблема соотношения классовых сил является важнейшей проблемой на протяжении всех пятнадцати лет. Устанавливая основы новой экономической политики, партия неизбежно допускала накопление частным капиталом определенных средств как путем торговли, так и накопление в области производства (концессии, аренды, организацию своих частнособственнических мелких предприятий и т. д.). Отсюда и общий процесс восстановления народного хозяйства протекал в условиях борьбы между пролетариатом, базирующимся на национализированной промышленности, и новой буржуазией, опирающейся на стихию рынка и товарно-капиталистический способ производства.

Необходимо оговориться, что участие частного капитала в области производства было и абсолютно и относительно ничтожно. Совсем другое наблюдалось в области торговли. Участие его в этой последней за первые два—три года нэпа относительно возросло. Объяснения этому следует искать в большей приспособляемости его к мелкому розничному рынку и особенно в деревне. В связи с этим регулирующее воздействие пролетарского государства на ограничение усиления частного капитала шло в основных направлениях: усиления роли государственной и кооперативной торговли и приспособления их деятельности к потребности и конкретным условиям первого этапа нэпа, установления цен на основные предметы массового потребления и в первую очередь крестьянского, предоставления ряда льгот кооперации, что способствовало росту ее. Кроме того, регулирование частного накопления достигалось мерами налоговой политики (были установлены налоги на роскошь), решительной борьбой со спекуляцией и др. Проведение в жизнь всех этих мероприятий в целях подчинения деятельности частного капитала общему направлению хозяйственной политики советской власти определяло задачи и содержание работы советов и низовых органов власти.

С точки зрения социально-классового соотношения сил начало восстановительного периода характеризовалось прежде все-

го ростом пролетариата как в количественном, так и в качественном отношении. Восстановление фабрик и заводов повлекло за собой возвращение пролетариев к производству, т. е. началось собирание рабочего класса, распылившегося по фронтам или добывающего средства к существованию от изготовления «зажигалок» и других подобных работ. Наша печать неоднократно отмечала тот энтузиазм, с которым трудящиеся принялись восстанавливать нашу разрушенную годами империалистической и гражданской войн промышленность.

Нередки или, пожалуй, правильнее сказать очень часты были случаи, когда рабочие, вернувшиеся с фронта гражданской войны, добивались разрешения восстановить тот или иной завод или фабрику, восстановление которых не входило в первую очередь общего плана. Ведь восстанавливать прежде всего приходилось не только то, что являлось наиболее необходимым, но принималось во внимание к этому насколько легко или трудно восстановить, имеются ли необходимые возможности.

Одновременно с этим отмечался также рост новой буржуазии в городе (нэпман) и в деревне (кулак), пытавшейся воспользоваться состоянием хозяйства для личной наживы и для политического воздействия на окружающие массы. Всякая трудность или даже отдельная ошибка использовалась классовым врагом для доказательства преимущества товарно-капиталистического производства и распределения перед социалистическим.

Вместе с ростом индустриального пролетариата, усилением кулачества в деревне, ростом новой буржуазии в городе росла активность всех классов и социальных групп в нашей стране, обострялась классовая борьба. Одной из основных ее форм восстановительного периода была борьба между социалистическими и капиталистическими элементами нашего хозяйства, между пролетариатом и новой буржуазией за овладение основной массой крестьянства — середняком. Несмотря на процесс диференциации, свойственный первому периоду восстановления сельского хозяйства в условиях нэпа, обнаруживший некоторый рост кулацкой верхушки, с одной стороны, и деревенской бедноты — с другой, в результате уничтожения помещичьего землевладения, в результате политики комбедов, изъятия земли из товарооборота, середняцкие слои крестьянства значительно выросли, усилились и составили основную массу крестьянства. Без этой массы, как указывалось в многочисленных решениях партии, продвижение к социализму было бы невозможно. Только в союзе с ней пролетариат мог создавать экономическую базу, строить экономический фундамент, необходимый для построения социализма.

«Создать экономическую базу социализма — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается прежде всего

капитал, создать в конце-концов такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов»[1]. Основной путь строительства социализма в деревне, путь связывания, смыкания сельского хозяйства и социалистической промышленности в единое социалистическое целое, — как учил нас Ленин, — заключается в кооперировании основной массы крестьянства и в обеспечении этой организации при воздействии социалистической индустрии кредита и других командных высот социалистического развития, вместе с вытеснением капиталистических элементов.

Борьба за овладение средним крестьянством, за укрепление союза с ним, составляла одну из важнейших задач восстановительного периода. Классовая борьба этого периода, борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, между новой буржуазией и пролетариатом, находила свое политическое выражение в попытках классовых врагов, и в первую очередь кулачества, проникнуть в советы. В основе этих попыток лежал тот принцип, если мол не удастся целиком или в значительной части овладеть ими, то, по крайней мере, хотя бы оказать свое влияние в какой-либо мере на их практическую работу, ибо от малого почти всегда путь лежит к большому.

Успешность борьбы за диктатуру пролетариата, за укрепление этой политической базы для продвижения к социализму, предполагала изменение форм и методов работы всех массовых организаций, а прежде всего укрепление основных государственных органов диктатуры пролетариата — советов.

XIV партийная конференция, происходившая в конце апреля 1925 года, констатировав, что противоречия между пролетариатом и крестьянством, идущие по линии борьбы за цены (на продукты индустрии, с одной стороны, на продукты сельского хозяйства — с другой), обостряются еще в значительной мере остатками военного коммунизма в деревне как в области экономической, так и в области административно-политической практики, наметила ряд мероприятий к укреплению диктатуры пролетариата. Вся сумма мероприятий в области экономической политики направлялась на всемерное развитие хозяйственного оборота во всех отраслях хозяйства, при непременном условии дальнейшего укрепления экономических командных высот, абсолютного и относительного роста социалистических элементов и общего социалистического направления экономики страны.

В области политики партия дала важнейшие директивы, имеющие своей целью укрепить союз со средним крестьянством, организовать все силы для борьбы с поднимающим голову классовым врагом. Оживление советов, улучшение пролетарского руководства крестьянством через советские органы власти, решительный переход на линию революционной законности и искоренение остатков военного коммунизма в административно-политической практике — таковы важнейшие политические директивы XIV пар-

[1] И. Сталин. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии. ГИЗ. 1927 г., с. 28.

гийной конференции — столбовой путь к укреплению диктатуры пролетариата.

В чем должно было заключаться оживление советов? Прежде всего, оно должно заключаться в массовом вовлечении в практическую работу широких рабочих и крестьянских масс с действительно широким выдвижением на ответственную работу в советах и их исполкомах беспартийных, в решительном устранении практики неправильного вмешательства в их практическую работу других органов, в отказе от командования и вместо выборов назначения сверху, в отказе от замыкания советов от масс и решения важнейших вопросов в узком кругу и т. д. Короче говоря, партия ставила задачи перестроить работу советов и оперативного их аппарата так, чтобы создать максимальную возможность к широчайшему коллективному проявлению творчества рабочих и крестьянских масс, т. е. создать новые условия для охвата трудящихся масс и направления их энтузиазма в общее русло строительства социализма. Таким органом, который является всеобъемлющим, с которым не может конкурировать ни одна организация, являются советы.

О недостатках работы советов, а отсюда и чрезвычайной важности и своевременности этих директив партии можно судить по сообщениям участников совещания при Президиуме ЦИК Союза ССР по вопросам советского строительства, состоявшемся в январе 1925 года [1].

Почему эти задачи встали перед нами (задачи привлечь основную массу крестьянства, основную массу рабочих к участию в решениях выдвигаемых жизнью практических задач. И. С.), спрашивает М. И. Калинин. И здесь же отвечает: «Ведь советы имеют столь блестящее прошлое... Задачи эти встали перед нами потому, что мы стали замечать, что органы, их выполняющие, окостеневают, начинают костенеть, расчленяясь на разные отрасли; они стали до известной степени бюрократизироваться, что выражается в потере ими массовых симпатий, если можно так выразиться. Я правда немного сильно выразился. Можно сказать так: это ведет к увеличению индиферентности крестьян к советам, к отчуждению между населением и советами» [2].

Этот безусловно правильный политический вывод нашел подтверждение в ряде фактов практической работы советов, сообщенных выступавшими на этом совещании. О чем они говорят? О том, что советы, выдвинутые революцией и оправдавшие себя целиком и полностью как организаторы масс на всех этапах революционной борьбы, советы, успешно поднявшие крестьянскую раздробленную массу на борьбу с помещиком в деревне, поднявшие пролетариат на борьбу с заводчиком и фабрикантом в городе, возглавившие эту борьбу, советы, бывшие мобилизационными центрами и организаторами победы во время гражданской войны,

[1] См. Совещание по вопросам советского строительства. Изд. ЦИК Союза ССР, 1925. г.

[2] Там же, с. 9.

еще не стали такими же организаторами на фронте мирного хозяйственного строительства. Это, конечно, ни в коей мере не значит, что все советы до единого были плохи. Отнюдь нет. И за первые четыре года новой экономической политики мы имели образцы прекраснейшей работы ряда советов.

Основной дефект работы советов и особенно сельских состоял в явно недостаточном вовлечении трудящихся в управление государством и участие их в решении политических, хозяйственных, культурных, административных и других вопросов, хотя улучшение отмечалось с каждым годом. Эта оторванность советов от масс вела к умалению роли советов как организаторов, создавала своеобразную отчужденность от них населения и делала невозможным проведение в жизнь мероприятий партии и правительства.

Процент участия избирателей в перевыборах советов — этой важнейшей политической кампании, был явно недостаточным, иногда он не превышал 15. Советы и отдельные члены их не имели тесной связи со своими избирателями, не отчитывались перед ними.

Естественно в таких условиях почти совсем было забыто и не проводилось в жизнь принципиальное положение нашей Конституции об отзыве избирателями своих избранных. Низкий процент участия избирателей на перевыборных собраниях, свидетельствовавший об отрыве советов от масс, вместе с тем затруднял подбор лучших кандидатов в советы.

Ряд серьезных недостатков в деле вовлечения широких масс в управление государством, оторванность советов в некоторых случаях от трудящихся, умаление их роли как коллективной организации, слабость кадров и т. д. объективно способствовали ряду бюрократических извращений, нарушению советских законов. Поэтому и оживление советов преследовало не только устранение отдельных практических недостатков. Историческое значение политики партии по оживлению советов заключается главным образом в развертывании такой работы, которая бы уничтожила разрыв между управляющими и управляемыми, между оперативным государственным аппаратом и населением. Оживление советов означало подъем культурности и активности миллионных масс рабочих и крестьян и обучение их на практике делу управления государством. Оживление советов в конечном итоге означало укрепление диктатуры пролетариата и усиление руководства рабочим классом крестьянскими массами.

Сила основных органов пролетарской диктатуры — советов состоит в том, что, охватывая собою широчайшие массы, они проводят политику рабочего класса в жизнь. Проводят ее под руководством проверенной в классовых боях ленинской партии. Ни одно принципиально важное политическое решение не может быть проведено в жизнь без обсуждения его партией. В этом мощь и сила диктатуры пролетариата. Однако метод руководства советами со стороны отдельных низовых партийных организаций, предшествовавший директивам, данным партией, об оживлении

советов, в ряде случаев их практической работы расходился с известным указанием Ленина на XI съезде партии, что: «В народной массе мы (коммунисты, И. С.) все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою массы и вся машина развалится»[1]. Расхождение это безусловно не произвольное и заключалось оно в подмене и замене собою советов. Отдельные низовые партийные органы, а чаще всего отдельные руководители, вместо того, чтобы ту или иную директиву или мероприятие провести через советы — органы, охватывающие широчайшие массы, — отдавали распоряжения сами. В этом сочеталось доброе намерение укоротить путь прохождения той или иной директивы со старыми методами периода военного коммунизма, вызывавшимися в основном обстановкой гражданской войны и отсутствием политически и практически подготовленных кадров, и явное непонимание конкретной обстановки, требующей иных методов работы. «Партия... руководит советами и их разветвлениями в центре и на местах, охватывающими несколько миллионов людей партийных и беспартийных, но она не может и не должна заменять их собою»[2].

Не способствовало привлечению широчайших масс в практическую работу по управлению государством и расходилось с цитированным выше указанием Ленина стремление отдельных партийных организаций максимально окоммунизировать наш государственный аппарат, поставить коммунистов не только на политически ответственные участки, что является правильным на всех этапах социалистического строительства, но на простую вспомогательную работу. И, наконец, политическое руководство довольно часто заключало в себе командование, администрирование, опять-таки без необходимого учета важности и необходимости привлечения широких масс трудящихся.

Дело конечно не только в том, что отдельные партийные организации или отдельные руководители их недооценивали значения привлечения через советы широких масс к практической государственной работе, но сами советы в ряде случаев решали в узких кругах вопросы большой политической важности и пытались воздействовать на массу, привлечь ее к участию в строительстве социализма лишь путем приказов, распоряжений, администрирования, без соответствующей проработки вопросов в массах, без привлечения беспартийных рабочих и работниц, крестьян и крестьянок.

Ленин говорил, что надо «уметь поставить работу правильно, так, чтобы не отставать, чтобы во время разрешать трения, которые происходят, и не отрывать администрирования от политики, — вот в чем задача. Ибо наша политика и администриро-

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 256.

[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма. Партия и рабочий класс в системе диктатуры пролетариата, с. 256.

вачие держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто-нибудь забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда» [1].

Отсюда конечно нельзя делать вывод, что советы в восстановительный период стали хуже, или повторять вывод, который делали наши враги, когда ряд противоречий, несоответствия работы советов с выдвигаемыми жизнью задачами, недостатки оперативного аппарата, сохранившего в себе много язв, свойственных аппарату буржуазного государства, старались использовать для опорочивания всей советской системы. Здесь совершенно другое. Советы стали отставать от тех запросов, которые с ростом хозяйства, ростом культурности и вытекающим отсюда ростом активности всех классов и социальных групп неизбежно встали перед органами диктатуры пролетариата. Причем основной причиной этого отставания, как указывалось выше, было сохранение во многом методов их работы времен периода военного коммунизма, что влекло за собой затруднение в подборе кадров работников. Без привлечения широких слоев беспартийных к практической работе советов подобрать необходимые кадры—дело невозможное.

Касаясь оценки работы городских и особенно сельских советов печать отмечала, что в большинстве случаев коллективная работа отсутствовала и в лучшем случае требовала решительного улучшения. В сельских советах работали как правило председатель и секретарь. Содержанием их деятельности были сбор налогов и выполнение других распоряжений вышестоящих органов власти и в первую очередь волисполкомов и райисполкомов. Почти все вопросы, относящиеся к обслуживанию местного крестьянского населения, обсуждались на общих сходах, которыми сельские советы почти не руководили. Нередки случаи, когда советы, насчитывающие в своем составе около сотни и выше членов совета, совершенно не собирались в течение целого года [2]. В большинстве случаев пленумы советов собирались тотчас после перевыборов для решения организационных вопросов (выборы председателя и т. д.) и перед новыми перевыборами. Таких сельсоветов, работа которых, даже с точки зрения того времени, могла считаться удовлетворительной, было очень мало.

Работа пленумов, если они и собирались, также оставляла желать много лучшего. Все обследования, производившиеся как по линии РКИ, так и по линии других органов, а равно и сообщения печати, говорили о неудовлетворительной посещаемости пленумов. Если посещаемость пленумов городских советов достигала в среднем 60—70%, то в сельсоветах она в среднем не превышала 40—50% общего количества депутатов. Если даже взять посещаемость пленумов в зимнее время (сезонность полевых работ в деревне летом всегда понижает посещаемость), и то оказывается, что посещаемость была все же низка.

---

[1] Ленин, т. XXVII, изд. 3, с. 252.

[2] См. Стат. отч. Сам. губ. съезда советов 1926 г., с. 41.

Изучение материалов различных мест Союза неминуемо приводит к такому выводу: посещаемость членами совета пленумов далеко отставала от роста активности трудящихся.

Анализ содержания работы сельских советов, организации и формы вскрывают ряд причин плохого участия депутатов в работе своих советов. Прежде всего играла отрицательную роль сумма вопросов, служивших предметом рассмотрения на пленумах советов. Первое место среди них занимают вопросы административно-организационные (25—30%), следующие за ними — вопросы налоговые (15—20%). Примерно столько же уделялось места и времени и вопросам сельского хозяйства. Культурно-хозяйственные же вопросы не превышали 8—10% общего количества рассмотренных вопросов. В конечном счете как содержание работы, так и форма и методы проработки вопросов носили на себе следы периода военного коммунизма. Все это мешало развитию демократии, развитию инициативы трудящихся. Отрицательное значение имела боязнь критики. Справедливая критика работы советов и их оперативного аппарата в некоторых случаях отдельными ответственными работниками почти отождествлялась с контрреволюционным делом. Это особенно мешало активному участию беспартийных масс.

Другой наиболее важной причиной плохой посещаемости является отсутствие достаточной ответственности советов и отдельных депутатов перед избирателями. Последние редко знали, чем занимались их избранные. Характерно, что отзыв депутатов советов до 1926 года применялся лишь в случаях совершения ими уголовных преступлений. В остальных случаях, т. е. в случаях отлынивания от работы в совете и др., это право избирателей почти не применялось.

Необходимо подчеркнуть, что отзыв депутатов в сельских советах проводился аппаратным порядком, без необходимого политического заострения. Естественно такая практика отзыва не имела того политического значения, которого она заслуживает. Он не был мобилизующим началом в работе совета, не создавал дисциплины среди депутатов, а, наоборот, косвенно способствовал росту случаев прямого отказа от работы по мотивам болезни, бедности и т. д. Под этими внешними мотивами в отдельных случаях скрывался просто злостный саботаж, как результат кулацкого влияния на того или иного депутата. В более распространенных случаях отказов и уклонений сказывалось непонимание политического значения работы совета.

И наконец, большим недостатком, отрицательно влиявшим на посещаемость пленумов и участие в работе советов как городских, так и сельских, следует признать отсутствие четкого определения обязанностей между отдельными депутатами. На эту причину неоднократно указывала печать и материалы многочисленных обследований советов, производившихся различными органами и в первую очередь органами КК РКИ.

К числу общих причин указанные выше материалы относили отдаленность совета от местожительства отдельных депутатов,

а особенно, когда один сельсовет объединяет несколько населенных пунктов. Совершенно игнорировать эту причину нельзя, но еще меньше оснований, чтобы ее выпячивать на одно из первых мест. В ряде случаев опровергается эта причина изучением работы ряда советов на протяжении 7—8 лет при сохранении одной и той же территории, объединяемой сельским советом.

Нами указывалось, что содержание работы пленумов, сельских советов, а равно и организационные формы ее в 1924—25 году слабо способствовали развертыванию советской демократии вокруг советов. Необходимо рассмотреть этот же вопрос с другой стороны. В силу того, что пленумы сельсоветов мало занимались вопросами хозяйственной жизни села, то эти вопросы все больше и больше рассматривались на сходах земельных обществ. Такое положение умаляло роль советов как органов диктатуры пролетариата. В отдельных случаях они даже подпадали не только под влияние, но даже под контроль сельских сходов. Печать неоднократно отмечала случаи, когда решения совета по общим политическим и хозяйственным вопросам утверждались на сходах земельных обществ.

Насколько широко сельские сходы занимались решением хозяйственных вопросов деревни может служить помещаемая ниже таблица, составленная по материалам обследования четырех сельских советов и четырех сходов Ульяновской губернии, произведенном НК РКИ РСФСР[1].

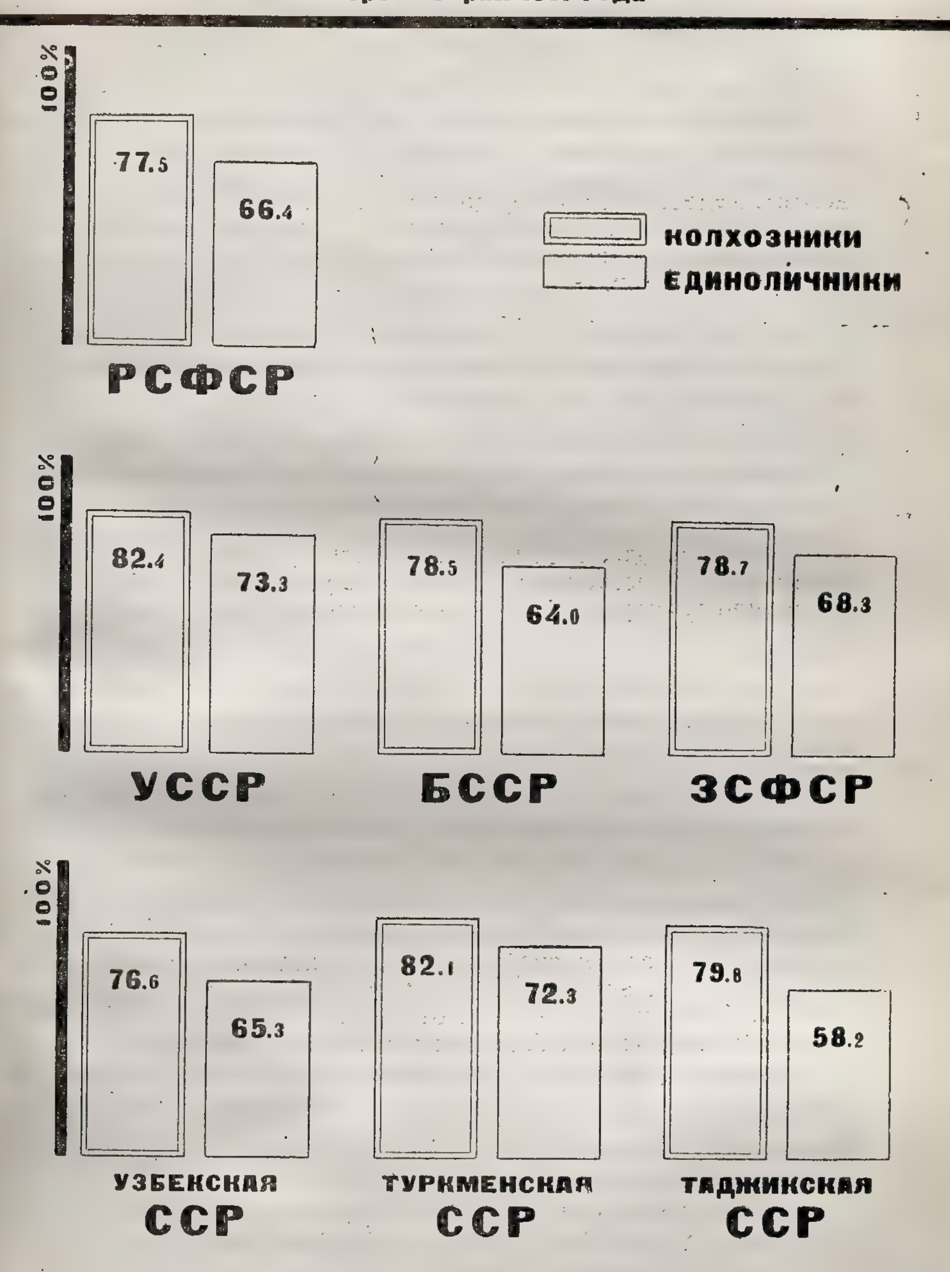
Название организации	За 14 мес. 1925/26 г. было собраний	По хоз. вопросам	По налоговым вопр.	По вопр. землеустр.	Опеки	Кооперац. и ком. крестьян. обществ. взаимоп.
Сельсоветы	69	26	7	9	1	2
Сходы	112	62	12	20	3	23

Как видно из таблицы обследованные советы не являлись той единственной массовой организацией, которая должна организовывать политическую активность трудящихся и направлять на решение политических, хозяйственных, культурных и административных вопросов деревни.

Поэтому «оживление советов» политически означало превращение их в подлинных проводников генеральной линии партии, в подлинные основные органы диктатуры пролетариата. Усиление работы советов упиралось в ряд причин, о которых часто говорилось выше. Здесь необходимо указать еще одну из них — это недостаток материальной базы, отсутствие собственного бюджета. Это вопрос большой. От него в известной степени зависело развертывание работы сельского совета и его секций.

[1] А. Лужин и М. Резунов. Низовой советский аппарат. Изд. Комакадемии, М. 1929, с. 71.

Активность колхозников и единоличников на перевыборах 1931 года

Важность вопроса о самостоятельном бюджете сельсоветов может быть подтверждена не только тем, что в ряде губерний сельбюджеты начали создаваться еще в 1923 году, но и тем, что почти все сельсоветы, существовавшие с приходо-расходными сметами, составляющими часть смет вышестоящих органов власти, имели свой «нелегальный» бюджет. Поэтому до самого последнего времени, когда всем сельсоветам предоставлено право иметь свой бюджет, можно их делить с этой точки зрения на две группы: сельсоветы «бюджетные» и сельсоветы с «нелегальным бюджетом». Недостаток ассигнуемых сельсоветам по смете вышестоящих органов власти сумм приводил к тому, что сельсоветы за свой риск и страх и далеко не всегда законно изыскивали самостоятельно дополнительные суммы. Это явление было настолько распространенным, что печать неоднократно отмечала, что «сельбюджет отсутствует только формально, а не фактически. Всякий, кто мало-мальски знает деревню, может перечислить ряд неизбежных расходов, которые оплачиваются обществом данного населенного пункта... фактически сельский бюджет есть, хотя формально нигде не записан, никем не утвержден» [1].

Основным источником доходной части «нелегальных бюджетов» сельских советов было «нелегальное» самообложение населения. Чаще всего наряду со сметой волисполкома или райисполкома часть расходов передавалась земельным обществам. Наличие фактически существующих, но никем не утверждаемых бюджетов, приводило к ряду отрицательных явлений. Прежде всего отсутствовал контроль за правильностью расходов со стороны вышестоящих органов. Но еще хуже, когда в ряде случаев земельные общества, покрывая расходы советов, усиливали свое влияние на них. Этим создавалась хотя и небольшая, но все же лазейка для кулака. Лишенный избирательных прав при выборах в советы он пытался воздействовать на последние через земельные общества.

Постановление ЦИК и СНК СССР «о самообложении населения для удовлетворения местных общественных нужд» от 29 августа 1924 г. [2] не разрешило материальных затруднений сельсоветов. Хотя этот добровольный сбор и имел своей целью содержание учреждений учебно-просветительных, лечебных, социального обеспечения и др., но органам власти, в том числе и сельсоветам, было запрещено участие в проведении самообложения и во взыскании взносов по нему. Это постановление носило на себе следы переходного этапа от периода военного коммунизма к восстановительному. Постановление было обязательным лишь в отношении тех, кто присутствовал на собрании, где решался вопрос об обложении, и голосовал за обложение. В отношении же отсутствующих или участвовавших, но голосовавших против, оно не было обязательным. В силу этого самообложение больших результатов вообще не могло дать.

---

[1] «Нижнее Поволжье», 1926 г. № 10—12, с. 98.
[2] С. З. 1924 г. № 6, ст. 79.

Последующие решения союзного правительства устранили ряд недочетов. Постановление от 24 августа 1927 года[1] предусматривало обязательность самообложения для всех граждан, если оно принято добровольно и при законном составе собравшихся, а постановление от 16 августа 1929 года[2] предусматривало участие в решении вопроса о самообложении лишь тех, кто не лишен избирательных прав при выборах в советы, но обложение было обязательным для всех, причем закон предусматривал диференцированную классовую раскладку самообложения между различными слоями крестьянства, соответственно их имущественному положению.

Четкое проведение самообложения означало наступление на кулака. В этом смысле эта кампания приобрела весьма большое политическое значение. Она вызвала сильнейшие классовые бои. Кулачество, игнорировавшее вопросы самообложения в 1924, 1925, 1926 годах, в последующие годы начало оказывать и оказывало активное противодействие проведению самообложения. В борьбе вокруг этого вопроса с наибольшей классовой четкостью выявлялось отношение к этим мероприятиям советской власти. Тактика кулачества сводилась главным образом к срыву собраний по самообложению, а там, где это не удавалось, оно пыталось провести свою кулацкую уравнительную раскладку (по дворам, по душам и т. д.). В этих случаях классовый враг прикрывался лозунгом «справедливости».

Как и в перевыборную кампанию кулачество прибегало и к более решительным мерам, как побои, убийство, поджоги и т. д. В ряде мест оно выступало с контрреволюционной агитацией против самообложения.

Окрепшие советы, под руководством местных партийных организаций, успешно проводили классовую линию, отражая все попытки кулачества. Сравнительно редко встречались такие случаи, когда ему удавалось сорвать обложение или провести его с нарушением классовой линии. Эти случаи сигнализировали о слабой работе не только того или иного сельского совета, но и партийных и других общественных организаций.

Поэтому проведение кампаний по самообложению политически ошибочно было бы оценивать только как одно из мероприятий по изысканию средств для удовлетворения хозяйственно-культурных потребностей деревни. Политическое значение их гораздо больше.

Сельсоветы в связи с обложением вели наступление на кулака, укрепляли союз бедноты с середняком, мобилизуя его на борьбу с классовым врагом. В этой борьбе сельсоветы укрепляли свои позиции — органов диктатуры пролетариата.

Необходимо подчеркнуть, что проведение четкой классовой линии, т. е. перенесение тяжести обложения на кулачество и освобождение бедноты, сыграло большую мобилизующую роль для организации бедноты, подъема ее боеспособности.

---

[1] С. З. 1927 г. № 51, ст. 509.
[2] С. З. 1929 г. № 14, ст. 451.

В рамках данной статьи нет надобности подробно останавливаться на недочетах сельских советов в связи с проведением самообложения. К наиболее политически вредным недочетам, решительно исправлявшимся вышестоящими органами власти, можно отнести:

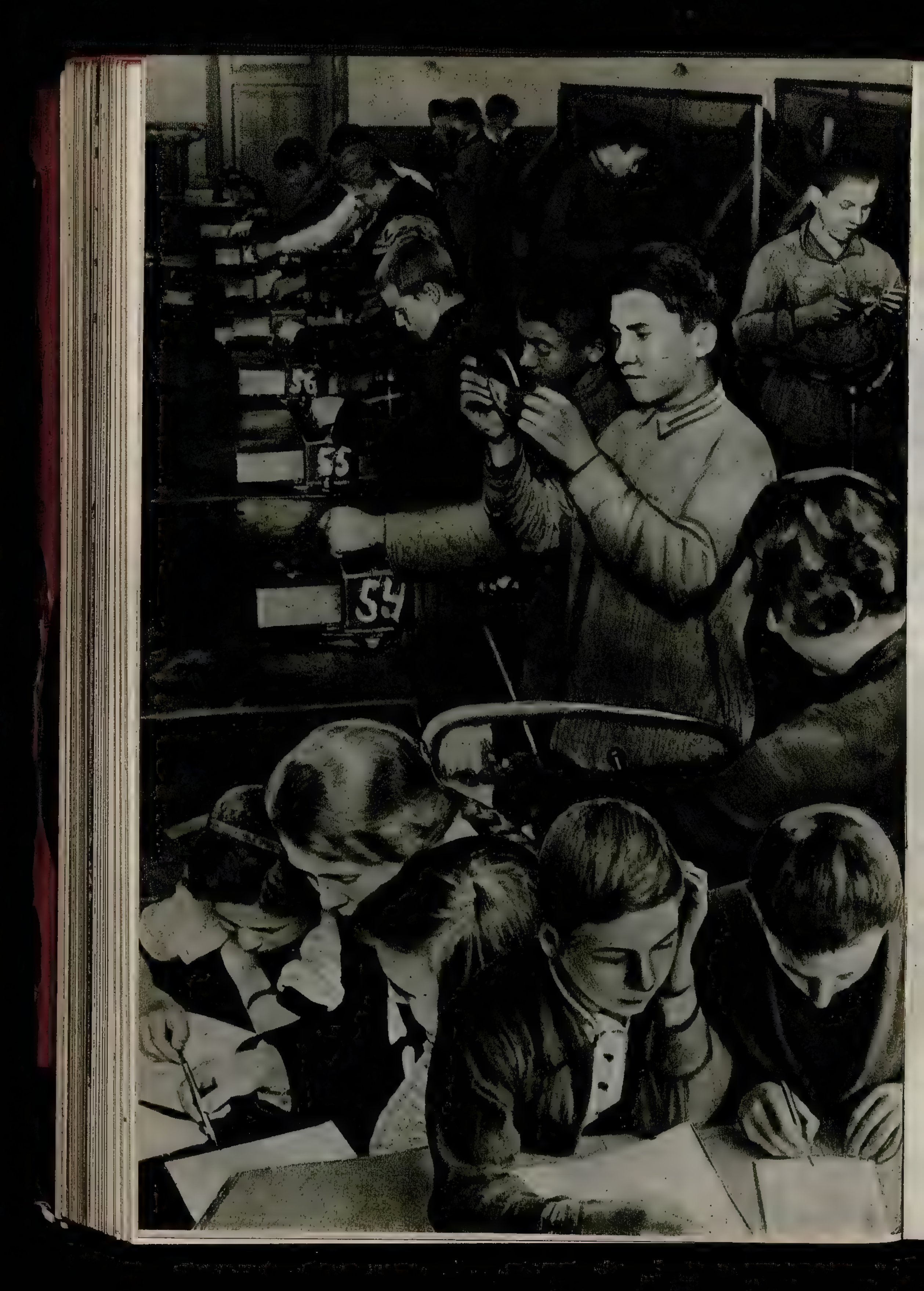
а) ослабление нажима на кулака, б) отнесение середняцких хозяйств к разряду кулацких, в) освобождение от обложения, наряду с беднотой середняка, что уменьшало материальную базу сельсовета, г) проведение обложения без участия широких масс, без соответствующей проработки, д) использование средств в противоречии с законом и постановлением собрания граждан и т. д.

Анализируя работу советов, III съезд советов Союза ССР в мае месяце 1925 года отметил, что советы в своей перестройке, начавшейся с 1922 года, добились значительных успехов, но вместе с тем констатировал наличие многих недочетов, препятствующих решению важнейших хозяйственно-политических задач. Съезд в соответствии с директивами партии потребовал от советов скорейшего устранения таких крупнейших недочетов: а) наблюдавшейся в ряде случаев оторванности советов от широких масс рабочих и крестьян, выражающейся прежде всего в недостаточно широком участии трудящихся, в частности, женщин в выборах в советы; б) умаления роли советов как коллективной организации и вытекающей отсюда замены советов и особенно сельских советов председателями, а исполкомов президиумами их; в) отсутствия должной связи выборных должностных лиц советской власти с избирателями и отрыва руководящих органов советов от массы избирателей, отсутствия должной отчетности перед ними; г) недостаточно полной проработки советами очередных хозяйственных, культурных и политических вопросов на пленумах, а также недостаточной предварительной проработки практических вопросов советского строительства в секциях и комиссиях, в которых должны принимать активное участие все члены советов, вокруг которых должен создаваться советский актив; д) недостаточно внимательного удовлетворения запросов и потребностей рабочего и крестьянина, работницы и крестьянки, пренебрежительного отношения служащих и должностных лиц к посетителям советских учреждений, стремления этих учреждений подменить разбор дела по существу бюрократической отпиской; е) громоздкой, малоподвижной и нерациональной постановки работы учреждений, вызывающей волокиту, раздражающую население.

Одним из сильнейших средств и условий устранения всех недочетов в практической работе советов съезд признал необходимым введение регулярного отчета членов советов перед своими избирателями с развитием широкого осуществления прав критики советов и работы всех органов власти.

Приступая к работе по оживлению советов, в первую очередь было обращено внимание на улучшение постановки выборов в советы, так как от их успешного проведения, от удачного подбора членов совета зависит в значительной степени практическая работа советов. Основной политической задачей избирательной

ЛЕНИН
ЛЕНИН

56
55
54

кампании на всех этапах развития советов являлся и является вопрос об активности избирателей.

Вот данные, которые характеризуют рост активности (рост количества) избирателей:

По сельским советам РСФСР имеем следующие данные[1]:

1922	1923	1924/25	1925/26	1927	1929	1931
22,3	37,2	41,1	47,5	47,6	60,7	69,1

В городах:

1922	1923	1924/25	1925/26	1927	1929	1931
36,5	38,5	40,5	52	59,4	70,4	78,4

Здесь даны средние статистические данные, но в отдельных советах, а особенно в деревне имел место ряд случаев, когда процент участия в выборах снижался до 10—15, особенно в первые годы восстановительного периода. Это объясняется плохой постановкой работы по перевыборам советов. На количестве участвующих в выборах в большей степени сказалась также низкая политическая сознательность и низкая общая культурность. «Индиферентности этой к советскому строительству мы не замечаем, говорил на совещании по советскому строительству т. Ноздрачев из Курской губ. — не замечаем потому, что по традиции старины, наше крестьянство привыкло итти на выборы не целой кучей из каждого дома, а обыкновенно представительством от двора. Когда мы этот процент высчитаем не по отношению ко всем избирателям, а по отношению к домохозяевам, мы с уверенностью можем сказать: в выборной кампании участвовало не менее 35%»[2]. Другой участник того же совещания, касаясь вопроса о низкой посещаемости избирательных собраний, отметил, что значительное снижение количества избирателей, принимающих участие в перевыборах, идет за счет того, что женщины не привыкли ходить на собрания, а кроме того не редки случаи, когда мужчины вместо того, чтобы «вытащить» свою мать, сестру или жену на собрание, наоборот, препятствуют этому. Молодежь в этот период была также мало активна.

Да и сами перевыборы имели много недостатков. Перевыборные собрания иногда сводились к формальной процедуре протаскивания твердого списка кандидатов, возражение против которого или дополнение его считалось далеко не революционным делом. Вот оценка того положения, данная т. Сталиным:

«До сего времени дело обстояло так, что в целом ряде районов выборы советов в деревне представляли не действительные выборы, а пустую канцелярскую процедуру протаскивания «депутатов», путем целого ряда ухищрений и нажима со стороны узкой группы правителей, боявшихся потерять власть. Результатом этого было то, что советы из органов близких и родных массам рисковали превратиться в органы, чуждые массам, а руководство кресть-

---

[1] Здесь в обоих случаях процент взят к общему числу избирателей.

[2] Из выступления участника совещания по советскому строительству т. Ноздрачева, Курской губ. См. «Совещание по вопросам сов. строительства». Изд. ЦИК Союза ССР, с. 65.

янством со стороны рабочих — эта основа и крепость диктатуры пролетариата—рисковала повиснуть в воздухе» [1].

Изучив действительное положение с выборами, партия решительно отвергла эти методы — методы всякого принуждения при выборах. Партия не могла мириться с таким положением, когда выборы проходят при явно малом участии избирателей, когда сами выборные собрания иногда превращаются в пустую канцелярщину, прямого навязывания и протаскивания кандидатов, что естественно вызывало возмущение со стороны основных масс крестьянства, когда лишение избирательных прав в ряде случаев проводилось не по Конституции, а вопреки ей.

В январе 1925 года ЦИК Союза ССР было принято общее постановление, которое отменяло перевыборы там, где участие избирателей было явно недостаточным, далеко не соответствовало общей активности трудящихся масс. На основе опыта прошлых перевыборов был установлен минимальный процент участия избирателей в выборах, чтобы признать их правильными. Такой нормой было 35% к общему количеству избирателей.

Отмена перевыборов, где они проходили неправильно, с нарушением взятой линии партии и советской власти, на развитие широкой демократии и где процент участия избирателей независимо от причин был ниже 35, сыграла величайшую роль в достижении перелома как среди местных работников в их отношении к оживлению советов, так и среди избирателей в их отношений к советам.

Почему политику решительного оживления советов мы начали с отмены перевыборов?

Прежде всего потому, что перевыборы у нас в пролетарском государстве есть самая широкая форма вовлечения широчайших масс трудящихся в государственное строительство. У нас абсолютное большинство взрослого населения, т. е. старше 18 лет, имеет избирательные права. Лишенные избирательных прав дают незначительный процент. Так, например, в 1926 году в сельских местностях лишено избирательных прав 661 400 чел., или 1,2% к общему числу взрослого населения; в 1927 г. 2 110 650 чел., или 3,5%; в 1929 г. — 4,1%; в 1931 г. — 3,7%; в городах — в 1927 г. — 7,7%; в 1929 г. — 8,5%; в 1931 г. — 4,9%.

Участие в выборах у нас не заключается в том, чтобы придти и проголосовать бюллетенем, повесткой или рукой, а состоит в том, что собравшиеся избиратели проверяют работу своих избранных и намечают практическую программу деятельности будущего состава совета на время до новых перевыборов. Поэтому отмена перевыборов в 1925 году представляла собою резкую постановку о решительном изменении методов перевыборов и первый решительный и реальный шаг в деле оживления советов. Необходимо подчеркнуть, что отмена была не только из-за частных ошибок и недочетов. Она тесно связана с принципиальными коренными недостатками практического руководства крестьянством.

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 2, 1930 г., с. 200.

Отрыв совета от масс в условиях диктатуры пролетариата — явление недопустимое. В отличие от буржуазного государства, где между управляемыми и управляющими лежит целая пропасть, у нас советы сливаются с массами во всех своих звеньях. Выборы должны вести к укреплению классового господства и улучшить аппарат этого господства. У нас это достигается массовым привлечением трудящихся к участию в выборах, развитием критики и самокритики работы советов. При выборах же в парламенты в буржуазных государствах создается лишь фикция участия, якобы масса принимает участие в перевыборах. Сила буржуазного государства заключается в притуплении масс, в создании условий слепого повиновения. Там после перевыборов депутат отрывается от населения, он не подотчетен и массы ему нужны лишь как объект угнетения, что он проводит вместе со всем буржуазным аппаратом.

Проведением частичных перевыборов в ряде мест партия и центральные органы власти добились известного, хотя и далеко недостаточного перелома. В 1926 году была первая после окончания гражданской войны и упрочения пролетарской диктатуры широкая и открытая избирательная кампания, когда при перевыборах советов впервые открыто выступили основные социальные группы избирателей города и деревни. Необходимо подчеркнуть, что как и раньше, в предыдущих избирательных кампаниях, на первом месте по своей активности стоял рабочий класс. Но активность его по сравнению с предыдущей избирательной кампанией возросла все же недостаточно. Более значительно повысилась активность неорганизованного населения (жены рабочих и служащих, мелкие кустари, ремесленники и т. д.). По данным ВЦИК РСФСР процент участия этих последних вырос с 24 до 37. Объясняется это тем, что в предыдущих избирательных кампаниях процент участия этих групп и слоев населения был чрезвычайно низок.

Эта перевыборная кампания в деревне полностью отразила улучшение политической обстановки, подчеркнув тем самым правильность линии партии. Наибольшей активностью отличалась середняцкая масса. Бедняцкая и батрацкая часть деревни в эту кампанию достаточной активности не проявила, что явилось показателем недостаточной работы с этой частью деревни и послужило сигналом к максимальному развертыванию ее.

Перевыборы, проводившиеся под знаком оживления советов, оторвали середняка от кулачества, сблизили середняка с беднотой и значительно ослабили влияние кулачества на основные крестьянские массы. Учтя соотношение классовых сил, кулачество вынуждено было в значительном большинстве случаев отказаться от открытой защиты своих классовых интересов, перейдя к фальшивым методам «защиты интересов бедноты».

Политический итог этой перевыборной кампании тот, что мероприятия, намеченные партией и правительством по оживлению советов, дали ряд величайших положительных результатов. Прежде всего, перевыборы подтвердили правильность взятого партией на XIV партийной конференции и на XIV партсъезде политического

курса и подчеркнули полное банкротство мелкобуржуазных партий (эсеры, меньшевики и др.). Руководящая роль партии не только не ослабла, как этого хотели наши классовые враги всех мастей и оттенков, но была поднята на новую высоту. Возросший авторитет партии и ее влияние в рабочих и крестьянских массах ознаменовал собою новый этап в укреплении диктатуры пролетариата. Рабочий класс и основные крестьянские массы (середняк, бедняк и батрак) еще лишний раз убедились, что только «единственный вождь и руководитель пролетарской диктатуры — коммунистическая партия может обеспечить победу пролетарской революции» [1].

Так ответили рабочие и крестьяне на новые попытки мелкобуржуазных партий восстановить свои организации и влияние на трудящиеся массы. Попытки эти носили чрезмерно замаскированный характер. Как на одну из более распространенных следует указать, например, контрреволюционную агитацию за необходимость особых крестьянских, а на самом деле кулацких партий и союзов, противопоставляемых гегемону — пролетариату и его авангарду — коммунистической партии. Однако эта агитация не только не имела успеха среди бедняцко-середняцких масс, но наоборот, была встречена еще большим сплочением этих масс под знаменем коммунистической партии. К таким же результатам привели попытки и другого порядка — попытки тащить рабочий класс в болото мелкобуржуазной политики, под прикрытием якобы «чисто пролетарской» внешности, якобы «подлинно пролетарской» политики и «фальшиво-левых» лозунгов, противопоставляемых линии ВКП(б). Также не нашли поддержки в массах попытки возрождения мелкобуржуазных националистических партий.

Политика оживления советов, направленная к полному уничтожению политического влияния буржуазных элементов на трудящиеся массы, сыграла ту важнейшую политическую роль еще и тем, что помогла трудящимся массам уяснить то основное, что все попытки буржуазных и мелкобуржуазных элементов направлены к возврату к капитализму, т. е. это — попытки повернуть страну назад — к власти буржуазии, оказать услугу международному капиталу в его борьбе с единственной страной в мире, ставшей на путь социалистического строительства.

Перевыборная кампания 1926 года явилась вместе с тем и проверкой низовых парторганизаций, а равно и ряда органов власти и общественных организаций, насколько они правильно уяснили политику партии на оживление советов и насколько организованно выступили в борьбе за проведение ее в жизнь. Проверка дала положительные результаты.

Партийные организации вообще и в деревне в частности встретили и провели выборную кампанию более организованно, чем частичные перевыборы в 1925 году. Улучшена по сравнению с прошлым и организационная сторона перевыборов, а именно: рост количества предвыборных собраний, установление практики

---

[1] Постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) о перевыборах советов от 20/VII 1926 г.

предварительного намечения и обсуждения кандидатур, рассылка избирательных повесток и т. д.

Но не обошлось и без крупнейших недочетов.

Прежде всего, «партийные организации и особенно низовые партийные организации оказались недостаточно подготовленными к борьбе с этими (кулачество в деревне и мелкобуржуазные слои в городе, *И. С.*) враждебными элементами»[1]. Некоторые из них, решительно отказавшись от методов командования, перегнули палку в другую сторону, а именно — в сторону прямого отказа от партруководства. Особенно сильно это сказалось среди ряда парторганизаций деревни. Хвостистское понимание своих задач в условиях обостренной классовой борьбы иногда доходило до прямых попыток «спрятать лицо» парторганизации, попыток отказа от выступлений от имени парторганизации в защиту линии партии, попыток отказа от выдвижения и защиты своих кандидатов в советы. Как констатировал июльский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 года руководящие местные организации не всегда давали решительный отпор хвостистским настроениям деревенских организаций. Да и вообще они не уделяли того внимания перевыборам, которого заслуживала и заслуживает эта важнейшая политическая кампания.

«Как авангард и вождь пролетариата, коммунистическая партия, не говоря уже об общей политической линии, должна быть всегда во главе рабочих и крестьянских масс, беря на себя инициативу и роль основного организатора во всем практическом революционно-пролетарском строительстве, со все большим привлечением к нему рабочих и крестьянских масс. Это относится ко всем областям экономического, культурного, профессионального и политического строительства в советской республике, а тем самым и к делу исправления недочетов и ошибок советских, кооперативных и других органов, а также в борьбе с прямыми и еще нередкими злоупотреблениями в их работе»[2] — так определяла свои задачи партия на XIV партконференции.

Ведь азбучной истиной марксизма является то положение, что нельзя ни на минуту забывать или в какой-либо мере затушевывать, что пролетарское руководство по отношению к крестьянству будет только в том случае действительным руководством самого последовательного и самого решительного в пролетарской революции класса — пролетариата, если оно будет направляться коммунистической партией, признанной трудящимися массами, единственно подлинной выразительницей насущных интересов всех трудящихся города и деревни в их борьбе за строительство социализма.

Встает вопрос, почему эта азбучная истина могла быть забыта некоторыми партийными организациями? Чем объяснить недостаточность политического инструктирования низовых организаций со стороны ряда местных партийных органов? Чем объяснить

---

[1] Л. М. Каганович. Партия и советы. ГИЗ, 1928 г., с. 70—71.

[2] XIV конференция ВКП(б). Стенографический отчет. ГИЗ, 1925 г., с. 275—276.

скудное освещение в печати хода перевыборов, форм и методов классовой борьбы, развернувшейся вокруг них?

Изучение имеющихся материалов, относящихся к перевыборам 1926 года, дает целый ряд объяснений и раскрывает основные причины. Прежде всего, как это и было подчеркнуто в решениях июльского пленума (1926 г.) ЦК нашей партии, что задачи правильного проведения и политического руководства этой перевыборной кампанией очень и очень осложнились. Весьма большую трудность представляло руководить развертыванием советской демократии в условиях значительного оживления классово-враждебных элементов, прикрывавшихся разговорами об интересах трудящихся, об интересах бедноты и т. д. при слабости общественных организаций. Изменение методов руководства в такой конкретной обстановке для ряда еще достаточно неокрепших организаций было далеко не легким делом. Отставание ряда партийных организаций находит некоторое объяснение, но не оправдание и в отсутствии непосредственной опасности и угрозы со стороны врагов пролетарской диктатуры. И наконец, сказалось в сильной мере непонимание новых методов руководства, неумение сочетать решительное отстаивание политической линии партии с развертыванием советской демократии, с одной стороны, с изоляцией враждебных строительству социализма буржуазных и мелкобуржуазных элементов — с другой.

Однако эти недочеты не характеризуют ни в какой мере руководящую и направляющую работу партии в целом. Недочеты, ошибки и промахи отдельных организаций быстро исправлялись по директивам и под непосредственным руководством ленинского ЦК нашей партии. Политически ошибочно было бы оценивать и работу местных организаций, а в том числе и низовых по указанным недочетам, не видя той колоссальной положительной работы, как это делала оппозиция, беря изолированно одни лишь недочеты и раздувая их во много раз. Об этом скажем ниже.

Кроме того, в эту перевыборную кампанию имели место случаи извращения политической линии партии со стороны не только местных, но и центральных советских органов. К числу подобных фактов извращения мы относим противоречащие партийной линии отступления, допущенные при разработке избирательных инструкций и разъяснений.

Сущность извращений заключалась в том, что избирательные инструкции и разъяснения создали возможность для пролезания в советы некоторым слоям и группам классово-враждебных нам элементов. Избирательные инструкции относятся к числу важнейших политических законодательных актов, к которым предъявляется требование наибольшей политической четкости, ясности и полной гарантии от неправильного лишения избирательного права тех, кто не может быть лишен его, и, наоборот, требуется такая же гарантия в отношении недопущения к участию в перевыборах советов классовых врагов.

Вопросы избирательного права относятся к числу тех, где требуется максимальная централизация. Между тем инструкция

1925 года предоставила местным (областным и окружным) органам власти определение категории лиц, пользующихся наемным трудом в сельском хозяйстве. Само собой разумеется, такая постановка вопроса не могла не привести к различному пониманию и большому разнобою. Эта же избирательная инструкция предоставляла избирательные права мелким торговцам-разносчикам (торговцам I разряда) без учета того, по каким соображениям то или иное лицо перешло к занятию торговлей. Известно, что в это время, кроме лиц, избиравших себе это занятие как профессию, имелись категории лиц, получавшие бесплатные патенты в качестве социального обеспечения, а равно имелись мелкие торговцы из артелей безработных, организуемых в целях борьбы с безработицей и т. д. Естественно, здесь требовался четкий политический подход к различным группам. В связи с этим в избирательную кампанию при наличии роста нэпманских элементов в городе и кулачества в деревне имело место сокращение числа лиц, лишенных избирательных прав, что как явно ненормальное и политически ошибочное явление было подчеркнуто в решении июльского пленума ЦК нашей партии (1926 г.). Партия потребовала и добилась от органов советской власти приведения избирательных инструкций в соответствие с политической линией партии.

К числу недостатков избирательной кампании нужно отнести слабую, недостаточную работу профсоюзов и особенно индустриальных, кооперации, крестьянских комитетов взаимопомощи. Слабо также участвовали даже такие организации, как комсомол и женские делегатские собрания, не исключая и женских делегатских собраний работниц.

Политическое значение отмены ЦИК СССР перевыборов в 1925 году, где процент участия избирателей был ниже 35, само говорит за себя. При возросшей общей активности естественно должна была возрасти активность избирателей. Противное свидетельствовало о том, что все местные организации не уделили должного внимания этой кампании. Постановление ЦИК СССР требовало большей организованности и активности организаций, проводивших перевыборы. Однако это совершенно четкое постановление отдельными партийными и советскими организациями в перевыборную кампанию 1926 года было понято как метод нажима на избирателей к подъему их активности. Например, Смоленская губернская избирательная комиссия вместе с партийной организацией самостоятельно, по собственной инициативе установили, что участие в выборах в сельсоветы должно быть не менее 50% от общего количества избирателей. В результате, чтобы поддержать свой авторитет, им пришлось отменять перевыборы, где процент избирателей был выше 35 и ниже 50 и назначать новые перевыборы.

Повторные перевыборы в ряде мест дали еще худшие результаты, что вынудило губернские организации назначать перевыборы в третий раз. В конечном итоге вмешался ВЦИК и отменил все повторные перевыборы, оставив в силе первые перевыборы, где процент участия избирателей равнялся 35 и выше.

Такое же увлечение повышением процента избирателей имело место и в других местах (Тульская губ., Кирреспублика и т. д.), где минимальный процент участия в выборах был установлен в размере 70.

Погоня за установленными процентами нередко приводила к административному нажиму, что противоречило политике партии. Кое-где принимались такие меры, как угроза. «Выходи все на выборы! Начальник милиции приехал!», или «Явка на перевыборное собрание обязательна; не придешь — три рубля штраф»; «Повестку получил — явись обязательно; последствия такие же, как за неявку в суд» и т. д.[1].

Все эти мероприятия относятся к разряду тех, которые партия и советские органы решительно исправляли. Необходимо все же сказать, что подобные недочеты отдельных организаций не могут характеризовать общий ход перевыборной кампании, а являются отрыжкой методов периода военного коммунизма.

Какой же конечный итог первой широкой перевыборной кампании? Основной политический итог тот, что, несмотря на ряд крупнейших недостатков, ошибок и пробелов, перевыборы советов 1926 года с наибольшей четкостью подтвердили правильность взятого партией политического курса, подняли авторитет партии и усилили ее влияние на трудящиеся массы города и деревни, подчеркнули полное банкротство мелкобуржуазных партий (меньшевиков, эсеров и др.), сплотили трудящиеся массы вокруг советов, под руководством вождя пролетариата — коммунистической партии, мобилизовав их на борьбу с классовыми врагами, а в конечном итоге укрепили диктатуру пролетариата. Вместе с тем, итоги перевыборов в советы с особой силой подчеркнули вздорность всякого рода «теорий» и воплей мелкобуржуазной реакции «об отмирании советов», которое с их точки зрения было неминуемым вследствие их классовой однородности. Под руководством коммунистической партии пролетариат достиг величайших успехов в борьбе за отрыв середняка от кулачества, политически изолировав его, укрепил союз пролетариата и бедноты с середняком, добился значительных успехов в деле вовлечения основной крестьянской массы в дело социалистического строительства.

Перевыборная кампания этого года послужила в то же время перелому в работе самих советов. Рост активности рабочего класса бедняцко-середняцких масс нашел свое выражение и в практической работе советов. Пленумы советов все чаще и чаще ставили на повестку дня актуальные вопросы хозяйства и культурно-бытового обслуживания трудящихся. Они начали превращаться из торжественных и парадных заседаний в действительно работающие пленумы. Увеличилась активность депутатов. Начала широко развертываться критика и самокритика работы советов со стороны трудящихся. Советы начали превращаться в подлинных организаторов миллионных масс.

[1] Сравн. А. С. Киселев. «Что показали перевыборы Советов». Гиз. 1926 г., с. 41—43.

Оценка избирательной кампании 1926 года, а равно и работы советов, данная в решениях июльского пленума ЦК нашей партии, послужила новым толчком к дальнейшей мобилизации масс вокруг советов.

Последующие избирательные кампании прошли под знаком величайшего политического внимания всей партии и рабочего класса. Характерной особенностью их, как вообще всех широких перевыборных кампаний в стране советов, была деловая сосредоточенность масс на актуальных вопросах социалистического строительства. Здесь можно сказать отсутствовала торжественная шумиха, политическая трескотня, которая свойственна выборам в буржуазные парламенты, где обман трудящихся масс достигает своего предела. Борьба партий за массы при парламентских выборах не может обойтись без политической трескотни, посулов, обещаний и пр.

У нас в условиях диктатуры пролетариата, перевыборы, проходящие под руководством единой партии пролетариата — коммунистической партии,—в такой шумихе не только не нуждаются, но она вредна. Вся сила и энергия партии направляются на практическую мобилизацию масс вокруг советов и задач, стоящих перед ними. Поэтому партия добивалась и добивается наиболее широкой отчетности советов и отдельных членов их перед своими избирателями. Поэтому она требует, чтобы отчеты были не «вообще», а были серьезными деловыми отчетами, которые бы служили делу мобилизации масс вокруг задач, стоящих перед советами страны в целом и перед данным советом. Если проследить за этим из года в год, то станет очевидным и бесспорным, что каждый год приносил нам новые успехи в строительстве социализма.

«Социализм есть переход от общества с диктатурой пролетариата к обществу безгосударственному. Но для того, чтобы переход этот осуществить, необходимо подготовить переделку государственного аппарата в таком направлении и таким путем, при помощи которых может быть на деле обеспечено превращение общества с диктатурой в общество безгосударственное, в общество коммунистическое. Для этой цели и служит лозунг оживления советов, лозунг насаждения советской демократии в городе и деревне, лозунг приобщения лучших элементов рабочего класса и крестьянства к непосредственному управлению страной. Исправить государственный аппарат, переделать его по-настоящему, изгнать из него элементы бюрократизма и разложения, сделать его близким и родным для широких масс—все это невозможно без постоянной и активной помощи самих масс государственному аппарату. Но активная и непрерывная помощь масс, в свою очередь, невозможна без вовлечения лучших элементов рабочих и крестьян в органы управления, без осуществления прямой и непосредственной связи государственного аппарата с глубочайшими «низами» трудящихся масс»[1].

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 2, 1930 г. Речь в Свердловском университете 9 июня 1923 г., с. 182—183.

Успехи политики оживления советов были достигнуты в ожесточенной борьбе с классовыми врагами. Особенно в ожесточенные формы она выливалась в деревне. Наступление на кулака — ограничение и лишение его экономических возможностей развития и лишение политических прав не могло не вызывать противодействия со стороны кулачества. Для последнего была совершенно ясна роль советов в борьбе с ним по вопросам обложения, спекуляции хлебом, найма и эксплоатации батраков, аренды земли, политических прав и т. д. Кулачество понимало, что укрепление советов и улучшение их практической работы ускорят приближение его гибели как класса.

Первая открытая широкая кампания перевыборов в советы 1926 года была показателем роста активности кулачества. Оно выступило здесь впервые как активная сила, стремящаяся к власти. Годы восстановительного периода ему показали, что, при диктатуре пролетариата, экономическое развитие его будет решительно ограничиваться и вытесняться. Не отказываясь в ряде мест от организации бойкота советов, чаще всего кулачество в эту кампанию пыталось выдвинуть в советы свои кадры. Довольно часто в этой перевыборной кампании кулачество возглавлялось бывшими офицерами, чиновниками и другими враждебными элементами.

Отмечено было проявление активности мелкобуржуазных слоев и при перевыборах городских советов.

Неоценимую услугу классовым врагам оказывала оппозиция, выступавшая против линии партии. Отражая «напор мелкой буржуазии на позиции пролетарской власти и ее политику» своей подрывной работой внутри партии она окрыляла классовых врагов, которые использовывали нападки оппозиции для целей борьбы с политикой советской власти.

Вместе с тем, оппозиция пыталась посеять среди трудящихся масс и в первую очередь среди рабочего класса, сомнение в правильности политической линии партии, породить сомнение в возможности построения социализма в нашей стране. Таким образом, роль ее сводилась к вооружению классовых врагов и разоружению пролетариата и руководимых им бедняцко-середняцких масс крестьянства.

Только в решительной борьбе с оппозицией партия добилась больших успехов в деле строительства социализма. Объединенная оппозиция, лживо именовавшая себя «большевиками-ленинцами», шла по пути ревизии ленинизма, прикрываясь клятвенными заверениями в верности Ленину и ленинскому учению, она поступала примерно так же, как поступали раньше и теперь все ревизионисты учения Маркса-Энгельса. Чтобы судить об оппозиции этого времени, достаточно ознакомиться с так называемой «платформой» оппозиции, которая уже к 1926 году зашла очень далеко, хотя еще она находилась в рядах партии. Созданием «платформы», которая по сути является не чем иным, как платформой другой партии, своей подпольной работой против ленинской партии оппозиция показала трудящимся, куда метит ее программа. Оценку созида-

тельной работы она производила только по отдельным нашим недочетам и больным местам. Но даже и здесь у нее нехватало хотя бы минимальной добросовестности: отдельные недочеты не только брались изолированно, но и преувеличивались во много раз. Борясь против генеральной линии партии и опираясь в этой борьбе на классово-враждебные слои населения, оппозиция ничего положительного не видела. Поэтому она клеветала на партию по всем вопросам ее политики.

Здесь мы не будем касаться всех этих вопросов, а рассмотрим лишь нападки оппозиции на политику партии в области советского строительства. Как и по другим вопросам, не приводя абсолютно никаких фактических и цифровых данных, оппозиция, клевеща на партию и советы, утверждала о росте бюрократического перерождения советского аппарата, о переплетении верхушки его с зажиточными слоями города и деревни. Не стесняясь в выражениях, она кричала о том, что советы даже в городе окончательно утрачивают свое значение, что они отстраняются от решения основных политических, хозяйственных и культурно-бытовых вопросов, что все больше они отрываются от широких рабочих масс и т. д. и т. п. Все эти вздорные, клеветнические обвинения опровергаются данными первой широкой перевыборной кампании советов.

Утверждая в своей платформе о росте бюрократического перерождения советов, оппозиция не нашла для себя возможным, опираясь на учение Ленина, выяснить причины этого роста. Она исходила из простого положения — не важны действительность, факты и доказательства, а важно как можно больше выдвинуть обвинений против партии, как можно больше вылить помоев на голову ленинского ЦК.

«Каковы экономические корни бюрократизма? Главным образом эти корни двоякие: с одной стороны, развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову в военном, затем судейском и т. д. Этого у нас нет. Суды у нас классовые, против буржуазии. Армия у нас классовая, против буржуазии. Бюрократизм не в армии, а в обслуживающих ее учреждениях. У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие о б о р о т а между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними» [1].

Это писалось Лениным в 1921 году. Утверждение оппозиции о росте бюрократического перерождения советов есть клевета на партию и утверждение того, что партия как будто бы вела рабочий класс и всю Страну советов по пути, создающему и усиливающему экономические корни бюрократизма. За подобные выводы оппозицию хвалила белогвардейщина во главе с Милюковым. Наши классовые враги и их опора—оппозиция—не хотели видеть бьющих в глаза фактов, что за 6 лет нэпа,—т. е. до появления в свет «платформы», очень многое изменилось в смысле улучшения работы всей

[1] В. И. Ленин, т. XXVI, изд. 3, с. 339—340.

советской системы, что за это время произошел большой хозяйственный и политический рост.

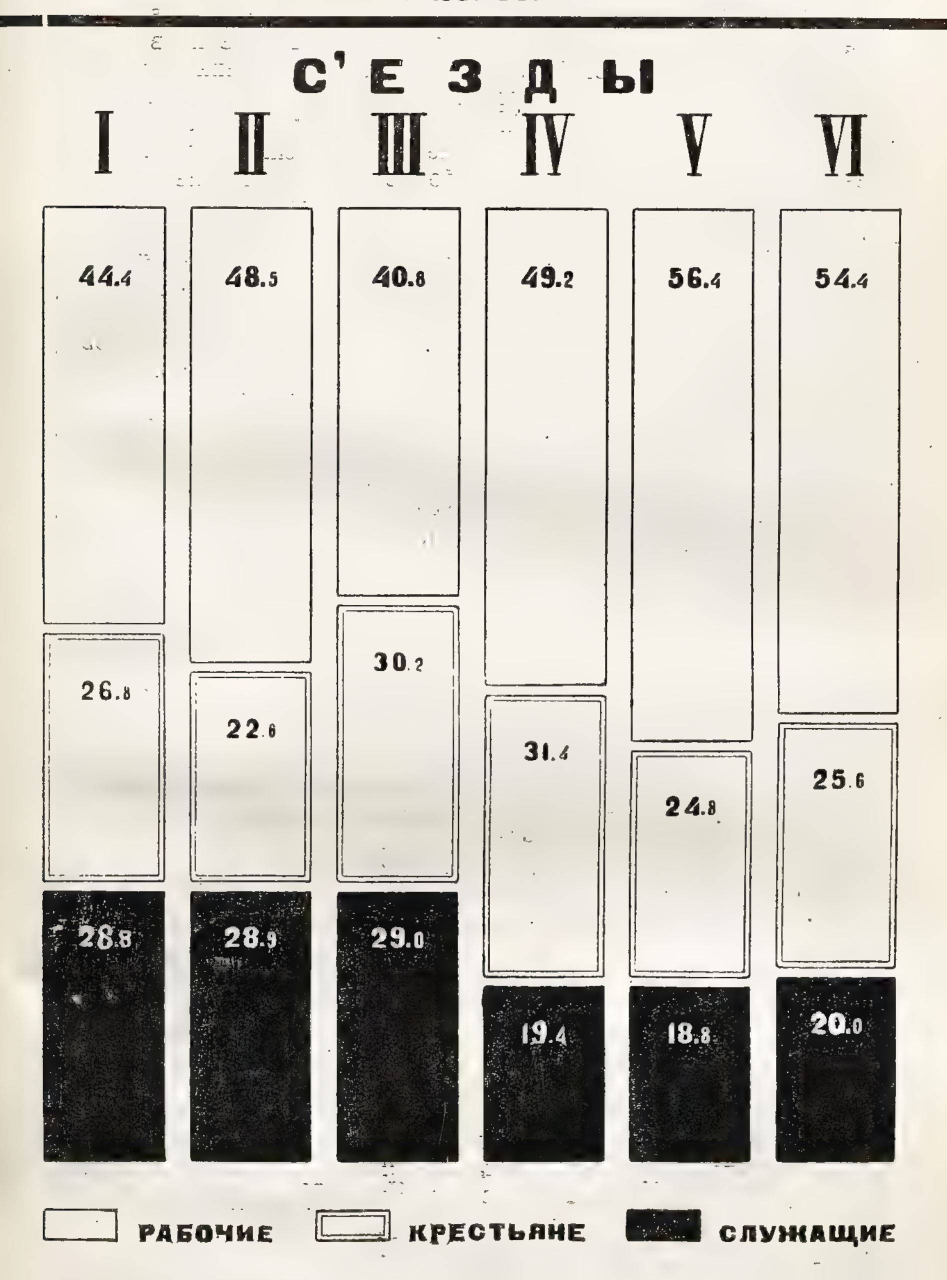
Партия никогда не скрывала и не скрывает того, что в нашем аппарате немало бюрократизма. Это подчеркивалось не в одном решении партийных органов. С ним ведется усиленная борьба. Необходимо отметить, что оппозиция, обвиняя партию в росте бюрократического перерождения советов и их оперативного аппарата, сама выступала против ряда практических мероприятий, имевших кроме других целей и борьбу с бюрократизмом. Так было с оппозицией, когда она выступила против снижения цен, поощряя тем самым бюрократические тенденции торгового, синдикатского и хозяйственного аппарата. Такое же противодействие партии и советской власти она оказывала и своими выступлениями против рационализации нашего производственного аппарата, а тем самым под видом защиты интересов рабочего класса она покровительствовала и поощряла рутину и бюрократизм в этом аппарате.

Столь же бездоказательным, клеветническим и в полном противоречии с фактами было утверждение оппозиции об утрате советами своего значения, об устранении их от решения основных политических, хозяйственных и культурно-бытовых вопросов, об увеличивающемся отрыве их от трудящихся масс. Можно ли утверждать об утрате своего значения советами, когда из года в год росла активность трудящихся и в первую очередь рабочего класса? Можно ли утверждать, что советы устраняют себя от решения политических, хозяйственных и культурно-бытовых вопросов, когда эти вопросы в результате политики оживления советов составляют от 60 до 85% всех рассматриваемых вопросов? Можно ли утверждать об отрыве советов от трудящихся масс и в первую очередь от рабочих масс, когда в практической работе советов принимают участие сотни тысяч человек. Так, например, в 1926 году, т. е. в то время, когда оппозиция с особенной решительностью нападала на партию по этим вопросам, в секциях Московского и районных советов принимало участие 12 295 человек, а в Ленинградском свыше 16 000. Кроме того, в различных комиссиях, организуемых секциями советов, в одной Москве свыше 27 500 рабочих приняло участие в обследованиях и исправлениях недочетов разных учреждений и организаций. Сотни учреждений—коммунальных, здравоохранения, просвещенческих, хозяйственных, частных и др.—подверглись проверке работы их секциями, что дало совету наиболее полно откликнуться на различные нужды в хозяйственной и культурно-бытовой областях и еще больше охватить своей работой трудящиеся массы. Тоже самое наблюдалось в той или иной степени и в других городах и селах.

Все утверждения «о перерождении советов» оказались возможными лишь для тех, кто не желал видеть действительного положения вещей, кто игнорировал факты, кто пытался ослабить союз пролетариата и бедноты с средним крестьянством, кто вел борьбу против укрепления диктатуры пролетариата.

Вопреки обвинениям оппозиции, в центре внимания работы партии все время стояли вопросы оживления советов, расширения

Социальное положение делегатов I—VI съездов советов Союза ССР

внутри советской демократии, усиления активности рабочего класса, бедняцких, батрацких и середняцких слоев деревни, вопросы изоляции кулачества и других капиталистических элементов. Вопреки обвинениям оппозиционного блока советы за первые два года политики «оживления советов» добились в своей практической работе больших результатов. Каждый год приносил новые победы. С каждым годом советы втягивали в управление государством и в организацию производства все новые и новые массы трудящихся, с каждым годом советы оказывали свое влияние на дальнейшее развитие нашей экономики по социалистическому пути.

Если партия при помощи ряда органов, рычагов и приводов диктатуры пролетариата вела за собой массы по пути к социализму, то каковы в то же время были политические перспективы оппозиционного блока? Оппозиция шла под знаменем троцкизма — это основное, что определяло ее политические перспективы. Нападки и клевета на основную направляющую силу — партию и основные государственные органы диктатуры пролетариата — советы вытекали из троцкистского понимания характера и перспектив нашей пролетарской революции. Не веря во внутренние силы нашей революции, объединенная троцкистско-зиновьевская оппозиция, в условиях затягивающейся международной революции, пыталась тащить партию назад, сбить ее с ленинского пути, навязать ей свою ревизионистскую политику. Отсюда авантюризм ее политики, ее бешеные нападки на партию и советы.

«Без ясных перспектив нашего строительства, без уверенности построить социализм, рабочие массы не могут *сознательно* участвовать в этом строительстве, они не могут *сознательно* руководить крестьянством. Без уверенности построить социализм не может быть воли к строительству социализма. Кому охота строить, зная, что не построишь?» [1]. Без ясных и четких перспектив партия не смогла бы руководить массами, учитывать силу и возможности социалистического строительства. Без них массы не пойдут за партией. Отсутствие их неминуемо толкает в болото оппортунизма, а также и к полному идейному перевооружению, независимо от того — будут ли это отдельные члены партии или группы.

Ярким примером тому может служить троцкизм, который, как оппозиция внутри коммунистической партии, завершил свой круг полным перевооружением, став передовым отрядом «контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР» [2].

Успехи социалистического строительства создавали в рабочем классе и в основных массах крестьянства новые силы и новую уверенность в торжество окончательной победы. Это в свою очередь увеличивало организующее влияние партии на трудящиеся

---

[1] И. В. Сталин. «Об оппозиции». Гиз, 1928 г., с. 361.

[2] И. В. Сталин. «О некоторых вопросах истории большевизма», изд. «Моск. раб.». 1931 г., с. 14.

массы, разоблачало клевету троцкистско-зиновьевской оппозиции и ускоряло разгром последней.

XV партийная конференция, состоявшаяся в конце 1926 года (26 октября—3 ноября), подведя итоги хозяйственной политики за годы нэпа признала восстановительный период в общих чертах законченным и поставила задачей перестройку хозяйства на основе новой, более высокой техники. К этому же периоду закончилось собирание распыленного в условиях гражданской войны и интервенции пролетариата. Окрепли его организации. Окрепли и советы, улучшили свою работу, достигли успехов в части вовлечения трудящихся масс в непосредственную работу по управлению государством. Улучшился также и социальный состав советов.

Конференция признала главнейшими итогами восстановительного процесса «обеспечение руководящей роли командных экономических высот, находящихся в руках пролетариата, при достижении довоенных размеров промышленного и сельскохозяйственного производства, железнодорожного транспорта, достижение преобладающей роли кооперации и госторговли в области товарооборота, установление твердой валюты и построение на новой основе кредитной системы». Перед рабочим классом и всеми его организациями встала новая, грандиозная, но в то же время, более трудная задача коренной перестройки всего хозяйства на новой технической базе и дальнейшее развитие темпа индустриализации.

Всем, кто не был ослеплен борьбой против диктатуры пролетариата было ясно, что темп дальнейшего развития народного хозяйства вследствие чрезмерной технической отсталости его, полученной нами от буржуазного общества, замедлится по сравнению с истекшими годами восстановительного периода. Ибо одной из характерных особенностей начального, первого этапа индустриализации является та, что затраты на новое строительство дадут свою производственную эффективность спустя продолжительное время. Конечно, очевидным было и то, что темп развития народного хозяйства, несмотря на все трудности в условиях диктатуры пролетариата, превысит довоенные темпы, а равно превысит темпы капиталистического развития в послевоенное время. Эти основанные на марксистско-ленинском анализе конкретной действительности предвидения подтвердила жизнь рядом побед на всех участках хозяйственного строительства.

Преимущества хозяйственного строительства у нас перед капиталистическим миром те, что основные средства производства составляют собственность государства, что развитие народного хозяйства, восстановительный процесс его сопровождался усилением социалистического сектора, а это в свою очередь создавало условия для усиления планового руководства всем хозяйством, для большего воздействия государства на экономику. Кроме того, имеет чрезвычайно большое значение отношение непосредственных производителей к результатам производства. Если в условиях капитализма рост производительных сил, а вместе с ним рост материальных благ связан с усилением эксплоатации рабочего

класса, с угрозой кризиса, то в условиях диктатуры пролетариата, наоборот, рост производительных сил связан с улучшением материально-бытового положения трудящихся и в первую очередь рабочего класса. Поэтому естественно принципиально различное отношение рабочих к производительности труда.

Разрешение практической задачи индустриализации нашего хозяйства ставило перед пролетарским государством задачу большой политической важности — наметить такой путь индустриализации промышленности, который бы создавал благоприятные условия для развития производительных сил сельского хозяйства. Необходимо было установить еще большую производственную связь промышленности с сельским хозяйством, придавая ведущую роль первой.

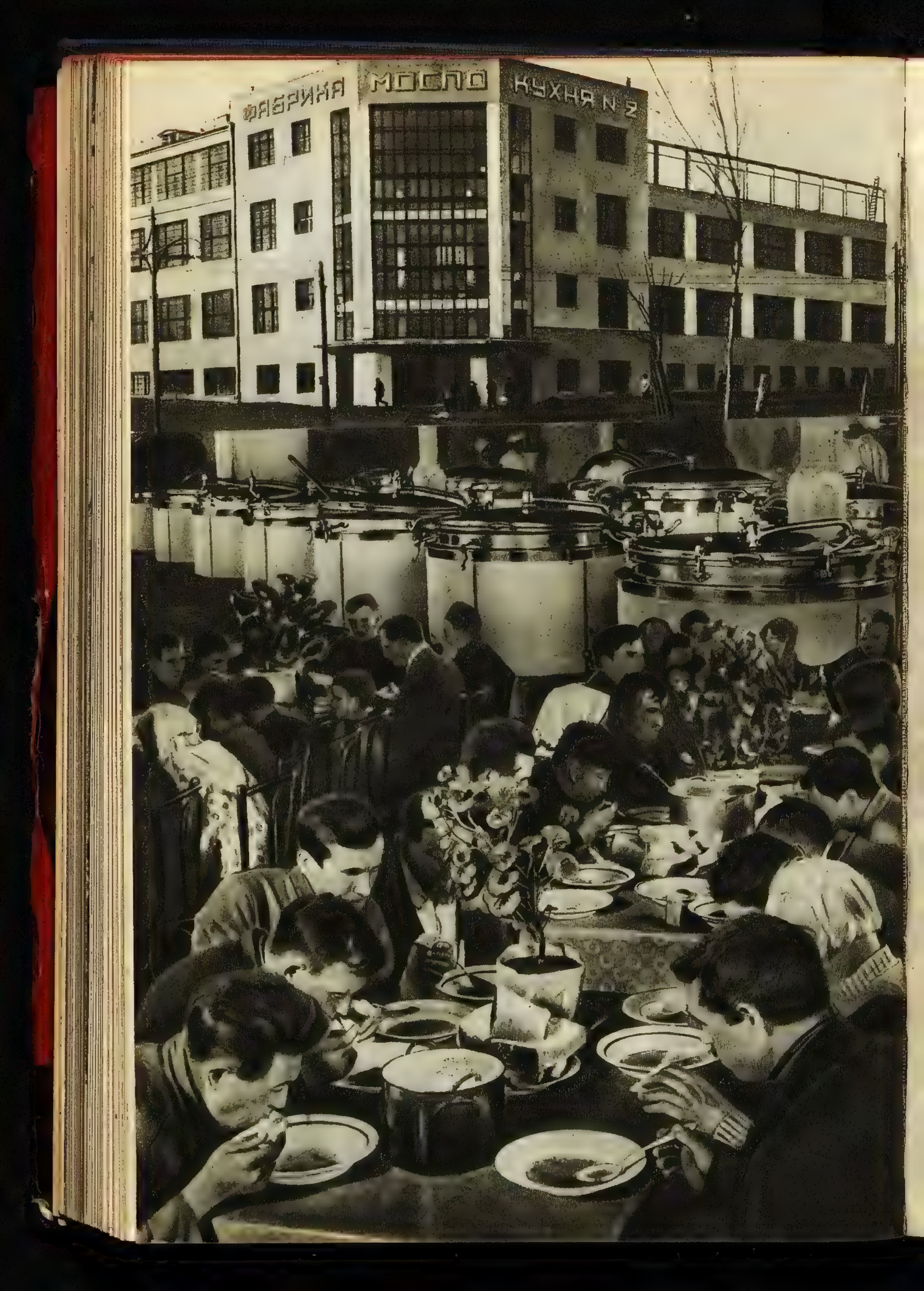
Промышленность нуждалась в развитии сельского хозяйства как потребитель производственного сырья. Нуждалась она и в продуктах питания. Это задача сложная, но выполнимая. Крестьянство также заинтересовано в индустриализации промышленности не только как покупатель предметов потребления и производства, но и как производитель сельскохозяйственного сырья. Конец восстановительного периода со всей силой подчеркнул, что выявившийся острый недостаток в орудиях сельскохозяйственного производства может быть разрешен только с развитием индустриализации. Помехой к развитию быстрых темпов дальнейшего роста нашего народного хозяйства являлось еще и преобладание отсталых и мало производительных форм сельского хозяйства. Однако ряд мероприятий советской власти, проведенных в сельском хозяйстве, сказались на росте и укреплении кооперации и прежде всего — сельскохозяйственной. Окрепли и выросли количественно и качественно к этому времени советские хозяйства. Возросла и усилилась роль социалистического сектора в сельском хозяйстве. Положено было твердое начало организации крупного социалистического сельскохозяйственного производства.

Но в то же время весьма низкий уровень земледельческой культуры, вытекавший из преобладающего положения отсталых форм сельского хозяйства, создавал в ряде районов Союза ССР перенаселение деревни и усиленный отход излишних рабочих рук в город. Преодоление этого явления ставило задачей — освоение новых земель в малонаселенных местностях, создание местной промышленности и т. д. Но опять-таки окончательное изжитие этого явления возможно только с развитием индустрии.

Новый этап развития и перестройки всего нашего хозяйства на новой высокой технической базе требовал от партии, государства и рабочего класса в целом величайшего напряжения всех сил. Реализация преимуществ социалистического хозяйствования перед капиталистическим и составляла важнейшую историческую задачу всех организаций рабочего класса.

Перед советами встала во весь рост задача мобилизовать объединяемые ими многомиллионные массы и направить их растущую активность на дело решения практических задач, вытекающих из основной задачи индустриализации. Политическая обстановка

М.С.П.О.
ХЛЕБОЗАВОД №3

ФАБРИКА
МОСПО
КУХНЯ № 2

настоятельно требовала дальнейшего повышения их роли как основных органов диктатуры пролетариата.

Одним из основных практических вопросов индустриализации стоял вопрос о накоплении. От успешного решения его зависел темп индустриализации. Источниками его партия и советская власть намечали: накопления от обобществленной промышленности, использование доходов других отраслей народного хозяйства, использование сбережений населения, которые должны идти через кооперацию, сберкассы, кредитную систему, внутренние займы и т. д. Советы как во время перевыборов, так и в своей практической работе ставили задачу мобилизации внимания и усилий трудящихся на этих вопросах. Успех решения этих задач советами во многом зависел от увязки их работы, их усилий с работой других общественных организаций (профсоюзы, кооперация, комсомол и т. д.), от активности и политической четкости работы последних.

Вопрос о внутрипромышленном накоплении на дело индустриализации ставил по-новому задачи всемерной рационализации промышленности, применение в ней новейших достижений мировой науки и техники, решительное сокращение накладных расходов, ускорение оборачиваемости капиталов, увеличение роста производительности труда и повышение трудовой дисциплины. Естественно этот круг вопросов все больше и больше заполнял практическую работу городских советов и других общественных организаций.

Но нельзя сказать, что все советы целиком и полностью успешно справлялись с этими задачим. Правда, имелся несомненный сдвиг в их работе, но еще и к XV партконференции далеко не все советы и даже не большинство их справлялось с решением вопросов, вытекающих из новых установок партии на индустриализацию страны. Особенно мало было приложено ими усилий для использования средств населения через кооперацию, сберегательные кассы, кредитную систему, займы и т. д. А между тем, восстановительный период сопровождался улучшением материального положения населения и создавал возможности накопления некоторых остающихся у него свободными средств. Повышение роли советов в решении этих актуальнейших вопросов означало усиление воздействующей роли государства на коренную перестройку всей нашей экономики.

Окончание восстановительного периода поставило в порядок дня осуществление мероприятий, вытекающих из общей политики партии и советской власти в отношении сельского хозяйства, а тем самым в отношении крестьянства. Здесь конечно не могло быть такого положения, что по отношению к промышленности одна политическая установка, а по отношению к сельскому хозяйству другая, диаметрально противоположная. В обоих случаях политика преследовала одну и ту же цель—подведение экономического фундамента под здание строящегося социализма.

Иной точки зрения держалась объединенная троцкистско-зиновьевская оппозиция по вопросу об отношении к крестьянству.

Правда, здесь имелись две крайних точки зрения, отвергнутые партией еще на XIV съезде как капитулянтские установки. Политический и практический смысл одной из них сводился к максимальному покровительству сельскому хозяйству, к вложению туда возможно больших средств, чтобы потом на последующих этапах развития поставить проблему индустриализации. Суть второй сводилась к такой постановке вопроса индустриализации, которая бы превращала сельское хозяйство в своеобразную колонию промышленности.

Такая постановка вопроса индустриализации исходила из антимарксистского понимания противоречий между городом и деревней, из явного умаления роли и значения диктатуры пролетариата. Антимарксистски извращая факты, живую действительность, оппозиция игнорировала достижения предыдущих лет со времени Октябрьской революции, отрицала значение командных высот пролетариата и его силы.

Если партия и советы, предвидя трудности индустриализации, мобилизовали на преодоление их трудящиеся массы и в первую очередь рабочий класс, то оппозиция в своих выступлениях перед рабочими массами и в печати с ловкостью жонглера изыскивала целые миллиарды. «На полмиллиарда сократить расходы за счет бюрократизма. Взять за ребра кулака, нэпмана — получим еще полмиллиарда. Один миллиард выиграем, поделим между промышленностью и зарплатой. Вот в двух словах наша хозяйственная программа»[1]. Пожалуй еще с большей легкостью В. Майзлин в своих подсчетах находил другой миллиард в тридцати-процентном повышении цен на товары промышленности[2].

Как бы очевидна ни была несуразность таких предложений, но в основе их лежала ревизия ленинской политики, клевета на партию и советы, попытка подорвать их авторитет и влияние их в массах, ослабить диктатуру пролетариата. Для этих целей троцкистско-зиновьевская оппозиция исходила из того положения, что «все средства хороши». Хотя эта политическая авантюра и не находила своей поддержки в массах рабочего класса, но тем не менее она оттягивала силы партии и советов на борьбу с ней.

Политика партии и советов в деревне исходила из учета двух тенденций развития сельского хозяйства: капиталистической и социалистической. Отсюда практические мероприятия в области сельского хозяйства были направлены к тому, чтобы при общем развитии производительных сил сельского хозяйства быстрее росли и укреплялись социалистические формы его. Все эти мероприятия имели своей важнейшей политической задачей укрепление союза рабочего класса с основными массами крестьянства — беднотой и середняками. В связи с этим роль сельских советов в деле проведения хозяйственной политики партии еще больше возросла. От них требовалась еще большая связь с основными массами крестьянства. Как, скажем, без участия сельских советов могли бы

---

[1] Из выступления т. Зиновьева на «Авиаприборе». См. стенографический отчет XV партконференции, с. 128.

[2] См. статьи В. Майзлина. «Большевик» № 18 за 1926 г.

центральные органы власти оказать помощь бедноте в части освобождения от налога, правильно распределить кредиты, имеющие своей целью поднятие бедняцких хозяйств. Только при помощи этого органа пролетарской диктатуры на селе все эти мероприятия могли быть политически правильно проведены в жизнь и достичь своей цели.

Не меньшая роль сельсоветов заключалась в содействии правильному классовому снабжению деревни сельскохозяйственными машинами, в организации сбыта сельскохозяйственной продукции и т. д. Исключительно важная задача перед ними росла и ширилась—это содействие развитию и укреплению коллективных хозяйств, которые в первый период реконструкции хозяйства играли еще лишь роль образцов, наглядных показателей преимущества социалистических форм сельского хозяйства перед капиталистическими. Понятно объем всех задач, стоявших перед сельсоветами, не исчерпывается перечисленными здесь вопросами. Но во всех случаях сельсоветы должны были ставить и ставили вопросы о новых массах, при помощи которых можно было бы проводить все эти хозяйственно-политические мероприятия.

С точки зрения классовой борьбы осуществление указанных выше мероприятий означало дальнейшее наступление на кулака в деревне и на нэпмана в городе. Советы—эти организаторы и руководители миллионных масс—по мере их укрепления, политического и практического улучшения их работы, большего охвата масс и направления их возросшей активности на борьбу с классовыми врагами, все больше и больше служили мишенью классовой ненависти этих последних.

Наступление на кулака путем дальнейшего ограничения его экономических возможностей развития и лишение его политических прав и не только прав участия в выборах в советы, но принимать какое-либо участие в решении всех вопросов деревни немыслимо без обострения классовой борьбы, которая является результатом классового расслоения деревни, результатом роста социалистических элементов нашего хозяйства. Нельзя однако сделать из этого такой вывод, что в этот или другие предыдущие или последующие периоды партия и советы шли на разжигание классовой борьбы, хотя известно, что всякое наступление обостряет классовую борьбу. Без этого не может быть наступления. Это в одинаковой степени относится как к классовой борьбе в городе, так и в деревне, хотя методы и формы ее имеют свои особенности.

Наступление социализма, а следовательно и классовая борьба происходила во всех областях социалистического строительства. По мере своего укрепления советы и их массовые органы, секции и комиссии, становились организующими центрами всей хозяйственно-политической жизни страны. Усиление руководящей роли советов одновременно означало новый нажим на классового врага, ибо усиление их роли предполагает привлечение новых сотен тысяч трудящихся к непосредственному участию в управлении государством и выдвижение новых классово-выдержанных испытанных кадров.

Этим объясняется и изменение тактики классовых врагов в борьбе с советами. Например, если в перевыборах советов 1926 года (а то же самое и в перевыборах кооперации) кулачество очень часто выступало под знаком «солидарности интересов» всех слоев и групп деревни, то выступления в защиту этого «единства» в перевыборы 1927 года уменьшились, а в перевыборную кампанию 1929 года они носили единичный характер. В последующую кампанию 1931 года такого рода выступлений совершенно не отмечалось. Эта тактика нашего классового врага безусловно связана с ростом организованности бедноты, с ее политическим ростом, что наряду с другими причинами служит показателем работы советов.

Изменение тактики кулака отмечает собою этапы ухода середняка по пути к социализму. Видя совместные выступления бедноты с середняками против кулачества, последнее особенно при перевыборах органов власти на селе, принимая подчас внешний облик бедноты (одевая лапти вместо сапог, рваную шубу или зипун), пыталось противопоставить интересы бедноты интересам середняков. Он мол «за беднюту против середняка». Там же, где беднота организационно и политически была слаба, а середняк оставался «нейтральным», кулачество, хотя и с осторожностью, но все же пыталось показать общность его интересов с середняком. Примеров ухищрений кулачества можно привести бесконечно много по любому вопросу деятельности советов, независимо от того, будут ли это вопросы политические, хозяйственные или культурно-бытовые.

Агитация кулачества принимала особую активность во время выборов в советы. Причем эта активность его росла по мере развития наступления на кулачество. Если скажем сравнить перевыборные кампании 1926 и 1927 года, то в 1927 году его выступления носили более активный и более организованный характер. Активность врага является в данном случае показателем усиления роли советов как органов диктатуры пролетариата. Действия врага подтверждали тот несомненный факт, что шло не перерождение советов, как утверждала оппозиция, а их усиление и переход в дальнейшее наступление во главе масс.

Как и в 1926 году в перевыборы 1927 года кулачество в ряде мест вело агитацию за бойкот перевыборных собраний. В таких случаях кулачество возвращалось к своему лозунгу «единства интересов всего крестьянства». Как правило доводом за бойкот перевыборов оно выставляло то, что «сельсоветы это органы, которые созданы для того, чтобы давить всех крестьян налогами».

Там же, где беднота выступала организованно, где она активно выступала на отчетных и перевыборных собраниях, где агитация за бойкот не могла иметь никакого успеха, кулачество решительно изменяло свою тактику. Здесь оно прибегало к устранению своих классовых врагов всевозможными мерами: охаивание кандидатур партии и бедноты, запугивание бедноты, а особенно батрачества, спаивание, с последующей дискредитацией этим же, т. е. пьянством, подкуп материально нуждающихся, поджоги,

убийство активистов, причем независимо от того, кто это будет — председатель или член совета, селькор, разоблачающий махинации кулачества, или вообще активист или активистка. Иногда для своих классовых целей отвод того или иного кандидата мотивировался даже бедностью его, плохим состоянием хозяйства. Кулачество в этих же целях не стеснялось в отдельных местах выступить с одобрением политики партии, с указанием на значение и величину ее работы, но... но все же «данному кандидату, хорошему со всех точек зрения, необходимо заниматься своим хозяйством, чтобы прокормить семью» — говорило кулачество. Мотивами к отводу со стороны кулачества служили также: малограмотность, болезнь, перегрузка другой работой, многосемейность, плохое материальное состояние и др.

Весьма любопытна тактика кулака была по вопросу об избирательных участках. Дело в том, что советские органы в целях приближения избирательных собраний к населению устанавливали мелкие избирательные участки. Понятно, мера эта была со всех точек зрения политически правильной: крестьянству не приходилось ездить на отчеты или перевыборы советов за десяток верст, сокращалось время и расходы избирателей. Естественно, кулак вел борьбу против этого. Основным мотивом, с которым кулак выступал, было то, что при незначительном количестве собравшихся нельзя выбрать достойных в советы. Маскировка ясна. Укрупнение избирательных участков, участков, затрудняющих участие всего населения и особенно батраков и бедноты в перевыборах. Ослабить силы последних — это значит усилить свои шансы.

В перевыборы советов 1927 года печать отмечала ряд случаев кулацких подпольных собраний, имевших целью выработку общей тактики по вопросам перевыборов. Производились они под разными внешними предлогами: от выпивки «по случаю» до «чтения библии» включительно. Однако и эти попытки большого успеха не имели.

Характерным для избирательной кампании 1927 года было: решительное отстранение кулачества от какого бы то ни было участия в решении политических вопросов, с одной стороны, и его решительная и упорная борьба за право голоса — с другой. Раньше оно относилось к перевыборам более равнодушно и не придавало им большого значения. Изменение тактики кулачества вытекало из усиливающейся роли сельсоветов как органов диктатуры пролетариата.

Необходимо отметить, что в избирательную кампанию 1927 года значительно возрос процент и абсолютные цифры лишенных избирательных прав. Это объясняется прежде всего возросшей активностью трудящихся масс, их классовой мобилизованностью. Оказало большое влияние и изменение избирательных законов, произведенное в целях уточнения вопроса о лишении избирательных прав. В известной степени процент лишенных избирательных прав возрос и за счет ряда существенных политических ошибок, допущенных при составлении списков лиц, лишенных избирательных прав. Об ошибках можно судить по данным

республиканских избирательных комиссий. Так, например, по РСФСР из 1 395 жалоб, рассмотренных Всероссийской центральной избирательной комиссией, было установлено в 727 случаях неправильное лишение избирательных прав, т. е. 52,1% жалоб. Примерно такую же картину с небольшими отклонениями мы имеем и по другим союзным республикам.

В практике местных избирательных комиссий оказалось весьма трудным решение вопроса о выборном праве лиц, применяющих в своем хозяйстве наемную рабочую силу. При решении его местные сельские избирательные комиссии иногда лишали избирательных прав середняков и даже бедняков. Игнорируя материальное положение крестьянина, они иногда лишали избирательных прав за наем няньки, за наем рабочего во время уборки урожая, фруктов, табака и т. д. Не обошлось и без курьезов, подобных тому, когда лишали избирательных прав вследствие т. н. преклонного возраста, лишение избирательных прав сельских учителей за то, что они живут у местного священника и «повидимому пользуются его влиянием» и т. д.

Несмотря на то, что эти политические ошибки и недочеты, поскольку о них становилось известным вышестоящим органам, быстро устранялись, все же у отдельных лиц и особенно середняков-крестьян, интересы которых особенно сильно задела практика ряда местных комиссий, стало складываться мнение, что партия и советская власть устраняют их от непосредственного участия в управлении государством. Против этого рода практики, с одной стороны, и настроений и мнений — с другой, и было направлено решение февральского пленума ЦК ВКП(б) (1927 г.). Подчеркивая необходимость проявления максимума чуткости к избирательным правам среднего крестьянства, пленум указал, что «лишение избирательных прав середняка есть объективно прямая помощь кулачеству. Всякая попытка такого расширительного толкования инструкции, при котором под категорию лишенных избирательных прав подпадает середняк, должна рассматриваться как грубейшая политическая ошибка».

К числу крупных политических недочетов этой избирательной кампании необходимо отнести случаи, когда при выдвижении кандидатур в советы игнорировалось середнячество. Здесь имело место явное недопонимание директивы партии об усилении организации бедноты и батрачества. Забывалось здесь то, что это «усиление» предполагало вместе с тем рост новых связей и укрепление блока бедноты с середняком—основной массой крестьянства в деревне. Эти политические ошибки в некоторых районах привели к тому, что кандидаты бедноты прошли в советы от 70 до 100 процентов, оттеснив таким образом основную массу крестьянства—середняков.

Это явно ненормальное, расходящееся с политикой партии и советской власти явление свидетельствовало о том, что были забыты, а быть может в отдельных местах игнорировались многочисленные директивы партии и советской власти об отношении к середняку. Подчеркивая роль середняка в советском государстве,

в решениях XIV партсъезда указывалось, что всякая недооценка середняка, «непонимание его исключительно важной роли, попытка повернуть партию от лозунга прочного союза с ним к устаревшему лозунгу его нейтрализации, «боязнь середняка» объективно приводит к подрыву пролетарской диктатуры, ибо тем самым разрывается рабоче-крестьянский блок»[1].

На других недочетах избирательной кампании, организационных и технических, останавливаться не будем. Их было немало.

Мы приводили здесь много недочетов и политических ошибок избирательной кампании 1927 года. Необходимо сказать и то, что она, несмотря на все недочеты и ошибки, носила на себе особый отпечаток, который соответствовал общему подъему воодушевления и активности рабочих и крестьян. Эта кампания совпала с подведением итогов за 10 лет со дня Октябрьской революции.

О чем говорили итоги? Их данные сводились к тому, что пролетариат и основные массы крестьянства, вопреки лжи и инсинуации оппозиции, воочию убедились в результатах своих усилий. Они были настолько велики, что даже белогвардейская газета «Руль» по случаю десятилетия Октябрьской революции писала: «Как это ни обидно для самолюбия, приходится однако сознаться открыто в своей ошибке. Вопреки нашим предсказаниям, советский режим пышно и громко справляет свой десятилетний юбилей. Москва до отказа переполнена ответственными и иностранными делегациями, разукрашена плакатами и флагами». Так оценивали наши успехи наши классовые враги, готовые при первой возможности задушить пролетарскую революцию.

Если первое пятилетие характеризовалось большим упадком всего народного хозяйства, вызванным жесточайшей гражданской войной, то за последующее пятилетие пролетариат в союзе с крестьянством не только восстановил промышленность и сельское хозяйство по сравнению с довоенным уровнем, но приступил к реконструкции его на новой технической базе. К этому времени и сельское хозяйство, благодаря правильной политике партии, также перешагнуло довоенный уровень. Если валовая продукция крестьянского хозяйства при среднем урожае на душу населения составляла в 1913—14 году 82 руб. 60 коп., то в 1926—27 г. она уже составляла 84 руб. 80 коп. в одних и тех же исчислениях. С ростом народного хозяйства естественно улучшилось материальное положение рабочего класса и его союзника — крестьянства.

О величайших достижениях партии и советов первого десятилетия со дня Октябрьской революции говорит поставленная задача перехода на 7-часовой рабочий день, осуществленная почти полностью в следующем пятилетии. Эта историческая задача, поставленная партией и советами, была встречена классовыми врагами так же, как и в 1917 году, когда революционная закалка пролетариата, несмотря на разруху и ужасающую отсталость нашего хозяйства, позволила перейти на 8-часовой рабочий день. Как и тогда, враги пролетариата, пролетарской диктатуры кричали о

[1] XIV съезд ВКП(б), стенографический отчет. ГИЗ, 1926 г., с. 960.

«неизбежном крахе». Постановление правительства о переходе на 7-часовой рабочий день было встречено тем же воем со стороны всего буржуазного мира. Не отставала в этом и оппозиция в ВКП(б).

Вместе с тем, излагая непреклонную волю пролетариата вести победную борьбу за осуществление социализма, манифест ЦИК СССР мобилизовал массы на борьбу с новых отвоеванных и закрепленных позиций. «Социалистическая рационализация хозяйства, повышение ее техники и его организации, рост трудовой культуры, уничтожение рабских привычек и рабского темпа работы должны быть поставлены во главу угла. И на этом фронте мы должны победить. Тогда диктатура рабочего класса отразит, с помощью международного пролетариата, всякую атаку со стороны империализма»[1].

В этих словах манифеста ЦИК СССР со всей широтой была поставлена политическая задача перед советами и их оперативным аппаратом. Под знаком этих задач и проходила избирательная кампания 1927 года. Под знаком этих задач вновь выбранные советы организовывали свою работу. Под знаком этих задач происходило втягивание широчайших масс рабочего класса в деловую критику работы советов, в управление государством и организацию производства.

Происходивший в конце 1927 года XV партсъезд в своих решениях констатировал успех политики партии по оживлению советов. Съезд отметил, что «советы (их секции и комиссии) все более становятся организующими центрами хозяйственно-политической жизни, школой управления, орудием выдвижения новых бедняцко-середняцких кадров и т. д. Организация беспартийного актива вокруг советов подняла их авторитет в глазах широкой массы»[2].

Этих величайших успехов партия добилась в решительной борьбе с объединенной оппозицией, превратившейся к этому времени в орудие «мелкобуржуазной демократии внутри СССР и вспомогательный отряд международной социал-демократии за его пределами»[3]. Как известно, троцкистская оппозиция утверждала, что оживление советов есть такое оживление демократии, которое меняет характер нашего государства. Она твердила о затоплении нижних этажей классовыми врагами и т. д. Но жизнь наголову разбила все эти оппозиционные утверждения.

Приводимые ниже данные о социальном составе горсоветов показывают, как низовые советские звенья глубоко вросли в пролетарские массы. Эти данные не только подтверждают правильность политики партии, но вместе с тем показывают всю лживость, клевету и политический авантюризм оппозиции, выдвинувшей голое утверждение о перерождении советов и отрыве их от пролетарских масс. Причем из года в год процент рабочих в горсове-

---

[1] Манифест ЦИК СССР.
[2] XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет, с. 1314.
[3] Там же, с 1317.

тах возрастал. Так, например, сравним перевыборы 1926 и 1927 года, т. е. когда оппозиция особенно сильно выдвигала названные обвинения против партии и советов. По РСФСР рабочие в горсоветах составляли в 1926 году 38,8%, 1927—49,4%; по БССР соответственно 28,6% и 37,3%; по ЗСФСР—19,8% и 43,3% и т. д.

Вместе с тем необходимо отметить, что каждые перевыборы советов приносили обновление их новыми работниками, что говорило о качественном и количественном росте тех, кто может принять непосредственное руководящее участие в управлении государством. В перевыборную кампанию 1927 года мы имеем такие данные об обновлении городских советов: по РСФСР на 64,5%, по БССР на 58%, по ЗСФСР на 54,8%, по УзбССР на 56,2%, по ТуркССР на 64,4%.

Несмотря на попытки кулацких элементов пролезть в советы или провести своих кандидатов, состав сельских органов власти и в первую очередь—сельсоветов—также улучшался из года в год. В избирательную кампанию 1927 года беднота и маломощные середняцкие слои деревни стали основным социальным ядром в составе низовых органов власти на селе.

Конечно все эти данные не говорили о полном благополучии. Активность враждебных нам классов и групп в отдельных случаях сказалась и на социальном составе наших низовых органов диктатуры пролетариата, особенно в отдельных сельсоветах.

Величайшим достижением партии и советов было то, что состояние нашего хозяйства настолько окрепло, что позволило XV съезду ВКП(б) дать директивы о выработке пятилетнего плана.

Принятие пятилетнего плана, являющегося планом бурного социалистического наступления на всех фронтах, поставило перед советами ряд новых задач. Выработка и принятие пятилетнего плана вызывали необходимость перестроить работу всех организаций пролетариата и особенно советов с тем, чтобы успешно вести миллионные массы, объединяемые советами, в дальнейшее решительное наступление. Пятилетка требовала дальнейшего развития советской демократии, дальнейшего поднятия на новую высоту роли советов как органов диктатуры пролетариата, как проводников генеральной линии партии.

Необходимо подчеркнуть, что чрезвычайно важное значение в деле организации работы советов по-новому, за выполнение задач пятилетнего плана имело Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании советов 1929 года, созванное по инициативе ЦК партии и Президиума ЦИК СССР[1] в октябре 1928 года. Здесь по существу были подведены итоги работы советов за предыдущее время и намечена политическая канва их деятельности на дальнейший период. Это совещание как и сама перевыборная кампания 1929 года проходило под лозунгами партии: 1) обеспечение мира и укрепление обороноспособности Союза, 2) обеспечение принятых темпов индустриализации страны,

---

[1] Всесоюзное совещание по вопросам перевыборной кампании советов 1929 года. Изд. ЦИК Союза. Москва.

3) поднятие урожайности сельского хозяйства, 4) усиление борьбы с бюрократизмом при улучшении, удешевлении и упрощении государственного аппарата и дальнейшем вовлечении трудящихся в управление государством и в организацию производства.

Эта третья широкая избирательная кампания проходила в особых условиях международного и внутреннего положения. Новые попытки нажима империалистов на страну строящегося социализма, угроза войны, затруднения дипломатических и торговых сношений Союза с западно-европейскими странами и т. д. — все это характеризовало наше международное положение. Внутри страны мы имели: быстрый и успешный темп социалистического строительства, успешное проведение ряда мероприятий по реконструкции сельского хозяйства, развитие широкой активности рабочего класса и широчайших масс трудящихся, укрепление союза пролетариата с середняком, укрепление диктатуры пролетариата.

В связи с решительным наступлением на частно-капиталистические элементы усилилось сопротивление классовых врагов, обострилась классовая борьба. Обострение имело место не только в деревне, но и в городе. Правда, здесь она не была столько откровенной, как в деревне. Антисоветские выступления в городе носили по преимуществу замаскированный характер. Нередко даже были случаи, когда классовый враг пытался прикрыться политической линией партии.

В своих выступлениях классовый враг обычно использовал отсталые слои рабочих, кустарей, отсталые слои неорганизованного в профсоюзы населения. Темы для выступлений были весьма разнообразны. Но как правило преимущественно ставились вопросы хозяйственной политики. Подвергалась также антисоветской критике избирательная система («почему нет тайного голосования, неудобно открыто голосовать против администрации»), ставился вопрос о «свободе печати», о недостаточном улучшении положения рабочих и т. д. Особенно большим нападкам подвергалась политика усиленного наступления на частно-капиталистические элементы: ставились вопросы о расширении свободной торговли, концессионной политики, предоставлении избирательных прав бывшим торговцам и т. д.

Кроме выступлений на собраниях, — этой наиболее характерной для города формы классовой борьбы, — в избирательную кампанию 1929 г. отмечались единоличные случаи разбрасывания контрреволюционных листовок, срыва избирательных собраний, борьбы против выставленных кандидатов в советы, выставление своих кандидатов и т. д.

Наиболее ярко проявилась классовая борьба в деревне. Форма и методы ее дают все основания утверждать, что кулачество в 1929 г. совершенно отказалось от политики игнорирования советов и поставило своей целью, как и в 1927 году, во что бы то ни стало пробраться в советы и в крайнем случае иметь там своих людей. Со стороны классово-враждебных элементов деревни была проявлена еще большая инициатива и изобретательность, чем это имело место раньше.

Наиболее характерными методами классовой борьбы со стороны кулачества были: собрания кулаков и подпавших под их влияние для выработки тактики и методов борьбы, для чего широко использовались церкви, организация своих избирательных комиссий, организация своих групп бедноты из числа подпавших под влияние и экономически зависимых крестьян, спаивание, подкуп, организация помощи бедноте, угрозы, убийства, поджоги, организация ночлежек для приезжих, дискредитация, выпуск своей подпольной печати. Эти методы были отмечены и в предыдущие перевыборы.

Нельзя сказать, что отпор кулачеству в деревне был такой же четкий и решительный, как в городе. Хотя бедняцко-середняцкая масса дружно выступала против классового врага, но тем не менее приходится констатировать ряд случаев, когда кулаку удавалось добиться некоторых результатов. Достаточно для характеристики указать, что чистка избиркомов, вызванная засорением их, вскрыла ряд случаев, когда кулачеству удалось пробраться даже в избиркомы, для проведения своего руководства выборами. Так, например, в Сибири из избиркомов вычищено свыше 2 000 человек, на Северном Кавказе 207, в Чеченской области вследствие засоренности избиркомов состав последних в результате чистки был обновлен на 35 процентов и т. п.

Немалую услугу классовому врагу оказало замазывание классовых противоречий. Недооценка силы классового врага в ряде мест дала свои результаты. Она нашла свое выражение в проникновении в ряде случаев кулачества и верных ему агентов в советы. Примером этого может служить хотя бы Чеченская автономная область, где довольно сильно было распространено мнение, что «кулак не страшен, его почти нет», а впоследствии избирательные комиссии пришлось обновить на 35% из-за засоренности их классово-чуждыми элементами. Разумеется, что приведенный пример не может рассматриваться как характерный для всего Союза, но он показывает имевшую место недостаточную классовую заостренность к вопросам классовой борьбы в ряде мест.

Имела место и другая крайность. Материалы избирательной кампании пестрят сообщениями об ошибках, допущенных в отношении середняка. Типичным для всего Союза было недостаточное внимание середняку, слабая работа с ним, сосредоточение всей работы на бедняке. В ряде мест зарегистрированы случаи, когда местные работники советов пытались изолировать середняцкие слои от бедноты: собирали тайком собрания бедноты, удаляли с собрания бедноты середняков и т. д.

Все эти ошибки широко были использованы кулачеством. Особенно силен был напор на разрыв бедноты и середняка. В зависимости от конкретной обстановки оно либо выступало перед середняком, доказывая, что «советская власть притесняет середняка», либо поддерживало бедноту против середняков, приводя доказательства в пользу того, что нужно в советы выбирать только бедняков. Имело место и наличие ряда ошибок второстепенного характера.

Однако, несмотря на все ошибки и недочеты, общие итоги перевыборов по всем районам показали новый рост активности трудящихся и советской демократии. Основной политический итог этой кампании указывает, что миллионные массы трудящихся города и деревни своим участием на перевыборных и отчетных собраниях, принятием наказов, — этих программ практической деятельности советов на будущее время, а равно выдвижением лучших кандидатур в советы одобрили политику партии и советов.

Большим показателем политических итогов перевыборной кампании, а равно итогов политики оживления советов может служить значительный рост активности всех групп избирателей, по сравнению с предыдущими кампаниями. Повышение активности выразилось не только в повышении процента явившихся на перевыборы, но повысилось активное участие на самих собраниях, в выступлениях, в прениях и в ряде внесенных предложений и дополнений к наказам. Активное выступление бедняков в деревне вместе с тем подводило итоги деятельности советов по организации групп бедноты при советах и других советских организациях.

Вот некоторые цифровые данные, характеризующие наши успехи по развертыванию советской демократии. Явка избирателей на собрания в среднем возрасла в деревне с 48,4% в 1927 году до 61,8%, причем процент активности поднялся за счет основных социальных прослоек деревни—бедноты и середняка. По отдельным социальным прослойкам рост активности в РСФСР характеризуется такими данными: беднота и середняки с 46,7% до 60%; сельскохозяйственные рабочие с 52,3% до 70,5%; прочие рабочие с 54,2% до 66,9%; кустари и ремесленники с 55,4% до 63,8%; сельская интеллигенция с 83,1% до 83,3%; прочие служащие с 62,0% до 72,2%.

Большой рост активности дали женщины, что является одной из характерных черт этой избирательной кампании. Рост шел главным образом за счет крестьянки, хотя процент участия женщин города оставался попрежнему выше, чем женщин деревни. В городе он повысился с 66,7% до 79,1% среди членов профсоюзов и с 40% до 56,3% среди остального городского населения.

Характерным для этой избирательной кампании было то, что значительное увеличение участия женщин в выборах дал ряд национальных областей. Кабардино-Балкарская с 21,3% до 52,1%; Карачаевская с 20,9% до 57%; Северо-Осетинская с 15,4% до 42,8%; Чеченская с 7,0% до 34,1%. Эти данные говорят о колоссальном политическом сдвиге этих народов.

Возрасла активность и городского избирателя. Повсеместно было отмечено повышение активности неорганизованного в профсоюзы городского населения, которое все же отстало по своей активности от организованного.

Как указывалось выше, рост активности избирателя нашел свое подтверждение и в росте выступлений и дополнений к наказу. К сожалению статистика не располагает общими итогами. Но данные отдельных областей, округов и городов свидетельствуют о

том, что избирательная кампания 1929 года и по этим показателям стоит значительно впереди предыдущих кампаний.

К числу положительных политических итогов следует еще отнести факт повсеместного принятия наказов, вносимых партийными и профсоюзными организациями. Случаи отклонения наказов исчисляются единицами. Но отсюда не следует делать тот вывод, что принятие наказов проходило вне классовой борьбы. В отдельных местах были случаи выступлений против наказов и даже случаи принятия антисоветских дополнений к наказу. Примером может служить случай в одном из уездов Нижегородской губернии, когда к наказу принято дополнение такого содержания: «Советская власть не должна разделять крестьян на бедняков, середняков и кулаков». Здесь ясно выглядит кулак, выступающий с защитой «единства» интересов всего крестьянства. Подобные выступления носили единичный характер и со всей решительностью единодушно отклонялись и осуждались политически выросшим избирателем.

Самым важным и основным показателем успешности перевыборной кампании, характеризующей ее с положительной стороны, является социальный состав выбранных в советы. Каковы же эти итоги? Приведем некоторые данные социального состава советов[1].

По сельским советам: рабочие 8,8%, крестьяне 84,4%, служащие 5,6%. Причем из общего количества крестьян 37,9% составляли освобожденные от с.-х. налога, 55,4% платящие налог до 10 рублей на едока и 6,7% платящих свыше 10 рублей на едока. Партийная прослойка среди членов сельсоветов составляла 10%, а среди председателей сельсоветов 32,3%. Женщин в сельсоветах было 8,8%.

По городским советам социальный состав их характеризуется следующими средними данными: основное ядро составили рабочие или 52,9%, крестьяне—4,7% и служащие—25,3%. Остальные социальные группы составляли ничтожный процент. Партийная прослойка была равна 46,2%, а комсомольская 7,6%.

Такой социальный состав в основном обеспечивал проведение четкой классовой линии в практической работе значительного большинства советов. Улучшению социального состава сельских советов способствовала посылка многими заводами и фабриками рабочих бригад, посылка газетами рабкоровских бригад, посылка женщин и комсомольцев. В ряде мест рабочие бригады, отправляемые в деревню, были пропущены через специальные краткосрочные курсы. Как правило, отправляющимся в деревню рабочим бригадам давались наказы о их работе в деревне, основным положением их была задача—укрепление союза пролетариата и бедноты с середняком.

Необходимо подчеркнуть, что середняк относился к рабочим бригадам хорошо. Оказывал им помощь и довольно часто активно помогал им. Кулачество же принимало все меры и способы дискредитации их.

[1] Выборы в советы и состав органов власти. Изд. «Власть советов», с. 11.

Положительная работа рабочих бригад не вызывает сомнения. Но имелись и недостатки. Прежде всего, недостаточность руководства рабочими бригадами со стороны вышестоящих избиркомов в известной мере способствовала тому, что рабочие бригады иногда подменивали собой местные организации. Были также отдельные случаи недостаточно внимательного подбора посылаемых в деревню, в результате чего отмечены отдельные случаи дискредитации бригад и скатывание отдельных бригадников к отсталым крестьянским настроениям.

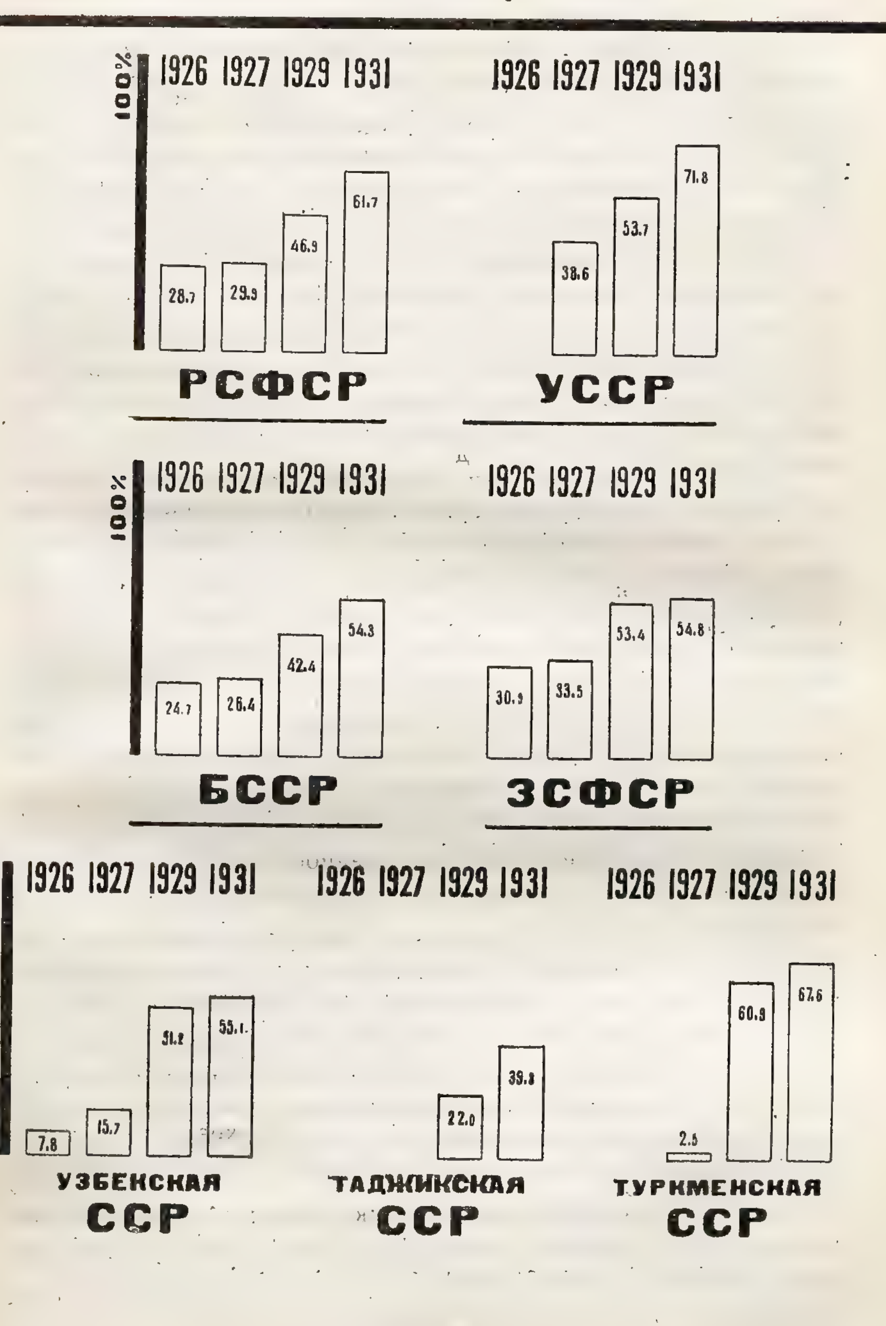
О работе советов, переизбранных в 1929 году, необходимо судить по общим результатам практического осуществления пролетарской политики. Характерной особенностью 1929 года было то, что наступление социализма проводилось по пути социалистической перестройки (реконструкции) нашего народного хозяйства и на этой базе пролетариат достиг колоссальных и решающих успехов в основных областях его. Одним из величайших достижений всех пролетарских организаций и в первую очередь советов было то, что нам удалось добиться «решительного перелома в области производительности труда»[1]. В этом году мы имели могучий рост трудового подъема миллионных масс рабочего класса и решительное развертывание творческой инициативы. Широкое развитие самокритики обеспечило ряд успехов в деле борьбы с бюрократизмом, косностью и рутиной, что являлось препятствием к развитию трудовой инициативы. Партия и советы добились больших успехов в борьбе с дезорганизаторами производства и нарушителями трудовой дисциплины: лодырями, прогульщиками и пьяницами. Одним из методов и форм борьбы с ними явилось развернувшееся социалистическое соревнование.

Вместе с этим и в связи с этим «мы добились за истекший год благоприятного разрешения в основном *проблемы накопления* для капитального строительства тяжелой промышленности, взяли *ускоренный темп* развития производства средств производства и создали предпосылки для превращения нашей страны в страну *металлическую*»[2].

Произошел коренной перелом в развитии нашего сельского хозяйства. Прежде всего окрепли совхозы. Расширилась их посевная площадь и увеличилась товарная продукция. Посевная площадь в 1929 г. составляла 1 816 тысяч га с товарной продукцией зерновых в 8 млн. центнеров (около 47 млн. пудов). Товарная продукция социалистического сектора уже составила около 125 млн. пудов. Основные массы крестьянства приняли для себя решения перейти от мелкого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному ведению хозяйства. Они решительно стали на социалистический путь. Успехи нашей промышленности облегчили этот переход. Пролетарское государство смогло подвести под социалистический сектор сельского хозяйства мощную техническую базу, вооружить ее новейшей техникой.

[1] И. Сталин. Год великого перелома. ГИЗ, 1930 г., с. 4.
[2] Там же, с. 5.

Участие женщин в выборах советов

Поставленная XV съездом партии основная задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы получила массовое признание со стороны основных масс крестьянства. Если в 1928 году посевная площадь колхозов составляла 1 390 тыс. гектаров с товарной продукцией зерновых около 3½ млн. центнеров, то в 1929 году она возросла до 4 262 тыс. гектаров с товарной продукцией зерновых около 13 млн. центнеров. В последующие годы темп роста колхозов еще больше увеличился. Так, например, между V и VI Всесоюзными съездами советов прошло меньше двух лет, но за этот срок количество крестьянских хозяйств, перешедших к коллективному ведению хозяйства, возросло с 2% до 35%. Исходным пунктом решительного поворота крестьянства к социализму, быстрого роста форм социалистического хозяйства был конец 1929 года. Этот невиданный успех колхозного строительства объясняется рядом причин. Прежде всего объясняется он тем, что ленинская партия проводила последовательно ленинскую политику воспитания масс.

XV съезд коммунистической партии, поставивший основной задачей всех пролетарских организаций объединение и преобразование мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективные хозяйства, с особой силой и решительностью подчеркнул, что этот переход может происходить только добровольно, с согласия самих трудящихся крестьян. Это ленинское положение неоднократно подчеркивалось в постановлениях ЦК партии и в выступлении вождей рабочего класса, во главе с т. Сталиным. Методом вовлечения в колхозы трудящихся крестьянских масс партия признавала неустанное ведение пропаганды о значении коллективных форм хозяйств и их выгодности для крестьянства. Одновременно партия и советская власть всемерно поощряли растущее коллективное хозяйство. Производственная помощь пролетарского государства и практический опыт самих крестьян воочию убедили последних в преимуществах социалистической системы перед капиталистической и помогли сделать свой выбор в пользу социализма.

Бурный рост коллективных хозяйств объясняется и тем, что партия успешно отражала атаки как тех, кто пытался обогнать колхозное движение, декретировать его развитие, как доказывали «левые» фразеры, так и против тех, кто пытался партию тащить назад, кто надеялся на самотек, предпочитал остаться в хвосте колхозного движения. Партия и рабочий класс разгромили и тех, кто, прикрываясь данными «науки», пытался доказывать нецелесообразность организации крупных хозяйств, приводя примеры неудавшихся опытов капиталистических стран организовать зерновые фабрики.

«Наука», которой пользовались вредители, игнорировала особое положение промышленности и сельского хозяйства и их связь в условиях пролетарской диктатуры, игнорировала значение и роль политических и экономических командных высот в деле организации и развития социалистического хозяйства.

Не осталось камня на камне и от утверждений бухаринской группы, которые сводились в основном к тому, что крестьяне против колхозов и не пойдут в них, что усиленный темп развития колхозов таит в себе угрозу нарастания массового недовольства и ослабит союз пролетариата с крестьянством, что «столбовой дорогой» социалистического развития в деревне является кооперация, а не колхозы, что развитие колхозов и решительное наступление на капиталистические элементы деревни подорвут сельское хозяйство и оставят страну без хлеба и без сельскохозяйственного сырья. Рост колхозного движения, позволивший ряду районов в 1930 и 1931 гг. перейти к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса на этой базе, отбросил эти утверждения как ненужный хлам.

Нет надобности спорить против схоластического невежественного утверждения тех, кто, издеваясь над ленинизмом, противопоставлял колхозы кооперации. Здесь сказывалось непонимание и игнорирование того основного, что «столбовую дорогу социалистического развития деревни составляет кооперативный план Ленина, охватывающий все формы сельскохозяйственной кооперации от низших (снабженческо-сбытовая) до высших (производственно-колхозная)» [1].

Эти успехи социалистической переделки крестьянского хозяйства подтверждают тот вывод, что сельские советы в массе своей и низовой государственный аппарат настолько окрепли, что смогли возросшую активность основных крестьянских масс направить по социалистическому пути. Они говорят и о том, что сельские советы достигли несомненных успехов в организации масс на борьбу с капиталистическими элементами деревни.

Успех бурной социалистической переделки крестьянства в большой степени зависел от той помощи, какую оказали городские советы, направив в деревню в помощь сельским советам сотни бригад.

В деле улучшения работы советов, в связи с широко развернувшейся коллективизацией в деревне, имело весьма большое значение совещание представителей ЦИК союзных и автономных республик и областей, местных исполкомов и советов, созванное Президиумом ЦИК СССР в январе 1930 года. Необходимость этого совещания вызывалась тем, что не все советы возглавляли батрацкие и бедняцко-середняцкие массы в борьбе против кулака, что в ряде случаев приводило к искажению классовой линии и усилению влияния кулачества. Это совещание констатировало вместе с тем тот бесспорный факт, что низовые органы власти в связи с политикой оживления советов достигли колоссальных успехов. Но в период массовой коллективизации работа советов не охватывала всех задач, вытекающих из данной конкретной обстановки социалистического строительства. Массовая коллективизация требовала от советов иных форм и методов работы, резко отличающихся от форм и методов работы восстановительного

[1] И. Сталин. Год великого перелома, с. 13.

периода, когда по отношению к сельскому хозяйству стояла преимущественная задача подъема индивидуальных крестьянских хозяйств.

Ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации вызывала еще более обостренную и ожесточенную классовую борьбу, ибо ликвидация кулачества — этого последнего эксплоататорского класса в деревне—могла быть проведена лишь в результате решительной и упорной борьбы. В этих условиях работа советов и особенно советов на селе неизмеримо увеличилась, усложнилась и расширилась. Отсюда выявилась необходимость дальнейшего максимального усиления и укрепления этих органов диктатуры пролетариата.

Поэтому перед партией и советской властью встала во всю ширь задача—добиться решительного и быстрого перелома в перестройке работы советов по-новому, повернуть их решительно лицом к коллективизации. Добиться такого положения, чтобы все сельские советы возглавили колхозное движение. «Сельсовет, не перестроивший своей работы, сельсовет, не ставший во главе колхозного движения, отстающий от темпов социалистического преобразования деревни, не умеющий организовать бедняцко-батрацкие массы, — такой сельсовет подлежит немедленному переизбранию» — такую решительную директиву дал местам Президиум Центрального исполнительного комитета в связи с новыми задачами широко развернувшейся коллективизации деревни[1].

В осуществление этой директивы в РСФСР намечено было к переизбранию 21 738 сельсоветов, или 41,0% к общему количеству их, причем на районы сплошной коллективизации падало 14 795, или 27,9% всего количества советов в республике. Отсюда нельзя конечно сделать тот вывод, что все это количество сельсоветов было засорено классово-чуждыми элементами. В это число входило значительное большинство советов, которые были вообще не в состоянии справиться с задачами реконструктивного периода.

На количестве намеченных к переизбранию сельсоветов сказалось имевшееся увлечение в отдельных областях и округах частичными перевыборами. Так, например, по 10 округам Уральской области (Верхне-Камский, Златоустовский, Ирбитский, Коми-Пермяцкий, Курганский, Троицкий, Тюменский, Тагильский, Челябинский, Шадринский) из общего количества 1 864 сельсоветов было переизбрано 1 493, или 80,1%. Факты о деятельности ряда переизбранных сельсоветов не давали основания считать их засоренными или совершенно несправляющимися с задачами реконструктивного периода. Нельзя также сказать, чтобы в результате частичных перевыборов в данной области резко улучшился социальный состав сельсоветов. Вот средние статистические данные в сравнении с 1929 годом: крестьяне земледельцы с 84,7% в 1929 г. стали занимать в составе сельсоветов 82,8%, процент батраков и совхозовских рабочих поднялся с 6,0 до 8,9%, а также возрос процент

[1] См. пост. ЦИК СССР по данному вопросу—«Совещание о новых задачах советов». Изд. ЦИК СССР, с. 113.

других рабочих с 3,2 до 5,5. Остальные социальные группы большого изменения не дали.

По данным 2 561 сельсоветов РСФСР, переизбранных в 1930 году, можно судить, что социальный состав переизбранных советов все же улучшился. Особенно значительно улучшился социальный состав председателей сельсоветов. В частичные перевыборы по РСФСР процент батраков и совхозовских рабочих среди них возрос с 5,6% до 6,5%, а промышленных рабочих с 2,0% до 12%. Возрос также процент и освобожденных от налога. Если в 1929 году по данной республике среди председателей освобожденные от с.-х. налога составляли 27,2%, то после частичных перевыборов процент этой социально-экономической группы достиг 48,2%.

Произведенные частичные перевыборы имели своим положительным результатом не только улучшение социального состава переизбранных сельсоветов, но они послужили известным толчком к перестройке работы всех сельсоветов, они подчеркнули значение их в связи с новыми задачами социалистической переделки сельского хозяйства.

В конкретной практической работе сельских и городских советов все чаще и чаще ставились вопросы, вытекающие из реконструктивного периода. Сельсоветы в своей повседневной работе стали больше уделять внимания вопросам колхозного строительства и связанным с ними вопросам классовой борьбы. Возросло внимание и горсоветов к вопросам досрочного выполнения пятилетнего хозяйственного плана и в особенности к вопросам, связанным с местной промышленностью.

Улучшилось и руководство советами со стороны вышестоящих органов власти. Об этом наряду с другими фактами свидетельствует участившаяся практика вызова руководителей сельских и городских советов в округа и области с докладами, чему как правило предшествовало обследование их деятельности.

Характерным для 1930 года было увеличение случаев досрочных отзывов депутатов, что является отличительным моментом нашей советской избирательной системы от буржуазной. Между прочим, хотя это право избирателей неоднократно записывалось и подчеркивалось как в постановлениях партии, так и в постановлениях съездов советов и правительства, но оно более часто начало применяться лишь в 1929 году. В этом сказалась политика повышения ответственности депутатов совета перед своими избирателями.

Чтобы правильно судить о практике отзывов депутатов как метода улучшения состава советов, приведем несколько данных по отдельным административно-хозяйственным единицам Союза. Так, например, в Ленинградской области в 1929 году было отозвано 343 депутата, а в 1930 г. только по пяти округам — 1 444; в б. Тульской губ. соответственно 53 и 826; в Орловском округе процент отозванных в 1930 г. составляет 8,3, в Ишимском — 23,2 в Шадринском — 41,2, в Ачинском — 46,7, в Московском — 50 и т. д.

Основной причиной отзыва была пассивность и бездеятельность депутатов. По данным статистического отдела ВЦИК за пассивность и бездеятельность в 1930 году отозвано примерно около половины от общего количества всех отозванных депутатов (47,7%). Следующую группу составляют отозванные за искривление классовой линии (10,7%). Сравнительно небольшой процент падает на классово-чуждые элементы (3,7%), что косвенно подтверждает удовлетворительность в основном с классовой точки зрения социального состава депутатов и разоблачает клевету оппозиции на советы.

Как информационные материалы, так и наша печать отмечали случаи снятия председателей сельсоветов за плохую их работу. Отдельные данные, которыми мы располагаем, говорят также о слишком большой решительности, с которой подходили местные советские и партийные организации. Так, например, в Верейском районе (Московская область) из 60 председателей сельсоветов за 1930 г. снято 40, в Мордовской автономной области снято 53% председателей сельсоветов, в Ачинском округе снято 78 председателей сельсоветов и 149 секретарей.

Прежде чем перейти к характеристике работы советов в связи с новыми задачами и новой перестройкой их работы, которая была намечена решением декабрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), необходимо остановиться на некоторых общих итогах политики «оживления советов».

Одним из важнейших политических результатов оживления советов было то, что они укрепили связь с трудящимися массами. Не только миновала опасность, отмеченная т. Сталиным, превращения советов из органов «близких и родных массам»[1] в органы чуждые им, но они в значительной степени слились с ними. Улучшилось руководство крестьянством со стороны пролетариата и окреп союз этих основных классов в СССР. Благодаря развитию демократии и вопреки чаяниям классовых врагов окрепла диктатура пролетариата, приобретя новые силы строителей социализма. Основные крестьянские массы (беднота и середнячество) убедились в правильности политики коммунистической партии—единственного вождя и руководителя трудящихся масс.

Партия не только добилась повышения политической активности крестьянства, но через политику «оживления советов» направила ее через советы — эти основные органы диктатуры пролетариата. Вокруг партии и советов создан крестьянский актив. Поднята активность трудящихся масс и направлена в русло строительства социализма. Хозяйственная активность деревни направлена на развитие кооперативной общественности.

Больших результатов добились советы по выполнению директивы партии «приблизить советы к массам, сделать их национальными по составу и насадить таким образом национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся массам»[2].

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 1930 г. (дешев. библиотека), с. 200.
[2] Там же, с. 167.

Развитие советской демократии в городе и деревне дало определенные успехи в деле упрощения, удешевления, морального оздоровления и приближения государственного аппарата к трудящимся массам и изгнания из этого аппарата элементов бюрократизма и буржуазного разложения.

В числе величайших достижений в деревне партия и советы добились крепкой организации бедноты и завоевания середняка, оказав ему помощь сделать свой выбор в пользу социализма. Организация бедноты происходила на основе постановлений октябрьского пленума ЦК (1925 г.), постановлений XIV и XV съездов партии.

Проведенный в начале 1929 года смотр групп бедноты не только подвел итоги работы, но и дал значительный толчок к дальнейшему оформлению и укреплению бедняцких групп при выборных органах села. Так, например, по Средне-Волжскому краю до смотра было 960 групп бедноты, а после его 1 763, в ЦЧО — 580 и 1 625, в Псковском округе — 110 и 220, в Бийском — 167 и 245. По Нижней Волге до смотра были организованы группы бедноты только при 25% сельсоветов, 6% при учреждениях с.-х. кооперации, 6% при потребобществах, 6% при кредитных товариществах и 10% при комитетах крестьянской взаимопомощи. После же смотра группы бедноты были организованы при 52,0% сельсоветов, при 38,4% потребобществ, при 49,4% кредитных товариществ.

Положительные результаты работы с беднотой сказались не только на числе групп, но и на количестве их заседаний и количестве батрацко-бедняцких конференций, исчисляемых по СССР десятками тысяч, на которых был проработан ряд важнейших вопросов коллективизации и раскулачивания, хозяйственных планов колхозов, чистки госаппарата, реализации займа индустриализаций, самообложения, а также проработан ряд культурно-бытовых вопросов.

Пытаясь удержать свои позиции, кулачество по-своему оценило значение групп бедноты. Одновременно и в связи с укреплением организаций бедноты, оно меняло свою тактику, все реже и реже выступая с лозунгами общности интересов всего крестьянства, а в перевыборы 1929 года и при частичных перевыборах сельсоветов в 1930 году оно в значительном числе случаев прибегало к организации своих групп «бедноты». Независимо от изменения тактики, кулачество повсеместно вело усиленную работу по развалу групп бедноты, доказывая противозаконность и вредность их организации и работы для общих интересов всего крестьянства. Благодаря организации бедноты и укреплению ее связей с середняком советы добились величайших успехов в борьбе с кулаком. В частности они добились налогового облегчения основной массы крестьянства и фактического переложения главной тяжести налогов на плечи кулачества, чтобы затем перейти к ликвидации его как класса на базе сплошной коллективизации.

В результате политики оживления советов возросла активность трудящихся и в первую очередь рабочего класса, что позво-

лило партии и советам улучшить социальный состав последних и улучшить их качество работы. Как в городе, так и в деревне они добились успехов в организационном закреплении этой активности путем привлечения миллионных масс трудящихся к непосредственному управлению государством. Выросли количественно и качественно массовые организации советов — секции и различного рода комиссии. Самокритика, соцсоревнование, ударничество и другие методы организации работы советов внедрялись все больше и больше в повседневную работу советов.

Наряду с этими успехами имелось и не мало недочетов и политических ошибок. Все же, несмотря на отмеченные нами успехи, в работе советов отмечалось отставание советов от возросшей активности масс, от актуальнейших задач реконструктивного периода. В свете отмеченных нами успехов остановимся на недочетах, вызвавших необходимость коренной перестройки работы советов.

XVI съезд партии наметил план развернутого социалистического наступления по всему фронту, обеспечивающий выполнение пятилетки в 4 года, а в отдельных ведущих отраслях в 2½—3 года. Для полного использования всех возможностей, заложенных в системе пролетарской диктатуры, для успешного разрешения задач социалистического строительства потребовалась коренная перестройка всех «рычагов», всех организаций диктатуры пролетариата соответственно требованиям реконструктивного периода. Декабрьский пленум ЦК и ЦКК в резолюции о перевыборах советов указал, что «если в отношении профсоюзов, охватывающих только пролетариат, партия в осуществлении этой задачи (перестройки) добилась уже некоторых успехов, хотя еще совершенно недостаточных, то в отношении советов, охватывающих наряду с рабочими и трудящихся деревни, имеется особенно большое отставание в перестройке их работы применительно к требованиям периода социалистической реконструкции». Советы, являясь наиболее «массовой организацией всех трудящихся города и деревни, являясь прямым выражением диктатуры пролетариата» (Сталин), недопустимо отстали в перестройке своей работы.

Это отставание работы советов от задач реконструктивного периода выражается в первую очередь в отставании руководства производством. Достаточно сослаться на оценку Л. М. Кагановича, подчеркнувшего в докладе на XVI партсъезде, что горсоветы, «к промышленности, к производству, к централизованной промышленности... поворачиваются очень и очень слабо».

Основной вопрос работы советов в области социалистического строительства — это борьба за выполнение промфинплана. Между тем массовые обследования городских и поселковых советов показали, что вопросы выполнения промфинплана, снижения себестоимости продукции, борьбы за повышение качества ее, поднятие труддисциплины и производительности труда, за развертывание соцсоревнования и ударничества на производстве и т. п. —

все эти вопросы большинством советов даже не обсуждались (Самара, Оренбург, Челябинск, Пермь, Курск, Тамбов, Владимир и др.). Отставание и отрыв от производства в ряде случаев дошли до того, что, например, Тульский горсовет (Московская область) поставил на президиуме вопрос о переходе на непрерывку отдельных предприятий, которые уже перешли на непрерывку по инициативе профорганизаций.

Отчеты горсоветов, как правило, более или менее подробно отвечают на вопросы о состоянии коммунального хозяйства, жилищ, пожарной охраны, канализации, школ, яслей, но освещение боевых вопросов нынешнего дня—о состоянии промышленности, выполнении промфинпланов, поднятии производительности труда и т. д.—явление довольно редкое. Саратовский, Курский и др. городские советы в своих отчетах и отчетных плакатах ни слова не сказали о выполнении промфинплана.

В ряде городов к началу 1930 года не было даже промышленных секций (Рузаевка, Сызрань, Челябинск и др.). В других городах вследствие отсутствия руководства они развалились или распущены за неработоспособностью (Курганский горсовет). В ряде городов депутатские группы на предприятиях вследствие недостаточной помощи и руководства со стороны советов не работают (Челябинский, Копейский и др. горсоветы).

Еще больше было пробелов и недочетов в работе сельских советов. Не все сельсоветы вовремя повернулись лицом к коллективизации. Не все сельсоветы стали во главе колхозного движения.

Фактическая роль сельских советов в хозяйственном строительстве несмотря на достигнутые успехи все же была слаба. Значительное количество сельсоветов не усвоило своих задач как организаторов и руководителей социалистической переделки сельского хозяйства. ЦИК СССР в своем постановлении от 25/I 1930 г. о новых задачах советов в связи с широко развернувшейся коллективизацией в деревне отметил следующее: «В условиях массовой коллективизации работа сельсоветов неизмеримо увеличивается, усложняется и расширяется. Между тем, низовые органы советской власти, достигшие значительных успехов в связи с политикой оживления советов в нынешний период социалистического строительства, совершенно не отвечают новым требованиям, возникшим и возникающим в процессе массовой коллективизации.

Содержание и формы работы низовых органов советской власти, приспособленные к восстановительному периоду, когда по отношению к сельскому хозяйству стояла преимущественно задача подъема индивидуальных крестьянских хозяйств, совершенно не соответствуют работе на современном этапе коренного социалистического переустройства сельского хозяйства. В большинстве своем сельсоветы не стали во главе колхозного движения. Оставаясь в стороне от коллективизации, эти сельсоветы не выполняют основных задач по осуществлению производственных форм смычки между городом и деревней. Слабо участвуя в социалистической

переделке сельского хозяйства, они плетутся в хвосте коллективизации и не выполняют тем самым своих задач как органы пролетарской диктатуры. Перестроить свою работу сельсоветы не могли в значительной мере ввиду неудовлетворительности своего социального состава, слабости своих кадров, а также слабости руководства со стороны вышестоящих исполнительных комитетов и в ряде мест ввиду явного и скрытого влияния кулачества...»

При таком положении естественно, что сельсоветы не могли возглавить массового движения бедноты и середняков в колхозы. Даже хуже того: некоторые советы, будучи засорены чуждым элементом, прямо становились поперек дороги колхозному строительству. Правый оппортунизм и «левая» практика загибов причудливо переплетались, играя наруку кулаку, увидевшему в росте колхозов свою неминуемую гибель. О таких сельсоветах на совещании при ЦК ВКП(б) т. Молотов сказал, что «они представляют собой вчерашний день, т. е. пройденный этап советского строительства в деревне». Примеров, подтверждающих слова т. Молотова, много. Есть довольно много сельсоветов, которые ограничились лишь формальным обсуждением вопросов об организации колхозов и отдельных вопросов их хозяйственной жизни.

Имели место и такие сельсоветы, которые, находясь под влиянием кулачества, выступали против коллективизации: в Чеберинском, Игнатовском, Щукинском сельсоветах (Ср. Волга) некоторые члены их агитировали против колхозов. Н. Вазерский сельсовет Лунинского района постановил «мероприятия советской власти, направленные к коллективизации, пленум считает невыгодными и их не одобряет».

Такое положение объясняется засоренностью советов классово-чуждыми элементами, а равно и тем, что они еще не перестроили своей работы применительно к новым задачам. Ряд сельских и городских советов не проявили достаточной бдительности и решимости в борьбе против оппортунистической практики как в своей работе, так и в работе своих оперативных органов.

Наряду с колоссальным ростом политической активности трудящихся мы имели явно недостаточное организационное закрепление этой активности на советской работе. Особенно большое отставание имело место на участке массовой советской работы. Большое число секций при сельсоветах или развалены или числятся только на бумаге, а практической работы не ведут (Ср. Волга). В ряде мест создано большое количество секций, что вело к распылению актива. В среднем на секцию сельсовета приходилось 6 человек, из них актива — один, в лучшем случае 2 человека. Секции заседали редко. В среднем на секцию в год приходится 2—3 заседания, где решается 3—4 вопроса.

Немногим лучше обстояло дело с массовой секционной работой в горсоветах. Бурный рост промышленности, увеличение численности рабочего класса и огромное повышение производственной и политической его активности — все эти благоприятные факторы почти не использовались горсоветами; массовая советская

работа улучшилась незначительно. По всему СССР охват избирателей постоянной советской работой в городах не превышал одного процента. По крупнейшему пролетарскому центру — Ленинграду — средняя посещаемость секций совета составляла: по с.-х. секции в 1929 г. 60,8%, а в 1930 г. — только 43,6%, по коммунальной—57,4 и 43,8; по промышленной — 51,3 и 36%, по секции просвещения 50,5 и 35,5%. Такое падение активности секционеров произошло на фоне огромнейшего роста производственного энтузиазма рабочих. В Воронеже самопроверка работы секций горсоветов показала, что секции работают очень плохо, злободневные вопросы проходят мимо секций. Ни одна секция не поставила своевременно на обсуждение масс вопроса о дне индустриализации, о соцсоревновании, о 3 займе индустриализации и т. д. Связь секций с массами в ряде мест слаба; плоха работа с активом. Общим для большинства советов было то, что секции явно недостаточно повернулись лицом к пятилетке, т. е. к задачам реконструктивного периода.

Главная причина слабой работы секций заключалась в отрыве советов от производства, в недостаточном использовании поднявшейся политической активности трудящихся, для направления ее по пути повседневного участия в советском строительстве. Совершенно недостаточно было и развертывание в советской работе пролетарской самокритики и социалистического соревнования — этого могучего орудия вовлечения масс в социалистическое строительство и управление государством.

Местные советские органы зачастую не только не уяснили себе значения метода соревнования, не только не оказались организующими центрами соцсоревнования и ударничества, но, напротив, не уделяли внимания вопросу руководства и развертыванию мероприятий по вовлечению рабочих масс в соревнование. В ряде мест попытки руководства ограничивались лишь формальным заслушиванием докладов. Ряд горсоветов (Сталинград, Харьков, Омск) соревнование свели к форме, превращая его в бумажное. Например, Белгородский горсовет 21/V 1929 г. принял вызов Курского горсовета на соцсоревнование, поручив президиуму «придать соревнованию широкий массовый характер», но дальше этого не пошел, никаких практических мер по развертыванию соревнования принято не было. Примерно также секции Тульского горсовета вступили в соцсоревнование с соответствующими секциями пяти городов, количество ни в какой мере не перешло в качество. В конечном итоге в практической работе секций данного горсовета было забыто о прорывах в выполнении промфинпланов предприятий.

Необходимо отметить, что в большинстве случаев советы и исполкомы в 1929 и 1930 гг. мало сделали для разъяснения идеи соцсоревнования. Формальный, казенный подход к соцсоревнованию приводил к заключению договоров аппаратным путем при полном забвении масс. Это приводило к тому, что целые деревни отказывались от соревнования (дер. Владыкино и Изори Лужского района), а договоры на соревнование между советами Крыма хотя и

были заключены, но многие работники быстро забыли о соревновании и, подписав договор, положили его под сукно.

В борьбе за промфинплан в городе и за социалистическую переделку сельского хозяйства в деревне выделились и откристаллизовались мощные кадры советского актива, однако этот актив зачастую просто не используется и недостаточно выявляется. Есть факты не только формального подхода к формированию актива, но даже отдельные факты зачисления в актив антисоветских элементов. Систематическая работа по выращиванию актива, по политическому воспитанию и подготовке миллионов хозяйственников организаторов советами велась редко.

Если ко всему этому прибавить, что вопрос о кадрах советских работников имеет огромную остроту, что квалификация их очень слаба, то понятно будет, почему ряд советов не обеспечил проведения генеральной линии партии в деле коллективизации сельского хозяйства.

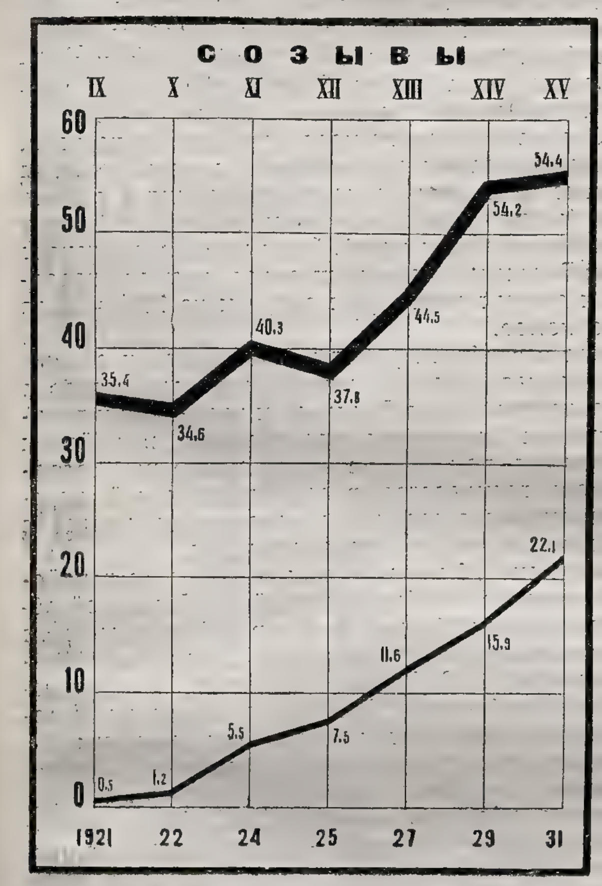
Во многих местах советы вместо упорной работы по проведению директив партии и постановлений правительства о коллективизации организовали «спортивную гонку» и дали ряд крупнейших извращений политики партии: создание росчерком пера колхозов-«гигантов», непривлечение основной массы крестьян колхозников к разрешению самых существенных вопросов жизни колхозов, организации их производства, оттирание середняка от руководящей работы в колхозах и, наконец, подмена массовой политической работы организаций батрачества, бедноты и передовой части середняков администрированием, административным нажимом.

В ряде мест раскулачивание производилось без всякой связи с коллективизацией. Кой-где ряд работников, забросивших работу по коллективизации и укреплению колхозов, проводили ликвидацию кулака «конспиративно», без масс. Это вело естественно к таким безобразиям, как «раскулачивание» бывших красных партизан, первых организаторов советской власти на местах, заведомо известных батраков и бедняков (Средне-Волжский край).

В ряде мест вследствие засоренности сельсоветов классово чуждыми элементами были случаи проведения видимости раскулачивания, т. е. кулакам давалась возможность ликвидировать свое хозяйство, переселиться, уехать в город и увезти туда подлежащее конфискации имущество и т. д.

Важнейшей причиной слабости работы сельсоветов, как отмечалось выше, являлась в ряде случаев неудовлетворительность их социального состава, слабость их руководящих кадров, наличие в сельсоветах оппортунистических и классово-чуждых элементов. Председательские и секретарские кадры характеризовались значительной засоренностью кулацко-зажиточными элементами. Председатель краевого исполкома Восточной Сибири т. Зимин на первом краевом съезде советов отмечал, что «тот состав советов, который мы имели в нашем крае, ...не соответствовал тем задачам, которые перед советами стоят на нынешнем этапе, когда мы вступили в период социализма».

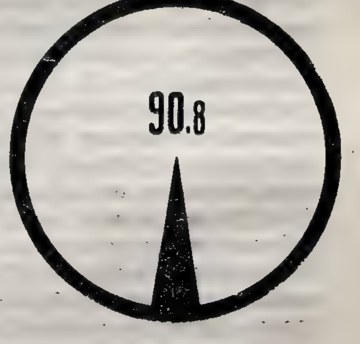
Рабочие в составе всероссийских с'ездов советов

ВСЕГО РАБОЧИХ

РАБОЧИХ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

УДАРНИКИ
СРЕДИ РАБОЧИХ С ПРОИЗВОДСТВА НА ПЯТНАДЦАТОМ С'ЕЗДЕ

Слабость кадров находит свое объяснение в большой текучести состава сельских советов. По данным 1 517 сельсоветов Средней Волги за время после перевыборов 1929 г. и по март 1930 г. сменилось 82% председателей, из них только 16% ушли по собственному желанию. Остальные были сняты с работы. Руководство и инструктирование со стороны риков слабое. Значительная часть райисполкомов явно не справлялась с задачами соцстроительства. В Чапаевском районе Средне-Волжского края дело дошло до того, что оргбюро по коллективизации отказывалось делать доклады в райисполкоме и мимо него прошла коллективизация в районе 99,14% всех хозяйств (в том числе почти все хозяйства кулаков и др. лиц, лишенных избирательных прав). Этот пример объясняет нам роспуск в Средне-Волжском крае пяти риков, смену руководства в ряде районов и смену в некоторых округах до 75% членов президиумов райисполкомов.

На фоне отставания и слабости работы сельсоветов и сложилась своеобразная кулацкая «теория» ликвидации сельсоветов в районах сплошной коллективизации. Нашлись и теоретики и практики ликвидации органов диктатуры пролетариата в районах сплошной коллективизации, показавшие непонимание ими активной роли пролетарского государства в социалистической перестройке экономики переходного периода, и непонимание усиления этой роли в эпоху социалистической реконструкции.

Основываясь на «слухах» об упразднении сельсоветов в районах сплошной коллективизации (в Еланском районе Уральской области, где якобы ликвидирован 21 сельсовет, а в действительности была проведена реорганизация в соответствии с производственной территорией колхозов), т. Г. Доценко полагает, «что сохранение сельсоветов нецелесообразно» [1]. Ему вторят статьи тт. Львова и Каврайского, которые приходят к следующем выводам:

«1. За сельсоветом остаются функции чисто административные, ради которых нет смысла даже иметь какой-либо специальный орган. Функции сельсовета передать калхозу»... «3. Надо предоставить окружным исполкомам (или крайисполкомам) право распространять на советы крупных коммун (свыше 300 душ населения) положение о сельском совете в такой части, в которой оно вообще говоря может иметь отношение к коммуне» [2].

Наряду с этой теорией в ряде мест шествовала в ногу с ней и практика. Так в одном из районов Крыма правление колхоза предложило сельсовету освободить занимаемое помещение под угрозой выселения. В коммуне «III Интернационал» (Славгородский округ, Сибирь), объединяющий свыше 850 душ, совет коммуны явочным порядком становится на положение сельского совета. На районный съезд советов коммуна наравне с сельсоветом избрала своих делегатов и одного из них провела в райисполком. «Поволжская правда» 17 февраля 1929 г. сообщает, что «кое-где колхозы, имеющие более подготовленных работников, чем сельсоветы, начинают самостийно захватывать права сельских советов

[1] Газета «Рабочая Москва» № 216 1929 г.
[2] Ст. Б. Каврайского в «Известиях» № 200 1929 г.

в хозяйственной области; кое-где даже выносятся решения об упразднении сельких советов». «И это в момент огромного обострения классовой борьбы в деревне, в момент, когда пролетарская диктатура должна наложить железную руку на кулачество как класс! Ясно, что эти ликвидаторские в отношении советов настроения ничего общего с интересами пролетариата и крестьянских масс не имеют. Они отражают лишь непонимание всего решающего значения советского строя для колхозного движения. Эти ликвидаторские настроения наруку кулаку и вообще врагам советской власти» (Молотов).

Эта теория ликвидации советов теснейшим образом связана с анархистскими воззрениями на роль государства и прямо совпадает с желаниями и чаяниями кулаков убрать из села советскую власть. «В стремлении к ликвидации сельсоветов соединяются как бы в единый поток мутные ручьи, имеющие своими истоками кулацко-эсеровские и анархо-синдикалистские устремления» (Каганович). Недаром теорийки ликвидации сельских советов нашли самое живое одобрение белогвардейщины. Вот что писали на этот счет меньшевики:

«Но если действительно принципы коммунизма пробили себе наконец дорогу в твердый череп крестьянина, если действительно миллионы крестьян познали всю скверну частного хозяйства и всей бедняцко-середняцкой массой своей ринулись в колхозы, оставляя за бортом их лишь ничтожный слой кулаков, если действительно весь Советский союз покроется вскоре районами «сплошной коллективизации», не только втягивающей в свою орбиту труд, землю, живой и мертвый инвентарь крестьянина, но все больше и больше охватывающей своими щупальцами и потребление и весь быт его; если действительно кончается переходная эпоха нэпа и «социализм», царящий в промышленности, утверждается и в сельском хозяйстве, становится законом социально-экономического существования всей страны, тогда значит восходит заря того счастливого строя, который сулил Ильич: вместе с уничтожением классов начинается и упразднение «политики», начинается отмирание государства; центры хозяйственной организации общества становятся одновременно и естественными центрами регулирования всех общественных дел. Но тогда приходится говорить уже не о реорганизации советов, а об их упразднении или точнее о слиянии советской организации в деревне с организацией колхозной. К чести коммунизма надо сказать, что в его среде нашлись еще честно мыслящие люди, которые, приняв всерьез официальную аргументацию, поспешили сделать из нее и соответствующие выводы о слиянии советов с колхозами (...Доценко, «Раб. Москва», Ряхов, «Известия» и др.). Логика несомненно на их стороне»[1].

Мы приводим эту длинную выдержку, чтоб показать, как радостно враги революции, прекрасно оценивающие мощь и значение органов власти пролетарской диктатуры, протягивают руку носителям контрреволюционной «теории» ликвидации сельсоветов.

[1] «Революция наизнанку», передовая «Соц. вестника» 1930 г. № 3/217.

Наше государство, будучи по-новому демократическим, по-новому диктаторским, является в этом смысле государством отмирающим с первых дней своего существования. Но «у нас одновременно происходит и процесс укрепления пролетарской диктатуры, усиление ее органов, подавление классовых врагов, вплоть до их уничтожения, и в то же время в нашем государстве, не являющемся уже государством в собственном смысле слова, уже имеются элементы его отмирания и эти элементы увеличиваются по мере роста социалистического хозяйства, по мере развертывания пролетарской демократии, вовлечения в советское социалистическое строительство новых миллионов трудящихся, по мере усиления на основе социалистического соревнования и самокритики их активности, самодеятельности и инициативы» (Л. М. Каганович).

ЦИК СССР в своем постановлении от 25/I 1930 г. отметил, что «все попытки ликвидировать сельсоветы, ослабить или принизить их руководящую роль в связи с массовой коллективизацией как в откровенной, так и в замаскированной форме, путем передачи прав советов правлениям колхозов, — все эти попытки являются по существу антисоветскими и отражают настроение наших классовых врагов, стремящихся подорвать диктатуру пролетариата и ослабить силу ее органов. Подобные ликвидаторские устремления должны получить самый решительный и беспощадный отпор».

«Нашим лозунгом является не ослабление пролетарской диктатуры, а ее усиление, не ликвидация сельсоветов, а их укрепление» (Л. М. Каганович). Обострение классовой борьбы в стране как результат сопротивления кулачества развернутому, победоносному социалистическому наступлению, обязывает нас к напряжению всех сил для укрепления советов как органов пролетарской диктатуры. В то же время укрепление советов означает еще большее приближение их к массам, еще большее вовлечение трудящихся в управление государством. Для разрешения этой задачи советы должны коренным образом перестроиться, поставив в центре своей работы борьбу за темпы индустриализации и коллективизации страны.

Объединенный декабрьский пленум ЦК и ЦКК 1930 г. в своей резолюции, вооружающей партию и пролетариат на дальнейшую борьбу за строительство социализма, указал, что необходимая «перестройка работы советов может произойти только на основе поднятия роли советов как проводников генеральной линии партии, непримиримо враждебной как в отношении правого, так и в отношении «левого» оппортунизма». «Только на основе действительно непримиримой борьбы с правооппортунистической практикой, до сих пор еще нередкой не только в местных советах, но отчасти и в центральных органах госаппарата, можно и безусловно должно поднять роль советов в практическом проведении генеральной линии партии во всем социалистическом строительстве».

Это постановление декабрьского пленума ЦК и ЦКК развивает указание т. Сталина на XVI съезде партии, что «существо боль-

шевистского наступления состоит в том, чтобы организовать перестройку всей практической работы профсоюзных, кооперативных, советских и всяких иных массовых организаций применительно к потребностям реконструктивного периода, создать в них ядро из наиболее активных и революционных работников, оттеснив и изолировав оппортунистические, трэд-юнионистские, бюрократические элементы; изгнать вон из них чуждые и переродившиеся элементы и выдвинуть новых работников снизу».

Эта перестройка работы советов должна пойти в первую очередь по линии коренного изменения темпов работы советов в сторону значительного их ускорения в соответствии с темпами индустриализации и коллективизации, принятыми партией и правительством. «Иногда спрашивают, — говорил т. Сталин, на 1-й всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, — нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира... Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Успешно выполнить это указание вождя мирового пролетариата можно только при условии очищения государственного аппарата от право- и «лево»-оппортунистических элементов и усиления борьбы против бюрократизма в соваппарате.

«Зло бюрократизма мы не можем не рассматривать с классовой точки зрения. В бюрократизме находит свое выражение одно из сильнейших проявлений чуждых пролетариату классовых влияний. Поэтому между прочим борьба с бюрократизмом связана с борьбой против оппортунизма и особенно против правого уклона в руководстве советским аппаратом. Правые оппортунисты, как показала богатейшая практика нашей работы, были мало активны и на деле были весьма податливы в отношении бюрократических влияний. И это понятно, поскольку правый уклон есть наиболее опасное в данный период выражение буржуазно-кулацких влияний в партии и, следовательно, в руководящих органах советов. Поэтому перестройка работы советов и связанная с этим усиленная борьба с бюрократизмом ставит по-новому вопрос о борьбе с правоуклонистами в соваппарате... правым оппортунистам и беспринципным примиренцам не может быть места в руководящих органах советов» (Молотов).

Разрешение этой задачи пленум ЦК и ЦКК наметил по пути проведения перевыборов советов, что ставило задачей улучшить состав органов пролетарского государства и приспособить их к разрешению производственных задач реконструктивного периода. Передовой строитель социализма в совет — такова установка пленума. В советах не место нытикам, оппортунистам, не могущим возглавить массы в их борьбе за намеченные партией темпы социалистической реконструкции народ-

ного хозяйства, не могущим достаточно решительно бороться за проведение в жизнь генеральной линии партии!

Засоренность советского аппарата приводила не только к его отставанию от задач, периода реконструкции. В связи с этим в ряде хозяйственных кампаний иногда слишком выпячивалась роль партийных организаций. Отставание советов, извращение ими линии партии приводили нередко к тому, что партия через голову бездействующего советского аппарата сама осуществляла свою политику. Во многих местах парторганизациям непосредственно самим приходилось вытравлять извращения в коллективизации, проводить массовые хозяйственно-политические кампании и т. д. Больше того. «В некоторых случаях Центральному комитету приходилось не только руководить работой центральных советских органов, но почти становиться на их место. В ряде случаев работа центральных органов соваппарата настолько отставала от жизни, что ЦК вынужден был выполнять отдельные задания на девять десятых за них, проводя эти мероприятия под своим непосредственным руководством» (Молотов).

Такое положение, когда приводной ремень от партии к массам — советы — бездействует, требует непосредственного вмешательства в его работу со стороны партии, явно ненормально. В условиях обостреннейшей классовой борьбы советы должны проявлять максимум активности и не могут ограничиться ролью неких «обручей», ролью «ночного сторожа», как этого требуют правые. Всякая попытка отойти в сторону от социалистической стройки или замедлить темпы строительства, а такие попытки имели место на практике, взвалив всю заботу о них на других, есть не что иное, как махровый оппортунизм.

Естественно, что «вредители ставили ставку на правых в госаппарате. Они понимали, что правые как агентура кулацко-буржуазных элементов неспособны на последовательную борьбу с бюрократизмом и с вредительством...

Оппортунисты, правые и «левые» нередко облюбовывались вредителями, когда им нужно было протаскивать свои пожелания и планы. На то они и представители мелкобуржуазной бесхребетности, на то они и проводники буржуазного влияния на пролетариат» (В. Молотов).

Более медленная перестройка работы советов, чем перестройка партийной и профсоюзной работы, находит объяснение и в самой организации советов, которые объединяют более широкие массы трудящихся, чем партия и профсоюзы. «Естественно, что в советах мелкобуржуазное влияние может находить себе большее отражение, чем в партии и профсоюзах, тем более, что в госаппарате мы имеем еще часть старых чиновников, старых специалистов и бюрократов, и этот бюрократизм зачастую проявляется не только у беспартийных, но часто заражает и часть коммунистов, которые не понимают, как надо проводить генеральную линию партии».

Задачи хозяйственной работы в условиях вступления страны в первый период социализма требуют в огромной степени повышения классовой бдительности, классового чутья во всех советских

органах. Те люди, которые работают в советском аппарате, которые не умеют видеть лицо своего классового врага и проявляют оппортунистическую близорукость, когда имеют дело с вредителем, кулаком, бюрократом, — эти люди должны быть железной метлой вычищены вон из советского аппарата и заменены лучшими представителями рабочего класса и трудящихся, лучшими борцами за генеральную линию партии.

Задача очищения состава и коренной перестройки работы может быть выполнена советами, если им в этом деле помогут партийные организации. «Мы должны помнить, что наша партия есть основной костяк советов, поэтому сколько бы проектов, статей и циркуляров мы ни писали, пока партийные организации не возьмутся за это дело, пока они вместе с исполкомами не встанут во главе переустройства советов и не вовлекут в эту работу широкие массы крестьян, бедняков и середняков, сами советы будут шевелиться, копаться, а толку от этого никакого не выйдет» (Каганович).

Руководя перевыборной кампанией, партия должна добиться, чтобы новый состав советов был очищен от оппортунистов, маловеров, бездельников, бюрократов; под руководством партии советы должны выйти из текущей избирательной кампании, как доподлинные организации «авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части... рабочих и крестьян» (Ленин).

Чтобы обеспечить перестройку «советы во всей своей работе должны на деле опереться на создавшийся уже н о в ы й массовый актив и прежде всего на у д а р н и к о в ф а б р и к и з а в о д о в и н а к о л х о з н и к о в в д е р е в н е. Этот новый и теперь уже основной актив стал решающей силой в подъеме социалистической индустрии и сельского хозяйства на основе сплошной коллективизации и должен также стать в теперешних условиях опорой партии и советов в деле коренного улучшения всего государственного аппарата» (из резолюции декабрьского пленума ЦК и ЦКК 1930 г.).

Для того, чтобы советы по-настоящему повернулись лицом к производству, лицом к социалистическим формам труда, лицом к колхозам, «перевыборы советов должны внести коренные улучшения в самый с о с т а в советов. Первое место в советах должно принадлежать лучшим ударникам в рабочих центрах, передовым колхозникам в деревне, как партийным, так и беспартийным» (из резолюции декабрьского пленума ЦК и ЦКК 1930 г.). Указание Владимира Ильича о выдвижении беспартийных, о необходимости проверки беспартийными работы партийных, должно найти большее применение в работе советов как массовых организаций, охватывающих всех трудящихся. Это не должно вести к фактам случайного «выдвижения». Классово-чуждый «беспартийный», не пользующийся поддержкой трудящихся масс, рвач, летун, лодырь, подголосок классового врага — конечно не может быть выдвинут в совет.

Только при условии очищения советского аппарата, в том числе и его руководства, только при заполнении советов лучшими удар-

никами фабрик, заводов и колхозного строительства снизу доверху будет устранена та «размычка между директивами партии и их исполнением некоторыми звеньями советского аппарата», о которой говорил на московском партактиве т. Каганович.

Особое внимание партийных и советских органов должно быть уделено закреплению депутата рабочего-ударника, колхозника бедняка и лучших середняков — завтрашних колхозников на руководящих участках нашего низового советского аппарата и его массовой работы. Решительно должна быть повышена ответственность депутата за свою работу, ибо плохо работающий депутат своим бездействием ослабляет работу советов и тем облегчает борьбу против нас со стороны классовых врагов.

Перестройка работы советов в первую очередь означает поворот их лицом к производству и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Важнейшая задача советов — мобилизация рабочих масс на большевистские темпы социалистической стройки. Борьба за выполнение и перевыполнение промфинпланов предприятий, борьба за досрочное выполнение заданий пятилетки — вот боевой лозунг работы советов. Борьба за промфинплан должна быть поставлена в центре внимания советов, секций и депутатских групп на предприятиях.

Основной задачей партия и советы поставили—пересмотр методов руководства хозяйством в сторону решительного усиления конкретного руководства и оказания повседневной помощи предприятиям для выполнения и перевыполнения промфинплана по количественным и качественным показателям. Поставить дело руководства промышленностью таким образом, чтобы каждый член совета, секционер, депутатская группа на предприятии, под непосредственным руководством совета были бы застрельщиками и инициаторами в деле успешного выполнения промфинплана, мобилизующими вокруг этого основного вопроса остальную рабочую массу.

Перестройка работы требовала от городских советов уделить особое внимание выполнению директив партии и решений правительства по вопросам улучшения производства. Борьба за укрепление хозрасчета и единоначалия на производстве, за овладение техникой, поднятие труддисциплины и производительности труда есть в то же время борьба за промфинплан, за победу пятилетки. Городской совет, знающий предприятие, имеющий на каждом предприятии «свой глаз», глаз рабочего депутата и секционера, сможет во-время принять меры и к снабжению его рабочей силой и к созданию необходимых условий производства как по линии культурно-бытовой (школа, больница, клуб, дороги, освещение, жилстроительство и т. п.), так и по линии снабжения.

Не менее грандиозные задачи поставлены и перед райисполкомами и сельсоветами. Советы городов как органы диктатуры пролетариата, охватывающие сотни тысяч рабочих, могут и должны помочь сельским советам и рикам в работе по проведению коллективизации и организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

В работе по дальнейшему укреплению руководящего влияния рабочего класса на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства советы должны решительно изгнать из практики шефства всякого рода бессодержательность, парадность и словесную шумиху. В то же время надо со всей решительностью подчеркнуть, что в районах сплошной коллективизации за сельсоветом остаются решительно все его функции как органа государственной власти по контролю и руководству всей хозяйственно-политической жизни охватываемой им территории. В отношении же колхоза он является руководящим органом, неся ответственность за проведение в колхозе твердой классовой линии и за соответствие практической работы колхоза тем задачам, которые перед ним поставлены.

Сельсоветы «не допуская мелочной опеки и административного вмешательства в руководство колхозами», усиливают свою «руководящую роль по отношению к коллективам» (ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г.).

Вместе с тем необходимо было сельсоветам перейти от методов руководства колхозами «вообще» и по-боевому взяться за оказание всяческой помощи по укреплению колхозов, за повышение хозрасчета и особенно сдельщины, установление правильного учета и распределения труда и доходов и т. д. Сельсоветы должны руководить борьбой с лжеколхозами, принимать меры к чистке колхозов от кулацких элементов, ограждать колхоз от проникновения в него кулачества и способствовать, через укрепление основного на данном этапе звена колхозного строительства артели, переходу колхоза от артели к высшим формам.

Во всей работе сельсовета руководящим является указание ЦИК СССР от 25/I 1930 г., что «сельсовет, который не перестроит своей работы применительно к новым задачам в связи с массовой коллективизацией и не станет во главе колхозного движения, будет на деле кулацким сельсоветом, не способным проводить политику социалистического строительства».

Особое внимание советы в деревне должны сосредоточить на своевременном и полном выполнении колхозами обязательств перед государством (сдача хлеба, мобилизация средств и др.). Этого нужно добиваться на основе широкого развертывания массовой работы и борьбы с рваческими, собесовскими и мелкособственническими настроениями отсталой части колхозников.

Вся работа по проведению планов колхозного строительства должна быть неразрывно увязана с текущими хозяйственно-политическими кампаниями в деревне. Жесткий отпор должна получить еще кой-где практикующаяся правооппортунистическая теория очередности кампаний.

Началу перестройки работы советов положили перевыборы советов. Это первая перевыборная кампания после ликвидации округов. Поэтому перевыборы имели большое значение для укрепления района как узлового звена социалистического строительства, где осуществляются директивы партии и правительства. В результате ликвидации округов мы имеем доподлинное приближение

партийного, советского, профсоюзного, хозяйственного и кооперативного аппарата к селу, к колхозу, к массам трудящихся. В то же время эта реформа выдвинула целый ряд сложнейших проблем, в области руководства районами, укрепления их аппарата, чтоб он успешно справлялся с разрешением всех хозяйственно-политических задач.

«В деле развития пролетарского демократизма советское государство имеет значительные достижения. Так рост социалистического соревнования и ударничества на заводах и фабриках и в колхозах, а также принятие массами встречных промфинпланов являются выражением новых и притом высших форм советской демократии» (из резолюции декабрьского пленума ЦК и ЦКК 1930 г.).

Перед советами и в городе и в деревне как широкой и массовой организацией пролетарской диктатуры, возглавляющей движение масс за новые социалистические формы труда, стала во всю ширь задача широко развертывать массовую советскую работу, стать на деле организаторами социалистического соревнования и ударничества на заводах, фабриках и колхозных полях. Пролетарская самокритика, социалистическое соревнование и ударничество должны стать методами всей повседневной работы советов в деле привлечения депутатов, советского актива и широких слоев избирателей к участию в разрешении актуальных задач социалистического строительства.

В связи с этим исключительную важность приобретают вопросы массовой работы советов. Важнейшим моментом перестройки советов является все большее вовлечение в управление государством в работу советов все новых и новых слоев трудящихся. В частности нельзя забывать, что только при условии участия самих широких трудящихся масс в управление государством возможна действительная борьба с болячками нашего госаппарата, с бюрократическими извращениями. «Необходимо также поддержать и всячески развивать контроль рабочих и крестьян снизу над работой госаппарата... и новые формы добровольного участия рабочих в выполнении государственной работы» (из резолюции декабрьского пленума ЦК и ЦКК 1930 г.).

Наряду с привлечением масс к делу управления надо, чтобы и руководители «на деле овладевали своим аппаратом, на деле становились специалистами в своей области... чтобы они по существу входили в работу своих органов, не боясь тех практических «мелочей», от которых иногда и зависит успех дела» (Молотов).

Необходимо было оживить секционную работу и в первую очередь пересмотреть состав секции, очистить их от «мертвых душ» и пополнить их рабочими-ударниками с производства.

Перестройка работы советов требовала решительного усиления руководства работой секций со стороны президиумов советов и усиления связи горсоветов с избирателями путем улучшения работы депутатских групп на предприятиях и улучшения отчетности советов. «Каждый депутат совета, каждый член секции, каждый участник массовой советской работы должен быть образцом тру-

довой дисциплины и производственного энтузиазма, должен быть первым застрельщиком выполнения промфинплана» (из письма активистов-краснопутиловцев).

Это требование краснопутиловцев приобретает тем большее значение, что оно ставит вопрос о максимальном перенесении массовой работы советов вниз в завод, цех, смену, бригаду. Слабость работы депутатских групп (старостатов) дальше нетерпима. Депутатская группа как образцовая, ударная бригада совета, на основе развертывания соцсоревнования и ударничества увлекающая за собой своим личным примером широчайшие массы избирателей, должна стать щупальцем совета на предприятии, органом, сигнализирующим о состоянии производства, помогающим производству и ведущим массы к перевыполнению промфинплана. Вместе с тем депутатская группа должна по-настоящему стать школой управления государством. Она обязана организовать вместе с другими организациями выдвижение и шефство над госаппаратом: через нее осуществляется наиболее крепкая связь совета с избирателем.

В деревне наряду с максимальной активизацией работы сельскохозяйственных производственных совещаний сельсоветы должны использовать и другие организационные формы массовой работы — секции, пленумы и т. п. Надо усилить ответственность сельсоветов за состояние массовой работы, ибо без развертывания массовой работы невозможно разрешение задач социалистической переделки деревни. Вместе с тем от имеющего еще место единоличного администрирования председателя сельсовета надо решительно перейти к коллективной работе всего совета, к повышению ответственности за работу каждого его члена.

Аппаратная замкнутость должна замениться широчайшим вовлечением трудящихся в работу сельсовета и решительным развертыванием самокритики. Массовая советская работа должна рассматриваться не только как средство вовлечения колхозных бедняцко-середняцких масс в дело управления пролетарским государством, но и как метод организации массового контроля над деятельностью членов советов, правлений и советов колхозов.

Имея в виду, что сельский совет является низовой плановой ячейкой, надо от бессистемности в работе перейти к строжайшей плановости. Важнейшей задачей перестройки работы советов была постановка дела проверки фактического выполнения как своих решений, так и директив партии и вышестоящих организаций. Через привлечение рабочих масс к проверке фактического исполнения, к контролю за работой совета, его отдела и отдельных его членов, необходимо повысить ответственность каждого работника за выполняемое им дело и поднять трудовую дисциплину. В связи с этим нужно также решительно добиваться действительного использования права отзыва избирателями любого выборного лица, не выполняющего порученного ему дела. Необходимо объявить «беспощадную борьбу против господствующей расплывчатости, неясности в вопросе о том, что каждому отдельно поручено, и против вытекающей отсюда полнейшей безответственности» (Ле-

нин). Вместе с тем надо «проверять людей и проверять фактическое исполнение дела», ибо «в этом, еще раз в этом, только в этом... гвоздь всей работы, всей политики». Проверка работы советов сверху, массовый контроль этой работы снизу обеспечат нам победу в борьбе за досрочное выполнение пятилетки. Они повысят дисциплину в аппарате, усилят ответственность и поведут при развертывании пролетарской самокритики к окончательному искоренению право- и «лево»-оппортунистических извращений и примиренческого отношения к ним в практике советской работы.

Перестройка работы советов лицом к производству, лицом к колхозному строительству неизбежно требует от советов «большей активности в разрешении повседневных, бытовых и культурных запросов трудящихся (снабжение, жилище, коммунальное дело» (из резолюции декабрьского пленума ЦК и ЦКК 1930 г.).

Советы должны в повседневной, будничной работе так организовать быт и обслуживание рабочих, чтобы обеспечить перевыполнение производственных планов. Без разрешения огромных задач, стоящих перед советами в области коммунального благоустройства и жилищного строительства, без улучшения работы кооперации и постановки дела питания рабочих, без повышения внимания вопросам быта, оборудования прачечных, яслей, детплощадок и т. п. невозможна успешная борьба за перевыполнение промфинпланов предприятий, за выполнение заданий пятилетки.

Декабрьский пленум ЦК и ЦКК отметил угрозу империалистической интервенции против СССР и обязал советы уделить исключительное внимание укреплению обороноспособности страны. Эта работа должна стать повседневной. Необходимо использовать все формы массовой работы, чтобы мобилизовать внимание населения на разрешение практических вопросов по укреплению обороны страны строящегося социализма. Забвение вопросов обороны в советской работе должно рассматриваться как наихудший вид оппортунизма, как прямая измена интересам пролетарской диктатуры. Наряду с этим пленум еще раз поставил перед советами задачу проверки «проведения и дальнейшего развития дела осуществления ленинской национальной политики, укрепления интернационального единства, пролетарской солидарности и сотрудничества всех народов СССР и развития их национальных по форме, пролетарских по содержанию культур».

Задачи, поставленные пленумом перед советами, являются задачами большой важности и сложности. При их разрешении надо помнить, что «в советском строе заложены огромные возможности, еще далеко не использованные для дела строительства социализма» (Молотов). «Происходящий теперь процесс перестройки мелкого производства с заменой его крупными коллективными хозяйствами создает для советской власти в деревне новую производственную базу — базу крупного хозяйства. Будучи детищем крупных пролетарских центров, советы только теперь, только на базе быстро растущего крупного производства не только в городе, но и в деревне, смогут полностью выявить все имеющиеся у пролетарской диктатуры возможности, внутренние и международные, в

деле борьбы за победу социализма» (из резолюции декабрьского пленума ЦК и ЦКК 1930 г.).

Чтобы выполнить директивы пленума — «чтобы на деле провести коренную перестройку работы советов, необходимо обеспечить безусловное проведение ленинской линии партии без право- и «лево»-оппортунистических извращений этой политики в советской практике и прежде всего в практике **руководящих** органов советов» (из резолюции декабрьского пленума ЦК и ЦКК 1930 г.). Надо шире развернуть борьбу на два фронта, огнем пролетарской самокритики выжечь правую, главную опасность и «левые» загибы, а также и примиренчество к уклонам, т. к. «нельзя допустить, чтобы в линии партии и линии советов была какая-нибудь разница, или хоть некоторая щелка, ибо это наносит ущерб партии и роняет роль советов. Надо добиться, чтобы ни правые, ни «левые» оппортунистические извращения, не говоря уже о двурушничестве, не имели места в работе советов. Необходимо усилить борьбу как с правыми, так и с «левыми» искажениями политики партии в советах, и на этой основе, на основе действительного проведения большевистской политики в советах, поднять их роль в социалистическом строительстве» (Молотов).

К концу 1930 года социалистический сектор занял преобладающее положение в народном хозяйстве. Успешное выполнение задач в течение первых двух лет пятилетки создало предпосылки для нового ускорения темпов социалистического строительства, темпов индустриализации страны, темпов социалистической переделки сельского хозяйства. Опираясь на успехи предыдущих лет, рабочий класс в 1931 году, этом решающем году пятилетки, поставил себе задачу всемирно-исторического значения — завершить построение фундамента социалистической экономики Союза.

Решение вставших грандиозных задач, осуществимых лишь в условиях диктатуры пролетариата, требовало величайшей организованности, дисциплины, решительного улучшения качества работы всех звеньев государственного, хозяйственного и кооперативного аппарата, внедрения планового начала хозрасчета во всех звеньях хозяйственных предприятий, дальнейшего роста активности и трудового подъема широких масс трудящихся, развития новых форм труда (социалистическое соревнование, ударничество, встречные промфинпланы и т. д.). Всякая ставка на «самотек», «стихийность» была бы в то же время ставкой на провал пятилетнего плана, на замедление темпов строительства социализма. Поэтому декабрьский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) одновременно с утверждением хозяйственного плана 1931 года потребовал от всего государственного, хозяйственного и кооперативного аппарата такой перестройки их работы, которая бы гарантировала выполнение плана третьего решающего года пятилетки, а тем самым обеспечила бы победу всемирно-исторического значения — обеспечила бы решение проблемы «кто—кого» во всех областях хозяйства. Особо важные требования декабрьский пленум (1930 г.) предъявил к советам и всему оперативному советскому государственно-

му аппарату, который должен стать действительным организатором всех трудящихся масс, направить прилив их энтузиазма, решимости, силы и энергии на дело завершения фундамента социалистической экономики. Требования коренной перестройки своей работы к советам и всему государственному аппарату в целом были предъявлены еще и потому, что советы, являясь основными органами пролетарского государства, органами пролетарской диктатуры, как это было показано выше, чрезвычайно отстали в перестройке своей работы от задач реконструктивного периода.

Задачи построения фундамента социалистической экономики в третьем решающем году пятилетки, изменение классового соотношения сил в стране, всемерное развитие политической активности рабочего класса, а равно и всех трудящихся и колхозного крестьянства, — главной и основной опоры советской власти в деревне на данном этапе — вот что было определяющим в направлении улучшения работы советов и всего оперативного государственного аппарата.

Вот почему декабрьский объединенный пленум ЦК и ЦКК нашей партии (1930 года) поставил чрезвычайно большой важности проблему «коренной перестройки всей работы советов в соответствии с задачами реконструктивного периода». Вот почему пленум признал необходимым поднять работу Советов *сверху донизу* на уровень требований последнего этапа нэпа, являющегося в то же время первым периодом социализма. Без такой перестройки советов — этой основной организации нашего пролетарского государства, этих органов пролетарской диктатуры, немыслимо было разрешение исторических мировой важности задач третьего решающего года пятилетки.

По решению пленума, перестройка работы советов должна была итти прежде всего по линии укрепления роли советов как проводников генеральной линии партии, улучшения их состава и превращения рабочего ударника и колхозника в центральные фигуры советов и государственного аппарата, решительного поворота в своей работе лицом к производству и колхозу, вовлечения новых миллионов рабочих и колхозных крестьян в ряды активных строителей социализма, организационного закрепления возросшей невиданной активности масс и в первую очередь рабочих, усиления руководства соцсоревнованием и ударничеством, разработку и применение на практике новых форм участия рабочих и колхозного крестьянства в выполнении работы по управлению пролетарским государством. «*Нам надо поднять роль советов для того, чтобы они стали действительными проводниками генеральной линии партии*. Став такими проводниками, советы в большей мере займутся хозяйством, обслуживанием нужд рабочих, вопросами снабжения, они в большей мере будут руководить социалистическим соревнованием и ударничеством, чем это было до сих пор, когда они только на торжественных собраниях говорили об этом»[1].

[1] Л. М. Каганович. Об итогах декабрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Изд. «Московский рабочий» 1931 г., с. 40.

Перевыборная кампания 1931 года, проходившая под лозунгами решений декабрьского пленума, явилась первым мощным толчком для коренной перестройки советов. Эту важнейшую политическую кампанию советы сочетали с рядом хозяйственно-политических задач третьего, решающего года пятилетки; они возглавили небывалую активность рабочего класса и колхозного крестьянства, направив ее на борьбу с классовым врагом, на борьбу со всеми видами оппортунизма и примиренчества к нему, на борьбу за завершение фундамента социалистической экономики.

Постановление декабрьского пленума о перестройке работы советов сыграло величайшую роль в мобилизации политической активности трудящихся миллионных масс города и деревни. Политические и хозяйственные особенности реконструктивного периода, состоявшие в гигантском росте колхозов и ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, в величайшем росте соцсоревнования и ударничества, принятии встречных планов хозяйственного и культурного строительства — этих высших форм советского демократизма—сказались и на результатах перевыборной кампании.

Прежде всего, необходимо отметить, что это первая в реконструктивный период политическая кампания прошла при очень высокой политической активности рабочих и крестьян. Миллионные массы рабочих и крестьян были вовлечены в дело проверки политики и всей практической работы советской власти. Перевыборы советов превратились в одно из важнейших и сильнейших средств развития советского демократизма.

К числу важнейших достижений советов относится укрепление их связи с массами и поднятие их роли как проводников генеральной линии партии. Доказательством этих успехов может служить политическая активность избирателей, явка которых на отчетные и выборные собрания нередко доходила до 100%. По данным избирательной статистики средний процент явки на перевыборы сельсоветов по всему СССР достиг 70,4 против 61,8 в кампанию 1929 г. При чем по отдельным союзным республикам мы имели следующие данные: об активности деревенского избирателя: РСФСР — 69,1%; УССР — 76,2; БССР — 66,2; ЗСФСР — 70,2; УзбССР — 66,9; ТуркССР — 74,7; ТаджССР — 62,5. Рост общей активности в деревне шел главным образом за счет роста активности колхозников, давших по Союзу ССР 78,8% явки на перевыборные собрания, в то время, когда единоличники только 67,6%. Политическое значение колхозника как основной и главной опоры партии и советской власти в деревне подтверждает еще и тот повсеместный факт, что повышение процента коллективизации, повышение удельного веса колхозников влекло за собой и повышение активности единоличников-крестьян. Повсеместным явлением был рост активности крестьянки, хотя она еще продолжала отставать от активности мужчин (63,1% и 78,0%).

Особенно высокую политическую активность проявил городской избиратель. Последняя перевыборная кампания изобилует многими фактами, когда на избирательные собрания на заводах и

фабриках, в отдельных цехах и в коллективах служащих являлись поголовно все, имеющие право голоса. Исключение составляли лишь те из больных, которые физически были не в состоянии притти и отсутствовавшие по командировкам. Средняя активность городского избирателя составляет 79,6%. Активность же членов профсоюзов в значительном числе городов достигла почти 100%.

Необходимо отметить, что и в городе, как и в деревне, произошли большие изменения в составе избирателей. Прежде всего, возросло общее количество рабочих и служащих. Категория домашних хозяек в большом количестве перешла к индустриальному труду. Массовое вовлечение женщин в производство сказалось и на росте их активности, почти не уступающей активности мужчин (84,0 и 83,8%).

Активность городского избирателя в перевыборную кампанию 1931 г. в ряде мест доходила до своего предельного уровня. Статистика отметила не мало городов, давших активность избирателей свыше 90%. Но одновременно отмечены и такие города, где активность стояла чрезвычайно низко, не превышая в отдельных случаях 45—50%. Это по преимуществу мелкие города, где совершенно нет фабрично-заводского пролетариата, или где он составляет ничтожный процент по отношению к остальному населению. Понижение активности избирателя в данном случае шло за счет неорганизованного в профсоюзы населения. Насколько сильно влияла эта группа избирателей на общий рост активности можно судить по данным таких крупных центров, как Москва, Ленинград, Харьков, Смоленск. В Москве процент участия в перевыборах советов организованного в профсоюзы избирателя был равен 97,3, а неорганизованного только 76,2; в Ленинграде соответственно—81,9 и 67,5; в Харькове—94,0 и 79,3; в Смоленске—94,5 и 83,2. В мелких городах разница была еще большая.

Общий рост политической активности был одним из проявлений тех социальных сдвигов, которые мы имели за первые два года пятилетки. Рост фабрик и заводов в городе, совхозов и колхозов в деревне создал новый актив и расширил опору советской власти. Рабочий совхоза, а равно крестьянин-колхозник показали невиданные образцы политической активности, оказав свое влияние на колеблющегося еще единоличника. Колхозы на деле показали, что они вместе с совхозами являются крепостями социализма в деревне, а колхозники составляют действительную и основную опору советов в деревне.

Росту политической активности в деревне в значительной степени содействовал ряд мероприятий советской власти. Оказала свое влияние и помощь городских советов. Ведь известно, что пролетарские центры послали в помощь сельским советам сотни тысяч рабочих, организованных в бригады, провели объезды подшефных и прилегающих к городу сел и деревень, оказали свою помощь не только агитацией и пропагандой, но организацией клубов, домов крестьянина, красных уголков и т. д.

Рабочая общественность оказала свое большое влияние на перестройку работы сельских советов. Она вместе с выросшим

активом деревни проверяла работу сельских советов и избирательных комиссий, на ходу исправляя выявленные недочеты. О размерах помощи города деревне можно судить по таким данным, что в одной лишь Уральской области в практической проверке работы поселковых и сельских советов участвовало 7985 бригад или 39700 человек. По инициативе этих же рабочих бригад отозвано 425 депутатов за оппортунистическое бездействие, игнорирование директив партии и невыполнение наказов избирателей. Перевыборы Советов решили одну из важнейших задач своей перестройки — они значительно улучшили социальный состав советов. Под руководством партии советы в большой мере очистились от классово-чуждых элементов, бюрократов, бездельников. Они очистились и от тех, кто на словах был за проведение генеральной линии партии, а в своей повседневной практической работе извращал эту линию на каждом шагу. Вместо них в советы были выбраны десятки тысяч рабочих и работниц производства и сотни тысяч колхозников и колхозниц.

В результате перевыборов, основное ядро в горсоветах стали занимать рабочие, т. е. 56,5%, среди которых основную массу составляют рабочие с производства. Основной фигурой в сельских советах стали колхозники, рабочие совхозов и машинно-тракторных станций. В момент перевыборов колхозники составляли лишь 39,2% к общему количеству депутатов. Но уже первые пленумы сельских советов, характерной особенностью которых было почти поголовное объявление себя ударниками в деле коллективизации и вступления в колхозы, — резко изменили процентное соотношение в составе сельсоветов колхозников и неколхозников. К настоящему моменту, когда коллективизация в ряде основных районов закончена, когда в связи с проведенными смотрами работы сельсоветов в ряде областей и республик, сопровождавшимися очисткой их от классово-чуждых элементов, а равно от тех, кто не может осуществлять генеральную линию партии, и заменой их проверенными лучшими колхозниками, мы имеем тысячи сельских советов, в составе которых совершенно нет единоличников.

В конечном итоге социальный состав советов значительно улучшился за счет усиления партийной прослойки. По сравнению с перевыборной кампанией 1929 г. процент коммунистов и кандидатов в составе горсоветов возрос с 46,2% до 49,5%, а сельсоветов — с 10 до 14,8%.

На улучшение социального состава оказали большое влияние новые формы социалистического труда — соцсоревнование, ударничество, рабочие бригады, буксиры и пр., широко применявшиеся в деле организации перевыборов советов. Соцсоревнованием были охвачены советы, избирательные комиссии, города, районы, края, области и даже отдельные республики. Например, на специальной конференции в гор. Баку 7 ноября 1930 г. был заключен договор соцсоревнования между тремя республиками ЗСФСР. Соревновались между собой отдельные депутаты советов; соревновались партячейки, профсоюзные организации, комсомольские,

пионерские, добровольные общества и т. д. Особенно широко было распространено соцсоревнование между фабриками и заводами. Основными условиями договоров соцсоревнования были: лучшее проведение отчетно-перевыборной кампании, обязательное проведение отчетов совета и своих депутатов на каждой фабрике, заводе, цехе, в каждом селении, а равно на собраниях бедноты, молодежи, женщин, кооперации, колхозников и т. д. Особое внимание в договорах уделялось вопросам лишения избирательных прав и обеспечению классово-выдержанного состава будущего совета. Вместе с тем, брались обязательства лучшим образом сочетать проведение избирательной кампании с выполнением хозяйственных обязательств перед государством. Исключительное внимание было уделено наказам советам, которые вместе с дополнениями были широкой программой практической деятельности советов. В качестве политического итога необходимо подчеркнуть, что эта кампания проходила под знаком усиленного наступления на капиталистические элементы как в деревне, так и в городе. Советы в большинстве своем сделали решительный поворот лицом к колхозу, к производству.

Новые формы организации этой важнейшей политической кампании естественно дали ряд положительных результатов. Они прежде всего способствовали широкой проверке миллионными массами практической и политической работы советов и советской власти в целом. Определяющим критерием оценки работы того или иного совета было отношение его к производству, к колхозам, к культурному строительству и материальному обслуживанию трудящихся. Развернувшаяся критика работы советов намечала вместе с тем пути и методы перестройки всей советской работы.

Социальные сдвиги, происшедшие в стране, большой политический и культурный рост рабочего класса и трудящихся масс деревни нашли наиболее яркое отражение в характере прений по отчетам советов и отдельных депутатов. Основное место занимали вопросы хозяйственной деятельности советов, вопросы пятилетки, вопросы коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Много внимания было также уделено вопросам культурного строительства и материального обслуживания и улучшения бытовых условий. Особенно решительно избиратель бичевал проявления в практической работе оппортунизма, бюрократизма и отсутствия массовой работы. Статистика отметила изрядное количество случаев признания работы советов неудовлетворительной. Так например, в 19 районах УССР избиратели признали неудовлетворительной работу 67 сельских советов на 965 избирательных участках, в ЦЧО признана работа неудовлетворительной 365 сельсоветов или 15,8% общего числа их и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что работа городских советов, сравнительно более окрепших, чем сельсоветы, подвергалась еще большей критике со стороны рабочих и работниц. Печатью был отмечен ряд случаев признания работы неудовлетворительной. Например, рабочими металлургического завода работа Липецкого

Динамика партийного состава в органах власти РСФСР

Члены и кандидаты ВКП(б) в процентах

горсовета была признана неудовлетворительной в силу того, что он не уделял должного внимания вопросам производства и обслуживанию нужд трудящихся; по тем же мотивам работа Козловского и Елецкого советов признана слабой. Верную, но весьма суровую оценку дали избиратели Рязанскому совету за то, что он «отстал от большевистских темпов, плыл по волнам самотека и оказался в плену у правооппортунистической практики». Примеры правооппортунистической работы советов имели место в Западной области (Клинцы), Нижегородской (Котельнич), Северокавказском крае (Миллерово) и других областях. Везде политически выросший избиратель требовал от советов быть верным проводником политики партии. Во всех случаях массы рабочих и крестьян признавали нетерпимым такое положение, когда совет не только не возглавлял масс, но плелся в хвосте, отставал от жизни, жил вчерашним днем.

Подверглась решительной оценке и работа отдельных депутатов. Критерием их оценки служила классовая выдержанность и активность в работе советов и особенно в проведении хозяйственно-политических кампаний. В эту кампанию избиратель стал широко применять свое право отзыва депутатов. Были сняты тысячи депутатов, не оправдавших доверия масс.

Политически выросший избиратель решительно выступал против охаивания работы советов со стороны классового врага. Равно он был непримирим к критике советов, исходившей из оппортунистических установок. Попытки правых и «левых» оппортунистов оценивать работу партии и советов со своих оппортунистических позиций повсеместно были разоблачены и решительно отвергнуты. Правооппортунистические установки: неверие в темпы социалистического строительства, раздувание трудностей, замалчивание для всех очевидных успехов социалистического строительства, защиты кулачества и т. д. не находили никакой поддержки в массах. Защитники этой точки зрения непримиримо враждебной генеральной линии партии насчитывались среди рабочих единицами. Это важный политический факт неопровержимо говорит за то, что массы трудящихся уяснили значение генеральной линии партии, согласны с ней и выявили свою решимость защищать ее от всяких вылазок классового врага. Он говорит и за то, что партия и советы вместе с другими пролетарскими организациями добились несомненных успехов в деле воспитания и пролетарской закалки новых кадров, пришедших преимущественно из деревни.

Перевыборы советов в деревне происходили в условиях ожесточенной борьбы. Кулачество всемерно пыталось повлиять на исход перевыборов. Тактика, методы и формы борьбы, применявшиеся кулаком, весьма разнообразны: от организации своей кулацкой проработки избирательных законов до поджогов и убийств председателей и членов сельсоветов, избирательных комиссий и др. работников советского актива.

Изучение материалов, относящихся к последней избирательной кампании, показывает, что количество террористических ак-

тов, широко практиковавшихся в прошлую кампанию, несколько уменьшилось. Повидимому рост классовой бдительности избирателя и жестокий отпор кулачеству все больше и больше убеждает кулака в том, что силой террористических актов нельзя изменить работы советов и нельзя навязать свои кандидатуры в совет. Он повидимому убедился, что террористические акты против отдельных активистов, пользующихся широким доверием трудящихся деревни, и против колхозов не только всегда влекут за собой принятие решительных мер со стороны органов пролетарской диктатуры, но и способствуют росту классовой бдительности и классовой ненависти со стороны бедняцко-середняцких масс деревни и особенно колхозного крестьянства. Отсюда, конечно, нельзя делать такой вывод, что этот ликвидируемый класс, все больше видящий эту неизбежность, отказывается или откажется от этих решительных мер классовой борьбы. Это означает лишь, что в данных конкретных условиях он предполагал получить больше положительных результатов от иных мер, как то: провести в избирательные комиссии, а потом и в советы, своих людей, провалить кандидатуры, выставленные общественными организациями, посеять рознь между колхозниками и единоличниками, беднотой и середняками, взять под свое влияние женщин и т. д.

Центральным местом, куда кулачество направляло всю силу классовой ненависти в течение последних лет, являются колхозы. Оно отчетливо сознает, что рост последних приближает ликвидацию кулака — этого последнего эксплоататорского класса в деревне.

В общем итоге перевыборная кампания 1931 года, прошедшая под лозунгом решений декабрьского пленума ЦК и ЦКК, была первым и решительным шагом по пути перестройки работы советов. Она создала основные условия для выполнения поставленных перед советами задач. Правда, улучшение состава советов — это еще не есть перестройка всей работы. Последняя проходила очень медленно. В мае месяце, т. е. после четырех с лишним месяцев, после декабрьского пленума, в передовой статье ЦО нашей партии «Правда», констатировалось, чта выполнение директивы о решительной и скорейшей перестройке работы Советов проходит неудовлетворительно[1]. Хотя к этому же времени в работе горсоветов крупнейших пролетарских центров (Москва, Ленинград, Харьков, Днепропетровск и др.) имелись положительные результаты. Но многие советы, в том числе советы и таких пролетарских центров, как Нижний-Новгород, Тагил, Иваново и т. д все же почти не начали перестройки своей работы, не стали понастоящему лицом к производству, не возглавили ударничества и соцсоревнования, не превратились еще в доподлинных организаторов масс. Массовая работа их была еще очень слаба.

Особенно медленно проходила перестройка работы советов на селе. Проведенные в ряде областей и краев летом 1931 г. смотры их, наряду с превосходными образцами перестройки ра-

---

[1] «Правда» № 127 от 10/V 1931 г.

боты советов, выявили и то, что ряд сельских советов ещё не перестроился, а некоторые из них почти не начали ее.

Смотр работы советов был увязан с выполнением важнейших хозяйственно-политических задач и тем самым он явился новым толчком к дальнейшей перестройке работы советов. В результате его выявлен и включен в работу советов новый подросший советский актив, а также увеличен размах социалистического соревнования. Этот смотр сопровождался очисткой советов от социально-чуждых, пассивных, бездеятельных элементов, не принимавших никакого участия в работе. В связи со смотром, к которому были привлечены широкие массы избирателей, по требованию последних были сняты многие руководители сельсоветов и районных исполнительных комитетов и заменены проверенными в борьбе с классовым врагом действительными борцами за социалистическую переделку деревни — колхозниками. Политически выросший избиратель потребовал большей классовой четкости в работе своих депутатов советов и беспощадно изгонял тех, кто в той или иной мере сочувствовал и покровительствовал классовому врагу или оставался пассивным в этой решительной классовой борьбе.

Эта проверка работы советов показала, что ни одна из задач, стоящих перед советами, не может быть разрешена советом, изолированным от широких масс избирателей, не создавшим своего актива и не произведшим правильной расстановки своих сил.

Взять хотя бы сельские советы. Там, где они организовали актив, выросший и окрепший в борьбе с классовым врагом, правильно произвели расстановку своих сил по важнейшим участкам работы, изучили до мелочи свою работу, работу колхозов, научились по-новому конкретно руководить, имеются прекрасные результаты работы. Показателями работы таких советов служит высокий процент коллективизации, полное выполнение колхозами и единоличниками заданий по хлебозаготовкам, выполнение и перевыполнение заданий по финплану, заданий по зяби, силосованию, по посеву, прополке, уборке, распространению агрикультурных мероприятий. В этих же советах по-боевому ведется организация животноводства, организована сдельщина, ликвидирована обезличка, установлен правильный учет труда каждого колхозника, проведен охват детей школьного возраста школой, организована помощь школьникам батрацко-бедняцких семей, организован ремонт дорог, мостов, водоисточников и т. д. и т. п. Такие сельсоветы вполне успешно справляются в борьбе с кулачеством, направившим всю силу своей классовой ненависти против колхозов, против организационного укрепления их. Такие сельсоветы имеют все основания считать, что они стали действительными проводниками генеральной линии партии, что они успешно выполняют свою роль органов диктатуры пролетариата.

Обеспечив рост коллективизации, большинство сельских советов еще недостаточно повернулось лицом к организационному укреплению колхозов, значительная часть которых находится все еще в неудовлетворительном организационно-хозяйственном со-

стоянии: не налажен учет труда, медленно вводится сдельщина, не изжита обезличка, плохо составляются производственные планы. Не обеспечено в ряде мест и повышение качественных показателей сельскохозяйственного производства.

Борьба за окончание коллективизации в 1932/33 году выявила ряд недочетов в работе сельских советов. В ряде районов СССР (Казакстан, Восточная Сибирь) советы вместо проведения организационно-хозяйственного укрепления колхозов, как это указано в директивах ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1932 года, направляют все свои усилия на рост голых процентов коллективизации. В отдельных районах погоня за процентами привела к нарушению ленинского принципа добровольности, а кое-где выявлен даже ряд случаев грубейшего извращения политики партии по отношению к середнякам-единоличникам. Отмечен ряд случаев раскулачивания их. Оказались забытыми указания Ленина, что «смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата с средним крестьянством в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплоатации»[1].

Постановление ЦК партии от 4 февраля 1932 г. со всей решительностью подчеркивало хозяйственно-организационное укрепление колхозов как важнейшую задачу советов. Это постановление партии советами было положено в основу и практической работы, положительные результаты которой несомненны. Советы в массе своей на основе этого постановления уяснили, что артельная форма еще не развернута и не закреплена, что она является основным звеном колхозного движения. Усилия их практической деятельности заметно сказались на проведении колхозами посевной, прополочной и уборочной кампании.

Большую роль в деле укрепления колхозов сыграло постановление ЦК партии от 26 марта 1932 г. по вопросу «о принудительном обобществлении скота», в котором со всей большевистской решительностью еще раз подчеркивалось, что практика принудительного изъятия у колхозников коровы, мелкого скота и птицы не имеет ничего общего с политикой партии, что на этот путь могут стать только классовые враги. Это постановление было направлено против обнаружившейся практики низового государственного и кооперативного аппарата, ставшего в ряде мест на путь принудительного обобществления оставшейся у колхозников части имущества, которая определена уставом сельскохозяйственной артели. Отмена этой антиленинской практики и массовая популяризация этого постановления, проведенная советами и партийными организациями, укрепила доверие колхозников к незыблемости политики партии по отношению к нему.

---

[1] Ленин, т. XVI, изд. 3, с. 158—159.

К числу распространенных недочетов в работе сельсоветов необходимо отнести то, что многие из них не освоили своих прав и особенно бюджетных. Часто дома, полученные в результате раскулачивания, разрушаются, отсутствует изучение нужд населения и особенно колхозников по культурно-бытовому обслуживанию (водоснабжение, снабжение, дорожное строительство и т. д.). Вопросы политико-просветительной работы относятся ими к числу второстепенных. Выявлен ряд и таких случаев, когда отдельные сельсоветы не только не начали перестройки своей работы, а даже забыли наказы, потеряв тем самым связь с избирателями, с массой. Само собой разумеется, такие сельсоветы не могли превратиться в действительных организаторов масс, ибо они почти совсем не руководили соцсоревнованием и ударничеством. В работе их имела место недооценка опоры на колхозника, на бедноту, проявлялась боязнь кулака, а в отдельных случаях даже прямое пособничество ему.

Несмотря на целый ряд недостатков, пробелов и прорывов в работе в значительном числе советов, все же остается несомненным то, что во всех уголках Советского союза под руководством коммунистической партии происходит ожесточенная борьба за социализм, за уничтожение классов, везде и всюду, естественно при различных темпах, происходит переделка не только единоличника, но и колхозника, вчерашнего собственника, раба дикой стихии, темноты, невежества, кулацкой кабалы в сознательного и активного работника социалистического общества. В условиях ожесточенной классовой борьбы, борьбы со всеми видами оппортунизма и примиренчества, рождается, крепнет и развивается новое отношение к труду «делу чести, славы, доблести и геройства». На этой основе складываются новые отношения, рождающие новые силы и энтузиазм трудящихся масс, строящих социалистическое общество. Рабочий класс, под руководством коммунистической партии, одерживает одну победу за другой на всех фронтах социалистического строительства.

Необходимо отметить большое значение взаимной помощи, которую оказывают лучшие советы слабым, путем посылки бригад, освещения опыта работы в печати и т. п.

В качестве больших положительных моментов в перестройке работы советов 1931—32 года необходимо отметить усиление руководства советами со стороны вышестоящих органов власти, начиная с рика и кончая ЦИК Союза. В этом году краевыми (областными) исполнительными комитетами, циками автономных областей и республик, а также циками союзных республик заслушаны сотни докладов о деятельности городских и сельских советов, которым почти всегда предшествовало детальное обследование их работы на местах. Все постановления, за редким исключением, констатируют факт происшедшего в работе советов перелома в сторону улучшения. Основными показателями положительной работы горсоветов в постановлениях краевых исполкомов и циков республик отмечалось: рост производительности труда на предприятиях, охват большого числа рабочих соцсоревнова-

нием и ударничеством, успехи советов в области обслуживания рабочих коммунальными услугами (жилище, трамваи, электричество, водоснабжение, городской транспорт, банно-прачечное дело и т. д.). Особое внимание правительство обращало на мероприятия советов по улучшению снабжения, развитию пригородного огородного хозяйства, расширению сети закрытых распределителей, ларьков, новых магазинов и т. д., на улучшение обслуживания рабочих медицинской помощью, на развитие сети диспансеров, амбулаторий, медпунктов. В оценке работы того или иного совета правительство учитывало также его роль в деле ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения, стопроцентный охват детей школой в возрасте от 8 до 17 лет.

Работа сельских советов и низового аппарата государственной власти в деревне оценивалась по росту коллективизации, по степени результатов организационного укрепления колхозов, выполнения ими и единоличниками обязательств перед государством, по размерам мобилизации средств, а равно и по тем успехам, которые сельсоветы имели в борьбе с кулачеством и его агентами-оппортунистами всех мастей и примиренцами к ним.

Естественно, работу советов возможно оценивать только на фоне величайших, всемирно-исторических побед. Успехи выполнения пятилетки за первые три года, а особенно успехи третьего, решающего года пятилетки, когда крупнейшие отрасли промышленности (нефтяная, электротехническая, тракторостроение, общее машиностроение) выполнили пятилетку в 2½—3 года, когда такой крупнейший промышленный центр, как Ленинград, в истекшем году в основном закончил пятилетку по промышленной продукции, когда целый ряд крупнейших предприятий в других центрах выполнили или подходят к выполнению пятилетки, сделали возможным практическую постановку вопроса о выполнении и перевыполнении всех заданий пятилетнего плана в 1932 году.

Гигантские успехи в области промышленности создали все предпосылки для полной перестройки сельского хозяйства, что было бы невозможно без обеспечения сельскохозяйственного производства новыми сложными сельскохозяйственными машинами (тракторы, комбайны и т. д.). В области с.-х. машиностроения мы шагнули настолько вперед, не говоря о совершенном коренном перевороте в машиностроении, которое ранее было приспособлено для мелкого и мельчайшего хозяйства, что мы уже не только догоняем, но и начинаем перегонять передовые капиталистические страны.

Эти успехи очевидны не только для нас, но и для наших классовых врагов. Орган английских финансовых кругов «Финаншиэл Таймс», выступая против тех, кто еще пытается утверждать, что наш пятилетний план потерпел крушение, так характеризует наши успехи: «Успехи, достигнутые в машиностроительной промышленности, не подлежат никаким сомнениям. Восхваление этих успехов в печати и в речах отнюдь не является необоснованным. Не надо забывать, что прежде Россия производила только самые простые машины и орудия. Правда, и теперь абсолютные цифры ввоза машин и инструментов увеличиваются; но пропорциональная доля

импортированных машин по сравнению с теми, которые были произведены в самом СССР, непрерывно уменьшается. СССР в настоящее время производит все оборудование, необходимое для своей металлургической и электрической промышленности. Он сумел создать свою собственную автомобильную промышленность. Он создал производство орудий и инструментов, которое охватывает всю гамму от самых маленьких инструментов большой точности и вплоть до наиболее тяжелых прессов. Что же касается сельскохозяйственных машин, то СССР уже не зависит от ввоза из-за границы. Вместе с тем советское правительство принимает меры к тому, чтобы запаздывание в продукции угля и железа не препятствовало осуществлению пятилетки в 4 года. Не подлежит сомнению, что построенные вновь огромные заводы гарантируют значительный рост продукции тяжелой промышленности».

Организация новых машинно-тракторных станций в течение 1931 года подняла на новую высоту социалистическую перестройку сельского хозяйства. Опыт их работы позволил перенести их деятельность на новые отрасли хозяйства (сенокошение, лесоразработки, промыслы и т. д.). «Увязка через МТС государственной организации с кооперативно-колхозными организациями и создание на этой основе и для определенных целей особых организаций—МТС имеет первостепенное значение с точки зрения ускорения и прочности перехода массового мелкого хозяйства на рельсы крупного социалистического хозяйства» [1].

Успехи партии и советов в области промышленности «нарушили» план пятилетки в области сельского хозяйства. Если по пятилетнему плану в пятом году пятилетки предполагалось коллективизировать 20% крестьянских хозяйств, то уже к концу третьего года пятилетки, т. е. 1931 г., было коллективизировано 63%, а в решающих зерновых районах коллективизация была закончена, а на этой базе кулачество ликвидировано как класс. Перевыполнено задание пятилетки и по линии строительства совхозов, которые по прежнему играют крупнейшую роль в деле организации крупного колхозного хозяйства.

Невиданные успехи социалистического хозяйствования с особой яркостью выступают на фоне кризиса, охватившего все страны капитализма, кризиса, который продолжает все более и более углубляться.

В то время, когда в странах капитализма закрываются сотнями фабрики и заводы, выбрасывая сотни тысяч рабочих на улицу, обрекая их на голод, нищету и болезни, в СССР строятся сотни фабрик и заводов, растет благосостояние трудящихся масс как в городе, так и в деревне. В то время, когда в капиталистических странах происходит нарастание миллионных армий безработных, колоссальное увеличение числа голодных и нищеты, в стране строящегося социализма ликвидирована безработица. Каждый год в странах капитализма приносит нищету трудящимся, а в стране

---

[1] Доклад т. Молотова на 2 сессии ЦИК СССР. «Известия ЦИК» № 354 за 1931 г.

диктатуры пролетариата с каждым годом улучшается благосостояние трудящихся масс и в первую очередь рабочего класса. Посетивший летом 1932 г. СССР Эмрис Юз, корреспондент издающегося в Глазго еженедельника «Форвард» (орган шотландской «независимой рабочей партии») в своей статье под названием «Социализм в действии», опровергая заведомо лживые сообщения буржуазной печати о СССР, пишет:

«Бросается в глаза огромная работа, которая происходит в СССР. Новые заводы, новые школы, новые кино, новые клубы, новые громадные дома — всюду новые постройки. Многие из них уже кончены, другие еще окружены лесами. Трудно рассказать английскому читателю, что сделано за последние два года и что делается дальше. Надо все это видеть для того, чтобы этому поверить. Наши собственные достижения, осуществленные нами со времени войны, лишь пустяк по сравнению с тем, что делается в СССР. Американцы признают, что даже в период самой стремительной созидательной горячки в западных штатах, там не было ничего похожего на теперешнюю лихорадочную творческую деятельность в СССР. За последние два года в СССР произошло так много изменений, что отказываешся далее представлять себе, что же будет в этой стране еще через 10 лет».

«Выбросьте из головы фантастические страшные истории, рассказываемые английскими газетами, которые так упорно и так нелепо лгут о СССР. Выбросьте также из головы всю ту половинчатую правду и впечатления, основанные на непонимании, которые пущены в ход дилетантствующими интеллигентами, покровительственно глядящими на СССР сквозь очки среднего класса, но не имеющими ни малейшего представления о том, что происходит там...

СССР строит новое общество на здоровых основах. Чтобы осуществить эту цель, надо подвергаться риску, надо работать с энтузиазмом, с такой энергией, какой мир до сих пор не знал, надо бороться с огромнейшими трудностями, неизбежными при стремлении построить социализм в обширной стране, изолированной от остального мира. Но, посетив эту страну вторично за два года, я получил впечатление, что она идет по пути прочного прогресса, планирует, творит и строит, и все это в таком масштабе, который является ярким вызовом по адресу враждебного капиталистического мира» [1].

Достижение всемирно-исторических успехов невозможно вне руководства коммунистической партии, вне коренной перестройки советов и окончания перестройки профсоюзной организации. Гигантские успехи социалистического строительства оказались возможными лишь на основе применения шести исторических указаний вождя мировой революции т. Сталина.

Это конечно не значит, что уже все советы перестроили свою работу, что повсеместно стали подлинными проводниками генеральной линии партии, что все они поднялись на уровень истори-

---

[1] «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» № 256 от 15/IX 1932 г.

ческих задач данного периода. Наряду с большими достижениями в перестройке их работы, имеются и немалые недочеты.

Основным существенным пробелом работы ряда советов до последнего времени является непонимание и непроведение в жизнь того основного ленинского положения, подчеркиваемого неоднократно т. Сталиным, что «советский государственный аппарат в глубоком смысле этого слова состоит из советов плюс миллионные организации всех и всяких беспартийных и партийных объединений, соединяющих советы с глубочайшими «низами», сливающих государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающих шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением»[1]. Ряд советов при наличии весьма больших положительных сдвигов в массовой работе, все еще не обеспечили повседневного систематического руководства работой секций и депутатских групп—этих оправдавших себя форм массовой работы. Явно недостаточна и связь в работе секций и отделов, что как правило приводило к недостаточному привлечению масс к оперативной работе совета. Недостаточна в ряде советов связь между секциями и депутатскими группами. Очень плохо поставлен учет работы последних. Далеко не все секции проводят свою работу через депутатские группы и контрольные посты. Практика содокладов депутатских групп одновременно с докладами предприятий руководящим органам совета применяется еще очень редко. Недостаточно развернуто соцсоревнование депутатских групп и секций. Предложения их медленно рассматриваются руководящими оперативными органами. Результаты хорошей работы депутатских групп слабо освещаются в печати, а еще реже случаи премирования лучших депутатских групп и секций за их работу. Еще не всеми советами выполнено указание партии о повышении участия широких рабочих масс и советского актива в работе пленумов и президиумов горсоветов и сельсоветов; недостаточна практика выездных сессий, заседаний того или иного совета, а особенно по вопросам, касающимся данного предприятия, колхоза, совхоза и т. д.

Большим пробелом является и то, что многие советы не организовали подведение итогов выполнения наказов своих избирателей. Еще меньше советы пытались подвести итоги выполнения обязательств, взятых на себя массами трудящихся во время перевыборов советов. Недостатком ряда советов является и то, что они перестройку своей работы проводили без мобилизации масс и без изучения предыдущего опыта своей работы. Нельзя считать, что тот или иной совет перестроил свою работу, если не втянуты новые сотни и тысячи трудящихся в работу государственного аппарата, если последние не участвуют в устранении недостатков работы советов. К устранению этого недостатка и направлены указания крайисполкомов и правительств союзных республик ряду советов о необходимости организации депутатских групп на всех предприятиях, во всех совхозах и колхозах.

[1] Сталин. Вопросы ленинизма, ГИЗ 1930 г., с. 134.

Неумение правильно расставить силы в работе отдельных городских советов сказывается на том, что, уделяя должное внимание предприятиям республиканского или союзного значения, они забывали или почти забыли местную промышленность. Другие же советы исходят из противоположной точки зрения: оказывая активную помощь и осуществляя правильное конкретное руководство местной промышленностью, почти совершенно не мобилизовали рабочие массы на выполнение промфинплана по предприятиям республиканского и союзного значения. Это своеобразное перенесение всей тяжести своего руководства, влияния и помощи на центральную или местную промышленность явилось результатом непонимания значения всей без исключения промышленности, без всякого ее деления на центральную и местную в деле построения социализма в нашей стране, грубое непонимание единства всей промышленности, общих ее задач.

Для улучшения работы городских советов имело чрезвычайно большое значение постановление июньского пленума ЦК нашей партии 1931 г., который в числе других важнейших вопросов социалистического строительства заострил внимание всей партии и советской власти на вопросе дальнейшего развития и реконструкции городского хозяйства. Пленум констатировал, что «нынешнее состояние городского хозяйства по СССР, несмотря на значительные достижения, не может удовлетворить растущих потребностей масс»[1].

Вопрос о развитии и реконструкции городского хозяйства является не только вопросом улучшения материально-культурного обслуживания трудящихся масс, живущих в городах, но и вопросом обслуживания новых сотен тысяч и миллионов рабочих, вопросом строительства новых крупнейших промышленных центров, создания новых промышленных очагов в районах сельскохозяйственного производства, вопросом приближения к окончательному уничтожению противоположности между городом и деревней, к уничтожению как «деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так противоестественного скопления гигантских масс в больших городах»[2].

Необходимо подчеркнуть, что городскими советами — этими органами пролетарской диктатуры под руководством коммунистической партии — в области восстановления и развития городского хозяйства проделана очень большая работа. Прежде всего произведенное перераспределение жилищ в пользу рабочего класса дало возможность несколько миллионов рабочих, трудящихся из темных, сырых конур на грязных окраинах городов перевести в благоустроенные дома, группирующиеся в центрах городов. Но самая трудная задача была для городских советов — это приведение городского хозяйства в такое состояние, когда оно удовлетворяло бы растущим потребностям трудящихся масс. Эта задача, несмотря на последовательно большевистскую политику, не разре-

[1] Резолюция по докл. т. Кагановича. «Изв. ЦИК и ВЦИК» № 165 от 17/V. 1931 г.

[2] Ленин, т. XVIII, изд. 3, с. 25.

шена и сейчас. Основная трудность заключается в том, что экспроприированное у буржуазии городское хозяйство было самым отсталым по своему материально-техническому уровню, а кроме того было разрушено, в результате империалистической, а потом и гражданской войны.

Усилия партии и советов в деле восстановления, а потом и реконструкции этой области нашего хозяйства, были направлены на улучшение бытовых условий трудящихся. В ряде городов выстроены новые водопроводы, электрические станции, бани, прачечные. Расширена в ряде городов действующая трамвайная, водопроводная и электрическая сеть, причем расширение шло за счет улучшения обслуживания пролетарских масс.

Практическая работа советов была направлена к изжитию деления городов по своему благоустройству на благоустроенный центр и грязные окраины. В этом отношении сделано очень много.

Однако необходимо сказать, что, несмотря на решительные меры по реконструкции городского хозяйства, оно все еще является «узким местом», очень серьезно отстает от бурных темпов индустриализация страны. В условиях строящегося социализма вопросы городского хозяйства теснейшим образом связаны с вопросами общей реконструкции хозяйства. Вопросы жилья, водоснабжения, трамвая, электроосвещения и т. д. составляют одно из важнейших звеньев производственного процесса, это вопросы роста производительности труда, вопросы темпов строительства социализма.

В осуществление директивы июньского пленума (1931 г.) городские советы добились успехов, правда еще недостаточных, в деле организации производства местных, а также новых строительных материалов, простейшего оборудования. Внедрение плановости и усиление руководства со стороны советов этой отраслью хозяйства составляет один из важнейших результатов в деле проведения директивы партии в жизнь.

Чрезвычайно важное значение в деле улучшения работы городских советов имело указание пленума ЦК местным партийным организациям об оказании всемерной помощи советам (подбор кадров, усиление внимания вопросам городского хозяйства и т. д.). Эта директива партии сыграла большую роль в перестройке работы не только коммунальных органов, но и городских советов в целом.

Перестройка работы городских советов привела к оживлению работы массовых организаций советов (депутатские группы, секции, добровольные общества). Но из оживления работы массовых организаций — и в первую очередь депутатских групп — на ряде предприятий, особенно Москвы, Ленинграда и таких крупных центров, как Харьков, Баку, выразившегося в примерном участии депутатов, секционеров и советского актива в возглавлении ударничества и соцсоревнования, организации ударных бригад имени совета, в установлении производственной связи с массовыми организациями предприятий, поставляющих полуфабрикаты и другие материалы, в осуществлении действительного контроля за выполне-

Динамика роста числа женщин в районных и сельских органах власти

нением производственной программы, в организации помощи отстающим цехам, в постановке вопросов улучшения производства в высших звеньях государственного аппарата, в проявлении большой инициативы в деле улучшения бытовых условий рабочих как путем налаживания работы своих культурно-бытовых организаций, так путем продвижения этого рода вопросов в различных инстанциях советов, кое-кто[1] сделал вывод для обоснования «теории» необходимости создания советов рабочих депутатов на крупных предприятиях.

Предложения о создании вместо депутатских групп «советов рабочих депутатов» на предприятиях нашли некоторую временную поддержку не только на страницах печати, но и в ряде официальных документов — «положений» (Ленинград), где депутатские группы рассматриваются как «низовое звено государственной власти». Разновидностью этих оппортунистических установок были выдвинуты положения о придании депутатской группе значения четвертого угла наряду с администрацией, партийной и профсоюзной организацией. Все эти предложения частично повторяли установки известного Мясниковского манифеста «рабочей группы» 1923 года, решительно осужденные всей партией и не нашедшие абсолютно никакой поддержки среди рабочего класса.

Правда, в основу здесь были положены другие отправные данные и другие преследовались цели, чем это было у Мясникова, но все же общего в этих установках не мало. И те и другие ставили вопрос об организации советов рабочих депутатов на фабриках и заводах. В этом их общее. Но существенная разница в исходных мотивах. Мясников, не желая понять сущности пролетарского государства, роли рабочего класса и его руководящего авангарда — партии во главе с ее ЦК в укреплении пролетарской диктатуры, противопоставлял советское государство рабочему классу и партию — советскому государству, а отсюда он и делал вывод, что классовые права городских советов узурпированы в порядке уравнения их с крестьянскими советами, и, чтобы «выправить» ленинскую политику партии в этой части, требовал организации советов рабочих депутатов на фабриках и заводах[2].

XII съезд нашей партии со всей силой подчеркнул опасность для рабочего класса подобных установок и со всей решительностью, присущей только большевикам, признал необходимость дачи сокрушительного идейного отпора им. Такой отпор дан. Партия покончила с мясниковщиной решительно и бесповоротно.

Авторы «теории» организации советов на крупнейших фабриках и заводах, возникшей вновь в 1931 году, совершали грубейшую политическую ошибку. Они недооценивали значения роли ударников с промышленных гигантов в работе общегородских и районных советов. Они игнорировали значение участия рабочих крупнейших предприятий в решении больших вопросов. Их теория

[1] «Раб. Москва» от 20/III 1931 г.

[2] Здесь мы не касаемся других столь же безуспешных наскоков Мясникова и его группы на партию.

вела к противопоставлению совету рабочих депутатов, состоящему из рабочих, районным и общегородским советам, имеющим в своем составе и иные социальные группы трудящихся. Здесь мы совершенно не касаемся вопросов организационной связи, руководства ими и т. д. В конечном итоге эта анархо-синдикалистская установка не получила своего широкого распространения. В результате критики авторы почти на второй день вынуждены были сознаться в своем невежестве и признать политическую вредность своих установок.

Среди отдельных местных работников несколько большую поддержку находила и находит в настоящее время правооппортунистическая точка зрения, согласно которой депутатские группы не должны заниматься вопросами производства, соцсоревнования и ударничества, производительности труда, встречных планов и т. д.[1]. Основным мотивом при этом выставляется боязнь параллелизма в массовой работе общественных организаций на предприятиях и в учреждениях. Предлагается деятельность этих массовых органов ограничить вопросами городского хозяйства, вопросами быта и культуры. Устранение советского актива предприятий, состоящего в значительной своей части из ударников производства, от участия в решении вопросов производства есть не что иное, как правооппортунистическое игнорирование указаний партии о том, что коренная перестройка работы советов «лицом к производству», к колхозу, без опоры на советский актив и в первую очередь ударников, — совершенно немыслима.

Кроме большого улучшения выборного состава советов, развития и улучшения работы секций и депутатских групп, советы под руководством коммунистической партии, при активной поддержке профсоюзов, к настоящему времени достигли несомненных успехов в деле упрощения и улучшения работы оперативного аппарата. Шефство предприятий над учреждениями и работа социалистических совместителей, т. е. выполнение ударниками определенных функций управления государством без отрыва от производства, дали ценнейшие результаты. В итоге истекших почти двух лет со дня постановления декабрьского пленума мы имеем увеличение в два—три раза количества шефствующих предприятий над учреждениями. Количество рабочих-ударников, проведших в порядке шефства решительную борьбу с бесхозяйственностью, расхлябанностью, бесплановостью, бюрократическими извращениями, с засоренностью классово-чуждым элементом в отдельных звеньях государственного аппарата, исчисляется сотнями тысяч человек. Эта работа, проводившаяся под руководством коммунистической партии, дала огромнейший политический и материальный эффект, исчисляемый миллионами рублей. Особо следует остановиться на высшей форме шефства — социалистическом совместительстве. Огромнейшая важность его заключается прежде всего в улучшении работы государственного аппарата и в овладении рабочими мас-

---

[1] Журн. «Путь советов» С.-К. края № 7, с. 23—24; «Известия Уралоблика» № 27 и др.

сами конкретных функций оперативного управления государством. В работу оперативного аппарата в порядке соцсовместительства втянуты десятки тысяч ударников и ударниц производства. Работают они во всех звеньях государственного хозяйственного и кооперативного аппарата. Имеется не мало фактов, когда соцсовместители весьма успешно справляются со своей работой, выполняя ее лучше платного аппарата, экономя в то же время сотни тысяч рублей, а самое важное — содействуя еще большему приближению учреждений к нуждам трудящихся масс и в первую очередь рабочего класса. Правда, в развитии этой формы пролетарского демократизма имеется не мало недостатков. Имеют место случаи пренебрежительного отношения к ним, плохое руководство как самим государственным аппаратом, так и выдвинувшими соцсовместителей и т. д.

Реализация указаний Ленина о поголовном вовлечении трудящихся в управление государством успешно происходила и происходит, кроме того, в форме различных добровольных обществ, кружков, походов и т. д. и т. п. Все эти организации, дополняющие собой работу государственного аппарата, укрепляющие диктатуру пролетариата и приближающие время окончательного построения социализма, в своих рядах насчитывают миллионы человек.

Благодаря работе добровольных обществ мы имеем большие успехи в ликвидации неграмотности, которая в ряде краев и областей достигла 90—92%, мы имеем успехи в распространении медицинских, санитарных и других знаний. Исключительную важность представляет работа таких добровольных обществ, как Автодор, Осоавиахим.

Партия не раз в своих решениях требовала от советов осуществления ленинской национальной политики, укрепления интернационального единства и пролетарской солидарности. Подведение итогов как хозяйственного, так и культурного строительства за 15 лет указывает, что эти директивы советами в их практической работе неуклонно проводились в жизнь. Этот вывод подтверждают факты из любой области социалистического строительства. Особо важное значение приобретает проведенная в ряде республик коренизация государственного аппарата, перевод работы учреждений и организаций на родной язык населения.

Пятнадцатилетний юбилей со дня Октябрьской революции совпадает с окончанием первой пятилетки. Успехи борьбы партии и советов вместе с другими пролетарскими организациями нашли свое выражение в завершении построения фундамента социалистической экономики, в решении ленинского вопроса «кто — кого» окончательно и бесповоротно в пользу социализма как в городе, так и в деревне.

В области промышленности наши успехи характеризуются тем, что «создана собственная база для завершения реконструкции всего народного хозяйства, база социалистической крупной машинной индустрии». Усилием рабо-

чего класса создан ряд предприятий, имеющих мировое значение. Широко развернулось строительство новых заводов и фабрик.

В сельском хозяйстве самое важное заключается в том, что социалистический сектор (совхозы и колхозы) занял господствующее положение. Бедняцко-середняцкие массы в своем большинстве сделали окончательный выбор в пользу социализма, что позволило перейти к ликвидации капиталистических элементов и классов вообще.

Эти успехи есть успехи рабочего класса и трудящихся крестьян. Они вместе с тем и характеризуют работу всех пролетарских организаций во главе с коммунистической партией. «Партия добилась этих успехов в борьбе с буржуазной теорией троцкизма о невозможности построения социализма в одной стране и неизбежности реставрации капитализма, — троцкизма, превратившегося теперь в передовой отряд буржуазной контрреволюции.

Партия добилась этих успехов в борьбе с правым оппортунизмом, линия которого заключалась не только в срыве политики социалистического наступления, но в прямой капитуляции перед кулачеством и буржуазными элементами»[1]. Успехи эти объясняются и тем, что советы в основной своей массе последовательно проводили в жизнь политику партии, мобилизуя под знаменем партии объединяемые массы трудящихся. Советы в результате развития пролетарского демократизма, перестройки своей практической работы в соответствии с требованиями данного этапа явились мишенью для нападок со стороны классовых врагов и оппортунистов всех мастей.

Основной, важнейшей политической директивой партии во вторую пятилетку является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще. Если первая пятилетка характеризуется как план построения фундамента социалистической экономики, то вторая ставит своей задачей построение социализма — низшей фазы коммунистического общества. Это означает не только ликвидацию классов, но и полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию и переделку всего трудящегося населения в сознательных и активных строителей социалистического общества.

Эта задача очень трудная. Решение ее возможно только в успешной борьбе с остатками ликвидируемых классов, в борьбе с буржузаными и мелкобуржуазными пережитками среди трудящихся, которых еще много. Поэтому основное требование, предъявляемое к советам, этим основным государственным органам пролетарской диктатуры,—в своей практической работе подняться на уровень политических задач.

Борьба за выполнение и перевыполнение первого пятилетнего плана сопровождалась большим ростом сознательности трудящихся, ростом их активности. В этих условиях возглавлять массы и направлять их активность на дело социализма оказалось для ряда советов делом трудно выполнимым. Но эти трудности будут

[1] XVII конференция ВКП(б). Стен. отчет. Партгиз, 1932 г., с. 277.

большими во второй пятилетке. Сила советов будет зависеть от организации масс, от подъема их активности и правильного направления ее.

Развитие социалистических форм труда — соцсоревнования и ударничества, встречных планов, проверка работы своего предприятия, совхоза или колхоза, наряду с ростом производительности труда послужит еще одним из основных мероприятий в деле изживания буржуазных и мелкобуржуазных пережитков. Вместе с тем одной из важнейших задач для рабочего класса будет доделывание и переделывание советской системы, которая вызывается новыми успехами развития нашего социалистического хозяйства. По-новому станут вопросы управления промышленностью и сельским хозяйством и их взаимной производственной связи.

Задача построения бесклассового общества обязывает советы и другие органы пролетарской диктатуры добиться решительных успехов в деле поголовного привлечения трудящихся в управление государством. Несомненно одним из заданий должно стать такое упрощение государственного аппарата, которое бы позволило рядовому рабочему выполнять ту или иную государственную работу. Выборность и сменяемость должна быть расширена, что поставит в большую подконтрольность массам работу тех или иных должностных лиц, приблизит государственный аппарат к массам, еще больше сольет его с ними.

В отношении сельского хозяйства крупнейшее экономическое и политическое значение имеет директива XVII партийной конференции—охватить машинно-тракторными станциями все колхозы и в основном завершить механизацию сельскохозяйственного производства, т. е. превратить с.-х. труд в одну из разновидностей индустриального труда. Эта важнейшая директива имеет непосредственное значение в деле переделки колхозника в сознательного и активного работника социалистического общества. Охват колхозов машинно-тракторными станциями, т. е. основными орудиями производства, принадлежащими государству, несомненно должен повлечь за собой изменение отношения к результатам своего труда, позволит изжить мелкособственнические привычки.

В связи с этим одной из величайших задач пролетариата является укрепление пролетарского влияния. Реконструкция всего народного хозяйства усилила рабочую прослойку не только горсоветов, но и сельсоветов. Несомненно возрастет эта прослойка и в предстоящие перевыборы советов. Но вместе с тем должно возрасти влияние пролетарских центров на деревню. Необходимо произвести более широкое прикрепление по линии шефства ряда районов пролетарских центров, совхозов к колхозам и предприятий к колхозам. Большую роль в этом отношении играют созданные в ряде горсоветов секции по работе в деревне. Правда, пора отказаться от распространенной еще практики кампанейности, случайности и культтрегерства в шефской работе. Заслуживает всемерного одобрения метод пролетарского влияния на деревню, проверенный рядом предприятий—это опыт заслушивания докладов сельсоветов в цехах, казарме, землячестве.

Борьба за кадры в условиях второй пятилетки будет занимать одно из первых мест. Задача советов не только растить новые кадры, но всемерно поднимать квалификацию их. Социализм требует таких работников, которые бы по своему уровню знаний опережали передовые капиталистические страны. Преимущества социалистической системы перед капиталистической содержатся не только в области хозяйственного строительства, но и в области науки и культуры.

Строительство социализма в условиях первой пятилетки сопровождалось улучшением материально-бытовых запросов трудящихся масс и в первую очередь запросов рабочего класса. К концу второй пятилетки партия и советы ставят задачей добиться улучшения снабжения населения основными потребительскими товарами не меньше, чем в два—три раза. Решение ее будет зависеть от успешного плана во всех областях народного хозяйства. В этой непосредственной связи перед советами стоит задача развертывания товарооборота, от которого зависит обеспечение большевистских темпов, подъема всего народного хозяйства и удовлетворение материально-бытовых запросов трудящихся города и деревни. Практической задачей советов является пересмотр существующей торговой сети, приближение ее к потребителю, расширение, улучшение работы торговых учреждений, перевод их на хозяйственный расчет. Для снабжения пролетарских городов большое значение имеет колхозная торговля товарами своего производства. Развертывание предполагает в свою очередь снабжение промышленными товарами колхозника, предполагает укрепление колхозов.

Успехи первой пятилетки достигнуты в ожесточенной классовой борьбе. Ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, конечно, не может быть проведена вне ожесточенной классовой борьбы. Новых успехов трудящиеся могут достигнуть только в решительной борьбе с остатками капитализма. Гибнущие классы сделают еще не одну попытку оказать сопротивление, которое может принять на отдельных участках, при отдельных конкретных условиях ожесточенные формы. Эти обреченные на гибель классы не раз попытаются оказать свое влияние на трудящихся, используя неизжитые еще буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки. Задача всех пролетарских организаций во главе с партией — дать решительный отпор всем проявлениям классового врага, преодолеть буржуазные и мелкобуржуазные предрассудки среди трудящихся и переделать их в активных и сознательных работников социалистического общества.

Партия добилась величайших побед в беспощадной борьбе с оппортунистами всех мастей. Эта важнейшая задача будет стоять и в условиях второй пятилетки. Борьба с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе, а также с «левыми» оппортунистами укрепит диктатуру пролетариата и обеспечит новые победы социализма.

Содержание

Е. Пашуканис — Пятнадцать лет 5

И. Трайнин — Советская федерация и национальный вопрос 39

Е. Сорин — Демократический централизм—основной организационный принцип построения советской власти 110

Г. Михайлов — Развитие территориальной организации советского государственного аппарата 154

Н. Челяпов — Советский аппарат и задачи его улучшения 190

А. Алымов и С. Студеникин — Реконструкция госаппарата 209

Г. Амфитеатров и Л. Гинцбург — Управление хозяйством и хозяйственное право за 15 лет пролетарской диктатуры 289

Б. Левин и И. Суворов—Советы и строительство социализма 415

Темы иллюстраций

1917 год в Питере
СССР—отечество трудящихся всего мира 16-17

Коммунизм—это советская власть плюс электрификация всей страны 32-33

Миллионы трудящихся по всему СССР выбирают в советы лучших из своей среды 80-81

Догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны 96-97

Советские машины на социалистические поля 160-161

Труд в СССР дело чести, дело славы, дело доблести и геройства 176-177

СССР становится стран[illegible] тракторизации, страной автомобилизации 240-241

Больше угля, больше металла, больше машин 256-257

Пролетариат СССР овладевает передовой техникой и создает кадры своей собственной производственно-техничес-к[illegible]й интеллигенции 304-305

С[illegible]СР становится страной сплошной грамотности 320-321

От феодально-байского строя к социалистическим формам сельского хозяйства 368-369

От пеленок, корыт, примусов—на производство, на учебу, в науку 384-385

Борьба за социалистические кадры—одна из важнейших задач второй пятилетки 432-433

Без общественного питания н[illegible]льзя создать нового быта 448-449

Новые дома, новые люди. . .
Филипповы в СССР не боятся безработицы 496-497

Автомобиль и самолет на смену арбе и верблюду . . .
Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому 512-513

Редакция сборника:
Е. Пашуканис (отв. редактор), **Я. Берман, И. Суворов, Н. Челяпов.**

III квартал 1932 г. № 94. С—30 г. Сдано в набор 11/VIII—25/IX. Подписано к печати 27/IX—7/X 34 п. л. 62×94¹/₁₆. В 1 п. л. 47200 знаков. Уполн. Главлита Б-24000 Тираж 7350 экз. Отпечатано в 15-й типографии треста „Полиграфкнига". Заказ. 1724. Меццотинто работы 1-й Образцовой типографии. Переплет работы 16-й типографии.

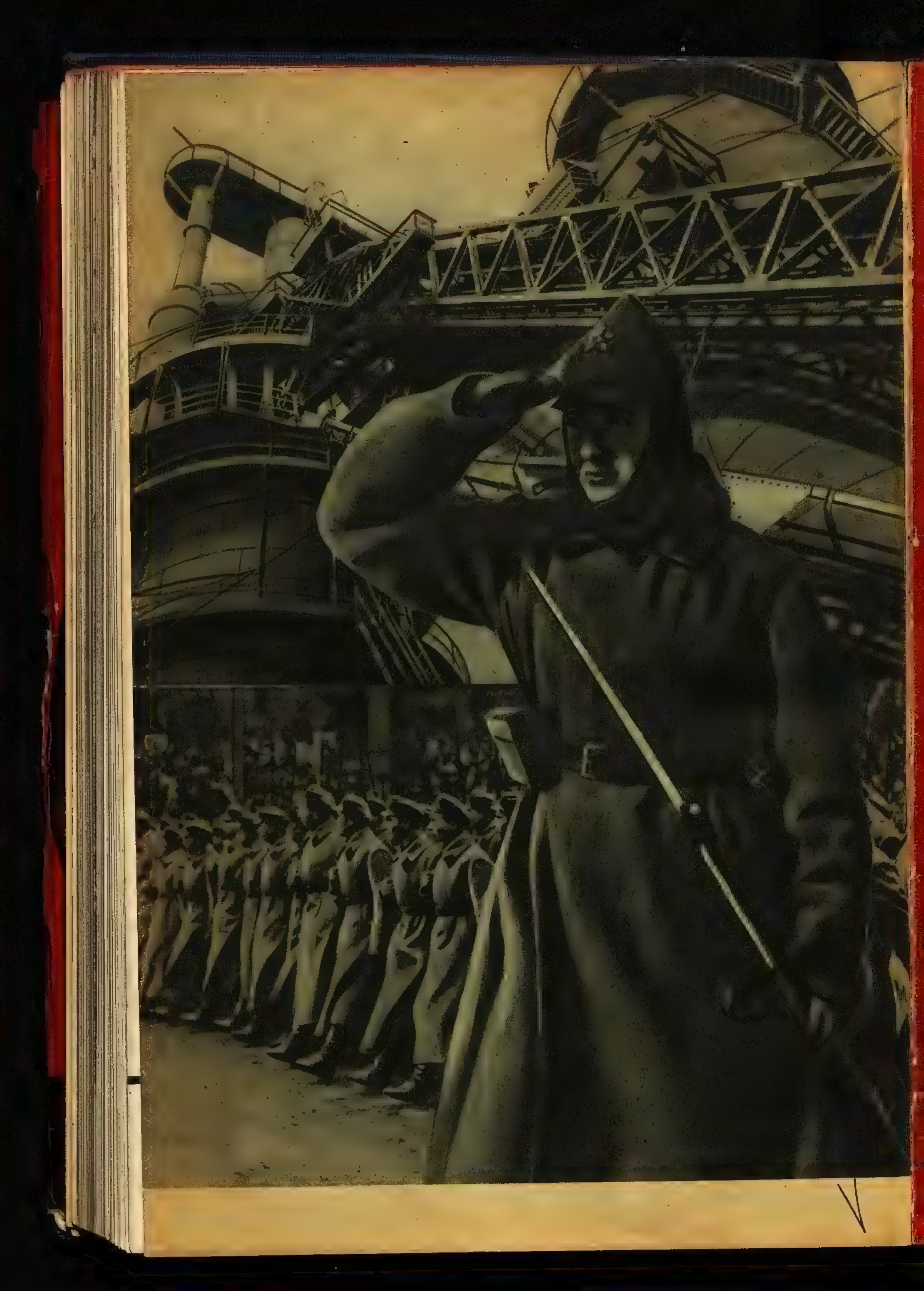
Оформление сборника Г. Крастошевского и Н. Седельникова

ДОБРОЛЕТ

С.С.С.Р.-А

При наличии

внешнего

[illegible]

худшим видом оппортунизма

[illegible]

ослабление мощи

пролетарской диктатуры.

[illegible]

между страной

строящегося социализма

и капиталистическим [illegible]

[illegible]

о всемерном усилени[illegible]

пролетарского государства,

дабы поднять его силу

[illegible] только в отношении

[illegible]

[illegible] в отношении

враждебных ему

[illegible]

[illegible]

Основной политической задачей

2-ой пятилетки

является

окончательная ликвидация

капиталистических элементов

и классов вообще,

полное уничтожение причин,

порождающих классовые различия

и эксплоатацию,

и преодоление пережитков капитализма

в экономике и сознании людей,

превращение всего трудящегося населения страны

в сознательных и активных строителей

бесклассового

социалистического

общества.

XVII партконференция

Список важнейших опечаток и неточностей

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
20	13 снизу	Тукменской	Туркменской
26	29 сверху	2, 3%	22,3 %
36	1 снизу	offente	öffentl.
41	18 сверху	Партия была против федерации.	Партия в принципе была против федерации.
44	9 снизу	централизма	децентрализма
44	7 снизу	Борьба „правительств“	Борьба окраинных „правительств“
71	12 сверху	выражались в правильном использовании	обусловливали правильное использование
76	сноска	Финансовое хозяйство... социалистического переустройства	Финансовое хозяйство— рычаг социалистического переустройства
86	9 сверху	пример солидарной борьбы	пример результатов солидарной борьбы
89	11 снизу	разрешения сельскохозяйственной базы	разрешения проблем сельскохозяйственной базы
90	1 сверху	площади. Зерновых культур	площади зерновых культур
99	9 снизу	дореволюционной Австрии	довоенной Австрии
105	сноска	А. Хвылевый	А. Хвыля
109	8 сверху	Почти повсюду укрепилась	Повсюду укрепилась
109	24 сверху	социалистического фундамента включаются	фундамента социалистической экономики включились
141	сноски	перепутаны сноски:	2-я сноска должна быть 1-й, 1-я—2-й.
142	11 снизу	16/VII 1932	16/VII 1930
142	8 снизу	24/VII 1932	24/VII 1930
144	19 сверху	являющемуся	являющийся
162	13 „	отличающийся	отличающихся
168	26 „	предысполкомов	предгубисполкомов
174	21 „	разделение ее	разделение РСФСР
177	24 „	1932	1923
181	1 снизу	с. 64	с. 22
182	1 „	По внутритерриториальной	По линии внутритерриториальной
184	13 „	населения	расселения
191	27 сверху	на социалистических началах	на плановых социалистических началах
195	17 сверху	от единства	от свойств
199	6 снизу	в кадрах	в недрах
200	19 снизу	и состав	и людской состав
233	13 сверху	перегиб централизации	перегиб децентрализации
234	9 сверху	территориальным приложением	территориальным приближением
240	2 снизу	На этой линии	По этой линии
244	23 сверху	ПКК-ПКИ (ПКК плюс...)	ЦКК-ПКИ (ЦКК плюс...)
245	4 сверху	систематическим	синтетическим

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
266	12 снизу	облегчающих	облегающих
270	3—4 „	примечание 1-е	должно быть на стр. 269
287	16 сверху	XVI	XVII
288	3 снизу	укрупнять	укреплять
294	4 сверху	большинства предложенных	большинство предположенных
298	10 снизу	брошюр	брошюру
300	10 сверху	Эта борьба демонстрирует	Только
307	24 и 25 сверху	промышленности	—промышленностью—
308	28 сверху	заключавшая	включавшая
309	23 сверху	нерасплетенном	нерасчлененном
313	3 и 4 снизу	Перепутаны сноски:	2-я сноска должна быть 1-й, 1-я—2-й
333	8 снизу	3 000	37 000
334	13 сверху	были:	была
338	11 сверху	дентенция	тенденция
339	3 сверху	празнанная	признанная
353	22 сверху	производимых ими товаров,	производимыми ими товарами,
365	16—17 сверху	трестам	трестов
373	8—9 снизу	Планирования, роль которого теперь колоссально возросла. Самым ярким	Планирования крупной промышленности пролетарское государство пере-
383	5—6 снизу	в который	в которой
385	27 сниву	от 20/III 1932 г.	от 20/III 1931 г.
408	23 сверху	ей не по пути.	с ней не по пути.
416	4 сверху	проводимую	проверяемую
417	19 сверху	по продразверстке	при продразверстке
427	23 сверху	ответственности	отчетности
427	7 снизу	определения	распределения
432	2 сверху	на недочетах сельских	на недочетах работы сельских
444	12—11 снизу	совету наиболее	совету возможность наиболее
476	7 снизу	объедняющий	объединяющей
483	6 снизу	Началу перестройки	Начало перестройки
496	8 сверху	социально-чуждых	классово-чуждых
497	5 сверху	за окончание коллективизации	за окончание в основном коллективизации
497	22 снизу	и практической	их практической
497	1 снизу	к нему	к ним
506	3 снизу	с промышленных	промышленных
508	12 сверху	к ним	к соцсовместителям

Стр. 321 строка 27 сверху следует читать 19/II 1918 г.). Тов. Милютин на I съезде СНХ рисовал грандиозную (!!) программу засева миллиона десятин земли государственными фабриками и пролетарскими общественными организациями. Миллион десятин посевной площади—это возможность удовлетворить с государственных полей 30 % потребности городского населения в хлебе. Ю. Ларин поднимал эту цифру до 3 млн. десятин. В порядке реализации подобных наметок развертывалось строительство совхозов, предприни-